

Институт славяноведения РАН
Архивный институт Венгрии в Москве

**Венгерский кризис 1956 г.
в контексте хрущевской оттепели,
международных и межблоковых отношений**

Нестор-История
Москва; Санкт-Петербург, 2018

УДК 94
ББК 63.3(0)63
В 29

Рецензенты:

доктор исторических наук *Артем Акопович Улуян*
(Институт всеобщей истории РАН)

кандидат исторических наук *Анатолий Семенович Аникеев*
(Институт славяноведения РАН)

Редактор-корректор

Л.А. Авакова

Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / Редколлегия : А. Костриц, А.С. Стыкалин (отв. редактор), О.В. Хаванова. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. — 368 с.

ISBN 978-5-4469-1390-9

DOI: 10.31168/4469-1390-9

Венгерскому кризису 1956 г. посвящены сотни работ, опубликованных в разных странах мира, в самой же Венгрии память о драматических событиях «Будапештской осени» продолжает не только активно присутствовать в историческом сознании нации, но то и дело проявляет себя в политической жизни. Наряду со статьями, подготовленными по материалам российско-венгерской конференции, состоявшейся в ноябре 2016 г., и посвященными различным аспектам венгерских событий, включая отклик на них в СССР и мире, в сборник включены ранее не публиковавшиеся документы российских архивов, свидетельства участников и очевидцев событий. Книга рассчитана на историков, политологов, специалистов по проблемам международных отношений, журналистов, всех, кто интересуется ключевыми историческими событиями второй половины XX в.

Hungarian crisis of 1956 was the subject of hundreds of works published in different countries all around the world, in Hungary however the memory of the dramatic events of the “Budapest autumn” is present explicitly in historical consciousness of the nation, and regularly manifests itself in political life. Along with the articles prepared on the basis of the materials of the Russian-Hungarian conference held in November 2016 and devoted to various aspects of the Hungarian events, including the in the USSR and the world, the volume “The Hungarian crisis of 1956 in the context of Khrushchov Thaw, international and inter-bloc relations” includes previously unpublished documents of Russian archives, evidences of participants and witnesses of events. The book is intended for historians, political scientists, specialists in international relations, journalists, and anyone interested in the key historical events of the second half of the twentieth century.

ISBN 978-5-4469-1390-9

9 785446 913909

© Коллектив авторов, 2018

© Институт славяноведения РАН, 2018

© Архивный институт Венгрии в Москве, 2018

© Издательство «Нестор-История», 2018

Содержание

От редколлегии.....	5
<i>Кишиш-Фёльдвари Р.</i> Венгерское общество в 1956 году. Вместо предисловия.....	7

І. Кризис 1956 года в международном контексте

<i>Степанов А.С.</i> Военные кампании Красной (Советской) армии в сентябре 1939 г. в Польше и в ноябре 1956 г. в Венгрии. Некоторые исторические параллели	13
<i>Селиванов И.Н.</i> Кремлевская дипломатия в действии: события 1956 г. в Польше и Венгрии глазами А.И. Микояна	20
<i>Хорват М.</i> Венгерское восстание 1956 г. в контексте межблоковых отношений и Суэцкого кризиса.....	41
<i>Вергун А.С.</i> Дипломатическая деятельность Ю.В. Андропова в Венгрии в оценках отечественных мемуаристов (1953–1956 гг.)	54
<i>Гибианский Л.Я.</i> Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе	62
<i>Сабо Ч.</i> Венгерские церкви и 1956 год.....	92
<i>Стыкалин А.С.</i> К истории отклика партийно-государственного руководства СССР на венгерское восстание 1956 г. (Исторический контекст принятия Декларации 30 октября)	98
<i>Прозуменищikov М.Ю.</i> ЦК КПСС и международная реакция на события в Венгрии осенью 1956 года.....	105
<i>Мико Ж.</i> Революция 1956 г. во внешнеполитической пропаганде кадаровского режима и ситуация в Международной ассоциации юристов-демократов	117
<i>Волобуев В.В.</i> Польша и венгерское восстание 1956 года.....	126
<i>Едемский А.Б.</i> Милован Джилас: «венгерская революция является началом конца коммунизма вообще» (или о значении событий осени 1956 г. в трансформации Милована Джиласа в альтернативную публичную фигуру югославской политической сцены)	132

<i>Боттони С.</i> 1956 год в Румынии	157
Мурашко Г.П. Как руководству КПЧ удалось погасить радикализацию общественных настроений в ЧСР после XX съезда КПСС	161
<i>Волокитина Т.В.</i> «Болгарское эхо» 1956 года	170
<i>Якименко О.А.</i> Венгерский театр и 1956 год	186
<i>Гусев Ю.П.</i> Венгерская культурная политика после 1956 года	194
<i>Аксютин Ю.В.</i> Венгерский «порог» Хрущёва в глазах советской общественности.....	199
<i>Герасимова О.Г.</i> Реакция советского студенчества на события в Венгрии 1956 года	213

II. Документальные публикации

<i>Беленкин Б.И.</i> Венгерская повесть как яблоко раздора. История одной склоки (1954 г.).....	233
<i>Шереш А.</i> В плену событий. Граждане СССР в Венгрии — граждане Венгрии в СССР в октябре-ноябре 1956 г.	251
<i>Шереш А.</i> Французское посредничество в восстановлении диалога между венгерскими и советскими литераторами. Миссия писателя Веркора в СССР в феврале-марте 1957 г.	274

III. Отклики современников

<i>Стыкалин А.С., Серeda В.Т.</i> Венгерская революция 1956 г. глазами венгерского праволиберального писателя-эмигранта.....	309
--	-----

IV. Страницы воспоминаний

<i>Казимиров В.Н.</i> Будапештская пуля. Один эпизод в двух изложениях	329
--	-----

V. Устная история

<i>Стыкалин А.С., Лагурев А.С.</i> «1956 год я понимал как большое спонтанное движение». Из интервью Дьердя Лукача Иштвану Эрши	333
<i>Аристов В.В.</i> «Кто нам сегодня объяснит, за что погибли наши ребята в Будапеште?» Участник боёв в Будапеште о венгерских событиях 1956 года.....	352

VI. Мнение

<i>Мусатов В.Л.</i> «Кремль не мог махнуть рукой на происходящее»	357
Список основных сокращений.....	364
Сведения об авторах и редакторах.....	365

От редколлегии

К остродраматическим и во многом трагическим событиям, происходившим в Венгрии осенью 1956 г., было приковано внимание всего мира. Не удивительно, что именно собирательный образ венгерского борца за свободу был признан «человеком года» (1956 г.) по версии американского журнала «*Time*». Венгерскому кризису 1956 г. посвящены сотни работ, опубликованных в разных странах мира, в самой же Венгрии память о «будапештской осени» продолжает не только активно присутствовать в историческом сознании нации, но то и дело проявляет себя в политической жизни. При всем обилии публикаций не утихают споры о сущности тех событий, их истоках, международном значении, и мнения высказываются совершенно разные.

Сборник, предлагаемый вниманию читателя, подготовлен по итогам российско-венгерской конференции, состоявшейся 16–17 ноября 2016 г. в стенах Культурного, научного, информационного центра Венгрии в Москве. В качестве ее организаторов выступили Институт славяноведения РАН, Институт истории Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук, Культурный, научный, информационный центр Венгрии в Москве и Архивный институт Венгрии в Москве. В докладах конференции нашел отражение широкий круг вопросов:

- XX съезд КПСС и процессы десталинизации в странах советской сферы влияния в Восточной Европе;
- Венгрия, Польша и СССР в 1956 г.: три пути разрыва со сталинским наследием;
- Венгерское восстание 1956 г. в контексте Суэцкого кризиса и отношений Восток — Запад;
- Венгрия-1956 и усиление центробежных тенденций в мировом коммунизме;
- Венгерское восстание в восприятии советского общества и интеллектуальной элиты;
- Контрреформаторский «венгерский синдром» партийной элиты как фактор инерционного развития советской системы в 1950–1980-е годы;
- Уроки Венгрии-56 в сознании советских и восточноевропейских реформаторов;
- Кадаровская модель социализма как самый осязаемый плод венгерской революции. Потенциал и лимиты венгерского социализма 1960–1980-х годов;
- 1956 год в венгерском национальном сознании и национальной культуре.

Таким образом, в основе концепции проведенной конференции и подготовленного по ее итогам сборника лежало представление о том, что значение венгерской революции далеко переросло как узконациональные рамки, так и рамки двусторонних советско-венгерских отношений. Ведь она вошла в историю не только как наиболее значительное вплоть до 1989 г. антитоталитарное выступление в советской сфере влияния, когда в течение считанных дней фактически была разрушена вся система партийно-государственной власти, но и как серьезный феномен международных отношений, с учетом опыта которого в течение последующих четырех десятилетий строилась внешняя политика обеих сверхдержав и возглавляемых ими военно-политических блоков.

Наряду со статьями, сделанными на основе докладов конференции, в сборник включено документальное приложение, большая часть которого подготовлена в рамках научных проектов Архивного института Венгрии в Москве (директор в 2012–2015 гг. А. Шереш). Наряду с новыми, впервые вводимыми в научный оборот архивными документами из истории советско-венгерских отношений в 1950-е годы и отклика в СССР и мире на венгерскую революцию в книгу вошли свидетельства ряда непосредственных участников и очевидцев событий, в том числе переводы фрагментов интервью с всемирно известным философом-марксистом Дьердем Лукачем. Вниманию читателей предлагается также ряд публицистических текстов одного из крупнейших венгерских писателей XX в. Шандора Марай, написанных в эмиграции в дни венгерской революции 1956 г. и отражающих его отношение к этому грандиозному событию.

Редколлегия выражает благодарность за поддержку проекта Венгерскому культурному центру в Москве и его директору Аните Хеди, Государственному архиву Венгрии и его директору Чабе Сабо, венгерскому Комитету национальной памяти и его председателю Реке Киш-Фёльдвари. Особого упоминания заслуживают переводчики-синхронисты, обеспечившие два дня плодотворных дискуссий в ходе работы конференции, Михаил Владимирович Корзинкин и Эндре Небольсин. Перевод текстов с венгерского языка выполнен В.Т. Середой, А.С. Стыкалиным, М.В. Корзинкиным, а также — в рамках учебного процесса — студентами-филологами Санкт-Петербургского государственного университета под руководством О.А. Якименко. Литературное редактирование рукописи выполнила старший научный сотрудник научно-образовательного центра славистических исследований Института славяноведения РАН Лариса Альфредовна Авакова.

Р. Кишш-Фельдвари

Венгерское общество в 1956 году. Вместо предисловия

1956 год мы, венгры, вспоминаем как одно из самых значительных событий нашей истории XX в. Но мы также знаем, что венгерская революция 1956 г. была событием международного масштаба, приобретшим немалое символическое значение. В разделенной железным занавесом Европе она на несколько десятилетий стала метафорой борьбы за свободу против диктатуры. Не только потому, что со времени окончания Второй мировой войны это был первый крупный конфликт холодной войны в Европе. И не только потому, что это была первая в Европе революция против тоталитаризма, но еще и потому, что благодаря современным СМИ люди на Западе могли следить за ходом венгерской революции практически синхронно с происходившими событиями. Фотографии и кинохроника, запечатлевшие восставшую Венгрию, интенсивно транслировались на широкую аудиторию, позволяя ей живо представить себе потрясающие картины революции: и ее подобное взрыву начало, и то, как рабочие и студенты, очень простые люди (зачастую с весьма симпатичными, судя по киноплёнке, лицами) практически безоружными вели борьбу против одной из мировых сверхдержав.

Когда мы вновь и вновь размышляем об истории венгерской революции и освободительной борьбе 1956 г., последовавших за ней репрессий и ставим вопросы, на которые предстоит дать ответы на основании венгерских и советских источников, необходимо иметь в виду, что венгерский 1956 год оказал воздействие на процессы и явления, происходившие по обе стороны железного занавеса, в долгосрочной перспективе.

Чтобы дать сколько-нибудь обобщающую картину того, в каком состоянии застала революция венгерское общество, надо попытаться хотя бы кратко затронуть два основных вопроса, вокруг которых и сегодня проходят бурные дискуссии:

1. Почему из всех стран советского блока революция разразилась именно в Венгрии?

2. Каковы были главные отличительные черты этой революции?

Итак, почему именно в Венгрии. Вопрос не столь уж прост, ведь после 1945 г. вся Восточная и Центральная Европа всё возрастающими темпами превращалась в зону массивированного советского влияния. Разные народы, населявшие эти регионы, пострадали от крепнувшей коммунистической диктатуры, точно так же, как ранее схожим образом от нее пострадали народы Советского Союза. К тому же, с начала 1950-х годов сталинский режим везде демонстрировал схожие признаки кризиса.

Однако есть в венгерской истории характерные черты, которые частично могут помочь понять, почему после событий в Восточном Берлине (июнь 1953 г.) и Познани (июнь 1956 г.) именно здесь, в Венгрии, сопротивление режиму советского типа достигло самого мощного размаха. Во-первых, как ни в одном, пожалуй, другом государстве региона здесь блеснула надежда — пусть на короткое время и при всей её уязвимости — на то, что в стране всё же сохраняются шансы на установление парламентской демократии. Ведь в ноябре 1945 г. в Венгрии были проведены, пусть и с ограничениями, но все же свободные парламентские выборы. Коммунисты потерпели на них поражение, и так называемая партия мелких хозяев (большая партия разнородных политических сил) получила более 50 % голосов. В 70-летней исторической ретроспективе мы понимаем, конечно, иллюзорность таких надежд в тех конкретных условиях: демократические преобразования были невозможны при том объеме реальной власти, которой обладали коммунисты, опиравшиеся на советскую помощь.

И всё же пережитый многими людьми опыт, пусть иллюзорный, реального демократического выбора (при всей амбивалентности тогдашней ситуации) оказал огромное влияние на дальнейшее развитие венгерского общества. Тем более что за годы жесткой диктатуры эпоха первых ростков демократии подверглась переоценке и стала более привлекательной. Поэтому понятно, почему в 1956 г. венгры обратили взоры на символический 1945 г., когда формулировали свои требования. (Это уже позже коммунистическая пропаганда Яноша Кадара подавала дело так, как будто восставшие стремились к реставрации межвоенной эпохи. На самом деле среди требований революции нет и следа каких-либо планов реставрации хортизма).

Нам сейчас хорошо известно, что начиная уже с 1945 г. коммунисты практически сразу взяли «под прицел» все силы, способные противостоять будущей диктатуре: политические партии, исторические церкви, бывшие политическую и культурную элиты, буржуазные круги, обладавшие собственностью, зажиточное крестьянство, организованный рабочий класс, представляемый на политической арене социал-демократами и, в конце концов, отдельные группы самих коммунистов. В 1950-е годы в Венгрии каждая третья семья подверглась преследованиям. Это значительная часть населения. Когда мы говорим о том, что в Венгрии была установлена тотальная диктатура, это означает, что никто не мог чувствовать себя в безопасности. Диктатура создавала угрозу для каждой общественной группы.

К тому же, давление диктатуры сопровождалось пропагандистской кампанией, в ходе которой объявлялись враждебными властям целые слои общества. Диктатура осуществляла наступление на основополагающие индивидуальные права и права общественных групп. Она стремилась к ограничению политических прав и свобод, частной собственности, деятельности церквей, национальных традиций и патриотических чувств.

Здесь мы приблизились к другой часто упоминаемой специфической причине того, почему именно в Венгрии произошла революция. Причина эта заключается в том, что в условиях полного нарушения всеобщих прав человека и массового террора по отношению к населению, при чрезвычайно плохих условиях жизни в венгерском обществе сильнее, чем в других странах (не забудем к тому же, что Венгрия вышла из войны в качестве побежденной страны!), укреплявшейся из года в год диктатурой подавлялось национальное чувство, оскорблялись национальные ценности. Ска-

жем так: если в некоторых других странах коммунисты всё же иногда «подслащали пиллюлю», совершая жесты, способные польстить национальному самолюбию, то в Венгрии они крайне грубо подавляли элементарные национальные чувства.

Установленный после войны новый мир в его венгерском прочтении, таким образом, оказался эпохой национального унижения, и это чувство только усугублялось режимом советского типа и внешнеполитической зависимостью (в которой проявилась общая судьба народов региона). Восстание против этого унижения — таково было главное содержание венгерской революции.

Надо иметь также в виду, что период времени между 1953 и 1956 г. явился своеобразным отрезком в истории Венгрии. После смерти Сталина в масштабе региона сразу проявился кризис всей системы. В Венгрии, как и в соседних странах, его вначале хотели врачевать внутренними реформами, не затрагивающими сущностных структур политического строя, путем небольших корректировок, т. е. сменой внутрипартийных элит, и конечно же, при одобрении Советского Союза. Внутрипартийную политическую альтернативу олицетворял премьер-министр Имре Надь. Вокруг него сгруппировалась коммунистическая интеллигенция, стремившаяся порвать со сталинизмом. В 1955 г. Надь потерпел поражение во внутриполитической борьбе. Опять-таки с санкции советского руководства в венгерской политике возобладала «твердая и непоколебимая», а по сути твердолобая, прежняя коммунистическая линия. После краткого периода «оттепели» произошел возврат руководства к насильственным методам построения социализма. Это вызвало сильное разочарование, страх и отчаяние не только в венгерском обществе в целом, но и внутри властной элиты, среди коммунистов-реформаторов.

Из книг по истории мы знаем, что не каждый гнёт приводит к революции. Еще Алексис де Токвиль писал, что революций не происходит без надежд на изменение. Венгерское общество пережило такие надежды дважды: в 1945 г. и в 1953 г. Известный венгерский мыслитель Ласло Немет заметил, что революции обычно происходят не просто в угнетенных обществах, а в тех, где развитие пытаются повернуть вспять. Именно это случилось в Венгрии в 1955 г. В конце концов дело закончилось взрывом. Национальное унижение, каждодневное противостояние диктатуре, а с другой стороны, надежды на изменения и последующее разочарование — всё это в совокупности привело к революции. Уже как минимум за полгода до нее проявились многие признаки брожения, состояния, близкого к общественному взрыву. Но на эти признаки власть отреагировала крайне негативным способом.

Во второй половине дня 23 октября 200 тыс. человек вышли на улицы Будапешта. Тысячи венгров мирно продемонстрировали стремление к свободе, демократии и национальной независимости. Руководство венгерской компартии проявило очевидную нерешительность и неспособность к принятию решений — впало в панику. В конце концов, после многих проволочек оно разрешило демонстрацию, но не смогло удержать её под контролем и применило вооруженную силу против безоружных людей. Уже после полудня 23 октября в провинции — в Дебрецене — расстреляли залповым огнем безоружных мирных демонстрантов, а вечером того же дня в Будапеште начались вооруженные столкновения перед зданием Венгерского радио. Прошло всего несколько часов, и еще недавно всевластный сталинистский режим в Венгрии оказался полностью парализованным и недееспособным. Тотальная диктатура, в распоряжении которой находились вооруженные силовые структуры,

практически развалилась. На рассвете следующего дня венгерские политические руководители запросили советскую военную помощь. Революция всего за несколько часов превратилась в национально-освободительную борьбу.

Следует также ответить на вопрос: а каковы были наиболее важные особенности революции и освободительной борьбы в Венгрии. Во-первых, хотелось бы отметить ее спонтанный характер. Одним из неожиданных поворотов, произошедших 23–24 октября, было то, что в течение считанных минут совершенно стихийно возникли вооруженные центры освободительной борьбы. Во главе ее зачастую вставали простые люди, выдвинувшиеся из среды самих восставших. О деятельности повстанческих групп мы располагаем весьма скудными письменными источниками. Причем некоторые источники, в частности, относящиеся к периоду послереволюционных репрессий протоколы с признаниями осужденных, по понятным причинам, крайне искажают суть происходившего. Поэтому каждый новый вводимый в научный оборот источник может обогатить наши представления о той эпохе.

Вернусь к теме стихийности революции. Ведь венгерский 1956 год нельзя связать с деятельностью какой-либо крупной фигуры, вождя, лидера революции. Этим объясняется и своеобразие фигуры Имре Надя. В ответ на требования толпы коммунистическая партия вновь ввела его в свое руководство, затем он был назначен премьер-министром. Мы хорошо знаем, что И. Надь не хотел революции, более того, в ее первые дни он отвергал революционные требования, надеялся разрешить кризис путем переговоров с твердолобыми сталинистами, т. е. мирным путем. Премьер-министр шаг за шагом пришел к осознанию того, что во имя мира ему необходимо принять требования революции. Однако эти требования далеко выходили за рамки реформирования коммунистической системы, ведь речь шла о выводе советских войск, обеспечении национальной независимости, были выдвинуты и классические требования демократического обустройства политической системы. Применительно к И. Надю можно с полным правом утверждать: он был премьер-министром во время революции, однако он не был премьер-министром революции. В то же время вследствие того, что он в итоге принял требования революции, он стал ее жертвой.

Нельзя забывать о том, что у революции 1956 г. была и другая важная черта, которой раньше уделяли недостаточное внимание: она отнюдь не ограничивалась столицей, Будапештом. В то время как в Будапеште происходили уличные сражения, в провинции мирным путем была ликвидирована система органов власти советского типа. Даже в самых малых населенных пунктах страны возникли новые автономные органы, строившиеся на принципах подлинного самоуправления, так называемые национальные комитеты, а на производстве — рабочие советы. Венгерское общество проявило невиданную зрелость. Власть на местах, по сути, развалилась, на короткое время образовался вакуум, до тех пор, пока не стали зарождаться новые самоорганизующиеся революционные структуры. Их деятельность, как правило, не вызвала анархии, поскольку везде находились и выходили на авансцену люди, которые не только принимали на себя решение задач, но и оказались способны к преодолению трудностей. В венгерских городах и селах начался процесс формирования демократического общества. Вдруг неожиданно выяснилось, что общество, пережившее за одно десятилетие две тоталитарные диктатуры, располагало таким потенциалом, что могло собственными силами, при отсутствии настоящих политических руководителей, формировать основные демократические институты.

Необходимо отметить и еще две специфических особенности венгерской революции. Одна из них заключается в том, что кроме узкой группы коммунистов, находившихся у власти, все значительные общественные группы поддержали революцию. Достаточно вспомнить студентов, сформулировавших свои программные требования накануне 23 октября; квалифицированных рабочих, взявших на себя важные функции в рабочих советах; неквалифицированных рабочих, которых было так много среди вооруженных повстанцев; крестьян, вошедших в сельские национальные комитеты; объединившихся представителей интеллигенции, которые и после 4 ноября играли активную роль в организации политического сопротивления. По подсчетам профессора Яноша М. Райнера, в дни революции примерно один миллион человек принимал участие в революционных событиях (имеются в виду, конечно, не только вооруженные бойцы и активисты местных национальных комитетов и рабочих советов, но и те, кто просто участвовал в выборах этих структур). Один миллион человек в стране, где тогда проживали менее 10 миллионов. Поэтому с полным правом можно сказать, что революция 1956 г. стала самым массовым явлением в венгерской истории. Если мы проанализируем политическую ориентацию и изучим жизненный путь местных руководителей, то увидим, что в революцию пришли люди с очень разными политическими взглядами и системой ценностей. Среди них были социалисты, коммунисты-реформаторы, сторонники так называемого третьего пути, представители партии мелких хозяев, правые консерваторы и христианские политики. Но при всех идеологических различиях этих людей объединяло решительное принятие определенной ценностной парадигмы, включавшей в себя такие принципы как свобода, демократия, национальная независимость, соблюдение законности.

Отсюда вытекает и еще одна особенность венгерской революции: речь идет о неизменном стремлении многих людей, в нее вовлеченных, к соблюдению порядка и законности. Показательно, что в те дни совсем не были характерны кражи товаров из разбитых витрин магазинов, продукты питания, предназначенные для вооруженных бойцов, как правило, оплачивались командирами отрядов. Акты народного возмездия, самосуды, как известно, имели место, хотя и не повсеместно; где такие вещи все-таки происходили (особенно известны инциденты в Будапеште на площади Республики, в Мишкольце, Мадьярваре), там отчетливо наблюдалось и проявлявшееся снизу стремление к восстановлению порядка, дабы избежать дальнейшего кровопролития. Другое дело, что позже коммунистическая пропаганда постаралась представить разрозненные трагические события в качестве некоего всеобщего, систематического явления. Не будем также забывать: во время самой революции так и не были организованы чрезвычайные суды для привлечения к ответственности коммунистов, совершавших нарушения законности, практиковавших пытки. Однако позже пропаганда утверждала, что такие суды создавались.

Факты свидетельствуют о том, что в Венгрии начала ноября существовали все условия для внутривнутриполитической консолидации. 28 октября 1956 г. Имре Надь признал революцию. Тем самым открылась возможность политического урегулирования конфликта. 3 ноября было сформировано правительство на многопартийной, коалиционной основе. Но как известно, 4 ноября новый ввод советских войск, решение о котором было принято 31 октября, положил конец деятельности правительства. При огромном военно-техническом преимуществе советских войск,

которое повстанческие группы стремились компенсировать изобретательностью, вооруженное сопротивление смогло продержаться примерно в течение недели. Однако после этого развернулось необычайно широкое, массовое сопротивление советским войскам, но прежде всего новому, воспринимавшемуся как нелегитимное, правительству, принявшее иные, политические формы. Оно продолжалось более двух месяцев. Венгерское общество возродило рабочие советы, вспыхивали забастовки, при этом формирование двоевластия угрожало марионеточному правительству Я. Кадара. Революция не дала себя легко победить. (Для создания более полной картины всего происходившего представляют несомненный интерес и источники, хранящиеся в российских архивах и еще не введенные в научный оборот). Уже в ноябре начались аресты, в декабре имели место расстрелы безоружных гражданских лиц, чрезвычайные суды (трибуналы) выносили смертные приговоры, что нарушало элементарные нормы правосудия в правовом государстве. К весне 1957 г. была выстроена сеть особых политических судов, что сделало возможным проведение массовых судебных процессов. Более 80 % заключенных в тюрьмы и казненных составляли отнюдь не выходцы из прежней, в частности, хортистской элиты, а лица рабочего и крестьянского происхождения. Их средний возраст не превышал и 30 лет. И после освобождения участников революции из тюрем по амнистии за ними продолжала наблюдать тайная полиция, на них накладывались разного рода ограничения, а их дети подвергались дискриминации при поступлении в университеты.

Венгерская революция 1956 г. оказала долгосрочное воздействие на развитие отнюдь не только Венгрии. Её самым важным уроком и следствием в международном плане явилось то, что западный мир принял как данность на обозримое будущее разделенность Европы. А страны советского блока должны были принять к сведению, что в долгосрочной перспективе им придется жить в условиях советской гегемонии. Руководство СССР в свою очередь поняло, что по определенным вопросам ему придется пойти на уступки и, в частности, оно теперь уже не сможет продолжать политику открытого, неприкрытого насилия. Другими словами, опасения того, что не дай бог где-нибудь еще раз случится «венгерский 1956 год», навсегда наложили клеймо на советскую политику. Итог венгерской революции и особенно размах репрессий против ее участников вызвали разочарование в среде западной левой интеллигенции. Достаточно в этой связи указать на Альбера Камю или Жана-Поля Сартра. При этом воздействие венгерской революции 1956 г. обладало одним историческим парадоксом. В краткосрочной перспективе, с точки зрения реальной политики эта революция забетонировала в Венгрии советские властные структуры, вместе с тем результатом ее подспудного влияния стали эрозия коммунистической власти, нарушения в ее функционировании. Наследие венгерского 1956 года интересно осмыслить и с этой точки зрения.

Венгерская революция 1956 года была действительно многоаспектным событием мирового масштаба, подлежащим дальнейшим дискуссиям и размышлениям. В истории этого события остается все еще много открытых вопросов, ждущих своих ответов. Приблизиться к ним призвана помочь и нынешняя книга, подготовленная по итогам конференции, проведенной в ноябре 2016 г.

Перевод с венгерского М.В. Корзинкина

I. Кризис 1956 года в международном контексте

А.С. Степанов

Военные кампании Красной (Советской) армии в сентябре 1939 г. в Польше и в ноябре 1956 г. в Венгрии. Некоторые исторические параллели

События в Польше и Венгрии 1956 г. объединяет с событиями 1939 г., связанными с нападением на Польшу, следующее обстоятельство: все они никогда не были раньше и не являются сейчас популярными для отечественных исследователей темами; и в том, и в другом случае сознательно замалчиваются масштабы применения вооруженной силы и масштабы потерь советской стороны, и в том, и в другом — при объяснении сути событий до сих пор используются термины советского периода, имеющие в основе своей исключительно доктринально-пропагандистский характер. И в том, и в другом случае зачастую происходит подмена исторического анализа событий пропагандой и мифологизацией.

Разумеется, события сентября 1939 и октября-ноября 1956 г. по своей политической природе различны (если кризис социализма в Венгрии можно типологически сопоставить с кризисом социализма в той же Польше в 1956 г. или в Чехословакии в 1968 г., то сентябрь 1939 г. — это совершенно иное явление). Тем не менее, они могут быть сопоставлены в одном аспекте — с точки зрения особенностей применения советской военной силы.

Так как во время событий в Венгрии речь о смене социалистического строя в стране не шла (был поднят лишь вопрос о выходе ее из ОВД), можно сделать вывод о том, что под определение «борьба против внутренней контрреволюции» (как и в случае с Чехословакией 1968 г.) подпадала и борьба с политическим режимом той или иной страны, который не устраивал советское руководство, если даже и не порывал с социализмом.

В 1956 г. одним из краеугольных пунктов обоснования вмешательства стал объявленный правительством Нада политический нейтралитет Венгрии. Здесь сработал механизм реализации той самой модели, которую позже, с 1968 г., неофициально (и, на наш взгляд, ошибочно) объявили «доктриной Брежнева». Суть ее заключалась в том, что «ни одна из стран, вошедших в лагерь социализма, не может выйти из него обратно». Но уже в начале 1970-х годов некоторые исследователи (в том числе профессор Владислав Кульски в книге «СССР в мировой политике») замечали, что отнюдь не Брежнев является создателем подобной доктрины, и прямо отсылали читателя к событиям 1956 года¹. Фактически, это была «доктрина Хрущева», лишь воспроизведенная позже в несколько модифицированном виде.

Из числа работ, изданных в Польше и связанных с этой темой, можно отметить публикацию Анджея Смолинского «Советская армия в борьбе с венгерской революцией 1956 г.», где также подчеркивается, что возможность советского военного вмешательства с целью «защиты системы» в октябре 1956 г. отнюдь не ограничивалась одной только Венгрией².

Польша 1939 г. и Венгрия 1956 г. — нежелательные и, можно сказать, неудобные темы в отечественной исторической науке. Хотя специального исследования истории советско-польской войны 1939 г. на уровне монографии в России до сих пор не создано, упомянем одну из немногочисленных отечественных работ, касающихся этой темы — монографию М.И. Мельтюхова³. Но, собственно, на советско-польскую войну осени 1939 г. приходится не основная часть монографии, а менее 20 % от общего объема текста. Та же тенденция проявилась и в работе, подготовленной специалистами Института российской истории РАН и посвященной 70-летию начала Второй мировой войны: в ней событиям вокруг Польши была отведена глава пятая — «Документальная хроника военного похода в Западную Белоруссию и в Западную Украину. Сентябрь-октябрь 1939 г.»⁴ Автор данной главы Т.С. Бушуева из 154 имевшихся в тексте ссылок привела лишь три на польские работы и, кроме того, широко практиковала использование различного материала, не подтверждаемого абсолютно никакими ссылками на источники.

Как это ни покажется странным и даже парадоксальным, но события в Венгрии 1956 г. были «смазаны» в двух фундаментальных сборниках Института всеобщей истории РАН, посвященных, соответственно, процессам холодной войны⁵ и локальным войнам и конфликтам в XX в.⁶ Книга «Холодная война. 1945—1963» представляла собой некоторое исключение в том смысле, что венгерскому кризису 1956 г. было уделено приличествующее внимание, однако даже там эта тема остается как бы в тени и подлинная роль венгерской революции в контексте истории холодной войны раскрывается неполно. В монографии А.А. Фурсенко о России и международных кризисах середины XX в.⁷, где рассматриваются суэцкий, берлинский и кубинский кризисы, венгерский фактически не упоминается даже в связи с Суэцким, в тесной взаимосвязи с которым он разворачивался. Это можно объяснить тем, что историки, сосредоточенные на межблоковых отношениях, зачастую не всегда оценивали по достоинству те кризисы в истории холодной войны, которые хотя и имели внутриблоковый характер, но вместе с тем приобретали глобальный резонанс и вызывали серьезные последствия, поскольку заставляли каждую из сторон в межблоковом конфликте корректировать свою политику и принимать принципиальные решения. Это венгерский 1956 г., чехословацкий 1968 г., польский 1980—1981 гг. кризисы. Налицо некоторая тенденция к недооценке глобального значения восточноевропейских кризисов с участием СССР, она проявилась в том числе и в работе такого видного российского специалиста по истории международных отношений как покойный академик А.А. Фурсенко.

Существует официальный «Перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации» — это Приложение к Федеральному закону «О ветеранах». В первом разделе к нему, помимо всего прочего, упоминаются: «Советско-польская вой-

на: март — октябрь 1920 года» и «Боевые действия при воссоединении СССР, Западной Украины и Западной Белоруссии: с 17 по 28 сентября 1939 года». Отметим, что слово «война» во втором случае отсутствует. А то, что во время «освободительного похода» в 1939 г. Красная армия вела боевые действия, не отрицалось даже советской пропагандой.

Посетив в августе 2015 г. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры и искусства «Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации» Министерства обороны Российской Федерации (ФГБУ «ЦМВС РФ» Минобороны России), автор этих строк убедился в том, что в обновленной экспозиции о советско-польской войне 1939 г. не говорится. Вместо нее в экспозиции Зала № 8 «РККА и РККФ накануне Великой Отечественной войны» на стенде «Внешняя политика СССР в 1939—1941 гг.» представлен всё тот же «Освободительный поход в Западную Белоруссию и Украину 17.09.1939 — 29.09.1939», что не только воспроизводит сталинские оценки тех событий, но и противоречит даже соответствующей официальной формулировке из приложения к Федеральному закону «О ветеранах».

И в 1939 г., и в 1956 г. советское руководство и пропаганда стремились не допустить огласки подлинных масштабов и продолжительности боевых действий, а также максимально засекретить имеющиеся потери и скрыть всю негативную информацию о событиях от собственного населения. Все это сочеталось с предельно циничным отношением как к погибшим, так и к их родственникам. Эта тенденция сохраняется вплоть до настоящего времени. Например, советские действия в Польше представляются не как война, а как «миротворческая операция»⁸.

Рассмотрим теперь применение авиации в названных событиях, что само по себе говорит о масштабности военных кампаний. Только авиация Украинского фронта в первый день кампании в Польше — 17 сентября 1939 г. — совершила 618 боевых вылетов, из них 236 бомбардировщиками СБ. Это было сопоставимо с воздушными атаками СССР на Финляндию в первый день Зимней войны!

Обычно, говоря о военных аспектах событий 1956 г. в Венгрии, подразумевают наземные столкновения в городских условиях. Однако к 23 ч. 23 октября советская авиация была приведена в боевую готовность — две истребительные (ИАД) и две бомбардировочные (БАД) авиационные дивизии, дислоцированные как в Венгрии, так и в Прикарпатском военном округе, всего — 159 истребителей и 122 бомбардировщика⁹. Всего же советские ВВС за время венгерских событий совершили около 1300 боевых вылетов. Причем самолеты дислоцированной в Венгрии 155-й ИАД (три авиаполка) в период с 24 октября по 24 ноября 1956 г. совершили 570 самолетовылетов. Из них 143 — в целях прикрытия войск, 140 в разведывательных целях, 38 — для штурмовки позиций повстанцев*, 23 — в целях блокирования венгерских аэродромов, 16 — для сопровождения своих транспортных самолетов, 15 — на перехваты нарушителей.

* Так, 7 ноября восемь самолетов МиГ-17 осуществляли штурмовку позиций одной из венгерских зенитных батарей в районе населенного пункта Дунапентеле, оказывавшей сопротивление советским войскам.

После разгрома основных сил повстанцев авиация использовалась для уничтожения остатков их отрядов. Так, в середине ноября 1956 г. генерал-майор КГБ А.М. Гуськов на вертолете совместно с командованием советских войск облетел район расположения сил повстанцев на расстоянии 10–15 км от города Печ на юге Венгрии: «мы <...> приняли решение разгромить этот лагерь минометным огнем, а с воздуха на вертолете координировать стрельбу. Подтянули оружие и ударили по самому центру этого сброда»¹⁰.

В СССР советские участники польских и венгерских событий никогда не были в почете. Число же жертв последних было не просто засекречено, но и на закрытом уровне в полном объеме не было известно и остается неизвестным до сих пор. Даже по поводу обстоятельств награждений за участие в венгерских событиях секретность сохранялась вплоть до распада СССР.

По неполным данным, части Красной армии, НКВД и гражданский персонал потеряли в войне против Польши 1583 человека за время существования Украинского и Белорусского фронтов. «В настоящее время можно с полным основанием говорить о том, что польскую кампанию Красной армии сталинское руководство пыталось замаскировать цифрами человеческих потерь, заниженных примерно вдвое», — указывает В.А. Токарев, который привел эти данные¹¹.

Точно такая же пропорция занижения потерь существует и в отечественных работах XXI в. Например, согласно данным статистического исследования, подготовленного сотрудниками Генштаба и Военно-мемориального центра ВС РФ (позже переименован в Управление Минобороны по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества) и изданного в 2010 г., сообщается, что советские танковые войска в «освободительном походе» понесли следующие потери: 52 человека были убиты и умерли от ран, а 81 — ранены¹². Согласно же опубликованным еще в 1994 г. материалам польского исследователя Я. Магнуского и российского историка М. Коломийца, основанным на изысканиях в российских архивах, в боях в Польше по 2 октября 1939 г. включительно только по неполным данным 90 танкистов были убиты, 18 пропали без вести и 152 ранены¹³. Как видим на этом примере, Минобороны РФ до сих пор занижает людские потери Красной армии в польской кампании 1939 г., несмотря на то, что в научный оборот уже введены совершенно иные данные, взятые из российских же архивов. В упоминаемой выше монографии М.И. Мельтюхов также привел не соответствующие действительности данные о потерях советской стороны в людях и боевой технике, таким образом, замалчивая и степень напряженности боевых действий, и проблемы Красной армии, вскрывшиеся в ходе польской кампании. Так, им сообщалась информация о 17 танках, потерянных РККА¹⁴. Согласно же данным Я. Магнуского и М. Коломийца, в боях в Польше по 2 октября 1939 г. потери двух фронтов в бронетехнике по неполным данным составили 471 единицу.

Перейдем теперь к рассмотрению биографий некоторых Героев Советского Союза, которые имеют отношение к исследованию нашей темы, т. е. участия и потерь советских войск в событиях 1939 и 1956 гг. Вот какую информацию сообщает В.А. Токарев: «Первое принципиальное решение, повлиявшее на модель освещения польской кампании, приняли в Кремле сразу же после получения досадной информации о гибели дважды Героя Советского Союза С.И. Грицевца на аэродроме Болбасово близ Орши». В результате информацию засекретили,

а смерть известного летчика временно скрыли даже от родных. «Возникла парадоксальная ситуация. <...> Как оказалось, официальные инстанции, однажды утаив гибель Грицевца, не считали возможным постфактум информировать широкую общественность об оршанской трагедии»¹⁵.

Двадцать лет спустя ничего не изменилось. Присвоение в СССР в конце 1956 г. более чем двух десятков званий «Героя Советского Союза» сопровождалось определенными жесткими ограничениями информации.

Засекреченность ограждала эту самую информацию не столько от Запада, сколько от советских людей. Подобное положение сохранялось и далее. В изложении биографии одного из награжденных посмертно участников венгерских событий (Ярцев Владимир Егорович), которая была размещена в биографическом словаре, изданном в 1988 г., т. е. опубликованном всего за три года до распада СССР, отсутствуют:

- а) обстоятельства подвига;
- б) время смерти;
- в) место смерти;
- г) место захоронения;
- д) наименование части.

Если такое положение дел существовало в конце 1980-х годов, то как изменилась ситуация сейчас?

В 1998 г. в рамках Федеральной программы книгоиздания России был издан десятый том «Книги памяти», посвященный «памяти советских граждан, принимавших участие в боевых действиях за пределами СССР после Второй мировой войны». В аннотации к книге указано, что «Поименная “Книга памяти” издана в соответствии с Законом Российской Федерации от 14 января 1993 года “Об увековечении памяти погибших при защите Отечества”, Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 1004, Распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 августа 1995 года № 1177-р».

В 2002 г. в рамках Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» было издано также уже знакомое читателю коллективное исследование «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века», подготовленное Институтом военной истории Министерства обороны Российской Федерации.

В этих изданиях в пофамильном перечне «Советские военнослужащие, погибшие в Венгрии» отсутствовали данные про упоминавшегося выше начальника связи эскадрильи гвардии старшего лейтенанта Ярцева Владимира Егоровича, получившего звание Героя Советского Союза посмертно!

Обратимся к материалу, взятому из раздела «Герои Советского Союза на тверской земле» интернет-сайта Общественной палаты Тверской области, который был подготовлен к 30 марта 2014 г. — 80-летию со дня рождения А.Д. Соловьева, погибшего в Венгрии:

«Поскольку герои-танкисты Алексей Соловьёв и Иван Горячёв служили в одном полку, погибли в один день в одном и том же бою под Кечкеметом и лежат в одной братской могиле, можно предположить, что они входили в один танковый экипаж: первый был командиром танка, а второй — механиком-водителем. Но с этих документов до сих пор не снят гриф секретности»¹⁶.

Историк В.А. Токарев, проанализировав судьбу 1405 бойцов и командиров РККА, погибших в Польше осенью 1939 г., выяснил, что только по 259 из них в официальных документах было указано точное место захоронения (т. е. в 18,4 % случаев) и только в 30 % случаев была указана точная дата гибели. Это означает, что, согласно доступным советским документам, свыше 80 % из погибших в Польше в 1939 г. погибли неизвестно где, а 70 % — неизвестно когда! Автор отметил, что «иногда погибшие приписывались к несуществующим воинским частям и нередко лишались права иметь последнюю прописку во времени и пространстве»¹⁷. Снова обратимся к уже упоминавшимся ранее материалам сайта Общественной палаты Тверской области. «Осенью 1956 года в ходе операции “Вихрь” в Венгрии погибли 44 бойца и командира 11-й гвардейской мехдивизии, в том числе и сержант-танкист Алексей Соловьёв. <...> Он похоронен в братской могиле на воинском кладбище в городе Кечкемет, расположенном в центральной части Венгрии, в 86 км к юго-востоку от Будапешта. Родственникам погибших воинов советские власти категорически запретили посещение кладбища, им было запрещено даже показывать похоронки, и члены семей не получили никаких положенных в таких случаях льгот»¹⁸.

Таким образом, даже к собственным командирам и бойцам, выполнявшим волю советского же государства и погибшим, отстаивая его мнимые интересы, руководство СССР отнеслось как к расходному материалу.

Примечания

- 1 Подробнее см.: *Kulski W.* The Soviet Union in world affairs: A doc. analysis, 1946–1972. Syracuse (New York), 1973. P. 313–315.
- 2 *Smoliński A.* Armia Radziecka w walce z rewolucja węgierska 1956 roku // *Przegląd Historyczno-Wojskowy.* Warszawa, 2012. Roc XIII (LXIV). № 4 (242). S. 213.
- 3 *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Белый орел против красной звезды. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. (Первое издание вышло в 2001 г.)
- 4 К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии: Колл. монография. / Авторы: А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров, Ю.Л. Дьяков, Л.П. Колодникова, Т.С. Бушуева, А.В. Серегин. М., 2009. С. 144–256.
- 5 Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003.
- 6 Война и общество в XX веке: в 3 кн. / Рук. проекта и сост. О.А. Ржешевский. М., 2008. Кн. 3. Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века.
- 7 *Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы: середина XX века. М., 2006.
- 8 *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. С. 602.
- 9 Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 86.
- 10 *Гуськов А.М.* Под грифом правды: Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации. М., 2004. С. 238.
- 11 *Токарев В.А.* «Похоронен у деревни Павшино...»: презентация потерь и мемориальная практика советской стороны в польскую кампанию 1939 г. // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. Челябинск, 2007. С. 220.
- 12 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Авторы: Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. М., 2010. С. 166.

- 13 *Magnuski J., Kolomiec M.* Czerwony blitzkrieg. Warszawa, 1994. S. 87.
- 14 *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. С. 597.
- 15 *Токарев В.А.* «Похоронен у деревни Павшино...». С. 210, 226–227.
- 16 См.: <http://www.optver.ru/rodoslovnaya/heroes/1554-2014-03-30-2> (дата последнего посещения 15. 04. 2018).
- 17 Подробнее см.: *Токарев В.А.* «Похоронен у деревни Павшино...». С. 220, 226.
- 18 См.: <http://www.optver.ru/rodoslovnaya/heroes/1554-2014-03-30-2> (дата последнего посещения 15. 04. 2018).

И.Н. Селиванов

Кремлевская дипломатия в действии: события 1956 г. в Польше и Венгрии глазами А.И. Микояна

Внешнеполитическую деятельность партийных и государственных деятелей СССР, которая напрямую не была связана с повседневной работой советского МИДа, условно можно определить термином «кремлевская (партийная) дипломатия». Одним из ее ярких представителей являлся Анастас Иванович Микоян (1895–1978), личность которого до сих пор вызывает неоднозначные оценки. С именем Микояна, несколько десятилетий входившего в состав высших партийных и государственных органов, связывают важные вехи истории внешней политики СССР, особенно после XX съезда КПСС. За активную внешнеполитическую деятельность в середине 1950-х — начале 1960-х годов его на Западе часто называли советским «теневым министром иностранных дел».

На 1956 г. пришелся пик активности Микояна в международных делах, особенно в неформальном статусе «кризисного менеджера», гасившего постоянно вспыхивавшие с разной степенью накала конфликты внутри «лагеря социализма». Всего в том году Микоян совершил 19 международных поездок в страны Восточной Европы и Азии¹, что значительно превышало количество аналогичных вояжей других представителей высшего советского руководства.

Кризисные события в Польше и Венгрии, в разрешении которых пришлось непосредственно участвовать Микояну, занимают важное место не только в новейшей истории этих государств, но и в истории международных отношений периода холодной войны. В отечественной историографии его деятельность на этом направлении специально рассматривалась в работах российских историков М.Ю. Павлова и А.С. Стыкалина, ставших основой для продолжения изучения данной проблематики².

Польский кризис. Установление во второй половине 1940-х годов в Польше режима «народной демократии» во главе с лояльным СССР президентом Болеславом Берутом и направленным ему в 1949 г. из Москвы на «помощь» маршалом Константином Рокоссовским, на практике означало тесную привязку Польши к политике Кремля. Этому предшествовало устранение с политической арены генерального секретаря Польской рабочей партии Владислава Гомулки*, являвшегося потенциальным соперником Берута, но, по сути, таким же, как

* Находился в заключении до 1954 г.

и он, рьяным сталинистом, хотя и умевшим придать своему имиджу несколько большую польскую национальную окраску.

В 1949 г. в истории социалистического лагеря произошло еще одно знаменательное событие — был образован Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), в котором Микоян фактически стал главным действующим лицом. По его распоряжениям Польше стала оказываться ширококомасштабная поддержка, позволившая этой стране решить многие проблемы послевоенного восстановления и развития.

После смерти И.В. Сталина Микоян продолжил участвовать в укреплении внешнеэкономических связей Польши с Советским Союзом, тем более что значение этого государства во внешней политике СССР возросло после образования в 1955 г. военно-политического блока стран социализма — Организации Варшавского договора (ОВД).

XX съезд КПСС стал сигналом для активизации в Польше оппозиционных сил, а также привел к усилению противоречий внутри польской правящей элиты. Этому во многом способствовала внезапная смерть Берута в Москве вскоре после окончания XX съезда КПСС. (Есть версия, которой придерживался и Микоян, что скоропостижная кончина польского коммунистического диктатора была связана с психологическими потрясениями, которые он испытал, ознакомившись с текстом доклада Хрущева о культе личности Сталина и узнав о начавшейся «безбашенной» критике лично его, т. е. Берута, в Польше)³.

Важным историческим источником, позволяющим в достаточно полном объеме реконструировать происходившие события, является диктовка Микояна о его поездке в Польшу осенью 1956 г., сделанная им в ЦК КПСС 28 мая 1960 г. Долгое время на этом машинописном десятистраничном материале стоял гриф «секретно». Сегодня он находится на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)⁴.

«Микояновская» версия произошедшего в Польше корректирует информацию, которую позднее изложили Н.С. Хрущев⁵, а также некоторые профессиональные историки⁶. На наш взгляд, в силу специфики появления этого документа, не рассчитанного на его обнародование и составленного спустя менее чем через четыре года после описываемых событий, когда во главе государства продолжал находиться главный персонаж с советской стороны — Н.С. Хрущев, он является наиболее достоверным при воссоздании подлинной картины советского вмешательства в польский кризис весны-осени 1956 г.

По версии Микояна, поводом для беспокойственности советского руководства событиями, происходившими в Польше, стали «тревожные» сообщения советского посла П.К. Пономаренко о положении в стране. Этот в недавнем прошлом видный партийный и государственный деятель, возглавлявший парторганизации Белоруссии и Казахстана, в 1955 г. сменил в Варшаве бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова, а тот, в свою очередь, еще одного партийного аппаратчика — бывшего первого секретаря Московского городского комитета партии Г.М. Попова, уволенного решением Президиума ЦК КПСС за вмешательство во внутренние дела Польши после жалобы, поступившей из Варшавы⁷.

Ситуацию удалось несколько выправить Н.С. Хрущеву, который после смерти Берута* приехал в Польшу, присутствовал и на пленуме ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Он настоял на избрании новым партийным лидером Э. Охаба, по словам Микояна, «старого члена партии, хорошего товарища, хотя особо ничем не блиставшего». Микоян, видимо, выражая солидарную с Хрущевым точку зрения, отметил, что им вначале казалось, что Охаб будет последовательно проводить линию на дружбу с Советским Союзом, да и вообще, «лучшей кандидатуры тогда не было»⁸.

К сентябрю, считал Микоян, положение еще более осложнилось. В очередной телеграмме в Москву Пономаренко сообщил, что встречался с Гомулкой, которого к тому моменту уже полностью реабилитировали (в начале августа он был восстановлен и в рядах ПОРП), и он, по словам советского посла, в «хороших тонах» говорил о своем отношении к Советскому Союзу. Охаба же Пономаренко характеризовал негативно. По имевшимся у него сведениям, тот хотел «вернуться против СССР». Причем посол не исключал, что подобную позицию мог занимать по отношению к СССР и премьер-министр Ю. Циранкевич. По словам Пономаренко, в изложении Микояна, Охаб в личной беседе сообщил ему, что планируется созвать пленум ЦК ПОРП, на котором «решить вопросы партийного руководства», но в каком плане решить, он ничего не сообщил⁹.

По свидетельству Микояна, в ЦК КПСС внимательно рассмотрели сообщения Пономаренко. В диктовке он характеризовал настроения в Кремле в те дни как «тревожные», особенно волновало, что внутри ПОРП произошел раскол, а руководство во главе с Охабом от дружбы с Москвой может перейти в западный лагерь, что станет большой угрозой¹⁰. Тогда в Москве через Пономаренко решили прозондировать настроения путем передачи «привета» Гомулке: «сообщили, что мы рады, что он вновь продвигается к руководству партией, что мы ему и при Сталине сочувствовали»¹¹. Пономаренко попросили сообщить Охабу, что Хрушев выразил желание во главе делегации ЦК КПСС приехать в Варшаву «для беседы». Через некоторое время Микоян узнал, что руководство ПОРП «не считает целесообразным» посещение советской делегацией Варшавы. Они якобы хотят «самостоятельно» решать свои внутренние проблемы, а вот после завершения работы Пленума ЦК ПОРП готовы принять советскую партийную делегацию.

Ничего подобного до этого никто в «лагере социализма» себе не позволял. Полученная информация, по свидетельству Микояна, вызвала у советского руководства еще большую тревогу: они хотят поставить нас перед свершившимся фактом, принять на пленуме решения, негативные для судеб ПОРП, а потом, уже имея такое решение, беседовать с нами. Стали определяться с персональным составом делегации. Хрушев предложил полететь с ним в Варшаву еще двум советским руководителям: главе правительства Н.А. Булганину и А.И. Микояну. Микоян, в свою очередь, предложил включить В.М. Молотова. Молотов предложил еще и Л.М. Кагановича¹². Потом Микоян вспомнил, насколько негативно

* Берут скончался 12 марта 1956 г. Хрушев во главе советской делегации участвовал в его похоронах в Варшаве.

к Молотову относились в Польше, особенно Гомулка*. К тому же тот в «польском вопросе» занимал непримиримую позицию, а Микоян и Хрущев искали некий компромисс¹³. Перед вылетом в Варшаву Хрущев принял решение о том, что на пленуме польской правящей партии должен выступить не он (советский лидер опасался «выйти из себя»), а Микоян, поскольку в Польше к нему «хорошо относились».

Никаких письменных материалов, как сообщил в диктовке Микоян, члены делегации с собой не брали. Он и Хрущев летели на одном самолете, все остальные — на другом¹⁴. На аэродроме в Варшаве увидели — с одной стороны стоят Циранкевич, Охаб, Гомулка, а в метрах двадцати от них, с другой стороны, Рокоссовский. Этот факт вывел из себя импульсивного Хрущева, который еще находясь в самолете, громко возмутился: «Посмотрите, до чего дошли! Героя они даже близко не подпускают!» По выходе из самолета, свидетельствовал Микоян, Хрущев сразу перешел в наступление, не выдержал, забыл о плане поведения: «Что вы делаете, разве можно допустить, что Рокоссовский даже рядом с вами не может стоять? Вы забыли, что впереди вас в ГДР наши войска стоят? Даже не хотели, чтобы мы на пленум приехали. Как такое можно терпеть? Подняли антисоветскую кампанию», — заявил он¹⁵.

Этот демарш, как считал Микоян, усилил негативные настроения встречавших советскую делегацию поляков, особенно главу правительства ПНР Циранкевича и Охаба. Они были резки в своих ответных высказываниях и заявили, что самостоятельно хотят решать, кто должен руководить их вооруженными силами, и не желают, чтобы члены делегации присутствовали на пленуме и оказывали давление на его участников, «они не антисоветчики» и т. д. Хрущев быстро сориентировался и сказал: решайте вопросы сами, но мы хотим посмотреть, в какую сторону вы будете решать. Мы не хотим оставаться в стороне. Наши войска стоят в Германии, они опираются на коммуникации в ПНР, а вы можете повернуть в сторону Запада. Гомулка тут же с негодованием отверг эти высказывания.

Потом делегация поехала в отведенную для нее резиденцию и неприятный для обеих сторон разговор продолжился. Хрущев, по свидетельству Микояна, спросил: почему делегация КПСС не может находиться на пленуме, а должна сидеть в отведенном для нее месте? Гомулка же вновь настаивал, что пленум должен пройти без участия советской делегации. Хрущев, поняв, что возражать бесполезно, заявил: раз не хотите, не пойдем.

Через некоторое время возвратились участники пленума ЦК ПОРП. К тому моменту в резиденцию уже прибыли командующий силами Варшавского договора маршал И.С. Конев и К.К. Рокоссовский. Состоялась беседа, которую Хрущев попытался вести лично, но Микоян, как он отметил в диктовке, напомнил о прежней договоренности, и тот возражать не стал¹⁶.

Анастас Иванович, к тому моменту поднаторевший в такого рода выступлениях¹⁷, в частности, сказал: наш ЦК поручил мне выступить с заявлением. Мы имеем право на такой приезд. Мы не знаем, что у вас происходит. Мы ваши ближайшие соседи. Мы не можем быть равнодушными, видя, что у вас происходит.

* Многие знали, конечно, о выступлении Молотова на сессии Верховного совета СССР в марте 1940 г., когда он назвал Польшу «уродливым детищем Версальской системы».

Нельзя забывать, что в ГДР размещена наша большая армия, а у вас находятся ее главные коммуникации. Наличие наших войск — гарантия мира для всех нас. И это дает нам право прибыть сюда. Вижу, с удовлетворением отмечал в диктовке Микоян, поляки внимательно прислушиваются, но реплик не подают. Мои вопросы: почему Охав так вел себя с Пономаренко? Почему скрывал, что на самом деле происходит? Раньше ЦК ПОРП с готовностью нас информировал, а сейчас этого нет. Почему об обстановке в Польше узнаем из изложения американского агентства? Говорят среди прочего о снятии Рокоссовского, поскольку он приехал из Советского Союза.

В таком духе, отмечается в диктовке Микояна, он говорил еще минут 15–20. По его версии, поляки после этих слов стали оправдываться. Гомулка, в частности, заявил, что при Сталине его преследовали. Хрущев в ответ парировал, что в СССР не все считают это правильным¹⁸.

Гомулка с неудовольствием отметил тот факт, что в Польше очень много советских советников в армии и органах госбезопасности. Члены советской делегации были готовы к такому развитию событий¹⁹ и устами Микояна заявили, что их отзовут, тем более что об их направлении в Польшу в свое время просил Берут. Кроме того, советский выступающий специально отметил, что считает неправильным отстранение Рокоссовского. Гомулка и Циранкевич в ответ стали критиковать Рокоссовского, заявляли, что он не считается с решениями польского руководства.

Представляется важным следующее свидетельство Микояна: Гомулка заявил, что в природе польского народа сохранилась неприязнь к русскому народу. Хрущев заявил, что это неправильно, он несколько раз бывал в Польше и этого не замечал. По его мнению, лишь верхушка, главным образом интеллигенция, пропагандирует подобную точку зрения²⁰.

Гомулка, по свидетельству Микояна, далее заострил внимание советской стороны на том, что польско-советские экономические отношения построены «неправильно». Много угля Москвой покупается у поляков, а мы хотели бы его продавать на более выгодных условиях в Западную Европу. Хрущев тут же прервал нового польского лидера: если хотите, уголь у вас покупать не будем, обойдемся без него! Продавайте его куда хотите. Берут договорился об этом со Сталиным, так же как и по цене.

После этого Гомулка сделал еще одно резкое заявление — нет никакого утвержденного порядка и права пребывания советских войск на территории Польши. Хрущев отреагировал моментально — если не хотите, то мы выведем свои войска, нам они здесь не нужны. Микоян так описал свои впечатления: когда советскими представителями была озвучена численность советских войск, находившихся на польской территории, Гомулка был поражен, как их мало. Но в этот момент произошло непредвиденное. Во время беседы с советской делегацией Гомулке передали записку, и он объявил, что советские войска с запада Польши в настоящее время двигаются на Варшаву, и попросил приостановить это движение, вернуть их на прежнее место дислокации. Мы, далее отмечал в диктовке Микоян, переглянулись с Хрущевым, ведь беседа шла нормально и дело шло к компромиссу, и мы дали друг другу знак принять это предложение. Хрущев тут же отдал соответствующее указание Коневу.

Примерно через час Гомулке передали записку, что движение войск приостановлено, но назад они не возвратились, а расположились лагерем в лесу под Варшавой. Хрущев после этого дал указание Конеvu возвратиться советским войскам на место прежней дислокации²¹.

В этот момент Гомулка произнес ключевую фразу, благодаря которой, возможно, во многом определилась дальнейшая судьба лично его самого и Польши как государства: «Мы коммунисты, а вы боитесь, что мы в сторону Запада повернем». Эта откровенность, констатировал Микоян, произвела на членов делегации «хорошее впечатление».

Очень интересен еще один пассаж в диктовке Микояна. По его словам, когда члены советской делегации пошли обедать, Булганин провоцировал его и Хрущева на обострение отношений с польскими лидерами. Он ему якобы ответил: «Не надо идти на ссору»*. Договорились, что через несколько дней в СССР приедет делегация ПНР для обсуждения всех вопросов²². Мы ее принимаем и подготовим совместно вопросы.

На следующий день, т. е. 20 октября, члены советской делегации вылетели обратно в Москву. В самолете, по свидетельству Микояна, все успокоились, но по приезду домой члены делегации, за исключением Микояна, стали возвращаться на прежние радикальные позиции. Микоян вскоре получил вызов к Хрущеву на совещание, в ходе которого было высказано мнение, что надо принимать меры военного характера, дела в Польше идут плохо, неизвестно, как все там повернется. Микоян стал возражать, почему данный важнейший вопрос обсуждают «втихую»²³. На этом диктовка прерывается и сложно восстановить в полной мере дальнейший ход событий с точки зрения Микояна.

Исходя из содержания черновых записей протоколов заседаний Президиума ЦК КПСС от 20, 21, 23 и 24 октября 1956 г., следует, что одновременно решать силовым путем проблемы Польши и Венгрии в Кремле были не готовы²⁴.

В день приезда советской делегации в Москву в «Правде» появилась анонимная статья с критическим изложением материалов польской прессы, что тут же было негативно воспринято в среде польского руководства²⁵.

В бумагах Микояна сохранился обзор польской печати за 19 октября 1956 г. Он включал в себя статью З. Фларгана «Разговор с Западом», опубликованную в органе союза польских писателей «*Nowa Kultura*». Микоян подчеркнул в ее русском переводе важные, на его взгляд, строки: «Надо покончить с лозунгами “пролетарии всех стран, соединяйтесь” и “построение социализма”, ибо эти лозунги были лозунгами битв, лозунгами вооруженного этапа революции»²⁶. Кроме того, там находилась статья из «*Trybuna Ludu*», озаглавленная «Три решения — общее содержание», в которой Микоян сделано подчеркнул слова о том, что в Польше действуют контрреволюционные силы, сопротивляющиеся всему новому²⁷, и что необходимо, чтобы борьба за социалистическую демократию в стране охватила также партийную и политическую жизнь в Войске Польском²⁸. Перевод статьи

* Этот пассаж, вероятнее всего, объяснялся тем, что к тому моменту Булганин уже был освобожден от обязанностей главы правительства и отправлен в политическую ссылку — руководить Ставропольским совнархозом.

Е. Путрамента «Суть вопроса» в «*Życie Warszawy*» остался без специальных пометок Микояна.

Возникает закономерный вопрос: один ли Микоян получил в свое распоряжение переводы статей из польской прессы того времени (не только оппозиционной, но и партийной), скорее всего, подготовленные посольством СССР в Варшаве, или эти материалы были розданы и другим членам советской делегации, ездившей в Варшаву? От ответа на данный вопрос во многом зависит выяснение того обстоятельства, насколько такого рода информация повлияла на радикализацию настроений по отношению к Польше внутри советского руководства после возвращения его представителей из Варшавы.

Стоит также отметить, что в своей диктовке Микоян ничего не сообщил, вероятнее всего, о «запасном» варианте, который он готовил на случай «несговорчивости» Гомулки в ходе переговоров с советской партийной делегацией.

Исходя из содержания подготовительных материалов, которые ныне хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Микоян получил в свое распоряжение строго конфиденциальное письмо Гомулки на имя Сталина, датированное 14 декабря 1948 г. Оно было настолько для него важным, что автор даже не решился дать его перевести в Варшаве на русский язык и послал в Москву на польском. В ЦК ВКП(б) был сделан перевод, который вначале прочитал Сталин*, а теперь его текст получил в свое распоряжение Микоян. Он его частично включил в подготовленную рукописную заготовку возможного сценария беседы с польскими руководителями. Русский перевод этого во всех отношениях любопытного послания сохранился в бумагах микояновского архива в ГАРФ.

В бумагах Микояна имеется также перевод статьи Гомулки в газете «*Hlas Źydu*» от 17 сентября 1948 г., спустя четыре дня перепечатанной «Правдой». Микоян в ней подчеркнул следующее: «Польша стоит и будет стоять в одном ряду с Советским Союзом и странами народной демократии, ибо это отвечает ее наиболее жизненным интересам»²⁹. Эту цитату он также предполагал использовать в своем выступлении перед польским руководством³⁰.

Конечно, можно предположить, что члены советской делегации, как утверждал в своей диктовке Микоян, не взяли с собой никаких рукописных материалов, и Анастас Иванович составлял проект своего выступления в самолете, но не подлежит никакому сомнению, что копия письма Гомулки Сталину и текст его статьи в «Правде» были в портфеле Микояна.

По своей сути, рукописная часть документа представляет сценарий возможного разговора Микояна с польскими руководителями по приезду в Варшаву.

Микоян предполагал, что сразу в ходе первой встречи советской делегации будет задан вполне логичный вопрос: по какому праву они здесь находятся? Скорее всего, в самолете он набросал проект возможного ответа: интернациональный долг, интересы (социалистического) лагеря, интересы дружбы между нашими странами, традиции отношений между нами — «раньше вы, а теперь мы

* Вполне вероятно, это письмо могло сыграть в тот момент определенную роль при решении Сталиным вопроса о дальнейшей судьбе Гомулки, которому удалось избежать гибели и отделаться исключением из партии в 1949 г. и арестом в 1951 г.

приехали». Нельзя также не считаться с тем, что речь идет о союзе между двумя государствами и их единстве против НАТО и т. д.

Далее Микоян сформулировал еще два возможных вопроса к советской делегации: какие могут быть разногласия между нашими партиями и странами, а также вопрос о том, что Советскому Союзу нужно от Польши? Ответ выглядел следующим образом: дружба и верность общему лагерю социализма — это нужно нам не больше и не меньше, чем Польше.

Можно предположить, что это была часть той версии выступления, которую он изложил в диктовке, основное содержание которой нами изложено выше.

Следующая часть рукописной записки отражает то, что по каким-то причинам было неуместно произнести. Имеется в виду прежде всего так называемая еврейская тема. Надо было предвидеть, что во время встречи в Варшаве может проявиться недовольство польских коммунистов еврейского происхождения выступлением Хрущева. В ответ Микоян предполагал заявить: это не проявление антисемитизма, речь идет о правильном применении национальной политики, об отказе от нигилизма в национальном вопросе. В этом месте он предполагал привести соответствующую цитату из письма Гомулки Сталину от 14 декабря 1948 г., поскольку польский коммунистический лидер об этом сам когда-то сгнализировал советскому вождю*.

Вывод Микояна должен был прозвучать в следующей формулировке: нападки на Хрущева и на наш ЦК были неправильными. И далее предстояло перейти в тактическое наступление прямой постановкой вопроса: продолжают ли польские товарищи эти установки? Да или нет?

Если да, то почему ведется антисоветская пропаганда в прессе? Мы привыкли к антисоветской пропаганде из буржуазного лагеря; мы не боимся за себя. Однако под маркой антисоветизма в Польше подрывают народную демократию и веру в социализм.

Как понимать разговоры об удалении из Войска Польского советских офицеров и поляков, пришедших из Советской армии? Наша установка — поменьше своих и постепенно их заменять на коренных поляков.

Мы не вмешиваемся в вопрос, кого именно выберете в Политбюро. Но когда речь идет об исключении из руководства большой группы заслуженных деятелей партии, сторонников дружбы с СССР, мы не можем пройти мимо. Вывод из Политбюро Рокоссовского — разве не удар по нашей дружбе? Здесь дело как раз в политической направленности этих решений руководства — против дружбы с СССР³¹.

На наш взгляд, приведенные фрагменты из проекта возможного выступления Микояна перед руководителями ПОРП нуждаются в дополнительном осмыслении в контексте польских событий осени 1956 г.

Венгерская революция. Буквально через несколько дней после возвращения советской делегации из Польши, своего высшего накала достигли события в Венгрии, куда советская делегация в том же составе поехать не решилась. В Будапешт 23 октября отправились Микоян и секретарь ЦК КПСС М.А. Сулов, которым на месте вместе с послом Андроповым пришлось определять степень

* См. Приложение 1 в конце статьи.

опасности всего происходившего для лагеря социализма. Суть позиции Микояна состояла в следующем: нельзя ни под каким видом допустить выхода Венгрии из СЭВ и ОВД, при этом надо согласиться пойти на уступки, разрешив ее лидерам проведение ограниченных реформ, даже в некоторой степени отклоняющихся от советской модели.

Невозможно точно определить роль Микояна, особенно мотивацию его действий в «венгерском вопросе», без исторической реконструкции событий, происходивших в советско-венгерских двусторонних отношениях после смерти Сталина и особенно начиная с XX съезда КПСС.

В отличие от изложенного выше материала по событиям в Польше, отсутствуют аналогичные документы, характеризующие личную позицию Микояна в отношении венгерских событий. Можно предположить, что они до сих пор засекречены или вообще были уничтожены, возможно, самим Микояном, эмоционально очень сильно переживавшим общую неудачу своей миссии в Венгрию. Тем не менее, имеется ряд архивных материалов, которые позволяют с большей или меньшей точностью восстановить его отношение к развитию ситуации в Венгрии после XX съезда КПСС. Это, в первую очередь, его реплики на заседаниях Президиума ЦК КПСС, телеграммы из Венгрии, а также стенограммы встреч с венгерским руководством в Москве и в Будапеште. Часть из них уже опубликована³², другие еще ждут своего часа.

Стоит напомнить, что недовольство происходившим в Венгрии проявилось в среде советского руководства уже вскоре после смерти Сталина, несомненным фаворитом которого (в той мере, в какой вообще можно говорить о сталинских фаворитах) являлся венгерский коммунистический диктатор М. Ракоши, особенно после весьма понравившегося Сталину судебного процесса по делу Л. Райка (1949 г.)

В Москве 13–16 июля 1953 г. находилась делегация Венгерской партии трудящихся (ВПТ) во главе с Ракоши, явно не ожидавшим столь резкого изменения отношения к нему в негативную сторону. Последовала острая критика всей проводимой им линии со стороны членов Президиума ЦК КПСС. В результате на пленуме Центрального руководства (ЦК) ВПТ 27–28 июня Ракоши был освобожден от руководства правительством, а на его место был назначен лишь недавно вышедший из политической опалы известный революционер-коминтерновец И. Надь, начавший проводить долгожданные экономические реформы. Тем не менее, Ракоши удалось убедить советских лидеров в том, что Надь является представителем «правого уклона», и он нежелателен во главе правительства. Весной 1955 г. он был снят со своего поста и несколько позже исключен из партии*.

XX съезд КПСС еще больше изменил в негативную сторону отношение Москвы к проводимой Ракоши политике. Для венгерского диктатора, по-прежнему опиравшегося в практической деятельности на авторитет Сталина, разоблачение культа личности стало настоящим шоком.

* Находясь в опале, Надь писал записки в партийное руководство, отстаивая свои представления о «венгерском пути к социализму». Переправленные на Запад через Югославию, в 1957 г. они были изданы оказавшимися в эмиграции его соратниками под характерным названием «В защиту венгерского народа».

В ГАРФ нами обнаружен документ из личного секретариата Микояна о его контактах в конце февраля 1956 г. с Ракоши, возглавлявшим делегацию ВПТ на советском партийном форуме³³.

Как следует из ранее секретной записи этой встречи, сделанной советским послом в Венгрии Ю.В. Андроповым, отношения между Венгрией и СССР в тот момент были (по крайней мере внешне) отнюдь не вассальными, как принято считать многими историками, но в то же время достаточно напряженными, и это было связано с претензиями венгерской стороны в отношении характера поставок в страну советских вооружений и товаров невоенного назначения. Микоян с присущим ему прагматизмом отстаивал советские интересы, входившие в противоречие с венгерскими.

Конечно, во времена Сталина о подобном «диалоге» даже помыслить было невозможно, но теперь наступили новые времена, и Ракоши захотелось вести себя совсем по-другому с «небожителями кремлевского Олимпа». Тем более, что повод к этому они подавали неоднократно.

Ракоши, еще находясь в Будапеште, высказал Андропову свое недовольство тем, что Венгрия два раза выплачивала Советскому Союзу денежные средства за австрийское имущество, продававшееся по решению Потсдамской конференции. Советский посол немедленно об этом доложил в Москву. И вот наступил повод разобраться в этом и других «спорных» вопросах. Аудиенция была оформлена в формате рабочего совещания в ЦК КПСС*. Микоян был как всегда спокоен и предложил передать это дело на рассмотрение советских экспертов. Если те подтвердят правоту венгерской стороны, то деньги им вернут.

Следующим стал вопрос о покупке Венгрией советских танков Т-34. Венгры приобрели всего 100 штук, меньше, чем изначально предполагалось. Их решение мотивировалось как устарелостью военной техники, так и отсутствием средств в бюджете. Советская сторона отвергла подобную аргументацию, поскольку эта модель танка в тот момент находилась на вооружении Советской армии, и она превосходила американские и английские аналоги. Ракоши был предложен компромисс — купить лишь 75 танков у Чехословакии в дополнение к уже приобретенным.

Ракоши критически отозвался о работе комиссий по координации производства социалистических стран, в состав которых «маленькая» Венгрия должна была направить 100 своих специалистов. Микоян, будучи человеком разумным, признал, что в этом нет необходимости.

Следующим был поставлен вопрос об увеличении товарооборота между СССР и ВНР. Венгрия отказывалась покупать в СССР станки и другое оборудование. Микоян и на этом не стал настаивать. Но, с другой стороны, когда Ракоши попросил кредит на 20 млн долларов, Микоян отказал, рекомендовав венграм «экономить». К тому же, как ему стало известно, уровень жизни в Венгрии выше, чем в СССР. 100 тыс. тонн пшеницы Советский Союз также не сможет выдать, поскольку и у самих возникли «трудности».

* Кроме Микояна, в совещании принимали участие и другие советские чиновники. Венгерская сторона также была представлена и другими членами делегации ВПТ на XX съезде КПСС.

Таким образом, Микоян дал понять Ракоши, что советско-венгерские отношения не должны напоминать игру в одни ворота, и за подобное «своеволие» теперь придется платить.

После этой встречи, мало напоминавшей аудиенции в Москве в прежние сталинские годы, Ракоши наверняка осознал, что Кремль вряд ли будет и далее поддерживать его кандидатуру в качестве своего «наместника» на территории Венгрии. А в лице Микояна сталинист Ракоши получил очень сильного и влиятельного политического врага, только ждавшего подходящего момента для его устранения с политической арены. Тем не менее, в Москве другие советские руководители и после XX съезда упорно продолжали делать ставку на Ракоши, и Микоян с этим обстоятельством не мог не считаться. Он ждал лишь благовидный повод, чтобы отстранить «непокорного» Ракоши от власти. А дожидаться таких «подходящих» моментов Микоян за долгий период своей политической карьеры научился*.

Вскоре после приезда делегации ВПТ из Москвы состоялся пленум ЦР ВПТ, в ходе которого Ракоши попытался убедить его участников, что он разделяет линию XX съезда. К этому времени произошла реабилитация Л. Райка, главной жертвы венгерского коммунистического режима, вышел на свободу Я. Кадар. В результате позиции Ракоши в партийном руководстве заметно ослабли, и в Москве решили прийти ему на помощь в целях укрепления власти. Лучшей кандидатуры, чем Микоян, там не нашли.

Решением Президиума ЦК КПСС от 12 июля 1956 г. Микояна направили в Будапешт для бесед с руководством ВПТ и формальной поддержки Ракоши. Он там находился с 13 по 21 июля, сообщение об этой поездке появилось 22 июля в главном партийном печатном органе «*Szabad Nép*», через два дня короткую информацию, без конкретизации обсуждавшихся вопросов, опубликовала «Правда».

В ГАРФе нами обнаружены подготовительные материалы к поездкам Микояна в Будапешт в 1956 г., которые представляют лишь краткие характеристики тогдашних венгерских партийных и государственных деятелей³⁴. Сравнивая их с аналогичными материалами по другим странам, например, с приведенными нами выше материалами для поездки в Польшу, можно сделать два вывода: 1) большинство принятых на месте решений опиралось на его интуицию, а не на тщательную проработку проблемы; 2) как мы уже отмечали выше, подготовительные материалы к этим поездкам могли быть впоследствии уничтожены по распоряжению самого Микояна или кого-то из лиц, отвечавших за передачу его бумаг в архив.

В ходе проведенных консультаций Микоян явно с удовлетворением увидел, что Ракоши более не пользуется поддержкой большинства членов венгерского руководства, и сумел убедить Москву в необходимости его замены на другую,

* Версия, согласно которой Микоян поехал в Будапешт не снимать, а «спасать» Ракоши от отставки, не противоречит нашей гипотезе, поскольку он формально исполнял решение Президиума ЦК КПСС. Поэтому, отправляясь в Будапешт, он не возражал Хрущеву и другим членам Президиума ЦК КПСС, но только искал повод, чтобы убрать «взбунтовавшегося» Ракоши, заменив его на любую другую политическую фигуру, хотя бы внешне лояльную Москве.

более подходящую, с его тогдашней точки зрения, фигуру — речь идет о еще одном «заслуженном» ветеране, Э. Герё. Столь неудачный выбор можно объяснить желанием Микояна любым способом отстранить Ракоши, не задумываясь, насколько его преемник будет адекватен на высшем партийном посту в условиях разгоравшегося политического кризиса.

Мы не будем подробно характеризовать деятельность Микояна на венгерском направлении осенью 1956 г. поскольку она достаточно полно проанализирована российским историком А.С. Стыкалиным³⁵, а ее документальная основа отражена в тематическом сборнике документов, опубликованном в конце 1990-х годов³⁶. Лишь заметим, что Микоян на начальном этапе венгерской революции совершенно обоснованно сделал ставку на укрепление в государственном руководстве позиций И. Надя. Так, в ходе заседания Президиума ЦК КПСС, состоявшегося 23 октября, он высказался достаточно определенно. Приведем его мнение в изложении записавшего прения сотрудника Общего отдела ЦК КПСС В.Н. Малина: «Без Надя не овладеть движением, дешевле и нам. Высказывает сомнение относительно ввода войск. Что мы теряем? Руками самих венгров наведем порядок. Введем войска — попортим себе дело. Политические меры попробовать, а потом войска вводить»³⁷.

Такие высказывания Микояна вызывали явно неоднозначную реакцию у других членов советского руководства. Особенно ярко это проявилось в ходе обсуждения венгерского вопроса на заседании Президиума ЦК КПСС 26 октября, когда Микоян вновь находился в Будапеште и не мог ответить своим оппонентам³⁸.

Наиболее драматичным для Микояна в ходе венгерских событий стало заседание Президиума ЦК КПСС, состоявшееся 1 ноября 1956 г. Судя по опубликованной черновой записи, Микоян открыл заседание сообщением о положении в Венгрии, в котором отметил поднявшиеся там антисоветские настроения, выдвигаемые всеобщие требования о выводе из страны советских войск, и предложил в создавшейся обстановке, в качестве наиболее приемлемого варианта, поддержать существующее венгерское правительство. Силой, подчеркнул Микоян, ничего решить не получится, необходимо вести переговоры, а также подождать 10–15 дней, пока ситуация не стабилизируется, «Венгрию нельзя упускать из своего лагеря»³⁹.

В какой-то степени Микояна с оговорками поддержал лишь Суслов, вместе с ним вернувшийся из Будапешта. Он заявил: «Я не считаю, что Надя организовал восстание, но его имя использовано»⁴⁰.

Что касается участвовавших в заседании Председателя КГБ СССР И.А. Серова, а также главкома ОВД И.С. Конева, то они решительно выступили за силовое решение венгерского вопроса. Против предложения Микояна о поддержке правительства Надя выступил и министр обороны Г.К. Жуков⁴¹.

В конечном итоге Микоян, будучи политическим реалистом, вынужден был согласиться с такими радикальными оценками, но с одной оговоркой: «Если Венгрия становится базой империализма, тогда нет разговора. Но нельзя школярский подход допускать, есть еще время все обдумать».

На следующий день в работе Президиума ЦК КПСС приняли участие прибывшие из Венгрии Я. Кадар, Ф. Мюнних и И. Бата, давшие весьма пессимистические оценки происходившему в их стране и негативно настроенные

к И. Надю⁴² — при том, что Кадар был ничуть не менее критичен и в отношении команды Ракоши — Герё.

Микоян, к 3 ноября почувствовавший, что со своей позицией по венгерским событиям он практически остался в одиночестве, предложил кандидатуру Кадыра на должность главы нового венгерского «революционного» правительства⁴³.

Навязанное Хрущевым на заседании Президиума ЦК КПСС силовое решение венгерской проблемы означало политическое поражение Микояна, и он даже рассматривал возможность своей отставки с высших постов в партии и государстве⁴⁴. Хрущев воспротивился, поскольку видел в нем ближайшего соратника и единомышленника, однако в последующем Микоян вплоть до Карибского кризиса осени 1962 г. уже не играл столь активной роли, как в 1956 г., в реализации внешнеполитических планов СССР.

Всех этих обстоятельств не могли знать лидеры других стран социализма. Например, в Северной Корее Ким Ир Сен, удержавшийся у власти после визита без приглашения в сентябре 1956 г. в Пхеньян советской и китайской делегаций, всерьез думал, что его может постигнуть трагическая судьба И. Нады⁴⁵. Надо полагать, что подобные настроения могли иметь место и среди других руководителей стран социализма, которым в Кремле на примере Венгрии дали понять степень допустимости отступлений от советской модели развития при обязательном сохранении лояльности к СССР.

Общие выводы. Анастас Микоян в ходе польских и венгерских событий 1956 г. в отстаивании интересов СССР проявил себя как опытный дипломат и прагматичный партийный аппаратчик. Во многом благодаря его взвешенной позиции не произошло силового разрешения ситуации в Польше, на котором настаивали многие другие члены советского руководства.

1956 год многими польскими исследователями по праву считается прорывом и важной вехой в послевоенной истории их страны, поскольку он окончательно закрыл там сталинский период, но в любом случае, по их мнению, это не означало конца социалистической системы, а лишь стало началом ее конца⁴⁶. Микоян, несомненно, в значительной степени способствовал ходу этого объективного и исторически оправданного процесса.

В Венгрии, на наш взгляд, главной трагической ошибкой И. Нады стало озвученное им в начале ноября публично в качестве главы правительства решение о выходе страны из ОВД и СЭВ, формально вполне логичное в сложившейся ситуации. В итоге это способствовало силовому, в отличие от Польши, варианту разрешения политического кризиса. И Микоян был бессилен в попытках убедить своих коллег найти какой-либо иной вариант решения проблемы. Все его усилия разбились о твердолобость консервативно настроенной группы в Президиуме ЦК КПСС, людей, стоявших на жестко-охранительных позициях.

Микоян к тому моменту много сделал и для улучшения советско-югославских отношений, а теперь, после силового подавления венгерского восстания, произошел очередной откат Белграда от Москвы.

Левые движения в Западной Европе, с которыми Микоян после XX съезда КПСС также пытался от имени официальной Москвы наладить отношения, после подавления венгерской революции вновь стали критически относиться к по-

литике Кремля. И на этом важном международном направлении усилия Микояна оказались во многом тщетными.

«Венгерский синдром» внутри правящей советской верхушки не позволил далее более последовательно проводить в СССР антисталинские реформы, решимым приверженцем которых себя позиционировал Микоян. В какой-то степени именно в этом проявилась трагическая политическая судьба талантливого реформатора советской эпохи, так до конца и не понятого современниками.

Примечания

- 1 Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 190, 191.
- 2 *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. М., 2003; *Павлов М.Ю.* Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. М., 2009.
- 3 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 115. Л. 228. Официальной версией смерти Берута считается осложнение от перенесенной в Москве пневмонии.
- 4 Текст диктовки был рассекречен в 1979 г., в архив передан из Общего отдела ЦК КПСС в 1983 г. Отдельные его фрагменты впервые были введены в научный оборот М.Ю. Павловым (*Павлов М.Ю.* Анастас Микоян. С. 330–332, 334).
- 5 *Хрущев Н.С.* Люди. Годы. Власть. М., 1999. Кн. 3. С. 234–240.
- 6 См., например: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 1985. С. 183–186.
- 7 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2015. Т. 2. Постановления 1954–1958. С. 24–30. Следует отметить, что Пономаренко был далеко не единственным партийным аппаратчиком, направленным в тот период на «укрепление» МИД СССР. Во Вьетнам направили М.В. Зимянина, в Венгрию Ю.В. Андропова, которые также посылали в Москву «тревожные телеграммы», с которыми потом приходилось разбираться все тому же Микояну.
- 8 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 115. Л. 228.
- 9 По всей видимости, речь шла о письме Пономаренко, датированном 13 октября 1956 г. Его содержание см.: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша. С. 165–166.
- 10 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 115. Л. 228. Есть информация, что в Москве особенно опасались, что новое польское руководство может заявить о выходе страны из ОВД (см.: *Павлов М.Ю.* Анастас Микоян. С. 330).
- 11 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 115. Л. 229.
- 12 Микоян, как и Хрущев, указывали, что в состав делегации входил Н.А. Булганин. А.М. Орехов в свое время писал, что эту информацию в мемуарах Хрущева можно объяснить «ошибкой памяти» (*Орехов А.М.* Советский Союз и Польша. С. 208). На наш взгляд, вряд ли оба советских лидера одновременно могли запомнить состав делегации, тем более что диктовка Микояна была сделана всего через три с небольшим года после происходивших событий. С другой стороны, Булганин, судя по записи, действительно не участвовал в беседе советских и польских лидеров, состоявшейся 19 октября. См.: Беседы под сводами Бельведера (Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г.) / Публикация А.М. Орехова // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 460–509.
- 13 Этот пассаж 1960 г. можно объяснить тем, что Молотов к тому моменту уже был отстранен от высших постов в партии и государстве.

- 14 По другой информации, Молотов, Микоян и Каганович летели в одном самолете, а Хрущев — в другом. Булганин вообще не упоминается. См.: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша. С. 183. На наш взгляд, версия Микояна выглядит более правдоподобной, хотя отсутствие Булганина на беседе в Бельведере 19 октября вызывает вопросы.
- 15 Другое изложение происходившего на аэродроме см.: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша. С. 183–184.
- 16 О содержании советско-польских бесед, состоявшихся 19 октября, дает более полное представление запись, выполненная по свежим следам присутствовавшим в качестве переводчика референтом аппарата ЦК КПСС Я.Ф. Дзержинским. См.: Беседы под сводами Бельведера.
- 17 К тому моменту в течение 1956 г. Микоян уже занимался практическим разрешением острых вопросов, связанных с руководствами Северного Вьетнама (апрель), КНР (апрель и сентябрь), Венгрии (февраль и июль), Северной Кореи (сентябрь). Подробнее см.: *Селиванов И.Н.* Трудный диалог после XX съезда КПСС. Визиты А.И. Микояна в Ханой и Пекин // *Азия и Африка сегодня.* 2013. № 9. С. 60–66; *Селиванов И.Н.* Анастас Микоян и сентябрьские события 1956 г. в Северной Корее // *Российская история.* 2017. № 2. С. 154–171.
- 18 По другой версии, Микоян говорил достаточно пространно. *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша. С. 189. Ср.: Беседы под сводами Бельведера.
- 19 Этот вопрос ранее поднимался на заседании Президиума ЦК КПСС, в частности 4 октября 1956 г. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004. С. 168–169. (Далее — Президиум ЦК КПСС. Т. 1)
- 20 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 115. Л. 236.
- 21 Другое изложение см.: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша. С. 181–182.
- 22 Приезд делегации во главе с В. Гомулкой состоялся в середине ноября.
- 23 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 115. Л. 228–237.
- 24 Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 173–177.
- 25 Подробнее см.: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша. С. 180–181.
- 26 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 1237. Л. 14–18.
- 27 Там же. Л. 19.
- 28 Там же. Л. 21.
- 29 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 1237. Л. 5.
- 30 Там же. Л. 3.
- 31 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 1237. Л. 1–3.
- 32 См., например: Венгрия, апрель–октябрь 1956 года. Информация Ю.В. Андропова, А.И. Микояна и М.А. Суслова из Будапешта // Исторический архив. 1993. № 4; Венгрия, сентябрь–ноябрь 1956 года // Исторический архив. 1993. № 5; ССВК; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004 и др.
- 33 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 98с. Д. 702. Л. 159–163.
- 34 В бумагах Микояна имеются лишь весьма поверхностные характеристики на 36 государственных деятелей Венгрии, включая И. Надя (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 1240. Л. 5) и статья из «*Борьбы*» за 19 июля 1956 г. об отставке Ракоши (Там же. Д. 1257. Л. 13–14).
- 35 *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. С. 74–85; *Он же.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016. С. 99–100.

- 36 ССВК. М., 1998.
- 37 Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 176.
- 38 Там же. С. 180.
- 39 Там же. С. 193–194.
- 40 Там же. С. 194.
- 41 Там же.
- 42 Там же. С. 196–198. Так, в частности, Кадар заявил: «Контрреволюционеры убивают, а премьер Надь их покрывает (Там же. С. 200).
- 43 Там же.
- 44 См.: Микоян А.И. Так было. М., 2015. С. 645.
- 45 См.: Симотомаи Н. Ким Ир Сен и Кремль. М., 2010. С. 307.
- 46 См., например: <http://zsei.edu.pl/archive/dydaktyka/historia/kl3/13.htm> (дата последнего посещения 23. 03. 2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ

№1

Из письма В. Гомулки на имя И.В. Сталина, 18 декабря 1948 г.

(Фрагменты, выделенные А.И. Микояном перед поездкой в Польшу в октябре 1956 г., которые он собирался цитировать при личной встрече с польским руководством)

Всем членам Политического бюро известно мое отношение к персональной политике (*так в оригинале. — Прим. пер.*) партии по отношению к еврейским товарищам. Это я неоднократно высказывал на заседаниях Бюро и индивидуальных беседах с членами Бюро. Личный состав руководящих звеньев государственного и партийного аппарата, рассматриваемый с национальной точки зрения, по моему мнению, создает преграду, затрудняющую расширение нашей базы, особенно в деревне, и в первую очередь в рабочем классе. Правда, можно и меня считать ответственным за такой высокий процент евреев в руководящем государственном и партийном аппарате, но главная вина за создавшееся положение вещей падает прежде всего на товарищей евреев. Как Генеральный секретарь партии¹ я не находил среди них не только понимания и поддержки моей точки зрения по вопросу о персональной политике, какую должна проводить партия, но, напротив, систематическая практика их персональной политики привела к тому, что они не соглашались с моей точкой зрения. Не соответствует истине тот факт, что только серьезный недостаток польских партийных кадров делает невозможным проведение иной, чем существующая теперь, персональной политики. Кадры никогда не вырастут, если партия не создаст соответствующих условий, т. е. если

¹ В. Гомулка был генеральным секретарем Польской рабочей партии с 1943 по сентябрь 1948 г. В декабре 1948 г. она объединилась с Польской социалистической партией в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП). Письмо В. Гомулки Сталину было написано в самый канун объединительного съезда, состоявшегося 15–21 декабря.

не будет выдвигать на ответственные посты самых способных товарищей из той среды, которой она располагает.

На основе ряда наблюдений можно с полной ответственностью заявить, что часть еврейских товарищей не чувствуют себя связанной с польским народом, а таким образом и с польским рабочим классом, никакими нитями, или же занимает позицию, которую можно назвать национальным нигилизмом. Все эти положения не принимаются полностью во внимание при подборе кандидатов на различные высокие посты.

Я располагаю многочисленными доказательствами того, что существующее положение дел в области состояния руководящих кадров как в партии, так и в государственном аппарате вызывает серьезную тревогу и недовольство. В то же время в партии, особенно после августовского пленума², сложилась такая обстановка, когда никто не имел мужества высказать критические замечания против нынешней персональной политики. Недовольство выражается в кулуарах.

Я глубоко убежден в том, что моя точка зрения по вопросу персональной политики партии в значительной мере, хотя и не открыто, оказала влияние на формы и методы разрешения последнего кризиса в руководстве партии³. Для меня не подлежит также сомнению, что если бы я был в составе членов Политического бюро⁴, дело определенно дошло бы до новых разногласий и споров между мной и другими членами бюро, из-за моих взглядов по персонально-национальному составу руководящих органов в государственном и партийном аппарате. Я считаю необходимым не только прекратить дальнейший процентный рост евреев как в государственном, так и в партийном аппарате, но постепенно уменьшить этот процент, особенно в высших звеньях этого аппарата. Опираясь на опыт, вынесенный из периода, когда я выполнял функции Генерального секретаря партии, я убежден, что при настоящих условиях, в которых я находился, я не мог сделать даже самого маленького шага в этом направлении без того, чтобы не натолкнуться на всякого рода явные или замаскированные действия, рассчитанные на «конец» моей деятельности в партии. Будучи же членом Политического бюро, я не мог бы равнодушно относиться к этому вопросу.

<...>

По происхождению я рабочий. Всю жизнь я боролся за дело трудящегося народа, верно служил своему классу и своему народу.

² На пленуме, состоявшемся 31 августа — 3 сентября 1948 г., были подвергнуты критике идеи «польского пути к социализму», отстаивавшиеся В. Гомулкой, сам он был обвинен в «правонационалистическом уклоне» и 3 сентября 1948 г. снят с поста генерального секретаря Польской рабочей партии.

³ Речь идет о событиях августовского — сентябрьского 1948 г. пленума ЦК Польской рабочей партии.

⁴ В. Гомулка продолжал формально оставаться членом Политбюро ЦК Польской рабочей партии, но после ухода с должности генерального секретаря не принимал участия в его работе. На объединительном съезде был избран в ЦК ПОРП, но не в Политбюро. Продолжал оставаться в ЦК ПОРП и занимать ответственные государственные должности вплоть до своего исключения из партии осенью 1949 г.

В Советском Союзе я всегда видел и вижу самого лучшего друга Польши, а в ВКП(б) и особенно в Вас, товарищ Сталин, мудрого учителя также и нашей партии.

Независимо от того, на каком участке работы я нахожусь, я всегда буду верен идеалам, за которые я боролся в течение всей моей жизни до настоящего времени.

Сердечно благодарю Вас за то, что Вы мне посвятили так много ценного для Вас времени, прошу правильно понять мою точку зрения, которую я старался обосновать как в непосредственной беседе с Вами⁵, так и в настоящем письме.

Вл. Гомулка

Варшава, 14 декабря 1948 г.

P.S. По необходимости посылаю это письмо не переведенным на русский язык, так как не располагаю переводчиком, которому мог бы доверить.

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 1237. Л. 10–11, 13.

Полностью письмо опубликовано: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / Отв. редактор Г.П. Мурашко. Т. 1. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 937–943.

№2

Запись беседы товарищей К.Е. Ворошилова и А.И. Микояна с товарищем М.И. Ракоши, 27 февраля 1956 г.

[В сокращении]

Секретно

С советской стороны присутствовали: министр внешней торговли СССР т. Кабанов, начальник Главного Управления по делам экономических связей со странами народной демократии т. Коваль, зам. начальника Главного Управления по делам экономических связей т. Сидорович, посол СССР в Венгрии т. Андропов.

С венгерской стороны присутствовали члены политбюро ЦК Венгерской Партии Трудящихся тт. Ковач Йожеф и Салаи Бела.

Товарищ Ворошилов открывает совещание и предоставляет слово товарищу Микояну.

Тов. Микоян говорит, что Президиум ЦК КПСС поручил ему и товарищу Ворошилову встретиться с товарищем Ракоши для того, чтобы выяснить некоторые вопросы, которые он, Ракоши, затронул в беседе с советским послом т. Андроповым. Тов. Микоян, ссылаясь на телеграмму посла⁶, приводит выдержку из упомянутой беседы, где говорится, что Венгрия якобы дважды уплатила Советскому Союзу за австрийское имущество, проданное Советским

⁵ Как явствует из неопубликованной здесь части письма В. Гомулки, его беседа со Сталиным состоялась 9 декабря 1948 г. при посещении Москвы.

⁶ Публикатор не располагает записью беседы Ю. Андропова с М. Ракоши и телеграммой посла по ее итогам.

Союзом в числе немецких активов, перешедших в советскую собственность на основании решений Потсдамской конференции. Тов. Микоян просит т. Кабанова дать справку по этому вопросу.

Тов. Кабанов сообщает, что советская сторона принимала от Венгрии только немецкие активы и в числе их австрийское имущество не числилось. Таким образом, советская сторона не получала от Венгрии австрийских активов. Что касается стоимости активов, то, согласно известному т. Ракоши решению, 3/4 стоимости активов советская сторона уступила Венгрии.

Тов. Ракоши замечает, что отделить австрийские активы от немецких представляется делом довольно затруднительным, поскольку после аншлюса⁷ немецкие фирмы часто поглощали австрийские фирмы.

Тов. Микоян говорит, что на данном совещании невозможно до конца выяснить этот вопрос, и предлагает назначить советских экспертов в помощь венгерским экспертам, которые бы на основе документов установили истинное положение. Если окажется, что Венгрия действительно что-то переплатила Советскому Союзу за упомянутое австрийское имущество, то эти деньги будут возвращены венгерскому правительству. Что касается венгерской позиции по данному вопросу в переговорах с австрийцами, то это является полностью делом венгерского правительства.

Тов. Ракоши говорит, что он не имеет никаких претензий к советской стороне по вопросу об австрийских активах и хотел бы считать этот вопрос законченным.

Тов. Микоян говорит, что необходимо также выяснить вопрос о покупке Венгрией в Чехословакии танков Т-34. В 1955 г. между СССР, Чехословакией и Венгрией было подписано соглашение относительно поставки вооружения. По этому соглашению Венгрия должна была приобрести в Чехословакии 400 танков. 100 танков она закупила, а остальные приобретать отказывается, ссылаясь на то, что эти танки не являются современными и что, с другой стороны, Венгрия не имеет достаточно средств для покупки указанных танков. Такая позиция Венгрии в этом вопросе является нарушением с её стороны трёхстороннего соглашения, ставит в затруднительное положение чехословацких товарищей, которые уже приступили к выполнению указанного заказа на изготовление танков, и лишает Венгрию возможности своевременно вооружать свою армию средними танками, в которых имеется недостаток.

Считаясь с трудностями, которые испытывает Венгрия, можно было бы согласиться на то, чтобы соглашение о поставках танков было бы выполнено лишь частично. Было бы справедливым, если бы Венгрия приобрела в 1956 г. у Чехословакии 75 танков, после этого действие указанного соглашения можно было бы прекратить.

Тов. Ворошилов говорит, что ссылка тов. Ракоши на устарелость танков Т-34 является несостоятельной, поскольку указанный тип танков находится на вооружении Советской Армии, а также армий других стран социалистического лагеря. Он подчеркнул, что этот танк по своим боевым качествам превосходит многие типы американских и английских танков, находящихся

⁷ Имелось в виду присоединение Австрии к Германии в 1938 г.

в данное время на вооружении их армий. Тов. Ворошилов считает, что было бы справедливым, если бы Венгрия купила у Чехословакии не 75, а 100 или 120 танков.

Тов. Ракоши заявляет, что он согласен с предложением тов. Микояна и считает правильным, чтобы Венгрия в 1956 г. приобрела у Чехословакии 75 танков Т-34.

<...>

Тов. Микоян говорит о том, что в беседе с нашим послом тов. Ракоши критически отозвался о работе комиссий по координации производства, созданных по решению январского совещания руководителей коммунистических и рабочих партий стран социалистического лагеря⁸. В упомянутой беседе тов. Ракоши утверждает, что одна из таких комиссий, работающая в Чердаке, создала 26 подкомиссий, на которые предполагается вызвать около 100 венгерских ответственных работников.

Тов. Ракоши замечает, что Венгрия направила в указанные подкомиссии уже 36 своих работников.

Тов. Микоян говорит, что посылка такого большого количества работников для участия в работе подкомиссий является нецелесообразной и что сами венгерские товарищи должны решать вопрос о том, сколько и каких работников следует направлять для участия в деятельности упомянутых подкомиссий.

Тов. Микоян говорит, что тов. Ракоши в своё время в беседе с ним поднимал вопрос о необходимости увеличения товарооборота между СССР и Венгрией. Тов. Микоян сообщает, что товарооборот между СССР и Венгрией в 1956 г. значительно возрос по сравнению с прошлым годом, особенно в части экспорта советских товаров в Венгрию, что особенно интересует венгерскую сторону. Почти все венгерские заявки на поставки советских товаров, а особенно сырьевых материалов, за исключением некоторых позиций (медь, каучук и некоторые другие), полностью удовлетворены.

Общая сумма товарооборота между СССР и Венгрией по сравнению с 1954 г. является несколько меньшей потому, что Венгрия отказывается покупать у Советского Союза станки и другое промышленное оборудование.

Тов. Ракоши замечает, что в результате индустриализации Венгрия в данное время меньше нуждается в указанных товарах.

Тов. Микоян говорит, что Советский Союз не навязывает Венгрии товары и что он упоминает об этом факте лишь для того, чтобы объяснить, в силу чего произошло некоторое уменьшение товарооборота между нашими странами.

Тов. Ракоши спрашивает, не может ли Советское правительство рассмотреть дополнительную заявку венгерского правительства на ряд товаров, крайне необходимых для венгерского народного хозяйства?

Тов. Микоян отвечает, что если такая заявка будет сделана, [она] будет рассмотрена Министерством внешней торговли, он, однако, не может сделать каких-либо заверений относительно того, что эта заявка [будет] удовлетворена.

⁸ Совещание состоялось в Москве 6–11 января 1956 г. и рассматривало, главным образом, проблемы координации экономического сотрудничества СССР и социалистических стран. Затрагивались также военные и внешнеполитические вопросы.

Тов. Ракоши говорит, что венгерское правительство представит такую заявку, и спрашивает, не может ли Советское правительство выделить правительству Венгерской Народной Республики взаимобразно 20 млн долларов, т. к. положение с внешней задолженностью Венгрии капиталистическим странам является очень тяжелым.

Тов. Микоян говорит, что, как известно, нами в конце прошлого года было принято решение об оказании помощи Венгрии в связи с создавшимися затруднениями с венгерской внешней задолженностью. Это должно существенно облегчить положение. Теперь венгерским товарищам надо принять у себя все необходимые меры для того, чтобы ещё больше поправить положение. Выделить взаимобразно 20 млн долларов, к сожалению, не представляется возможным.

Тов. Ворошилов замечает, что необходимо осуществлять всемерную экономию в расходовании материалов и особенно тех, которые ввозятся в Венгрию из-за границы и прежде всего из капиталистических стран. Венгрия имеет все возможности для того, чтобы проводить экономию, не затрагивая жизненные интересы трудящихся, поскольку жизненный уровень населения Венгрии является довольно высоким, даже несколько более высоким, чем жизненный уровень населения Советского Союза.

Тов. Микоян, ссылаясь на просьбу венгерского правительства о предоставлении ему займы из Советского Союза 100 тыс. тонн пшеницы, говорит, что советская сторона, к сожалению, не может удовлетворить этой просьбы венгерского правительства.

Тов. Ракоши замечает, что он предвидел, что удовлетворение этой просьбы будет связано с серьезными трудностями для Советского правительства.

Тов. Микоян далее говорит, что в свое время венгерские товарищи поднимали вопрос об изменении курса форинта к рублю. Мы согласны внести изменения в этот курс. Однако последнее время венгерские товарищи высказывают просьбу о том, чтобы курс форинта к рублю не менять, так как это отрицательно отразится на международных расчетах Венгрии. У нас подготовлен другой вариант, который практически решает проблему, и, кажется, должен подойти для венгерской стороны. <...>

Записал: *Ю. Андропов*

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 98с. Д. 702. Л. 159–163. Заверенная копия.

М. Хорват

Венгерское восстание 1956 г. в контексте межблоковых отношений и Суэцкого кризиса

Прошло уже 60 лет после насильственного подавления иностранной военной силой — не в первый раз в нашей истории — революции и национально-освободительной борьбы венгерского народа. Общеизвестно, что советские войска вошли в ночь на 24 октября 1956 г. в Будапешт, а в последующие недели, особенно с начала ноября, осуществляли на территории страны масштабные военные операции. Представляется резонным вопрос: они это делали на основе Варшавского договора или всё-таки независимо от обязательств СССР согласно договору? Последнее означает, что они действовали в Венгрии только в качестве национальных вооруженных сил, представляющих лишь свое государство, но не союзников по блоку. Возникает в той же связи и более общий вопрос: а соответствовало ли самой букве Варшавского договора использование советских войск для подавления восстания и последующего «поддержания порядка» в союзнической стране?

Уже многие десятилетия назад утвердилось мнение (по нашим наблюдениям, довольно распространенное до сих пор) о том, что Советская армия предприняла действия против венгерского народа и защищавших его вооруженных сил в соответствии с положениями подписанного СССР в мае 1955 г. Варшавского договора, его духом и буквой, по просьбе венгерского правительства в целях оказания ему «братской помощи». Однако доступные сегодня исследователям и отчасти уже опубликованные документы опровергают эту точку зрения.

Пребывание советских войск после 1945 г. на занятой ими на завершающем этапе Второй мировой войны территории Венгрии стало возможным в соответствии с договоренностями между союзническими державами-победительницами и на основании подписанного 20 января 1945 г. в Москве соглашения о перемирии; условия их дальнейшего присутствия в стране предопределялись мирным договором с Венгрией от 10 февраля 1947 г.

Статья 22 мирного договора увязывала дальнейшее пребывание советских воинских частей на территории Венгрии с сохранением оккупационного режима в соседней Австрии вплоть до полного восстановления ее государственного суверенитета¹. На состоявшихся 12–15 апреля 1955 г. в Москве переговорах, связанных с подготовкой государственного договора о восстановлении независимой Австрии, австрийская сторона взяла на себя обязательство строго соблюдать

нейтралитет по образцу швейцарского. В ответ на это Советский Союз обязался вывести свои войска из Австрии до вступления в силу договора, но самое позднее — до 31 декабря 1955 г.

К этому времени на территории Австрии находились, выполняя предписанные им задачи, три пехотные дивизии и одна дивизия противовоздушной обороны общей численностью 60–70 тыс. военнослужащих. Части, дислоцированные в Венгрии, были призваны, в соответствии с мирным договором, заниматься поддержанием коммуникаций, в том числе железнодорожных, с военным контингентом, находившимся в Австрии.

Подписанный 18 февраля 1948 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Венгерской Республикой сохранял действие и в октябрь-ноябре 1956 г. Этот договор, как и заключенный позже Варшавский договор, согласно своим намерениям и самой букве, предполагал применение совместных оборонительных усилий в случае возможного нападения на Венгрию извне. В подписанном в 1948 г. двустороннем договоре стороны ссылались на уважение независимости и государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела друг друга (под внутренними делами в данном случае понималось все, что не относится к решению задач по отпору общему внешнему противнику в случае его нападения). Они также взаимно обязались не участвовать в каких-либо акциях или мероприятиях, направленных против другой стороны.

15 мая 1955 г. страны, осуществлявшие в Австрии оккупационный контроль, подписали Договор о восстановлении независимого демократического австрийского государства. Вследствие вывода из Австрии оккупационных сил лишилось прежней правовой основы присутствие в Венгрии советского воинского контингента — вплоть до подписания соответствующего советско-венгерского двустороннего соглашения 27 мая 1957 г. Однако часть советских войск, выведенных из Австрии, была размещена на территории Венгрии, что явно вступало в противоречие с положениями мирного договора. В сентябре 1955 г. из военных соединений, переведенных в Венгрию, был образован Особый корпус, в состав которого вошли 2-я и 17-я гвардейские механизированные дивизии, 177-я бомбардировочно-авиационная и 195-я истребительно-авиационная дивизии, а также некоторые другие (зенитные, инженерные и прочие) части.

Перед Особым корпусом была поставлена задача по закрытию австрийской границы и осуществлению при необходимости ее обороны совместно с венгерскими войсками, в его составе находились также части, предназначенные для выполнения транспортно-коммуникационных функций на случай вывода советских войск.

В начале 1956 г. в международной политике произошли изменения, значительно повлиявшие на судьбу Венгрии. На состоявшемся в феврале XX съезде КПСС советское руководство порвало с догмой о неизбежности новой мировой войны и высказалось за мирное сосуществование государств с различным общественным строем. «Секретный» доклад Хрущева с разоблачением Сталина оказал заметное воздействие на ситуацию в большинстве стран советской сферы интересов, да и в самом СССР. Усилились реформаторские тенденции, стремление к общественным переменам — особенное ускорение эти процессы обновления получили в Польше и Венгрии.

Опубликованные документы однозначно опровергают иногда бытующие в литературе утверждения о том, что события осени 1956 г. в Польше и Венгрии явились плодом внутривосточной борьбы в советском руководстве в том смысле, что они были спровоцированы сторонниками твёрдой линии и возвращения к сталинизму в интересах компрометации курса XX съезда и восстановления прежней властной системы.

Не подлежит, однако, сомнению, что польские события во многих отношениях воздействовали на ситуацию в Венгрии. Весть об июньских познанских волнениях², репрессиях против их участников, а затем и о бурных событиях, развернувшихся в Польше во второй половине октября³, достигла Венгрии. С другой стороны, опыт советского руководства, приобретенный в ходе урегулирования польского кризиса, повлиял на представления и решения официальной Москвы, связанные с разрешением «венгерского вопроса». Следует подчеркнуть, что приведение советских войск в боевую готовность 19 октября в связи с польскими событиями* и, хотя и в меньшей степени, аналогичные меры, принятые по линии Венгерской народной армии, в военном отношении послужили отправной точкой неожиданному развитию событий в Венгрии.

Советское руководство не располагало готовым рецептом относительно способа разрешения польского и венгерского кризисов. Решения принимались в ходе дискуссий, происходивших на заседаниях Президиума ЦК КПСС, но на конкретные шаги, предпринятые в отношении Венгрии, влияло также мнение партийно-государственных лидеров социалистических стран, особенно Югославии и Китая.

В этот период главной сферой столкновения интересов больших держав продолжала оставаться Германия, коммуникации с которой осуществлялись через Польшу. Летом 1956 г. урегулирование ситуации в Польше доставляло Хрущеву больше головной боли, чем в Венгрии, применительно к которой у него не были так связаны руки. В отношении Венгрии он в то время не раз высказывался о готовности применить любые средства. В силу этого командир Особого корпуса, дислоцированного в Венгрии, генерал П.Н. Лашенко, вопреки предназначению этого соединения, разработал план возможного использования советских войск в интересах поддержания и защиты общественного порядка. Этот план получил условное название «Волна». Его осуществление предстояло начать с позывного сигнала «Компас».

Забегая немного вперед, отметим, как оценивал Варшавский договор в записках начала 1957 г., будучи депортированным в Румынию, Имре Надь, в бытность которого главой венгерского правительства в 1953–1955 гг. закладывались основы новой системы союзнических отношений между социалистическими странами. Как он писал, именно польские и венгерские события пролили свет на то, что Варшавский договор в реальности стал инструментом советской великодержавной шовинистической политики, с помощью которого Советский Союз подчинял себе страны, входящие в блок, или, точнее, вынужденные войти в него по настоянию Москвы. Подлинный смысл Варшавского договора заключался в том, чтобы с помощью советских войск, размещенных в некоторых странах, создать такое положение в политической, экономической и оборонной сферах,

* Был приведен в боевую готовность и Особый корпус, дислоцированный в Венгрии.

которое наилучшим образом бы соответствовало советским властным, в том числе военным устремлениям. Как отметил дальше Надь, Варшавский договор остался военным инструментом сохранения отношений неравноправия и подчиненности между социалистическими странами, восходящих к сталинской эпохе. С помощью военных механизмов Варшавского договора КПСС и советское правительство стремились добиться того, что не удавалось сделать посредством политических советов и распоряжений⁴.

Решение советского руководства о военном вмешательстве в Венгрии пришло в противоречие и с внешнеполитическими установками, провозглашенными на XX съезде КПСС. Ведь как отмечалось в резолюции XX съезда по отчетному докладу ЦК КПСС, «партия исходит из незыблемого ленинского указания о том, что установление нового общественного строя в той или иной стране — это внутреннее дело народа каждой данной страны»⁵.

Если сопоставить положения, нашедшие отражение в самой букве Варшавского договора (со ссылкой на Устав ООН), с действиями СССР в Венгрии 1956 г., оказывается несомненным тот факт, что Советский Союз не придерживался в реальной политике на венгерском направлении большей части провозглашенных в документе принципов.

При урегулировании кризисных явлений в Польше и Венгрии руководство СССР не воспринимало страны-союзницы по Организации Варшавского договора (ОВД) в качестве своих равноправных партнеров и не проявило в той ситуации должную терпимость, а, напротив, вопреки положениям Устава ООН, тут же прибегло к угрозам насильственных действий, а затем сделало выбор в пользу военного вторжения в Венгрию. Пренебрежение принципами невмешательства во внутренние дела и мирными методами решения проблемы автоматически вело к вооруженному насилию. При этом в ходе осуществления венгерской акции стиралась грань (в том числе на уровне военного командования) между советскими войсками и Объединенными вооруженными силами (ОВС) стран ОВД. Главнокомандующий ОВС маршал И.С. Конев действовал отнюдь не в духе тех принципов, которые нашли отражение в Варшавском договоре, и не в соответствии с указаниями Политического Консультативного Комитета (ПКК) ОВД, в дни венгерских событий так и не собиравшегося. Он выполнял решения советского политического руководства в качестве первого заместителя министра обороны СССР маршала Г.К. Жукова.

Согласно тексту договора, у главнокомандующего ОВС не было формального права подчинить свои действия распоряжениям, исходившим от руководства только лишь одного государства-члена ОВД, как и не было формального права применить не относящиеся к ОВС силы против какой-либо страны-участницы блока (речь идет не только о ведении боевых действий, но и об использовании войск в целях разоружения венгерских воинских частей, разгона демонстраций, интернирования части офицерского корпуса и т. д.). Ни сам Варшавский договор, ни любое другое подписанное до 1956 г. и остававшееся в силе соглашение не давали права на использование советских воинских частей для решения задач, относящихся к компетенции внутренних войск Венгрии. Таким образом, и 23 октября, и 31 октября 1956 г. руководство СССР, в одностороннем порядке приняв решение о военном вмешательстве в Венгрии, сделало это в нарушение

положений Варшавского договора, а потому нет никаких оснований говорить об этой акции как об осуществленной в рамках ОВД.

С просьбой о вводе советских войск в Венгрию имел формальные полномочия обратиться Президиум ВНР по представлению Совета министров ВНР. Однако Совет министров на заседаниях не обсуждал такое предложение и, соответственно, не принял никакого решения, в свою очередь и Президиум ВНР в надлежащей форме (т. е. указом, закрепленным подписью своего председателя и печатью) не уполномочил председателя правительства Андраша Хегедюша или какое-либо другое лицо на приглашение советских войск.

В программном документе советского правительства от 30 октября 1956 г., Декларации об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами⁶ среди прочего отмечалось, что советские войска находятся в Венгрии на основе Варшавского договора и правительственного соглашения, однако в реальности, как было сказано выше, двустороннее соглашение об условиях их пребывания на территории Венгрии было подписано только 27 мая 1957 г. Понятно, что после заключения в 1955 г. государственного договора о восстановлении независимой Австрии советские войска с территории этой страны могли быть передислоцированы именно в Венгрию, однако никаких юридических оснований для их дальнейшего пребывания в Венгрии, а тем более для численного увеличения располагавшегося в этой стране контингента, подписанный Варшавский договор не давал. Необходимость юридических оснований для пребывания советских войск в других странах руководство СССР признало и в Декларации от 30 октября 1956 г.⁷

Ни в 1955 г., ни в октябре 1956 г., когда встал вопрос о военном вмешательстве в венгерские дела, советское руководство не считало целесообразным следовать юридическим нормам, тем более что иначе при подготовке обеих силовых акций в Венгрии пришлось бы заручиться поддержкой всех стран-участниц ОВД. Между тем, обновленное руководство Польши в силу известных причин не одобряло советское вторжение в Венгрию. В Декларации от 30 октября содержалась ссылка на события в Венгрии, «подрывающие основы народно-демократического строя». Между тем, вмешательство войск Варшавского договора во внутренние дела одной из его стран-участниц в целях восстановления в ней внутреннего порядка, как отмечалось, вступало в противоречие с теми базовыми принципами, которые были согласованы при заключении договора в мае 1955 г. и нашли в нем отражение.

Кроме того, можно поставить под сомнение и саму принадлежность к ОВС ОВД образованного в сентябре 1955 г. Особого корпуса советских войск в Венгрии. Все боевые действия этого формирования вплоть до 2 ноября 1956 г. подчинялись приказам не структур ОВД, а начальника Генштаба Вооруженных сил СССР маршала В.Д. Соколовского, либо командированного в Венгрию его первого заместителя генерала армии М.С. Малинина. Маршал И.С. Конев, главнокомандующий ОВС ОВД, только 2 ноября взял на себя командование этим корпусом.

При этом ни базовые документы, принятые в мае 1955 г. при подписании Варшавского договора⁸, ни решения ПКК не давали оснований для переподчинения этого соединения объединенному командованию войск ОВД. Тот факт, что маршал Конев в качестве командующего ОВС ОВД 4 ноября отдал приказ именно под номером 1, если и опосредованным образом, но все же подтверждает

то обстоятельство, что советские войска в предшествующий период, до 2 ноября, действовали не в соответствии с приказами командования ОВС ОВД и, соответственно, не имели отношения к Варшавскому договору. Передислоцированные в Венгрию в конце октября соединения (в частности, 35-я дивизия из Харькова) не относились к штату ОВС ОВД⁹.

Как известно, 24 октября в Москву были приглашены коммунистические лидеры Чехословакии, Болгарии и Восточной Германии. Первоначально предметом обсуждения должна была стать ситуация в Польше. Как на этом совещании, так и в ходе межпартийных консультаций, проходивших в начале ноября в связи с намеченной на 4 ноября решающей военной акцией, представители других партий, даже выражая согласие с запланированной советской операцией, действовали не в рамках ПКК ОВД, а за пределами круга его полномочий. Находившееся в противоречии с Варшавским договором решение об использовании за границей советских войск ни предварительно, ни задним числом не обсуждалось на заседаниях ПКК и не получало одобрения.

23 октября 1956 г. часть венгерского политического руководства была в курсе относительно того, что в данном случае возможно применение советских вооруженных сил в целях «наведения порядка» во внутренних делах Венгрии. О существовании соответствующих проработанных планов не могли не знать тогдашний лидер Венгерской партии трудящихся (ВПТ) Эрнё Герё и глава правительства Андраш Хегедюш. В этой связи нельзя не отметить скоординированности усилий советского и венгерского политических руководств в процессе принятия ключевых решений по урегулированию кризиса, что говорит об их общей ответственности за последствия для Венгрии принятых решений. Кажется совершенно очевидным, что поставленные во главе Венгрии по воле СССР руководящие функционеры были склонны следовать линии, выработанной в Москве, и как бы рефлексивно обращались за помощью к Советскому Союзу, когда дело касалось сохранения их у власти. Сам факт односторонности советской акции проявился и в риторике, использовавшейся руководством СССР, в узком кругу рассуждавшим о собственных действиях, планах и намерениях именно от первого лица («не можем отдать Венгрию» и т. д.).

Это нашло отражение и в записи брионской беседы Н.С. Хрущева с Й. Брозом Тито в ночь с 2 на 3 ноября: приводя аргументы в пользу необходимости силового решения, советский лидер выступал только от имени своей страны, а не всего советского блока, и при этом говорил о том, что «реставрации капитализма» в Венгрии «они не могут допустить хотя бы из-за внутренних советских причин», ведь в СССР многие люди, и в том числе военные, воспримут потерю Венгрии как проявление ослабления СССР после смерти Сталина: «Пока у власти был Сталин, все сидели тихо и не было никаких проблем. А теперь, когда у руля эти <...>, вот вам, пожалуйста, первое поражение, потеря Венгрии»¹⁰. Показательны и свидетельства современников, участников той военной кампании о том, что «война» против венгров в 1956 г. воспринималась многими советскими офицерами как продолжение Второй мировой войны; об участии Венгрии в войне против СССР на стороне нацистской Германии было упомянуто и в приказе № 1 маршала Конева, осуществлявшего командование военной операцией¹¹. О победе советской армии, а отнюдь не объединенных войск ОВД, на террито-

рии Венгрии осенью 1956 г., говорил и министр обороны СССР маршал Жуков, выступая 15 мая 1957 г. в Восточной Германии на совещании командного состава Группы советских войск в Германии¹². Жуков при этом не упомянул о том, что разогнанные и разоруженные советскими частями венгерские формирования также входили в состав объединенных войск Варшавского договора.

В контексте венгерского кризиса и советской политики представляет важность вопрос о том, какую позицию в связи с революцией и национально-освободительной борьбой, а также советской интервенцией в Венгрии заняли западные державы, недавние союзники СССР по Второй мировой войне — США, Великобритания и Франция.

Несмотря на то, что администрация Д. Эйзенхауэра, пришедшая к власти в январе 1953 г., с самого начала провозгласила курс на мирное освобождение стран Восточной Европы от внешнеполитического диктата Москвы, польский кризис и венгерская революция оказались для Вашингтона довольно неожиданными. Западные пропагандистские каналы, активно вещавшие на страны советской сферы влияния (включая Венгрию), особенно Радио «Свободная Европа» и «Голос Америки», создавали во всем мире иллюзию, что США в соответствии с декларированной их правительством доктриной «освобождения» действительно считают своей приоритетной задачей на восточноевропейском направлении восстановление реальной независимости народов, оказавшихся под контролем Москвы. Эта пропаганда вводила в заблуждение и многих венгров, взявшихся за оружие ради достижения освободительных целей. Они верили в то, что Запад, и прежде всего США, только ждут удобного случая, чтобы в соответствии со своими обещаниями предоставить помощь борющемуся за свое национальное освобождение венгерскому народу: они якобы окажут давление на Советский Союз, вынудив его к признанию независимости Венгрии. Вопреки этим ожиданиям, госсекретарь Джон Фостер Даллес уже 21 октября в связи с польскими событиями заявил в ходе телепрограммы, что США отнюдь не склонны посылать свои войска в Польшу в случае советского военного вмешательства в дела этой страны¹³.

26 декабря советник президента США по разоружению Гарольд Стассен предложил американскому правительству выступить с заверением о том, что освобождение восточноевропейских стран от советского диктата не угрожает интересам безопасности Советского Союза, поскольку западные державы не воспользуются новым статусом этих стран для создания ему какой-либо военной угрозы.

В связи с венгерским восстанием Даллес произнес речь в г. Далласе в рамках предвыборной кампании президента Д. Эйзенхауэра. Он высоко оценил героизм свободолюбивого венгерского народа, выступившего против советских танков. Обязанность всего свободного мира — приложить все усилия, чтобы жертвы не были напрасны. В сложившихся условиях единственным эффективным инструментом Даллес счел рассмотрение венгерского вопроса на Совете Безопасности ООН. В то же время он недвусмысленно дал понять, что урегулирование венгерского вопроса зависит только от Советского Союза. США, продолжил он, отстаивая право восточноевропейских стран на свободные демократические выборы, вместе с тем не преследуют никаких корыстных целей и не рассматривают эти страны в качестве своих потенциальных военных союзников. Со ссылкой

на высказывание Даллеса то же самое подчеркнул 28 октября представитель США в Совбезе ООН, а 29 октября посол США в Москве Ч. Болен обратил внимание советских руководителей именно на ту часть выступления Даллеса, где говорилось о том, что США не рассматривают освобожденные восточноевропейские страны в качестве своих потенциальных союзников.

По сути то же самое повторил президент Эйзенхауэр, выступая по телевидению 31 октября. В США в это время выходила на финишную прямую кампания по выборам президента, в ходе которой Эйзенхауэр баллотировался на второй срок. В предвыборном выступлении от 2 ноября он говорил, что вся Америка «в эти судьбоносные часы воздает дань уважения венгерскому народу за храбрость», скорбит о жертвах, понесенных во имя свободы. За этим следовало обещание выделения финансовой помощи.

В свою очередь, французский министр иностранных дел Кристиан Пино заявил на пресс-конференции о том, что правительство Франции, хотя и приветствует события в Восточной Европе (в частности, в Польше и Венгрии), но не собирается втягиваться в конфликт. В Британии официальный представитель правительства, выступая 1 ноября в парламенте от имени премьер-министра Э. Идена, также указал на отсутствие намерений использовать восточноевропейские события для подрыва безопасности Советского Союза. Единственным местом, где, как казалось, уделялось должное внимание венгерскому вопросу, оставалась ООН. 25 октября правительство США приняло решение о том, чтобы инициировать вместе с союзниками постановку «венгерского вопроса» в повестку дня ООН. Однако Совет безопасности не принял этого предложения. Администрация Эйзенхауэра хорошо знала, что о военном вмешательстве не может быть и речи, а поле дипломатических маневров очень ограничено.

27 октября США, Великобритания и Франция (причем европейские державы только после определенных колебаний*) вновь предложили созвать заседание Совета Безопасности ООН для обсуждения положения в Венгрии. На следующий день «венгерский вопрос» действительно был включен в повестку дня Совбеза, но проект решения так и не был подготовлен. 1 ноября из-за начавшегося Суэцкого кризиса обсуждение восточноевропейских событий было перенесено на более поздний срок, к вопросу вернулись на следующий день, 2 ноября, но решение так и не было выработано и принято.

Вследствие второй советской военной акции, предпринятой 4 ноября, уже на следующий день, 5 ноября, положение в Венгрии вновь стало предметом обсуждения на чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН. Подавляющим большинством голосов была принята резолюция, предложенная США и призывавшая правительство СССР немедленно прекратить военную акцию и приступить к выводу своих войск из Венгрии. В ней было подтверждено право венгерского народа на свободный выбор формы жизнеустройства и характера правления.

В выступлении от 14 ноября, сделанном уже после избрания на второй президентский срок, Эйзенхауэр признал, что США ни раньше, ни в самые последние

* Главная причина колебаний заключалась в том, что 22–24 октября на англо-франко-израильских секретных переговорах во французском городе Севре было принято решение о начале военной акции против Египта 29 октября.

недели не поддерживали восстание беззащитного народа против силы, которую он не в состоянии победить, не побуждали своих друзей к такому вооруженному выступлению, которое могло привести их только к катастрофе.

Из источников известно, что лишь со стороны возглавляемой генералом Франко Испании была предпринята попытка оказать реальную военную помощь восставшей Венгрии¹⁴. Информацию о сосредоточении большого контингента советских войск в Галиции с очевидным намерением перебросить эти силы в Венгрию представителям франкистской элиты, по некоторым данным, сообщил 2 ноября глава бывшего императорского дома Отто Габсбург, а 4 ноября, когда интервенция состоялась, он вновь, если верить тому же источнику, обратился к Франко с запросом о возможном оказании помощи венгерским повстанцам. Вечером того же дня Франко созвал заседание совета министров, на котором было принято решение инициировать отправку в Венгрию сил испанских добровольцев. Осуществлению этого плана, однако, воспрепятствовали как США, отказавшиеся предоставить свою транспортную авиацию для переправки испанских частей к венгерской границе, так и нейтральная Австрия.

С конца октября внешним фактором, сильно повлиявшим на развитие событий вокруг Венгрии, явился, как известно, Суэцкий кризис. В этом конфликте в последний раз проявилось стремление Великобритании сыграть самостоятельную роль в мировой политике, тогда как СССР и США впервые после Второй мировой войны заняли схожие позиции, напомнив западноевропейским державам, что центрами принятия важнейших решений являются не Лондон и Париж, а Вашингтон и Москва. Решение о силовой акции в целях возврата Суэцкого канала под британско-французскую юрисдикцию было принято уже 28 июля, всего через два дня после того, как президент Египта Насер объявил о национализации канала. С этого времени, по сути, и начались военные приготовления. Для советского руководства, принимавшего участие (безуспешно) в дипломатическом урегулировании возникшего конфликта, военная операция на Суэце не была неожиданностью, о ее подготовке знали из сообщений разведки уже в сентябре.

Под давлением французского правительства родился план общей военной акции трех стран — Франции, Великобритании и Израиля, решение о его осуществлении в соответствии с разработанным сценарием было принято, как уже отмечалось, на состоявшемся в пригороде Парижа Севре секретном совещании. Оно прошло 22–24 октября, в канун и дни начала будапештского восстания. Израильская армия предприняла свою акцию на Синайском полуострове, а на следующий день как Израиль, так и Египет получили ультиматум от французского и британского правительств с требованием отвести свои войска от канала. Поскольку Египет не подчинился этим требованиям, 31 октября британские ВВС приступили к бомбардировкам объектов на его территории. Молниеносная война сопровождалась быстрыми успехами армии Израиля, преследовавшего свои военно-политические цели на Синайском полуострове. В этих условиях высадка англо-французского десанта нанесла египетскому войску решающий удар. Интервенционистские отряды беспрепятственно продвигались вдоль канала, оставившись лишь 7 ноября вследствие требования ООН о прекращении огня.

Ситуация на Ближнем Востоке обсуждалась 28 октября в Москве на заседании Президиума ЦК КПСС, посвященном венгерскому вопросу. Для Хрущева

действия западноевропейских держав были аргументом в пользу приостановки дальнейшего военного вмешательства в Венгрии: «Англичане и французы в Египте заваривают кашу. Не попасть бы в одну компанию. Но иллюзии не создавать. Лицо сохраняем»¹⁵. Но на заседании Президиума ЦК от 31 октября положение на Ближнем Востоке (разгром египетской армии) уже дало советскому лидеру повод для пересмотра прежних оценок, и прежде всего тактики на венгерском направлении: «Пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии. Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать <...> Нас не поймет наша партия. К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет», — говорил Хрущев¹⁶. Можно говорить не только о главной роли США в разрешении Суэцкого конфликта, но и о том, что существовало молчаливое согласие двух сверхдержав в интересах ближневосточного урегулирования. Позиции США на Ближнем Востоке усилились, но и Советский Союз вследствие разрешения Суэцкого кризиса приобрел определенное влияние в таком регионе, где никогда никаким серьезным влиянием ранее не обладал. Негативное впечатление о себе в странах «третьего мира», возникшее в результате вторжения в Венгрию, Москва пыталась компенсировать, позиционируя себя на международной арене в качестве силы, защищающей молодые нации перед лицом мирового империализма. Таким образом, интересы двух сверхдержав впервые напрямую столкнулись друг с другом на Ближнем Востоке, что несло в себе угрозу будущих конфликтов в этом регионе.

Что касается восточноевропейского контекста советской политики, то руководство СССР сочло, как известно, необходимым согласовать свои планы подавления венгерской революции с лидерами социалистических стран. 1 ноября в Бресте состоялась встреча советских лидеров с В. Гомулкой. С началом венгерской революции обновленное польское руководство поддерживало шаги И. Нады, направленные на внутривнутриполитическую консолидацию, не одобрило и первое советское силовое вмешательство в Венгрии (в ночь на 24 октября). Брестские переговоры также не привели к согласию между двумя сторонами. В заявлении ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) от 2 ноября 1956 г. было подчеркнуто, что обеспечить защиту социализма в Венгрии предстоит самому венгерскому народу, а не путем внешнего вмешательства¹⁷. В. Гомулка вечером 4 ноября, уже зная о решающей советской интервенции, выступил на всепольском партактиве. Он не одобрил советские действия, заявив в то же время, что превыше всего единство социалистического блока и внутреннее спокойствие: советская интервенция в Венгрии, по сути, поставила Польшу перед свершившимся фактом, в этих условиях надо оставаться политическими реалистами, сосредоточиться на долгосрочных политических задачах, и интересы страны никак не должны быть принесены в жертву скороспелым шагам и ситуационной политике¹⁸.

2 ноября в Бухаресте о советских интервенционистских планах были проинформированы коммунистические лидеры Болгарии, Румынии и Чехословакии, одобрившие силовое решение, с румынской стороны была даже проявлена инициатива участия в военной акции.

Вылетая на встречу с Тито, состоявшуюся в ночь со 2 на 3 ноября на острове Бриони в Адриатике, советские лидеры Н.С. Хрущев и Г.М. Маленков опасались, что югославское руководство всё еще придерживается линии, выраженной в письме Тито от 29 октября, направленном руководству ВПТ от имени ЦК Союза коммунистов Югославии (СКЮ)¹⁹. В нем, хотя и указывалось на опасность «контрреволюционных» тенденций, но вместе с тем заявлялось о поддержке действующего правительства и в том числе линии Имре Надя на признание правомерности действий восставших, проявившейся в его заявлении от 28 октября. Запись брионской беседы, выполненная послом Югославии в СССР В. Мичуновичем²⁰, дает представление как об аргументах, которые приводил Хрущев, стремясь убедить югославов в необходимости радикального военного вмешательства в Венгрии, так и о советских военных планах. Тито был информирован и о том, что Я. Кадар и Ф. Мюнних покинули Венгрию и находятся в СССР, выражая готовность сотрудничать с Москвой в деле нормализации положения в Венгрии. Лидер Югославии, соглашаясь с тем, что развитие событий в соседней стране приняло нежелательный, опасный характер, поскольку правительство теряет контроль за ситуацией, призвал, вместе с тем, не опираться только на силу советского оружия, но искать политические средства. Если верить записи Мичуновича, именно на этом этапе с подачи югославов и возникла кандидатура Кадара как человека, способного возглавить новое венгерское правительство. Причем советскую сторону пришлось убеждать в предпочтительности именно этой фигуры: при всех достоинствах Мюнниха, «если выбирать между ним и Кадаром, то нужно принимать во внимание одно существенное политическое различие. Мюнних при Ракоши был послом в Москве, Кадар же сидел в тюрьме в Будапеште. В глазах любого венгра это будет решающим аргументом в пользу Кадара»²¹. Обсуждался и вопрос о возможном югославском содействии в деле политической нейтрализации Имре Надя и его правительства: «Хрущев и особенно Маленков придают этому огромное значение и прямо говорят о том, что любые мероприятия, предпринятые югославами в этом направлении, будут уместны и очень важны»²². Югославы проявили готовность оказать помощь в этом деле. Разрабатывался и конкретный план, однако события, как известно, развивались в другом направлении. Имре Надь не пошел на добровольную передачу власти правительству, сформированному в Москве, и осудил советское военное вмешательство.

Записи заседаний с участием Кадара и Мюнниха в Москве 3 ноября раскрывают конкретные обстоятельства формирования нового венгерского правительства. Они отражают не только явное стремление Кадара отмежеваться от прежней команды Ракоши, но и его довольно критическое отношение к советской политике в Венгрии. Особенно много бед принесла, по его мнению, монополизация всех каналов связи с СССР узкой верхушкой ВПТ во главе с Ракоши: только этим людям, никогда не высказывавшим никаких возражений, Москва доверяла²³. Впрочем, критика Кадаром предшествующей политической практики ни в коей мере не подвергала сомнению его уверенность в том, что решить венгерские проблемы на данном этапе невозможно без советской военной помощи: «Что делать? Отдать социалистическую страну контрреволюции невозможно. Согласен с вами. Правильные действия — образовать революционное правительство». Вместе с тем прозвучала и принципиальная позиция Кадара: «Это

правительство должно быть не марионеточным, и для его деятельности должна быть база, опора среди рабочих <...> большое значение имеет вывод советских войск из Венгрии» после завершения ими своей миссии, поскольку если даже «усиливаемся в военном отношении — слабее становимся в политическом»²⁴.

В первом программном заявлении нового правительства говорилось о том, что оно «в интересах нашего народа, нашего рабочего класса, нашей Родины обратилось с просьбой к командованию Советских войск, чтобы оно помогло нашему народу обуздать черные силы реакции, восстановить народный социалистический строй, восстановить порядок и спокойствие в нашей стране», после же установления порядка и спокойствия «венгерское правительство вступит в переговоры с правительством Советского Союза и другими участниками Варшавского договора по вопросу о пребывании советских войск на территории Венгрии»²⁵.

О последствиях для Венгрии «оказания советской помощи» дают представление некоторые цифры и факты. Через 11 лет после окончания Второй мировой войны на улицах венгерской столицы вновь появились руины разрушенных зданий. Примерно 20 тыс. человек были ранены, более 2500 человек погибли (2 тыс. из них в Будапеште), поток эмигрантов составил 200 тыс. человек. Количество интернированных в первой половине ноября достигло 5 тыс. человек, 860 из них были на некоторое время переправлены на советскую территорию. Около 25 тыс. человек осуждены за участие в венгерской революции, 229-ти вынесены смертные приговоры.

Потери понесла, разумеется, и советская сторона: около 670 военнослужащих были убиты, около 2 тыс. ранены, более 50 пропали без вести.

В июне 1957 г. в выступлении на конференции Венгерской социалистической рабочей партии Кадар откровенно признал непрочность своей власти, все еще нуждавшейся в поддержке советских штыков²⁶. Потребность в нахождении советских войск в Венгрии, очевидно, сохранялась и в дальнейшем, на целые десятилетия. Они были выведены из страны не после завершения своей миссии по «наведению порядка» в 1956 г., а только в 1991 г.

Перевод с венгерского А.С. Стыкалина

Примечания

- 1 Известия. 1947. 19 II.
- 2 О массовых волнениях в Познани 28 июня 1956 г. и их последствиях см.: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. Глава 3. (*Прим. пер.*).
- 3 Об общественном подъеме в Польше в октябре 1956 г. и кризисе в советско-польских отношениях вследствие существенных кадровых перестановок в руководстве Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) и правительстве см.: Там же. Глава IV. (*Прим. пер.*).
- 4 Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. A Nagy Imre és társai per iratai, XX-5-h. Vizsgálólatok 8. köt. 19–22. old.
- 5 Правда. 1956. 25 II.

- 6 ССВК. С. 464–466.
- 7 «В целях обеспечения взаимной безопасности социалистических стран Советское Правительство готово рассмотреть с другими социалистическими странами — участниками Варшавского договора — вопрос о советских войсках, находящихся на территориях указанных выше стран. При этом Советское Правительство исходит из того общего принципа, что размещение войск того или иного государства — участника Варшавского договора — на территории другого государства — участника Варшавского договора — производится по договоренности между всеми его участниками и только с согласия того государства, на территории которого по его просьбе размещены или имеется в виду разместить эти войска» (См.: Там же. С. 465).
- 8 См. в «Правде» от 15 мая 1955 г. текст подписанного в Варшаве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между рядом социалистических стран, а также информационное сообщение о принятом решении о создании объединенного командования вооруженных сил государств-участников этого договора.
- 9 См. составленную военным историком подполковником А.М. Кыровым сводную ведомость о соединениях советских войск, принявших участие в подавлении внутренних выступлений в Венгрии, и о динамике их вступления в страну: Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997. С. 127–128.
- 10 ССВК. С. 526.
- 11 Текст приказа см.: 1956. Осень в Будапеште. М., 1996. С. 116–117.
- 12 Со ссылкой на Центральный архив Министерства обороны РФ текст выступления публикуется в: Szovjet katonai intervenció 1956. Budapest, 2001. 47–59. old.
- 13 *Békés Cs. Az 1956-os magyar forradalom a világpolitikában.* Budapest, 1996. 55. old.
- 14 Об этом известно, в частности, из воспоминаний эмигранта Ференца Мароши, который и в 1950-е годы продолжал находиться в Испании в качестве венгерского «королевского посла». См.: *Köztársaság.* Budapest, 1992. 32–33. sz.
- 15 ССВК. С. 439. О начавшейся уже в ночь на 24 октября советской интервенции в Венгрии при этом не было сказано ни слова.
- 16 Там же. С. 479–480.
- 17 *Tischler J. A lengyel pártvezetés és az 1956-os forradalom // 1956-os Intézet. Évkönyv.* Budapest, 1994. 190. old.
- 18 Ibid. 194. old.
- 19 1956. a sajtó tükrében. Budapest, 1989. 151. old.
- 20 ССВК. С. 524–533.
- 21 Там же. С. 528.
- 22 Там же. С. 529–530.
- 23 «Всегда помогали советские товарищи, но была одна ошибка: только к 3–4 тт. венграм было полное доверие со стороны сов. тт.: Ракоши, Гере, Фаркаш. Но среди других — много порядочных людей. 3–4 чел. монополизировали отношения между Венгрией и СССР. Это источник многих ошибок. Ракоши скажет — это мнение сов. тт. — и все замолкает. <...> Критиковать Ракоши — значит выступать против советских тт. <...> 12 лет советские товарищи были спокойны, если Ракоши во главе и Герё (тогда им не возражали)». См.: Там же. С. 542–543.
- 24 Там же. С. 543.
- 25 Там же. С. 552–553.
- 26 *Magyar Szocialista Munkaspárt jeyzőkönyvei.* Budapest, 1993. IV. köt. 200. old.

Дипломатическая деятельность Ю.В. Андропова в Венгрии в оценках отечественных мемуаристов (1953–1956)

Из политических деятелей советской эпохи несомненный интерес не только в современной исторической, но и в публицистической и научно-популярной литературе вызывает фигура Ю.В. Андропова. Об этом свидетельствует рост числа посвященных ему работ. Полагаем, такой интерес вызван, прежде всего, тем, что Юрий Владимирович длительное время занимал пост председателя КГБ, а после того, как был избран генеральным секретарем ЦК КПСС, развернул решительную и безжалостную борьбу с коррупцией и недисциплинированностью не только в рядах партии, но и во всех сферах государственного аппарата.

В контексте осмысления деятельности Андропова интересным представляется рассмотрение его работы в Министерстве иностранных дел СССР, в том числе на посту посла в Венгерской Народной Республике (1954–1957). Актуальность изучения данной проблематики, с одной стороны, обусловлена общим значением венгерских событий 1956 г. С другой стороны, именно венгерский этап карьеры послужил для Андропова своеобразным «трамплином», после которого он вошел в когорту высших номенклатурных работников советского государства.

В 1953 г. Андропова с поста заведующего подотделом отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС перевели в распоряжение МИД. Это являлось существенным понижением. Как правило, в МИД переводили лишь тех руководящих работников аппарата ЦК, партийная карьера которых шла на закат. Чаще всего такое перемещение воспринималось как почетная ссылка.

Вообще, после смерти И.В. Сталина, в высших политических кругах вследствие «столкновения интересов» разных групп функционеров рушились карьеры многих партийных работников. Такая участь, видимо, коснулась и Андропова. Но его карьерное падение, как показали дальнейшие события, оказалось недолгим.

При оценке причин перевода Андропова в МИД следует обратить внимание на данные И.С. Черноуцана (со слов В. Оскоцкого) о конфликте с М.А. Суловым весной 1953 г. Дело в том, что после смерти Сталина, в немалой степени с подачи Сулова, ЦК отправил специальную комиссию в Литву с целью подготовки снятия первого секретаря компартии республики А.Ю. Снечкуса (в состав комиссии входили Ю.В. Андропов и И.С. Черноуцан). Однако комиссия, изучив деятельность Литовской парторганизации, никакого компрометирующего мате-

риала не нашла и оценила ее работу положительно¹. Невыполненное задание, возможно, и стало одной из причин понижения Андропова. Косвенное подтверждение этой версии можно найти и в архивных материалах, показывающих, что Андропов в это время активно работал на «литовском направлении»².

Существует и другая точка зрения относительно причин понижения Андропова. Его помощник по работе в Политбюро И.Е. Синицин утверждает, что после смерти И.В. Сталина Н.С. Хрущев и Президиум ЦК КПСС для укрепления государственного аппарата решили направить партийных работников в государственные структуры. Г.М. Маленков, по версии Синицина, решил «очистить» аппарат ЦК от сотрудников, которые трудились там недолго, и которых согласился принять на аппаратную работу в ЦК Сталин. Так как Андропов проработал в ЦК всего два года, он, соответственно, вошел в число кандидатов на перемещение и в результате был переведен в МИД³. Аналогичной точки зрения придерживался Ю.В. Бернов. Он писал, что советские посольства было решено укрепить опытными партийными работниками⁴.

Кстати, глава МИД того времени В.М. Молотов вспоминал, что Андропова направил в МИД распределительный отдел или кто-то из секретарей ЦК. Он также упомянул, что в ЦК кто-то ему говорил, что он может использовать Андропова на дипломатической работе. Молотов предложил Венгрию, и с ним согласились⁵. Работавший тогда в аппарате МИДа А.М. Александров-Агентов подтвердил это, указывая, что назначение в Венгрию Андропов получил именно по «молотовской рекомендации»⁶. Бывший кремлевский охранник С.П. Красиков писал, что Андропова назначили в Венгрию «по указанию Маленкова»⁷, что тоже представляется весьма вероятным, учитывая вышеизложенный конфликт Андропова с Сусловым. Однако вызывает сомнения тот факт, что Красиков, занимая должность охранника, был в полной мере осведомлен о мотивах перемещения Андропова.

Впрочем, назначение Андропова послом состоялось далеко не сразу. В 1953 г. он занял должность скромнее — советника-посланника. Послом он стал только 14 июня 1954 г.⁸, в самый канун своего 40-летия.

Однако и в венгерской «ссылке» Андропов, очевидно, работал с дальним прицелом. В частности, служа в посольстве, он заметил В.А. Крючкова, которому позднее протезировал на протяжении всей его карьеры. В 1960-х годах Крючков находился у него в подчинении в аппарате ЦК, а позднее Юрий Владимирович добился его перевода в КГБ.

Крючков вспоминал, что Андропов «стремительно завоевывал симпатии и уважение в среде послов других социалистических стран»⁹. Характеризуя его стиль работы, Крючков особо отмечал, что на проходивших в посольстве совещаниях он принимал ответственные решения, проявляя при этом «разумную осмотрительность»¹⁰, стараясь избегать риска, т. е. Андропов был предусмотрительным, осторожным послом. Все принимаемые им решения были предельно взвешенными и подвергались тщательному анализу на предмет возможных последствий. Полагаем, что эти качества Андропов сохранил и в последующем. Подтверждением тому являются мемуары ряда работников ЦК КПСС и КГБ.

В то же время, по словам Крючкова, Андропов не старался сосредоточить в своих руках всю власть в посольстве. Во всяком случае, на совещаниях было

позволено высказывать разные точки зрения. Более того, принимаемые Андроповым решения могли оспорить другие работники посольства, и в случае согласия он останавливал выполнение уже принятого решения и принимал новое, предложенное коллегами¹¹.

Особый интерес представляют также оценки линии Андропова в ходе венгерских событий 1956 г. По свидетельству Крючкова, в связи с ухудшением внутриполитической ситуации в Венгрии М. Ракоши много раз обращался к Андропову с целью выяснения позиции Москвы по тем или иным вопросам. Но Андропов сам был зачастую не осведомлен и не получал «никаких четких ориентировок»¹². При этом в ночь на 24 октября, когда в Венгрии уже началось восстание, Андропов якобы отказался ставить вопрос о вводе в Будапешт советских войск, несмотря на призывы местного руководства¹³.

Полагаем, что Крючков в мемуарах все же явно лукавит, так как, являясь сотрудником посольства, он наверняка знал, что Андропов был изначально сторонником подавления начавшегося мятежа. Тому есть масса других свидетельств, в том числе слова самого посла.

Приведем несколько примеров совершенно иной интерпретации тех событий.

Так, пожалуй, одно из самых интересных свидетельств о роли Андропова в венгерских событиях 1956 г. оставил в мемуарах генерал-лейтенант (а во время венгерского кризиса полковник) Е.И. Малашенко, находившийся в составе Особого корпуса советских войск, располагавшегося в Венгрии. По его данным, еще до решающих событий октября-ноября 1956 г. Андропов информировал Особый корпус о внутривнутриполитической ситуации в стране, предупреждая, что венгерское правительство может обратиться с просьбой о помощи. В данной связи Малашенко отметил, что многие инициативы относительно помощи венгерскому правительству исходили именно от Андропова¹⁴.

Малашенко озвучил кардинально другую позицию о событиях, предшествовавших вводу советских войск в Будапешт, нежели та, что представлена в мемуарах Крючкова. Так, он писал, что вечером 23 октября Андропов позвонил командиру Особого корпуса П.Н. Лашенко. В ходе разговора посол спросил генерала, не может ли он ввести войска для устранения беспорядков в венгерской столице. Лашенко ответил, что этим должны заниматься сами венгры, и он может ввести войска только если будет принято соответствующее постановление правительства СССР. В итоге уже через час последовало указание из Москвы о приведении советских частей в боевую готовность¹⁵.

Далее Малашенко сообщил о личной трактовке Андроповым венгерского выступления. 28–29 октября 1956 г. на встрече с командным составом Особого корпуса посол в доверительной беседе сказал, что в Венгрии происходит контрреволюционный мятеж, возглавляемый И. Надем. Этот мятеж, по мнению Андропова, имел антисоциалистический характер. Малашенко показалось, что Андропов односторонне трактовал происходящие события, «выхватывая из всей своей массы факты, имеющие лишь антисоциалистическую направленность»¹⁶.

Передавая разговор о дальнейшем плане действий в Будапеште, Малашенко отметил, что Лашенко предложил вывести войска из города, мотивируя это тем, что они практически бездействуют. Однако Андропов с этим предложением не согласился. Он полагал, что советские войска являются важным гарантом ста-

бильности и что нельзя оставлять коммунистов «на растерзание»¹⁷. Что касается советского военного присутствия в Венгрии, то посол был уверен, что если советские войска уйдут из страны, то на их место придут США и их союзники. С мнением Андропова в этом вопросе были, согласно Малашенко, солидарны Суслов и Микоян.

Данные Малашенко подтверждают воспоминания О. Захарова, который писал, что Андропов в одной из частных бесед говорил, что, когда ситуация в Венгрии изменилась в худшую сторону, то он созванивался с Н.С. Хрущевым и Г.К. Жуковым. Андропов полагал, что положение в Венгрии стало критическим, и если не ввести войска, то контрреволюция разрушит социалистический строй в стране, а это чревато большим количеством человеческих жертв¹⁸.

Меньший интерес в плане оценки позиции Андропова в венгерских событиях имеют мемуары лиц, лично с ним в эту пору не общавшихся. В частности, полковник В. Фомин, проходивший военную службу в 1956 г. в Венгрии, указал, что 23 октября Андропов якобы выступил с заявлением о том, что венгры просят ввести советские части в Будапешт¹⁹. Перед кем он делал такое заявление, из контекста остается не ясным.

Академик Г.А. Арбатов, который работал с Андроповым в отделе ЦК в 1960-х годах, проанализировал, как повлияли венгерские события на формирование политических взглядов этого человека в дальнейшем. При этом Арбатов опирался на рассказы людей, работавших в 1956 г. в Венгрии, а также на свидетельства Я. Кадара, с которым он неоднократно встречался в 1980-х годах. Арбатов констатировал, что донесения Андропова в Москву «отличались необычной для тех времен откровенностью и даже остротой»²⁰. В частности, посол в своих записках критически писал о Ракоши, предупреждая, что если в Венгрии ставку делать на таких политиков, то последствия окажутся негативными. По мнению Арбатова, эти донесения способствовали карьере Андропова, который сам рассказывал ему, что они очень тщательно изучались в верхах.

Арбатов считал, что венгерские события, воспринимавшиеся Андроповым как «вооруженная контрреволюция, которую надо подавить»²¹, сильно повлияли на него. Мемуарист выделил несколько факторов, оказавших влияние на Андропова:

— Интеллектуальная составляющая: Андропов якобы понимал истинные причины венгерского восстания, существенно отличавшиеся от трактовок в официальных советских хрониках того периода. Он видел, что происходящие в Венгрии события тесно связаны с наследием сталинской эпохи.

— Эмоциональная составляющая: Андропов видел бесчинства, творившиеся в Венгрии, кровавые расправы над коммунистами, ожесточенные военные действия (в частности, был обстрелян и сам посол, когда он направлялся на аэродром для встречи А.И. Микояна). На основе этого Арбатов сделал вывод, что у Андропова возник «венгерский комплекс», проявлявшийся в том, что он болезненно воспринимал трудности, возникающие в странах народной демократии, и стремился решить их радикальным путем.

Действительно, Андропов в Венгрии был фактически участником военных столкновений. Несколько раз обстреливали посольство. О бесчинствах, творившихся в Венгрии, свидетельствуют воспоминания Р. Аджубей, которой

Андропов рассказывал о том, «как наших красноармейцев поджигали, вырезали на груди звезды»²². Заметим также, что следствием описанных событий стала трагедия в личной жизни Андропова: его жена после событий в Венгрии стала инвалидом. Причем, ранений никаких она не получила, а инвалидность ее была вызвана резкими перепадами давления²³. Данный факт представляется довольно значимым, так как личная жизнь обычно накладывает «отпечаток» и на политическую карьеру.

О «венгерском комплексе» Андропова рассказывал и Ф.М. Бурлацкий, который, как и Арбатов, работал с ним в 1960-е годы. Бурлацкий писал в воспоминаниях, что советский посол якобы первым осознал необходимость снятия с поста Ракоши и сообщил об этом соответствующей запиской в Москву. Согласно слишком категоричному утверждению Бурлацкого, Андропов был единственным, кто «занимал правильные позиции»²⁴.

Особый аспект в воспоминаниях современников составляет оценка Андропова как политика, якобы «открывшего» Я. Кадара.

Так, С.П. Красиков писал, что Андропов просил советское правительство ввести дополнительные войска для решения «венгерской проблемы», и его просьба была удовлетворена 1 ноября 1956 г. После этого советского посла пригласил премьер-министр И. Надь для разъяснений, но Андропов ответил, что это тактические учения²⁵. При этом он в то же самое время якобы уговаривал Я. Кадара возглавить новое венгерское правительство²⁶ (отчет Андропова о встрече с членами венгерского правительства этого не отражает).

А.С. Грачёв в определенной мере подтверждает эти сведения. Он написал в мемуарах, что именно Андропов якобы «открыл Кадара как спасительную альтернативу»²⁷, а в дальнейшем у них возникли дружеские отношения²⁸. Подтверждение этому можно встретить и у Арбатова. Он пишет, что Ю.В. Андропов поддерживал кандидатуру Я. Кадара, несмотря на то что в Москве не все отнеслись к нему положительно. И в итоге Андропову все же «удалось убедить Москву, что лидером должен стать Кадар»²⁹. Опубликованные донесения посла с предостережениями относительно предполагавшегося весной 1956 г. восстановления Кадара в венгерском политбюро явно прошли мимо внимания академика Арбатова³⁰.

О противодействии из центра инициативам и линии, занимаемой Андроповым, свидетельствовала Т.И. Андропова (внучка Ю.В. Андропова). В интервью она рассказала, что Андропов предупреждал руководство СССР о сложной ситуации в Венгрии. По ее утверждениям, содержание его записок о положении в Венгрии существенно отличалось от мнения Хрущева, Сулова и Микояна, как и от донесений КГБ. По ее мнению, Ю.В. Андропов считал, что нельзя допустить возможности силового решения в «венгерском вопросе». Согласно ее сведениям, было якобы даже принято решение об отзыве Андропова с должности посла, но за него вступился венгерский руководитель Э. Герё, и в итоге его не стали смещать с посольской работы. Дальнейшие события подтвердили, на взгляд советских лидеров, правильность позиции Андропова³¹.

Заметим, что эта точка зрения диссонирует с озвученными выше трактовками Малашенко и Захарова относительно того, что советские войска были введены в Будапешт именно по инициативе Ю.В. Андропова.

В целом, Т.И. Андропова пыталась показать, что Ю.В. Андропов занял принципиально другую линию, отличавшуюся от общепринятой. Такое нам представляется маловероятным. В данной связи интересны воспоминания его секретаря И.Е. Синицина. Он назвал Андропова «безгласным исполнителем»³² решений Москвы, отмечая, что по-настоящему командовал в Венгрии председатель КГБ И.А. Серов. Сулов и Микоян, по Синицину, тоже играли немаловажную роль, неоднократно посещая Будапешт³³.

Подводя итог, следует признать, что мемуарные сведения об участии Андропова в венгерских событиях довольно субъективны. При этом особое значение имеет то обстоятельство, в каких отношениях находился Андропов с мемуаристами. К примеру, Крючков, пользовавшийся покровительством Андропова, обошел стороной сложные вопросы венгерского кризиса (непосредственным свидетелем которого он был), а его формулировки и оценки Андропова как посла достаточно лестны. Малащенко, также являясь непосредственным участником венгерских событий, характеризовал Андропова иначе: он представлен в его мемуарах последовательным ультраконсервативным деятелем, стремившимся скорее подавить венгерское выступление. Малащенко также косвенно указал, что Андропов не смог понять истинные причины восстания.

В целом, в мемуарах неотчетливо прослеживаются два основных направления: показать Андропова либо либералом, пытающимся решить назревающий конфликт мирным путем, либо консерватором, стремящимся ликвидировать венгерское восстание всеми возможными средствами, в том числе вооруженным путем.

Сторонники «либеральной теории» повествуют о том, что Андропов многое сделал для того, чтобы предотвратить восстание³⁴. Приверженцы «консервативной линии» считают иначе. Так, Александров-Агентов полагал, что именно Андропов был инициатором «жестких и репрессивных мер» в Венгрии³⁵. Но для того, чтобы понять, кем именно являлся посол Андропов: либералом или консерватором, надо обратиться к научным монографиям и исследователям, которые использовали документальные сведения, почерпнутые из архивов. Так, исследователь А.С. Стыкалин, опираясь на обширную источниковую базу, доказал, что Андропов вовсе не стоял на либеральных позициях. Все его записки и донесения в Москву характеризуют его как решительного противника любых изменений и реформ, отличающихся от советской модели развития³⁶. Тем самым можно сделать довольно уверенный вывод о том, что скорее правы сторонники «консервативной теории».

Но как многие представители первого, так и большая часть представителей второго направления солидарны в том, что венгерские события оказали влияние на последующую карьеру Андропова, а также на складывание его политических взглядов. Так, по мнению В.М. Фалина, увиденное восстание, его жестокий характер и подавление «призраками преследовали Юрия Владимировича до последнего вздоха»³⁷.

В данном контексте стоит опровергнуть еще одно заблуждение. В научных и публицистических трудах можно часто встретить утверждение о том, что Андропов якобы предвосхитил «перестройку» М.С. Горбачева. В данной связи О.А. Трояновский заметил, что Андропов после того, как стал свидетелем беспорядков в Венгрии, не пошел бы ни в коем случае на радикальный вариант

«перестройки»³⁸. Венгерские события укоренили в нем консерватизм, особо он проявился в вопросах внешней политики. Если Андропов и планировал модернизацию, то, наверное, по его задумке, она должна была быть постепенной и, естественно, без резких скачков и изменений.

Дипломатическая деятельность Андропова в Венгрии была высоко оценена его непосредственными начальниками. В частности, первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев отметил, что «с посольскими делами он справлялся хорошо» и давал «полезные советы», исходя из возникавших ситуаций³⁹. Министр иностранных дел В.М. Молотов считал назначение в Венгрию Андропова «удачным» решением. Молотов также отмечал, что в Венгрии Андропов «вел себя хорошо»⁴⁰. Положительно оценивал дипломатическую деятельность Андропова и В.В. Гришин⁴¹.

Своеобразным итогом венгерских событий для Андропова стало то, что указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1957 г. он был освобожден от обязанностей чрезвычайного и полномочного посла СССР в Венгрии в связи с переходом на другую работу⁴². Андропов был переведен в Москву, где стал руководителем созданного отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Совершенно очевидно, что повышение Андропова состоялось благодаря как самому венгерскому кризису 1956 г., так и позиции, занимаемой им по мере нарастания революционной ситуации в Венгрии. Андропов своевременно и точно информировал ЦК КПСС о настроениях в венгерском обществе, о смене политических ориентиров в руководстве Венгерской партии трудящихся и влиянии идей XX съезда КПСС на политическую обстановку в стране. Комплекс выше-названных факторов сформировал положительное мнение об Андропове у партийной элиты СССР, что в итоге и предопределило его последующее возвышение в партийно-государственном аппарате Советского Союза.

Примечания

- 1 *Оскоцкий В.* Главный идеолог. Штрихи к политическому портрету М.А. Суслова // Совершенно секретно. 1991. № 5. С. 6.
- 2 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 445. Л. 216.
- 3 *Синицин И.Е.* Андропов вблизи: воспоминания о временах «оттепели» и «застоя». М., 2004. С. 200.
- 4 *Бернов Ю.В.* Записки дипломата. М., 1995. С. 5.
- 5 *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 89.
- 6 *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 264.
- 7 *Красиков С.П.* Возле вождей. М., 1997. С. 447.
- 8 Ведомости Верховного Совета СССР. № 13(807). 1954. 22 VI. Статья 277.
- 9 *Крючков В.А.* Личное дело. М., 2003. С. 40.
- 10 Там же. С. 41.
- 11 Там же. С. 40–41.
- 12 Там же. С. 45.
- 13 Там же. С. 52.
- 14 *Малашенко Е.И.* Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 24.

- 15 Там же. С. 26.
- 16 Там же. С. 49.
- 17 Там же.
- 18 *Захаров О.* О Юрии Владимировиче Андропове. Из записок бывшего секретаря трех генсеков // *Гласность*. 1991. № 32(61). С. 10.
- 19 Воспоминания В. Фомина // *Лурье Л., Малярова И.* 1956 год. Середина века. СПб., 2007. С. 510.
- 20 *Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.) Свидетельство современника. М., 1991. С. 309.
- 21 Там же. С. 310.
- 22 Воспоминания Р. Аджубей // *Лурье Л., Малярова И.* 1956 год. Середина века. СПб., 2007. С. 511.
- 23 Там же.
- 24 *Бурлацкий Ф.М.* Юрий Андропов и аристократы духа. М., 2009. С. 103–104.
- 25 ССВК. С. 499–500.
- 26 *Красиков С.П.* Возле вождей. С. 447.
- 27 *Грачев А.С.* Кремлевская хроника. М., 1994. С. 84.
- 28 Там же. С. 83.
- 29 *Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление. С. 311.
- 30 ССВК. С. 63–65.
- 31 Интервью с Т.И. Андроповой // *Литературная газета*. 2010. № 20. С. 12.
- 32 *Синицин И.Е.* Андропов вблизи. С. 203.
- 33 Там же. С. 203–204.
- 34 Воспоминания О. Гоциридзе // *Лурье Л., Малярова И.* 1956 год. С. 515.
- 35 *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. С. 265.
- 36 *Стыкалин А.С.* Посол СССР как проводник советского влияния в «народно-демократической» стране. К истории дипломатической карьеры Ю.В. Андропова // *Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Сборник статей.* М., 2008. С. 298–310.
- 37 *Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 356–357.
- 38 *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния: история одной семьи: [воспоминания дипломата] М., 1997. С. 309.
- 39 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // *Вопросы истории*. 1994. № 5. С. 75.
- 40 Там же.
- 41 *Гришин В.В.* От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996. С. 57.
- 42 Ведомости Верховного Совета СССР. № 7 (874). 1957. 3 IV.

Л.Я. Гибианский

**Венгерская революция 1956 г. и искушение
«антисталинского сталинизма»: руководство Югославии
между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля
и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе**

Если в связи с венгерской революцией 1956 г. и ее подавлением советскими войсками может в отношении большинства восточноевропейских коммунистических режимов идти речь — где преимущественно, а где даже исключительно — лишь об отзвуках там этих событий, то применительно к коммунистическому режиму Югославии дело обстояло иным образом. Ибо позиция и роль югославского руководства во главе с Й. Брозом Тито, президентом Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) и генеральным секретарем Союза коммунистов Югославии (СКЮ), оказались в тогдашней реальности довольно ощутимым фактором, до некоторой степени, самого процесса того, как разразилась, а затем потерпела поражение революция в Венгрии. Такое своеобразие югославского аспекта венгерской революции, отчасти осознававшееся уже современниками тех событий, затем стало привлекать к себе все более существенное внимание в последующей историографии. Особенно когда три с половиной десятилетия спустя, с крахом СССР и коммунистических режимов Восточной Европы, возникла возможность исследовать в архивах, в том числе как венгерских, так и бывших советских и югославских, обширный массив раньше недоступных документов 1956 г., которые скрывались прежними властями. Проведенное с тех пор изучение значительной части этих документов, сопровождавшееся публикацией довольно многих из них¹ и выходом работ, основанных на их анализе², позволило в большой мере выяснить, какими целями были обусловлены, в чем на деле заключались и какую роль сыграли действия Югославии в связи с венгерской революцией.

* * *

Ко времени, когда начались послесталинские изменения в политике Кремля и в этих условиях стало возможным в некоторых из восточноевропейских «народных демократий» возникновение протестных выступлений, апогеем которых явилась революция в Венгрии, югославский режим прошел уже немалый

путь в качестве коммунистического диссидента по отношению к СССР и советскому блоку.

Напомню, что до вступления на такой путь, т. е. перед тем, как в 1948 г. разразился конфликт Сталин — Тито, названный режим был по своему государственно-политическому строю и официальной, монополюбно господствовавшей идеологии копированием советского образца, а по социально-экономическому устройству — самым близким этому образцу среди других режимов, возглавлявшихся коммунистами. На международной арене, в развертывавшейся холодной войне ФНРЮ тогда являлась активным участником проведения внешнеполитического курса СССР, формирования советского блока, становления деятельности Коминформа. Однако, наряду с коммунистическим единомыслием и теснейшим взаимодействием Кремля и югославского руководства, время от времени возникали случаи, когда какие-то практические интересы или текущие соображения и решения Тито и его ближайшего окружения могли по отдельным конкретным вопросам не совсем соответствовать либо отчасти даже противоречить текущим целям или калькуляциям советской верхушки. До известной степени, нечто подобное иногда происходило и в отношениях некоторых других «народных демократий» с СССР. В таких случаях в ответ на исходившую из Москвы достаточно жесткую критику тот или иной «проштрафившийся» из восточноевропейских режимов, в том числе и югославский, как правило, подчинялся советским указаниям. Но в начале 1948 г., вопреки выраженному Кремлем острому недовольству тогдашними самостоятельными поползновениями Белграда усилить собственную роль на Балканах и расширить территорию своей власти, прежде всего — фактически присоединить к Югославии Албанию, югославское руководство все-таки попыталось, хотя бы обходными путями, добиться того, чего хотело. Это не удалось, а со стороны Сталина вызвало общие — и безосновательные — политико-идеологические обвинения в отходе югославской верхушки от марксизма-ленинизма, в ее враждебности СССР, измене делу социализма. Сталинская реакция угрожала Тито и его ближайшему окружению потерей власти, если не жизни, и они, не видя иной возможности, отвергли обвинения. Что и привело в середине 1948 г. к открытому разрыву: исключению югославского режима из советского блока, Коминформа и мирового коммунистического движения.

Заняв позицию противостояния кремлевским обвинениям и уже тем самым оказавшись в роли диссидента, правящая верхушка ФНРЮ вместе с тем еще год-полтора после открытого разрыва всячески подчеркивала публично свою неизменную полную приверженность тогдашним, т. е. сталинским, основам идеологии и политического курса мирового коммунистического движения, советского блока, особенно опыту «социалистического развития» СССР. И это были не только слова. Во внутренней политике югославский режим как по его идеологическим установкам, так и с точки зрения практических действий продолжал следовать по пути «строительства социализма» советского образца, по крайней мере, почти до рубежа 1949–1950 гг. А на международной арене продолжал до конца 1948 г. и даже частично в начальные месяцы 1949 г. придерживаться общей с советским блоком внешнеполитической ориентации в конфронтации с Западом. Советско-коминформовские обвинения и разрыв с режимом Тито югославская пропаганда в тот период объясняла следствием того, будто Кремль,

лично Сталин введены в заблуждение лживыми, провокационными сведениями о положении в ФНРЮ и политике ее руководства, поступавшими в Москву, как утверждалось, от отдельных «фракционеров» и «перерожденцев» среди деятелей Коммунистической партии Югославии (КПЮ).

Однако такое объяснение становилось все бессмысленнее по мере того, как Кремль все ужесточал политико-идеологическую войну против югославского руководства. И особенно после того, как в ноябре 1949 г. Сталин запустил через очередную резолюцию Коминформа публичное обвинение тех, кто стоял во главе коммунистического режима Югославии, что они являются «бандой империалистических наймитов, убийц и шпионов». А режим был и вовсе объявлен «фашистским». Вплоть до конца правления Сталина данная линия усиленно проводилась всей пропагандистской машиной СССР, других стран советского блока, коммунистических партий и прокоммунистических движений. Это вынуждало руководство ФНРЮ к изменению своей пропаганды. Изменение, начавшее происходить отчасти в 1949 г. и ставшее более выраженным с 1950 г., в итоге привело к повороту на 180 градусов. Советско-югославский конфликт был теперь объяснен как столкновение, с одной стороны, политики КПЮ, основанной на «принципах марксизма-ленинизма», на их «творческом применении», на отстаивании независимости и равноправия в отношениях между компартиями, социалистическими государствами, а с другой стороны — политики Кремля, Сталина, которые отошли от «подлинного марксистско-ленинского курса» и подменили его проведением линии, идущей вразрез с «интересами социализма», в том числе проявляя гегемонизм и диктат в отношении других компартий, социалистических стран.

Этот пропагандистско-идеологический поворот сочетался с начавшимся реформированием как во внутренней, так и во внешней политике Югославии, означавшим в той или иной мере отход от некоторых существенных ориентиров сталинской модели, по которым развитие режима Тито шло до того времени.

Во внутренней политике довольно значительные реформаторские шаги, предпринятые с первой половины 1950-х годов, были обусловлены, с одной стороны, стремлением придать режиму черты, отличные от советского устройства, пропагандистски заклеянного как «деформация социализма». А с другой стороны — необходимостью преодолеть или хотя бы смягчить трудности, особенно в народном хозяйстве ФНРЮ в условиях блокады со стороны советского блока. Была прекращена принудительная поголовная коллективизация крестьянства, начатая до того по советскому образцу и вызвавшая острые политические и экономические осложнения в стране. В итоге в деревне значительная часть созданных производственных кооперативов прекратила существование, и наряду «общественным сектором» продолжили существовать частные крестьянские хозяйства, которые составляли наибольшую часть аграрной сферы. В 1950 г. было провозглашено введение «самоуправления трудовых коллективов» (в повседневности оно нередко именовалось «рабочим самоуправлением») на предприятиях государственного сектора экономики, который к тому времени охватывал почти всю промышленность, транспорт, большую часть торговли, всю финансовую сферу. А затем оно стало дополняться, особенно с середины 1950-х годов, и введением «общественного самоуправления» в местных территориальных админи-

стративных единицах. Вначале эти меры, официально фигурировавшие как шаг по пути «подлинного социализма», альтернативного сталинскому «бюрократическому искажению марксизма-ленинизма», являлись скорее декларативными, а их практическое значение заключалось преимущественно в том, что в рамках коммунистической доктрины был выдвинут идеологический противовес советской концепции социализма. Но заинтересованность во всемерном росте экономики, который бы удовлетворял нужды страны, способствуя упрочению режима, толкала югославское руководство к более реальному отходу от сложившейся прежде, еще по советскому образцу, малоэффективной централизованно-административной модели управления хозяйственной и социальной сферами. Начали постепенно намечаться некоторые перспективы ее трансформации, получившей действительно ощутимое развитие позже и приведшей — в основном уже за пределами рассматриваемого нами периода — к складыванию частично рыночных отношений в функционировании экономики Югославии и к довольно значительной децентрализации в ряде важных звеньев государственного управления и общественной жизни.

В ноябре 1952 г. на VI съезде КПЮ югославское руководство, обличая советскую систему как отход от социализма, произведенный правящей бюрократией СССР, провозгласило отказ от того, чтобы КПЮ была непосредственным оперативным руководителем, отдающим приказы в государственном управлении и общественной жизни. Было заявлено, что добиваться проведения именно ее линии в вопросах развития государства и общества партия должна своей политической и идеологической активностью, прежде всего путем убеждения, и во главу угла ставилась воспитательная роль партии. Соответственно новой роли, партия была переименована в СКЮ. Но вследствие усилий, предпринятых почти сразу в самой же верхушке СКЮ, все это осталось декларативным. А попытка М. Джиласа, одного из трех самых ближайших сподвижников Тито, развить линию VI съезда в сторону реальной и даже более далеко идущей демократизации СКЮ и страны закончилась его исключением в январе 1954 г. из югославского руководства, что было инициировано тем же Тито. Последующее политическое развитие Югославии стало характеризоваться сменявшимися друг друга поворотами то к большему зажиму в самом СКЮ и в целом в стране, то к некоторой либерализации, не выходящей, однако, за рамки сохранявшегося однопартийного коммунистического режима с фактической монополией власти партийно-государственной номенклатуры.

Наибольшие и раньше всего начавшие практически сказываться перемены происходили во внешней политике Югославии. Оказавшись с 1948 г. не только вне, но и под сильнейшим давлением советского блока, включая экономическую блокаду и возможность военного нападения, югославский режим в поисках защиты был вынужден начиная с 1949 г., а главным образом с 1950 г., пойти на частичное сближение с западными державами и получил от них экономическую и военную помощь, необходимую для выживания и противостояния угрозе со стороны Сталина. Вместе с тем руководство ФНРЮ стремилось и к соблюдению определенной дистанции по отношению к Западу. Оно пыталось выступать с нейтралистской позиции защиты интересов малых стран и несогласия с конфронтацией между советским и западным блоками.

Югославский коммунистический режим оказался достаточно прочным, чтобы выстоять в борьбе, развязанной против него Кремлем. Вскоре после того, как 5 марта 1953 г. умер Сталин, его советским наследникам пришлось отказаться от прежнего курса и выступить, особенно с 1954 г., инициаторами «нормализации отношений» СССР и всего «социалистического лагеря» с Югославией. А в мае 1955 г. публично признать, что обвинения, выдвигавшиеся против Тито и его окружения, были ложными. При этом в Москве рассчитывали максимально приблизить ФНРЮ к «социалистическому лагерю», а если удастся, то и вернуть ее туда. Но югославское руководство предпочло сохранять независимость и придерживаться линии лавирования между обоими мировыми военно-политическими блоками. Тито и его ближайшее окружение стали осуществлять в отношении каждого из блоков политику частичного сотрудничества в том, что было с точки зрения международного положения и экономической заинтересованности выгодно югославскому режиму, и вместе с тем политику дистанцирования и противодействия, когда это больше отвечало интересам Белграда. Неотъемлемой частью данного курса стала начавшая формироваться с середины 1950-х годов Югославией вместе с Индией, Египтом и некоторыми другими странами Азии и Африки позиция коллективного неприсоединения к блокам³.

В итоге, к началу послесталинских изменений в политике СССР и последовавших затем в некоторых восточноевропейских странах советского блока явлений брожения, движения против прежних, «сталинистских» порядков, оставшихся в этих странах, коммунистическому режиму ФНРЮ была присуща существенная двойственность. С одной стороны, он во многом, особенно с точки зрения фактического характера власти, сохранял, по сути, сильнейшие родовые признаки «сталинизма». С другой стороны, этот режим позиционировал себя в качестве антитезы сталинской модели. Прежде всего, своей упомянутой выше новой официальной идеологической доктриной, выдвинутой за время столкновения Сталин — Тито, и своей международно-политической практикой прямого противостояния Кремлю в последнее пятилетие сталинского правления, а затем, при переходе к послесталинской реальности, курсом на продолжение сохранения независимости от Москвы и советского блока. А кроме того, роль фактической антитезы сталинской модели играло также, во всяком случае доктринально, внедрение некоторых форм и, в какой-то мере, механизмов во внутреннем развитии ФНРЮ, отличных от того, что имело место в СССР и по большей части в странах возглавляемого им «социалистического лагеря».

Вторая из двух названных сторон югославского режима усиленно подчеркивалась его пропагандой и потому для внешнего мира и особенно для восточноевропейских стран советского блока делала Югославию во многом притягательным примером для большей части тех в странах «народной демократии», кто был там привержен протестным настроениям, но представлял себе «альтернативу сталинизму» как переход на путь иного, «подлинного социализма». И в той или иной мере — самостоятельного развития собственной страны, а не полной зависимости от СССР. Притягательность опыта Югославии особенно усиливалась тем, сколь успешно для режима ФНРЮ завершилась развязанная Сталиным ожесточенная борьба против югославского руководства. На фоне быстро последовавшего свертывания этой борьбы сталинскими наследниками, а затем покаянного

визита первых лиц Кремля в Белград в мае 1955 г. с публичным признанием необоснованности действий, предпринятых советской стороной в период с 1948 г. до смерти Сталина, режим, возглавляемый Тито, выглядел триумфатором.

Югославская пропаганда, направленная на восточноевропейские страны советского блока, главным образом через передачи, которые велись на соответствующих иностранных языках радиостанциями, вещавшими из ФНРЮ, всячески стремилась подчеркнуть подобные успехи своего коммунистического режима. Пропаганда отражала заинтересованность Белграда в распространении собственного влияния в данной группе стран, в создании там восприимчивости к югославскому примеру, в оказании воздействия на их политику. В случае какой-то достаточно заметной результативности этих пропагандистских усилий югославское руководство могло рассчитывать на упрочение международно-политического положения и безопасности ФНРЮ в регионе Восточной Европы, к которому страна принадлежала. Такое упрочение было весьма важно, исходя из еще столь свежего опыта конфликта Сталин — Тито. Возможность подобной перспективы являлась для Белграда, конечно, особенно значимой применительно к взаимодействию с теми коммунистическими режимами региона, которые прямо соседствовали с Югославией: Албанией, Болгарией, Венгрией, Румынией. Между тем, хотя под воздействием послесталинского изменения курса Кремля в югославском вопросе перечисленные режимы также начали в той или иной мере поворачивать на путь «нормализации» с ФНРЮ, их отношения с ней в большинстве случаев продолжали отягощаться сложными проблемами, во многом унаследованными от конфликта Сталин — Тито. В этом смысле весьма существенное место среди четырех пограничных с Югославией стран советского блока занимала Венгрия.

В годы антититовской атаки Сталина венгерский коммунистический режим во главе с М. Ракоши выступал одним из самых активных участников атаки. В том числе Ракоши и его окружение особо отметились проведением в сентябре 1949 г. судебного процесса по «делу Райка» — наиболее шумевшей из инсценировок, под руководством Москвы осуществленных в восточноевропейских странах советского блока с целью обвинить Белград в якобы подрывной деятельности против СССР и этих стран. Именно вымыслы, публично пущенные в оборот «делом Райка», были использованы в качестве основания для разрыва Советским Союзом, а затем и государствами «народной демократии» договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с ФНРЮ. А также для принятия в ноябре 1949 г. упомянутой выше резолюции Коминформа, клеймившей югославский режим как орудие империализма и даже фашистский⁴.

Когда же началась послесталинская линия руководства СССР на «нормализацию» отношений с Югославией, Ракоши, по воле Кремля вынужденный уступить пост премьер-министра И. Надю, но оставшийся первым секретарем Центрального руководства (ЦР) Венгерской партии трудящихся (ВПТ), не мог не следовать за поворотом советской политики, однако довольно долго тормозил дезавуирование «дела Райка». Тем более такое, которое бы шло достаточно далеко, чтобы удовлетворить Тито и его сподвижников, обвинения в чей адрес были важнейшей составляющей этого «дела». Поскольку в верхах ФНРЮ проявляли как раз особую заинтересованность в его решительном пересмотре, подобное

торможение вызывало чрезвычайно серьезное недовольство Белграда коммунистическим лидером Венгрии. Недовольство усиливалось и отрицательным отношением югославского режима к тому, что антиракошистские реформаторские шаги, начатые в Венгрии с середины 1953 г. Надем, были в начале 1955 г. пресечены реваншем Ракоши опять-таки по воле Кремля, а Надя вовсе устранили из руководства и исключили из ВПТ. После устранения Надя югославская сторона по-прежнему сочувственно оценивала его прервавшийся курс, а представители ФНРЮ в Будапеште продолжали поддерживать негласные связи с некоторыми деятелями из его близкого окружения. Вместе с тем, Белград проявлял интерес и к отдельным видным функционерам партийной номенклатуры ВПТ, включая Я. Кадара, которые занимали значительные посты, иногда вплоть до членства в Политбюро, но, по югославской оценке, были склонны в той или иной степени к коррекции либо даже смене линии Ракоши и, возможно, избавлению от него как главы режима⁵.

Соответственно, особое югославское внимание оказалось привлечено к тому, как усилия Ракоши по жесткому пресечению реформаторских тенденций стали вызывать нарастающее противодействие в заметной части венгерского общества и самой ВПТ. Противодействие было очень разным: от стремления к некоторому сдерживанию ракошистского реванша, смягчению политики режима, к ее большей гибкости и преодолению навыков, противоречивших изменившимся условиям, до открытых и куда более радикальных выступлений против взятого властью курса, против лидерства Ракоши и более того — за глубокое реформирование существующего строя. Такие выступления сочетались в значительной мере с требованиями самостоятельности в определении направления развития Венгрии, учета ее национальных условий и интересов, отказа от слепого следования советскому примеру. Все эти проявления, ставшие особенно заметными и вызывающими общественный резонанс к середине 1956 г., положительно оценивались югославской стороной. Тем более, что в ходе таких выступлений все заметнее звучала тема необходимости обращения к югославскому опыту⁶. А негативное отношение руководства ФНРЮ к лидеру венгерского режима и его политике достигло к тому времени такой степени, что Тито, по его собственному свидетельству, стремился не допустить какой-либо своей встречи с Ракоши, поскольку ее могли бы истолковать как оказание поддержки последнему. Именно поэтому, если верить данному свидетельству, Тито, отправляясь в июне 1956 г. во главе югославской делегации в Москву, даже поехал туда через Румынию, а не через Венгрию, по территории которой осуществлялось обычно железнодорожное сообщение между Югославией и СССР⁷.

Определенной мерой совпадения между конкретной заинтересованностью руководства Югославии в связи с положением в Венгрии, с одной стороны, и общей направленностью проявлявшихся в венгерском обществе тенденций против ракошизма и в пользу реформ — с другой, было во многом обусловлено то, что такие тенденции получили значительное освещение и благожелательное комментирование в югославских СМИ. Это касалось как СМИ внутри ФНРЮ, так и тем более пропаганды, непосредственно направленной на население Венгрии. В последнем случае речь шла преимущественно о радиопропаганде, прямо призванной оказать влияние на положение в соседней стране. Причем, радио-

пропаганда, которая велась из Югославии на те или иные восточноевропейские «народные демократии», в венгерском случае усиливалась тем, что не ограничивалась передачами, выпускавшимися в эфир югославским вещанием для зарубежных стран специально в расчете на слушателей в Венгрии. Эти слушатели могли также ловить в своих приемниках постоянное венгероязычное вещание радиостанции в городе Нови Сад, столице автономного края Воеводина в составе ФНРЮ, предназначенное для многочисленного венгерского населения края. Ракоши и ряд деятелей из верхушки ВПТ считали, что отмеченный выше характер материалов о ситуации на политической сцене Венгрии, содержащихся в югославской прессе и радиопередачах, является существенным фактором поддержки силам, оппозиционным венгерскому руководству, оказывает в этом духе влияние на настроения в венгерском обществе⁸. Тем более что в информации, посылавшейся в МИД СССР советским посольством в Будапеште, отмечалось мнение «венгерских друзей» (имелись в виду общавшиеся с посольством функционеры), согласно которому послесталинское «урегулирование советско-югославских отношений», как формулировалось, «не получившее в Венгрии должного разъяснения, а также реабилитация ранее осужденных лиц и некоторые другие мероприятия венгерского правительства», т. е. еще правительства Надя, вообще «породили у известной части венгерского населения мысль, что не исключены радикальные политические перемены в ВНР»⁹.

Как нередко в подобных случаях, довольно непросто оценить реальную степень комплексного воздействия всех названных факторов, а особенно непосредственного влияния югославской пропаганды. Но судя по всему, последнее оказывалось достаточно заметным, прежде всего среди наиболее активных тогда слоев общества, выступавших за перемены. И тем самым югославское влияние приобрело фактически роль одного из постоянных факторов, в той или иной мере воздействовавших к середине 1956 г. на вектор развития ситуации в Венгрии.

Между тем, как раз с указанного времени появляется еще одна линия югославской вовлеченности в ход событий на венгерской политической сцене: они превращаются в вопрос взаимоотношений между руководством Югославии и Кремлем. Своего рода предвестием этого стало упоминание о сложностях в Венгрии на первом же заседании советско-югославских переговоров на высшем уровне, начавшихся 5 июня 1956 г. в Москве в рамках уже отмеченного выше визита Тито и возглавляемой им делегации ФНРЮ.

Как видно из записей, которые на заседании велись каждой из сторон, тема этих сложностей была затронута при обмене мнениями между Тито и первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым по поводу «нормализации отношений» Югославии с восточноевропейскими странами советского блока. Тито, охарактеризовав отношения как в целом улучшившиеся, коснулся, однако, трудностей с Албанией, Болгарией и Венгрией, причем применительно к последней прямо связал трудности с позицией Ракоши. В ответ Хрущев, заявив о мнении советского руководства, что «нормализация идет хорошо», подчеркнул необходимость усилий по преодолению еще имеющихся затруднений, по налаживанию сотрудничества между ФНРЮ и тремя названными странами. Он старался, насколько возможно, уверить Тито в стремлении их руководителей к этому, и в частности, безоговорочно взял под защиту лидера ВПТ, утверждая, что тот «очень хочет

установления дружественных отношений между Венгрией и Югославией», стоит «за дружбу с Югославией, и мы в его искренности и честности не сомневаемся». Выгораживая Ракоши, первый секретарь ЦК КПСС как раз и сказал, что в Венгрии, по сравнению с другими упомянутыми вместе с ней странами, «положение сложнее». И, согласно советской записи, пояснил, что «там разыгрались страсти», «хотят во всем обвинить тов. Ракоши. Но не он виноват, виноват Сталин». Югославская запись совпадает по содержанию с советской, но, вместо формулировки «там разыгрались страсти», в ней фигурирует немного иной вариант слов Хрущева: «там разгорелись ярким пламенем нежелательные силы»¹⁰. Независимо от того, какой из вариантов точнее передавал сказанное советским лидером, последний, конечно, имел в виду антиракошистские настроения и выступления, в том числе выдвижение вопроса об ответственности Ракоши за незаконные репрессии в Венгрии в сталинское время, особенно за «дело Райка», как и вообще за активность в конфликте Сталин — Тито. В данной связи Хрущев заметил, что «надо помочь венгерским товарищам» и что в Венгрию «вскоре выезжает» член Президиума, секретарь ЦК КПСС М.А. Сулов «на отдых и, конечно, для политических разговоров»¹¹.

Из услышанного югославские участники заседания, включая Тито, едва ли могли сделать иной вывод, нежели тот, что Сулов поедет с задачей поддержать положение Ракоши как главы режима и добиться принятия мер, которые бы противостояли опасности антиракошистских настроений и, в конечном счете, могли устранить ее. Тогдашний посол ФНРЮ в СССР В. Мичунович, участвовавший в переговорах, о которых идет речь, и в частности в этом заседании, впоследствии в мемуарах писал даже, что, сообщив о предстоявшей поездке, «русские ожидали какого-то заявления с нашей стороны в пользу миссии Сулова в Будапеште». Но поскольку «об этой миссии мы не знали ничего больше этой фразы, сказанной Хрущевым, то никакого комментария с нашей стороны не было»¹². Мичунович не пояснил, на чем основано его утверждение об ожидании советской стороной подобного югославского заявления. Советская запись заседания не свидетельствует в пользу такого вывода. А сербский историк Л. Димич, описывавший это заседание по югославской записи и приводивший выдержки из нее, почему-то вместо цитирования или хотя бы изложения того, что там говорилось о миссии Сулова, ограничился лишь цитатой из мемуаров Мичуновича¹³.

Вполне вероятно, что утверждение Мичуновича зиждилось всего лишь на впечатлении, которое сложилось тогда у него и, видимо, других югославских участников заседания. Но возможно, он, когда через много лет писал об этом в мемуарах, просто примыслил сюда задним числом то, что имело место не при упомянутых переговорах, а несколько позже¹⁴. Ибо прошло всего немногим больше месяца после того заседания, и Кремль прямо обратился к югославскому руководству по поводу ситуации в Венгрии.

Обращение было связано с тем, что, вопреки довольно успокоительным оценкам, сделанным Суловым по итогам его поездки¹⁵, советское руководство получало все более тревожную информацию о критическом положении, складывающемся для его венгерских подопечных. И 13 июля отправило в Будапешт члена Президиума ЦК КПСС, первого заместителя председателя Совета министров СССР А.И. Микояна с широкими полномочиями для принятия срочных мер по

сохранению режима. Вечером того же дня Хрущев сообщил об этом Мичуновичу с просьбой передать Тито вместе с разъяснением, что советское руководство оценивает ситуацию в Венгрии как очень сложную и что в случае ее дальнейшего ухудшения готово употребить все средства против подобного развития событий. По свидетельству посла, Хрущев заявил, что Президиум ЦК КПСС поддерживает Ракоши и хочет, чтобы Тито правильно понял советскую позицию, и что из-за Венгрии не должно произойти столкновения между Белградом и Москвой¹⁶.

Мичунович, передавший эту информацию в Белград, ошибся, расценив ее как показатель решимости Кремля в венгерском случае прибегнуть уже тогда, если будет нужно, даже к военной силе¹⁷. Однако он не был далек от истины, посчитав то, что сказал первый секретарь ЦК КПСС, предупреждением руководством ФНРЮ не действовать в противовес советской политике в Венгрии. Фактически Москва предостерегала югославскую сторону, что если последняя выступит по поводу Венгрии с позиции, открыто противоречащей устремлениям СССР, то рискует оказаться с ним в состоянии весьма серьезного конфликта.

Более того, обеспокоенность советского руководства питали, в частности, донесения посольства СССР в Будапеште, в которых говорилось даже не о возможном грядущем выступлении Белграда по поводу развития событий в Венгрии, нежелательном советской стороне, а об оказывавшемся прямо сейчас и тоже весьма нежелательном югославском влиянии на ситуацию, складывавшуюся на венгерской политической сцене. В телеграмме посла Ю.В. Андропова, послужившей непосредственной причиной срочной отправки Микояна, содержалась, среди других тревожных характеристик, информация, что «внутренние силы венгерской реакции наглеют», ибо получают моральную поддержку со стороны прессы и радио ФНРЮ¹⁸. Подобным сообщением политика по поводу Венгрии, реально проводившаяся руководством Югославии, обозначалась, в сущности, как один из факторов, уже противостоящих советской линии на поддержку режима во главе с Ракоши. А тем самым — как фактор, направленный на деле против блокового гегемонизма Кремля в Восточной Европе. Поскольку решение о поездке Микояна было принято вследствие этого донесения Андропова, очевидно, что Кремль был заинтересован, помимо прочего, и в том, чтобы воздействовать на Белград с целью ослабления или нейтрализации уже происходящей югославской активности в отношении Венгрии.

Однако еще не успело руководство ФНРЮ не только отреагировать на сообщение Мичуновича о предостережении, высказанном Хрущевым, но даже получить из Москвы это сообщение, как решение Президиума ЦК КПСС поддержать Ракоши было изменено на противоположное: пожертвовать им, чтобы сбить нарастающее в Венгрии, в том числе и внутри ВПТ, недовольство и спасти правивший режим¹⁹. В ходе миссии Микояна лидер ВПТ лишился как своего поста, так и вообще членства в Политбюро. А следом это Политбюро вместе со своим опекуном в лице Кремля предприняли шаги, чтобы срочно устранить напряженность между Югославией и Венгрией, прежде всего — установить нормальные связи ВПТ и СКЮ, и добиться ощутимого сдвига позиции Белграда в сторону позитивного отношения к освободившемуся от Ракоши венгерскому руководству.

Одним таким шагом стало письмо от имени ЦР ВПТ генеральному секретарю СКЮ Тито с предложением о налаживании сотрудничества ВПТ и СКЮ.

Письмо было подписано новым первым секретарем Э. Герё 19 июля 1956 г., на следующий день после замены Ракоши²⁰. Другим шагом явились переданные через Мичуновича югославскому руководству Хрущевым и членом Президиума ЦК КПСС, председателем Совета министров СССР Н.А. Булганиным 16 июля информация о намеченной отставке Ракоши и одновременно предложение, чтобы Микоян, миссия которого увенчалась этой отставкой, прямо из Венгрии совершил визит в Югославию и встретился с Тито. Мичунович оценил это предложение как желание «создать у мировой общественности убеждение, что Югославия участвовала в советском решении кризиса в Венгрии»²¹, т. е. в отставке Ракоши и замене его на Герё. Чем могла быть вызвана такая цель в отношении «мировой общественности», не ясно, а Мичунович никак не аргументировал свою оценку. Но в отношении венгерской общественности подобная цель выглядела логичной. И вполне совпадала с целью упомянутого письма за подписью Герё, отправленного в адрес Тито. Кремль и правящая верхушка в Будапеште рассчитывали на то, что поскольку в венгерском обществе большая часть недовольных, особенно из числа коммунистов, воспринимала ФНРЮ как воплощение альтернативы сталинизму, то улучшение отношений Белграда с венгерским коммунистическим режимом, а тем более ситуация, при которой замена Ракоши на Герё выглядела бы как произведенная при югославском участии, могли способствовать ослаблению оппозиционного движения в Венгрии, повышению внутри страны авторитета руководства, возглавленного Герё. Важной конкретной задачей визита Микояна в ФНРЮ должно было стать при встрече с Тито выражение активной советской позиции в пользу установления венгерско-югославского сотрудничества, в том числе особенно между ВПТ и СКЮ, в условиях, возникающих с отставкой Ракоши. И в частности, Микояну предстояло обратить серьезное внимание Тито на желательность того, чтобы югославские СМИ, как и различные представители ФНРЮ в Венгрии, не оказывали поддержки венгерским оппозиционным силам²².

Тито не считал возможным отказаться от визита Микояна. Но их довольно краткие переговоры 21 июля были не очень результативными для Кремля и венгерского руководства. На поднятый Микояном вопрос о том, чтобы югославские СМИ перестали освещать в благожелательном духе развитие оппозиционного движения в Венгрии, Тито дал довольно половинчатый ответ, лишь отчасти обещая пойти навстречу. В августе и начале осени посольство СССР в Будапеште и общавшиеся с посольством руководящие венгерские деятели придерживались оценки, что хотя после встречи Микояна с Тито тон этих СМИ в освещении событий в Венгрии стал несколько умереннее, однако общее критическое направление оставалось по большей части прежним²³. А что касалось вопроса об улучшении отношений между Югославией и Венгрией, и прежде всего между СКЮ и ВПТ, югославский лидер, несмотря на обещания Микояну, так же как венгерскому посланнику в ФНРЮ Ш. Куримски, быстро ответить в положительном духе на письмо Герё от 19 июля, тем не менее долго, почти до середины сентября, не делал этого. Что вызывало озабоченность в верхушке ВПТ. Судя по исходящим от Герё сведениям о телефонном разговоре с ним Микояна, рассказывавшего о своей беседе с Тито, последний, хотя и был доволен отстранением Ракоши, однако весьма скептически оценивал то, что лидером ВПТ стал Герё,

давний ближайший сподвижник Ракоши. Такой скепсис открыто выражался югославскими СМИ²⁴.

Белград явно не устраивало положение, при котором советская сторона путем проводимых ею подобного рода верхушечных перестановок стремилась преимущественно сохранить нужный ей порядок в странах Восточной Европы и, прежде всего, максимально укрепить свою гегемонию в отношении них, одновременно, в сущности, препятствуя распространению югославского влияния. Руководство ФНРЮ было заинтересовано, наоборот, в усилении той оппозиции в этих странах, которая, как особенно в Венгрии, оказывалась в значительной мере ориентирована на «югославский путь», воспринимаемый в качестве более привлекательной коммунистической альтернативы советскому. В итоге Тито и его ближайшее окружение не торопились с определенным ответом на обращение, полученное от Герё.

Вместе с тем верхушка югославского режима была заинтересована в том, чтобы, насколько возможно, устранять осложнения во взаимоотношениях с Кремлем, чреватые ущербом для тех результатов визита Тито в СССР в июне 1956 г., которые ей были выгодны. Тем более что вслед за визитом югославская сторона стала обнаруживать многочисленные симптомы того, что советское руководство весьма не удовлетворено ее твердостью в сохранении политической и идеологической независимости от СССР и его блока. И обеспокоено возможным влиянием такого примера Югославии на усиление оппозиционных настроений в восточноевропейских странах блока²⁵. Поэтому в Белграде проявили инициативу, активно подхваченную в Москве, в результате чего 19 сентября — 8 октября состоялся обмен визитами между Хрущевым и Тито на личном уровне для совместного проведения отдыха сначала в Югославии, а сразу после этого — в СССР, в Крыму²⁶. Эти формально частные визиты каждая из сторон стремилась использовать для оказания влияния на партнера, преследуя свои цели. Советской стороной обмен визитами был использован, в числе прочего, и для продолжения попыток воздействовать на югославскую позицию в отношении Венгрии.

Как во время пребывания в Югославии, так и принимая Тито в Крыму, Хрущев высказывал претензии, что некоторые представители ФНРЮ и югославская печать занимают, как он формулировал, «недружелюбную позицию» в отношении венгерского руководства, а дипломатическая миссия Югославии в Будапеште поддерживает связи с лицами, находящимися в оппозиции к ЦР ВПТ. Он особо отметил имевшую место в югославской прессе постановку вопроса о реабилитации И. Надя. Первый секретарь ЦК КПСС увязывал все это с выдвинутыми им общими претензиями по поводу, как он утверждал, югославской поддержки бывших функционеров, подвергавшихся тем или иным репрессиям и недовольных нынешними властями не только в Венгрии, но и в Албании и Болгарии. И резюмировал, что такая позиция «не может не создавать трудностей» в развитии отношений как между Югославией и Венгрией, так и вообще между Югославией и «странами народной демократии». И даже «не может не мешать установлению полного взаимопонимания между нашими партиями»²⁷. Последнее, стало быть, означало — также между КПСС и СКЮ. Это была явная попытка нажима на руководство ФНРЮ.

Она сочеталась и с попыткой подтолкнуть Белград к как можно более быстрому установлению отношений между СКЮ и ВПТ. Как уже сказано, письмо

Герё от 19 июля 1956 г., адресованное Тито, долго оставалось без ответа. Лишь 11 сентября, за неделю до визита Хрущева в Югославию, Тито, наконец, ответил. Но предложил провести встречу делегаций СКЮ и ВПТ по этому вопросу только в октябре или даже в ноябре²⁸. Для ускорения дела советская сторона во время пребывания Тито в Крыму подстроила, как присутствовавший там Мичунович впоследствии писал в мемуарах, неожиданную для югославского лидера встречу с прибывшим туда же Герё. И согласно тем же мемуарам, Тито вместе с его сопровождением не оставалось в этой ситуации ничего, кроме как вступить с Герё в общение. В итоге они договорились, что в середине октября делегация ВПТ во главе с лидером партии придет в Югославию²⁹. У Хрущева были основания рассматривать это как свое определенное достижение.

Но когда 15–22 октября визит делегации ВПТ во главе с Герё и ее переговоры с делегацией СКЮ, возглавлявшейся Тито, состоялись, они оказались лишенными того практического значения, ради которого были задуманы верхушкой венгерского режима и Кремлем. Ибо 23 октября, когда было предано гласности коммюнике о достигнутых в итоге визита договоренностях³⁰, в Венгрии началось революционное выступление. И результатом развития революции стал в течение следующих десяти дней стремительный распад коммунистического режима, его аппарата власти и структуры ВПТ, переход к многопартийному строю.

Проведение венгеро-югославских межпартийных переговоров на высшем уровне прямо накануне начала революции, приведшей к таким последствиям, поставило Тито и его окружение в довольно двусмысленное положение. Ибо получилось, что они — и частично это уже отмечалось некоторыми исследователями³¹ — фактически оказали поддержку коммунистическому руководству Венгрии во главе с Герё, тут же сметенному революционным вихрем. Очевидно, это обстоятельство стало одним из немаловажных факторов, под воздействием которого в югославских верхах, как видно, не ожидавших столь резкого поворота, предпочли в первые дни развертывания революции в Венгрии скорее наблюдать за происходившим там, нежели проявить активность, тем более публичную. Особенно это касалось недели до 29 октября. Еще больше к такой осторожной линии поведения явно принуждали как сама невероятная быстрота революционного развития, так и предпринятая уже 24 октября первая советская военная интервенция: ввод войск в Будапешт, чьи действия, призванные подавить революцию, вызвали развертывание вооруженного повстанческого сопротивления.

В этих условиях усилия руководства Югославии были сосредоточены на получении от своих дипломатов, журналистов, разведчиков, находившихся в Венгрии, как можно более подробных сведений о тамошних событиях, обо всех поворотах, изменениях ситуации. Подобная информация, постоянно поступающая в специально созданный центр в Государственном секретариате по иностранным делам ФНРЮ, непрерывно обрабатывалась и в подготовленном таким образом виде предоставлялась Тито, его двум ближайшим заместителям в ЦК СКЮ и одновременно в Союзном исполнительном вече (правительстве) А. Ранковичу и Э. Карделю, госсекретарю по иностранным делам К. Поповичу. В югославских верхах пытались на основе получаемых материалов, а также сопутствовавших мнений экспертов, анализировать происходящее в Венгрии, дать ему оценку, уяснить его причины и наиболее возможные последствия,

определить, какую роль в развернувшихся событиях играет поведение тех или иных слоев общества и политических факторов, как воздействует на ситуацию советская военная интервенция³².

В отличие от Кремля, еще до венгерской революции считавшего предшествовавшее ей оппозиционное движение враждебным, руководство Югославии вовсе не было заинтересовано в сохранении власти консервативных ставленников Москвы и жесткого советского диктата в Венгрии. Наоборот, как мы видели, после июльской отставки Ракоши оно осталось недовольно тем, что того поменяли всего лишь на Герё и что Надь с его реформаторской позицией не был реабилитирован. С этой точки зрения югославская верхушка должна была с удовлетворением встретить назначение 24 октября Надя главой правительства параллельно с его введением в ЦР ВПТ и Политбюро (в партии он был восстановлен еще накануне поездки делегации ВПТ в ФНРЮ) и замену 25 октября Герё Кадаром на посту первого секретаря ЦР ВПТ. Однако причина таких перестановок, произошедших на высшем уровне власти в Будапеште, теперь вызывала у югославской стороны, по меньшей мере, озабоченность. Ибо их поспешное проведение было на самом деле запоздалой и, как быстро выяснилось, малоэффективной попыткой сдержать революционную волну, перекачывавшуюся через голову власти и в реальности разрушавшую коммунистическое правление в Венгрии.

До того, как революция разразилась, на протяжении предшествовавшего ей процесса послесталинской «нормализации» отношений восточноевропейских коммунистических режимов с ФНРЮ актуальным для политики Белграда было, как уже говорилось выше, оказание воздействия на них в русле его заинтересованности в некотором дистанцировании стран «народной демократии», прежде всего соседних, включая Венгрию, от советской модели и особенно в ослаблении там контроля СССР. Поскольку такие югославские шаги наталкивались в большинстве на жесткое противостояние властей упомянутых стран и Кремля, вопрос о том, до какой степени было бы желательно и допустимо подобное высвобождение Восточной Европы из-под доминирования советского канона, во многом отождествлявшегося со «сталинизмом», оказывался для руководства Югославии едва ли существенным или практически актуальным. Однако когда венгерская революция вспыхнула и стала стремительно развиваться, этот вопрос, наоборот, встал весьма остро перед Тито и его сподвижниками по мере получения ими сведений о происходившем.

Из работ, в которых в той или иной степени исследовались документальные данные о том, как на эти сведения реагировали в руководящих структурах Югославии, видно, что там возникла серьезная тревога. Она была обусловлена оценками, делавшимися на основе поступавших материалов. Оценки сводились преимущественно к тому, что «силы социализма» в Венгрии слишком «деформированы» и это способствует появлению и участию «реакции» в происходящих событиях, вмешательству «разных сил, которые использовали психологический настрой масс». Что в широкомасштабных массовых выступлениях заметна роль «националистов и антисоциалистических элементов», а те, кто были инициаторами движения и имели «самые лучшие намерения, больше не способны провести их в жизнь», оказываются сменены «уже другими», которые до сих пор совсем не были известны, но теперь «выдвигают различные требования». И что в целом

происходит опасный «поворот вправо», а власть, охваченная паникой и хаосом, идет на «уступки реакции», «правительство не держит ситуацию под контролем», прибегает, как выразился Тито 27 октября на встрече с делегацией Румынии во главе с Г. Георгиу-Дежем, к тактике, подобной поведению Керенского³³.

Общая направленность и непосредственное содержание подобных оценок делают очевидными причину и суть тревоги, возникшей в югославском руководстве. Нараставшая радикализация ситуации в Венгрии толкала вынужденно обновлявшееся по составу правительство Надя и руководство ВПТ в сторону отступления от однопартийного режима и тем самым ставила вообще под вопрос сохранение коммунистической монополии власти в этой стране. Между тем именно такая монополия составляла политическую основу режимов, существовавших во всех странах советского блока, в том числе восточноевропейских, а также в самой Югославии, оказавшейся вне блоков. Возможность обрушения этой монополии в Венгрии, как и в любой из стран Восточной Европы, т. е. опасность ликвидации там режима коммунистического господства, верхушка ФНРЮ восприняла в качестве красной черты, до которой ситуацию нигде нельзя допускать.

Перед лицом подобной опасности, возникшей в Венгрии, наиболее важным для югославского руководства становилось ее предотвращение, противодействие ей. И это делало его позицию крайне противоречивой. Ибо в то время, как его устремления были направлены в сторону эмансипации Венгрии от СССР, оно теперь испытывало заинтересованность в остановке той радикальной эмансипации, которая стала разворачиваться в ходе революции. И более того, в этом оно оказывалось в весьма значительной мере фактически заодно с Кремлем. Конечно, Москва и Белград смотрели на причины и характер событий в Венгрии отнюдь не во всем одинаково. Если верить Мичуновичу, в разговоре с ним вечером 24 октября Хрущев изложил — чтобы посол сказанное передал затем Тито — точку зрения, которая, в конечном счете, сводилась к тому, что происходящее является началом попытки Запада ревизовать результаты Второй мировой войны и, используя, как в Венгрии, «антисоветские элементы», которые «взялись за оружие против лагеря (имелся в виду «социалистический лагерь», т. е. советский блок. — Л.Г.) и СССР», шаг за шагом «удушить одно за другим социалистические государства в Европе». И чтобы не допустить подобного, СССР вынужден ответить на силу силой³⁴. Между тем в югославских верхах усматривали причину венгерского кризиса в затянувшемся советском покровительстве скомпрометированному руководству Ракоши, а затем его замене на Герё, давнего сподвижника Ракоши. И считали, что вспышка в Венгрии началась в основе как протест против этого, как отражение требования реформ, однако в сложившейся системе власти отсутствовал контакт венгерских коммунистов, верхов ВПТ с массами. В итоге развитие событий и стало угрожать существованию «социалистического строя»³⁵. Но в тогдашних конкретных условиях значение подобных различий между Белградом и Москвой отходило, в сущности, на задний план. Ибо на переднем плане оказывалось в качестве непосредственной реальности то обстоятельство, что для обеих сторон на практике важнейшим стало недопущение в Венгрии падения коммунистического режима.

Характерно, что югославская сторона уклонилась от какой-либо официальной реакции на первое советское военное вмешательство в Венгрии, начавшееся

ночью с 23 на 24 октября. И вообще лишь 29 октября официально обозначила свою позицию по поводу драматических венгерских событий, причем сделала это даже не по своей инициативе, а по просьбам Москвы и Будапешта.

Дело было в том, что к этому времени под воздействием все нараставших революционных потрясений коммунистическому руководству Венгрии, состав которого продолжал частично меняться, пришлось отказаться от первоначальных заявлений, изображавших революцию как якобы антинародный, контрреволюционный мятеж. И, наоборот, охарактеризовать массовые выступления против власти как «широкое национальное демократическое движение», вызванное «тяжкими преступлениями» прежней политики, проводившейся «почти до самого последнего времени». Это было сделано в декларации заново сформированного венгерского правительства, оглашенной по радио Надем 28 октября. Хотя в декларации содержалось неременное ритуальное упоминание, что вышеназванным движением стремились воспользоваться и «реакционные», «враждебные элементы», однако указывалось, что его цель — обеспечить «национальную независимость, самостоятельность и суверенитет, развернуть процесс демократизации», ибо «только это может быть основой социализма». Объявлялось о немедленном прекращении огня, т. е. прекращении действий против продолжавших свою активность повстанцев, и о том, что «никто не может быть подвергнут каким-либо преследованиям за участие в вооруженной борьбе». Заявлялось о предстоящем «в наикратчайшие сроки» выводе советских войск из Будапешта, а также об инициативе венгерского правительства начать переговоры с СССР по поводу взаимных отношений, в частности вообще о выводе из страны советских вооруженных сил, находящихся на ее территории³⁶. Несмотря на то, что для Кремля такая позиция, не была, мягко говоря, желанной, он в сложившихся условиях, опасаясь, как бы ни дошло до полной ликвидации коммунистического правления в Венгрии, счел за меньшее зло поддержать правительство Надя, в котором хотя и оказались некоторые прежние деятели ставших возрождаться демократических партий, но абсолютно преобладали коммунисты. Поэтому 28 октября Президиум ЦК КПСС, наряду с решением о выводе советских войск из Будапешта, которое было осуществлено 29–30 октября, посчитал необходимым обратиться к Белграду и Варшаве с просьбой о публичной поддержке ими правительства Надя³⁷. Это было подкреплено и аналогичным обращением созданного перед тем Президиума ВПТ к ЦК СКЮ, чтобы тот срочно послал новому руководству Венгрии специальное послание с выражением поддержки стремлению к консолидации положения и сохранению социалистических завоеваний³⁸.

Расчет был на то, что подобное выступление Югославии с ее антисталинистским и внеблоковым имиджем, как и нового руководства Польши во главе с В. Гомулкой, только что вернувшимся к власти на волне массового движения за реформы, поможет воздействовать на значительные слои населения Венгрии, ограничить там революционную волну и удержать хотя бы частичный контроль над ситуацией.

В ответ на просьбы Москвы и Будапешта последовала, наконец, 29 октября официальная реакция руководства Югославии по поводу происходившего в Венгрии: было отправлено Президиуму ВПТ письмо Тито, опубликованное на следующий день в печати. В нем выражалась поддержка новому правительству Надя и его

декларации. Тито, однако, использовал это в своих целях, не преминув специально указать в письме на поддержку югославским руководством и тех пунктов декларации, в которых ставился вопрос о намерении укреплять суверенитет Венгрии, о желательности вывода советских войск из страны и об урегулировании отношений между социалистическими государствами, а значит и с Советским Союзом, на основе равноправия³⁹. Но, с другой стороны, в письме и в указании, направленном из Белграда 31 октября югославскому посланнику в Будапеште Д. Солдатичу, выражались серьезная озабоченность возникновением в Венгрии «правой опасности», беспокойство, как бы процесс борьбы со сталинско-ракошистским наследием не был использован «реакционными элементами» в «антисоциалистических целях», не привел к выходу страны за пределы «социалистического развития». В инструкциях Солдатичу от 31 октября поручалось передать венгерским руководителям югославское мнение о том, что не следует делать дальнейших уступок «правым»⁴⁰. А в беседах 1 ноября с Надем и с Кадаром Солдатич, по указаниям из Белграда, подчеркивал необходимость скорейшего создания новой партии взамен распавшейся ВПТ, недопущения утраты коммунистами власти и высказывал опасение по поводу выхода событий из-под контроля⁴¹.

Подобная двойственность серьезно сказалась на югославской позиции при возникшей следом новой ситуации, когда Кремль, опасаясь дальнейшей перспективы отпадения Венгрии от советского блока, решил 31 октября все-таки опять вмешаться военной силой и взамен правительства Надя поставить у власти в Венгрии другое правительство, послушное Москве. Стремясь обеспечить более желательные внешнеполитические условия для намеченной операции, Президиум ЦК КПСС счел необходимым срочно провести по этому поводу переговоры не только с руководителями Болгарии, Румынии и Чехословакии, в согласии которых не было сомнения, но и с Тито, равно как с новым польским руководством⁴². Целью было попытаться склонить их к какому-то согласию с повторной советской интервенцией, используя аргумент, что в Венгрии взяла верх контрреволюция, угрожающая полной ликвидацией там социалистического развития и установлением западного контроля. В то время как на переговорах Хрущева и членов Президиума ЦК КПСС В.М. Молотова и Г.М. Маленкова с Гомулкой и польским премьером Ю. Циранкевичем 1 ноября в Бресте не удалось убедить Гомулку в необходимости осуществления советского плана, хотя он и согласился с советской оценкой о «контрреволюционной опасности» в Венгрии, на состоявшейся затем встрече Хрущева и Маленкова с руководством Югославии произошло по-другому.

О ходе встречи, которая в обстановке строгой секретности состоялась в резиденции Тито на Брионах в ночь со 2 на 3 ноября и на которой переговоры с Хрущевым и Маленковым Тито вел вместе с Карделем и Ранковичем в присутствии Мичуновича, известно из разных источников. Сначала это были довольно краткие свидетельства в мемуарах Хрущева, ставших с 1971 г. многократно издаваться на Западе, а с 1990 г. — в СССР под занавес его существования и затем в постсоветской России⁴³. Более подробно встреча была описана в мемуарах Мичуновича⁴⁴. С крахом СССР и восточноевропейских коммунистических режимов стали доступными архивные материалы советско-югославской переписки на высшем уровне, которая последовала за брионскими переговорами и во многом отразила

их содержание и результаты. Эти материалы, использовавшиеся, в частности, автором данной статьи, были затем опубликованы⁴⁵. А немного позже обнаружилась и архивная югославская запись переговоров, которая после их окончания была сделана Мичуновичем по памяти и представлена руководству ФНРЮ. Впоследствии она легла в основу описания брионской встречи в мемуарах Мичуновича, в которых, однако, ряд моментов был подвергнут редакции в немалой мере по политическим причинам. В последнее время были опубликованы оригинальный сербский текст записи, так же как ее перевод на русский язык⁴⁶.

Из сопоставительного анализа названных источников видно, что в ответ на сообщение советских визитеров о запланированной Кремлем новой военной интервенции в Венгрии югославские участники брионских переговоров, хотя и выразили опасение, как бы она ни принесла больше вреда, подрывая коммунистический имидж, однако перед лицом аргументов Хрущева и Маленкова об отсутствии иного способа не допустить там «реставрации капитализма» согласились с интервенцией как меньшим злом. Но подчеркивали, что нельзя ограничиться только простым применением военной силы, а одновременно принять политические меры по созданию подходящего венгерского правительства, которое бы состояло из людей, не скомпрометированных при Ракоши и способных объединить силы, стоящие на «позициях социализма». Это соответствовало намерениям советской стороны, которая сама уже планировала такой шаг, о чем Хрущев с Маленковым тут же известили своих югославских собеседников. Югославы особо подчеркивали, что правительство должно будет осудить режим Ракоши — Герё, выдвинуть программу, направленную на преодоление «сталинского наследия», на «реформирование социализма», опираться на возникшие в Венгрии рабочие советы, предусмотреть равноправные отношения со странами «социалистического лагеря», а в перспективе — вывод советских войск. Хотя представления советских участников встречи о допустимых пределах реформ были значительно уже югославских, однако Хрущев и Маленков не выдвигали возражений. В возражениях не было смысла, поскольку было очевидно, что курс правительства, созданного в результате советского военного вмешательства, будет в решающей степени определяться позицией, которую сочтет необходимой занять руководство СССР. В этой ситуации пожелания, выдвигавшиеся югославами при их согласии на интервенцию, в сущности, лишались значения. Что касалось подбора людей для формирования намечавшегося правительства, то Хрущев высказывался за кандидатуру Ф. Мюнниха в качестве премьера, в то время как югославы были более склонны к кандидатуре Кадара, с чем в итоге Хрущев отчасти согласился. Югославские участники встречи высказывались против включения в новое правительство тех, кто занимал министерские посты в период Ракоши, но предлагали кандидатуры некоторых деятелей, в реальности близких к Надю. Последнее осталось безрезультатным.

Важным моментом брионской встречи было то, что югославское согласие с намеченной советской военной интервенцией сопровождалось там и договоренностью о фактически политическом содействии югославской стороны вмешательству советских войск и замене правительства Надя «революционным рабоче-крестьянским правительством». Было намечено, что югославы, используя свои контакты с окружением Надя, постараются до начала советских

действий уговорить самого Надя, а также его ближайших сторонников из членов возглавляемого им правительства подать в отставку. Эта договоренность зафиксирована в ряде вышеупомянутых как советских, так и югославских документов о встрече, причем обозначена в качестве инициативы югославской стороны. Реализация такой договоренности, в случае ее успеха, прежде всего отставки Надя с поста премьер-министра, означала бы официально ликвидацию его правительства, а это создавало бы такой политико-правовой вакуум, в условиях которого самопровозглашение нового правительства, созданного под советской эгидой, не выглядело бы как прямое свержение прежнего правительства. Да и само советское военное вмешательство оказывалось бы формально не направленным против признанных венгерских властей.

О том, как и кем именно было выдвинуто с югославской стороны подобное предложение, говорится лишь в одном из названных выше источников: в записи Мичуновича, сделанной после окончания встречи. Если верить записи, предложение внес как раз он сам. И, насколько можно понять из данного документа, это произошло прямо за столом, где сидели все участники переговоров. А они все согласились с идеей Мичуновича⁴⁷. Однако, если дело происходило именно так, то трудно поверить, чтобы выдвижение столь важного предложения было исключительно собственной инициативой посла и являлось неожиданностью для Тито, Карделя и Ранковича. Логически это скорее выглядит как шаг, заранее подготовленный Тито и его ближайшими сподвижниками, с отведенной Мичуновичу ролью озвучить такое предложение. О причинах, почему данную роль играл он, а не главные югославские фигуры, сидевшие за столом и внешне не более чем «согласившиеся» с предложением, можно только догадываться.

Во всяком случае, советскими участниками изложенное послом и у них на глазах одобренное руководителями ФНРЮ было встречено с энтузиазмом. Хрущев и Маленков проявили особую заинтересованность в договоренности с югославами о комбинации с отставкой Надя и в ее реализации.

Характерно, что о своем обещании содействовать, таким образом, камуфлированию новой советской интервенции югославские участники переговоров на Брионах не были склонны ставить в известность их товарищей в правящей верхушке Югославии. Судя по протоколу заседания Исполкома ЦК СКЮ 6 ноября, на котором Тито информировал остальных членов этого высшего партийного органа о брионской встрече, югославский лидер предпочел умолчать тогда о подобной договоренности⁴⁸.

После того, как утром 4 ноября, с началом запланированной Кремлем второй военной интервенции, через радиостанцию, находившуюся под советским контролем, было объявлено о создании возглавленного Кадаром так называемого Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства и обнародовано его обращение к населению Венгрии, югославская сторона в тот же день выразила свое отношение к произошедшему. Как нередко практиковалось при возникновении той или иной непростой политической ситуации, это было сделано в виде комментария, выпущенного правительственным телеграфным агентством ТАНИЮГ от имени его внешнеполитического редактора. В нем создание такого правительства и его декларированные цели оценивались, хотя и с некоторой сдержанностью, но в качестве явления, которое в сложившихся труд-

ных условиях может сыграть положительную роль и способствовать ставшему необходимым решению неотложных проблем⁴⁹.

Однако своего обещания, данного во время встречи на Брионах Хрущеву и Маленкову по поводу Надя, югославские участники встречи не выполнили. В последующей переписке с советским руководством Тито стремился уверить Москву, что югославы сразу стали действовать согласно договоренности и предприняли соответствующие усилия в Будапеште во второй половине дня 3 ноября, но не успели добиться реального результата. Кардель сообщил 4 ноября послу СССР в ФНРЮ Н.П. Фирюбину, что в ночь на 4 ноября югославы, как было условлено с Хрущевым, связались с Надем. Но ни Тито, ни Кардель никак не поясняли, что именно было предпринято. Тито в переписке лишь связал югославские действия с переговорами, которые еще до 2 ноября велись между югославской дипломатической миссией в Будапеште и близким к Надю З. Санто. Последний обратился с просьбой о том, чтобы ему и нескольким другим коммунистам из правительства Надя и руководства партии, создававшейся взамен распавшейся ВПТ, позволили укрыться в миссии в случае опасности антикоммунистического погрома⁵⁰. Из документов известно, что действительно посланник Солдатич запросил Белград по поводу обращения Санто и получил 3 ноября ответ, что убежище, о котором вел речь Санто, может быть предоставлено⁵¹. Однако при этом никаких упоминаний о Наде, а тем более по поводу его отставки не было. Ничего конкретного не мог назвать позже в переписке с Москвой и Тито.

Когда на рассвете 4 ноября советские войска начали военные действия, Надь не только не подал в отставку, но обнародовал по венгерскому радио обращение, осудившее советское вмешательство как противозаконное, а затем вместе с большой группой сторонников, включавшей Санто, укрылся в югославском представительстве. Тем самым события приняли оборот, прямо противоположный тому, о чем договорились на брионской встрече. Белград, информированный о случившемся Солдатичем⁵², оказался в щекотливом положении.

Руководство ФНРЮ, пытаясь выйти из крайне нежелательной для него ситуации, уведомило 4 ноября о произошедшем советскую сторону и заверило, что югославы будут пытаться повлиять на Надя, чтобы он дезавуировал свое последнее заявление и, наоборот, сделал заявление о поддержке правительства Кадара. Одновременно Солдатичу были даны инструкции постараться уговорить Надя на это и воспрепятствовать тому, чтобы он и члены его группы вели какую-либо деятельность и установили какой-либо контакт вне миссии⁵³. Однако советское руководство ответило 4 ноября Белграду, что ввиду изменившегося положения, в обстановке, когда правительство Надя уже устранено и провозглашено создание правительства Кадара, считает выступление Надя не нужным, а предлагает выдать Надя и его группу советским войскам, которые передадут их правительству Кадара. Кроме того, в адрес Тито, Ранковича и Карделя была отдельно направлена телеграмма за подписями Хрущева и Маленкова, содержание которой было, очевидно, рассчитано на то, чтобы быстрее добиться от югославов выдачи Надя и его сторонников. В телеграмме, полученной в Белграде 5 ноября, говорилось об успешном подавлении «контрреволюции» в Венгрии и всячески подчеркивалось, что эта акция была проведена так, как было условлено на брионской встрече, и что результаты встречи произвели самое лучшее впечатление на Президиум ЦК КПСС⁵⁴.

Советское требование ставило Белград в тупиковое положение: с одной стороны, югославское руководство отнюдь не хотело ссориться с Москвой, а с другой — оно не могло себе позволить выдачу Надя и его товарищей советским военным властям или правительству Кадара из опасения серьезной дискредитации в глазах собственного народа и внешнего мира. Поэтому 5 ноября в послании за подписями Тито, Карделя и Ранковича на имя Хрущева содержалось предложение об отправке Надя и остальных в Югославию. Но в ответном послании Тито, Карделю и Ранковичу, которое было утверждено Президиумом ЦК КПСС 6 ноября и получено югославской стороной на следующий день, Хрущев от имени советского руководства категорически отверг это предложение. Он апеллировал к брионской договоренности и предупреждал, что югославская позиция в пользу отправки Надя в Югославию может быть истолкована как проявление скрывавшейся солидарности Белграда с политикой Надя и способна нанести непоправимый ущерб советско-югославским отношениям⁵⁵. Это была достаточно прозрачная угроза.

Еще раньше югославы, как видно, восприняли в качестве угрозы произошедший 5 ноября инцидент, когда в здании югославского дипломатического представительства в Будапеште его сотрудник М. Милованов был убит в результате выстрелов из советского танка. По этому поводу правительство Югославии сразу же выразило решительный протест послам СССР в Белграде и Будапеште. Причем государственный секретарь по иностранным делам Югославии Попович поставил перед послом СССР Фирюбиным вопрос, куда такие советские действия могут привести⁵⁶, содержащий намек на подозрения о возможности умышленных действий. Мичунович, который только 7 ноября смог в связи с гибелью Милованова заявить протест министру иностранных дел СССР Д.Т. Шепилову, вынес от беседы с последним мрачное впечатление, сочтя, что министр демонстративно игнорировал югославские претензии. Советская запись беседы подтверждает, что она была довольно напряженной, хотя и не в такой степени, как передано в мемуарах Мичуновича⁵⁷. Такое же впечатление посол вынес и из беседы в этот же день с Хрущевым, который в повышенных тонах повторил ему то, о чем говорилось в отправленном перед тем послании на имя Тито, Карделя и Ранковича⁵⁸.

В случае с гибелью Милованова оценка Мичуновичем советской позиции не соответствовала реальности. На самом деле еще накануне, 6 ноября, Президиум ЦК КПСС, получивший телеграмму от Фирюбина о югославском протесте, утвердил ответ югославам, в котором гибель Милованова квалифицировалась как несчастный случай, выражалось соболезнование по этому поводу и давались заверения о принятии мер по обеспечению полной безопасности дипломатического представительства ФНРЮ в Будапеште. Ответ был послан телеграммой Фирюбину для передачи правительству Югославии⁵⁹. Мичунович, еще не имевший информации об этом из Белграда, был тем самым лишен данных, свидетельствовавших о том, что происшедшее с Миловановым не являлось акцией, спланированной советским руководством, и что последнее отнюдь не было в этой связи заинтересовано в обострении отношений с Югославией. Но что касалось вопроса о Наде и его группе, то здесь Мичунович не заблуждался: изложенное в послании Хрущева, полученном в Белграде 7 ноября, отражало жесткую линию, занятую советской стороной.

Придерживаясь этой линии, Кремль отверг колебания Кадара, который 8 ноября выразил Андропову мнение о возможности — чтобы не обострять отношений с югославами — выпустить Надя и его группу в Югославию при условии получения от Надя письменного документа о его отставке с поста премьер-министра свергнутого правительства и письменных обязательств Надя и других не причинять вреда правительству Кадара. Получив об этом сообщение Андропова, советское руководство известило Кадара, что выпускать Надя и остальных в Югославию не следует ни в коем случае, и выразило уверенность, что в итоге югославская сторона будет вынуждена согласиться с требованием об их выдаче. В ответ на опасения Кадара по поводу обострения отношений с Белградом Президиум ЦК КПСС повторил позицию, изложенную в упомянутом послании Хрущева Тито, Карделю и Ранковичу⁶⁰.

8 ноября Тито в новом послании Хрущеву от имени ЦК СКЮ старался объяснить Кремлю, что руководство ФНРЮ, опасаясь быть дискредитированным, не в состоянии позволить себе выдачу Надя и находившихся вместе с ним в югославской миссии лиц советским или венгерским властям. Усиленно подчеркивая поддержку правительства Кадара Югославией, Тито предлагал поиск компромисса, в том числе и путем амнистии Надю и остальным укrywшимся в югославской миссии в Будапеште⁶¹. В надежде, что это будет способствовать смягчению позиции Москвы и получению согласия от правительства Кадара, Белград дал 9 ноября директиву Солдатичу попытаться добиться от Надя хотя бы формального заявления об отставке с поста премьер-министра свергнутого правительства. Однако Надя отказался⁶².

На обращение Тито от 8 ноября советское руководство ответило 10 ноября предложением, чтобы Надя и министр его правительства, член руководства новой партии, создававшейся взамен распавшейся ВПТ, Г. Лошонци, настроенный особенно революционно, были отправлены в Румынию. Остальные в случае их заявления о лояльности правительству Кадара могли получить свободу, оставаясь в Венгрии⁶³. Выезд в Румынию был, по сути, равносильным выдаче Надя и Лошонци, но формально это был как бы компромисс, о котором просил Тито. Мичунович, которого Хрущев ознакомил 11 ноября с этим предложением, уже переданным через посольство СССР в Белграде, тут же выразил советскому лидеру позитивную оценку предложения и в телеграмме Тито, Карделю и Поповичу, полученной в Белграде 12 ноября, советовал принять его и повлиять на Надя, чтобы тот согласился. По утверждению Мичуновича, Хрущев с нетерпением ожидал ответа⁶⁴. Но, в отличие от Мичуновича, югославское руководство сочло невозможным принять такое предложение, о чем еще 11 ноября Солдатич сказал Кадару, отметив, что отправка Надя в Румынию могла бы, по оценке Белграда, отрицательно сказаться на престиже Югославии и что Румыния не является подходящей для этого страной⁶⁵. Было очевидно, что вариант с Румынией, страной советского блока, способен дискредитировать югославский режим не многим меньше, чем выдача Надя советским военным или правительству Кадара. К тому же такой вариант не имел шансов на согласие Надя, который демонстрировал решительное неприятие не только компромисса с правительством Кадара и советской стороной: румынскому представителю В. Роману, посетившему его десять дней спустя, он заявил категорический отказ от отправки в Румынию⁶⁶.

Белград, со своей стороны, предлагал два варианта: либо заявление правительства Кадара, гарантирующее Надю и остальным свободу после выхода из югославской миссии, либо их беспрепятственный выезд в Югославию⁶⁷.

Белград, а также Москва и Кадар стремились найти выход из положения, но каждый в своих интересах. В отличие от югославов, торопившихся решить этот вопрос, чтобы избавиться от источника осложнений с СССР, советская сторона вначале проявляла тенденцию взять югославское руководство измором. Но продолжавшееся формальное существование правительства Надя, так и не подавшего в отставку, серьезно усугубляло и без того трудное внутривосточное и международное положение правительства Кадара. Поэтому Кадар маневрировал, то заверял Солдатича 16 ноября, что Надя и его группа могут покинуть югославское представительство, не боясь преследования, и, если захотят, выехать из Венгрии, то, по инструкциям советской стороны, требовал на следующий день в качестве предварительного условия заявление Надя и Лошонци, что они больше не считают себя членами правительства и, вместе с остальными, обязуются поддерживать правительство Кадара. А югославская сторона стала добиваться, чтобы правительство Кадара, не требуя таких заявлений, дало правительству ФНРЮ письменную гарантию, что Надя и остальные могут свободно жить у себя дома без репрессий против них⁶⁸.

Споры, продолжавшиеся вплоть до 21 ноября, были целиком перенесены в сферу переговоров между Белградом и правительством Кадара, советская сторона, за кулисами контролировавшая Кадара, внешне как бы устранилась от обсуждения вопроса о Наде⁶⁹. Председатель КГБ СССР И.А. Серов, направленный в Венгрию, в информации, посылавшейся в Москву, сообщал в эти дни весьма сомнительные сведения, будто югославские дипломаты, по указаниям из Белграда, обсуждали с некоторыми укрывавшимися противниками правительства Кадара вопрос о возможности его замены новым правительством, которое бы возглавил Надя⁷⁰.

Все это происходило на фоне возникшей югославо-советской публичной полемики об общих причинах венгерского кризиса и оценке политики СССР и ФНРЮ в Венгрии. Начало положило опубликование 16 ноября в центральной югославской газете «Борба» выступления Тито на партактиве в Пуле 11 ноября. В нем глава Югославии оправдывал второе советское военное вмешательство, предпринятое 4 ноября, как меньшее зло перед угрозой «контрреволюции» и выражал поддержку правительству Кадара. Однако вместе с тем оценил венгерский кризис как следствие поддержки, до последнего момента оказывавшейся Москвой режиму Ракоши — Герё, в том числе первой советской военной интервенции, которая вызвала естественное возмущение в Венгрии. Тито связал такую ориентацию политики Кремля в отношении не только Венгрии, но и других восточноевропейских стран советского блока с тем, что среди части советского руководства еще сильно сталинское наследие, которое он охарактеризовал как продукт системы, сложившейся в СССР. Как само сказанное в Пуле, так и особенно его опубликование были явной попыткой дистанцироваться от советской политики в Венгрии ввиду возмущения и в мире, и внутри Югославии действиями Москвы, а в то же время оправдать Белград за согласие со второй интервенцией и поддержку правительства Кадара. История с выступлением Тито

вызвала обостренную реакцию в советских верхах, которая, однако, была выражена в основном не публично, а в беседах Хрущева и других членов Президиума ЦК КПСС с Мичуновичем. При этом советская сторона подчеркивала, что не хочет осложнений с Югославией, и обвиняла Белград в нарушении взаимных договоренностей. Публичный ответ на выступление Тито, данный в виде материалов «Правды» 19 и 23 ноября, отвергал югославские оценки, но, по мнению того же Мичуновича, был относительно умеренным, как и общая позиция в отношении Югославии, проявленная в те дни в Москве⁷¹.

Югославская сторона, достигнув своей политико-пропагандистской цели публикацией выступления Тито, также подчеркивала, что не хочет ухудшения отношений с СССР, и пыталась в беседах Тито и других руководящих деятелей с Фириубиным сгладить значение некоторых формулировок из выступления в Пуле. В то же время в этих беседах, а также в специальной телеграмме югославского руководства, зачитанной 20 ноября Мичуновичем Хрущеву, выступление в Пуле мотивировалось критической кампанией в адрес югославов, развернутой в ряде восточноевропейских стран «народной демократии» и западных компартий⁷². Этот аргумент был направлен на то, чтобы добиться прекращения такой кампании и одновременно оправдать выступление Тито.

После публикации выступления югославская сторона проявляла в целом умеренность в отношениях с Москвой. Это сказалось и в связи с задержанием советскими военными Надя и его группы после выхода из югославской миссии 22 ноября. Кадар, который 21 ноября согласился дать югославам письменную гарантию безопасности Нады и остальных, был с самого начала в курсе советского плана предстоящего задержания⁷³. Когда оно произошло и Нада с его товарищами насильно отправили в Румынию, правительство ФНРЮ ограничилось протестом правительству Кадара, а советскому правительству выразило 24 ноября лишь «удивление» по поводу случившегося. Причем использованная при этом формулировка об ожидании югославским правительством, что правительство СССР примет все необходимое, чтобы сделать возможной реализацию договоренности югославов с Кадаром о Наде от 21 ноября, была, по сути, просто дежурной фразой. На которую и последовал столь же формальный ответ Москвы, что вопрос о Наде и его группе является исключительно внутренним делом Венгрии⁷⁴.

Но в непубличных контактах с Москвой Белград проявлял все большее недовольство развертывавшейся при советском поощрении антиюгославской кампанией в странах Восточной Европы и в некоторых западных компартиях, особенно французской, и советской манерой действовать, не считаясь с интересами и престижем ФНРЮ, как было в случае с арестом Нады. Это недовольство было выражено в обширном письме Тито от имени ЦК СКЮ Хрущеву 3 декабря. В нем повторялась и развивалась критика политики СССР в Венгрии и говорилось о неправомерности советских обвинений в адрес югославов в связи с брионской договоренностью и вопросом о Наде⁷⁵. Судя по содержанию и тону, письмом преследовалась цель воздействовать на Кремль, чтобы он на деле признал за югославской стороной право выражения позиции, не только отличной от советской, но даже весьма критической по отношению к политике СССР, и продолжал бы, несмотря на такую критику, поддерживать нормальное сотрудничество с Белградом, особенно экономическое, в котором Югославия была очень

заинтересована. Отправив письмо, югославское руководство подчеркивало при контактах с Фириубиным, что такой «обмен мнениями» является «откровенным» и «товарищеским» и не должен быть помехой во взаимных отношениях⁷⁶.

На это письмо еще не успели в Москве отреагировать, как 7 декабря в Союзной народной скупщине (парламенте) ФНРЮ последовало выступление Карделя, в котором давалась оценка событиям в Венгрии. Растиражированное затем в СМИ, оно продолжило начатое выступлением Тито в Пуле публичное изложение и обоснование позиции высшего югославского руководства в связи с этими событиями. Шедшее в русле той же линии, которую обозначил Тито, выступление Карделя вместе с тем отличалось более жесткой критикой политики СССР как важнейшего фактора, повлиявшего на возникновение венгерского кризиса⁷⁷. По утверждению Мичуновича, он прежде не видел Хрущева столь взбешенным, как в их более чем трехчасовой беседе 11 декабря по поводу сказанного Карделем. Но одновременно Хрущев высказался за то, чтобы совместно с Тито попытаться выработать общую советско-югославскую позицию выхода из кризиса в Венгрии⁷⁸. Впрочем, такой довольно примирительный вывод не помешал опубликованию неделей позже в «Правде» весьма резкого ответа на выступление Карделя⁷⁹.

Возникновение этой публичной полемики между Белградом и Москвой наряду с полемическим ужесточением секретной переписки по тому же поводу, продолжившейся между ними и в начале 1957 г., стали своеобразным заключительным аккордом в политике, которая проводилась Югославией в связи с венгерской революцией. В условиях стремительного распада режима коммунистической власти, существовавшего в соседней стране, югославское руководство, посчитав высшим приоритетом необходимость сохранить в Венгрии, как и в других «народных демократиях» Восточной Европы, коммунистическое господство, в том числе даже путем советского военного вмешательства, поддержало такое вмешательство и подавление революции силой извне. Таким образом, вопреки неафишируемому стремлению правящей верхушки Югославии ослабить, а тем самым в той или иной мере подорвать гегемонизм Москвы в отношении восточноевропейских государств советского блока, югославская политика оказалась в роли фактора содействия не только восстановлению коммунистического диктата в Венгрии, но и удержанию этой страны в орбите СССР. Вместе с тем, в результате подобного образа действий югославское руководство, с одной стороны, оказалось перед угрозой возможной своей дискредитации как в значительной части общественного мнения собственной страны, так и на мировой арене за пособничество или, по крайней мере, оправдание второй советской военной интервенции. А с другой стороны, оно столкнулось с полным игнорированием своих интересов и репутационных рисков Кремлем, который вкупе с Кадаром прибегнул к обманной комбинации в отношении югославского правительства, когда, вопреки договоренности последнего с Кадаром, были арестованы Надь и его соратники, вышедшие из диппредставительства ФНРЮ в Будапеште. В этой довольно скверной ситуации, в которую въехал «антисталинский сталинизм» Белграда, тем, кто стоял у его руля, не оставалось, по сути, ничего иного, как, осознавая крах своей комбинаторики в отношении перепугавшей их венгерской революции, теперь, после ее подавления, срочно спасти свой

антисталинистский имидж, выступив в роли критиков сталинизма и советской системы. А заодно, резко и в том числе публично возражая Кремлю, попытаться подвести его раньше или позже к необходимости новой «нормализации» отношений с Югославией.

Примечания

- 1 Из публикаций документов, специально посвященных «югославскому аспекту» революции 1956 г. в Венгрии, нужно прежде всего отметить два сборника (по сути, два тома) под общим названием, подготовленные тремя известными венгерскими исследователями: *Top Secret — Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956: Az állami- és pártkapcsolatok rendezése, az októberi folkelés, a Nagy Imre-csoport sorsa. Dokumentumok* (далее — *Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1*) / *Az iratokat gyűjtötte, válogatta, szerkesztette és a bevezető tanulmányt írta J. Kiss, Z. Ripp, I. Vida. Budapest, 1995; Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. december — 1959. február: A magyar-jugoszláv kapcsolatok és a Nagy Imre-csoport sorsa. Dokumentumok* (далее — *Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 2*) / *Az iratokat gyűjtötte, válogatta, szerkesztette és a bevezető tanulmányt írta J. Kiss, Z. Ripp, I. Vida. Budapest, 1997.* А среди различных публикаций документов по более широким темам как венгерской революции 1956 г., так и политики СССР по поводу нее, включая советско-югославские отношения, особо выделим, во-первых, российско-венгерское издание, содержащее, среди прочего, большой материал о различного рода взаимосвязи тогдашних событий в Венгрии с позицией и действиями Белграда: ССВК, а во-вторых: *Едемский А.Б.* По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // *Славянский альманах 2010. М., 2011.* См. также: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / Гл. ред. А.А. Фурсенко; отв. сост. В.Ю. Афиани. М., 2006–2008. Т. 1–2; *Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.* / Гл. ред. М. Милошевич, В.П. Тарасов, Н.Г. Томилина. М., 2014. Т. 1. 1946–1964 (российско-сербская публикация, значительная часть материалов которой вышла в свет также в качестве ее сербского издания: *Југославија — СССР: Сусрети и разговори на највишем нивоу руководилица Југославије и СССР. 1946–1964.* Београд, 2014. Т. 1).
- 2 Эта проблематика привлекла внимание прежде всего исследователей в Венгрии, в постюгославских государствах, особенно в Сербии, и в России. Из работ венгерских историков укажем, в частности, книгу: *Ripp Z. Belgrád és Moszkva között. A jugoszláv kapcsolat és a Nagy Imre-kérdés (1956 november — 1959 február).* Budapest, 1994; а также предисловия к упомянутым сборникам *Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1, 2.* Из публикаций историков в постюгославских государствах см., например, статьи сербских авторов: *Tripković Đ. Jugoslavija i pitanje azila Imre Nađa* // *Istorija 20. veka (Beograd).* 1997. Br. 1; *Dimić Lj. Josip Broz, Nikita Sergejevič Hruščov i mađarsko pitanje 1955–1956* // *Tokovi istorije (Beograd).* 1998. Br. 1/4; *Kovačević K. Yugoslav-Hungarian Relations 1953–1956* // *Velike sile i male države u hladnom ratu 1945–1955. Slučaj Jugoslavije — Greate Powers and Small Countries in Cold War 1945–1955. Issue of ex-Yugoslavia* / Ured. / Ed. Lj. Dimić. Beograd, 2005; *Ковачевић К.* Југославија и мађарска криза 1956. године // *Југославија у хладном рату. Прилози истраживањима* / Глав. и одг. уред А. Животић. Београд, 2010. Из исследований российских историков см., например: *Gibianszkij L. Magyarország, 1956: Hruscov és Tito titkos levelezése* // *Köztársaság. Budapest, 1992. 25–27. sz; Le trattative segrete*

- sovietico-jugoslave e la repressione della rivoluzione ungherese del 1956 // Storia Contemporanea. Roma, 1994. № 1; Sovjetsko-jugoslovenski odnosi i mađarska revolucija 1956. godine // Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1996. Br. 1/2 (статью под тем же названием на венгерском языке см.: *Gibianszkij L. A szovjet-jugoszláv kapcsolatok és az 1956-os magyar forradalom // Az 1956-os Magyar Forradalom Történetének Dokumentációs és Kutatóintézete-Közalapítvány: Évkönyv. V. 1996/1997. Budapest, 1997; Гибианский Л.Я. Н.С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 1 (опубликовано также по-английски: *Gibianskii L.Ia. Nikita Sergeevich Khrushchev, Josip Broz Tito, and the Hungarian Crisis of 1956 // Russian Studies in History (Armonk, New York). Vol. 44 (Winter 2005–2006). N 3); Стыкалин А.С. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь — декабрь 1956 года) // Славяноведение (Москва). 2000. № 1; Он же. Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003 (в книге уделено значительное внимание роли Югославии в связи с революцией в Венгрии); Он же. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016 (раздел «Венгерский кризис 1956 года и советско-югославские отношения второй половины 1950-х — начала 1960-х годов»); Едемский А.Б. Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 года) // Славянство, растворенное в крови...: В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук В.К. Волкова. Сборник статей / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2010.**
- 3 О характере коммунистического режима, возникшего в Югославии в результате Второй мировой войны, и об изменениях его внутреннего устройства и внешней политики, произошедших под воздействием конфликта Сталин — Тито, см. подробнее, например: Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. Ч. IV. Гл. 1–5.
 - 4 Внешняя политика Советского Союза. 1949 год: Документы и материалы. М., 1953. С. 164; Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 701–702.
 - 5 См., например: *Dimić Lj. Josip Broz, Nikita Sergejevič Hruščov i mađarsko pitanje. S. 36–37; Kovačević K. Yugoslav-Hungarian Relations 1953–1956. P. 144–145; Ковачевич К. Югославија и мађарска криза 1956. године. С. 133, 134–135.*
 - 6 В частности, выдвижение этой темы участниками оппозиционных выступлений отмечалось с озабоченностью рядом венгерских руководителей и функционеров. См.: ССВК. С. 91, 119, 138–139, 148–149.
 - 7 Там же. С. 229.
 - 8 В этом духе венгерское руководство периодически информировало советских представителей. См., например: Там же. С. 139, 145, 153, 173.
 - 9 Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР: Сборник документов / Составители А.А. Зданович (руководитель) и др.; гл. ред. Н.Ф. Самохвалов. М., 2009. С. 72.
 - 10 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 209–210, 215–217 (непосредственно о Венгрии — С. 210, 215); *Dimić Lj. Josip Broz, Nikita Sergejevič Hruščov i mađarsko pitanje. S. 36, 38.*
 - 11 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 215.
 - 12 *Mičunović V. Moskovske godine 1956–1958. 2 izd. Beograd, 1984. S. 82.*
 - 13 *Dimić Lj. Josip Broz, Nikita Sergejevič Hruščov i mađarsko pitanje. S. 38–39.*

- 14 Так, Мичунович в тех же мемуарах написал, что Хрущев, говоря о происходившем в Венгрии, употребил и формулировку «внутренний кризис» (*Mičunović V. Moskvske godine 1956–1958. S. 82*). В советской записи заседания ничего подобного нет. В тех выдержках из югославской записи, которые приводил Л. Димич, этого тоже нет. Не исключено, что Мичунович и здесь примыслил задним числом ту лексику, которая стала употребляться позже, когда наступила стадия кризиса.
- 15 В частности, он счел, что некоторых тактических шагов, в том числе введения прежде репрессированного Я. Кадара в Политбюро, окажется достаточным, чтобы нейтрализовать недовольство руководством ВПТ со стороны, по оценке Суслова, лишь части нетехнической интеллигенции и партработников, а также реабилитированных в последние два года коммунистов, в прошлом занимавших видные посты. См.: ССВК. С. 85–87.
- 16 *Mičunović V. Moskvske godine 1956–1958. S. 107–108.*
- 17 На заседании Президиума ЦК КПСС, где решался вопрос о поездке Микояна, не было и речи о возможном использовании советской военной силы в Венгрии (см.: ССВК. С. 149–151). Вместе с тем, как отмечалось в историографии, 20 июля 1956 г. был утвержден план действий советских войск в Венгрии на случай необходимости «восстановления общественного порядка». Но такого рода планы относились не только к Венгрии, а были разработаны применительно и к другим восточноевропейским странам, где тогда находились советские войска (*Стькалин А.С. Прерванная революция. С. 124, 283*).
- 18 ССВК. С. 139.
- 19 Подробнее см.: *Гибанский Л.Я.* Н.С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. С. 14–16.
- 20 Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 99–100. old.
- 21 *Mičunović V. Moskvske godine 1956–1958. S. 109.*
- 22 О задачах Микояна при переговорах с Тито можно судить как по некоторым подготовительным документам, предшествовавшим визиту, так и по фрагментарным данным о самих переговорах. См., например: ССВК. С. 174–175, 205.
- 23 Там же. С. 205, 211, 224, 237, 245–246.
- 24 Там же.
- 25 Например, см.: *Mičunović V. Moskvske godine 1956–1958. S. 101–104, 106–107, 108–109, 112–113, 128–130*; Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 692–700; АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ, IX. Ст. сигн. 1-1/49.
- 26 О том, как возникла договоренность об этом обмене визитами, см.: Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 700–701; *Mičunović V. Moskvske godine 1956–1958. S. 117, 123, 125–126*; АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ, IX. 119/1–71. Л. 1. Поскольку в мемуарах Мичуновича запись о передаче им приглашения Тито Хрущеву об отдыхе в Югославии почему-то датирована 7 августа, в историографии, в том числе и в моих прежних работах, говорилось, со ссылкой на мемуары, что приглашение последовало в начале августа. Известные теперь советские документы свидетельствуют, что на самом деле это было 20 июля, т. е. в двухдневном промежутке между отстранением Ракоши и встречей Тито с Микояном.
- 27 Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 254–256, 262–263.
- 28 Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 116–117. old.
- 29 *Mičunović V. Moskvske godine 1956–1958. S. 141.*
- 30 Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 125–127. old.

- 31 *Kovačević K.* Yugoslav-Hungarian Relations 1953–1956. P. 152; *Ковачевић К.* Југославија и мађарска криза 1956. године. С. 138.
- 32 *Dimić Lj.* Josip Broz, Nikita Sergejevič Hruščov i mađarsko pitanje. S. 51–53; *Ковачевић К.* Југославија и мађарска криза 1956. године. С. 138–139; *Едемский А.Б.* Был ли тайный стговор на Брионах. С. 350–351. Большая часть информации поступала в Белград через дипломатическую миссию ФНРЮ в Будапеште. См., напр.: Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 130–134., 136–140. old.
- 33 См.: *Dimić Lj.* Josip Broz, Nikita Sergejevič Hruščov i mađarsko pitanje. S. 52–53; *Едемский А.Б.* Был ли тайный стговор на Брионах. С. 351, 352.
- 34 *Mičunović V* Moskovske godine 1956–1958. S. 152.
- 35 См.: *Dimić Lj.* Josip Broz, Nikita Sergejevič Hruščov i mađarsko pitanje. S. 52; *Едемский А.Б.* Был ли тайный стговор на Брионах. С. 351, 352.
- 36 Декларацию см.: ССВК. С. 441–443.
- 37 Там же. С. 432–439.
- 38 Politika Jugoslavije prema Mađarskoj i slučaj Imre Nađa. Beograd, 1959. S. 66.
- 39 Письмо Тито см.: Борба. 1956. 30 X; Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 141–142. old.
- 40 Politika Jugoslavije prema Mađarskoj. S. 71–72; Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 144. old.
- 41 Politika Jugoslavije prema Mađarskoj. S. 72–73; Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 145–147. old.
- 42 ССВК. С. 479–481, 484.
- 43 Из первых западных изданий см., например: Khrushchev Remembers. Toronto — London, 1971. Уточненный русский оригинал воспоминаний под названием «Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева» впервые появился как журнальная публикация: Вопросы истории. 1990. № 2–12; 1991. № 1–12; 1992. № 1–3, 6–9, 11–12; 1993. № 2–10; 1994. № 1–8, 10–12; 1995. № 2–6 (о встрече на Брионах: 1994. № 5. С. 76–78), а позже полностью или частично публиковался в различных книжных изданиях.
- 44 *Mičunović V.* Moskovske godine 1956–1958. S. 156–164.
- 45 Эти материалы, в том или ином объеме, использовались в моих работах, указанных в примеч. 2. Публикации материалов см.: Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 164., 165–166., 175–177., 183–186. old.; ССВК. С. 582–583, 587–588, 595–596, 608–611, 622–625, 633–635.
- 46 Сербский оригинал записи: Југославија — СССР: Сусрети и разговори на највишем нивоу. С. 343–352. Опубликовано два ее перевода на русский язык — один в: *Едемский А.Б.* По следам секретных консультаций на Брионах; другой в: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии. С. 269–277. При этом Едемский сопоставил указанную запись Мичуновича с тем, как это было изложено в мемуарах Мичуновича (*Едемский А.Б.* По следам секретных консультаций на Брионах. С. 466–478), а анализ сопоставления дал в: *Едемский А.Б.* Был ли тайный стговор на Брионах. С. 362–364.
- 47 Југославија — СССР: Сусрети и разговори на највишем нивоу. С. 348.
- 48 АЈ. Ф. 507. ЦК СКЈ, III/67.
- 49 Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 161–163. old.
- 50 ССВК. С. 582, 623; АЈ. Ф. 507. ЦК СКЈ, IX. 119/I–95. Л. 14, 64–65; РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 84. С. 21.
- 51 Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 159. old.

- 52 Ibid. 160. old.
- 53 ССВК. С. 582; Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 160–161. old.
- 54 ССВК, С. 585, 587–588; АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ, IX. 119/1–76.
- 55 ССВК. С. 595–596, 608–611; АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ, IX. 119/1–77. Л. 1–4.
- 56 Архив Министрства иностранных послова (Београд). Политичка архива. 1956 god. F-II, dosije II. Str. Pov. 343; ССВК. С. 596–598.
- 57 *Mićunović V.* Moskvske godine 1956–1958. S. 174–175; ССВК. С. 618–620.
- 58 *Mićunović V.* Moskvske godine 1956–1958. S. 172–173, 175.
- 59 ССВК. С. 598–599. В ночь на 7 ноября из посольства СССР в Будапеште был передан в Москву и текст акта от 5 ноября комиссии по расследованию этого случая. В нем говорилось, что один из советских танков стрелял по зданию, расположенному рядом с югославским дипломатическим представительством и случайно попал в последнее (Там же. С. 599–600).
- 60 ССВК. С. 626–629.
- 61 АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ, IX. 119/1–78. Л. 1–7. Перевод на русский язык, выполненный самими югославами: ССВК. С. 622–625.
- 62 Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 190, 191. old.
- 63 ССВК. С. 632–635. Советское предложение, утвержденное 10 ноября Президиумом ЦК КПСС, было согласовано с Кадаром и румынским руководством (Там же. С. 635–636).
- 64 АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ, IX. 119/1–80 (st.sign. 1-1/57). Л. 3; *Mićunović V.* Moskvske godine 1956–1958. S. 178.
- 65 ССВК. С. 643.
- 66 Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 195, 285–286. old; ССВК. С. 677.
- 67 ССВК. С. 643.
- 68 Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 233–239. old.; ССВК. С. 656.
- 69 Top Secret: Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1. 241–257, 259–275. old.; ССВК. С. 656, 657–661, 665–668.
- 70 ССВК. С. 664, 665.
- 71 Выступление Иосипа Броз Тито в Пуле // Правда. 1956. 19 XI; За дальнейшее сплочение сил социализма на основе марксистско-ленинских принципов // Там же. 1956. 23 XI; *Mićunović V.* Moskvske godine 1956–1958. S. 184–191, 195–199, 200–201.
- 72 *Mićunović V.* Moskvske godine 1956–1958. S. 190; АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ, IX. 119/1–80 (st.sign. 1-1/57). Л. 1; ССВК. С. 706–708; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 4. Л. 14–19. Югославская сторона ставила эту кампанию в связь с установками, тайно исходившими от Кремля (АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ, IX. 119/1–69, Л. 18–21).
- 73 ССВК. С. 656–657, 667–668, 669, 676–677.
- 74 Там же. С. 679–683, 698, 712–724.
- 75 АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ, IX. 119/1–83; ССВК. С. 730–737.
- 76 ССВК. С. 737–738.
- 77 Борба. 1956. 8 XII.
- 78 *Mićunović V.* Moskvske godine 1956–1958. S. 204–208.
- 79 *Павлов Ю.* Кому это выгодно. По поводу выступления тов. Э. Карделя на сессии Союзной народной скупщины Югославии // Правда. 1956. 18 XII.

Венгерские Церкви и 1956 год

Венгерские правительства после 1945 г. декларировали отделение Церквей от государства. Эта цель достигалась скорее административными, принудительными мерами.

Первой мерой, реально ограничивающей позиции Церквей, стала земельная реформа, начатая 15 марта 1945 г. Она особенно ошутимо затронула интересы Католической церкви: из 862 704 кадастровых хольдов* принадлежащей ей земли были национализированы 765 684. Это было *экономическое ограничение церкви*.

К участию в выборах в Национальное собрание 4 ноября 1945 г. не была допущена демохристианская по своей ориентации партия — Демократическая Народная партия под руководством Иштвана Баранковича. *Это стало ограничением не только политических свобод, но и роли Церквей в общественной жизни.*

31 января 1946 г. председатель Национального собрания объявил о вводе в действие I статьи нового закона о государственном устройстве Венгрии. Закон упразднил монархическое устройство и объявил Венгрию республикой. Вследствие этого был аннулирован прежний статус главы венгерской Католической церкви в решении государственно-правовых вопросов. *В этом также проявилось ограничение роли Католической церкви в общественной жизни.*

23 марта 1946 г. было объявлено о вступлении в силу VII статьи нового закона о защите демократического государственного строя и республики. Его впоследствии в обиходе часто называли «законом о палачах», поскольку на протяжении десятилетий он служил юридическим основанием для масштабных политических репрессий, в том числе проведения судебных процессов. Таким образом, с принятием закона открывались новые *возможности политических преследований и даже террора в отношении служителей культа.*

Начиная с 4 июля 1946 г. министр внутренних дел Ласло Райк ликвидировал, среди прочего, Союз венгерских бойскаутов, Всевенгерское объединение подростковых союзов католической молодежи сельской местности, то есть молодежные союзы и ассоциации, в основном, католической ориентации, которые до этого активно и эффективно представляли католическое направление в общественной жизни. Оставшиеся молодежные объединения, связанные с Церквами (в том числе протестантские, подвергнутые в это время проверке), были распу-

* Кадастровый хольд — мера площади, равная 0,575 465 га.

шены несколько позже, к 1950 г. *Это также означало ограничение политических свобод, как и роли Церквей в общественной жизни.*

16 июня 1948 г. Государственное собрание проголосовало за принятие XXXIII статьи закона о передаче в государственную собственность негосударственных школ. Всего было национализировано 6505 школ. Так была достигнута государственная монополия на образование.

26 декабря 1948 г. был арестован кардинал, примас Венгрии, архиепископ Эстергомский Йозеф Миндсенти. 8 февраля 1949 г. его приговорили к пожизненному заключению. *Это было явно политическое преследование, направленное на запугивание Церкви.*

5 сентября 1949 г. было упразднено обязательное изучение религии в школах и введено факультативное изучение (причем только в общеобразовательных, но не в специализированных учебных заведениях). Тем самым еще более укрепилась государственная монополия в системе образования. Ей способствовало и то, что Министерство по делам просвещения и культов ликвидировало в июле 1950 г. Богословский факультет, один из старейших факультетов будапештского Университета им. Петра Пазманя.

Распределение венгерского населения по конфессиям было в 1949 г. следующим:

Вероисповедание	Численность верующих*	%
Католики латинского обряда	6 240 427	67,8
Католики греческого обряда (униаты)	248 355	2,7
Реформаты (кальвинисты)	2 014 707	21,9
Евангелисты (лютеране)	482 152	5,2
Иудеи, баптисты, унитарии	198 193	2,2
Прочие	7 153	0,1
Вне конфессий	12 291	0,1
Неизвестного вероисповедания	1 521	0,001

Наиболее влиятельными церковными иерархами были Йозеф Миндсенти (1892–1975); Ласло Равас (1882–1975), кальвинистский епископ, глава епископии с центром в Дебрецене; Лайош Ордаш (1901–1978), евангелический епископ.

Венгерские коммунисты по примеру чехословацких тоже создали в своей стране в политических целях движение священников за мир (функционировало с 1 августа 1950 г.), которое успешно использовали против Католической церкви, оно стало орудием для шантажа церковного руководства, что создавало в конечном счете угрозу раскола внутри церкви. Эта мера также была направлена на *ограничение роли Церквей в общественной жизни.*

В период с 7 октября по 14 декабря 1948 г. правительство Венгерской Республики заключило с Реформатской, Евангелической и Унитариянской церквями,

* Или, точнее, приписанных к той или иной церкви, поскольку среди этих людей могли быть не только верующие, но и убежденные атеисты. (Прим. отв. ред.).

а также с иудейской конфессией так называемые соглашения. Они затронули 30 % населения Венгрии. Что же касается Католической церкви, то она, испытывая унижения и вынужденная отступать, всё же стремилась противостоять диктатуре. Католики подписали «соглашение» только под постоянной угрозой насилия 30 августа 1950 г. Епископы взяли на себя обязательство осудить по церковным законам тех, кто выступит против Венгерской Народной Республики (ВНР). Они призвали своих сторонников активно участвовать в претворении в жизнь планов пятилетки. Священников предостерегли от выступлений против социалистического переустройства сельского хозяйства. Епископы объявили также о своей готовности поддерживать в будущем движение за мир.

Правительство ВНР разрешило функционирование восьми католических гимназий, в которых работало определенное количество преподавателей-монахов (всего 32 человека). Правительство гарантировало, что в течение 18 лет в пропорционально убывающей прогрессии оно будет выделять соответствующие суммы на церковные нужды (иначе говоря, правительство рассчитывало, что за два десятилетия Церкви попросту вымрут). Речь опять-таки идет об *ограничении роли Церквей в общественной жизни*.

Спустя неделю после подписания соглашения между правительством и епископатом, 7 сентября 1950 г., было принято правительственное постановление, приравненное к закону, в соответствии с которым аннулировались прежние лицензии на осуществление деятельности венгерских монашеских орденов. В результате были распущены 23 мужских ордена (2582 члена) и 40 женских монашеских орденов (8956 членов), перестали действовать 635 монастырей.

15 мая 1951 г., сразу после ареста Калочайского епископа Йожефа Грёса, исполнявшего обязанности (после ареста Миндсенти) главы венгерской Католической церкви, был опубликован закон об учреждении Государственного ведомства по делам церквей. Использовался опыт СССР, где еще в 1943 г. учредили Совет по делам религиозных культов при Совете Министров. Речь идет о мере, прямо направленной на *огосударствление церквей*.

Католическая церковь (1956). За полгода до революции 1956 г. в иерархии Венгерской католической церкви произошли перемены. 25 апреля 1956 г. скончался эгерский архиепископ Дюла Цапик, единственный из архиепископов, оставшийся на свободе. В этих условиях решено было ослабить режим домашнего ареста для архиепископа Йожефа Грёса, а вскоре ему разрешили вернуться в Калочу на архиепископскую кафедру. Однако органы госбезопасности ждало разочарование, принуждение духовного лица высшего сана к сотрудничеству оказалось тщетным.

Спонтанность революции 1956 г. поразила не только тех, в чьих руках находилась власть, но, среди прочих, также и руководителей Католической церкви. Они тоже чувствовали неуверенность власти, были знакомы с обстановкой в стране, знали о недовольстве населения, о положении верующих. Но в жестких объятиях коммунистической диктатуры и им представлялся невообразимым такого масштаба революционный взрыв, как тот, что произошел 23 октября. Сдержанность обращений к пастве церковных руководителей на местах, черпавших информацию из сообщений радио, газет и из противоречивых слухов, может быть объяснена неожиданностью ситуации, как и осторожностью епископов. Они

призывали своих сторонников к примирению, спокойствию, всепрощению, духовному обновлению, соблюдению законов, заверяли правительство Имре Надя в поддержке, осуждали кровопролитие, отдельные епископы призывали к сдаче оружия. Они не поднимали вопросов в связи с положением вокруг церкви (например, положением арестованных священнослужителей и монахов, в том числе кардинала Миндсенти). Только лишь 90-летний епископ города Печ Ференц Вираг 29 октября выступил с очень решительным по тону посланием. В послании он указал на серьезные обиды, нанесенные Церкви, и потребовал от правительства решения проблем, в частности, освобождения до сих пор содержащихся под арестом иерархов венгерской церкви (прежде всего, кардинала Миндсенти), восстановления монашеских орденов, обеспечения свободы вероисповедания, введения обязательного преподавания религии в школах, свободной деятельности церковных институтов, а также свободы слова. Некоторые епископы (епископ города Сомбатхей Шандор Ковач, глава венгерской греко-католической церкви Дюла Дудаш, а за ними и другие иерархи) еще 29–30 октября, до освобождения Миндсенти уволили ранее назначенных Государственным ведомством по делам религий священнослужителей, активистов прокоммунистического движения священников за мир. На их места были поставлены более надежные. До венгерских католиков было донесено содержание энциклики *Luctuosissimi eventus* папы Пия XII, прозвучавшей по радио Ватикана 28 октября. Папа в ней приветствовал восстание, но при этом осудил убийства, высказался за «мир, основывающийся на справедливости, любви и правовой свободе». В энциклике *Datis nuperrime*, а затем и в выступлении по радио 10 ноября он поддержал стремление венгерского народа к свободе и осудил иностранную военную интервенцию.

Кардинал Йозеф Миндсенти, освобожденный из-под домашнего ареста, провел на свободе в революционном Будапеште только четыре дня. 31 октября он прибыл в столицу, а 4 ноября оказался в своего рода эмиграции, не покидая страны, находясь в самом ее сердце, в здании американского посольства на Площади Свободы. В течение этих четырех дней он принял множество людей, в том числе разные делегации, а также венгерских и иностранных журналистов. Он решал вопросы, связанные с благотворительной деятельностью своей Церкви, много и неутомимо работал. Миндсенти встретился со своими соратниками-епископами, а также и с представителями правительства. По просьбе последних он обещал обратиться к нации с посланием. В восемь вечера 3 ноября он зачитал в эфире речь в защиту Церкви и венгерской нации, позже основательно искаженную коммунистической пропагандой*. С вступлением в ночь на 4 ноября Будапешт советских войск кардинал, как известно, получил убежище в американском посольстве и жил в нем до 1971 г.

Многие католические священнослужители принимали участие в событиях революции. Они не брали на себя руководящей роли, однако занимались распределением продовольствия и одежды, давали людям утешение, заботились о раненых, хоронили погибших. Они призывали к миру, всепрощению и милосердию. Можно привести несколько примеров. Так, утром 24 октября монахи-пиаристы препроводили в пределы монастыря на площади Кальмана Миксата

* См. ее текст: ССВК. С. 538–541. (Прим. отв. ред.).

сотрудников госбезопасности, захваченных при штурме здания Радио революционерами. Все эти люди смогли беспрепятственно и без увечий покинуть здание благодаря заступничеству настоятеля монастыря Ласло Сёни. Преподаватели Центральной семинарии старались держать учеников подальше от событий. Некоторые молодые семинаристы все же оказывали помощь в доставке раненых в больницы, в уходе за ними и утешении. Студентов юридического факультета, принимавших участие в революции, снабжали едой с кухни находившегося по соседству здания семинарии. После советского вторжения 4 ноября многих революционеров уберегло от расправы убежище, полученное в семинарии. Семинаристы готовили прокламации. После подавления революции многим предстояло ответить перед судом за свое христианское поведение. Так, приходского священника села Тисаварконь даже не стали судить. 28 февраля 1957 г. его замучили до смерти сотрудники внутренних органов и выбросили его тело в реку Тиса. Его вина заключалась лишь в том, что умеренного, всегда искавшего компромиссы священника избрали в члены сельского революционного совета. Священников избивали, были случаи смертей в результате побоев, «нечаянных» наездов автомобилей при подозрительных обстоятельствах и т. д.

Реформатская церковь (1956). 28 июля — 4 августа 1956 г. в населенном пункте Гаятетё состоялась ежегодная сессия Генерального комитета Всемирного совета церквей. Было очевидно, что прибывшие для участия в сессии западные церковные иерархи захотят встретиться среди прочего с епископом Ласло Равасом, насильственно отправленным на пенсию и не имевшим права находиться в Будапеште. Им действительно удалось добиться у организаторов мероприятия того, чтобы Равас тоже получил приглашение, точнее, разрешение на участие в заседаниях. Сам епископ по этому случаю изложил свои мысли в документе под названием «*Memorandum*». Содержание и даже сам текст этого документа он предварительно согласовал с Альбертом Берецки, назначенным правительством епископом, и отослал его в Государственное ведомство по делам религий. В этом документе справочного характера Ласло Равас обрисовал тогдашнее положение венгерской реформатской церкви и указал на тот прискорбный факт, что государственная власть отобрала и расставила на руководящие посты в церковной иерархии таких деятелей, которые представляли интересы не Церкви, а государства, верно служили антицерковной политике государственной власти и, таким образом, подрывали Церковь изнутри. Он обрисовал пути выхода из этого тупика, обозначил принципиальные (идейные) и нравственные условия разрешения этого противоречия.

Видя осенью дальнейшее осложнение ситуации, ответственные функционеры режима также пытались озвучить свою позицию, обратиться в свою пользу, обелить и в конечном счете спасти себя. Церковная и светская печать публиковала множество таких заявлений. Но подавляющее большинство священнослужителей и паствы уже не верили им.

К октябрю 1956 г. события ускорились как в сфере политики, так и в церковной жизни. 31 октября 1956 г. активизировавшееся Движение за обновление реформатской церкви обратилось к Ласло Равасу с просьбой взять на себя моральное руководство Церковью. Одной из главных целей Движения за обновление было срочное увольнение в интересах обеспечения дальнейшей деятель-

ности и спокойствия Церкви тех церковных руководителей, которые оказывали пагубное влияние на отношения между государством и Церковью, принуждали Церковь прислуживать государству и разлагали ее изнутри. Эта цель начала осуществляться.

1 ноября 1956 г. в обращении, переданном радиостанцией «Слово венгерских реформатов», Ласло Равас обратился к народу страны, призвав население к порядку, хладнокровию, спокойствию. 13 ноября он направил циркулярное письмо в органы регионального управления (пресвитерии), в котором подробно разъяснил, чего добивается Движение за обновление, и в связи с этим просил священников высказать свою позицию, но одновременно предостерег их от необдуманной активности.

Евангелическая церковь (1956). Реформатская и Евангелическая церкви строятся снизу, на демократических основах. Их руководители, как известно, избираются на свои посты. Именно поэтому коммунистам в случае с протестантскими Церквями удалось легче добиться того, чтобы лояльные властям люди заняли важные посты.

Посещение Венгрии западными делегатами в связи с проведением вышеупомянутой сессии Генерального комитета Всемирного совета церквей оказало ощутимое воздействие на дальнейшее положение Евангелической церкви. Западные иерархи в беседах с представителями Государственного ведомства по делам религий и церковными руководителями ставили вопрос о судьбе очень популярного епископа Лайоша Ордаша, арестованного в 1948 г., позже освобожденного, но отодвинутого на вторые роли. 5 октября он был полностью реабилитирован Верховным судом Венгрии, с конца октября вновь возглавил одну из епархий, в 1957 г. был избран вице-президентом Всемирной лютеранской федерации. Однако в 1958 г. Ордаш подвергся новым гонениям и, удаленный с епископской кафедры, прожил остаток лет в уединении.

Перевод с венгерского М.В. Корзинкина

А.С. Стыкалин

Что стояло за принятием Декларации Правительства СССР от 30 октября 1956 г.

31 октября 1956 г., в самый разгар венгерского кризиса¹, в газете «Правда» был опубликован программный документ, сразу обративший на себя внимание во всем мире. Он назывался «Декларация Правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами». В нем с некоторой долей самокритики была оценена проводившаяся до XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) советская политика в отношении социалистических государств, ущемлявшая принцип равноправия в отношениях между ними. Была выражена готовность отозвать советников, если их дальнейшее пребывание будет сочтено в самих странах нецелесообразным. Была декларирована также готовность перестроить отношения с социалистическими странами на основе подлинного равноправия и, что самое, пожалуй, важное, рассмотреть вопрос о пребывании на территории некоторых стран советских войск, было подчеркнуто, что они могут находиться только с согласия правительств соответствующих государств*.

В литературе часто высказывалось мнение о том, что сама публикация Декларации была тактическим ходом, направленным на отвлечение внимания от военных приготовлений, поскольку и в самый день публикации Деклара-

* Советские войска помимо Восточной Германии находились в это время в Польше, Венгрии и Румынии. Группа советских войск в Польше в соответствии с Потсдамскими соглашениями 1945 г. была призвана поддерживать коммуникации с Группой советских войск в Германии, а формирования, находившиеся в Венгрии и Румынии, в соответствии с Парижскими мирными договорами 1947 г. — с советскими войсками, дислоцированными в Австрии. Заключение в мае 1955 г. четырехстороннего договора о восстановлении независимой демократической Австрии не только предусматривало вывод из Австрии советских войск, но и лишало законных основ их пребывание в Венгрии и Румынии. Тем не менее, выведенные из Австрии войска увеличили численность советского контингента в Венгрии, что вызывало недовольство венгерского общества и наряду с другими факторами сыграло свою роль в нарастании протестных настроений, вылившихся в мощнейшее восстание 23 октября 1956 г. Соглашение о пребывании советских войск в Венгрии было подписано СССР с венгерским правительством Я. Кадара в мае 1957 г. Решение о выводе советских войск из Румынии было принято весной 1958 г., став составной частью пакета мирных инициатив, адресованных Западу.

ции на территорию Венгрии переправлялись новые советские войска, а рано утром 4 ноября состоялась, как известно, решающая военная акция, свергнувшая правительство И. Надя². Причем, как выяснилось из документов, впервые опубликованных только в 1990-е годы, именно в день публикации Декларации, 31 октября, Президиум ЦК КПСС на заседании принял принципиальное решение о подготовке военной акции³. Н.С. Хрущев и сам хорошо видел и осознавал противоречие между буквой и духом опубликованной Декларации и тем, что произошло позже. Показательно, как вечером 4 ноября, выступая на партактиве, он объяснял мотивы проведения только что состоявшихся, подготовленных в срочном порядке встреч с руководителями ряда социалистических государств (включая нейтральную Югославию, с лидерами которой Й. Брозом Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем Н.С. Хрущев и Г.М. Маленков встречались в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г. на о. Бриони в Адриатике). Хрущев не скрывал, что советское руководство беспокоило, как братские партии поймут и воспримут действия СССР, контрастирующие с тем, что говорилось на XX съезде о многообразии путей к социализму, причем на фоне только что опубликованной Декларации выбор силового пути разрешения венгерского вопроса требовал дополнительного объяснения⁴. Попытку разрешить это видимое противоречие Хрущев предпринял и вечером 3 ноября, сразу по возвращении из Югославии, на встрече с Я. Кадаром, которому в соответствии с выбором Москвы предстояло возглавить новое венгерское правительство, и сопровождавшими его венгерскими коммунистами. Венгерская запись следующим образом передает его слова: «Мы придерживаемся Декларации. С Имре Надем это невозможно»⁵. Невозможность соблюдения принципов, провозглашенных в Декларации, Хрущев объяснял, таким образом, ненадежностью И. Нады как партнера, с которым можно иметь дело. По мнению советского лидера, принятая декларация была применима, когда речь шла о поддержании и развитии отношений с социалистическими странами, управляемыми компартиями. Однако в Венгрии к этому времени коммунисты фактически уже утратили контроль над ходом событий.

Для того чтобы оценить, насколько серьезно обсуждалась Декларация, надо, конечно, внимательно изучить записи заседаний Президиума ЦК КПСС за конец октября, особенно за 30 октября 1956 г., когда и был принят этот документ⁶. Как видно из записей, в Москве разочаровались итогами ввода советских войск в Будапешт в ночь на 24 октября — это только подлило масла в огонь. В то же время применительно к событиям в Польше (где к середине октября 1956 г. также достигла апогея борьба за кардинальное обновление существующей системы) после некоторых колебаний была принята установка на воздержание от силового вмешательства, и ситуация быстро начала стабилизироваться, коммунисты (пусть под руководством вернувшегося в большую политику В. Гомулки, воспринимавшегося в Москве в качестве национал-уклониста) удержали власть под контролем. Напряженность начала спадать⁷.

Свежий польский опыт давал аргументы в пользу мирного решения и, несомненно, учитывался, однако вместе с тем признавалось, что ситуация в Венгрии куда серьезнее, ведь вся система власти в этой стране не только в центре, но и на периферии рухнула в считанные дни. На заседании 28 октября создание при помощи СССР нового правительства, способного контролировать ситуацию,

рассматривалось как один из возможных вариантов действий («может быть, придется назначить правительство самим», «выработать свою линию, к ней присоединить венгерских людей»)⁸. Проблема заключалась в том, что команда бывшего лидера правящей Венгерской партии трудящихся Ракоши (освобожденного от обязанностей еще в июле и вскоре выехавшего в СССР) себя полностью дискредитировала, на нее невозможно было опереться, однако в Кремле не видели других подходящих людей («нет там твердого руководства ни в партии, ни в правительстве»). Предпочтение в результате дискуссий было отдано удержанию под контролем действующего правительства Имре Надя, функционировавшего с 24 октября, и это несмотря на явное недовольство уступчивостью премьер-министра, подвергавшегося сильному давлению справа. Именно 28 октября правительство объявило о прекращении вооруженной борьбы с повстанцами и отказалось от оценки происходящих в стране событий как контрреволюции, провозгласив их «национально-демократическим движением» (о чем знали в Москве из донесений членов Президиума ЦК КПСС А.И. Микояна и М.А. Суслова, находившихся в Будапеште с 24 октября)⁹.

Как это ни парадоксально, первым призвал соратников к проявлению политической гибкости главный советский «силовик» маршал Г.К. Жуков. Возникла идея подготовить обращение к венграм от имени советского руководства в целях повышения авторитета действующего венгерского правительства («А то только стреляем», — красноречиво заметил при этом Хрущев). Решение о поддержке правительства И. Надя было принято 28 октября единогласно: в его пользу сдержанно высказались даже «ястребы» — В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов («Не на кого опираться. Иначе война»). Премьер-министр Н.А. Булганин отметил, что продолжение боевых действий в Венгрии «нас втянет в авантюру», а Л.М. Каганович добавил, что оно «уведет нас далеко». Решено было не возражать против требования правительства И. Надя о выводе советских войск из Будапешта, куда они вступили в ночь на 24 октября для «наведения порядка», в места их постоянной дислокации. Г.М. Маленков при этом затронул вопрос о необходимости согласия правительств соответствующих стран на пребывание советских войск, через три дня нашедший отражение в опубликованной декларации¹⁰. При всей готовности советского руководства к компромиссу осознавались, конечно же, пределы уступок: можно было вывести войска из Будапешта, можно было позволить венгерским коммунистам включить в правительство (в целях расширения его социальной базы) деятелей из возрождавшихся в те дни крестьянских партий 1945–1948 гг., можно было в крайнем случае даже разрешить венгерским властям признать справедливость многих требований повстанцев, но никак нельзя было допустить утраты коммунистами власти, ухода их в оппозицию.

30 октября обсуждение венгерского вопроса Президиумом ЦК КПСС продолжилось. Правительство Надя по-прежнему плохо контролировало обстановку — именно в этот день у здания столичного горкома партии на площади Республики произошел нашумевший кровавый инцидент: жертвами расправ экстремистов стали около 30 защитников здания. Вывод советских войск из города не привел, таким образом, к снятию напряженности. Как бы то ни было, запись заседания Президиума от 30 октября¹¹ показывает, что советское руководство в этот день не только обсуждало пути разрешения венгерского кризиса, но и на основе негатив-

ного венгерского опыта всерьез рассматривало вопрос о необходимости некоторой корректировки характера отношений внутри военно-политического блока. «Ходом событий обнаружился кризис наших отношений со странами народной демократии», — говорил министр иностранных дел СССР Д.Т. Шепилов. Антисоветские настроения в этих странах широки, продолжал он, и для того, чтобы их преодолеть, необходимо «устранить элементы командования» из практики межгосударственных отношений. Г.К. Жуков расценил венгерский кризис как урок «для нас в военно-политическом отношении». «Упорствовать дальше — неизвестно, к чему это приведет», — заключил он. Зампред Совета Министров СССР М.З. Сабуров связал истоки происходящих событий с недостаточно последовательным претворением на практике идей XX съезда КПСС.

Силовая политика в Венгрии, таким образом, не оправдывала себя. Очевидная неудача военного вмешательства 24 октября не только заставила советских лидеров искать другие, более действенные способы разрешения венгерского кризиса, но и вплотную подводила их к мысли о необходимости определенного пересмотра характера отношений с восточноевропейскими государствами, поскольку, при всей видимой всеохватности советского контроля над Восточной Европой, на самом деле не решалась главная задача — сохранения внутривнутриполитической стабильности в странах этого региона, находящегося в непосредственной близости от СССР и входящего в сферу его жизненных интересов.

Надежды на стабилизацию обстановки в Венгрии при сохранении коммунистов у власти оказывались, однако, тщетными. Уже на следующий день, 31 октября, пришло полное разочарование как в правительстве Имре Надя, не способном овладеть ситуацией («мы шли навстречу, но нет теперь правительства», — заметил Хрущев¹²), так и в мирной тактике применительно к разрешению венгерского кризиса, и было принято решение о военном вмешательстве — это произошло в те же самые часы, когда весь мир начал знакомиться с опубликованной в «Правде» Декларацией. На принятии окончательного, силового решения по Венгрии сказался целый ряд внешних факторов — давление китайского руководства¹³, развитие событий на Ближнем Востоке, где дружественный СССР Египет, за несколько месяцев до этого национализировавший Суэцкий канал, подвергся атаке со стороны Великобритании и Франции с участием Израиля. 28 октября военные приготовления на Ближнем Востоке явились для Хрущева аргументом в пользу мирного разрешения венгерского кризиса — он хотел противопоставить свою способность к выработке мирного пути силовой политике империалистов. Однако массированная атака на Египет, произошедшая в последующие дни, заставила советского лидера пересмотреть свое отношение. Перспектива поражения Египта и угроза утраты власти коммунистами в Венгрии были восприняты им как звенья одной цепи, симптомы фронтального наступления сил империализма и отступления сил социализма и их союзников во всемирном масштабе («Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французских империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать <...> К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет»¹⁴). Демонстрация военной силы в Венгрии стала бы, с точки зрения Хрущева (поддержанной соратниками), наилучшим опровержением представлений о слабости СССР, именно так она была бы воспринята во всем мире.

Не меньшую роль сыграл и внутренний фактор — реальные опасения Хрущева, что утрата Венгрии как союзника вызовет негативный отклик многих его соратников по партии (не только крайних сталинистов), покажется им явным симптомом ослабления державного положения СССР за годы, прошедшие после смерти Сталина (показательно его высказывание на заседании Президиума ЦК 31 октября: «Мы проявим тогда слабость своих позиций. Нас не поймет наша партия»¹⁵). Как справедливо заметил еще в 1958 г. первый биограф Имре Надя известный публицист и политолог Тибор Мераи, Хрущеву нужно было предотвратить образование враждебной ему коалиции консерваторов и силовиков, доказав, что он дорожит целостностью державы не меньше других¹⁶.

За один день установки руководства СССР кардинально изменились («Пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии»¹⁷). С таким трудом, но, казалось бы, уже обретавшая свои очертания новая концепция восточноевропейской политики СССР, предоставлявшая союзникам несколько большее поле самостоятельности, была на следующий же день, 31 октября, отброшена, произошел откат к более традиционной политике силового диктата. И это несмотря на то, что сложившаяся международная обстановка и однозначно декларированная позиция США едва ли давали серьезные основания говорить о возможности межблокового конфликта («Большой войны не будет», — признал на заседании Президиума ЦК КПСС сам Хрущев¹⁸).

Разочарование в мирной тактике разрешения венгерского вопроса отнюдь не означало, впрочем, что советское руководство в дальнейшем предпочитало замалчивать этот документ, указывать на его неактуальность и несвоевременность. Такой установки не было, декларация оставалась в силе как программный документ советской политики и нашла отражение в документах, принятых вскоре по итогам двусторонних встреч с лидерами социалистических стран (приезд польской делегации во главе В. Гомулкой в середине ноября, приезд румынской делегации во главе с премьер-министром К. Стойкой в конце ноября — начале декабря 1956 г.). Надо сказать, что польским коммунистам удавалось, ссылаясь на переговоры с Москвой, в том числе по вопросам экономических взаимоотношений, на Декларацию, добиваться тех или иных подвижек в двусторонних отношениях. Декларация не воспринималась ими в качестве мертворожденного документа, а, напротив, в качестве документа, позволявшего выторговывать у Москвы определенные уступки. Точно так же подходили к Декларации и румыны.

Кадаровское руководство Венгрии в ноябре 1956 г. не контролировало ситуацию в стране. Как показывают недавно опубликованные источники, Я. Кадар первые две недели после возвращения в Будапешт в советском танке 7 ноября не мог даже выйти из своей резиденции без советского переводчика¹⁹. Тем не менее, опубликованная декларация дала основание временному ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) уже 12 ноября адресовать в Москву за подписью Кадара письмо, в котором предлагалось провести совещание представителей братских партий и обсудить на основе опыта венгерских событий вопрос о взаимоотношениях социалистических стран. Москва в ответном письме дала на это принципиальное согласие²⁰. Советская дипломатия в социалистических государствах периодически давала понять функционерам стран пребывания,

что документ сохраняет актуальность. Так, например, 29 января 1957 г. посол СССР Ю.В. Андропов в беседе с заместителем министра иностранных дел Венгрии К. Саркой говорил о том, что работники советского посольства видят свою главную задачу в том, чтобы содействовать развитию советско-венгерских отношений на основе Декларации от 30 октября²¹. Руководство Китая, второй коммунистической державы мира, которое в конце концов заняло довольно жесткую позицию в отношении венгерских событий и в последние дни октября оказывало на лидеров СССР давление в целях подавления венгерского восстания, вместе с тем рассматривало Декларацию как важный программный документ, на основе которого должны в дальнейшем выстраиваться отношения между социалистическими странами (премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай говорил об этом в январе 1957 г. при посещении Польши²²). В декабре 1956 г. на VIII съезде Итальянской компартии ее генеральный секретарь П. Тольятти заметил, что единственный недостаток Декларации заключается в том, что она была слишком поздно принята: если бы она была опубликована сразу после XX съезда КПСС, обозначив принципиальные изменения в советской политике, удалось бы скорее всего избежать трагических венгерских событий²³. На широком совещании компартий в ноябре 1957 г. в Москве, первом после XX съезда КПСС, в докладе главы советской делегации М.А. Сулова также было заявлено о Декларации 30 октября 1956 г. как о сохраняющем актуальность документе²⁴.

Таким образом, венгерские события осени 1956 г. способствовали некоторой корректировке советской доктрины, определявшей политику в отношении социалистических стран, что нашло отражение и в Декларации 30 октября 1956 г. На практике это проявилось в том, что после 1956 г. Москва отказалась от мелочного вмешательства во внутренние дела стран-союзниц по Организации Варшавского договора и Совету Экономической Взаимопомощи, шла на компромиссы в вопросах экономических отношений, отозвала советников, оказывавших немалое влияние на принятие внутривластных решений. Но в полной мере, конечно же, оставалось в силе требование сохранения советского лагеря, а потому любые реальные или мнимые вызовы, направленные на ослабление блоковой солидарности, Москва старалась пресекать, избирая для этого разные методы в зависимости от ситуации и от страны, ее геополитического положения — это могло быть и отлучение от социалистического лагеря в случае с Албанией в начале 1968 г., и силовая акция пяти стран ОВД по подавлению Пражской весны в августе 1968 г.

Примечания

- 1 См.: *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003; *Он же.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.
- 2 См., например: *Желицки Б.Й.* Имре Надь // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 50–77.
- 3 См. постановление Президиума ЦК КПСС от 31 октября 1956 г. «О положении в Венгрии»: ССВК. С. 484. См. также краткую запись заседания Президиума ЦК КПСС, предшествовавшего принятию решения: ССВК. С. 479–481.
- 4 Источник. Документы русской истории. 2003. № 6. С. 64.

- 5 ССВК. С. 546.
- 6 Там же. С. 457–462.
- 7 См.: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. Глава 4.
- 8 ССВК. С. 432–439.
- 9 Их донесения опубликованы: ССВК. Раздел III.
- 10 Там же. С. 432–439.
- 11 Там же. С. 457–462.
- 12 Там же. С. 479.
- 13 Об эволюции позиции руководства китайской компартии, вначале склонявшегося Москву к пересмотру своей политики на восточноевропейском направлении (что сказалось и на принятии Декларации от 30 октября), а затем всерьез обеспокоившегося перспективой утраты власти коммунистами в Венгрии, см.: События октября 1956 года в Польше и Венгрии и коммунистическое руководство Китая // *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016. С. 257–286.
- 14 ССВК. С. 479.
- 15 Там же.
- 16 См. русское издание книги: *Мераи Т.* 13 дней. Имре Надь и венгерская революция 1956 года / Научный комментарий А. Стыкалина. М., 2007. С. 166–171.
- 17 ССВК. С. 479.
- 18 Там же. С. 480.
- 19 См.: *Байков В.С.* 1956. Венгрия глазами очевидца. М.; СПб., 2016.
- 20 ССВК. С. 645–646.
- 21 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 035. Запись от 29. I. 1957.
- 22 Cold War International History Project Bulletin. Washington, 1995. N 5. P. 44.
- 23 Материалы VIII съезда ИКП (Рим, 8–14 декабря 1956 г.). М., 1957.
- 24 Вслед за Суловым об этом говорили и коммунисты других стран. См.: Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.) / Редколл. Н.Г. Томилина (гл. ред.), Л.А. Величанская, А.С. Стыкалин. М., 2013 (Наследники Коминтерна. Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий).

М.Ю. Прозуменщиков

ЦК КПСС и международная реакция на события в Венгрии осенью 1956 года

Революция 1956 года в Венгрии стала темой многочисленных научных исследований и публикаций, выставок, конференций. За последние годы был открыт и рассекречен огромный пласт архивной документации, позволяющий объективно и всесторонне оценить драматические события того времени и всё, что так или иначе было с ними связано. В целом неплохо изучена и международная реакция как на само восстание, так и на его подавление советскими войсками. Речь идет, прежде всего, о массовых митингах и демонстрациях, организованных в западных странах, в том числе перед советскими посольствами и представительствами; о направлявшихся в адрес СССР петициях, резолюциях протеста, специально созванной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной венгерскому вопросу. Наконец, о различных, если использовать современную терминологию, антисоветских «санкциях», выразившихся в приостановке контактов в области науки, культуры, спорта (в частности, о бойкоте Олимпийских игр в Мельбурне и попытках сорвать проведение чемпионата мира по хоккею, который в начале 1957 г. должен был впервые пройти в Советском Союзе^{*}).

Общеизвестно также и то, что кровавая драма в Венгрии совпала по времени с хрущевскими «оттепелью» и десталинизацией (многие даже считали, что именно эти два фактора стали своеобразным детонатором венгерских событий), и советское руководство не собиралось менять свой курс, рассчитывая спустя какое-то время после того, как в Восточной Европе будет наведен порядок¹, продолжить улучшение отношений с различными политическими силами Запада в рамках провозглашенной Н.С. Хрущевым «политики мирного сосуществования». Одновременно Москва стремилась сохранить и упрочить новую систему взаимоотношений со своими союзниками, управление и контроль над

^{*} В связи с тем, что летние Олимпийские игры в 1956 г. впервые проводились в южном полушарии (Мельбурн, Австралия), их открытие состоялось 22 ноября, т. е. через две недели после того, как революция в Венгрии была подавлена. В знак протеста против этого участвовать в соревнованиях рядом с «советскими агрессорами» отказались спортивные делегации Испании, Швейцарии и Голландии. Чемпионат мира по хоккею в Москве, проходивший в феврале-марте 1957 г., также из-за событий в Венгрии бойкотировали США, Канада, ФРГ, Норвегия, Италия и Швейцария.

которыми со стороны СССР сохранялись, но при этом Восточная Европа должна была получить несколько больше самостоятельности и свободы действий по сравнению со сталинским периодом. Именно поэтому в ЦК КПСС старались подмечать каждый нюанс в реакции за рубежом на советские действия в Венгрии, анализировать заявления, публикации, высказывания, сделанные в ходе как официальных, так и частных бесед, с тем чтобы на базе полученной информации и сделанных на ее основе выводов формировать дальнейшую советскую внешнюю политику.

Соответственно, в ЦК КПСС тщательно собирали и изучали всю многочисленную информацию, касающуюся реакции в мире на венгерские события, которая поступала на Старую площадь из самых различных источников. Данная информация складывалась из сообщений МИДа, посольств СССР за рубежом, направлявших одновременно и в ЦК КПСС, и во внешнеполитическое ведомство шифротелеграммы, докладные записки, справки, записи бесед с иностранными политическими и общественными деятелями. К этому комплексу документов примыкали также отчеты советских партийных деятелей и представителей общественных организаций, посещавших зарубежные страны², письма представителей общественных организаций; письма «братских» партий и простых граждан из-за границы, агентурные донесения КГБ и даже материалы открытой печати.

Попадая в ЦК КПСС, вся эта информация проходила несколько уровней. Наиболее простым и распространенным вариантом (своеобразной «первой ступенью») было откладывание материала на уровне аппарата ЦК. Прежде всего, речь идет об отделе ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, который курировал взаимоотношения с другими странами, причем не только по линии «братских партий». Стремительно увеличивавшийся объем документов, поступавших в этот отдел, привел к тому, что уже в начале 1957 г. он был разделен на два самостоятельных подразделения (отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и международный отдел), но во время венгерских событий основная часть международной документации шла именно через тогда еще единый отдел по связям с иностранными компартиями. Кроме того, поскольку, как уже отмечалось, революция в Венгрии привлекла внимание всего мира и стала одним из главных информационных поводов того времени, тема Венгрии фигурировала и в документах, казалось бы, весьма далеких от политики, и соответственно, отложившихся в ряде других подразделений аппарата ЦК. Большинство этих материалов так и остались на уровне отделов с характерными пометами и резолюциями: «Материал информационный», «Документы использованы в работе», «Направить в архив» и т. п.

На второй уровень документы попадали в том случае, если шли на ознакомление секретарям ЦК КПСС (нередко с краткой или достаточно развернутой справкой по ним отделов ЦК) или по ним требовалось принять какое-то решение. После этого были возможны различные варианты: документы ложились в основу постановлений ЦК, оставались в конкретном секретариате, возвращались в отдел с резолюциями и поручениями, а затем отправлялись в архив. Материалы могли быть также использованы для выступления первых лиц партии и государства, подготовки обобщающих аналитических обзоров и т. п.

Наконец, отдельные документы шли напрямую на заседания Президиума* или Секретариата ЦК КПСС, минуя предварительные стадии — как правило, их источниками выступали такие могущественные структуры, как МИД, Министерство обороны, КГБ. Принимавшиеся по ним решения были не только скрыты высшими грифами секретности, но и нередко хранились в отдельных местах — так называемых «особых папках».

Говоря о документах, отражавших общемировую реакцию на венгерские события, следует отметить несколько направлений, по которым в советском руководстве пытались анализировать поступавшую информацию. Разумеется, эти направления не были четко обозначены, но было заметно, что в Москве внимательно отслеживали, прежде всего, как относились к событиям в Венгрии и роли в них СССР:

- в странах социалистического лагеря;
- в компартиях капиталистических стран;
- в социал-демократических партиях Запада (особый упор делался на те партии, которые входили в состав правительств, либо играли серьезную политическую роль в своей стране);
- в капиталистических странах вообще.

В этом перечне, пожалуй, самым неинтересным и наименее информативным выступал последний раздел. Собственно говоря, анализировать и отслеживать тут было особенно нечего, так как позиция западных стран в венгерском вопросе была предельно ясна, и разница состояла только в том, кто более жестко осудит советскую военную акцию. Из этого общего хора несколько выбивались руководители Финляндии, что, в общем-то, объяснялось спецификой их политического и географического положения. Поэтому для Кремля была вполне ожидаемой позиция президента страны У.К. Кекконена. Согласно отчету советского посла в Финляндии В.З. Лебедева о беседе с Кекконеном, состоявшейся 9 ноября 1956 г., президент Финляндии фактически солидаризировался с советским тезисом о том, что если бы СССР не вмешался в венгерские события, то они могли бы развиваться по гораздо худшему сценарию. Президент также заверил советских представителей, что руководство Финляндии не допустит организацию и проведение каких-либо антисоветских демонстраций в Хельсинки и других городах³. Что и было сделано: финская полиция решительно пресекла попытки нескольких студенческих организаций провести митинги и пикетирование советского посольства.

СССР уделил также особое внимание позиции Австрии, которая в дни венгерского восстания отмечала первую годовщину своей окончательно наступившей независимости — 26 октября 1955 г. последний иностранный (английский!) солдат покинул территорию страны. В Москве остались очень недовольны тем, что Австрия, получившая долгожданную свободу во многом благодаря политике Хрущева, в дни восстания не всегда последовательно придерживалась политики нейтралитета, о которой она торжественно объявила, подписывая в мае 1955 г. государственный договор. Оправдываясь перед СССР, австрийские лидеры

* В 1952–1966 гг. *de facto* высший советский партийный орган — Политбюро — назывался Президиумом ЦК КПСС.

отмечали, что их нейтралитет еще очень «молодой», они раньше никогда не сталкивались с подобными ситуациями, и теперь убеждены, что «те срывы, которые имели место во время венгерских событий, не будут повторяться с австрийской стороны в ее будущей политике». В частных же беседах австрийские политики признавались, что многие в Австрии были убеждены, что Венгрия в самое ближайшее время перейдет на сторону Запада и этим во многом объяснялись и действия австрийских пограничников, создавших на австро-венгерской границе своеобразный «проходной двор», и активная антисоветская кампания в венгерских СМИ, а также то, что на все это в Вене смотрели «сквозь пальцы»⁴.

Зато после подавления восстания австрийское руководство всячески пыталось продемонстрировать СССР, что их страна занимает строго нейтральную позицию. Более того, австрийский посланник в Польше С. Вероста в ходе беседы с советскими дипломатами, говоря о ситуации вокруг скрывавшегося в югославском посольстве И. Надя, вдруг вспомнил об аналогичных событиях более чем 20-летней давности в его собственной стране. Тогда, после убийства летом 1934 г. австрийского канцлера Э. Дольфуса, группа организаторов неудавшегося переворота также первоначально пряталась в иностранном посольстве (германском), а Австрия и Германия вели переговоры о предоставлении им убежища в Германии. Но как только такая договоренность была достигнута и заговорщики покинули здание посольства, они тут же были арестованы, а некоторые впоследствии и расстреляны⁵.

Гораздо более внимательно в СССР смотрели на позицию западноевропейских социалистов и социал-демократов. При анализе их взглядов в ЦК КПСС не могли не обратить внимание на те нюансы (как писали в аппарате ЦК — «оттенки»), которые были характерны для их политики до 4 ноября 1956 г. и после начала операции «Вихрь».

Для первого этапа революции в Венгрии общий тон выступлений был в целом схожим — подчеркнуто дружественный к восставшим и откровенно недоброжелательный к СССР. Типичной для западной социал-демократии этого периода была твердая убежденность в том, что Венгрия идет к «демократическому социализму», а также восторг от начавшегося возрождения венгерской социал-демократической партии.

В то же время имелись и отдельные особенности, которые отмечались в Москве. В частности, в ЦК КПСС подчеркивали, что наиболее антисоветскую позицию занимали социал-демократы и социалисты Франции, Италии, Бельгии и Голландии. Социалист К. Пино, представлявший МИД Франции, заявил, что «события, аналогичные польским и венгерским, неизбежно произойдут в ближайшее время и в СССР, венгерские герои не напрасно пролили свою кровь»⁶. Ему вторил лидер итальянских социал-демократов Дж. Сарагат, сравнивший СССР с «фашистским государством»⁷, а голландские и бельгийские социалисты требовали немедленного созыва Социнтерна для оказания помощи венгерским революционерам. Руководство СССР особенно возмущал тот факт, что пресса этих партий постоянно публиковала материалы о «зверствах» советских войск в Венгрии (причем все это происходило еще до 4 ноября), а о расправах восставших над работниками венгерского партаппарата и госбезопасности упоминалось лишь вскользь, причем с обязательными оговорками, что это всего лишь выражение «народного гнева»⁸.

Практически такую же позицию заняли представители скандинавских и в том числе финских социалистов. Здесь, правда, главный упор делался на требования незамедлительного вывода из страны советских войск, но в остальном обвинения в адрес СССР звучали примерно в том же духе.

С другой стороны, в условиях, когда практически вся социал-демократия Запада выступила единым фронтом против советской политики в Венгрии, в Москве пытались отыскать в этом антисоветском хоре и какие-то «особые мнения». Так, не осталось незамеченным заявление лидера английских лейбористов Х. Гэйтскелла, предупреждавшего своих сторонников, чтобы они не рассчитывали на то, что в результате происходящих событий Польша и Венгрия выйдут из орбиты советских интересов. Как подчеркивал Гэйтскелл, дело даже не в позиции Советского Союза, который элементарно не даст им этого сделать; проблема еще и в том, что граждане этих стран «не захотят вернуться к феодальному миру социальной несправедливости и страшного экономического неравенства, существовавшего до войны. Они хотят большей независимости, но они не хотят полностью рвать с Советским Союзом»⁹.

Нечто подобное заявляли и германские социал-демократы, утверждавшие, что, выступая против советского вмешательства в Венгрии, Запад должен отказаться от всяких попыток «использовать процессы преобразования» в странах народной демократии для того, чтобы восстановить в этих государствах «свободную эксплуатацию» и «привилегию бывших господствующих слоев». Любопытно, что когда в конце октября СССР начал выводить свои войска из Будапешта, и всем казалось, что революция победила, СДПГ заклинала своих сторонников в Восточной Германии, чтобы они ни в коем случае не следовали по венгерскому пути. Так, 30 октября обер-бургомистр Западного Берлина, известный социал-демократ О. Зур, обращаясь к гражданам ГДР, призывал их не устраивать восстаний, так как в Восточной Германии советских дивизий в несколько раз больше, чем в Венгрии и Польше вместе взятых, и они просто так не уйдут. Ему вторили и другие западногерманские социал-демократы, подчеркивая, что в ГДР должна быть «тихая, невенгерская революция», «не через баррикады, а через политические средства»¹⁰.

Своеобразный бонус от Москвы получили австрийские социал-демократы, которые, пожалуй, единственные из западноевропейских левых партий положительно отнеслись к Декларации Советского правительства от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами^{**}. В СДПА заявили, что Декларация «является убедительным доказательством того, что политика Советского Союза не является больше сталинской», и выразили надежду, что «когда зарубцуются

* В этом документе с определенной долей самокритики была оценена проводившаяся до XX съезда КПСС советская политика в Восточной Европе, ущемлявшая принцип равноправия в отношениях СССР с социалистическими государствами. Была декларирована готовность перестроить отношения с другими соцстранами на основе подлинного равноправия и, что самое важное, снова рассмотреть вопрос о пребывании на территории некоторых стран советских войск, было подчеркнуто, что они могут находиться только с согласия правительств соответствующих государств. (Прим. отв. ред.).

раны Будапешта, станет возможным действительное сосуществование на лучшей основе»¹¹. Остальные социал-демократические партии Запада либо проигнорировали эту декларацию, либо объявили ее очередной советской пропагандистской уловкой, призванной отвлечь внимание мирового сообщества от Венгрии.

В СССР также внимательно отнеслись и к внеочередной сессии Бюро Социинтерна, проходившей в Вене 1–3 ноября. Главные выводы, которые сделали в Москве: резолюции сессии имели хоть и ярко выраженный враждебный Советскому Союзу характер, но были более сдержанными, чем заявления многих западноевропейских левых партий и призывали оказать Венгрии только экономическую (а не военную) помощь. Как отмечали в советской столице, характер решений, принятых Бюро Социинтерна, показывал, что социал-демократы Европы в тот момент исходили из уверенности в успехе венгерской революции и делали упор на практические мероприятия, которые надо было реализовать после ее окончательной победы.

Нетрудно догадаться, что начиная с 4 ноября позиции всех социал-демократических партий западных стран оказались практически едиными. Однако и здесь в СССР сумели обнаружить некоторые различия. Главным образом, эти различия обуславливались фактором власти: иными словами, были ли социал-демократы в числе правящих партий или же находились в оппозиции. В последнем случае они вместе с критикой СССР пытались использовать события в Венгрии и для наступления на своих политических оппонентов в борьбе за власть и голоса избирателей.

Наиболее ярко это проявилось в позиции лейбористской партии Великобритании, которая постаралась выжать максимум политических дивидендов в сложившейся ситуации. Подавление революции в Венгрии совпало по времени с наиболее острой фазой разразившегося Суэцкого кризиса, и английские лейбористы, выступавшие с жесткой критикой политики правительства А. Идена на Ближнем Востоке, обвиняли консерваторов в том, что англо-французская интервенция в Египет «развязала руки советской интервенции в Венгрию», дала СССР «оправдание» его действиям в этой стране¹². Лейбористы также усиленно пропагандировали мысль о том, что действия СССР в Венгрии были будто бы предприняты «под влиянием страха перед Западом». Из этого лейбористская печать делала вывод, что английское правительство могло бы внести серьезный вклад в укрепление мира, если бы убедило СССР в желании и готовности Англии предпринять новые шаги в направлении урегулирования основных международных проблем, прежде всего, вопроса о разоружении и германского вопроса. Данный пассаж был незамедлительно отмечен в советском руководстве, когда онознакомилось с этой информацией*, и хотя вплоть до 1964 г. английским лейбористам так и не удавалось прийти к власти, СССР, безусловно, старался учитывать и использовать в своих отношениях с Англией это различие во взглядах ведущих политических партий страны.

* Для советских руководителей, знакомившихся в те годы с документами, было характерным проставление на них различных помет, при помощи которых отмечалась наиболее интересная или важная, с их точки зрения, информация. В данном случае, очевидно, кем-то из секретарей ЦК упомянутый абзац был отчеркнут карандашом на левом поле документа.

По мере того, как под ударами советской армии затухало венгерское восстание, критика со стороны социал-демократов уже не ограничивалась одним СССР. В Москве не без удовлетворения отмечали, какую волну гнева вызвали на Западе действия радиостанции «Свободная Европа», которая круглосуточно вещала на восставшую Венгрию. «*France observateur*», «*Süddeutsche Zeitung*» и ряд других западных изданий писали о том, что «преступные руководители “Свободной Европы” вели кампанию подстрекательства, использовали безответственные призывы и давали заведомо невыполнимые обещания, что только вызывало еще большее кровопролитие»¹³. Любопытно, что эти оценки находились в явном противоречии с тем, как относились к роли радиостанции в венгерских событиях за океаном. Практически в те же дни, когда в Европе ее обвиняли в провоцировании ненужного кровопролития и бессмысленных жертв, американский журнал «*Newsweek*» воздавал хвалу «Свободной Европе» за то, что она «учила венгров, каким путем идти, на что надеяться, какие выдвигать требования»¹⁴.

И, конечно же, в Москве поставили «пять с плюсом» социал-демократии Финляндии, которая оказалась единственным исключением из общего правила, заняв «особую» позицию в венгерском вопросе. Правда, еще 4–5 ноября вся финская социал-демократическая печать была заполнена гневными антисоветскими выступлениями, однако уже 6 ноября в центральном партийном органе газете «*Suomen Sosialidemokraatti*» появилась статья (под псевдонимом), в которой выдвигалась мысль о том, что финнам следует, прежде всего, помнить о географическом положении своей страны и учитывать это положение в отношении к событиям в других странах. «Настало время, — говорилось в статье, — когда нам вновь следует стать эгоистами. Правильное понимание своих возможностей спасало от гибели гораздо чаще, чем безрассудная храбрость»¹⁵. Эта публикация стала своеобразным сигналом для дальнейших действий. После нее лидеры финской социал-демократии вообще перестали говорить что-либо о венгерских событиях, а финская социал-демократическая пресса также прекратила их комментировать, ограничившись только публикацией текущей информации о развитии ситуации в Венгрии, интерес к которой был в финском обществе немал у же в силу культурно-языкового родства двух народов.

Судя по документам, Советский Союз не слишком волновала позиция социал-демократических и социалистических партий Азии, тем более что те выступали более осторожно и предпочитали не критиковать открыто советскую политику в Венгрии. Для большинства азиатских государств, недавно освободившихся от колониальной зависимости, проблемы империализма и колониализма стояли на первом месте, и неслучайно, что наиболее резкая оценка действий Москвы прозвучала именно в этом контексте: руководство Бирманской социалистической партии заявило, что «Советский Союз в Венгрии и Англия и Франция в Египте руководствуются одними и теми же целями и в равной мере подрывают ООН»¹⁶.

Что касается компартий Западных стран, то в этом плане у СССР были свои серьезные проблемы. Под влиянием венгерских событий многие компартии понесли серьезный урон: в СССР вынуждены были констатировать, что из партий вышло большое число коммунистов, а в самом коммунистическом движении ситуация колебалась от проявления серьезных разногласий до открытых расколов.

Причем это касалось как маленьких компартий, так и столь мощных как итальянская или французская. В то время, как советское посольство в Париже собирало и отсылало в ЦК КПСС письма рядовых французских коммунистов и простых граждан с одобрением действий СССР в Венгрии, в руководстве компартии Франции по венгерскому вопросу кипели нешуточные страсти¹⁷. Многие французские коммунисты осуждали советское вмешательство в венгерские события и (что особенно было неприятно лидерам КПСС), подобно представителям других, в том числе буржуазных партий, ставили знак равенства между действиями СССР в Венгрии и англо-французской интервенцией в Египте. Оправдываясь перед Москвой, лидеры ФКП отмечали, что они стараются проводить разъяснительную работу среди рядовых коммунистов, но, к сожалению, зачастую всё, что им удается сделать в сложившейся ситуации, — это не допустить, чтобы в резолюциях партсобраний применительно к советским действиям в Венгрии использовался тезис «интервенция».

Аналогичная ситуация складывалась и в других западных коммунистических партиях. Если в конце октября 1956 г. Президиум ЦК КПСС успокаивал лидера итальянских коммунистов П. Тольятти, который опасался, что на фоне польских и венгерских событий может ослабнуть единство коллективного руководства КПСС¹⁸, то теперь уже Москву волновала возможность раскола в руководстве ИКП. Для СССР был также весьма неприятен тот факт, что наиболее сильный удар венгерские события нанесли по молодежным рядам компартий Запада: как отмечалось в поступавшей в ЦК КПСС информации, молодые коммунисты отказывались прислушиваться к доводам старших товарищей и в массовом порядке выходили из компартий. Причем это было наиболее заметно в крупных и сильных коммунистических партиях Запада, резкое сокращение численности которых бросалось в глаза.

В Москве отмечали, что в то время, как антисоветская пропаганда на Западе приобрела необычайный размах с использованием демонстраций, печати, радио, листовок, плакатов и т. п., со стороны коммунистов не был дан «соответствующий отпор». Главные причины этого виделись в «отсутствии сплоченности прогрессивных сил, наличии разногласий между коммунистами и другими левыми силами, неправильной оценки событий со стороны ряда коммунистов». То, что советские представители в странах Запада зачастую сами не могли аргументированно ответить на многочисленные вопросы, которые им задавались и которые они предпочитали просто переадресовывать в Москву, в документах, конечно, старательно скрывалось¹⁹.

Советская аргументация, основанная на двух базисных тезисах о том, что в Венгрии был «контрреволюционный, фашистский мятеж» и что, если бы СССР не вмешался, могла начаться третья мировая война, среди западноевропейских коммунистов срабатывала лишь отчасти и в основном в связи со вторым из этих тезисов — воспоминания об ужасах войны были еще слишком свежи в памяти европейцев, а потому предупреждения о возможном начале новой, еще более страшной и разрушительной войны оказывали свое серьезное воздействие.

А вот по поводу «фашистского мятежа» в Венгрии у коммунистов Европы имелись серьезные сомнения. В Москву стекалась информация о партсобраниях, на которых коммунисты разных стран говорили практически об одном и том же:

«Никто не доказал, что в Венгрии была угроза фашизма», «В Венгрии восстал целый народ», «То, что существовало в Венгрии — это пародия на социализм» и т. д. Руководители большинства западных компартий в связи с венгерскими событиями оказались под «перекрестным огнем» критики своих собственных членов. Если одних лидеров компартий коммунисты ругали за пассивность и колебания, проявленные при определении своего отношения к действиям СССР в Венгрии, то в других коммунистических партиях Запада, наоборот, принимались резолюции с осуждением собственных руководителей, которые поспешили выступить с безоговорочной поддержкой советской акции, не дождавшись более полной информации. Судя по пометам и отчеркиваниям, сделанным на документах при ознакомлении с содержащейся в них информацией, Москву особенно раздражали повторяющиеся (как от рядовых членов компартий, так и от высокопоставленных партийных функционеров) заявления о том, что Венгрия стала уже вторым за 1956 г. тяжелейшим ударом по международному коммунистическому движению. Коммунисты открыто заявляли, что многие компартии все еще пребывают в состоянии глубокого кризиса после антисталинских разоблачений Хрущева, сделанных им на XX съезде КПСС, и военное вмешательство в Венгрии только добавило разброд и растерянность в коммунистический лагерь. В этой связи вполне логичными выглядели все чаще повторяющиеся призывы о необходимости созыва международного совещания основных коммунистических партий для решения накопившихся проблем.

Следует отметить, что этот призыв в той или иной степени поддержали и лидеры социалистических стран, большинство из которых в начале венгерских событий были откровенно напуганы тем, что этот процесс может перекинуться и на их государства. В Москву еще до венгерского восстания непрерывным потоком шла информация о том, что в Болгарии и ГДР очень обеспокоены начавшейся в Венгрии реабилитацией жертв политических репрессий конца 1940-х — начала 1950-х годов, опасаясь аналогичных процессов в своих странах; что в ЦК Румынской рабочей партии обсуждается статья в венгерской газете «*Szabad nép*», которая якобы призывала к ревизии вопроса о принадлежности Трансильвании (давнего яблока раздора в венгеро-румынских отношениях)²⁰; что руководство Польши столкнулось с необычной дилеммой — давать или не давать транзитные визы венгерским студентам, пожелавшим в самый разгар событий в Венгрии проехать из СССР в Венгрию через Польшу²¹, — и т. п. Советскую позицию по Венгрии, как известно, так или иначе поддержали руководители всех социалистических стран²², но у каждого из них были свои резоны придерживаться такой позиции. Если польский лидер В. Гомулка, едва избежавший венгерского сценария, по вполне понятным соображениям, был настроен говорить и действовать очень аккуратно, то руководителя ГДР В. Ульбрихта Москве пришлось, наоборот, сдерживать: последний был не только готов прислать в Венгрию рабочие бригады, но и оказать вооруженную помощь правительству Я. Кадара²³.

И, конечно, особое место в данном случае принадлежало лидерам компартии Китая, которые в какой-то момент даже взяли на себя роль наставника и своеобразного регулятора взаимоотношений внутри коммунистического мира. На срочно созванном в Москве в конце октября 1956 г. совещании представителей

социалистических стран, где обсуждалась ситуация в Польше и Венгрии, лидерам Восточной Европы (включая членов Президиума ЦК КПСС) пришлось выслушивать критику своих действий со стороны секретаря ЦК КПК Лю Шаоци²⁴, а в Пекине в это же время Мао Цзэдун «объяснял» советскому послу П. Юдину, что одной из причин событий в Польше и Венгрии стала непродуманная советская политика: «Ленин и Сталин были оружием коммунистического движения в борьбе с империализмом, одно из которых мы отдали империалистам и направили против себя»²⁵. Апофеозом китайского торжества стало своеобразное турне по Восточной Европе в январе 1957 г. председателя Госсовета КНР Чжоу Эньлая, в ходе которого он раздавал советы и рекомендации лидерам Польши, Венгрии и даже СССР.

Не вдаваясь в анализ отдельных нюансов, отличавших позиции различных компартий в отношении венгерских событий (для этого потребовалось бы специальное исследование), тем не менее, нельзя не упомянуть одну любопытную особенность. Если оценки советской военной акции в Венгрии большинства стран советского блока и ряда компартий Запада в основном совпадали, то иначе обстояло дело, когда начинались попытки проанализировать причины, приведшие к венгерскому кризису. Представителям западных компартий, особенно тем, кто имел возможность посетить «дореволюционную» Венгрию, прежде всего, в глаза бросались два наиболее характерных момента, которые, по их мнению, сыграли важную роль в том, что события приняли именно такой трагический оборот. Во-первых, это сохранявшееся в стране практически до самого начала революционных выступлений сталинистское руководство, которое не только не хотело ничего менять, но и при каждом удобном случае «подставляло» своих советских коллег, только усиливая антисоветские настроения: все проблемы и невзгоды послевоенной Венгрии М. Ракоши, Э. Герё и их сторонники объясняли тем, что они выполняют указания из Москвы. Учитывая наличие определенных проблем в торгово-экономических взаимоотношениях СССР со своими союзниками, эти заявления падали на благодатную почву, разжигая антисоветские настроения. А, во-вторых, роль советских эмиссаров — М.А. Сулова и А.И. Микояна, которые в течение 1956 г. всеми силами пытались сохранить у власти в Венгрии прежнее руководство. Об этих двух факторах в странах социалистического лагеря предпочитали помалкивать, тем более что в ряде из них у власти тоже еще оставались старые кадры, которые также (может быть, не столь масштабно как в Венгрии) время от времени собственные промахи и ошибки пытались списать на советское влияние.

В свою очередь, найти какие-либо ответы из Москвы на многие вопросы, волновавшие зарубежных коммунистов, в фондах архива не удалось. Более того, Советский Союз достаточно недвусмысленно давал всем понять, что он не заинтересован в дальнейшем обсуждении «венгерской проблематики» — вне зависимости от того, касалось ли это полного краха Венгерской партии трудящихся, сотен тысяч беженцев или каких-либо других тем. Советские лидеры были уверены в том, что по мере того, как венгерский кризис уходил в прошлое и терял международную актуальность, Москве удастся восстановить и упрочить свои позиции на мировой арене, которые она занимала до трагических событий осени 1956 г.

Примечания

- 1 За несколько дней до начала революции в Венгрии похожая ситуация сложилась и в Польше. Несмотря на то, что несколько членов узкого советского руководства во главе с самим Н.С. Хрущевым выезжали на переговоры в Варшаву, решения VIII пленума ЦК ПОРП были крайне негативно расценены в СССР, и только венгерское восстание 23 октября отвлекло советских лидеров от проработки силового варианта решения «польского вопроса». Впрочем, наметившаяся начиная с 24 октября консолидация обновленной коммунистической власти и предотвращение дальнейшего сдвига вправо сделали неактуальным военное вмешательство. См. подробно: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. Вопрос о том, насколько реально была перспектива советского вторжения в Польшу, продолжает дискутироваться в науке.
- 2 В качестве одного из таких примеров можно привести направленный лично Н.С. Хрущеву отчет об участии советских представительниц в заседании исполкома Международной демократической федерации женщин, которое проходило с 31 октября по 7 ноября 1956 г. в Италии. Большая часть отчета была посвящена реакции в Италии на события в Венгрии, а также отношению представительниц различных стран, участвовавших в сессии, к действиям Советского Союза в этой стране. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 452. Л. 254–260.
- 3 Запись беседы президента Финляндии У.К. Кекконена с послом СССР в Хельсинки В.З. Лебедевым, 9 ноября 1956 г. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 434. Л. 214–215.
- 4 См. записи бесед советских представителей в Вене с политическими и общественными деятелями Австрии о ситуации в Венгрии в ноябре-декабре 1956 г.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 431. Л. 173–187.
- 5 Запись беседы советника посольства СССР в Польше А.М. Тимошенко с австрийским посланником в Польше С. Вероста, 21 декабря 1956 г. см.: Там же. Л. 185.
- 6 Справка Комитета информации при МИД СССР в ЦК КПСС о реакции социал-демократических партий Западной Европы и Азии на события в Польше и Венгрии. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 395. Л. 94.
- 7 В Италии вследствие раскола, произошедшего в 1947 г., существовали как социал-демократическая партия во главе с Дж. Сарагатом, так и более левая, склонная к сотрудничеству с коммунистами, социалистическая партия во главе с П. Ненни. Впрочем, итальянские социалисты тоже выступили с довольно резкой критикой советского военного вторжения в Венгрии. (*Прим. отв. ред.*)
- 8 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 395. Л. 95.
- 9 Там же.
- 10 Справка Комитета информации при МИД СССР в ЦК КПСС о реакции социал-демократических партий Западной Европы и Азии на события в Польше и Венгрии. См.: Там же. Л. 96.
- 11 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 395. Л. 97.
- 12 Там же. Л. 99.
- 13 Справка Комитета информации при МИД СССР в ЦК КПСС «О подстрекательской роли радиостанции “Свободная Европа” в связи с событиями в Венгрии». См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 395. Л. 103–104.
- 14 Там же. Л. 105.

- 15 Справка Комитета информации при МИД СССР в ЦК КПСС о реакции социал-демократических партий Западной Европы и Азии на события в Польше и Венгрии. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 395. Л. 100.
- 16 Там же.
- 17 Справка посольства СССР во Франции о реакции в стране на события Венгрии. 17. 11. 1956 г. См.: Там же. Д. 415. Л. 259–269.
- 18 Телеграмма Д.П. Пожидаева из Рима в МИД СССР с текстом письма П. Тольятти Секретариату ЦК КПСС о положении в Венгрии. См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 23. Д. 200. Л. 60–62; ССВК. М., 1998. С. 476–477.
- 19 Например, из Англии в ЦК КПСС был передан список из 30 наиболее часто повторявшихся вопросов от британских коммунистов, среди которых были и такие, как: «Какую ответственность несет СССР за то, что делало в Венгрии прежнее руководство?»; «Как после всего случившегося можно опровергнуть тезис о том, что социализм — это полицейское государство?» и т. п. Были даже предложения «покончить с культом СССР» и заменить советские войска в Венгрии воинскими подразделениями нейтральных стран под эгидой ООН. Вопросы о событиях в Венгрии, заданные на собраниях местных организаций компартии Англии см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 422. Л. 101–102.
- 20 Справка МИД СССР в ЦК КПСС по сообщениям посла СССР в Венгрии Ю. Андропова. См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Д. 5. Л. 3.
- 21 Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В. Зорина с послом Польши в СССР Левиковским. См.: Там же. Д. 18. Л. 2.
- 22 Даже нейтральная Югославия, впоследствии, после ареста и депортации И. Надя, занявшая особую позицию, первоначально солидаризировалась с советскими действиями в Венгрии, оговаривая только, чтобы помощь Советской Армии «возможно меньше повредила делу социализма». См.: Письмо ЦК СКЮ ЦК КПСС с изложением взгляда руководства СКЮ на события в Венгрии. 08. 11. 1956 г. // ССВК. С. 622.
- 23 Руководство ГДР прислало в Москву доклад о переговорах между делегациями ГДР и нового правительства Венгрии, состоявшихся 22 ноября 1956 г., в ходе которых кроме этих обсуждались и многие другие вопросы (отправка венгерских детей на отдых в Восточную Германию, торговые отношения между двумя странами, помощь в перестройке работы средств массовой информации Венгрии и т. п.). См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 395. Л. 108–125.
- 24 Рабочая запись расширенного заседания Президиума ЦК КПСС с участием представителя ЦК КПК 24 октября 1956 г. См.: Там же. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1005. Л. 52–52об.
- 25 Отчет Посольства СССР в КНР о работе за 1956 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 28. Д. 409. Л. 107.

Ж. Мико

Революция 1956 г. во внешнеполитической пропаганде кадаровского режима и ситуация в Международной ассоциации юристов-демократов

В августе 1957 г. в записке об актуальных проблемах внешней политики, подготовленной для руководства партии, референт аппарата временного ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) Йозеф Салл с непривычной откровенностью указал на полную запущенность внешнеполитической работы¹. Он считал одной из важнейших проблем недооценку усилий по информированию зарубежного общественного мнения о происходившем в Венгрии. Это проявилось, в частности, и в мизерности бюджетных средств, выделяемых на эти цели (они были меньше, нежели средства, направленные на рекламную деятельность предприятия, занимавшегося сбором вторсырья для промышленности). В сентябре должна была открыться сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на которой ожидалось рассмотрение венгерского вопроса. Партаппаратчик советовал в ходе подготовки к сессии принять меры, чтобы донести официальную венгерскую позицию до некоторых государств, представленных в «комиссии пяти» по Венгрии (в частности, Цейлона и Туниса). Речь шла о попытке нарушить единство мнений в «комиссии пяти», а для этого необходимо было выстроить аргументацию венгерской стороны с опорой на несколько главных моментов.

Аргументация должна была строиться на том, что «октябрьские события» были не только контрреволюционными по своему характеру, но подготовленными иностранным вмешательством, надо было указывать на то, что США еще начиная с 1945 г. готовились к подобной акции, и соответственно на историческую необходимость советской помощи. Обсуждение венгерского вопроса в ООН трактовалось как незаконное вмешательство во внутренние дела страны. Причем заявлять обо всем этом во всеулышание должны были сами венгры, а не Советский Союз. Для того чтобы международное общественное мнение получило представление о текущем положении, необходимо было, по предложению Й. Салла, организовать публичные выступления представителей различных общественных групп, организаций, известных персон, инициировать в канун и в период работы сессии Генассамблеи отправку телеграмм в поддержку политики правительства Я. Кадара, осуждающих вместе с тем доклад «комиссии пяти». В августе и сентябре 1957 г. в Венгрии практически ежедневно проводились

собрания, появлялись и соответствующие публикации в прессе. Против доклада «комитета пяти» с анализом истоков венгерских событий, представленного на рассмотрение сессии Генассамблеи, высказались Госсобрание, Венгерская академия наук, Венгерское радио, главы основных церквей страны (католической, реформатской, евангелической, иудейской), Национальный театр, Национальный музей, Библиотека им. Сечени, творческие союзы (композиторов, художников, художников-декораторов), ведущие преподаватели университетов. Пиком организованного сверху протеста против вмешательства извне в венгерские дела стало заявление от имени почти двухсот литераторов, опубликованное в номере от 13 сентября 1957 г. литературной газеты «*Élet és irodalom*» («Жизнь и литература»). Венгерская культурная элита к этому времени могла убедиться в том, что кадаровское руководство не прощает ее представителям роли, сыгранной в революции 1956 г. В январе 1957 г. временный ЦК ВСРП приостановил деятельность одного из главнейших катализаторов революции — Союза писателей, а затем и Союза журналистов. Одновременно началась череда арестов, венгерская интеллигенция от страха подписывала, опасаясь за свою жизнь, составленные властями заявления.

По мнению автора записки Й. Салла, необходимо было также подготовить усилиями авторитетных венгерских и иностранных юристов документ с юридической оценкой самого факта обсуждения венгерского вопроса в ООН* и распространить его среди участников Генассамблеи. Еще важнее было бы добиться того, чтобы международные организации просоветской направленности на основании аргументации кадаровского правительства выразили бы протест против обсуждения венгерского вопроса. Для более эффективного ведения пропаганды за рубежом надо было осуществить некоторую структурную реорганизацию как партаппарата, так и МИДа. Это касалось, в частности, воссоздания Комитета по иностранным делам ВСРП — такой орган в структуре Венгерской партии трудящихся (ВПТ) существовал до 1949 г. Относительно перестройки МИДа в докладной записке отмечалось, что вследствие прошедших в начале 1957 г. чисток от «контрреволюционных элементов» обозначилась нехватка профессионально подготовленных дипломатических кадров. В целях повышения уровня внешнеполитической деятельности была создана небольшая квалифицированная рабочая группа, анализировавшая международную обстановку и выработывавшая предложения. В записке было также рекомендовано создать институт, который занимался бы проблемами внешней политики. Салл ссылаясь на существование таких институтов в СССР, КНР, Чехословакии и Польше. Кроме того, предлагалось создать кафедру международной политики в Экономическом университете. Обращалось внимание на то, что после смерти в 1955 г. видного ученого-международника и дипломата Элека Болгара ни в одном из венгерских

* Совет Безопасности ООН начал обсуждение венгерских событий 28 октября 1956 г. После 4 ноября их рассмотрение было перенесено на срочно созванную чрезвычайную сессию Генассамблеи ООН, а начиная с 12 ноября на открывшуюся XI регулярную сессию Генассамблеи. В результате венгерский вопрос находился в повестке дня ООН до декабря 1962 г., им занималась специально созданная комиссия. Вплоть до урегулирования этого вопроса правительство Кадара работало в условиях внешнеполитической изоляции.

университетов не преподавали историю дипломатии. Помимо этого, для привлечения венгерской интеллигенции к проводимому внешнеполитическому курсу считалось целесообразным начать выпуск специализированного журнала по проблемам международных отношений. Салл предложил также подумать в перспективе над созданием общества по внешним связям как неправительственной организации, в задачи которой входило бы приглашение в страну иностранных политиков, установление связей с такими государствами, с которыми у Венгрии не было официальных дипломатических отношений.

Предложения Й. Салла, в дальнейшем сделавшего дипломатическую карьеру, метили гораздо дальше непосредственных задач кадаровской пропаганды. Они однозначно сигнализировали партийному руководству о том, что прежняя, полностью подконтрольная СССР внешняя политика Венгрии не способна защитить интересы страны за рубежом. Дипломатическая изоляция, в которой Венгрия оказалась вследствие подавления революции 1956 г., послужила поводом для построения более профессионально функционировавшей внешнеполитической структуры. Началось практическое осуществление теоретических предложений. В частности, с середины 1957 г. венгерское политическое руководство всё активнее участвовало в работе международных организаций. На начальной стадии наибольшие усилия им прилагались для привлечения на свою сторону Международной ассоциации юристов-демократов (МАЮД). Венгерское правительство считало эту структуру тем более подходящей площадкой для своей деятельности, поскольку она с момента своего создания в 1946 г. симпатизировала СССР, а потом и странам советского лагеря.

На заседаниях секретариата МАЮД 5 и 6 января 1957 г. от новых венгерских лидеров потребовали разъяснений по двум вопросам. Первый: при каких конкретных обстоятельствах было смещено правительство Имре Надя, насколько известно, не подававшее в отставку, и как была передана власть правительству Кадара, созданному под прямым советским давлением? Не является ли нарушением полноценного национального суверенитета Венгрии и нелегитимным вмешательством в ее внутренние дела поддержка такого правительства, которое как минимум не пользуется симпатиями большинства населения страны? Второй вопрос основывался на сообщениях западной прессы о беспощадных репрессиях в Венгрии, массовых арестах, учреждении чрезвычайных трибуналов, выносивших в том числе и смертные приговоры. В МАЮД хотели выяснить, насколько власти осуществляют правосудие и гарантируют соблюдение демократических свобод в ходе расследования уголовных дел. Секретариат этой организации счел необходимым направить в Венгрию наблюдателей для ознакомления с реальной ситуацией.

На заседании секретариата МАЮД 15–18 июня 1957 г. венгерский вопрос вновь оказался в повестке дня², было подтверждено намерение послать в Венгрию инспекцию. Глава венгерской делегации Иштван Ковач изложил официальную точку зрения своего правительства, заявив в том числе о якобы полной поддержке венгерскими юристами действующей власти. Это заявление, естественно, носило сугубо пропагандистский характер, так как в реальности многие венгерские юристы старались уклониться от участия в политически мотивированных судебных процессах. Партийное руководство знало об этом, на его заседаниях

то и дело рассматривался вопрос о «неудовлетворительном сотрудничестве» со стороны аппарата правосудия. Ковач незамедлительно отверг возможность поездки какой-либо инспекционной комиссии в Венгрию, аргументировав свою позицию тем, что ситуация в стране на протяжении многих месяцев остается совершенно нормальной. С другой стороны, деятельность такой комиссии могла бы создать прецедент для выступления других международных организаций с аналогичными запросами. С венгерской стороны прозвучала мысль о том, что международной ассоциации юристов стоило бы уделять больше внимания не положению в Венгрии, а более «актуальным» проблемам, например, борьбе против распространения ядерного оружия.

И. Ковач в отчете описал содержание бесед, проведенных им еще до начала заседания с президентом и генеральным секретарем МАЮД Д.Н. Приттом и Дж. Нордманном. Те доверительно сообщили ему, что на них оказывают сильнейшее давление несколько юристов, угрожая выходом из ассоциации, если секретариат МАЮД не проголосует за отправку инспекции в Венгрию. В конце концов было найдено компромиссное решение о посылке в Венгрию в интересах развития культурных связей делегации из нескольких юристов. И. Ковач запросил об этом мнение венгерского партийного руководства. Речь шла, разумеется, об организации встреч иностранных гостей с проверенными людьми и о том, что сам приезд делегации юристов можно использовать в интересах внешнеполитической пропаганды в условиях, когда многие западные издания клеймили венгерскую систему правосудия за вынесенные участникам революции смертные приговоры и длительные сроки тюремного заключения.

К ноябрю 1957 г. венгерская дипломатия достигла серьезных успехов в своих отношениях с МАЮД. На новом заседании секретариата этой организации был заслушан доклад венгерской делегации. Как явствует из отчета генерального секретаря Венгерского союза юристов Енё Бенедека, несмотря на протесты английского отделения МАЮД, была в целом принята официальная венгерская версия об обоснованности (политической и юридической) правительственных мер, которые, как отмечалось, носили временный характер и были направлены на ликвидацию «контрреволюции». К удовлетворению руководства ВНР, получила поддержку точка зрения о должном соблюдении в Венгрии существующей законности в борьбе против антигосударственных элементов: защита безопасности существующего строя — дело каждого государства, что соответствует его властным полномочиям. Главный вывод, к которому пришли по итогам заседания, заключался в том, что посылка в Венгрию любого рода инспекции означала бы нарушение суверенитета страны.

В руководстве ВСРП было расценено как свидетельство серьезного внешнеполитического успеха то, что венгерский вопрос сошел, наконец, с повестки дня заседаний МАЮД, как и отдельных национальных подразделений этой ассоциации. Как явствует из отчета Бенедека для партийных лидеров, в кругах МАЮД, вообще не склонных к слишком резким критическим выступлениям, существовала неосведомленность о ситуации в Венгрии. Доклад венгерской делегации, на самом деле не дававший правдивой картины, был изучен и многими западными юристами принят за чистую монету. Надо иметь в виду, что в то время даже западные государства и международные организации, обладавшие намного

большим весом и материальными ресурсами, не придавали слишком большого значения изучению конкретных фактов нарушения прав человека в Венгрии.

Пришедшая в середине июня 1958 г. из Венгрии весть о казни Имре Надя и трех его соратников сильно сказалась на международной оценке характера венгерских событий. Достигнутые к тому времени «успехи» венгерской дипломатии превратились в ничто, это видно уже из того, что на второй день после приведения приговора в исполнение, 17 июня, президент МАЮД, казалось бы, ранее привлеченный на сторону Кадара, отправил письмо генеральному секретарю Союза венгерских юристов Е. Бенедеку с просьбой дать разъяснения относительно закрытого, негласного характера состоявшегося судебного процесса, предъявленных на нем обвинений и вынесенного судом постановления³. При этом принимались во внимание и более ранние обращения членов МАЮД по делу И. Надя. В Будапеште объясняли такое письмо усилившимся давлением на МАЮД некоторых западных кругов⁴. В ответном письме указывалось на то, что министр юстиции Ференц Незвал (одновременно президент Союза венгерских юристов) уже в ноябре 1957 г. официально сообщил, что «в отношении Имре Надя в связи с его антиконституционными и незаконными действиями наши компетентные органы проводят следствие»⁵. После этого Бенедек напомнил пункты обвинения, по каждому из них пытаясь обосновать законный характер вынесения приговора. Премьер-министр Ференц Мюнних собственноручно написал на документе резолюцию о том, чтобы МАЮД было сообщено: судебное решение не было тайным, такое в Венгрии не практикуется; судебное разбирательство действительно было закрытым, но происходило в соответствии с действующими законами.

В сентябре 1958 г. за подписью генерального секретаря Союза венгерских юристов Е. Бенедека был подготовлен новый, более подробный документ по этой проблеме⁶. На брюссельской сессии секретариата МАЮД, проходившей с 30 августа по 1 сентября 1958 г., особым пунктом повестки дня стоял анализ того, как реагировали некоторые национальные подразделения МАЮД на процесс по делу И. Надя. Как отмечалось в вышеупомянутом документе, отдельные национальные подразделения (особенно английское, бельгийское и французское) внимательно наблюдали с правовой точки зрения за «ситуацией, возникшей в результате законных мер, направленных на искоренение контрреволюции». Не желая ограничиваться официальными сообщениями, опубликованными в прессе, они регулярно запрашивали у Союза венгерских юристов информацию о тех судебных процессах, которые происходили в закрытом порядке (например, по делу писателя Тибора Дери, суд над которым состоялся в конце осени 1957 г.)* Союзу венгерских юристов приходилось уклоняться от ответов, ссылаясь на закрытый характер процессов. В западных структурах МАЮД не удовлетворялись такими объяснениями, переписка продолжалась. В одном из писем с французской

* Тибор Дери во время революции 1956 г. был членом Революционного совета венгерской интеллигенции, многократно выступал на дискуссиях Кружка Петёфи и заседаниях Союза писателей. Был арестован в апреле 1957 г., а 13 ноября того же года приговорен Верховным судом к девяти годам заключения. Под воздействием международного общественного мнения освобожден в 1960 г., но до 1962 г. не мог публиковаться.

стороны попросили сообщить имя адвоката Дери. Союз венгерских юристов ответил, что таковым являлся Корнел Залан*.

Британские представители в МАЮД в ходе состоявшегося в июне 1958 г. в Стокгольме Конгресса за разоружение и международное сотрудничество информировали генерального секретаря МАЮД о своих планах выхода из организации. Когда Министерство юстиции ВНР опубликовало информацию о деле Имре Надя, в МАЮД было направлено письмо протеста, подписанное японскими, индийскими, цейлонскими, английскими, итальянскими, французскими и бельгийскими юристами. Они требовали, чтобы эта организация заняла более четкую позицию в связи с нашумевшим судебным процессом, подчеркивая, что нынешняя уклончивая позиция подрывает международное доверие к способности МАЮД отстаивать правовые нормы, дает основания для обвинений в двойных стандартах. На общем фоне выделялась активность британской и бельгийской секций. Юристы, не являвшиеся членами компартий, настаивали на публикации осуждающей декларации, угрожая при этом выходом из организации. Они подвергли нападкам опубликованный венгерский документ по двум главным пунктам. Во-первых, дело Надя нельзя было считать, по их мнению, сугубо внутренним делом Венгрии, тем более что МАЮД всегда практиковал и выступления в связи с арестами и преследованиями «прогрессивных деятелей» в разных странах. Во-вторых, ставилась под сомнение законность рассмотрения судом дела Имре Надя не просто в закрытом порядке, а вообще при полном отсутствии гласности: общественность не была информирована о начале процесса, а официальное сообщение было издано только после приведения приговора в исполнение.

Поскольку британское и бельгийское подразделения возлагали большие надежды на заседание секретариата МАЮД, последнему необходимо было вынести какое-то решение. Дискуссии продолжались два дня, и венгерская делегация проявила чрезвычайную активность в зондировании настроений в кулуарах. Глава МАЮД Д.Н. Притт доверительно сообщил венграм о том, что не надо опасаться возможности выхода из организации ее французской секции, так как обнародованный незадолго до этого проект конституции генерала де Голля (конституции будущей французской Пятой Республики)** и дискуссии вокруг него полностью вытеснили на второй план дело Имре Надя, в кругах французских юристов, близких МАЮД, дискуссии вокруг этого дела прекратились. Глава бельгийской секции также сообщил в кулуарах венграм, что бельгийцы вовсе не настаивают на резко осуждающей резолюции, главное, чтобы было принято хоть какое-то заявление от имени этой международной организации. Примерно такую же позицию заняла и британская секция, при том, что поступивший из Венгрии материал был очень важен для подготовки разговора с английскими юристами.

* Позднее у Корнела Залана интересовались, контактировали ли с ним французы, на что он ответил, что никакого письма не получал.

** В июне 1958 г. де Голль, вернувшись к власти, начал готовить новую конституцию страны, которую в ходе референдума, состоявшегося в сентябре, поддержали около 80 % граждан. Так было положено начало французской Пятой Республике.

На основании всей полученной информации венгерская сторона пришла к выводу о том, что внимание к делу Имре Надя в мире стало слабее и в этих условиях для руководства страны было бы невыгодно выступать с какими-либо заявлениями, ибо это оживило бы нежелательный интерес международного общественного мнения к венгерским делам. Венгерские партийные функционеры более всего опасались, что вслед за МАЮД и другие международные организации, воспользовавшись ситуацией, начнут пропагандистский поход против Венгрии. Кадаровская власть не гнушалась и скрытым шантажом. Венгрия напомнила МАЮД о том, что эта организация вправе выносить только решения, поддержанные всеми ее членами, зная при этом, что за позицию, осуждающую Венгрию, социалистические страны ни в коем случае не проголосовали бы. Демонстрируя склонность к уступкам, заявляя о готовности выслушивать критику в адрес Союза венгерских юристов, венгерская сторона проявляла лицемерие, так как всем было понятно, что Союз юристов никоим образом не мог воздействовать на юридические нормы этой страны и их применение на практике. Как явствует из вышесказанного, логика кадаровского политического руководства заключалась в том, чтобы во внешней политике делать ставку на внутреннюю разобщенность МАЮД и симпатии этой организации по отношению к социалистическому государственному строю как таковому. Слишком резкие критические выпады в связи с венгерскими делами в кругах МАЮД считали противоречащими целям этой организации, с момента своего основания в 1946 г. находившейся под сильным советским влиянием.

Летом 1958 г. министерство иностранных дел ВНР подготовило свод материалов под названием «О преступных деяниях контрреволюционного характера, совершенных во время контрреволюции, и о связанных с ними судебных процессах»⁷. Подготовленный текст, хотя и апеллировал к юридической аргументации⁸, вместе с тем, делая ставку на полную неосведомленность международного сообщества, зачастую приводил объяснения сугубо пропагандистского характера, имевшие мало общего с действительностью. Причем этот пропагандистский по своему предназначению материал намеревались распространять среди участников сессии Генеральной Ассамблеи ООН, убеждая их в справедливости официальной венгерской точки зрения.

Первая часть свода преследовала цель представить зарубежному общественному мнению преступления, совершенные в период «контрреволюции» и в последующие месяцы. Идеологические моменты (тезис о попытке вооруженного ниспровержения диктатуры пролетариата) теперь уже отошли на второй план, акцент делался на том, что большинство преступлений против государственного строя сопровождалось нарушениями публичного права. Как отмечалось, «одной из характерных черт октябрьских контрреволюционных событий было то, что контрреволюция взяла себе на службу уголовников». В соответствии с официальной венгерской точкой зрения, «вооруженные террористы», следуя заранее продуманному плану, напали на тюрьмы и освобождали «военных преступников и лиц, совершивших уголовные преступления», которым давали в руки оружие. Приводимые факты пытались использовать для дискредитации эмиграции, прямо намекая на то, что среди бежавших в те месяцы за границу лиц якобы доминировали освобожденные из тюрем преступники. Фальсификация

статистических данных носила, таким образом, пропагандистский характер, при этом революционные события октября — ноября 1956 г. пытались всячески ополщить в глазах международной общественности, а их значение принизить, объявив восставших уголовниками, а политические преследования — легитимным привлечением к ответственности нарушителей законов.

Вторая часть вышеназванного свода была призвана ответить на обвинения венгерских властей в нарушении (в процессе привлечения людей к судебной ответственности) основополагающих прав человека, игнорировании в ходе судебных процессов элементарных доказательств вины и принятых в цивилизованном мире юридических процедур (подсудимые не получили возможность заранее ознакомиться с содержанием обвинений в своей адрес, а адвокаты — подготовиться к процессу). Многие суды проходили негласно, у обвиняемых не было шанса на справедливое и достойное рассмотрение дел. Судя по записям проведенных процессов, опасения международной общественности в связи с нарушениями прав человека в Венгрии имели под собой все основания. При этом на любую критику извне следовал ответ венгерского МИДа в духе того, что ликвидация собственной «контрреволюции» — это внутреннее дело Венгрии.

Венгерским МИДом в целях ответа на критику мирового общественного мнения была разработана программа действий, отражавшая как логику властей, так и сформированный образ врага. 1. Из активизации перед сессией Генеральной Ассамблеи ООН выступлений США с осуждением внутренней политики Венгрии делался вывод об эскалации антивенгерской риторики и в ходе самой сессии. В таком случае необходимо было направить ноту правительству США с утверждениями о том, что отдельные американские круги намеренно стремятся отравить двусторонние отношения; 2. В связи с вопросом о венгерских беженцах надо было подготовить доказательства того, что «страны, принявшие беженцев, путем насильственных мер препятствовали добровольной репатриации, возвращению малолетних к родителям», предполагалось также задействовать данные об эксплуатации лиц, уехавших за рубеж, о происходящих в среде эмигрантов процессах фашизации, об использовании отдельных эмигрантов в шпионских целях.

В интересах пропагандистского «контрнаступления» венгерское партийное руководство считало целесообразным принять следующие меры: 1. По некоторым «чувствительным» вопросам необходимо было провести кампанию в прессе и по радио; на сессии Генеральной Ассамблеи ООН предполагалось не только усилить критику западных стран по проблемам нарушения прав человека, но и активизировать осуждение колониальной политики, ущемления прав народов на самоопределение (в частности, на материале Алжира и Кипра); 2. Необходимо было также уделить большее внимание изучению существующих в мире военных пактов, тенденций в их развитии, а также процессов вооружения Западной Германии.

В связи с продолжавшимся обсуждением венгерских проблем в ООН власти ВНР продумывали в то же время и программу мер в целях выхода страны из внешнеполитической изоляции и снятия с повестки дня Генассамблеи венгерского вопроса⁹. Положение правительства Кадара в этих условиях осложнялось и в силу того, что Советский Союз не был в последующие годы активен при обсуждении венгерского вопроса в ООН, что подтолкнуло Венгрию к стремлению

улучшить отношения с США (была, в частности, выражена готовность урегулировать проблему кардинала Миндсенти, нашедшего убежище в американском посольстве в Будапеште, в обмен на снятие венгерского вопроса с повестки дня ООН*). Однако попытки прозондировать почву на американском направлении неизменно наталкивались на требование всеобщей амнистии, которая была объявлена Яношем Кадаром только 20 ноября 1962 г. на VIII съезде ВСРП. Вследствие этого 20 декабря 1962 г. венгерский вопрос был снят с повестки дня Генеральной Ассамблеи ООН¹⁰.

Перевод с венгерского М.В. Корзинкина и А.С. Стыкалина

Примечания

- 1 MNL OL. M–KS 288. f. 32/1957. Magyar Szocialista Munkáspárt Külügyi Osztály 7. ő. e.
- 2 Ibid. 1. ő. e.
- 3 Ibid. M–KS 288. f. 30/1958. Magyar Szocialista Munkáspárt Adminisztratív Osztály 15. ő. e.
- 4 Именно этим объяснял появление письма заместитель руководителя административного отдела ВСРП Иштван Петери, переадресовывая его главе правительства Ференцу Мюнниху. См.: Ibidem.
- 5 Ibidem.
- 6 Ibidem.
- 7 MNL OL. XIX–E–1–z Igazságügyi Minisztérium Visszaminősített TŰK iratok 001/1958. Подготовленный в МИД материал был дополнен в Министерстве юстиции.
- 8 О системе судебных учреждений и прокуратуры, занимавшейся в этот период организацией репрессий, и юридических аспектах ее деятельности, см.: *Mikó Zs. A forradalom utáni megtorlás bírósági és ügyészségi szervezete 1956–1961 // Történelmi Szemle. 2006. 1–2. sz. 121–169. old.; Mikó Zs. A Legfőbb Ügyészség az 1956. évi forradalomban // Levéltári Közlemények. 2006. 2. sz. 189–222. old.*
- 9 Эти материалы хранятся в фонде Международного отдела ВСРП. См.: MNL OL. M–KS 288. f. 32/1959. 7. ő. e.; 32/1960. 11. ő. e.; 32/1961. 1. ő. e.; 32/1962. 12. ő. e.; 32/1963. 10. ő. e.
- 10 См.: *Békés Cs. Az 1956-os magyar forradalom a világpolitikában. Budapest, 1996; Nagy A. A Bang-Jensen ügy. '56 nyugati ellENSZélben. Budapest, 2005; A forradalom és a magyarkérdés az ENSZ-ben 1956–1963 / Szerk. Cs. Békés, G.D. Kecskés. Budapest, 2006.*

* Глава венгерской католической церкви архиепископ Эстергомский кардинал Й. Миндсенти, как известно, был в 1949 г. после ареста приговорен к пожизненному заключению на показательном судебном процессе, в 1955 г. переведен под домашний арест, а в дни революции был освобожден, развив активную деятельность в целях восстановления прежних позиций церкви. 3 ноября выступил по радио с программным заявлением, а рано утром 4 ноября, после вступления советских войск в Будапешт, нашел убежище в посольстве США, которое смог покинуть только в ноябре 1971 г.

Польша и венгерское восстание 1956 года

В 1956 г. на волне десталинизации Польша пережила острый общественно-политический кризис. Бастовали рабочие, митинговали студенты, партию раздирала борьба фракций. Вновь заявили о себе общественные деятели некоммунистического толка. Пресса требовала полноценного суверенитета и всеобъемлющего развенчания сталинизма. Наиболее острый характер события приобрели в Познани, где в конце июня произошёл рабочий бунт, подавленный войсками.

Однако, польская ситуация, при всей схожести с венгерской, имела ряд существенных отличий. Прежде всего, «польский Ракоши», Болеслав Берут, не дожидаясь обострения кризиса, скончавшись вскоре после XX съезда КПСС. Таким образом, над партией не стоял в 1956 г. неоспоримый вождь, поэтому у реформаторов оставалось куда больше пространства для манёвра. Кроме того, вокруг главного партийного «отщепенца» Владислава Гомулки (отстраненного от власти в 1948 г. за «правонационалистический уклон») не образовалось фракционной группы, в отличие от Имре Надя: решение вернуть его на пост первого секретаря партии было принято бывшими противниками, поддавшимися напору масс. При этом прежний руководитель партии, Эдвард Охав, добровольно ушёл со своего поста (уникальный случай для стран народной демократии!). Таким образом, польская верхушка (в лице Охаба, Циранкевича, Замбровского и др.) проявила куда больше благоразумия, в отличие от Герё и Хегедюша. И наконец, в-третьих, польская госбезопасность претерпела существенные изменения после смерти Сталина, вызванные прежде всего бегством в Западный Берлин одного из её руководителей Юзефа Свято. Она была разделена на МВД и Комитет общественной безопасности, ряд функционеров высокого ранга были отправлены в отставку и даже исключены из партии, а подвергшиеся репрессиям коммунисты выпущены из тюрем.

Гомулка был возвращён на пост первого секретаря ЦК Польской объединённой рабочей партии (ПОРП) на VIII пленуме 19–21 октября, проходившем на фоне передвижений советских войск по Польше и переговоров со срочно прилетевшей делегацией КПСС. На этих переговорах Хрущёв согласился на выбор Гомулки и удаление из высших сфер власти консерваторов (ориентированных на СССР), а новоизбранный лидер партии дал гарантии, что Польша останется в Организации Варшавского договора (ОВД). 24 октября Гомулка выступил на массовом митинге в центре Варшавы, призвав вернуться к обычной работе и прекра-

тить уличные выступления. 26 октября был освобождён из мест интернирования глава епископата кардинал Стефан Вышиньский. Партийно-государственные власти немедленно начали переговоры с костёлом, результатом которых стало декабрьское соглашение: в школы вернулись уроки закона Божьего, а епископат (единственный раз) поддержал правительство, обратившись с призывом к населению идти голосовать на январских выборах в Сейм.

Обновленная польская верхушка встала перед проблемой, как реагировать на венгерские события.

Народ был настроен однозначно провенгерски. Причиной этого были как традиционно тёплые чувства поляков и венгров друг к другу (идущие с XIX в., когда оба народа боролись, и зачастую сообща, за свободу), так и общий враг: сталинистский режим, навязанный Москвой. При этом Советский Союз в восприятии обоих народов являлся прямым наследником Российской империи, которая в своё время причинила немало зла как полякам, так и венграм. На это, в частности, указал сам Гомулка в беседе с Чжоу Эньлаем в январе 1957 г.: «Разделы Польши, в которых участвовала царская Россия, по сей день создают условия, благоприятные для укрепления антирусских настроений в польском народе»¹. Польский исследователь П. Махцевич вообще утверждает, что в 1956 г. «антисоветизм был главной чертой общественного сознания, преобладающей над всеми другими мотивами»². Ему в какой-то мере вторит бывший член Политбюро Я. Берман: «Откуда Гомулка приобрёл в 1956 г. такую популярность, какой в послевоенной Польше никто не имел <...>? Откуда она бралась? Как раз отсюда, чего мы боялись и что нас тормозило. Он пробудил, сам того не желая, неслыханные надежды, что вернётся старая Польша, которая противопоставит себя Советскому Союзу»³.

Уже 26 октября поляки стихийно начали сдавать кровь для помощи раненым венграм. Массовый характер донорство приобрело 28 октября, когда с такой просьбой обратился венгерский Красный Крест. Во Вроцлаве идти к пунктам переливания призвал даже горком ПОРП! Всего в Венгрию передали 795 литров крови, а ещё столько же отправить просто не успели. Также поляки отправляли венграм продукты и медикаменты. Об этой акции широко говорилось в польской прессе. После 4 ноября акция помощи венграм освещалась уже не так широко, но СМИ по-прежнему информировали о времени отъезда в Венгрию поездов⁴.

Многие поляки вывешивали над домами венгерские флаги, на предприятиях проходили митинги солидарности с Венгрией. В посольство ВНР однажды даже явилась группа гданьских рабочих, готовая начать партизанскую борьбу против советских войск⁵. Также шёл сбор денег: ещё в начале декабря 1956 г. в одном из радиоспектаклей упоминалось, что персонаж отдал свою зарплату венграм. После подавления венгерского восстания в некоторых польских городах распространялись листовки с протестом; в декабре по призыву ряда предприятий в Польшу на отдых приехали дети из Венгрии. Ходили слухи, будто помощь венграм перехватывают советские войска, из-за чего в ноябре очередной поезд из Кракова сопровождали 17 членов Комитета помощи венграм, которые потом на митингах отчитывались о поездке⁶.

Дипломатический корпус Польши в Будапеште также был проникнут симпатиями к движению обновления. В польском посольстве работало много людей,

которые жили в Венгрии с 1939 г. как беженцы. Польский посол Адам Вильман открыто сочувствовал венгерским повстанцам: он не одёрнул польских студентов, решивших принять участие в будапештских демонстрациях 23 октября, затем помог вернуться на родину двум польским студенткам, присоединившимся к национальной гвардии⁷.

В. Гомулка занимал более осторожную позицию. Уже 25 октября он выразил недовольство радиоведущему, который громко приветствовал венгерские флаги во время варшавского митинга днём раньше⁸. 28 октября в Будапешт отправили заместителя министра иностранных дел Марьяна Нашковского и заместителя секретаря ЦК по делам прессы Артура Старевича, чтобы те на месте разобрались в обстановке. ЦК ПОРП выступил с обращением «К братьям-венграм», которое было зачитано на партсобраниях в Польше, опубликовано в прессе и передано Я. Кадару и И. Надю. В обращении содержался призыв объединиться вокруг нового правительства и продолжать строить социализм, выражалась поддержка И. Надю и осуждался Э. Герё за его просьбу о помощи к Москве⁹.

Гомулка косо смотрел на действия Москвы в Венгрии, видя в этом возрождение сталинских порядков, но при этом оставался противником вывода советских войск из самой Польши: по его мнению, геополитическая ситуация Польши отличалась от венгерской — СССР был гарантом западных польских границ, которые не хотели признавать в ФРГ. Этот аргумент был задействован в обращении к польскому народу, где, кроме того, было сказано, что через Польшу проходят каналы обеспечения советских войск в ГДР, а следовательно, выводить из Польши их не следует.

Нашковский и Старевич отправили в Варшаву два отчёта о положении в Венгрии: 28 и 29 октября. Первый (посвящённый встрече с Надем, Кадаром, главным редактором газеты «*Szabad Nép*» и бывшим послом в Польше) был более оптимистичен, хотя содержал опасения, что демократическое движение правее. Второй уже говорил о стремительном ухудшении ситуации. 29 октября Нашковский и Старевич встретились в советском посольстве с М.А. Сусловым и А.И. Микояном, но те им не сообщили ничего нового. Успокоенный этим Старевич, вернувшись в Польшу, дал интервью польскому радио, где заявил, что после вывода советских войск можно будет приступить к реализации программы Нады¹⁰. 30 октября он вместе с Нашковским побывал на митинге в Политехническом институте Варшавы, где была принята резолюция с протестом против «участия советских войск в подавлении восстания»¹¹.

1 ноября в Бресте М. Сулов, А. Микоян и В. Молотов сообщили В. Гомулке, Ю. Циранкевичу и Э. Охабу, что принято решение об интервенции. Поляки были против, Политбюро ЦК ПОРП также не поддержало эту меру. 2 ноября ЦК ПОРП обратился с воззванием к польскому народу, в котором сообщил о своей особой позиции в связи с вводом советских войск (хотя и осудил при этом предыдущее руководство Венгрии, чья политика довела до такого состояния). Отдельное обращение было зачитано на партсобраниях, где вторжение советских войск осуждалось уже более резко. Одновременно по поручению Е. Моравского, который возглавлял редакционный комитет, составлявший оба воззвания, членам Политбюро был разослан отчёт руководителя отделения польского радио в Будапеште Марьяна Белицкого, в котором он камнями на камне не оставил

от утверждения пропаганды, будто в Венгрии побеждают реакционные силы. МИД Польши направил по этому поводу запрос в своё посольство в Будапеште, и Вильман в целом поддержал Белицкого¹².

События развивались стремительно. 2 ноября вечером правительство И. Надя обратилось к министру иностранных дел Польши А. Рапацкому с просьбой представить Варшаву в качестве места переговоров с советской делегацией о выходе Венгрии из ОВД. Поляки ответили положительно. В тот же день Польское агентство прессы в ежедневном отчёте для членов Политбюро перепечатало интервью И. Нады итальянскому «*Il Giornale d'Italia*» от 31 октября, где венгерский премьер, согласно интерпретации журналистов, выражал готовность строить демократию западного типа и даже признать ФРГ. А 3 ноября сотрудники венгерского посольства вручили шефу польского Генштаба Юрию Бордзиловскому (советскому генералу) уведомление о выходе Венгрии из ОВД (о чём ещё 1 ноября Надя поставил в известность всех послов)¹³.

При этом Надя попытался через польское посредничество умирить страсти, бушевавшие в стране. Днём 3 ноября он обратился с просьбой к руководству ПНР, чтобы с его подачи глава польского епископата С. Вышиньский попробовал немного урезонить своего венгерского коллегу кардинала Й. Миндсенти, критиковавшего новое венгерское правительство справа.

4 ноября, в день ввода советских войск в Будапешт, проходило совещание партактива с участием Гомулки. Первый секретарь в общем холодно высказался о советской интервенции, хотя и указал, что единство социалистического лагеря превыше всего, а Венгрию нужно удержать в ОВД любым способом (в связи с этим глава партии даже процитировал заявление китайской компартии). Вечером, согласовав свою позицию с мнением КПК, Политбюро ЦК ПОРП постановило выступить в ООН против американского предложения осудить советскую интервенцию¹⁴.

5 ноября в здании ЦК состоялось совещание главных редакторов польской прессы с участием Гомулки. Возмущение советской акцией было так велико, что раздавались голоса за отставку Рапацкого, который, дескать, малодушно поддержал интервенцию. В ответ Гомулка остро выступил в поддержку умеренной позиции и взял под защиту министра иностранных дел¹⁵. Интересно при этом, что Гомулка не стал чинить препятствий варшавскому отделению польского Пен-клуба, которое 7 декабря 1956 г. решило выступить с заявлением по поводу венгерских событий. Заявление было выдержано в умеренном ключе, но не оставляло сомнений в том, на чьей стороне находятся симпатии подписавших его. Столь мягкая реакция Гомулки выглядит несколько удивительно в свете его позднейшего отношения к подобным инициативам писателей. По словам католического писателя Е. Завейского, который отнёс текст заявления на одобрение первому секретарю, тот обосновал своё согласие такими словами: «Нам не следует быть слишком уж оппортунистами». Напрашивается вывод, что таким образом Гомулка поддержал близкое ему мнение, которое не мог выразить открыто¹⁶.

Когда Надя и членов его команды выманили из югославского посольства, где они нашли убежище рано утром 4 ноября, это вызвало новый взрыв негодования в партийных рядах. Даже центральная пресса требовала выяснить судьбу

И. Надя. Этому способствовали как проюгославские настроения в ПОРП, так и тот факт, что Надя не скрылся в диппредставительстве какой-нибудь капиталистической страны. Некоторые парторганизации выступили с протестом против ареста Надя, причём это не повлекло за собой никаких дисциплинарных мер. Объединение польских журналистов и Союз польских литераторов в конце ноября — начале декабря приняли резолюции в поддержку венгерского восстания и обратились к Гомулке с призывом предоставить убежище Тибору Дери и ряду других левых писателей из Венгрии, выступивших против советской интервенции. 10 декабря толпа в Щецине, стихийно собравшись на манифестацию, разгромила советское консульство, скандируя «Польша — Венгрия». Как это часто бывает в драматические моменты, распространились дикие слухи. Так, 11 декабря в центре Варшавы Союз польской молодёжи и вузовский совет Академии искусств развесили плакаты с призывом к полякам взять к себе венгерских детей, которых якобы везли через Варшаву в СССР с целью русификации (как это делали немцы во время Второй мировой)¹⁷.

Власть продолжала лавировать. С одной стороны, вернувшейся из Венгрии корреспонденту молодёжной газеты «*Sztandar Mlodych*» Ханне Адамецкой запретили выступать на митингах после её рассказа о подавлении восстания, с которым она обратилась к вроцлавским рабочим 10 декабря. С другой стороны, в прессе печатался «Будапештский дневник» Виктора Ворошильского с весьма красноречивыми описаниями событий, а польская цензура не выдала разрешение на публикацию в Польше «Белой книги», написанной пропагандистами Кадара для обоснования тезиса о контрреволюции. Также, несмотря на неоднократные запросы венгерского посольства, была отменена агитационная выставка о «контрреволюции»¹⁸.

Венгерский прецедент использовался руководством страны для расчёта с наиболее одиозными сталинистами. Так, премьер-министр Ю. Циранкевич, посетив 22 декабря 1956 г. Краков, с беседе с исполкомом воеводской парторганизации указал на Венгрию как на пример опасного консерватизма, приведшего к трагедии: дескать, если бы прежняя верхушка не тормозила реформы, дело не дошло бы до взрыва. Поэтому, продолжал он, партии надо решительно избавляться от косных деятелей, пока не случилось беды¹⁹ (заметим, это говорил человек, который ещё летом 1956 г. в радиовыступлении обрушивал громы и молнии на бунтовщиков в Познани и грозил «отрубить руки до локтей» тем, кто покушается на завоевания революции).

Казнь И. Надя в июне 1958 г. вызвала всеобщее потрясение. Известный поэт Ю. Пшибось в знак протеста вышел из партии. Отказалась от партбилета и старая коммунистка Бронислава Пясецкая, преподававшая в Центральной школе им. Мархлевского и в краковской партшколе²⁰. Даже Гомулка, предчувствуя недоброе, осторожно выступал против суда над бывшим венгерским премьером. На переговорах с советским руководством в мае 1957 г. он тревожился, что это может принести большой вред, и потому пытался всячески оправдать Надя и вообще приуменьшить его роль в событиях осени 1956 г. Приехавший с ним Ю. Циранкевич пошел еще дальше, заявив, что, если бы в Венгрии победила контрреволюция, то «болтаться бы Надю на виселице»²¹. Однако, как известно, всё это никак не повлияло на судьбу бывшего премьера Венгрии.

В дальнейшем тезис о том, что благодаря Гомулке и здравому смыслу Польша не разделила судьбу Венгрии, достаточно широко использовался партийной пропагандой. Однако в экономическом отношении Польша в период «малой стабилизации» (как окрестили время с 1956 г. до вторичного падения Гомулки в 1970 г.) проделала эволюцию, прямо противоположную венгерской. Если Я. Кадар осуществил достаточно смелые реформы в области децентрализации производства, то В. Гомулка закрутил гайки, подчинив национальное хозяйство нуждам форсированной индустриализации. Такая политика вкупе с нарастающей идеологической косностью привела к новому социальному взрыву в 1970 г., похоронившему гомулковскую концепцию «польской дороги к социализму».

Примечания

- 1 Tajne dokumenty Buira Politycznego. PRL — ZSRR. 1956–1970. London, 1998. S. 6.
- 2 Махцевич П. СССР и польско-советские отношения в сознании поляков в 1956 г. // Польша — СССР. 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого / Отв. ред. Э. Дурачиньский, А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 251.
- 3 *Torańska T.* Oni. Warszawa, 2004. S. 414.
- 4 *Karwat J., Tischler J.* 1956. Poznań. Budapeszt. Poznań, 2006. S. 162–163; *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 221.
- 5 *Karwat J., Tischler J.* 1956. Poznań. Budapeszt. S. 165–167.
- 6 Ibid. S. 173–176.
- 7 Ibid. S. 144.
- 8 Ibid. S. 160.
- 9 Ibid. S. 146–147.
- 10 *Karwat J., Tischler J.* 1956. Poznań. Budapeszt. S. 148–149.
- 11 *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели». С. 217.
- 12 *Karwat J., Tischler J.* 1956. Poznań. Budapeszt. S. 149–154.
- 13 Ibid. S. 154–155.
- 14 Ibid. S. 156–157.
- 15 Ibid. S. 158.
- 16 *Rokicki K.* Literaci. Relacje między literatami a władzami PRL w latach 1956–1970. Warszawa, 2011. S. 117–118.
- 17 *Karwat J., Tischler J.* 1956. Poznań. Budapeszt. S. 178–179.
- 18 Ibid. S. 179–181.
- 19 *Drabik S.* Wojewódzka organizacja partyjna PZPR w Krakowie w Pazdzierniku 1956 i w okresie wyborów w styczniu 1957 roku // Pamięć i sprawiedliwość. 2011. N 1. S. 256.
- 20 *Karwat J., Tischler J.* 1956. Poznań. Budapeszt. S. 181–182.
- 21 Tajne dokumenty Buira Politycznego. S. 41–42.

Милован Джилас: «Венгерская революция является началом конца коммунизма вообще» (или о значении событий осени 1956 г. в трансформации Милована Джиласа в альтернативную публичную фигуру югославской политической сцены)

Осень 1956 г. в судьбе Милована Джиласа ознаменовала его окончательное превращение во влиятельную альтернативную фигуру югославской политической сцены*. Деятельность Милована Джиласа в водовороте бурных событий в том году отражена в мировой историографии в нескольких статьях, авторы которых использовали архивные материалы для их подготовки¹. Вместе с тем события весны 1956 г. и осени того же года рассматривались исследователями как отдельные периоды. Сами эти статьи не утратили научного и общественно-просветительского значения. Тем не менее, представляется важным, вместе с введением в научный оборот ряда дополнительных документов, увязать оба эти периода в общую линию ускорявшейся политической эволюции Джиласа в 1956 г. Именно в этот период произошло его окончательное превращение в открыто оппозиционную публичную фигуру в Югославии — общественного деятеля и наиболее известного из диссидентов в странах коммунистической Восточной Европы второй половины XX в. В российской историографии деятельности Джиласа в этот период было уделено значительно меньше внимания, чем в мировой. Сведения о нем и о его активности в 1956 г. по-прежнему представлены лапидарно: «Видный деятель югославского коммунистического движения М. Джилас, еще в марте 1954 г. исключенный из СКЮ за критику административно-бюрократической сущности югославской модели социализма, 29 октября 1956 г. открыто выступил в защиту венгерского восстания, 19 ноября был арестован и вскоре приговорен к трем годам тюремного заключения»².

Положение Джиласа после открытого обсуждения и осуждения его взглядов югославской партийно-государственной верхушкой в начале 1954 г. изменилось. Некогда пламенный бескомпромиссный революционный пропагандист, а с начала 1950-х годов — либеральный бунтарь-реформатор был лишен всех занима-

* Автор признателен за помощь в получении дополнительных материалов для изучения темы, советы и консультации при подготовке статьи М. Гуличу, М. Нинковичу и в особенности К. Ковачевич, а также Л. Лутти.

емых им высоких партийных и государственных постов, а во второй половине апреля³ добровольно покинул ряды Союза коммунистов Югославии (СКЮ) — политической партии, монополизировавшей во второй половине 1940-х годов власть в стране. Перемены затронули и обстоятельства его повседневной жизни. Семье Джиласа было предписано освободить небольшой особняк (с достаточно просторным двором и бассейном, правда, постоянно полупустым, так как он наполнялся водой только в дождливые дни; столичный водопровод работал с перебоями: воды в Белграде не хватало и Джилас не считал возможным наполнять бассейн из водопровода). Служебный особняк находился в южной части Белграда, в районе Сеняк*, на пересечении улиц Андре Николича и Баничких жртава, недалеко от бывшего Дома короля Александра, а позже здания для югославских учащихся средних школ (ныне в нем располагается Архив Югославии). После освобождения Белграда в октябре 1944 г. здесь проживали слушатели политических курсов — будущая элита новой власти.

Весной 1954 г. при принятии властями решения о переезде Джиласов из особняка (куда почти сразу же въехал руководитель коммунистов Сербии П. Стамболич)** им была выделена благоустроенная квартира в центре столицы в построенном еще в межвоенный период королевской Югославии жилком каменном доме, принадлежавшем до 1945 г. семье Димитриевичей***. Дом находился недалеко от здания скупщины (парламента) Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ), в который Джилас был триумфально избран в декабре 1953 г., получив результат выше (в процентах), чем бесспорный до этого лидер страны Й. Броз Тито⁴. Опальный политик лишился также и средств передвижения — легкового автомобиля с персональным шофером и джипа, выделенного ему после переезда на Сеняк в конце 1940-х годов в ожидании вторжения стран советского блока. Больше всего от переезда в центр столицы пострадала женская часть его семьи, так как просторный двор на Сеняке позволял вести небольшое домашнее хозяйство — выращивать кур и цесарок, оказавшихся существенным подспорьем в пропитании и членов семьи, и многочисленных знакомых из Черногории, приезжавших в Белград на лечение и останавливавшихся у Джиласов.

* Довольно престижное местечко Белграда вблизи паркового района Дединье, где располагались правительственные резиденции, виллы высших партийно-государственных руководителей страны и особняки глав иностранных миссий. На Сеняк Джилас переехал уже после начала советско-югославского конфликта 1948 г. по настоянию членов Политбюро ЦК КПЮ, мотивировавших необходимость переезда важностью обеспечения безопасности руководства страны. Переехал из квартиры в центре Белграда в доме по улице, носившей его имя (ныне ул. Светозара Марковича). Автор благодарен сыну М. Джиласа Алексе (род. в марте 1953 г.) за пересказ семейных преданий о быте Джиласов в указанный период

** В 1990-е годы после перестройки это здание было резиденцией посла Австралии, а в настоящее время здесь находится Международная школа Белграда (International School of Belgrade).

*** Все квартиры этого дома, за исключением двух, оставленных прежним хозяевам, были национализированы новой властью вскоре после освобождения Белграда. В начале 1980-х годов М. Джилас выкупил у Димитриевичей эту квартиру по рыночной цене.

После всего произошедшего Джилас продолжал вести себя независимо. В апреле 1954 г. он написал в местную парторганизацию заявление о выходе из рядов СКЮ и после недолгого замешательства партийных властей (до этого не было прецедентов добровольной сдачи партбилета) был исключен из рядов СКЮ. После многолетнего повседневного напряжения Джилас теперь наслаждался уединением, возможностью быть предоставленным собственным мыслям и литературным заботам: разбирал свой довольно объемный архив, делал наброски новых статей и перерабатывал ранее написанные в спешке тексты. Иногда он встречался с посещавшими Белград британскими политиками-лейбористами⁵, с которыми познакомился в начале 1950-х годов. Имели место и редкие встречи с зарубежными учеными-политологами⁶. Довольно регулярно он общался с иностранными журналистами, круг которых был в то же время сведен к минимуму. В результате одной из таких встреч в начале декабря 1954 г. в «*The New York Times*» было сообщено о беспокойстве Джиласа по поводу нарастания в Югославии сталинистских тенденций, а в самом конце того же года в той же американской газете вышла статья, в которой, со ссылкой на высказывание Джиласа, сообщалось о необходимости создания в Югославии второй политической партии⁷. Это вызвало переполох в югославских верхах, где даже появилась версия о том, что Джилас вместе со своими сторонниками, разделявшими его взгляды в ходе внутрипартийных дискуссий конца 1953 — начала 1954 г., и при содействии Запада рассчитывает совершить переворот, воспользовавшись выездом Тито в длительное турне по странам Азии⁸.

В ходе судебного процесса, организованного в начале 1955 г., обоим фигурантам (и М. Джиласу, и В. Дедиеру), признанным виновными в призывах к созданию в Югославии двухпартийной системы, был вынесен условный тюремный срок⁹. В считанные дни после этого югославские власти лишили Джиласа «военной пенсии» — регулярных финансовых выплат, полагавшихся ему как участнику военных действий 1941—1945 гг.* Его надежды на спокойное занятие литературным трудом рухнули. Их сменило все чаще охватывавшее его беспокойство по поводу средств к существованию, так как основу финансового благополучия семьи Джиласа, в которой, помимо его супруги Штефицы, были малолетний сын Алекса и престарелая мать, составляли отныне лишь жалование сохранившей работу Штефицы и периодическая выручка от продажи семейной собственности.

В таком состоянии Джилас пребывал более года, закончив рукопись романа о Черногории начала XX ст. и планируя предложить ее одному из югославских издательств. Апрель 1956 г. стал предвестником очередных головокружительных изменений в судьбе Джиласа. Первые их признаки наметились в связи с появлением в Белграде в первых числах этого месяца знаменитого автора «*The New York Times*» Л. Сульцбергера. Знаменитый американец прибыл в югославскую столицу с желанием получить более точное представление по поводу дальнейшей внешнеполитической ориентации руководства ФНРЮ в связи с наступавшей эйфо-

* Ранее, по совету Джиласа, считавшего неловким, чтобы мать получала пенсию мужа, когда сын получает жалование члена Политбюро ЦК КПЮ, было решено, что мать откажется от пенсии мужа, погибшего в 1942 г. в Черногории.

рией в развитии советско-югославских отношений. Опытный американский журналист встретился с В. Дедиером, своим старым знакомым времен Второй мировой войны. В серии статей, опубликованных Сульцбергером по итогам пребывания в Белграде, главным предметом анализа стали внутреннее положение в Югославии и ее внешняя политика. Джиласу там было отведено всего лишь несколько абзацев, но и этого оказалось достаточно, чтобы на Западе о нем вновь заговорили. С самим Джиласом автор не встречался, написав о нем со слов Дедиера. Тот же охарактеризовал Джиласа в типичной манере разговорного общения представителей балканских народов, а Сульцбергер, в свою очередь, интерпретировал сказанное Дедиером в привычном для американского читателя газетном стиле. При описании положения Джиласа была акцентирована тема его падения с высот власти и возможность смерти. Характеристики получились более чем противоречивыми — подчас на грани фола¹⁰. Так, во второй статье, от 8 апреля, отправленной Сульцбергером уже из Парижа, автор вышел на обобщения, рассуждая о феномене «титоизма» и обращая при этом особое внимание на судьбы «инакомыслящих» в странах советского блока и Югославии. Сравнение было проведено в пользу последней: если внутри стран-сателлитов, находившихся в советской орбите, судьба раскольников была совсем мрачной, то в Югославии физическая свобода Джиласа и Дедиера ограничена все же не была, — констатировал маститый репортер¹¹.

В историографии достаточно подробно рассказано о том, как 12 апреля Джилас, желая дать свою собственную интерпретацию того положения, в котором он оказался, направил личное письмо лидерам британских лейбористов. Он весьма плотно взаимодействовал и подружился с ними в начале десятилетия. Его послание было адресовано Моргану Филипсу — виднейшему деятелю этой партии и секретарю Социалистического интернационала. Положение Джиласа действительно выглядело отчаянным. Напомнив, что в начале 1955 г. в результате сфабрикованного против него процесса он не оказался в тюрьме исключительно из-за поддержки руководящих кругов социалистических и социал-демократических партий Западной Европы, в том числе лично М. Филипса и Э. Бивена, а также лидеров рабочих профсоюзов, Джилас назвал решения югославских властей о фактическом запрете его публичной деятельности и лишении его военной пенсии «незаконными и предпринятыми с целью оказания на него давления». Он также подробно рассказал и о мерах, предпринятых властями Югославии в отношении близких ему лиц — родственников и друзей. Речь шла об увольнении с работы его брата, но прежде всего сестры и ее мужа — К. Церовича, министра в правительстве Черногории (они воспитывали четверых детей). Этих людей преследовали лишь за то, что они продолжали ходить к нему в гости и отказались публично от него отрываться. Среди репрессивных мер властей Джилас упомянул о полученном им уведомлении о решении лишить его рабочего кабинета на основании того, что он «не имеет права на него, поскольку не занят интеллектуальным трудом». Несомненно, что такое обоснование было высшим проявлением цинизма: Джилас просто не имел возможности публиковать свои тексты в Югославии.

В письме содержался и рассказ о допросах полицией тех, кто с ним контактировал, а также о требованиях к этим людям либо прекратить связи с Джиласом, либо информировать о его высказываниях. Было упомянуто и о тюремных

наказаниях за проявление к нему симпатий. В письме также ярко прозвучал рассказ о том, что «секретная полиция» разместила фотоаппаратуру в одной из квартир в здании напротив его дома, фиксируя всех входящих и выходящих из его подъезда. Джилас также жаловался на постоянную слежку за ним во время любых его передвижений по городу и на попытки «спровоцировать и его самого, и его жену на физическое столкновение». По словам Джиласа, в результате всех этих мер «круг моего общения, помимо самых ближайших родственников и редких визитов двух иностранных газетчиков, был сведен к агентам-провокаторам», периодически звонящим ему в двери, пытаясь войти в квартиру, в которой, как полагал Джилас, были вдобавок ко всем мерам наблюдения, перечисленным им выше, установлены и микрофоны подслушивающих устройств. Далее Джилас высказал предположение о намерении властей, после неудачных попыток «сломить его идеологически и политически», не только «заставить замолчать его самого», но и разрушить его семью и брак путем злостной компрометации его морального облика. Всё выше изложенное Джилас завершил широкими обобщениями, заявив о своей уверенности в том, что описанные им «действия властей и подготовительные меры <...> тесно связаны с текущими сдвигами в международной политике Югославии», подразумевая под этим начавшееся с июня 1955 г. сближение Белграда с Москвой. В последних строках письма Джилас просил своих британских друзей лишь о моральной поддержке, оговорив, что он не примет материальной помощи, как и до этого, когда уже отказался от таковой со стороны американских профсоюзов¹².

Дипломаты британского посольства в Белграде отказались передать письмо адресату. Они лишь взяли его на время для копирования, перевода и информирования о нем Форин оффис; впоследствии в британских верхах и в кругах европейских соцпартий циркулировали два варианта перевода письма на английский язык. Письмо все же было доставлено Филиппсу по журналистским каналам и без значительной задержки. Британский политик немедленно отреагировал: его послание в адрес Тито было составлено незамедлительно (датировано 21 апреля). В нем были почти дословно воспроизведены все тезисы Джиласа (в том числе и о сдвиге во внешнеполитических позициях ФНРЮ), за исключением высказанных Джиласом подозрений по поводу поведения Дедиера¹³.

Слова Джиласа о подготовке югославскими властями мер с целью «опорочить его моральный облик, разрушить брак и семью», подтвердились в ближайшие дни в отношении его супруги¹⁴. За развитием событий пристально следили западные дипломаты, которые обменивались информацией по поводу происходящего в Белграде вокруг семьи Джиласа. Так, к примеру, из донесений посольства США в Лондоне становится ясным, что в качестве источников сведений о происходившем выступали сотрудники посольств США и Великобритании в Белграде¹⁵.

Известно, что Тито оставил обращение Филиппса без ответа, демонстрируя этим высшую степень презрения к одному из лидеров британских лейбористов, в то время занимавшему и пост секретаря Социнтерна. Лишь через месяц в центральной югославской газете «Борба» была опубликована критическая статья В. Влаховича по поводу письма Филиппса с упоминанием Джиласа¹⁶. Дополнительное раздражение Белграда вызвало то, что о письме М. Филиппса к Тито

узнали лидеры партий-членов Социнтерна. В свою очередь, публичная критика югославскими властями М. Филиппа была отрицательно воспринята в верхах лейбористской партии Великобритании, где считали, что Тито не следовало выносить дискуссию на страницы газет¹⁷. Критика Влаховича получила широкие отклики в ведущих западных СМИ¹⁸. Имя Джиласа в результате прочно закрепилось на страницах западной прессы¹⁹.

Весной 1956 г. Джилас завершил написание исторического романа о Черногории в начале XX в. (впоследствии он стал известен как «Бессудная страна»). Отказ белградского издательства СКЗ (Сербская книжная задруга) принять его рукопись для публикации стал удобным поводом для письма Джиласа от 22 мая в редакцию американской «*The New York Times*» с жалобой на то, что 15 мая ему было отказано в публикации рукописи. Предлогом для отказа, по информации Джиласа, стало то, что текст «содержит элементы автобиографии и может вызвать споры». Напомнив, что такое решение противоречит обещаниям Тито (в начале 1954 г.) журналистам, что Джилас сможет беспрепятственно заниматься литературной деятельностью, опальный политик в письме в американскую газету тем самым косвенным образом назвал югославского лидера одним из главных виновников создавшегося положения. Выдержки из этого письма, среди прочего о том, что литературное творчество осталось «единственным средством его заработка на жизнь», вместе с фотографией Джиласа в пиджаке и белой рубашке с галстуком были опубликованы в «*The New York Times*» 31 мая. В данной статье, помимо изложения содержания письма Джиласа, было кратко сообщено и о переменах в его жизни, начиная с серии его статей, публиковавшихся в «*Борбе*» в последние месяцы 1953 г., по поводу необходимости демократических преобразований в Югославии. Было упомянуто и о недавней неудачной попытке М. Филиппа заступиться за опального политика, предпринятой в письме в адрес Тито после соответствующего обращения Джиласа²⁰. На следующий день, 1 июня, та же газета сообщила о письме в поддержку опального автора («бывшего вице-президента ФНРЮ»), направленном «маршалу Тито» Американским комитетом за свободу культуры. В нем содержалась просьба (от имени «американских писателей различных политических убеждений») к югославскому лидеру снять запрет на публикацию рукописи Джиласа. Продолжение запрета, считали авторы письма, «будет означать явную демонстрацию тоталитарного контроля над интеллектуальной жизнью Югославии». Они напоминали также, что в годы «недавних несогласий со Сталиным Тито сам ратовал за право на свободу самовыражения»²¹.

Ограниченный объем данной статьи не позволяет распутать весь клубок взаимосвязанных событий первой половины июня 1956 г., вынуждая остановиться лишь на узловых моментах. Несомненно, что два события (визит Тито в СССР с 1 по 22 июня и публикация в западных СМИ в начале того же месяца так называемого «секретного» антисталинского доклада Хрущева, зачитанного в последний день XX съезда КПСС) оказались самым благоприятным фоном для распространения в те же дни агентством ICN подготовленных с помощью корреспондента этого агентства К. Кларк, доброй знакомой Джиласа, его четырех критических статей о советских лидерах под общим заголовком «Опасный Кремль»²². Появление этих статей анонсировалось в популярных западных СМИ наряду с публикацией статей американского экс-президента Г. Трумэна. Таким

образом, Джилас — некогда вице-президент ФНРЮ (так называла его американская пресса) — превращался в глазах западного читателя в компетентного и бескомпромиссного критика коммунистического мира. Во всех четырех статьях Джилас был резок в отношении советских лидеров, стремясь развенчать появившиеся в западном общественном мнении надежды на то, что после XX съезда КПСС конечные цели советского руководства изменились.

Ни в одной из статей не было прямых упоминаний югославского коммунистического режима, а следовательно, не было и повода для репрессий и судебного разбирательства в отношении Джиласа. В отсутствие Тито, находившегося в СССР, югославские власти ограничились критикой Джиласа в прессе²³. Эта критика стала очередным поводом для появления статей о Джиласе в западных СМИ²⁴. Американский комитет за свободу культуры в очередной раз высказался в поддержку Джиласа, высмеяв в своем заявлении утверждения югославской официальной печати о том, что его роман о Черногории — некачественная литература. Напомнив, что не так давно коммунистический режим в Югославии считал, что Джилас обладает лучшим литературным стилем в стране, авторы заявления назвали реальной причиной отказа в публикации книги «тоталитарный контроль над всем, происходящим в Югославии», со стороны властей²⁵.

В этих условиях западные дипломаты внимательно следили за развитием событий, информируя о них руководство своих стран. В частности, сотрудники посольства США в Белграде, как свидетельствуют документы, не только изучали общую канву событий, но и были посвящены в тонкости взаимодействия Джиласа и представителя ICN К. Кларк, информировавшей американских дипломатов о своих шагах, в том числе об открытии Джиласом счета в зарубежном банке и переводе ему денежных средств в Белград при помощи Кларк²⁶. Следует отметить, что об этом Кларк проинформировала посольство по телефону, вероятно, рассчитывая на утечку информации и получение ее соответствующими югославскими ведомствами.

Несколько следующих недель, начиная с середины июня 1956 г., о Джиласе не было упоминаний в западных СМИ. В то же время его личность, взгляды и деятельность стали предметом серьезного оперативного анализа в закрытых информационно-справочных материалах западных посольств в Белграде. 22 июня в посольстве США был подготовлен краткий аналитический материал «Отношения Югославии с западными социалистами: дело Джиласа», в котором разбирались все события, начиная от письма М. Филипса к Тито до последних критических публикаций в югославской печати²⁷. Тема влияния Джиласа на общественные настроения в стране очень интересовала западных дипломатов, внимательно относившихся ко всем имевшимся суждениям. В начале августа в посольстве США была подготовлена пространная аналитическая записка, в которой получил освещение весь спектр оценок влияния Джиласа на политическую обстановку в ФНРЮ. В частности, отмечалось, что если в югославских кругах, близких к официальным, его влияние и значение его действий принижаются, то среди сведущих иностранных дипломатов Джилас, напротив, оценивается как влиятельная фигура, обладающая поддержкой общественного мнения и опирающаяся на достаточно широкую, хотя и неорганизованную группу лиц, ему симпатизирующих, в рядах СКЮ. Указывалось также и на наличие в армии

значительного числа молодых офицеров, которые «по-прежнему смотрят на него с восхищением». Автор документа считал, что Джилас может сыграть роль своего рода «сборного пункта», способного объединить вокруг себя большинство югославских граждан, если их недовольство превзойдет обычные масштабы, как это уже происходило в странах Восточной Европы, прежде всего в Польше²⁸.

Обстоятельства начала работы Джиласа над текстом рукописи, которая в августе 1957 г. вышла в США под названием «Новый класс», известны пока только на основании мемуаров самого Джиласа, опубликованных при его жизни (1990). По его словам, весной 1955 г. во время прогулки в Топчидерском парке Джиласа и Дедиера последний посоветовал ему систематизировать свои взгляды в книге. Джилас ответил, что «это может быть только критика коммунизма»²⁹. В тех же мемуарах, но несколькими страницами далее, Джилас рассказал о том, что в отказе СКЗ принять к печати его рукопись о Черногории он увидел подтверждение того, что «высшая государственная власть, победив меня политически и очернив, еще к тому же полна решимости добить меня и в духовном смысле, как писателя, в том случае, если я не покорюсь и не покаюсь». Это, вспоминал Джилас, пробудило в нем «язвительное, сводящее с ума негодование, нараставшие из глубины души». То, что от него ожидали, было для него невыполнимым: «подчиниться я не умел, а каяться — без разрушения всех составляющих моей личности — не мог». Соответственно и вся последующая работа над «Новым классом» стала ответом Джиласа на создавшуюся жизненную ситуацию. По его утверждению, отказ СКЗ подтолкнул его к мысли искать издателя за рубежом. Такой поиск, якобы, велся в самой общей форме, без раскрытия содержания предлагаемого к печати текста. По утверждению самого Джиласа, эти поиски велись параллельно с работой над рукописью. Предложение о публикации поступило из США только от одного издательства — «Praeger». После наведения справок о нем как в Американском читальном зале в Белграде, так и среди знакомых ему западных журналистов (все говорили, что это — небольшое издательство левого толка), Джилас принял решение прекратить поиски и опубликовать рукопись именно там³⁰.

Оставшуюся часть лета и первые несколько недель осени того года некогда ведущий идеолог и пропагандист леворадикального режима «новой Югославии» посвятил подготовке к изданию материала о коммунистической системе и ее функционировании в реальной жизни. Работа над рукописью, которая поначалу называлась «Свобода и собственность», велась в строгом секрете. О подробностях этого известно только из воспоминаний самого автора. По его словам, вся работа над рукописью свелась к переработке и ужесточению, т. е. к поиску более резких формулировок в подготовленных в предшествующие месяцы заметках. При этом проводилось и сокращение излишне пространственных текстов. После такой доработки рукопись, поначалу плохо структурированная, претерпела изменения и обрела логическую стройность. Часть текстов была переписана, а все они, в итоге, приобрели более жесткий политический памфлетный вид, явив собой «критику современного коммунизма с точки зрения марксизма, и вместе с тем подвергая сомнению и сам марксистский метод». Джилас вспоминал: «Временами меня охватывал странный, демонический восторг разрушителя собственного дела и собственной веры. Там были как предложения, так и целые страницы, написанные в упоительном полусознательном состоянии, вызванном

видением необозримых народных масс, идущих в бой под знаменами идей, почерпнутых из моей книги». Но марксизм при этом, по его словам, оставался привлекательным для него как средство выявления противоречий³¹.

Методы конспирации, применявшиеся при работе над книгой, были почти безупречными. Всю рукопись целиком, помимо ее автора, видела только его супруга Штефания, помогавшая с ее перепечаткой. Ближайшее окружение Джиласа знало о рукописи далеко не все. К примеру, адвокаты, с которыми он продолжал поддерживать близкие отношения после вынесенного ему приговора в январе 1955 г., были знакомы лишь с отдельными ее частями. Так, Й. Барович, помощник адвоката Джиласа В. Ковачевича, также принимавший участие в перепечатке отдельных глав, знал только о первом варианте рукописи под ее рабочим названием. Ковачевич получил от Джиласа для прочтения первую часть переработанной рукописи лишь после того, как она уже была отправлена в США. Ковачевич не знал о факте ее отправки, когда передал текст для прочтения одному из своих давних знакомых — престарелому Н. Дивцу, возглавлявшему в то время небольшую группу интеллектуалов социал-демократической ориентации. Этот опытный читатель общественно-политических текстов не увидел в рукописи Джиласа ничего для себя нового, но именно он, хотя и косвенным образом, сыграл в судьбе будущей всемирно известной книги важную роль. Когда Ковачевич во время прогулки передал Джиласу мнение Дивца о тексте, сопроводив его советом назвать рукопись «Новый класс», заголовок показался автору значительно более удачным, чем прежний, и совет был принят им с восторгом³².

После пересылки в США первой части рукописи работа над ее второй половиной была продолжена в ускоренном темпе. Вместе с тем внимание Джиласа привлекли и студенческие волнения в Будапеште, переросшие в мощную революционную волну. Какие-либо особые свидетельства, включая мемуары самого Джиласа, о том, как он наблюдал за происходившим в Венгрии, к настоящему времени исследователям неизвестны. За развитием событий он мог следить как при помощи югославских центральных газет («*Политика*» и «*Борба*»), так и по западной прессе. Она была доступна в Американском читальном зале, расположенном в центре югославской столицы. Условия получения там текущей политической информации были близки к идеальным. Несколько позднее (в начале июня 1958 г.) советские эксперты отмечали высокий уровень организации работы с населением информационной службы США: «Бюллетени, обзоры радиопередач, различного рода программы и другие издания информационных центров раздаются бесплатно югославским посетителям, как правило, в наиболее посещаемых помещениях читален (иногда это выставочный зал, иногда библиотека, читальный зал и т. д.)». Сами же информационные материалы печатались на гектографе, как правило, на сербско-хорватском языке. Их отличительной чертой, особенно ежедневных бюллетеней и обзоров радиопередач, была актуальность, оперативность и краткость, когда на 1–2 листах (3–4 страницах печатного текста на пишущей машинке) рассказывалось о событиях минувших суток. Считалось, что «чтение таких материалов уподобляется чтению ежедневных газет, что, естественно, не может не привлекать внимание югославских посетителей»³³.

Еще одним источником получения информации о происходившем в Будапеште могли стать и знакомые Джиласу представители западных СМИ. Вместе

с тем и югославская печать весьма свободно перепечатывала сообщения западных агентств, сопровождая их, в случае необходимости, собственными комментариями. В частности, 29 октября «Борба» (до 1953 г. орган ЦК СКЮ, а затем орган Социалистического союза трудового народа Югославии) на последней полосе в рубрике «последние новости» опубликовала сообщение агентства Франс Пресс (далее — АФП) о том, что югославский представитель в ООН Л. Матес на чрезвычайном заседании Совета Безопасности днем ранее отказался голосовать за совместное предложение трех представителей стран Запада «в срочном порядке поставить на обсуждение» СБ вопрос о событиях в Венгрии и участии в них советских вооруженных сил». АФП (а за ней и «Борба») в деталях изложили отрицательную реакцию на западное предложение советского представителя А.А. Соболева и аргументы Матеса, позволившие ему воздержаться от голосования³⁴.

При указанных обстоятельствах не было ничего удивительного в том, что именно АФП обратилось к Джиласу с просьбой прокомментировать произошедшее. Он сделал это довольно резко, заявив, что бездействие представителя ФНРЮ свидетельствует о «забвении югославским правительством принципа суверенитета и права любого народа на свое внутреннее развитие». Джилас высказал предположение о том, что позиция официального Белграда «продиктована, скорее, партийно-идеологическими, чем национальными интересами». Заявив, что, по его мнению, югославский народ не может остаться равнодушным к вмешательству во внутренние дела соседней с ним страны со стороны «того же самого империализма, который еще недавно открыто угрожал и продолжает угрожать независимости Югославии», Джилас указал, что этот подход представителя ФНРЮ в ООН «противоречит тем декларациям с осуждением вмешательства во внутренние вопросы, за мирное сотрудничество на принципах равноправия, которые Югославия ежедневно подписывает и публикует»³⁵.

В эти же дни редакция американского журнала «*The New Leader*» попросила Джиласа написать статью о текущих событиях в Восточной Европе. Исследователи ранее не обращали специального внимания на точность датировок работы над ней Джиласа. Дата договоренности о ее подготовке все еще неясна. Известна лишь точная дата завершения работы над статьей и отправки ее в редакцию — 2 ноября³⁶. В историографии закрепилось утверждение, почерпнутое из американского еженедельника «*The Newsweek*» в изложении Бюллетеня ТАНЮГ от 14 декабря 1956 г. и из разговоров высокопоставленных югославских дипломатов с американскими журналистами, о том, что после второй советской интервенции в Венгрии (4 ноября) редактор «*The New Leader*» А. Шуб направил Джиласу телеграмму с просьбой прокомментировать процессы в Польше и Венгрии. Шуб при этом дал понять, что, если Джилас считает для себя опасной вероятную негативную реакцию на его комментарий югославских властей, то может свободно отказаться³⁷. Это утверждение, однако, нуждается в уточнении. Если не ставить под сомнение дату отправки статьи в Нью-Йорк (она установлена следственными органами после ареста Джиласа и зафиксирована в приговоре суда), то просьба к Джиласу редакции американского журнала поступила ранее, а упомянутая телеграмма была направлена ему уже после 4 ноября с целью уточнить, готов ли автор опубликовать свой текст после изменения обстановки в Венгрии (т. е. второй советской интервенции).

Наиболее логичным было бы считать, что обращение редакции к Джиласу состоялось сразу же после появления его заявления АФП, т. е. 29–30 октября. В этом случае Джилас имел в запасе не более 3–4 дней для написания текста. Не следует исключать и того, что просьба могла быть донесена до него 1 ноября, когда революционные процессы в Венгрии достигли апогея (было официально заявлено о выходе страны из Организации Варшавского договора и окончании периода однопартийной монополии). В таком случае, написание материала у автора было не более суток, что, впрочем, не должно было вызвать у него сомнений или затруднений. В прежние годы ему не раз приходилось готовить материалы в сжатые сроки. К тому же в ходе работы над «Новым классом» многие вопросы коммунистической системы были тщательно проработаны Джиласом как сторонним наблюдателем с огромным опытом и знанием внутренних пружин той системы, одним из творцов которой в Югославии он являлся. Современный контекст событий был ему хорошо известен, как и основные вехи происходившего: выступление И. Надя 30 октября по радио о ликвидации в Венгрии однопартийной монополии и возвращении к коалиционной системе управления; публикация советским руководством Декларации о взаимоотношениях социалистических стран (30 октября прочтено по радио, 31 октября опубликовано в СМИ)³⁸ и выступление И. Надя по радио вечером 1 ноября о провозглашении венгерским национальным правительством нейтралитета.

Дополнительным фоном изложения событий были доступные Джиласу комментарии западной печати о признании советским руководством допущенных ошибок в Восточной Европе, а также по поводу вывода в конце октября из Будапешта советских танков, данные, в частности, в редакционной статье «Победа в Венгрии» газеты «*The New York Times*»³⁹. Разумеется, о решении советского руководства о повторной интервенции в Венгрии, принятом 31 октября, как и о договоренности между Москвой и Белградом о встрече Н. Хрущева и Г. Маленкова с югославскими лидерами (она состоялась в резиденции Тито на Брионских островах недалеко от Пулы в ночь со 2 на 3 ноября) Джиласу не было известно. По всей вероятности, на пересылку текста в редакцию и его перевод на английский язык потребовалось несколько дней. Советская акция по подавлению «контрреволюции» в Венгрии, начатая рано утром 4 ноября, призыв главы правительства Венгрии к ее гражданам продолжить борьбу за независимость, а также последовавший за этим переход И. Надя, его ближайших соратников и членов их семей в югославское посольство в Будапеште оказались уже за рамками повествования Джиласа.

Исследователям к настоящему времени неизвестны документы, которые позволили бы пролить свет на обстоятельства почти синхронного появления в США сообщений о выходе статьи Джиласа «Буря в Восточной Европе» и информации (сначала по Радио Монте Карло 15 ноября) о выступлении Тито на партактиве в Пуле (11 ноября) с критикой советской политики в Венгрии⁴⁰. Трудно поверить, что в ситуации, описанной Джиласом в его послании М. Филиппу от 12 апреля (см. выше), а тем более после серии его статей, опубликованных в зарубежных СМИ в начале июня, и заявления для АФП, контроль за ним со стороны югославских властей ослабел. Можно предполагать, что им было известно (хотя бы в общих чертах) содержание написанной Джиласом статьи для

«*The New Leader*», в том числе и использование им тезиса о расколе в советском руководстве. Не следует исключать и того, что одной из причин задержки с публикацией выступления Тито в Пуле⁴¹ было желание оставить статью Джиласа в тени той волны комментариев западных СМИ, которыми сопровождалось выступление Тито на партактиве. Вообще стоит отметить, что статья Джиласа, значительно меньшая по объему, чем текст речи Тито в Пуле, не уступала ей ни в емкости содержания, ни в отточенности формулировок. До некоторой степени она даже выигрывала за счет небольшого объема и четкости сделанных Джиласом концентрированных оценок. Тем не менее, статья после ее выхода, несмотря на анонс в «*The New York Times*»⁴², действительно оказалась в тени комментариев по поводу выступления югославского лидера в Пуле⁴³.

В тексте статьи были метко подмечены и изложены основные тенденции в развитии коммунистических режимов в странах Восточной Европы⁴⁴. Джилас выделил три варианта развития событий: югославский, польский (во многом, по его мнению, сходный с первым) и венгерский, отличный от первых двух. Анализируя ход событий в рамках трех выявленных вариантов, Джилас увязывал его с ситуацией в Советском Союзе, от контроля которого, по его мнению, все эти страны стремились и стремятся освободиться. Югославию он назвал первым примером успешной борьбы с СССР за независимость. Ее результатом стал переход Белграда на позиции национал-коммунизма. Вместе с тем автор обратил внимание на ограниченный характер победы югославского руководства в его противостоянии с Москвой.

События в Польше летом 1956 г. Джилас выделил как особый этап в процессе движения коммунистической империи к развалу в условиях доминирования Москвы над подчиненными ей режимами в регионе. По его мнению, с победой национал-коммунизма в Польше «была открыта новая глава» в истории как «порабощенных стран Восточной Европы, так и коммунизма в целом». Происходившее в Венгрии он назвал революцией, с которой «началась новая глава мировой истории». Отличие венгерских событий от польских, как считал автор, состояло в том, что последние «способствовали стремлению коммунистических партий, особенно восточно-европейских, к равенству с Москвой», тогда как венгерская революция «одним могучим ударом поставила в повестку дня проблемы свободы и коммунизма, замены коммунистической системы новым социальным устройством». Джилас полагал, что «венгерское восстание» — это «явление, которое может быть равным по своему значению Великой французской революции или революции русской»⁴⁵.

По мнению Джиласа, события в Польше и Венгрии выдвинули на первый план ряд новых проблем, среди которых он выделил возможность дальнейшего развития национал-коммунизма и вопрос о замене коммунизма новым строем. В основе этих проблем, по его мнению, лежало «право народа, до сих пор находившегося под коммунистической властью, избрать свой собственный некоммунистический путь развития». Автор указал и на третью проблему, взаимосвязанную с первыми двумя — вопрос о будущей политике (не только внешней, но и внутренней) советского руководства.

Джилас полагал, ссылаясь на югославский вариант, что сам национал-коммунизм является лишь начальной стадией трансформации коммунистических

режимов в странах Восточной Европы в свободную демократию. При этом он обращал внимание на то, что «национал-коммунизм способен только, порвав с Москвой, построить по существу такой же коммунистический строй, только методами и темпами, в большей мере соответствующими нуждам своего народа». Он предостерегал от «большой ошибки» считать, что югославский случай может быть повторен во всех странах Восточной Европы. Ограниченность югославского опыта и примера, по мнению Джиласа, заключалась в том, что «югославский национал-коммунизм» явился лишь формой сопротивления Москве руководства КПЮ. Процесс противостояния Москве, хотя в него и вовлекались массы, развивался «под руководством и контролем сверху», а стремление к демократии было сравнительно невелико. Народ, считал Джилас, поддерживал это сопротивление, извлекая из него определенные выгоды, но когда после достижения независимости от Москвы следовало продолжить движение теперь уже к политической свободе, революционное прошлое Югославии, являвшееся значительным преимуществом в ее борьбе за независимость от Москвы, превратилось в помеху⁴⁶.

События в Венгрии, по мнению Джиласа, занимали особое место в развернувшихся в мире процессах. Если в Югославии и Польше, продвигавшихся по пути национал-коммунизма, развивался внутренний конфликт между правящей бюрократией и народом, в Венгрии «не только исчезла так называемая сталинская группа, но была отвергнута коммунистическая система как таковая». Автор обратил внимание на то, как на начальном этапе развития событий в Венгрии «Москва пыталась прикрыть свою интервенцию тем, что передала власть национал-коммунизму в лице Имре Надя». По мнению Джиласа, то обстоятельство, что Надь сумел создать уже и национал-коммунистическое правительство «только с помощью советских штыков, <...> угрожало смертью венгерскому коммунизму». В условиях выбора «между советской оккупацией и независимостью» Надь, как считал Джилас, во имя будущего своей страны принял «мужественное решение пожертвовать партией и коммунистической властью», которые, впрочем, и так уже были разрушены. Джилас отметил, что Надь, таким образом, «разгадав двусмысленную игру Москвы, потребовал вывода советских войск, провозгласил нейтралитет Венгрии и обратился за помощью к ООН». И именно после этих шагов, считал Джилас, правительство Надя, на первых порах имевшее незначительный авторитет в обществе, превратилось в символ национального сопротивления. В таких условиях Москва «уже не могла оставить у власти это правительство, также оказавшись перед выбором: уйти из Венгрии или оккупировать ее военной силой». Вывод Джиласа был беспощаден: «советский империализм окончательно сбросил свою “социалистическую” маску»⁴⁷.

Вступая в область предположений и пожеланий, автор отметил: «Если бы венгерская революция не только установила политическую демократию, но и сохранила контроль общества над тяжелой промышленностью и банками, она смогла бы оказать огромное влияние на остальные страны коммунистического мира, в том числе и на СССР». В этом случае, по мысли автора, «удалось бы на деле доказать, что для защиты рабочих от эксплуатации тоталитарный строй не только не нужен, но, наоборот, является орудием эксплуатации рабочих бюрократией как новым господствующим классом»⁴⁸.

Особо следует остановиться на утверждении Джиласа о том, что «Москва подавила венгерскую революцию по соображениям не только внешнеполитического, но и внутривнутриполитического порядка». Тем самым автор уравнивал советско-югославский конфликт конца 1940-х годов и события осени 1956 г. в Венгрии, отметив, что, как «югославский бунт разоблачил отношение московского империализма к коммунистическим странам, так и венгерская революция разоблачила внутренний строй Советского Союза как тоталитарное господство нового класса эксплуататоров — партийной бюрократии». Джилас считал такое развитие событий неминуемым. По его представлениям, в любом случае (и без интервенции), хотя и значительно позднее, Москва бы уже не смогла «продолжать прикрывать свои внутренние конфликты агрессивной внешней политикой и декларациями о своей якобы мировой “освободительной” миссии». Советская система, полагал Джилас, вскоре была бы отброшена к своим национальным границам, в пределах которых «ее граждане должны были бы задуматься о своем положении». При таком сценарии развития событий Джилас полагал неизбежной последующую фрагментацию советской системы на группы, в рамках каждой из которых уже было бы недостаточно сил «для проведения чистки в своем собственном закрытом кругу». Он предсказывал, что в таком случае «власти будут вынуждены обратиться за поддержкой к обществу», что приведет к «зарождению новых процессов и в самом Советском Союзе».

Не упоминая, но, несомненно, учитывая принятие 30 октября советским руководством нового программного документа, Декларации о взаимоотношениях между странами советского блока, Джилас считал невозможным предсказать, какой «курс выберет Москва в самый последний момент». Он был уверен в том, что советское руководство будет до самой последней возможности вести двойную игру, т. е. признавать на словах национал-коммунизм и одновременно «вести подкоп под него, не отказываясь от своего господства и империализма», при этом лживо изображая свое вмешательство и давление на другие страны как «помощь» или обеспечение безопасности коммунизма в подчиненных странах. Вместе с этим Джилас считал, что указанные соображения играют в советских действиях незначительную роль, так как политика Москвы по отношению к коммунистическим странам определяется прежде всего «ее решимостью не допустить развала империи и сохранить в ней свою руководящую роль». Возвращаясь к своим тезисам, изложенным еще в июне 1956 г., Джилас указал, что звучавшие из Москвы «красивые слова» — лишь маска, прикрывающая «ее истинные националистические и экспансионистские намерения». Вместе с тем любые такого рода ухищрения советских лидеров Джилас считал тщетными, поскольку данная политика «неизбежно ведет не только к внешним, но и к внутренним конфликтам»⁴⁹.

В статье был также выдвинут тезис, который автор назвал «неоспоримым». Он считал, что в советском руководстве произошел раскол, причем даже «сталинисты», как его наиболее реакционно-империалистическая часть, охвачены нерешительностью. Уточняя соотношение сил в советских руководящих кругах, Джилас отметил, что «в настоящее время влияние этой группы является преобладающим, особенно по отношению к восточно-европейским странам». Характеризуя другую группу в советском руководстве, он указал, что нельзя утверждать, будто бы она искренне стоит за независимость восточноевропейских

стран. Различие между этими двумя группами, по его мнению, состоит прежде всего в применяемых ими методах. Одни используют преимущественно военно-полицейские меры, тогда как другие всё же «предпочитают прибегать к мерам экономического, политического и идеологического давления», не отказываясь, в крайнем случае, и от использования танков. Джилас в ёмких формулировках дал примеры действий указанных групп — «попытки применить новые методы привели к польским событиям, а возврат к старым мерам вызвал революцию в Венгрии». Джилас считал, что описанный им раскол в руководстве советской компартии явился следствием неэффективности обоих путей. Результатом стали «непрерывные колебания, двойственность, нерешительность и отсутствие последовательности в проводимой Кремлем политике». Автор не исключал возможности того, что внутри «коллективного руководства» могут возникнуть острые разногласия и произойти перемены, которые будут иметь большое значение как для Советского Союза, так и для всего мира. Вслед за этим Джилас, проявляя последовательность, вернулся к третьему основному тезису своей статьи. Он подчеркнул, что сложившаяся ситуация «впервые за всю историю советской власти открывает перед некоммунистическим миром возможность оказывать реальное и положительное влияние на дальнейшее течение процессов в СССР»⁵⁰.

По мере подготовки статьи на фоне развития событий в Венгрии к началу ноября оценки Джиласа ужесточались. Имея в виду первую советскую интервенцию, он считал, что «подавление восстания в Венгрии лишь замедлило, но не остановило назревшие перемены в Советском Союзе». За этим утверждением последовал и сделанный им вывод о кризисе коммунистической системы и практики в целом: «Нынешние события являют собой кризис не только в отношениях между СССР и его соседями, но и во всей коммунистической системе». Автор подчеркнул, что сам национал-коммунизм — продукт этого кризиса, всего лишь одна из фаз в процессе эволюции и отмирания современного коммунизма. Движущей силой этого процесса Джилас называл «борьбу народов Восточной Европы за их независимость», борьбу, которую «невозможно остановить, а можно только с большим трудом задержать».

Вслед за этим автор статьи вновь вернулся к взаимосвязи между событиями в Восточной Европе и в Советском Союзе. «Если московский империализм потерпит поражение и его престижу в военной сфере будет нанесен урон, то и в самом СССР с неизбежностью произойдут серьезные перемены» — предрекал Джилас. Ведь несмотря на происходящую в разных формах вынужденную мимикрию коммунизма, он «по своей сути остается тем же самым, сохраняя общность исторического происхождения и его последующей судьбы». Именно здесь Джилас выдвинул тезис, который стал прообразом «теории домино» для Восточной Европы и верность которого была подтверждена последующими событиями 1989–1991 гг. Он указал, что процессы в одной коммунистической стране неизбежно имеют влияние на все остальные коммунистические страны, оказываясь связанными, как любые процессы внутри единого живого организма. По его мнению, это подтверждалось ходом событий начиная с конца 1940-х годов, когда сначала югославский коммунизм, отделившись от Москвы, породил национал-коммунизм, вызвав тем самым кризис советского империализма. Что же касается венгерской революции, то она «является началом конца коммунизма вообще». По представ-

лениям Джиласа, «венгерские борцы за свободу, отстаивая свою страну и свое собственное существование, <...> совершают великое историческое дело»⁵¹.

Считая венгерский народ единым в этой борьбе, Джилас отметил очевидное исчезновение «правлящего класса коммунистической бюрократии», словно он «никогда не существовал». Вынесенные им оценки действий повстанцев были особенно яркими: «героический энтузиазм народа был так велик, что юноши и девушки голыми руками останавливали танки интервентов», которые, «подобно казакам Николая I в 1849 году, пришли в Венгрию подавить их свободу и поработить их страну». Не удержался автор и от пророческих предсказаний, утверждая, что случившиеся события вряд ли повторятся, но вместе с тем «революция проложила новый путь, по которому раньше или позже пойдут и другие коммунистические страны. Рана, которую венгерская революция нанесла коммунизму, уже никогда не закроется». Текст не был лишен и других пропагандистских штампов, заканчиваясь утверждением о том, что коммунизм «вступает в период бурных и непреодолимых трудностей, а народы Европы — в полосу новых боев за свободу, независимость»⁵².

Разумеется, непросто отыскать в этой статье такую четкую формулировку о стремительном падении коммунистических режимов, которая непосредственно подводила бы к оценке событий, произошедших в регионе осенью 1989 г. Тем не менее, сам процесс, происходивший по «принципу домино» в растянутом по времени виде начиная с 1948 г., и ключевым фактором которого стали события в Венгрии осенью 1956 г., был выявлен в статье Джиласа достаточно определенно. И это позволяет сегодня в исторической ретроспективе говорить о завершении данного процесса в сжато-ускоренном виде осенью 1989 г.

Из последующих материалов, связанных с выходом статьи Джиласа и ее обсуждением (прежде всего публицистических и судебных, а также сообщений западных СМИ), известно высказывание редактора «*The New Leader*» о том, что материал был получен редакцией по обычной почте, а согласие на его публикацию было подтверждено автором в телефонном разговоре с редактором журнала, позвонившим из Нью-Йорка прямо в квартиру Джиласа⁵³. На основании этого можно утверждать, что Джилас подтвердил согласие на публикацию своего текста уже после второй советской интервенции в Венгрии, по всей вероятности, полагая, что это событие не дает оснований пересматривать выявленные им магистральные направления развития процессов в регионе. Тем не менее, лишь запись телефонного разговора, если она действительно велась органами госбезопасности ФНРЮ и сохранилась, может внести ясность, был ли обсужден редактором и автором вопрос о некоторой дополнительной правке текста.

Публикация статьи Джиласа в журнале была предварена комментарием о ней в «*The New York Times*» от 15 ноября под броским заголовком «Бывший помощник нападает на Тито в связи с Венгрией». Ее подзаголовок был не менее красноречив: «Джилас предсказывает конец красной системы после восстания в Будапеште»⁵⁴. Совершенно неудивительно, что после таких комментариев в СМИ автор «Бури в Восточной Европе» оставался на свободе всего несколько дней.

19 ноября после тщательно проведенного в его квартире обыска (Джилас назвал его «детальным», так как проводившие его сотрудники обнаружили и зафиксировали даже давно пропавшие ножницы и несколько закатившихся под

мебель патронов⁵⁵) он был задержан. Его супруга сумела оповестить об этом аккредитованных в Белграде представителей западных СМИ. Наиболее полным и ярким изложением событий того дня стал репортаж Д. Павлович-Борн в вышедшем на следующий день номере лондонской «*The Times*». В материале высказывалось предположение о статьях Джиласа в западной прессе (газетах и журналах), написанных им до истечения условного срока тюремного заключения, вынесенного ему в приговоре суда в январе 1955 г. Действия югославских властей в отношении Джиласа были поставлены в более широкий политический контекст и сопровождаются критикой Тито. Как комментировала влиятельная британская газета, лишение свободы Джиласа — это «следствие недавних событий в Восточной Европе, особенно в Венгрии». Меры, принятые лидером Югославии, указывалось далее в материале, «ставят его на одну доску с лидерами тех стран, которых совсем недавно (еще и недели не прошло) маршал Тито сам назвал “сталинистскими”, поскольку они арестовывают тех, кого считают опасными или ненадежными»⁵⁶.

Несколькими часами позже материал об аресте Джиласа был опубликован в США. «*The New York Times*» поместила его на первой полосе со ссылкой именно на лондонскую «*The Times*» как на источник информации. Газета рассказала о том, как четыре офицера полиции в штатском проводили обыск в течение четырех часов, изъяв пишущую машинку, фотоаппарат и пистолет — подарок, сделанный Джиласу маршалом И.С. Коневым весной 1944 г. Как было сообщено, были изъяты и копии написанной Джиласом статьи о событиях в Польше и Венгрии⁵⁷.

Совпадение событий одного дня: выход утром в газете «Правда» весьма критической статьи по поводу выступления Тито в Пуле⁵⁸ и арест Джиласа несколькими часами позже вызвали к жизни обсуждение (в лондонской «*The Times*») темы отношений в треугольнике Тито — Хрущев — Джилас. Значительно позже эта же тема была развита В. Дедиером, со ссылкой также на более поздний рассказ своего родственника В. Мичуновича, в 1956—1958 гг. посла ФНРЮ в Москве. Речь шла об аресте Джиласа с оглядкой на Москву. По словам Дедиера, «русские в конце 1956 г., вопреки жестокому столкновению между Хрущевым и Тито, выразили через своих дипломатических представителей большое удовлетворение сообщением об аресте Джиласа»⁵⁹. Однако этот приведенный Дедиером факт не подтверждает прямой связи между публичной критикой Москвой Тито и арестом в Белграде автора «Бури...».

Из доступных источников, в том числе опубликованных, известно, что в те дни Тито действительно прилагал усилия для того, чтобы убедить советское руководство в том, что он не стремится к обострению отношений и желает сохранить рабочие контакты с Москвой. Показательны в этом смысле две беседы югославского лидера с послом СССР в ФНРЮ Н.П. Фирюбиным в конце ноября и в начале декабря, в ходе которых им демонстрировалась готовность к новой личной встрече с Хрущевым⁶⁰. Высшее советское руководство накануне ареста Джиласа, очевидно, знало о публикации в Нью-Йорке его статьи⁶¹, однако в разговорах тех дней между Хрущевым и послом Мичуновичем он даже не был упомянут. Известно, что Хрущев дважды 18 ноября говорил Мичуновичу о неизбежности нового конфликта в двусторонних отношениях. Советский лидер,

в частности, упомянул об этом в разговоре на приеме в присутствии Н.А. Булганина и В.М. Молотова («должны сражаться») и затем в разговоре один на один позже к вечеру («когда ссора начнется, ее тяжело будет остановить») ⁶². Как следует предполагать, если эти фразы действительно нашли отражение в посланных Мичуновичем в Белград сразу после бесед с Хрущевым телеграммах, то Тито должен был обратить на них особое внимание. Другие свидетельства, на основании которых могло быть принято решение об аресте Джиласа в связи с позицией СССР, отсутствуют. Поэтому, при отсутствии точных данных, можно ограничиться лишь предположениями о том, что Джилас был арестован именно из-за намерения Белграда продемонстрировать Москве готовность югославских властей покарать его за антисоветские выпады. Здесь надо заметить, что и в беседах Тито с советским послом, имевших место после 20 ноября, Джилас ни разу не упоминался ⁶³.

22 ноября стало известно и о написанном В. Дедиером в адрес Тито открытом письме, осуждающем арест Джиласа ⁶⁴. Недавний соратник Джиласа затронул в нем тему опасности реванша сталинизма в странах советского блока, упомянув при этом и о «резне», устроенной в Венгрии советскими войсками под руководством сталинистов. По его словам, сталинисты растоптали решения XX съезда КПСС и взятый им курс, вновь выдвинули обвинения против Югославии в стиле 1948 г. В тексте Дедиера прозвучали и аллюзии в отношении того, что после интервенции в Венгрии советские войска могут также поступить и применительно к Югославии, а затем в любой точке мира. Решение арестовать Джиласа Дедиер назвал «несправедливым и наносящим большой ущерб» интересам Югославии. Он напомнил о нарушении одного из основных этических принципов, которые ранее неизменно соблюдали югославские лидеры. В этот раз они «перед тем, как принять меры против Джиласа, не оповестили наш народ о сути его позиций». Официальное объяснение властями причин ареста Джиласа было названо Дедиером «недостаточным». Автор также обратил внимание на то, что нападки Москвы на Белград ведутся ровно таким же образом — без ознакомления советской общественности с югославской позицией (в частности, текстом выступления Тито в Пуле) советскими СМИ ⁶⁵.

Окружной общественный прокурор 27 ноября 1956 г. обвинил Джиласа в двух преступлениях. Первым из них было названо заявление для французского новостного агентства АФП (немедленно его опубликовавшее), сделанное им 29 октября 1956 г. в Белграде в связи с обоснованием позиции представителя ФНРЮ в Совбезе ООН и его отказом проголосовать за вынесение на обсуждение Совета Безопасности событий в Венгрии. В обвинении была процитирована фраза: «Такая позиция югославского правительства означает отступление от принципа суверенитета и права каждого народа на самостоятельное внутреннее развитие. Такая позиция, кроме того, представляется продиктованной больше партийными и сугубо идеологическими, нежели национальными причинами». Вторым преступлением, как указал прокурор, стало написание статьи «Буря в Восточной Европе», опубликованной в первой половине ноября текущего года в выходящем в Нью-Йорке журнале «*The New Leader*». В обвинении были процитированы четыре абзаца из статьи, относящиеся прежде всего к Югославии.

Прокурор указал, что Джилас этими фразами «избрал путь клеветы и извращения общеизвестных фактов, чем нанес вред авторитету Югославии и существенным интересам ее народов, а также дезинформировал мировую общественность и дал пищу проведению клеветнической кампании против Югославии с намерением вызвать вмешательство заграницы во внутренние дела страны и ее внешнюю политику». Этим, по мнению обвинения, Джилас совершил уголовное деяние, наказуемое в соответствии со статьей 118 ч. 1 Уголовного кодекса⁶⁶. Таким образом, прокуратура использовала для обвинения только ту часть статьи, в которой Джилас рассуждал о Югославии, и лишь одним абзацем соединила все его утверждения с событиями в Венгрии, увязав написанное Джиласом в отношении Югославии в статье «Буря...» с его заявлением АФП.

Рассуждения прокурора в части «Обоснование» обвинительного заключения от 27 ноября показывали, что обвинение хорошо осознавало смысл утверждений Джиласа. Далее было отмечено, что Джилас в своей статье «пытается перед иностранной общественностью обвинить Югославию по поводу воздержания от голосования ФНРЮ в СБ ООН» и при этом «не останавливается только на том, чтобы выразить свое несогласие с такой позицией, но идет и дальше»: «он обвиняет свою страну, ее внешнюю политику, которая, по его словам, проводится вопреки национальным интересам югославских народов». При этом в документе было указано, что Джилас стремился оказать влияние и на мировое общественное мнение, когда «высказал ряд клеветнических утверждений против нашей страны, утверждая в том числе, что всю власть в ней захватил бюрократический класс, который якобы стал препятствием дальнейшему развитию демократии. Он не остановился и перед тем, чтобы распространением такой клеветы бросить грязь на все наши усилия по строительству социализма и демократии в Югославии».

В документе также особо оговаривалось, что «дело не только в обычных клеветнических утверждениях и извращении фактов, а в чем-то значительно более тяжелом. Дело заключалось, — указывалось в документе, — в продуманной клевете на нашу страну, в нанесении вреда авторитету ФНРЮ за рубежом, дезинформации зарубежных друзей нашей страны, огромном принижении значения югославской внешней политики и международного авторитета и силы Югославии. В конечном итоге речь идет о том, чтобы <...> дать в руки врагов социалистической Югославии материал для усиления внешнего давления на Югославию». По мнению прокурора, все подобного рода «намерения обвиняемого со всей очевидностью вытекают из всего текста и смысла его заявлений и текста статьи». Уже то, что Джилас «обратился к иностранной печати с обвинениями против своей страны», делало его виновным. В документе указывалось, что все это происходит не в первый раз — сходные попытки предпринимались обвиняемым и ранее, в частности, в его заявлениях во время визита югославской правительственной делегации в Индию и Бирму в конце 1954 г., а также «во время акции по нормализации отношений СССР и Югославии». Прокурор обратил внимание на то, что обвиняемый продолжает свою деятельность и «сейчас, когда положение в мире исключительно напряжено вследствие событий в Венгрии и Египте»⁶⁷.

В той же обосновывающей части обвинения прокурор решительно осуждал поведение Джиласа в ходе расследования, назвав предпринятые им защитные меры «стремлением оказать “моральное” давление на югославские власти, по-

влиять на зарубежное общественное мнение, а через него — на югославские власти». Все это, считал прокурор, Джилас делал с сознательным намерением «нанести вред существенным интересам наших народов»⁶⁸.

3 декабря в камеру Джиласу была доставлена повестка о необходимости явиться на заседание суда, назначенное на 12 декабря 1956 г. Стенограмма этого судебного заседания по-прежнему не введена в научный оборот. Тем не менее, с учетом того, что журналисты британской «*The Times*» имели возможность общаться и с адвокатами Джиласа, и с его супругой, можно допустить, что репортаж этой газеты, опубликованный 13 декабря, дает достаточно полное представление о событиях того дня, когда Джиласу был вынесен приговор⁶⁹.

В тексте вынесенного судом решения были дословно использованы обвинения прокурора, взятые из его выступления 27 ноября⁷⁰. Приговор был суров: по итогам расследования деяний, совершенных осенью 1956 г., обвиняемый Джилас был осужден на три года тюрьмы строгого режима, с учетом прежнего условного срока. Предпринятая в тот же день его защитой (В. Ковачевич, В. Грол и Н. Донович) попытка опротестовать приговор оказалась безуспешной⁷¹.

Как указывали западные СМИ и вспоминал позже сам Джилас, всё это время он держался спокойно и уверенно. Еще большей уверенности и спокойствия ему добавило первое свидание с супругой, когда Штефица условным знаком дала ему понять, что и вторая часть рукописи «Новый класс» успешно переправлена на Запад и получена издателем⁷².

Милован Джилас весьма мужественно перенес первые месяцы тюремного срока, включая тяготы холодной зимы. Но после более чем полугодового пребывания в одиночной камере его положение существенно осложнилось. В самом конце июля — начале августа 1957 г. западные СМИ анонсировали выход в свет американского издания книги «Новый класс». И ее анонс, и последующий выход из печати вновь совпали с очередной встречей советского и югославского лидеров. На этот раз в Румынии (в местечке Снагов недалеко от Бухареста) в начале августа 1957 г.⁷³

В ходе нового расследования Джилас признал свое авторство полностью, а югославский коммунистический режим вновь, как и год назад, проявил жесткость, в очередной раз показав, что при всех имеющихся тонкостях и деталях является правоверным коммунистическим. Пространное обвинение было вынесено 20 сентября 1957 г.⁷⁴ 24 сентября были отклонены попытки адвокатов опротестовать приговор. Как и годом ранее, повестка (выписанная 24 сентября) о необходимости явки в суд 4 октября 1957 г. была доставлена Джиласу в камеру⁷⁵. По новому приговору автору книги был добавлен тюремный срок до 7 лет.

Несомненно, тюремный срок Джиласу за написание яркого антикоммунистического памфлета был в тех условиях неизбежен. Вместе с тем суровость приговора была также связана и с его благожелательным отношением к венгерскому народному восстанию осени 1956 г., для характеристики которого он использовал именно термин «восстание», а в отношении правящих элит стран Восточной Европы, участвовавших в его подавлении или всячески способствовавших этому, — термин «класс коммунистической бюрократии».

Можно без излишних преувеличений сделать вывод о том, что реакция М. Джиласа на события в Венгрии осени 1956 г., приведшая к его аресту и осуждению

не только за поддержку венгерской революции, но и за критику непоследовательной, по его мнению, политики югославских властей, сыграла существенную роль в окончательном превращении Милована Джиласа из молчаливого оппозиционера-отставника, пишущего литературные романы и воспоминания в надежде на их публикацию в Югославии, во влиятельную в международном плане фигуру, постоянно привлекающую внимание мирового общественного мнения своими последовательными призывами к более демократическому переустройству тоталитарных социалистических моделей, сложившихся к началу 1950-х годов как в странах советского лагеря, так и в титовской Югославии под воздействием как внутренних, так и внешних факторов.

Примечания

- 1 *Djokic D.* Britain and Dissent in Tito's Yugoslavia: The Djilas Affair, ca. 1956 // *European History Quarterly*. 2006. Vol. 36 (3). P. 371–395; *Ковачевић К.* Милован Ђилас и Мађарска криза 1956. године / *Историјски записи /Историјски институт Црне Горе/*. 2012. Број 1–2. С. 103–125.
- 2 ССВК. С. 744.
- 3 *Mr. Djilas Leaves the Party. Former Leaders Eclipse* // *The Times*. 1954. 22 IV. P.6.
- 4 *Yugoslavs Elect 2 Not on Tito List. President Runs Second to Djilas With 97.7 Per Cent* // *New York Times*. 1953. 24 XI. P.10.
- 5 К примеру, в конце августа 1954 г. состоялась встреча Джиласа с влиятельным молодым членом партии британских лейбористов Эрнестом Дэйвисом (1926 г. рожд.). Во время встречи Джилас спросил собеседника о возможности публикации своих текстов британским изданием «*The Daily Herald*». Дэйвис ответил положительно, предупредив вместе с тем, что его ответ — предварительный. После этого Джилас подготовил к публикации три статьи, но просьбы от издания об их присылке так и не дождался (*Dilas M.* *Vlast i pobuna*. Beograd, 1990. S. 296).
- 6 *AJ. KPR. II–4-a/115: DSIP FNRJ. Odelenje za štampu i informacije 13 novembra 1954 U Beogradu. Zabeleška o sastanku profesora Fred Warner Neal-a sa Djilasom.*
- 7 *Ex-leader Scores Regime* // *The New York Times*. 1954. 7 XII. P 13; *Purged Yugoslav Asks Two Parties, More Democracy* // *Ibid.* 1954. 25 XII. P. 1.
- 8 Обзор комментариев югославской печати см.: *AJ. F.83. (Zbirka Save Kosanovića, 1950–1956.)*. Fasc.11. *Pregled glavnih listov i informativnih agencija od 20. Decembra do 1 Januara 1955 godine*. [Kabinet Save N.Kosanovića]. Известно, что во время так называемого второго ужина, состоявшегося 31 декабря 1954 г. в Доме приемов МИД на Спиридоновке, в котором принимали участие с югославской стороны — глава югославской торгово-экономической делегации М. Тодорович и посол ФНРЮ в СССР Д. Видич, а с советской Н.С. Хрушев, Г.М. Маленков и В.М. Молотов, югославская сторона придерживалась «духа» полученного из Белграда сообщения о Джиласе и Дедиере, с чем советские собеседники «выразили согласие». См.: *Советско-югославские отношения 1945–1956. Документы и материалы*. Новосибирск, 2010. С. 603. Британский посол в Белграде Ф. Робертс сообщал в Лондон о непримиримой позиции такого влиятельного деятеля, как М. Пьяде, который во время их долгого разговора, хотя и согласился с заверениями дипломата в том, что представляемое им правительство не несет ответственности за столь внимательное отношение британских СМИ к освещению

всего, связанного с высказываниями Джиласа и Дедиера, но продолжал всё же верить в существование тайного заговора против официального Белграда, считая, что «влиятельные круги на Западе стремятся дискредитировать Югославию». По сравнению с Пьяде, Кардель, с которым Робертс также встретился в эти дни, был более сдержан и не выносил Западу резких оценок. См.: National Archives (Kew). PREM 11/1083: From Belgrade (Sir F, Roberts) to Foreign Office No.13 January 5, 1955. Confidential.

- 9 Подробнее о судебном процессе, включая протоколы заседаний и текст в защиту своей позиции, переданный Джиласом суду см.: *Nikolić K., Cvetković S. Rađanje jeretika*. Beograd, 2011. S. 80–312.
- 10 В статью, со слов Дедиера, о Джиласе было включено несколько фраз: старается одеваться аккуратно, несмотря на стесненные финансовые обстоятельства; во время прогулки по городу ходит без галстука, но с чемоданчиком. Автор привел и слова Дедиера: «Я говорю ему: “Не будь нищим, когда тебе приходилось быть лордом. Каждый должен умереть как аристократ, когда он готов умереть”». См.: *Sulzberger C.L. Yugoslavia: I — Heretics in the Land of Heresy // The New York Times*. 1956. 3 IV. P. 28.
- 11 *Sulzberger C.L. What is Titoism? (II) — Some Outward Aspects. Heretics in the Land of Heresy // The New York Times*. 1956. 3 IV. P. 26.
- 12 *European History Quarterly*. 2006. Vol. 36 (3). P. 385–387. Отдельным образом Джилас привлек внимание адресатов к поведению В. Дедиера, указав, что тот вступил «в диалог с югославскими властями, содержание которого неизвестно». См.: *Ibid*. P. 387.
- 13 *Ibid*. P. 387–388.
- 14 Супруга Джиласа была спровоцирована на ответные меры физического воздействия в общественном месте предположительно сотрудницей югославских спецслужб, назвавшей себя любовницей Джиласа и потребовавшей от нее предоставить ее мужу развод. Инцидент закончился судебным разбирательством с вынесением административного штрафа С. Джилас за нарушение общественного порядка. См.: *Djokic D. Britain and Dissent in Tito's Yugoslavia*. P. 378.
- 15 NARA. RG59. Box 3630. 768.00/4–2556. Incoming telegram. From London (Aldrich) to Secretary of State No 4865, April 25, 4 p.m.
- 16 *Yugoslav Attack On Labour Party. Mr. Phillips's Letter to President // The Times*. 1956. 21 V. P. 5
- 17 AJ. KPR. II–4-a/115: III Odeljenje DSIP-a. Broj 49025. Beograd, 13 juna 1956. Načelnik Dr. Frane Kos. Labour-ataše SAD u Londonu o reakciji laburista na Vlahovićev odgovor Morgan Philipsu.
- 18 Оценки западной печати незамедлительно переключались в историографию. См.: *Farell Barry R. Yugoslavia and the Soviet Union 1948–1956. An Analysis with Documents*. The Shoe String Press, 1956. P. 41.
- 19 *Shwartz H. Yugoslav Shift Indicated // The New York Times*. 1956. 28 V. P. 4.
- 20 *Ousted official says Tito regime prevents publication of his book // The New York Times*. 1956. 31 V. P. 2.
- 21 *Group sends complain to Tito // The New York Times*. 1956. 1 VI. P. 2; *Gruson S. Yugoslavs chide West on Djilas // Ibid*. 1956. 14 VI. P. 6.
- 22 *Djilas M. Top Communist Exposes the New Kremlin Danger // San Francisco Examiner*. 1956. 10 VI. P. 1, 6; *Djilas M. Former Tito Aide Warns on Russ; Khrushchev Grabs More Power in Turmoil; Djilas M. Russ Still Aim for Socialist World. Stalin Delayed*

- Change In Tactics, Yugoslav Says // Ibid. 1956. 12 VI. P. 4; *Djilas M.* Kremlin Danger: How Red Nations Agreed on Cominform // Ibid. 1956. 13 VI. P. 12.
- 23 *Adamović M.* Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito i pokušaji atentata. Beograd, 2004. S. 184. 13–14 июня в прессе вышли статьи с критикой Джиласа под характерными заголовками: «Повторение старой кампании» («*Борба*») и «Режиссёры и их пешка» («*Политика*»).
- 24 *Gruson S.* Yugoslavs Chide West on Djilas // The New York Times. 1956. 14 VI. P. 6
- 25 Yugoslav Charge on Djilas is denied // The New York Times. 1956. 15 VI. P. 6.
- 26 NARA. RG59. Box 3630. 768.00/6–1956. Coming Telegram. From Belgrade (Riddleberger) to Secretary of State. No 1536 June 19, 1 p.m.
- 27 Ibid. 768.00/6–2256. From AmEmbassy to The Department of State. Oliver M. Marcy, Yugoslav Relations with Western Socialist: Djilas Affair.
- 28 Ibid. 768.00/8–756. From Oliver M. Marcy to Stephen E. Palmer. [7 VIII 1956] Djilas as an «Opposition» Rallying Point.
- 29 *Dilas M.* Vlast i pobuna. Beograd, 1990. S. 298.
- 30 Ibid. S. 304.
- 31 *Dilas M.* Nesavršeno društvo i dalje od «Nove klase». London, 1970. S. 17; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 366–367.
- 32 *Dilas M.* Vlast i pobuna. Memoari. Zagreb, 2009. S. 398–399.
- 33 ГАРФ. Ф. 9576-Р. Оп. 4 Д. 41. Л. 47. Из справки «О некоторых формах и методах пропаганды западных стран в Югославии», составленной старшим инструктором Дома советской культуры в Белграде Ю. Чепыжевым.
- 34 Захтев западных сил у погледу Мађарске укључен у дневни ред Савета Безбедности // Борба. 1956. 29 X. С. 4. В подзаголовке материала было указано, что югославский представитель воздержался от голосования.
- 35 АФП выпустило это заявление 29 октября. Комментарий Джиласа АФП был включен в утренний выпуск Вестника официального югославского агентства ТАНЮГ. Этот бюллетень обычно направлялся для ознакомления довольно ограниченному кругу югославских руководителей. См: Bilten TANJUG, vesti inostranih agencija, 30. oktobar 1956. u 7.00 (автор благодарит К. Ковачевич за предоставление копии данного заявления). Комментарий Джиласа предваряли вводные слова, которые, скорее всего, были написаны редактором АФП. Данное заявление Джиласа АФП было использовано французской прессой. Так, газета «*Le Monde*» 31 октября комбинировала его с сообщением Рейтер и другими источниками, в том числе из Белграда. См.: М. Djilas critique vivement l'abstention de la Yougoslavie au Conseil de sécurité // Le Monde. 1956. 31 X.
- 36 Дата указана в приговоре Джиласу, вынесенном Окружным судом Белграда 12 декабря 1956 г. См.: *Цемовић М.* Тајна суђења Миловану Ђиласу. Нови Сад, 1997. С. 167.
- 37 *Ковачевић К.* Милован Ђилас и Мађарска криза 1956. године. С. 114.
- 38 Неофициальный перевод на английский этого важного документа был сделан агентством Рейтер незамедлительно после его выхода 30 октября. См.: Text of the Soviet Statement on Easing Ties of the Satellites // The New York Times. 1956. 31 X. P. 18.
- 39 Victory in Hungary // The New York Times. 1956. 1 XI. P. 38.
- 40 К примеру, и о выступлении Тито, и о статье Джиласа в изложении автора «*The New York Times*» Р. Шварца советское руководство узнало одновременно из спецбюллетеня ТАСС. См.: ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 38. Д. 715. Л. 254: Сов. секретно.

- Служебный вестник иностранной информации ТАСС. «ОЗП». №1039. 15 ноября 1956 г Радио Монте-Карло о выступлении Тито /Монте-Карло, французский яз, 15 ноября, 20 часов/; Там же. Л. 266–268: Нью-Йорк 15 ноября /ТАСС/. «*The New Your Times*» о статье Джиласа.
- 41 Сам Тито в беседе с советским послом Н.П. Фирюбиным говорил, что он выступал «без какого-либо конспекта, так как хорошо знал существо излагаемого вопроса» (См.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. / Ред. М. Милошевич и др. М., 2014. Т. 1. 1946–1964 гг. С. 284), что подтверждается и отсутствием каких-либо заготовок речи среди материалов, хранящихся в Архиве Югославии (Белград). Действительно, по этой причине его окружению потребовалось довольно длительное время для расшифровки и редактирования текста, а также утверждения его самим Тито перед публикацией в «*Борбе*».
 - 42 *Shwartz H.* Ex-aide assails Tito on Hungary; Djilas Foresees End of Red System as a Result of the Rebellion in Budapest // *The New York Times*. 1956. 15 XI. P. 18.
 - 43 Об этом достаточно убедительно свидетельствуют выпуски спецбуллетеня ТАСС (№№1041–1047) от 16 ноября, в которых превалировала информация о выступлении Тито в Пуле. См.: ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 38. Д. 715. Л. 269–350.
 - 44 *Djilas M.* Storm in Eastern Europe // *The New Leader*. Vol. 39. November 1956. P. 3–6. Текст на сербо-хорватском был напечатан сначала в Канаде 19 ноября в издании «*Hrvatski glasnik*» (Виннипег) и перепечатан затем в лондонском журнале югославской эмиграции «*Порука*» (См.: *Bure u Istočnoj Evropi* // *Poruka*. London, februar 1957. S. 3–6). На русском языке статья была впервые опубликована в Нью-Йорке в конце 1956 г. См.: Буря на Востоке // Социалистический вестник. 1956. № 12 (700). С. 231–234.
 - 45 *Djilas M.* Storm in Eastern Europe. P. 3.
 - 46 Ibid. P. 4.
 - 47 Ibid. P. 4–5.
 - 48 Ibid. P. 5.
 - 49 Ibid. P.5–6.
 - 50 Ibid. P.6.
 - 51 Ibidem.
 - 52 Ibidem.
 - 53 Подробнее см.: *Ковачевић К.* Милован Ђилас и Мађарска криза 1956. године. С. 115–116.
 - 54 *Shwartz H.* Ex-aide assails Tito on Hungary. P. 18.
 - 55 *Dilas M.* Vlast i pobuna. S. 308.
 - 56 *Dedijer V.* Veliki buntovnik Milovan Đilas. Beograd, 1990. S. 444–445.
 - 57 Yugoslav Rebel Milovan Djilas // *The New York Times*. 1956. 20.XI. P.6; *Jorden William J.*, Pravda Assails Yugoslav // *The New York Times*. 1956. 20.XI. P.1.
 - 58 Правда. 1956. 19.XI. С.3
 - 59 *Dedijer V.* Veliki buntovnik Milovan Đilas. S. 445.
 - 60 ССВК. С. 709; 737.
 - 61 ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 38. Д. 715. Л. 266–268. 15 ноября 1956 г. Служебный вестник иностранной информации ТАСС. «ОЗП». № 1039. «Нью-Йорк Таймс» о статье Джиласа.
 - 62 Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии. Т. 1. С. 279, 281. Данную депешу Тито получил несколько дней спустя. К сожалению,

- составители сборника не опубликовали телеграмм, которые Мичунович, как правило, немедленно отсылал в Белград сразу после разговоров с Хрущевым.
- 63 При этом следует иметь в виду, что Тито отказался от использования «карты Джиласа» в советско-югославских отношениях еще летом 1954 г. См.: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 270. При всей последовательности Тито в следовании принятым решениям, данный аргумент все же не может быть полной гарантией отказа югославских властей от последующего использования фактов ареста и осуждения Джиласа для демонстрации Москве своего дистанцирования от его взглядов.
- 64 АЈ. КРР. II–4-a/115: *Otvoreno pismo Vladimira Dedijera drugu Josipu Brozu-Tito preko domaće I strane štampe (mole da se objavi 22 novembra 1956, posle 18, 30)*. На следующий день письмо было опубликовано в печати США. См.: *Abel E.* Tito admonished on Djilas arrest // *The New York Times*. 1956. 23 XI. P. 5.
- 65 *Dedijer V.* Veliki buntovnik Milovan Dilas. Prilozi za biografiju. Beograd, 1991. S. 447–448.
- 66 *Dilas M.* Tamnica i ideja. Beograd, 1989. S. 146–148. В данной книге опубликованы ксерокопии оригинального документа — обвинения прокурора. См также: *Цемовић М.* Тајна суђења Миловану Ђиласу. Нови Сад, 1997. С.163
- 67 *Dilas M.* Tamnica i ideja. S.149–151; *Цемовић М.* Тајна суђења Миловану Ђиласу. Нови Сад, 1997. С.164–165.
- 68 *Dilas M.* Tamnica i ideja. S. 151–152; *Цемовић М.* Тајна суђења Миловану Ђиласу. С.165–166.
- 69 *Dedijer V.* Veliki buntovnik Milovan Dilas. S. 446–447.
- 70 В него была внесена только правка относительно того, что статья «Буря...» была опубликована 19 ноября, а не в первой половине месяца. См.: *Цемовић М.* Тајна суђења Миловану Ђиласу. Нови Сад, 1997. С. 167.
- 71 *Dilas M.* Tamnica i ideja. S. 154–160.
- 72 *Dilas M.* Vlast i pobuna. S. 306
- 73 Несколько подробнее об этом см.: *Едемский А.Б.* О фиксации договоренностей советско-югославской встречи в Румынии 1–2 августа 1957 г. // *Международные отношения в XX веке. Сборник научных статей.* Киров, 2016. Вып. 5. С. 228–249.
- 74 *Dilas M.* Tamnica i ideja. S.162–172.
- 75 *Ibid.* S. 153.

1956 год в Румынии

В центре внимания статьи — оценка венгерской революции 1956 г. румынскими официальными властями, позиция и деятельность бухарестского партийного руководства и органов госбезопасности. Делается попытка найти ответ на вопрос: какой стратегией руководствовался румынский коммунистический режим, развязывая в начале 1957 г. волну репрессий, достигшую кульминации в течение двух последовавших лет. Одним из следствий проводимого курса стал поворот в политике по отношению к национальным меньшинствам, произошедший к 1959 г.

На восприятии в Румынии польских и венгерских событий 1956 г. сказывалась политическая культура, возобладавшая в румынском коммунистическом движении. В руководимой Г. Георгиу-Дежем Румынской рабочей партии (РРП) не было предпосылок для формирования внутривнутрипартийного плюрализма мнений. Здесь не существовало и не могло бы возникнуть «реформаторского», умеренного течения, сравнимого с группой Имре Надя и его сторонников в Венгрии; более того, Георгиу-Деж опасался перенесения в Румынию венгерской реформаторской практики. После XX съезда КПСС стало очевидным, что отсутствие здесь реформ и вообще каких-либо изменений представляет собой структурный элемент конструкции, названной румынским политологом В. Тисмэняну «антисоветским сталинизмом». Одна-единственная попытка политических реформ завершилась позорным провалом: на состоявшихся 3–12 апреля 1956 г. четырех заседаниях Политбюро ЦК РРП только два политика (М. Константианеску и И. Кишиневский), причем имевшие репутацию сталинистов, подвергли критике перегибы и превышения власти со стороны спецслужб, а также вялую реакцию руководства партии и страны на идеи XX съезда. Их выступление только усилило у партийной верхушки стремление к самозащите. В левых венгерских политических кругах Трансильвании, которые были гораздо лучше информированы о процессах, происходивших в Венгрии, реформы неизменно увязывались с осуществлением прав национальных меньшинств. Это позже способствовало наклеиванию ярлыков венгерских националистов на всех, кто проявлял солидарность с революцией в соседней стране.

Реакция румынского партийного руководства на события в Венгрии начиная с 23 октября была дисциплинированной и монолитной, а государственные органы с полной готовностью и слаженно исполняли указания центра

относительно блокировки новостей о венгерских событиях, перекрытия границы, установки вооруженных патрулей. С конца октября по инициативе сверху «контрреволюционный путч» в соседней стране стал предметом обсуждения на собраниях в трудовых коллективах.

Хотя из дипломатических донесений, поступавших из Будапешта, можно было сделать однозначный вывод о серьезности ситуации в Венгрии, Георгиу-Деж, находившийся в это время с визитом в Югославии, не пожелал прервать поездку и досрочно вернуться домой. Ответственность за принятие мер по укреплению безопасности была возложена на Политбюро, согласовывавшее с Дежем каждый свой шаг. Оно быстро и эффективно реагировало на ход событий. На чрезвычайном заседании, созванном 24 октября, было решено блокировать для широкой публики доступ информации из Венгрии о всеобщем восстании. Была взята под строгий контроль граница. При этом руководство страны старалось избегать каких-либо шагов, которые могли бы вызвать резко негативный отклик венгерского и немецкого меньшинств. Органам внутренних дел было, в частности, дано указание при проведении арестов проявлять «необходимый баланс», не возбуждая напрасну венгерское население. В области со смешанным населением, которые с политической точки зрения считались наиболее уязвимыми, были направлены полномочные представители Политбюро: Янош Фазекаш в административный центр Венгерской автономной области Тыргу-Муреш (Марошвашархей), Мирон Константину в Клуж (Коложвар), ряд высокопоставленных функционеров были командированы в Орадию (Надьварад), Бая-Маре (Надьбанию) и Тимишоару (Темешвар).

26 октября Политбюро собралось на очередное оперативное заседание, где был разработан план действий из 22 пунктов, включавший призыв к проведению собраний во всех трудовых коллективах для «обсуждения в правильном ключе событий в Венгрии», принятие срочных мер по улучшению снабжения населения продуктами питания, укрепление оборонительной линии на западных границах. На заседании была уточнена позиция руководства партии в связи с необходимостью нейтрализации возможных оппозиционных акций. На первом этапе революции, до возвращения Георгиу-Дежа из Югославии, Политбюро пользовалось тремя информационными каналами: донесениями румынского посольства из Будапешта, отчетами румынских деятелей, находившихся в Венгрии в первые дни революции (например, генерального секретаря Союза румынских писателей Михая Бенюка), и, наконец, донесениями спецслужб, с лета 1956 г. внедривших свою агентуру в Венгрии в рамках операции, курируемой будущим партийным лидером Н. Чаушеску.

Получаемая информация способствовала жесткой оценке венгерских событий и формированию их образа как «контрреволюции», сопровождаемой якобы и определенными «реваншистскими», «ирредентистскими» поползновениями, стремлением к пересмотру в пользу Венгрии границ в регионе. Множество признаков указывает на то, что в последние дни октября официальный Бухарест действительно опасался распространения вооруженного антикоммунистического восстания на Румынию, прежде всего на венгероязычные области Трансильвании, где, надо сказать, уже с первых дней венгерских событий установилась напряженная обстановка вдоль линии этнического размежевания. Румынское

население в значительной части проявляло реальную обеспокоенность тем, что в результате происходящего может быть нарушено территориальное единство Румынии.

Попытки организации студенческих демонстраций во многих крупных городах были остановлены силами полиции, в ряде случаев само их возникновение пресекли в зародыше при помощи провокаций (например, в Клуже румынских студентов сознательно настраивали против венгров и клеймили революцию в Будапеште как националистический и реваншистский путч). Однако в Тимишоаре, где не было какой-либо напряженности в межэтнических отношениях, возникли условия для сотрудничества между румынскими, венгерскими, немецкими и сербскими студентами, которое не ограничилось специфическими вопросами, интересующими студенческое сообщество (строительство общежитий, повышение стипендий, прекращение преподавания русского языка в обязательном порядке), но и привело к обсуждению политических требований: обнародованная в Тимишоаре, состоявшая из многих пунктов программная декларация во многом совпадала с требованиями студентов Сегеда, а потом и Будапешта.

Акции 30 октября в Тимишоаре могли бы перерасти в народное восстание, но этому воспрепятствовали репрессивные меры органов госбезопасности, и две тысячи участвовавших в манифестации студентов были временно интернированы в пустовавшую советскую казарму. В дни венгерской революции и под ее воздействием, в первую очередь в Трансильвании (но не только там), происходили инциденты, дававшие органам госбезопасности поводы для фабрикации дел с обвинениями тех или иных лиц в попытках осуществления заговоров с целью свержения государственного строя. Масштабы таких оппозиционных проявлений при этом преувеличивались (дела «Союза венгерской молодежи в Трансильвании» и «Общества молодых секеев» в секейском крае*, «Союза молодежи, жаждущей свободы» в Ораде, организации «Черная рука» и т. д.). Основания для таких обвинений давали реальные случаи нападений или угроз в адрес официальных лиц, главным образом, партийных активистов или руководителей местных советов, сознательного нанесения материального ущерба сельскохозяйственным кооперативам и государственным предприятиям. Имело место также распространение листовок. Хотя участники этих акций действовали по своей инициативе и изолированно друг от друга, следствие представляло партийному руководству их действия не как спонтанные оппозиционные проявления, а как результат организованных и централизованных усилий «контрреволюции». Жесткие репрессии этого периода были не столько порождением конкретной ситуации осени 1956 г., сколько продолжением ранее обозначившихся тенденций в политической практике румынского коммунистического режима. Причем новейшие исследования репрессий в обеих странах (Венгрии и Румынии) дают основания говорить об определенной согласованности в проведении карательной политики. Показательно, в частности, что в обеих странах толчок к усилению репрессий был дан состоявшимся

* Секеи (рум.: *секуи*; нем.: *секлеры*) — обладающая своей ярко выраженной культурной спецификой венгероязычная этническая группа в Восточной Трансильвании.

в Будапеште между 1 и 4 января 1957 г. совещанием представителей ряда компартий. Можно говорить и о некоторой общности в выявлении тех социальных групп, по которым наносился главный удар.

Именно после 1956 г. между органами госбезопасности и внутренних дел Венгрии и Румынии активизировалось сотрудничество, они, в частности, систематически обменивались информацией о румынских гражданах, замешанных так или иначе в венгерских «контрреволюционных» событиях. Это приводило к вынесению серьезных судебных приговоров. В период 1957–1963 гг. румынские органы госбезопасности постоянно предоставляли своим венгерским коллегам сведения о выехавших в разное время в Румынию венгерских гражданах (в том числе отставных офицерах хортистской армии и выходцах из бывших привилегированных классов), которые негативно высказывались о положении венгерского меньшинства в Трансильвании. Совместные расследования венгерскими и румынскими спецслужбами деятельности враждебных коммунистическим режимам «националистических» групп как в Венгрии, так и в Трансильвании усилили в руководстве Румынии мнение (отчасти разделяемое и в более широких кругах румынского общества) о том, что политические страсти, проявившиеся в среде трансильванских венгров осенью 1956 г., обозначили угрозу, которую необходимо устранять более решительной политикой именно в национальном вопросе. Преследование некоторых лиц не было связано с их деятельностью в октябрьские-ноябрьские дни 1956 г., венгерская революция и проявленная к ней в Румынии солидарность были использованы в качестве повода для усиления борьбы за власть и внесения корректив во внутреннюю политику.

Интенсивность репрессий достигла кульминации в 1958 г. и первой половине 1959 г., когда в Румынии было арестовано более 15 тыс. человек. По некоторым данным, между октябрем 1956 и декабрем 1963 г. всего по политическим мотивам было взято под стражу 24 тыс. 472 человека (им инкриминировались не только «предательство родины» и «попытка свержения народно-демократического строя», но и «нарушение общественного порядка», несанкционированное пересечение границы или причинение ущерба народному хозяйству).

Можно констатировать, что репрессии в Румынии после 1956 г. по размаху были сопоставимы с репрессиями в Венгрии. Однако в процессе «установления порядка» в обеих странах властями преследовались неодинаковые цели. В начале 1960-х годов в Румынии не было и намека на постепенную либерализацию консолидировавшегося коммунистического режима, тогда как в Венгрии началась реальная либерализация, ставшая ответом властей на внутренние и внешние вызовы. 1956–1959 гг. обозначили собой коренной поворот в истории румынского коммунистического режима как во внутривнутриполитическом, так и во внешнеполитическом плане. Классическую конструкцию сталинского типа после 1956 г. постепенно сменила другая, довольно жесткая, но при этом окрашенная в национальные тона, диктатура, унаследовавший ее в 1965 г. Николае Чаушеску не только продолжал ее развивать, но и законсервировал вплоть до своего падения в 1989 г.

Перевод с венгерского М.В. Корзинкина

Г.П. Мурашко

Как руководству КПЧ удалось погасить радикализацию общественных настроений в ЧСР после XX съезда КПСС

К середине 50-х годов XX в. знаковым событием, характеризующим настроения правящей политической элиты в Чехословакии, стало открытие в Праге на Летненском холме самого большого в мире памятника И.В. Сталину. Гигантская фигура советского вождя в шинели, окруженная представителями разных европейских народов, призвана была символизировать, по мнению лидеров ЧСР (А. Новотного, А. Запотоцкого и В. Широкого), единство народов Восточной Европы, строивших социализм по советскому образцу.

В Чехословакии к этому времени сложилась атмосфера, в которой публичное проявление каких-либо общественных настроений, отличающихся от генеральной линии правящей партии, стало уже практически невозможным. Только воздействие извне могло взломать ту застывшую атмосферу «единства мнений», которая была достигнута, с одной стороны, внедрением в массовое сознание лозунга «Советский Союз — наш пример», а с другой — жесткими репрессиями и судебными процессами конца 40-х — начала 50-х годов. Этот комплекс мер, реализуемых с 1949 г., фактически превратил все иные, кроме внедряемых властью, общественные настроения в факторы, не способные оказывать какое-либо влияние на реальную политическую жизнь в стране.

Таким образом, сложилась ситуация, когда только сильное внешнеполитическое воздействие могло дать реальный импульс для корректировки сложившейся к 1953—1954 гг. общественно-политической атмосферы в Чехословакии.

Именно такими «внешними факторами» воздействия, побудившими чехословацкое общество к переменам, на мой взгляд, и стали два события: визит Н.С. Хрущева в Белград в 1955 г. и XX съезд КПСС с докладом о культе личности И.В. Сталина, ошеломившим, пожалуй, весь коммунистический мир. Визит Хрущева в Белград в мае-июне 1955 г., переговоры с Тито и подписанная там Декларация о новых принципах взаимоотношений между двумя странами уже указывали на то, что советская сторона ведет поиск новых путей усиления своего влияния в регионе. Но именно XX съезд КПСС и доклад Н.С. Хрущева «О культе личности И.В. Сталина» дают исследователям основания действительно рассматривать эти события как начало сложного процесса постепенного превращения общественных настроений в фактор, способный активно воздействовать и определять политическую атмосферу в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Что касается Чехословакии, то состоявшийся в марте-апреле 1956 г. пленум ЦК ее компартии (КПЧ), на котором проблема «культ личности» обсуждалась применительно к ситуации в ЧСР, показал, что высшие руководители партии — А. Новотный, А. Запотоцкий и В. Широкий — весьма осторожно подходили к вопросу о разоблачении «культ личности» и явно ставили перед собой задачу реализовать предложенную Москвой новую стратегическую линию с наименьшими для себя издержками. Анализ доклада Новотного на пленуме убедительно свидетельствует, что главное внимание в нем было уделено вопросу о том, как сохранить в своих руках властные функции и избежать политической ответственности за массовые внутрипартийные репрессии 1949–1952 гг. Поэтому отнюдь не случайно А. Новотный главный акцент в докладе делал на том, что «носителями “культ личности” были иногда члены Политбюро, члены ЦК, и главы правительства, а распространяли же его все активисты партии. Так “культ личности” проник во всю нашу жизнь, и трудно представить себе все его вредные последствия. К “культу личности” следует относиться как к болезни, которую мы должны изгнать из тела партии. <...>. Одновременно с борьбой против “культ личности” мы должны начать борьбу за укрепление коллективности в руководстве партии, начиная от высших и кончая низшими звеньями»¹.

Это был хорошо продуманный маневр, позволявший названной правящей группировке не только сохранить рычаги власти, но и — самое главное — приобрести в глазах общества имидж антисталинистов. Публично осудив сталинизм и «культ личности», присоединившись к новой линии КПСС в международном коммунистическом движении, чехословацкий триумvirат обеспечил себе поддержку Москвы.

Что касается внутренней политики, то здесь новая линия принималась им весьма осторожно и дозированно. В частности, отнюдь не предполагалось, как показывают материалы пленума, посягать под антикультовскими лозунгами на авторитет вождя партии — К. Готвальда. Главный акцент здесь делался на укреплении коллегиальности в руководстве страной*.

Однако последовавшая вскоре внутрипартийная дискуссия по ключевым вопросам развития общества выявила достаточно широкий спектр общественных настроений, явно диссонировавших с провозглашенным на пленуме ЦК КПЧ официальным курсом. Изучение документов, хранящихся в фондах российских архивов, позволяет исследователям совершенно четко выделить к 1956 г. четыре центра оппозиционных настроений в Чехословакии.

Первый центр — это творческая интеллигенция и ее союзы. Прежде всего, речь идет о Союзе чехословацких писателей. Состоявшийся 22–29 апреля 1956 г., сразу после пленума ЦК КПЧ, съезд Союза писателей показал «правлящему триумvirату» весьма наглядно, что эта творческая организация фактически выпала из-под контроля ЦК КПЧ. Как сообщал министр культуры Л. Штолл в ходе беседы с сотрудником посольства СССР П.Г. Крехотенем, еще накануне открытия съезда на заседании фракции писателей-коммунистов поэт и драматург П. Когоут выступил «с резкими нападками на Политбюро и правительство и требовал созыва чрезвычай-

* «Козлом отпущения» за все грехи периода «культ личности» был сделан А. Чепичка (зять Готвальда), сосредоточивший в своих руках немалую власть.

ного съезда партии». Выступление Когоута было поддержано значительной частью присутствующих на заседании. Попытки А. Запотоцкого, принимавшего участие в работе фракции, а также заместителя министра культуры поэта и критика И. Тауфера повлиять на настроение писателей не увенчались успехом. «Фракция коммунистов, — заявил в беседе Л. Штолл, — приняла резолюцию, предложенную П. Когоутом, о роспуске Политбюро ЦК и созыве чрезвычайного съезда партии»².

Секретарь ЦК по идеологии И. Гендрих вынужден был признать, что на съезде писателей в состав ЦК Союза были избраны люди, которые «не способны проводить партийную линию в руководстве литературным фронтом»³. Он имел в виду прежде всего таких писателей и поэтов, как Я. Сейферт, Ф. Грубин, В. Каплицкий, Д. Татарка и др., открыто выступавших на этом форуме за право писателей свободно выражать свои творческие позиции. Атмосфера на съезде была такова, что Татарку, призвавшего писателей встать в оппозицию к существующему в стране общественному строю, избрали не только в состав ЦК Союза, но и в члены Президиума⁴.

В Союзе художников, по информации советского посольства, тон стали задавать «поклонники Запада». Среди творческой интеллигенции участилась подача заявлений о выходе из партии⁵.

Второй центр представляла студенческая молодежь, получившая поддержку части преподавательского состава на факультетах Карлова университета, университета Братиславы и некоторых других учебных заведений страны. Именно в этой среде наиболее радикально прозвучала критика политики, проводимой правительством. Поэтому не удивительно, что советское посольство внимательно наблюдало за складывавшейся ситуацией в сфере образования.

К середине 1950-х годов в Чехословакии насчитывалось 40 высших учебных заведений, включая такие крупные образовательные центры, как Карлов университет в Праге, университет им. Пуркине в Брно, университет им. Яна Амоса Коменского в Братиславе. Число студентов, обучавшихся на дневных и вечерних отделениях ВУЗов, к середине 50-х годов достигло 70,5 тыс. человек. По социальному составу, около 40% студентов составляли выходцы из семей рабочих и трудовых слоев крестьянства.

После мартовско-апрельского пленума ЦК КПЧ студенты стали выступать с требованиями «обсудить на заседании Национального собрания вопрос о расширении в стране демократических свобод», отменить глушение западных «голосов» и разрешить населению свободно слушать передачи радиостанции «Свободная Европа». Выдвигалось также требование не исполнять советский гимн во время проведения мероприятий, не связанных с чехословацко-советскими отношениями⁶. Кроме того, студенты настаивали на исключении из программ вузов курса марксизма-ленинизма и требовали проводить изучение русского языка только на факультативной основе. При этом интересно отметить, что именно в студенческой среде впервые были озвучены и требования ликвидировать институт советских советников⁷.

В информации советского посольства, отправленной министру иностранных дел СССР Д.Т. Шепилову 5 июня 1956 г., сообщалось: «Особое удивление вызывает поведение на партсобраниях и собраниях студентов преподавателей марксизма-ленинизма, которые в большинстве своем были зачинщиками антипартийных

выступлений. Дело дошло до того, что даже в Высшей партийной школе при ЦК КПЧ преподаватели марксизма-ленинизма и других общественных дисциплин открыто выражали недоверие ЦК КПЧ и требовали созыва чрезвычайного съезда». По-видимому, выступления студенчества весьма обеспокоили посольство, и советский посол «полагал целесообразным подсказать нашим друзьям обратить внимание на создавшееся положение в ВУЗах»⁸.

Третий центр — это первичные парторганизации с преобладающей прослойкой интеллигенции. В этой среде открыто высказывалось недоверие руководству ЦК КПЧ, выдвигались требования созыва чрезвычайного съезда партии и отставки А. Новотного. Необходимость созыва съезда мотивировалась тем, что ЦК КПЧ «все еще механически руководствуется решениями ЦК КПСС и <...> не проявляет достаточной способности диалектически, самостоятельно рассмотреть наши проблемы по примеру КПСС»⁹.

В ходе собраний в первичных парторганизациях некоторых министерств (таких как министерство иностранных дел, химической, машиностроительной промышленности), Академии наук, Госплана, ряда факультетов Карлова университета, ряда военных организаций, в том числе Военно-политической и Военно-медицинской академий, а также некоторых научно-исследовательских институтов, выдвигалось не только требование созыва чрезвычайного съезда, но и ряд принципиально важных предложений, весьма обеспокоивших руководство страны. Конкретно прозвучали требования: 1) ознакомить членов партии с ходом работы комиссии по пересмотру дел лиц, осужденных на процессе Р. Сланского (1952); 2) пересмотреть функции органов цензуры; 3) не переносить в Чехословакию механически советский опыт; 4) пересмотреть проведенную в 1953 г. школьную реформу; 5) перед созывом съезда провести внутривнутрипартийную дискуссию; 6) избрание партийных органов и делегатов на съезд проводить тайным голосованием; 7) отменить в стране смертную казнь¹⁰.

Информацию о том, как конкретно проходило обсуждение итогов работы мартовско-апрельского пленума ЦК КПЧ в этой среде, советская сторона получила в ходе бесед сотрудников посольства с чешскими и словацкими гражданами из числа служащих партийного и государственного аппарата.

Как пример можно привести запись беседы сотрудника посольства Н.И. Семенова с заместителем министра образования Б. Мухой: «В министерстве школ собрание по итогам пленума проходило бурно, продолжалось около 12 часов. Ряд коммунистов выступали с выражением недоверия ЦК КПЧ и за созыв внеочередного съезда партии. Плохо, что многие руководящие работники министерства поддерживают такие выступления или просто отмалчиваются»¹¹. Всего в ЦК КПЧ поступило свыше 320 резолюций с требованиями созыва съезда. В некоторых сообщениях в Москву приводится и другая цифра — 350 резолюций¹².

Четвертым центром оппозиционных настроений была Словакия — с ее нерешенным национальным вопросом, с приговоренными к длительным срокам тюремного заключения «буржуазными националистами» Г. Гусаком, Л. Новомеским, Д. Окали и другими политиками, исключенными из общественной жизни. Поэтому неудивительно, что здесь оппозиционные настроения выражались более остро, чем в чешских землях. Носителем их являлась, как и в Чехии, прежде всего интеллигенция. Дискуссия по итогам пленума была здесь крайне острой.

Изучение доступных на сегодняшний день материалов позволяет сделать заключение, что оппозиционные настроения в Чехословакии в 1956 г. были присущи, прежде всего, так называемым средним слоям — интеллигенции (как творческой, так и научной), военным, служащим госаппарата, студенчеству. Рабочий класс и крестьянство не выражали сколько-нибудь четко свою позицию. Поэтому можно предположить, что эта часть общества в основной массе или поддерживала проводимую политику, или была безразлична к тем настроениям, которыми жили «средние слои». Здесь, по-видимому, и проходила одна из существенных граней, отделявших состояние настроений в чехословацком обществе, где жизненный уровень в рассматриваемый период был в два раза выше, чем в Польше и Венгрии, от общественных настроений в двух названных странах*.

Весьма существенным, на мой взгляд, обстоятельством, обусловившим особенность чехословацкой ситуации в 1956 г. в сравнении со складывавшейся атмосферой в Венгрии и Польше, было отсутствие и в Праге, и в Братиславе лидеров уровня Имре Надя или Владислава Гомулки. Причину этого феномена убедительно раскрыл посол США, анализируя политическое положение в Чехословакии в середине 1956 г. Он, как мне представляется, правильно отметил: «Процесс над Сланским остается “страшным сном” чехословацких коммунистов, и его последствия очень глубоки. Популярность коллективного руководства укреплялась прежде всего позицией тех, кто этот “страшный сон” пережил и кто ни в коем случае не хотел бы оказаться на месте, которое сулило бы подобную судьбу. Это, безусловно, объясняет стабильность руководства чехословацкого режима в последние три года. Пока еще не появился никто, кто бы по значимости сравнился с Готвальдом или Сланским и мог бы занять пост президента или секретаря <...>. Так что в последние три года острой и открытой борьбы в высших кругах руководства КПЧ не наблюдается»¹³.

«Триумвират» же — А. Новотный, А. Запотоцкий и В. Широкий — был единодушен в решимости «спустить на тормозах» наиболее радикальные требования, прозвучавшие в ходе внутривнутрипартийной дискуссии, постараться не допустить какой-либо критики действий К. Готвальда и при этом сохранить свой имидж антисталинистов.

Для этого прежде всего было необходимо отвергнуть требование созыва чрезвычайного съезда. Поэтому не удивительно, что в наиболее крупные парторганизации, выступавшие с таким требованием, были направлены члены ЦК с целью добиться отзыва принятых резолюций. В Москву была направлена информация о том, что 50 наиболее крупных парторганизаций отзывали свои резолюции, а созыва съезда добиваются только 235 организаций, объединяющих около 1 % членов партии¹⁴. Их позиция, квалифицированная

* Это понимал и Н.С. Хрушев, судя по его словам на заседании в Кремле с участием представителей КПЧ 24 октября 1956 г. в условиях уже начавшегося венгерского восстания: «Идеологическая работа сама по себе ничего не даст, если мы не обеспечим подъем жизненного уровня. Не случайно же беспорядки произошли в Венгрии и Польше, а не Чехословакии. Объясняется это тем, что в Чехословакии жизненный уровень несравнимо выше <...>. Если живот у человека набит, он не станет прислушиваться к недругам». См.: ССВК. С. 365. (Прим. отв. ред.).

как троцкистская, была руководством ЦК отвергнута и опасность раскола, таким образом, ликвидирована.

Однако из внутривнутрипартийной дискуссии руководство ЦК КПЧ, официально осудившее сталинизм, но по сути остававшееся сталинистским, сделало для себя четкий вывод — главную опасность в партии для него представляют и будут представлять именно наиболее последовательные сторонники десталинизации. Свидетельством тому была предложенная А. Новотным на заседании Политбюро 11 мая 1956 г. программа мер, направленных на подавление прозвучавшей на партсобраниях острой критики. В программе предлагались конкретные шаги по блокированию оппозиционных настроений в обществе. В частности, как неотложные, ставились следующие задачи: 1) изменить систему политработы в армии; 2) провести анализ структуры и деятельности армейских политорганов; 3) особое внимание обратить на органы госбезопасности и состояние их парторганизаций; 4) провести тщательную проверку деятельности руководства факультетов в университетах, особенно кафедр марксизма-ленинизма, и преподавательского состава.

Не был оставлен без внимания и партийно-государственный аппарат. Здесь планировалось провести проверку всех звеньев этой системы и осуществить замену всех, «кто проявляет слабость и нерешительность, верными членами партии». Настойчиво при этом подчеркивалась необходимость принятия немедленных мер в тех сферах управления, которые подвергались особо острой критике со стороны рабочих коллективов.

Однако реализация этого весьма жесткого плана началась отнюдь не сразу, а, как показало дальнейшее развитие событий, к его реализации руководство КПЧ приступило лишь в 1958 г.

Чем можно объяснить явное несоответствие жесткого тона документа, принятого в мае 1956 г., и отсутствия каких-либо реальных шагов властей по его реализации? Думается, что такой разрыв между «словами» и «делами» будет правильно связывать с воздействием на складывавшуюся в стране ситуацию ряда внешних факторов, и прежде всего той реальной обстановки, которая сложилась к лету 1956 г. в Польше и Венгрии.

Подавление массового протестного выступления рабочих в Познани 28 июня 1956 г., как показывают материалы АВП РФ, оказало прямое и непосредственное влияние на состояние общественных настроений в Чехословакии. Советское посольство, тщательно отслеживавшее ситуацию в стране, в середине июля 1956 г. сообщало в Москву: «Некоторая часть населения придерживается мнения, что в Чехословакии нет условий повторения познаньских событий, так как жизненный уровень в ЧСР выше, чем в Польше». Но при этом главное внимание дипломаты сосредоточили на деятельности «реакционных элементов». Последние, по сообщению советского посольства, используя познаньские события, пытались в ряде областей — Остравской, Пльзеньской, Устецкой и Либерецкой спровоцировать рабочих отдельных предприятий выступить с требованиями повышения зарплат¹⁵. Им удалось добиться некоторых успехов: в ряде цехов завода им. Готвальда в Кунчицах, завода им. Ленина в Пльзене, в железнодорожном депо Лоуни и на некоторых других предприятиях именно такие требования и стали поводом для забастовок. Что касается оценки самих познаньских событий, то они и в рабочей, и в инженерно-технической среде рассматривались «как проявление истин-

ного мнения народа, который иначе не мог выразить своего взгляда <...>. То, что было в Польше, должно придти и к нам <...> нашим тоже следует показать»¹⁶.

Что же касается интеллигенции, то часть ее, особенно в Словакии, приветствовала возвращение в политику В. Гомулки в Польше. «В последнее время, — сообщал советский консул в Братиславе, — у писателей очень актуален стал так называемый “польский пример” <...>. Из рук в руки переходят различные польские материалы, они подробно изучаются, их различным способом стараются проводить в жизнь. Пропаганду “польского примера” начали сильно проводить после приезда Ондreja Павлика* из СССР и Польши. Приехав из СССР, Павлик говорил своим друзьям о том, что там “господствует страшная бюрократия, жизненный уровень очень низкий <...>. Положение сегодня такое, Советскому Союзу люди уже не доверяют и обращают взоры на Польшу, где происходит действительно прекрасный очистительный процесс. Там господствует энтузиазм, о каком нам только снится. Там идет действительно чистка от сталинизма по всей стране, и весь народ поддерживает это”»¹⁷.

Если же говорить о ситуации в Венгрии, особенно летом-осенью 1956 г., то, судя по материалам российских архивов, реакция чешского и словацкого обществ была достаточно сдержанной. Листовки, распространяемые в стране, типа «Польша свободна, Венгрия борется, пора начинать и нам!» или «Словаки, русские сапоги топчут свободу Венгрии, угнетают народ. Долой русское владычество! Смерть русским убийцам!», распространяемые среди населения Словакии, не достигали искомого политического эффекта. Тому были свои объективные причины, лежавшие в плоскости венгерско-словацких исторических противоречий и опасений венгерского ирредентизма.

Происходившие в Венгрии события, особенно после использования в октябре 1956 г. советских войск для «наведения порядка», позволяли официальной пропаганде трактовать их как контрреволюцию. Поэтому отнюдь не случайно советский консул в Братиславе сообщал в Москву, что словацкой интеллигенции и особенно части писателей, которая высказывала недовольство линией ЦК КПЧ и ЦК КП Словакии, «события в Венгрии показали всю вредность ее требований <...>. Словацкие писатели официально осудили контрреволюцию в Венгрии»¹⁸.

В управлении внешнеполитической информации МИД СССР при анализе ситуации в Чехословакии специально отмечалось, что чехословацкая интеллигенция реагировала на венгерские события «правильно, осуждая действия контрреволюции и правительства Надя. Однако при оценке причин венгерских событий некоторая часть интеллигенции склонялась к югославской точке зрения, утверждая, что причины этих событий заложены в самой системе, господствующей в Венгрии и других странах, в том числе и в Чехословакии, в разбухшем бюрократическом и партийном аппарате»¹⁹.

Таким образом, из приведенного материала видно, что начавшийся в Венгрии и Польше процесс десталинизации, принявший в 1956 г. разные по степени интенсивности формы, в целом воспринимался в чехословацком обществе как два разнопорядковых явления: как контрреволюция (Венгрия) и как процесс демократизации (Польша). Может показаться парадоксальным, но именно это

* О. Павлик — академик, президент Словацкой академии наук.

обстоятельство в определенной мере способствовало сохранению относительной устойчивости политической обстановки в ЧСР на рубеже 1956–1957 гг. Не случайно западные обозреватели, оценивая ситуацию в регионе, настойчиво подчеркивали, что «перемены в Польше и антисоветское восстание в Венгрии фактически прервали небольшую тенденцию к либерализации в Чехословакии в этом году после XX съезда КПСС <...>. Чехословакия, по-видимому, решила следовать старой линии, то есть вплотную придерживаться московской политики, сохраняя контроль внутри страны смягченными экономическими уступками рабочим, что считается важнейшей гарантией “дальнейших успехов социализма”»²⁰.

Выбору такой линии в немалой степени способствовала корректировка советским руководством некоторых принципов внешней политики в восточноевропейском регионе. Применительно к Чехословакии уже на рубеже 1956–1957 гг. советская сторона стала подавать сигналы о возможностях некоторого сокращения масштабов своего присутствия в ЧСР, в частности, о существенном ослаблении своего контроля через институт советских советников и специалистов, а также об изменении и совершенствовании форм экономического сотрудничества.

По данным на ноябрь 1956 г. в Чехословакии работали 192 советских советника. Из них 38 были гражданскими специалистами, 116 человек были связаны с армией, а 49 советников — с силовыми структурами²¹. Кроме института советников, советская сторона имела в Чехословакии еще аппарат уполномоченных Главного управления экономических связей (ГУЭС). Эти уполномоченные, как отмечалось в аналитической записке советского посольства в МИД СССР в ноябре 1956 г., «по роду своей деятельности довольно активно вмешивались в практическую деятельность госаппарата ЧСР, в народно-хозяйственные планы и даже в работу отдельных предприятий»²².

Обсуждение названных проблем в советском руководстве началось еще в 1956 г. К началу 1957 г. были достигнуты первые договоренности с чехословацкой стороной: число военных советников предполагалось сократить до 35 человек. Было предложено также обменяться мнениями относительно целесообразности дальнейшего пребывания в Чехословакии советских гражданских специалистов и советников-«силовиков»²³.

Если вспомнить, какие требования к ЦК КПЧ выдвигались в ходе внутрипартийной дискуссии весной 1956 г., то станет совершенно очевидно, что советские предложения были направлены на ослабление напряженности в отношениях власти с наиболее активной частью чехословацкого общества. Советская сторона явно демонстрировала чехословацкому обществу, что существующие в нем настроения Москве известны и учтены. Вместе с тем предпринимаемые ею шаги были нацелены и на то, чтобы упрочить позиции правящей элиты.

Надо заметить, что советский фактор сыграл немалую роль и в трансформации самой властной вертикали. Он способствовал урегулированию весьма сложной ситуации внутри Политбюро ЦК КПЧ, сложившейся после смерти в ноябре 1957 г. президента страны А. Запотоцкого. Здесь отсутствовала единая позиция по вопросу необходимости сохранения самого института президентства. Часть членов политбюро считала возможным его ликвидировать, заменив постом председателя Национального собрания. Другие настаивали на необходимости сохра-

нения института президентства, но расходились в выборе конкретных кандидатур. Но среди всех предложений, выдвигавшихся в кругах правящей партийной элиты, не обсуждалась идея объединения двух постов — первого секретаря ЦК КПЧ и президента республики. Она была, как показывают материалы российских архивов, подсказана в Москве еще в июле 1957 г., во время пребывания там чехословацкой правительственной делегации, в ходе ее беседы с членами президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, А.И. Микояном и М.А. Сусловым²⁴.

Это обстоятельство сыграло решающую роль в укреплении позиций А. Новотного внутри правящей группировки, по существу сняв какие-либо дискуссии вокруг кандидатуры нового президента ЧСР.

Состоявшиеся в ноябре 1957 г. президентские выборы стали тем рубежом в формировании властной вертикали, который фактически завершил юридическое оформление партийно-государственной диктатуры, сосредоточив все политические и государственные рычаги управления обществом в руках одного лица — А. Новотного. Только получив новый статус, он решился на проведение масштабной акции по очистке госаппарата от инакомыслия и неконформизма, о которой говорил еще в мае 1956 г.

Примечания

- 1 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 400. Л. 222.
- 2 Там же. Л. 228.
- 3 Там же. Д. 401. Л. 279.
- 4 Там же.
- 5 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 41. П. 55. Д. 25. Л. 161–162.
- 6 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 401. Л. 116–117.
- 7 Там же. Л. 277–278.
- 8 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Рол. 5172. Д. 401. Л. 103.
- 9 Там же. Д. 400, Л. 209.
- 10 Там же.
- 11 Там же. Л. 165.
- 12 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 41. П. 27. Д. 50. Л. 197.
- 13 Цит по: *Blaive M. Prornarnena prilezitost. Ceskoslovensko rok 1956. Praha, 2001. S. 128–129.*
- 14 *Ibid.* S. 85.
- 15 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 400. С. 261.
- 16 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 42. П. 283. Д. 720. Л. 137.
- 17 Там же. Л. 262–263.
- 18 Там же. Л. 185.
- 19 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 42. П. 283. Д. 5. Л. 28.
- 20 Там же. Л. 27.
- 21 Там же. П. 279. Д. 18. Л. 17.
- 22 Там же. Оп. 41. П. 271. Д. 18 Л. 33.
- 23 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 42. П. 274. Д. 18. Л. 17.
- 24 Там же. Оп. 42. П. 278. Д. 8. Л. 23–24.

«Болгарское эхо» 1956 года

В современной историографии позднего сталинизма события 1956 года рассматриваются в контексте либерализации политических режимов в странах Восточной Европы, придания им более гибких и цивилизованных форм. Получивший наименование «десталинизация», этот процесс начался в результате прямых посылов из Москвы. Советское политическое руководство не намеревалось выпускать его из-под контроля, стремилось обеспечить тем самым внутривосточную стабильность восточного блока. Намерение провести после смерти Сталина перестановки в партийной верхушке «социалистического лагеря» отнюдь не означало, что поиски подходящих фигур выйдут за рамки действовавших руководств. Важнее было добиться их скорейшей переориентации в соответствии с новой обстановкой. Кто в национальных руководствах персонально станет гарантом решения задач десталинизации, по большому счету, оказывалось делом второстепенным. Реальные шансы стать опорой Москвы, завоевать ее доверие имели в изменившихся условиях и те ортодоксальные коммунисты, которые утвердились у власти на рубеже 1940–1950-х годов в результате внутривосточной борьбы и «второй большевизации»¹. Во многом в силу этого либерализация в странах «социалистического лагеря» проходила медленно и непоследовательно, с чередовавшимися приливами и отливами.

Болгарское руководство не имело собственной концепции десталинизации, что усиливало роль и значение советского фактора. Начальным импульсом к переменам в стране стала предпринятая в июле 1953 г. попытка советской стороны «правильно» сориентировать болгарских «друзей» в связи с решениями пленума ЦК КПСС «по делу Берии». С этой целью в Москву была приглашена болгарская делегация. Партийный и государственный лидер Вылко Червенков вспоминал позднее, что по ходу беседы информационного характера было «бегло упомянуто о существовавших <...> в КПСС неправильных методах руководства, связанных с культом личности Сталина»². По всей вероятности, болгарскими, всегда чутко реагирующими на позицию Москвы, робкий намек на грядущие перемены был услышан. Во всяком случае, по мнению болгарской исследовательницы И. Марчевой, Червенков вернулся из Москвы в надежде, что ему удастся незаметно избавиться от представления о себе как о «болгарском Сталине» и стать «болгарским Маленковым»³.

Хотя никаких замечаний в адрес болгар на московской встрече не прозвучало, именно с середины 1953 г., как показывают документы, в Отделе ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями начали накапливаться материалы о негативных явлениях в болгарских верхах в связи с проявлениями культа личности Червенкова. Уместно предположить, что этому способствовала возникшая летом 1953 г. напряженность в некоторых странах «социалистического лагеря».

В условиях закрытого общества население Болгарии узнавало о событиях за рубежом крайне дозированно, что рождало разного рода слухи и домыслы. Заменяя официальную информацию, они способствовали формированию альтернативного общественного мнения и выполняли, таким образом, определенную социальную функцию⁴. Судя по донесениям советских дипломатов, в связи с кризисной ситуацией в ГДР в июне 1953 г. часть болгарского населения обсуждала ближайшие перспективы в наиболее радикальном варианте — не исключались начало войны и «восстановление порядка во всей Европе с американской помощью», вступление в Болгарию западных войск («скоро придут англо-американцы, и наступит свобода»; «кто не хочет новой власти, пусть работает на англо-американцев»). В крестьянской среде опасались «расплаты» за вступление в трудовые кооперативы — ТКЗХ⁵, и пр.

Забастовки в Чехословакии в мае-июне 1953 г. в связи с проведением денежной реформы вызвали в Болгарии всплеск антисоветских настроений. Из советского посольства в Софии сообщали о появлении листовок соответствующего содержания, о «разнузданной» агитации против СССР и политического режима в Болгарии, «клевете» на экономическую жизнь в Советском Союзе, на болгарских руководителей, об угрозах и шантаже в адрес активистов. С завидной регулярностью самолеты и воздушные шары «неизвестной принадлежности» сбрасывали над болгарской территорией пропагандистские материалы, в том числе и о протестных выступлениях в некоторых странах Восточной Европы. Так, 3 августа 1953 г. в окрестностях Софии были обнаружены листовки с хроникой событий в Чехословакии и ГДР под характерным названием «Растет сопротивление в странах народной демократии»⁶.

Но в целом советское посольство не склонно было драматизировать обстановку в стране, оценивало ее как спокойную, а «враждебные проявления» — как «отдельные случаи», не наносящие режиму серьезного политического вреда⁷.

Тем не менее, на очередной встрече в Москве в конце декабря 1953 г. болгары были подвергнуты резкой критике за сложившееся в партийно-государственном руководстве положение. Была найдена и актуальная, бесприкрытая форма, в которую облекалась эта критика, — культ личности Червенкова⁸. Зажатый в тиски партийной дисциплины болгарский руководитель, вернувшись из Москвы, начал кампанию «покаяния». Основные вехи на этом пути — отчетно-выборная партийная конференция Димитровского района Софии (19 января 1954 г.) и затем специально созванный 26 января пленум ЦК БКП, на котором была ликвидирована практика совмещения партийных и государственных постов, упразднен пост генсека как не имеющий глубоких традиций в партии и препятствующий укреплению коллективного начала в руководстве БКП. Сосредоточившись на работе в правительстве, Червенков уступил пост первого секретаря ЦК «молодому, энергичному, инициативному» Тодору Живкову⁹.

Критика собственного культа была продолжена Червенковым на VI съезде БКП (18 февраля — 3 марта 1954 г.), продублировавшем решения январского пленума. Следование болгарского руководителя советам и рекомендациям Москвы было столь очевидно, что советские наблюдатели были едины в оптимистических оценках: Червенкову удалось «основательно поправить положение»¹⁰.

Таким образом, весной 1954 г. советская сторона в целом позитивно оценивала ситуацию в болгарском руководстве. А между тем, убежденный сталинист и «носитель» культа личности Червенков ограничился, по существу, минимальными и чисто косметическими кадровыми изменениями. Он остался по государственной линии главой правительства, а по партийной — членом Политбюро, причем руководившим его работой. Показательно, что именно Червенков возглавил комиссию по подготовке новой программы партии¹¹. Иными словами, его шансы удержать власть, опираясь на расположение и поддержку Москвы, были достаточно велики.

Однако в середине 1954 г. положение Червенкова несколько пошатнулось, что было связано с особой позицией болгарской делегации на V сессии СЭВ (несогласие с аграрной специализацией страны)¹² и констатацией советскими наблюдателями в Софии «серьезных недостатков» в руководстве сельским хозяйством, в частности, в связи с возникшими трудностями с хлебозаготовками. В конце августа 1954 г. в Отделе по связям с иностранными компартиями был подготовлен проект письма в ЦК БКП с критикой обстановки в Политбюро ЦК («отсутствие необходимой коллективности в работе и свободного обсуждения вопросов», пассивность членов руководства «из-за боязни допустить ошибку и впасть в опалу»). Содержал документ и «товарищеский совет»: провести «в ближайшее время откровенный обмен мнениями об отношениях между членами Политбюро, обеспечить подлинную коллегиальность и свободный обмен мнениями в Политбюро»¹³. Хотя ни одно имя в проекте письма не было названо, его античервенковская направленность очевидна, учитывая лидирующее положение Червенкова в руководстве партии. Однако в связи с предстоящей поездкой правительственной делегации СССР в Болгарию отправку письма болгарам было решено отложить¹⁴.

В это время Живков с завидной активностью занялся установлением доверительных связей с послом СССР в Софии Ю.К. Приходовым. Из поступавших в Москву записей бесед следует, что Живков инициировал обсуждение широкого круга вопросов, четко и напористо формулировал задачи и выводы, что, по всей видимости, производило благоприятное впечатление на советского дипломата. Особое значение Живков придавал информированию Приходова о положении дел в руководимом им Секретариате ЦК БКП. При этом он заострял внимание на необходимости перестройки работы этого органа, повышения его «явно пониженной» роли. Отмечавшиеся в беседах позитивные перемены в стиле работы окружных комитетов партии Живков довольно прозрачно связывал с собой как первым секретарем ЦК, заявляя, что они стали возможны под влиянием «изменившейся обстановки в ЦК». Живков также инициировал практику ознакомления советского посла сначала с наиболее важными партийными решениями, а затем и с решениями *по всем вопросам практической работы ЦК БКП*¹⁵ (здесь и далее курсив мой. — Т.В.). Установление неформальных отношений с советским

представителем (позднее они переросли в тесные дружеские контакты), несомненно, способствовало дальнейшей успешной политической карьере Живкова.

После отставки в начале 1955 г. Г.М. Маленкова положение Червенкова серьезно осложнилось. Новые внешнеполитические реалии — расширение НАТО за счет вступления в него ФРГ, присоединение ФРГ и Италии к Договору 1948 г. о Западном союзе — обусловили намерение Хрущева и его окружения пересмотреть советскую экономическую стратегию. На повестку дня выдвинулась в качестве первоочередной задача форсированного развития советской оборонной и тяжелой промышленности и добывающих отраслей. Это подрывало основы связанного с именем Маленкова «нового курса», ориентированного на ускоренное развитие легкой промышленности и производства товаров широкого потребления за счет сокращения расходов на военную сферу и тяжелую промышленность. На пленуме ЦК КПСС в январе 1955 г. «новый курс» был объявлен «теоретически неправильным и политически вредным противопоставлением». Речь Маленкова на V сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. о приоритетном развитии легкой промышленности Хрущев назвал «дешёвкой», преследовавшей популистские цели. Напоминание Маленкова о том, что речь предварительно читали и одобрили члены руководства, а соответствующие решения принимались сообща, Хрущев с завидной легкостью парировал, заявив: «Да, читали. И я читал. Несу ли ответственность за ту речь? Да, несу ответственность, но с автора полагается спросить больше»¹⁶.

Смена вектора экономического развития в СССР означала, что странам советского блока предстояло адаптироваться к новым условиям. Для Червенкова же критика и развенчание «нового курса» приобретали личный драматический характер: рикошетом они ударили и по «болгарскому Маленкову». Понуждаемый интересами блока к новому пересмотру направлений стратегического развития страны, он не мог не понимать, что его оппонентами это может быть истолковано (невольнo или сознательно — другой вопрос) как возврат к прошлому, к «временам Сталина», и использовано в борьбе против него. Однако в центре внимания советской стороны по-прежнему оставался вопрос о коллегиальности руководства и преодолении проявлений культа личности в братской компартии. В Москве не считали пока нужным форсировать события по смене политического лидера.

Ситуация стала меняться поздней осенью 1955 г., после того как в записке в ЦК КПСС (октябрь) Хрущев изложил свои представления о перспективах развития советского блока. В отношении Болгарии в документе была подтверждена позиция, сформулированная на упомянутой выше V сессии СЭВ (июнь 1954 г.): будущее страны однозначно связывалось с развитием сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности; создание тяжелой индустрии, особенно черной металлургии и машиностроения, было признано нецелесообразным. Ставя задачу превращения страны в «витрину социализма», Хрущев считал необходимым ускорить кооперирование сельского хозяйства, завершить его в ближайшие 2–3 года¹⁷. Направленное в ЦК БКП «для ознакомления» письмо стало для болгарской стороны руководством к действию. Прошедшие в декабре 1955 г. два пленума ЦК БКП, на которых Червенкову удалось переломить критический настрой части делегатов, оформили советы и указания Москвы

как неотложные задачи. Уже в начале 1956 г. кооперирование охватило горные и предгорные районы страны, сопровождаясь сильными перегибами¹⁸.

Навязанная извне несбалансированная экономическая стратегия быстро принесла горькие плоды: в стране возник экономический кризис. На его фоне фигура Червенкова стала обрывать в глазах Москвы негативными характеристиками. Припомнились как его «культ», так и последующие притязания на роль «болгарского Маленкова». Дело неумолимо двигалось к развязке, а ее ускорителем стали события первой половины 1956 г. — XX съезд КПСС и апрельский пленум ЦК БКП.

О реакции представителей «братских» компартий социалистических стран на «секретный доклад» Хрущева, с которым их ознакомили во время пребывания на XX съезде, сегодня уже сравнительно хорошо известно. Червенков вспоминал позднее, что он «не мог осознать и воспринять прочитанное», а критику Сталина считал «односторонней», «небрежной», «грубой и недальновидной»¹⁹. Соратникам он казался в те дни выбитым из седла, не способным на какие-либо активные действия²⁰. Но и его окружение испытывало глубокое потрясение. Однако времени на осмысление услышанного практически не оставалось.

В начале марта 1956 г. текст «секретного доклада» был получен в Софии с рекомендацией ознакомить с ним партийный актив. Но еще раньше слухи о «разоблачении» Сталина просочились в болгарское общество, породив пеструю палитру мнений, оценок, комментариев: люди верили и не верили, одни ликовали, другие негодовали, третьи открыто ругали советских руководителей. И все вместе, как отмечали современники событий, внимательно прислушивались к заграничным «голосам»²¹.

Официально свою точку зрения София не выражала вплоть до середины марта 1956 г. Болгарская печать ограничивалась перепечаткой статей из «Правды» по рассмотренным на партийном форуме вопросам. Лишь постепенно стали появляться собственные пропагандистские материалы общего «теоретического» характера — статьи «Народные массы — творцы истории», «Творческий характер марксизма-ленинизма» и др. Трудно не согласиться с болгарскими авторами, отмечающими, что Червенков не смог правильно оценить масштабы и суть новой фазы десталинизации²². Испытываемая им растерянность проявилась в намерении потянуть время, отсрочить созыв пленума ЦК БКП, призванного извлечь из решений XX съезда необходимые для партии и страны «уроки». Когда же откладывать дальше пленум стало невозможно, Червенков предложил сделать главным пунктом повестки дня не «секретный доклад», а так называемый экономический проект Хрущева, и, прежде всего, в актуальной для Болгарии части, касавшейся сельского хозяйства. Безусловно, тем самым болгарский лидер допустил серьезную тактическую ошибку, которой воспользовался лучше других оценивший обстановку Живков. Через посла Приходова он передал советским «друзьям» сообщение о возникшей в болгарском руководстве «напряженности». Реакция Москвы последовала немедленно: Политбюро ЦК БКП получило приглашение прибыть в Москву. Советские руководители намеревались «помочь» болгарам усвоить установки XX съезда, «справиться с оценками» ситуации и принять «правильные» решения. По некоторым сведениям, особую озабоченность испытывал по этому поводу главный идеолог КПСС М.А. Сулов²³.

Понятно, что не вопросы сельского хозяйства волновали Москву в первую очередь. Беспокойство вызывало неизбежное обсуждение в Политбюро ЦК БКП «болгарского сталинизма», проводившейся в стране репрессивной политики, роли в ней советских советников-силовиков и, шире, — воздействия «советского фактора» в целом на болгарские реалии. Червенков серьезно готовился к визиту, понимая, что в свете «секретного доклада» ему предстоит отчитаться о развенчании собственного культа личности в стране, о принятых по этому вопросу решениях Политбюро и их реализации.

Однако Живкову, заранее установившему контакт с советскими руководителями, удалось переиграть своего главного политического соперника и объявить его единственным виновником «крайне тяжелой и запущенной обстановки в стране». Оказавшийся в изоляции Червенков был вынужден оправдываться и держать ответ, в том числе и за коллективно принятые ранее решения болгарского руководства²⁴.

Советская сторона могла быть удовлетворена. Червенков стал искупительной жертвой, причем принесенной его же соратниками. Другие действующие на политической сцене Болгарии игроки, как и «советский фактор» в целом, были выведены из-под удара. Это давало возможность избежать радикальной перетряски и чистки высшего руководящего состава партии, определить нового лидера из числа членов действующего Политбюро.

Неизбежность перемен в «верхах» в силу жесткости критики по адресу Червенкова была очевидной, но по тактическим причинам (по-видимому, в том числе из-за опасений дестабилизации обстановки в Болгарии и возможных обвинений в адрес Москвы в диктате и вмешательстве во внутренние дела страны) они обрели умеренный характер. Живков занял в этом вопросе отчетливую «центристскую» позицию: Червенкову предстояло оставить руководящие посты в правительстве и партии спокойно, без потрясений.

Пребывание в Москве стало для Живкова трамплином на пути к вершинам власти. Позднее он писал, что встреча с советскими руководителями явилась, по существу, консультацией перед предстоящим пленумом партии. С советской стороны была достигнута договоренность по всем основным вопросам, в том числе о содержании основного доклада «XX съезд КПСС и его уроки для БКП» (в основе его лежало сообщение Живкова на встрече в Москве) и о кандидатуре нового партийного руководителя²⁵ (здесь все было предельно ясно).

Дальнейшие события развивались под воздействием вполне отчетливо обозначившейся ситуации в Советском Союзе — начавшимся откатом от решений XX съезда. 5 апреля 1956 г. в установочной статье «Правды» под характерным заголовком «Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму» критика культа личности вводилась в безопасное для режима русло. Указав, что под видом этой критики «отдельные гнилые элементы <...> пытаются поставить под сомнение правильность политики партии», авторы утверждали, что эта политика была ленинской «во все периоды истории партии», и призвали парторганизации вести решительную борьбу с любыми отступлениями от марксистско-ленинской идеологии. Таким образом, перед критическими выступлениями, затрагивавшими политику ВКП(б) — КПСС, был зажжен красный свет. Вопреки реалиям, советские руководители заявили о единстве КПСС

в одобрении «мудрой ленинской политики» (читай: в развенчании и осуждении культа личности). Помимо прочего, это было реакцией и на неоднозначное отношение к разоблачению культа личности Сталина в международном коммунистическом движении, прежде всего в компартии Китая.

Болгарское руководство получило ясную подсказку, как и в каких допустимых границах следует действовать. Заседавший 2–6 апреля 1956 г. пленум ЦК БКП, будучи, по меткому определению В. Мигева, событием «средней величины», «бледной копией XX съезда»²⁶, в руках Живкова оказался инструментом по легитимации его личной власти²⁷. Материалы пленума не публиковались, информация о нем в партийной печати была минимальная, и в этих условиях объявленное обязательным изучение документов XX съезда КПСС временно сняло преграды в обсуждении недостатков функционирования механизма власти в собственной стране. Как сообщали в Москву из советского посольства в Софии, на собраниях окружного партактива были заданы сотни вопросов о культе личности Червенкова, работе Совета министров и ЦК БКП, кое-где звучали требования созыва чрезвычайного съезда партии²⁸. Отмечалось также, что в кругах научной и творческой интеллигенции (и это особенно обеспокоило болгарское руководство и Москву) критика распространялась на всю социалистическую систему²⁹.

Ответом руководства стал курс на подавление любых проявлений опасного инакомыслия. Уже 20 мая 1956 г. *«Рабочническо дело»* поместило установочную статью «За правое дело партии, против мелкобуржуазной распущенности!» Заимствовав основные положения и лексикон у советского официоза, авторы призвали к борьбе с «мелкобуржуазной стихией» с очевидной целью — положить конец распространению критических настроений, самостоятельным трактовкам коммунистами сущности и задач процесса десталинизации. По мнению руководства, критика культа личности и его проявлений в Болгарии зашла слишком далеко.

Следующим, вполне логичным шагом явилась смена смыслового акцента критики, прозвучавшей на апрельском пленуме. 25 мая 1956 г. на встрече членов Политбюро с секретарями окружных и околийских комитетов БКП в установочном докладе Живков разъяснил, что на XX съезде КПСС вовсе не вопрос о культе личности являлся главным, центральным³⁰. Фактически Живков занял позицию Червенкова, который, как указывалось выше, непосредственно после XX съезда КПСС попытался сосредоточить внимание коммунистов на рассмотренных съездом вопросах хозяйственной политики. Охранительный для режима смысл такого подхода очевиден.

Как и прежде, болгарское руководство чутко и быстро реагировало на изменения в настрое и действиях советских «друзей». Вот и постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий», закрепившее отступление от радикальных установок и самого духа XX съезда и ставшее на долгие годы манифестом послесталинского консерватизма³¹, было сразу же взято на вооружение болгарскими верхами. Усмирение волны критических настроений полностью отвечало их желанию.

Утвердившись на партийном Олимпе, Живков начал последовательно формировать руководящее «апрельское ядро» в партии, комсомоле, армии,

административных и силовых структурах с дальним прицелом — ликвидировать «двоецентрие» и сосредоточить в своих руках не только партийную, но и государственную власть. Как оказалось, в немалой степени этому способствовали бурные события лета-осени 1956 г. в советском блоке.

«Познаньский июнь», явившийся первым серьезным проявлением народного протеста против режима в странах «социалистического лагеря», в целом вызвал не столь острый резонанс среди населения и в болгарском руководстве, как позднее венгерские события. В верхах беспокойство проявилось, прежде всего, в связи с первоначальной экономической подоплекой выступлений польских трудящихся. Болгарское руководство, уже столкнувшееся в мае 1953 г. с похожими, хотя и не столь масштабными, явлениями (выступление табачников Пловдива и Хаскова против повышения норм выработки в сельском хозяйстве и ухудшения снабжения населения продуктами и товарами широкого потребления), дало оценку соответствующим «нездоровым настроениям». Выступая на пленуме ЦК БКП 6–7 сентября 1956 г., Живков осудил «неправильные, максималистские и, по существу, демагогические экономические требования об улучшении материального положения [болгарского] рабочего класса»³². Более того, обоснованность экономических требований болгарских трудящихся была фактически поставлена под сомнение: как подчеркнул член ЦК К. Драмалиев, в отличие от Польши, где для акций протеста имелись серьезные хозяйственные причины, в Болгарии и других братских странах таковых якобы не было.

Замечу, что необоснованный оптимизм болгарских руководителей опровергался информацией, направлявшейся из Болгарии по советским дипломатическим каналам. Так, в справке от 2 сентября 1956 г. «О материальном положении трудящихся Сталинского округа» секретарь консульства СССР в г. Сталине (Варна) Н. Суров на основе данных за 1952–1955 гг. констатировал: «Если принять во внимание возросшие за последние три года материальные и культурные потребности трудящихся, то следует сказать, что они удовлетворяются еще далеко не полностью. Реальные доходы у значительной части трудящихся еще невысоки, *их едва хватает на удовлетворение самых минимальных нужд*. Имеется значительная группа рабочих и служащих, зарплата которых еще низкая. Материальное положение интеллигенции остается неудовлетворительным. Условия жизни и учебы учащейся молодежи также являются трудными. В округе существуют большие трудности в вопросах жилья и трудоустройства. Они особенно чувствительно влияют на материальное положение трудящихся. Вопросы пенсионного и социального обеспечения также подлежат разрешению»³³.

Здесь вряд ли нужны особые комментарии, кроме одного: такое положение наблюдалось повсеместно.

Опасения повторения «польского примера» обусловили принятие болгарскими властями беспрецедентных мер безопасности во время международной ярмарки в Пловдиве, по традиции открывшейся 1 сентября. (Параллель здесь очевидна: в Познани волнения рабочих совпали по времени с международной торгово-промышленной ярмаркой). Не ограничившись переводом местной милиции на усиленный режим работы, власти отдали приказ о проведении в окрестностях Пловдива военных маневров (!), что, кстати, вызвало недоумение советской стороны³⁴. Для болгарского руководства непосредственным поводом

к объявлению «военной тревоги» стали передачи радиостанции «Горянин»*, призывавшей «повторить Познань». Показательно, что особое внимание болгарских руководителей привлекли в те дни действия польских «силовики»: на одном из заседаний ЦК Живков с удовлетворением заявил, что в Познани «товарищи из Г[ос] Б[безопасности] ударили крепко»³⁵.

Хотя проявления недовольства среди болгарских рабочих под влиянием «Познаньского июня» были немногочисленными и имели локальный характер (паровозостроительный завод в Софии, завод № 10 в Казанлыке), в советском посольстве посчитали, что болгарское руководство не сделало нужных выводов из польских событий. В донесении от 3 августа 1956 г. на имя министра иностранных дел Д.Т. Шепилова подчеркивалась самоуспокоенность партийных функционеров, особенно на местах: «Друзья расценивают обстановку в стране в целом как благоприятную и не допускают возможности возникновения каких-либо инцидентов». Действуя в традиционной парадигме, советские дипломаты предлагали дать болгарам совет проявлять бдительность и извлечь уроки из «нездоровых проявлений в других странах народной демократии»³⁶.

Совет был учтен во время венгерских событий. Уже 24 октября 1956 г. была усилена охрана предприятий, введено ночное патрулирование в городах, в повышенную боеготовность приведены милиция и внутренние войска МВД, приостановлена выдача загранпаспортов, закрыта государственная граница, в том числе и для въезда болгар, оказавшихся за пределами страны. Секретарям парторганизаций и членам БКП, вступившим в партию до 9 сентября 1944 г., было роздано оружие. Сразу же под усиленное наблюдение был взят «вражеский контингент» в стране. Благодаря активно действующей сети информаторов, соответствующие органы контролировали настроения подозрительных лиц, особенно из числа творческой интеллигенции. Замечу, что основания для опасений у болгарских лидеров имелись. Незадолго до венгерских событий на собрании актива Союза болгарских писателей 12 и 16 октября прозвучали «крамольные» речи о неправильном понимании принципа партийности в литературе и «окаменевших догмах», которыми руководствуется в этом вопросе ЦК партии, о засилии «аппаратчиков» — непрофессионалов, дающих указания по вопросам, в которых некомпетентны, о необходимости пересмотреть и внести принципиальные изменения в установочную майскую статью «*Рабочническо дело*» как реакционную, толкающую общественное развитие вспять, гнобящую любую критику, «загоняющую нож в сердце сатиры» и оскорбляющую достоинство писателя, и др.³⁷

Службы госбезопасности сообщали о растущей волне будораживших общественность слухов о роспуске ТКЗХ, об опасной активизации старого офицерства, высадке советского танкового десанта в Варне и его дислокации по Черноморскому побережью, о нажиме со стороны Югославии, выразившемся в переименовании г. Сталина в Варну, и т. д., особо подчеркивали резкость заявлений молодежи,

* Радиостанция «Горянин», объявившая себя «голосом болгарского сопротивления», вела радиопередачи из американского радиоцентра в окрестностях Афин четыре раза в сутки на болгарском языке с апреля 1951 по ноябрь 1962 г. Главная цель вещания — сообщать факты, которые скрывали или пытались извратить болгарские власти.

фиксируют высказывания о «рабском духе болгарского народа», о слепом подражании Советскому Союзу, о том, что болгары всегда «плетутся в хвосте» и пр. Отмечался рост числа нелегальных групп. Случаи угроз расправы с коммунистами (например, появление на дверях домов меток «БЖ» — «будущая жертва») были нечастыми, но они усиленно педалировались в пропаганде для оправдания ответных репрессивных мер властей и сплочения партийной массы. Начались превентивные аресты. В разряд наиболее опасных, враждебно настроенных к режиму лиц попали члены бывшего оппозиционного Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) (Никола Петков), офицеры, полицейские, «капиталисты», деятели буржуазных партий, анархисты, духовенство, «кулаки» и прочие «антинародные элементы». (Обращает на себя внимание сходство этого перечня с теми «бывшими людьми», уличенными в антигосударственной деятельности, о которых говорил Сталин еще в январе 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Подчеркнув, что они «пакостят [Советской власти] как только могут, действуя тихой сапой», Сталин призывал к революционной бдительности³⁸).

Вопреки реалиям настроения болгарского общества были подведены под общий знаменатель: 27 октября 1956 г. в статье «Тщетные надежды» партийный официоз «*Работническо дело*» сообщил, что народ «гневно осуждает контрреволюционные попытки империалистов свергнуть народно-демократическую власть в Венгрии и реставрировать капитализм», что на любое посягательство на народную демократию он «ответит таким сокрушительным ударом в зубы контрреволюции, что от нее не останется и следа»³⁹.

31 октября 1956 г. пленум ЦК БКП рассмотрел вопрос о событиях в Польше и Венгрии. Хотя в качестве главной была поставлена задача «вооружить» партактив информацией и перейти к активной разъяснительной работе, немало участников пленума сочли более эффективными действия иного рода. Был поднят вопрос о вооружении части населения в прямом смысле: об отмене соответствующего решения Политбюро и возврате личного оружия «старым [партийным] активистам, партизанам, политзаключенным и др.» («им никто не давал оружия, они завоевали его»), о возвращении к традиции ношения оружия офицерами, которые прежде «никогда не ходили по улицам с пустыми руками»⁴⁰. В письмах с мест, как выяснилось позднее, выдвигались требования раздать оружие «руководящим товарищам» в деревне⁴¹.

Этот вопрос не получил на пленуме разрешения, но и с повестки дня не был снят: Живков предложил вернуться к нему позднее, поскольку, по его словам, «он не такой простой, [как кажется]»⁴².

Венгерская революция заставила задуматься и о формах координации действий «социалистического лагеря», в связи с чем на пленуме было выдвинуто предложение возродить Интернационал. Напомнив о деятельности Коминтерна и Коминформа, член ЦК Ив. Перпелиев подчеркнул: «Время показало, что даже среди коммунистов националистические чувства возобладали над интернационалистскими. Не пора ли создать Интернационал <...>?» По его мнению, коллективно принятые решения смогли бы уберечь от ошибок по важным международным вопросам и от оживления старых «национальных обид», как это имело место в Польше, Чехословакии, Югославии⁴³. Живков, однако, отреагировал достаточно категорично: «Неправильно было бы восстанавливать формы связей,

которые в свое время господствовали в III Интернационале. Это был Интернационал партий, находившихся в оппозиции и действовавших в капиталистических условиях, когда только одна партия одержала победу. Сейчас обстановка другая. Вопрос о связях назрел и будет обсуждаться в ближайшее время. Но очевидно, что они не будут такими, как во времена III Интернационала. Не может какая-либо партия решить свои вопросы путем установления над ней опеки, если она сама не стоит крепко на ногах. В этом смысле, венгерский пример, если хотите, весьма поучителен. <...> Польских и венгерских товарищей очень резко критиковали, много усилий было положено, но...»⁴⁴

Один из главных выводов пленума сводился к необходимости ликвидировать питательную почву контрреволюции — «нездоровые партийные элементы», которые стремятся апеллировать к «улице». Живков потребовал от несогласных с политикой партии «закрыть рот», фактически приравняв критические выступления к государственной измене. Его слова, что поначалу следует все же действовать «тактично», «по-товарищески», прервала решительная реплика П. Кубадинского — «Кулаком в зубы!»⁴⁵

После пленума Политбюро приняло ряд решений по усилению репрессивной политики. Уже в начале ноября 1956 г. под арестом в Болгарии находились 564 чел. (374 — по линии госбезопасности, 190 — милиции)⁴⁶, из Софии были выселены сотни семей. Вновь открылся лагерь в Белене, закрытый по ходу кампании борьбы с культом личности. На 10 февраля 1957 г. в нем содержались 1120 чел., в том числе 247 — за контрреволюционную деятельность («бывшие люди») и 873 — уголовные преступники и прочие антисоциальные элементы⁴⁷. Около 500 «социально чуждых» студентов были исключены из вузов. Началась чистка в БКП. Правда, масштабы ее были ограниченными.

Начала набирать обороты и разъяснительная работа. Члены ЦК во главе групп пропагандистов разъехались по стране для проведения партийных активов в округах, в воинских подразделениях. Особое внимание уделялось руководящим органам БЗНС, Высшей партшколе, Национальному комитету Отечественного фронта, Димитровскому союзу молодежи, ЦК профсоюзов, творческим союзам, Болгарской академии наук, Софийскому университету, редакциям газет и журналов. Туда были брошены считавшиеся лучшими партийные силы — Тодор Живков, Вылко Червенков, Тодор Прахов, Борис Велчев, Савва Гановский, Катя Аврамова... Оказалось, однако, что снять возникающие вопросы, опираясь на официальные оценки и трактовки, удавалось не всегда. Так, предложенное на собрании парторганизации Верховного суда НРБ объяснение венгерских событий как инициированного студенчеством и поддержанного офицерами выступления, что заставило правительство просить помощи у командования советских войск и ввести военное положение, было встречено с неодобрением. Коммунисты потребовали объективного и полного освещения событий⁴⁸.

Тем не менее, как показывает анализ поступавших в высокие партийные инстанции — Политбюро, Секретариат и ЦК партии — писем (большинство их было анонимными), значительная часть болгарского общества с одобрением восприняла официальные пропагандистские установки, выражала желание оказать помощь «здоровым силам венгерского народа», остановить «наступление фашизма в Венгрии», предлагая действовать как мирными средствами (сбор

средств, одежды, медикаментов), так и военными⁴⁹. Требования показать «крепкую руку», «железный кулак народной власти» сочетались с пожеланиями изменений в собственной стране: укреплять авторитет БКП, бороться с бюрократией, бездушием чиновников, роскошью начальства и пр. Поток корреспонденции по болгарским масштабам был внушительным: из Секретариата ЦК сообщали, что в среднем ежедневно туда поступало по 15 писем⁵⁰.

Иностранцами наблюдателями положение в стране оценивалось как спокойное. Посол Ю.К. Приходов в политписьме от 26 октября 1956 г. сообщал в Москву, что именно под влиянием венгерских событий Живкову удалось консолидировать Политбюро, добиться согласия в оценках ситуации, заглушить критические голоса⁵¹. Собственный корреспондент британской газеты «The Times» в Софии Халов прогнозировал: «События в Польше и Венгрии не сильно отразятся в Болгарии. ЦК принял меры предосторожности, а авторитет СССР в народе большой. <...> Болгары не хотят повторения венгерских событий, но предпочли бы заставить правительство принять более быстрые меры по улучшению материальных условий жизни и устранению непопулярных проявлений коммунистического управления. <...> События в Венгрии дадут возможность с большей силой показать, что ЦК прав в своей политике по отношению к “мелкобуржуазной распушенности”»⁵². И уже 6 ноября «The Times» констатировала: «Надежды и ожидания перемен многих болгар исчезли. Голоса протеста превратились в шепот. Режим укрепляется. Снова пропагандируется бескорыстная помощь СССР, необходимость болгаро-советской дружбы. Это возвращение к “сталинской эре”»⁵³.

Точность этих оценок подтверждают меры по укреплению силовых структур и армии. На основании доклада министра внутренних дел Г. Цанкова Политбюро приняло 17 ноября решение об увеличении на 1500 чел. внутренних войск МВД и их дополнительном вооружении танками Т-34, САУ-76, минометами, огнеметами, ручными гранатами и др. Через несколько дней, 22 ноября, было принято решение о повышении боеготовности и боеспособности Болгарской народной армии. Болгары обратились в Президиум ЦК КПСС с просьбой ускорить поставки вооружения и боевой техники за счет частичного переноса поставок с 1958 и 1959 г. на 1957 г. и предоставить в случае положительного решения долгосрочный кредит для оплаты этих поставок⁵⁴.

«Познаньский июнь» и прерванная революция в Венгрии стали для части болгарских партийцев поводом для размышлений о перспективах развития «социалистического лагеря». 12 ноября 1956 г. группа столичных коммунистов обратилась в ЦК КПСС (копия письма была направлена в ЦК БКП) с требованием сделать «решительные выводы» из выступления контрреволюции. Авторы утверждали, что «народно-демократические страны должны стать республиками СССР» и что события в Венгрии дают сейчас «прекрасный повод для такого объединения социал[истического] лагеря». Они подчеркивали огромные морально-политические и особенно экономические преимущества «приобщения» для народно-демократических стран (сокращение на 30–40% сроков построения социализма, экономия огромных затрат, рост уважения к СССР и его авторитета на международной арене и пр.). «Англо-французская агрессия» (Суэцкий кризис) также была отнесена авторами письма к благоприятным для объединения

«социалистического лагеря» факторам, позволяющим развернуть еще более решительное наступление против империализма⁵⁵. На протяжении ноября месяца предложения о превращении «народных демократий» в республики СССР поступали в ЦК БКП и с мест⁵⁶. А в конце декабря 1956 г. группа бывших болгарских политэмигрантов предложила, обратившись в Политбюро ЦК БКП и Президиум Народного собрания, провести в стране референдум о присоединении Болгарии к СССР в качестве 17-й советской республики и о превращении болгар в советских граждан⁵⁷.

Венгерские события породили волну «ретронастроений» (определение болгарского историка В. Мигева). Некоторые члены партии заявляли, что установки XX съезда о возможности мирного перехода к социализму и об ошибочности сталинского тезиса об обострении классовой борьбы в переходный период не подтвердились (о чем свидетельствуют события в Венгрии), что решения съезда «питали ревизионизм», что «грубая критика Сталина» породила события в Польше и Венгрии. Полученная в ЦК БКП информация о том, что новое польское правительство и правительство Венгрии, пришедшее к власти в результате восстания, находились под сильным югославским влиянием, усилила неприязнь к югославам. На партсобраниях звучали вопросы типа: «Не поспешили ли Хрущев и Булганин, объявив в 1955 г. Тито марксистом-ленинцем?», «Не следует ли вернуться к оценкам Тито, данным Сталиным в 1948 г. и оказавшимся правильными?»⁵⁸

Ретронастроения коснулись и деятельности Отечественного фронта (ОФ).

Активисты из числа членов БКП настаивали на массовой чистке его рядов и возвращении к практике народно-демократического этапа 1944–1948 гг., когда справка ОФ о благонадежности являлась главным документом болгарского гражданина⁵⁹. Осенью 1956 г. по примеру Югославии в Польше и Венгрии начали создаваться на предприятиях рабочие советы, быстро оттеснившие прежние закоснелые профсоюзы. В. Гомулка и Я. Кадар поддержали эту идею, но возражали против превращения советов в общенациональные институты с центральным руководством. Осторожные болгары посоветовались в Москве и не разрешили создавать рабочие советы. Они пошли путем расширения полномочий профсоюзов, приняв ряд нормативных актов в целях усиления их авторитета в обществе.

Под влиянием венгерской революции болгарское руководство приступило к решению наиболее злободневных социальных проблем. Принципиальное решение об этом было принято на апрельском пленуме, но тогда речь шла о поэтапном — в 2–3 года — проведении реформ. Теперь были взяты ускоренные темпы. Показательно, что советская сторона поддержала болгар, помогла, в частности, решить острейшую проблему снабжения населения хлебом. Причем позиция Москвы изменилась в этом вопросе резко и стремительно: если в сентябре 1956 г. на просьбу о предоставлении натурального займа зерном болгары получили отказ и были вынуждены ввести ограничивавшую снабжение карточную систему, то в конце октября их очередная просьба была удовлетворена. Это позволило уже 1 ноября отменить карточки. В ноябре-декабре 1956 г. были приняты постановления об увеличении низких зарплат и пенсий, о выплате пособий на детей, о введении пенсионного обеспечения кооператорам, о принятии на себя государством накладных расходов в рабочих столовых, что обеспечило снижение в них

цен на 25 %, об отмене подписки на внутренний государственный заем 1957 г. и т. д. Для решения острого жилищного вопроса предоставлялись преимущества кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, началась денационализация жилья (национализация проводилась на основании решения, принятого в 1948 г.). Среди важных социальных мероприятий оказались также снижение цен на лекарства, выплата пособий зарегистрированным на бирже труда безработным и пр.

Наметилось некоторое отступление и в других сферах общественной жизни: постепенно вернулись в аудитории исключенные по политическим причинам студенты, начался пересмотр дел арестованных, более гибким стал подход к разным группам творческой интеллигенции, хотя при этом власти могли «угостить пряником», а могли применить и «кнут». Решая важную задачу — избежать протестных выступлений, власти старались сгладить наиболее разительные недостатки в функционировании режима, стали более самокритичными. При этом они исходили из принципа «разовых действий», не ставя задач реформирования режима.

Предпринятые меры позволили успокоить общество, консолидировать существенную часть партийной массы вокруг ЦК и активизировать ее в «нужном» направлении.

Вместе с тем с точки зрения долгосрочной перспективы политические итоги 1956 года, и, прежде всего, прерванная венгерская революция, заложили в Болгарии мину замедленного действия. Режим советского типа лишился ореола «монолитности». Но сомнению подверглась и прочность завоеваний болгарской либерализации. По большому счету, оказалась скомпрометированной официальная пропаганда, продемонстрировавшая в 1956 г. такие свои негативные стороны, как тенденциозность, примитивизм, ограниченность. В последующем это не могло не сказаться на ее воздействии на болгарское общество. События 1956 г. отозвались в Болгарии громким эхом, возвестившим о начавшемся спаде в процессе либерализации и демократизации, и без того ограниченных официальными оговорками. Определился вектор дальнейшего развития страны — к режиму единоличной власти, получившему впоследствии название «живковизм».

Примечания

- 1 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949—1953. Очерки истории. М., 2002. С. 495—546.
- 2 Вълко Червенков за себе си и своето време. София, 2000. С. 72.
- 3 Марчева И. Тодор Живков — пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953—1964. София, 2000. С. 31.
- 4 Баева И. Слуховете като «заместваща» информация в годините на социализма в България и в Источна Европа // България и Европа през съвременната епоха. Сборник в чест на 80-годишнината на проф. дин Димитър Сирков. София, 2010. С. 363.
- 5 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42. П. 190. Д. 44. Л. 91.
- 6 Там же. Д. 46. Л. 145, 115, 79, 134—136.

- 7 Там же. Д. 44. Л. 80.
- 8 Подробное см.: *Волокитина Т.В.* Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. 1953–1956 годы (Исторические параллели) // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сборник статей. М., 2008. С. 127–129.
- 9 *Кастелов Б.* Тодор Живков — мит и истина. 563 щриха към портрет. София, 2005. С. 102.
- 10 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 92.
- 11 Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК. Т. IV. 1944–1955. София, 1955. С. 470.
- 12 *Никова Г.* Кризиси економической системы восточного блока и Болгария // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сборник статей. М., 2008. С. 402–403.
- 13 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 109, 112.
- 14 Там же. Л. 108.
- 15 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 290. Л. 33, 52, 96.
- 16 Цит. по: *Пыжиков А.В.* Опыт модернизации советского общества в 1953–1964 годах: общественно-политический аспект. М., 1998. С. 105.
- 17 *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. С. 90–91.
- 18 *Мигев В.* Колективизацията на българското село. 1944–1958. София, 1995. С. 235.
- 19 Вълко Червенков за себе си и своето време. С. 78.
- 20 *Живков Ж.* Кръглата маса на Политбюро. 16-та република. Случаят «Кремиковци». Разгромът на «Тексим». Чехословашките събития. Крах на едноличната власт. София, 1991. С. 14.
- 21 *Топенчаров В.* Бесове на моето време. Кладенецът на спомените. София, 1993. С. 213–214.
- 22 *Чакъров К.* Втория етаж. София, 1990. С. 81.
- 23 *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. С. 39.
- 24 Подробное см.: *Волокитина Т.В.* Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. С. 122–130.
- 25 *Живков Т.* Мемоари (Второе доп. изд.). София, 2006. С. 471.
- 26 *Мигев В.* За априлския пленум 1956 година и за либерализация на режима в България през 50-те и 60-те години на XX век (Опит за историческа есеистика) // Исторически преглед. 2009. Кн. 1–2. С. 187–188.
- 27 *Михайлов С.* Ръководител от сталинския тип // Историята. 2007. № 2. Живковизмът. С. 9.
- 28 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 210. Д. 30. Л. 52; *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953–1956. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София, 1995. С. 262–263.
- 29 *Мигев В.* Отзвуки венгерской революции 1956 года в Болгарии (Некоторые аспекты проблемы) // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. Сборник статей. М., 2008. С. 285.
- 30 ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 199. Л. 15.
- 31 *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 354. Подробный анализ этого документа см.: *Чуканов М.Ю.* Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). М., 1999.

- 32 1956. «Прекрасният повод» (Документи за отражението на Унгарската революция в България) / Съст. проф. М. Семков. София, 2006. С. 25.
- 33 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 210. Д. 1. Л. 61.
- 34 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 392. Л. 110–112.
- 35 1956. «Прекрасният повод». С. 27.
- 36 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 210. Д. 30. Л. 85.
- 37 1956. «Прекрасният повод». С. 29–31.
- 38 *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-ое. М., 1945. С. 392–395.
- 39 Работническо дело. 1956. 27 X.
- 40 1956. «Прекрасният повод». С. 55, 71.
- 41 Там же. С. 105.
- 42 Там же. С. 77.
- 43 Там же. С. 67.
- 44 Там же. С. 77.
- 45 Там же. С. 76.
- 46 1956. «Прекрасният повод». С. 91–92.
- 47 Там же. С. 194.
- 48 ЦДА. Ф. 418 в. Оп. 1. А.е. 3. Л. 7–28.
- 49 1956. «Прекрасният повод». С. 79–81, 85–86.
- 50 Там же. С. 114.
- 51 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 392. Л. 150.
- 52 Цит. по: *Волокитина Т.В.* Начало болгарской «оттепели» и общественные настроения в стране в 1950-е годы // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 306.
- 53 Цит. по: Там же. С. 306.
- 54 Там же. С. 120–121, 125, 138, 139.
- 55 Там же. С. 107–109.
- 56 Там же. С. 117.
- 57 ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 24. А.е. 206. Л. 1.
- 58 Цит. по: *Мигев В.* Отзвуки венгерской революции 1956 года в Болгарии. С. 288.
- 59 Там же.

Венгерский театр и 1956 год*

Революция 1956 г., как и любое узловое историческое событие, наложила отпечаток на все проявления венгерской жизни. Однако при изучении различных источников, позволяющих так или иначе представить себе, что происходило в октябре–ноябре 1956 г. в Венгрии, и при анализе многообразного влияния революции на венгерское общество, можно всегда увидеть разницу между непосредственной реакцией на события и последующей, более или менее интенсивной, рефлексией в различных областях культуры.

Как известно, писатели принимали активное участие в событиях — достаточно упомянуть знаменитый «революционный номер» литературной газеты *«Irodalmi Újság»* («Литературная газета») от 2 ноября 1956 г. (участие в нем сказалось на судьбах всех авторов, за исключением, пожалуй, только Шандора Петёфи, да и то только потому, что тот умер за сто с лишним лет до выхода газеты). Многие литераторы были осуждены и попали в тюрьму, как Тибор Дери, или были вынуждены совершить своего рода «сеанс саморазоблачения» и покаяться, но потом все равно не могли какое-то время публиковаться (Иштван Эркенъ). Впоследствии революция 1956 г. регулярно становилась если не центральной темой прозаических и стихотворных произведений (как у Тибора Дери, Дёрдя Конрада, Дёрдя Петри и позднее — у Эржебет Галгоци, Андора Силади, Гезы Сёча, Дёрдя Шпиро и многих других), то, как минимум, присутствовала в качестве фона для обозначения водораздела, момента выбора пути для героев, многое объясняя в характере и поведении персонажей, как, например, в одном из ключевых для понимания послевоенного венгерского общества романе Эндре Фейеша «Ржавое кладбище» (1962).

В силу разных причин (в том числе и личных — со стороны Матяша Ракоши) театр и до 1956 г. воспринимался как нечто более легкомысленное, нежели литература¹. О том, что происходило в театре в период революции, осталось не так уж много свидетельств. Что же касается кануна революции и того, с какими идеями и программами театральные деятели и театр как общественный институт

* Автор статьи выражает благодарность за предоставленные материалы Отделу истории театра Национальной библиотеки им. Сечени и лично руководителю Отдела, г-же Илдико Ширато, а также директору Фестиваля современной драмы, г-же Марии Майер-Силади.

встретили 1956 г., — судить об этом сложно, поскольку исследователь имеет дело с отцензурированной театральной прессой.

Фрагменты мемуаров и дневников, описывающих события октября-ноября 1956 г., только подтверждают отсутствие непосредственной реакции театра как вида искусства на то, что происходило «на улице». Большинство очевидцев (актеров, драматургов, режиссеров) констатируют, что узнали о революции чуть ли не случайно². Характерный пример находим в воспоминаниях актрисы, члена труппы Национального театра с 1952 по 1970 г. Кати Берек (род. 1930):

«Мы тогда репетировали в Национальном театре пьесу Дюлы Хаи “Правда Гашпара Варро” <...> Но спектакль так и не вышел, потому что в день генеральной репетиции началась революция. Студенты театрального, участвовавшие в качестве статистов, заявили Майору*:

— Отпустите нас, пожалуйста, товарищ Майор!

Мы были поражены — студенты обычно вели себя тихо, голос не подавали.

— То, чем мы сейчас занимаемся, очень важно, — ответил Майор.

— Самое важное — там, снаружи! — сказали студенты, они уже знали, что происходит на улицах.

Удивительным образом Майор не стал кричать, а отпустил ребят. Мы только непонимающе переглядывались. С утра до ночи репетировали в театре и даже не подозревали, что снаружи революция³.

Аналогичную картину находим у историка театра Балинта Мадьяра (1910–1992) — в 1955–1958 гг. он занимал пост директора театра Венгерской народной армии:

«Я вернулся в театр на трамвае — там уже шел спектакль “Святая Йоханна”. По пути ничего такого не увидел. Представление шло при полном зале. Я ушел к себе в кабинет, дверь между комнатой секретаря и администраторской была открыта. Там работало радио, как раз передавали речь Эрнё Герё**. По трем небольшим помещениям взволновано ходил Мики Габор (Йоханну в спектакле играла его жена, Ева Рутткай)*** и словно бормотал себе под нос проклятия. Тогда-то я сообразил, что малость выпал из происходящего. С учетом прежней позиции Мики я подумал, что он вместе с Герё возмущается поведением бунтовщиков. Однако мне быстро пришлось понять, что мнения и события могут оказаться переменчивы⁴.

Опрошенные мной очевидцы событий (например профессор-медиевист Янош Бак, в 1956 г. активный участник рабочего движения) по большей части вообще не упоминают театр в контексте революции. Тем не менее, известно, что в крупных городах актеры активно участвовали в демонстрациях и митингах, а в самих театрах в период с 23 октября по 4 ноября произошла временная «смена

* Тамаш Майор (1910–1986), крупный венгерский актер и режиссер, был в разные годы директором и главным режиссером Национального театра.

** Эрнё Герё (1898–1980), один из лидеров Коммунистической партии Венгрии, второе лицо в партийной иерархии после Матяша Ракоши, во время октябрьских событий 1956 г. бежал в СССР.

*** Речь идет о крупных венгерских актерах Миклоше Габоре (1919–1998) и Еве Рутткай (1927–1986).

власти»: партийные ставленники были уволены, во многих театрах были организованы революционные комитеты и проводились собрания. После 4 ноября на протяжении недели театры бастовали — т. е. не играли спектакли. Также нельзя не упомянуть об участии представителей театрального цеха в политических действиях, направленных против репрессивной политики партии — например, в подписании «Меморандума писателей и деятелей искусств» (октябрь 1956 г.). Среди подписантов были директор Национального театра Тамаш Майор, актеры и режиссеры Ференц Бешшенеи, Золтан Варкони, Иштван Хорваи, Миклош Габор, Эндре Мартон и Ева Рутткаи. Однако впоследствии все они были вынуждены отозвать свои подписи.

Поддержавшие революцию актеры выступали перед митингующими, записывались для Радио Кошута в здании парламента — об этом также говорится в воспоминаниях Кати Берек:

«В полдень 26-го мы как раз были дома. Раздался звонок, на пороге стояли Ференц Хонт и Ференц Хорват*:

— Поехали с нами!

— Куда?

— В Парламент!

<...> я с ними поехала. Как оказалось, актеров собирали для того, чтобы написать программу, до этого по радио передавали только музыку, которая периодически прерывалась новостями. Мы добрались до парламента, нас сразу принял Имре Надь. Там же были Гобби** и Майор. Я должна была прочесть “Колыбельную” и “Маму”, Гобби декламировала “Призыв”»⁵.

После прихода к власти правительства Кадара многие представители творческой интеллигенции оказались на скамье подсудимых, тем не менее, процессов с участием актеров было относительно немного, и большинство привлеченных к суду театральных деятелей вернулись затем в театры (хотя зачастую не в прежнем качестве). Так, Ференц Бешшенеи 23 октября декламировал стихотворение «Призыв» Петёфи у памятника Бему перед студентами и остальными митингующими. После 1956 г. актеру запретили работать где-либо кроме театра, т. е. перекрыли возможность сниматься в кино, и только в 1959 г. его сумел «вытащить» в кино Золтан Фабри (в фильме «Дувад»).

Куда меньше повезло выдающемуся венгерскому актеру Имре Шинковичу: его выступление с «Национальной песней» Петёфи перед собравшимися у Национального музея, а затем перед двумястами митингующих у парламента оказалось слишком заметным. Тюрьмы, по счастью, ему удалось избежать, но наказание — как и у Бешшенеи — было, скорее, экономическим: Шинковичу вдвое сократили зарплату, запретили играть главные роли; актера регулярно вызывали на допросы, призывая публично раскаяться на страницах газеты «*Népszabadság*» («Народная свобода»). Отказ привел к увольнению из Национального театра (а до этого Шинковича обязали полгода проработать на производстве) и вынужденному переходу в Театр будапештских трудящихся им. Аттилы Йожефа.

* Ференц Хонт (1907–1979) — режиссер и театровед; Ференц Хорват (1913–1993) — актер.

** Хильда Гобби (1913–1988) — одна из крупнейших актрис венгерского театра и кино.

Еще более серьезным репрессиям подвергся актер и режиссер Аттила Надь (1933–1992), бывший в 1955–1956 гг. членом труппы Национального театра в г. Мишкольц. В ноябре 1956 г. он был арестован и осужден на 12 лет лишения свободы за участие в деятельности рабочего совета комитата Боршод–Абауй–Земплен в качестве председателя (прокурор выступал за смертную казнь), а в 1961 г. выпущен из тюрьмы по амнистии, после чего вернулся в театр. Оценить «тяжесть» преступления можно по воспоминаниям самого Надя:

«Кое-кто из коллег-актеров вызвался пойти со мной на разгон жаждущей линчевания толпы, что как раз осаждала здание комитатского совета. Мы отправились туда, и я обратился к людям, пытался объяснить, в чем разница между линчеванием и революционной правдой. Народ попритих, а когда мы зашли в здание, выяснилось, что в нем оставались лишь двое дрожащих от страха молоденьких солдат, остальные все уже бежали. Солдатики тоже мигом смылись. Первый совет, организованный по инициативе Эрнё Розгони, уже к тому моменту давно прекратил свое существование. Сложилась ситуация, которая в “Белой книге”^{*} Мишкольца описана как “актерское правительство”. В любом случае, с 4 часов пополудни 27-го до шести вечера 28-го я по всем вопросам принимал решения как Аттила Надь. У меня не было никакого титула — просто произнес речь по радио о том, что нет смысла уничтожать народное добро на миллиарды форинтов, потому как в будущем оно нам тоже пригодится. Призвал рабочих явиться на рабочие места и присматривать за своими станками, продолжая сидячую забастовку. Чтобы не гасили огонь в печах, а студенты чтобы ходили на учебу и не болтались на улице среди вчерашних заключенных. Начальник городской полиции пообещал организовать из студентов патруль. <...> Сходил к транспортникам, попросил, чтобы с шести утра запустили трамваи и автобусы — стабилизировать ситуацию. Просил магазины, чтобы открылись, написал письма в местные службы, чтобы помогли со снабжением города продуктами»⁶.

Похожая судьба ждала и Ивана Дарваши (1925–2007), правда, поводом для преследования в его случае стала не политическая деятельность. Актер труппы театра Мадача остался в стране, хотя мог уехать, в надежде, что известность его защитит — «вина» его состояла в том, что 30 октября 1956 г. он отправился в будапештскую тюрьму, чтобы освободить заключенного в нее брата (по обвинению в шпионаже и предательстве родины) — революционный комитет выдал документ для освобождения политзаключенных. В мае 1957 г. Дарваши арестовали в собственной квартире за «контрреволюционную деятельность и вооруженное нападение на тюрьму», а также за сотрудничество с радио «Свободная Европа» и препятствие деятельности театров. С 1959 г. (когда его выпустили из тюрьмы) по 1963 г. Дарваши работал подсобным рабочим, затем вернулся в театр, но уже в Мишкольце.

^{*} Четырехтомное издание «Контрреволюционные силы в октябрьских событиях в Венгрии», так называемая «Белая книга», вышло в 1957 г. под редакцией Информационного отдела Совета министров ВНР. Авторы пропагандистской публикации стремились доказать, что в октябре-ноябре 1956 г. в Венгрии произошла именно контрреволюция. Также были выпущены дополнительные брошюры с описанием событий в различных регионах страны, в том числе и в Мишкольце.

Также попал в тюрьму на два года председатель революционного комитета дебреценского театра Ласло Меншарош (1926—1993) — в марте 1956 г. он сыграл в одной из немногих постановок, в какой-то мере отразивших беспокойное предреволюционное состояние общества: его Гамлет в Дебреценском театре им. Чоконаи был настоящим революционером. Меншарош смог вернуться в театр только осенью 1961 г. по личной договоренности с Дёрдем Ацелом, но и то на роли в жанре «кушать подано» в театре города Солнок. О неоднозначном отношении к происходившему в театральной среде и роли случайности в судьбе актеров и режиссеров, оказавшихся на «переднем крае» революции, свидетельствует фрагмент интервью актера с описанием событий 23—30 октября 1956 г. в Дебрецене:

«Помню, вечером мы еще репетировали, когда все началось. Мы услышали выстрелы — сотрудники Управления госбезопасности стреляли по демонстрантам. Трое безоружных демонстрантов погибли. Тери⁷, если правильно помню, как раз был то ли в Праге, то ли в Будапеште. На следующий день Тамаш Блум мне сказал: “Лаци, <...> организуй тут у нас Революционный комитет, а не то выдвинутся те, кто сразу воспользуется ситуацией. Будет лучше, если ты станешь громоотводом”. Объявили сбор трупы, но к тому моменту среди тех, кто был настроен положительно, распространилась идея, что выбрать надо меня. Выборы прошли быстро. Страсти, тем временем, начали накаляться, отчетливо помню, как кто-то встал и сказал, мол в Мишкольце уже вешают, а в Дебрецене еще ничего не происходит. Антисемитские выпады тоже были, начали требовать смены руководства. Это оказалось точкой кипения. Тери был человеком настолько внепартийным и благожелательным, что сразу после 4 ноября посоветовал тому, кто выступил с этим требованием, уехать из Дебрецена и устроил так, чтобы тот переехал в Бекешчабу. Персонаж этот в Бекешчабе занялся организацией ячейки ВСРП, и ему все сошло с рук. Я об этом не упоминал ни в полиции, ни на суде. Меня тем временем выбрали в городской Революционный комитет — так я и разрывался между театром и комитетом. Когда в театре всё до такой степени пошло в разнос, я расстроился и произнес длинную речь, в которой всем напомнил, что мы до сих пор были защищены. Помню, Эржи Шимор и Аги Хегедюш даже заплакали. Так или иначе, страсти поутихли, но тот тип опять вскочил и принялся за свое. Тогда я ходил в Революционный комитет и попросил у председателя бумагу, в которой говорилось, что в учреждениях культуры автоматической смены руководства не будет. <...> А он тем временем прислал вооруженных людей из национальной гвардии с призывом арестовать левых ракошистов-уклонистов. Пообщавшись с нами, гвардейцы, естественно, извинились и ушли»⁸.

«Мучеником революции от театра» стал Габор Фёльдеш (1923—1958) — тридцатитрехлетний режиссер дёрского театра им. Кишфалуди. 23 октября 1956 г. он вместе с коллегами организовал в Дёре отделение «Кружка Петёфи» и активно поддержал Имре Надя выступлениями по местному радио и в газете «*Hazánk*» («Наша родина»), а также добился, чтобы в декабре в театре было поставлено произведение венгерской классической драматургии, пронизанное пафосом борьбы за национальное освобождение — трагедия Йозефа Катоны «Бан Банк». 3 мая 1957 г. Фёльдеша арестовали и приговорили к смерти за организацию контрреволюционной подрывной деятельности; 15 января 1958 г. приговор был приведен в исполнение.

В ходе революции и после нее многие актеры эмигрировали: Виолетта Веррари — в Германию, Шандор Сабо — в США (единственный представитель этой волны эмиграции, достигший значительного успеха на Бродвее, а затем вернулся в 1976 г. в Венгрию).

Еще одно явление, связанное с участием театральных деятелей в событиях 1956 г. — так называемые живые позывные (*füttýjelek*). Как правило, это были актеры или другие представители театрального мира, которые заполняли паузы на радио после того, как революционные силы на время обрели контроль над радиотрансляцией.

Если же говорить непосредственно о театральных событиях, так или иначе связанных с 1956 г., то ряд специалистов (в том числе заведующая сектором истории театра Национальной библиотеки им. Сечени Илдико Ширато, директор фестиваля современной драмы Мария Майер-Силади и другие) выделяют три постановки.

Первая — уже упомянутый «Гамлет» в театре им. Чоконай в Дебрецене. Премьера 16 марта 1956 г. сопровождалась восхищенными рецензиями (25 марта Акош Коцог писал в газете «*Néplap*» («Народная газета»): «Меншарош до конца остается человеком, который вынужден платить, поскольку требует от лживого, двухмерного, пустого, бесчеловечного мира вернуть собственную человечность». Гамлет у Меншароша — бунтарь, предвестник революции. Когда в январе 1957 г. спектакль был восстановлен (с другим актером в главной роли), публика, по воспоминаниям Лайоша Фюра, особенно живо реагировала на монолог Гамлета о Дании-тюрьме.

Вторым заметным событием стала неожиданная для консервативного оперного театра июньская постановка балета Белы Бартока «Волшебный мандарин» (хореограф-постановщик Дюла Харангозо), где западный мир предстал в картинах живого, бурлящего города (партию Старого кавалера танцевал сам Харангозо) и явно противопоставлялся омертвевшей, застывшей официальной культуре.

И, наконец, 6 октября, в день перезахоронения Ласло Райка, события, во многом сыгравшего роль триггера массовых выступлений двумя неделями позже, на камерной сцене Национального театра (ныне эту сцену занимает театр им. Аттилы Йожефа) состоялась премьера военной драмы Йожефа Гали «Гора свободы» («*Szabadsághegy*»), содержащей критику культа личности Ракоши. На одном из двух премьерных показов, по воспоминаниям очевидцев, присутствовал и Имре Надь. Надо признать, что помимо сиюминутной актуальности и политического интереса большими художественными достоинствами эта пьеса не обладала. Тем не менее ее автор во время революции стал членом одной из групп сопротивления, действовавшей на базе больницы на ул. Шандора Петерфи*. 5 декабря 1956 г. Йожефа Гали арестовали и обвинили в «контрреволюционной деятельности», в 1957 г. он был приговорен к смертной казни, но благодаря протестам международной общественности исполнение приговора, вынесенного Гали и его товарищу Дюле Обершовски, участнику штурма Дома радио 23 октября и редактору газет «*Igazság*» («Правда») и «*Élünk*» («Мы живы») (обе газеты были нелегальными, поэтому насчитывают всего по несколько выпусков), отложили, а затем

* Не путать с великим поэтом Шандором Петёфи!

заменяли казнь многолетним (а для Обершовски пожизненным) заключением, позднее обоих выпустили по амнистии в 1961 г.

О непосредственной театральной рефлексии на «Будапештскую осень» 1956 г. сразу после окончания революции говорить сложно: в отличие от литературных кругов, которые принимали заметное участие в самой революции и существенно пострадали после ее разгрома, театральный мир Венгрии, с одной стороны, не подвергся значительным репрессиям, а с другой — не оказывал такого явного сопротивления системе, да и сама власть, скорее, поощряла развлекательную функцию театра, а ее обеспечение гарантировало актерам и режиссерам некоторую автономность существования. Политика полного игнорирования и замалчивания этой темы в театре привела к тому, что пьес о 1956 г. в 60-е — 70-е и даже в 80-е годы XX в. практически не писали. Было бы, однако, несправедливо утверждать, будто венгерский театр в кадаровскую эпоху начисто отказался от полемики с властью. Попытки говорить со сцены о том, чем были события 1956 г. — революцией или контрреволюцией, национальной трагедией, моментом народного подъема, спланированной (какой бы то ни было из сторон) акцией и т. д. — все-таки предпринимались, однако в качестве драматического материала зачастую использовались классические венгерские или зарубежные произведения, позволяющие провести исторические параллели.

Таким «опосредованным» обращением к теме 1956 г. стала постановка пьесы Петера Вайсса «Марат/маркиз де Сад» в театре г. Капошвар (режиссер Янош Ач, 1981 г.): элементом декорации в спектакле была огромная фотография двора кинотеатра «Корвин», где в ноябре 1956 г. шли самые ожесточенные бои. По словам другого режиссера этого же театра, Гамбора Жамбеки, «всем было все ясно. Не было такого зрителя в зале, который бы не понимал, что речь идет о 56-ом годе»⁹.

Если же говорить о спектаклях и пьесах, посвященных событиям 1956 г. напрямую, можно выделить «Квартет» Дёрдя Шпиро (1997; постановки 2005 и 2014 гг.), где речь идет о судьбах венгров «уехавших» и «оставшихся» после 1956 г., «Казематы» Яноша Тереи и Андраша Паппа (2006; постановка 2016 г.), «Либертэ 1956» Гезы Сёча¹⁰ (2005; постановка — 2006 г.) и трагифарс братьев Мохачи «56 06 / безумная душа поверженное войско» — два последних спектакля были поставлены в год пятидесятилетия событий октября-декабря 1956 г., первый — в дебrecенском театре им. Чоконаи (режиссер Аттила Виднянский), а второй — на сцене капошварского театра.

Десять лет спустя, в 2016 г., большую часть театральных мероприятий, связанных с революцией 1956 года, составили документальные драмы (*докудраны*) — такие, как «Пали» — монолог супруги Пала Малетера, зачитанный актерами со сцены театра им. Йожефа Катоны (23 октября 2016 г.); «Исход 56» — драматическая композиция на основе интервью венгров, эмигрировавших из страны после подавления революции*, совместная постановка театра им. Катоны и Панно Драны (4 ноября 2016 г.). Надо назвать в этом ряду также и постановку театра им. Эркеня по книге Иштвана Эрши «Воспоминания о прекрасных прежних временах» (1989) — рассказ о четырех с лишним годах, проведенных автором в тюрьме за участие в революции (премьера 9 ноября 2016 г.)

* Всего из Венгрии уехали тогда около 200 тыс. человек.

Документальное соединяется с символическим в спектакле Аттилы Виднянского «Илонка Тот» (2016) — сценической адаптации истории единственного публичного процесса над участницей событий 1956 г., медсестрой Илоной Тот (автор преобразованного в пьесу киносценария — Андор Силади).

Не углубляясь в подробный разбор драматических текстов и их сценических воплощений, приходится констатировать, что большинство перечисленных постановок и пьес (за исключением, пожалуй, драмы Шпиро и ряда пьес Иштвана Эрши, где так или иначе поднимается тема 1956 г.) были приурочены к годовщинам революции — в 2006 и 2016 г. Означает ли это, что венгерский театр отказывается от размышлений на эту тему и от диалога с современным венгерским зрителем, вспоминая об одном из поворотных событий национальной истории XX в. только по «датским» поводам? Ответ на этот вопрос, отчасти, можно будет получить в течение ближайших лет, анализируя репертуарную политику венгерских театров и появление (или отсутствие) в будущем драматических произведений, так или иначе, затрагивающих проблему 1956 года.

Примечания

- 1 Характеристику театральной жизни первой половины 1950-х годов дает в воспоминаниях венгерский философ Агнеш Хеллер: *Хеллер А.* Освенцим и ГУЛАГ // Неприкосновенный запас. 2005. № 100. С. 205–224.
- 2 Подробнее с документальными материалами по теме можно ознакомиться в серии публикаций из архивов Национальной библиотеки им. Сечени (Отдел истории театра): http://nemzetikonyvtar.blog.hu/tags/1956_szinhas (здесь и далее дата последнего посещения 22.12.2016); также по теме см.: *Cseh K.* A teátrális demokrácia útjai: A színház szerepe az 1956-os forradalomban // *Színház.* 2011. 44. évf. 7. sz. 32–39. old.
- 3 *Berek K.* Tájékp magammal / *Lejegyezte E. Ézsiás.* Budapest, 2004, 108. old.
- 4 *Magyar B.* Bukásra ítélt siker. A Vígszínház élén 1955–1958, Budapest, 2004. 109. old.
- 5 *Berek K.* Tájékp magammal. 110–111. old.
- 6 *Bulcsú B.* Az ember elpusztíthatatlan. Nagy Attila // *Eadem.* Írók, színészek, börtönök, Budapest, 1990. 219–220. old.
- 7 Арпад Тери — директор театра.
- 8 *Bulcsú B.* A tárgyalások bántóbbak voltak, mint a kihallgatások // *Mensáros László* élete és pályafutása / Szerk. М.А. Р. Тörök. Budapest, 2001. 45–46. old.
- 9 Интервью Габора Жамбеки (подготовлено Л. Эрши в 2008 г.) хранится в фондах венгерского Института 1956 года. Текст доступен по адресу: <http://www.visszaemlekezesek.hu>
- 10 Пьесы Яноша Тереи (перевод Д. Анисимовой) и Гезы Сёча (перевод В. Середы) опубликованы. См.: Современная венгерская драматургия. В 2-х т. М., 2006, Т. 1; 2009, Т. 2.

Венгерская культурная политика после 1956 года

Какими бы ни были конкретные причины, обстоятельства и последствия революционного взрыва осени 1956 года в Венгрии, суть его, как я уверен, в том, что это было одно из первых мощных проявлений глубинного, радикального отторжения самой историей, или, точнее сказать, естественным ходом истории, или, если угодно, здравым смыслом, носителем которого является народ, — отторжения навязанного человечеству (во всяком случае, значительной его части) утопического, противоестественного пути. Отторжение это может быть и часто было, до определенного момента, латентным; у венгров оно проявилось открыто. Восстание было жестоко подавлено. Но процесс отторжения продолжался и нарастал. Одним из каналов его стала литература и искусство в целом, где стремительно накапливались, усиливались диссидентские настроения.

Конечно, диссиденты — и открытые, громогласные (пускай громогласны они были в основном «за бугром», в безопасном эмигрантском бытии), и скрытые (например, некоторые писатели), подтачивавшие устои официальной идеологии исподтишка, через эзопов язык, через аллюзии, — все они немало сделали для подготовки массового сознания к разочарованию в райских перспективах социализма и к отказу считать компартию умом, честью и совестью нашей эпохи. Только вот зависимость здесь, мне кажется, скорее обратная: не столько диссидентство разрушало коммунистические режимы, сколько коммунистические режимы порождали диссидентство. Так больной организм вырабатывает токсические вещества, которые, накапливаясь в тканях и органах, усугубляют болезнь, ускоряют ее победу над здоровьем, т. е., попросту говоря, подталкивают организм к смерти.

Примером подобной зависимости является хотя бы знаменитая хрущевская «оттепель». Правящая верхушка СССР, инстинктивно чувствуя невозможность дальнейшего успешного функционирования сталинской модели, «ослабила гайки» — и тем самым запустила процесс развала, гибели системы. Приостановить, замедлить (но, как показывает двадцати-тридцатилетний отрезок истории после смерти Сталина, не обратить вспять) этот процесс удалось лишь с помощью жесткого оперативного вмешательства (Венгрия — 1956 год, Чехословакия — 1968 год). Однако болезнь — если нежизнеспособность данной системы можно назвать болезнью — вылечить, остановить было нельзя, организм продолжал интенсивно вырабатывать токсины.

Иногда не может не возникнуть впечатление, что правящая верхушка в той или иной стране чуть ли не сознательно (исходя при этом из интересов оздоровления, спасения социализма) способствовала распространению идей и настроений, разрушающих этот режим. Да что впечатление: разве не фактом является то, что Имре Надь в Венгрии, Александр Дубчек в Чехословакии пытались придать строю, в основе своей бесчеловечному, человеческое лицо? За что и поплатились...

Но если даже не брать такие кричащие, такие крайние примеры (хотя они сами по себе очень показательны), то и в спокойных, подчас даже благостных буднях «реального социализма» можно вычленишь, разглядеть свидетельства того, что процесс, так сказать, самоликвидации не останавливался, а шел вперед.

Эпоху Кадара принято делить на четыре периода: во-первых, до 1963 г. — период, определяемый словом «*megtorlás*» («расправа», «возмездие»), — годы, когда приходилось преодолевать последствия восстания, т. е. период реакции (сюда входило и физическое уничтожение Имре Надя и его соратников); во-вторых, попытка введения «нового хозяйственного механизма» и создания «социалистического общества благосостояния»; в-третьих, 70-е годы XX в. — период отступления от реформ, стагнации, консерватизма; 4) 80-е годы XX в. — череда кризисов, завершившаяся крахом.

О каждом из этих периодов можно говорить отдельно — хотя бы потому, что каждый из них был далеко не однозначным. Взять уже первый период: да, Н.С. Хрущев выбрал Яноша Кадара как человека, который должен вернуть Венгрию в лоно социалистического содружества, подавить, вытравить всякие еретические настроения, всякие сомнения в перспективности социализма, в оптимальности советского пути и т. д. И Кадар вполне оправдал доверие: он сделал то, чего от него ждали. Но Хрущев и сам, надо думать, понимал, что жесткая, диктаторская линия, сталинизм — это опасно для судьбы того же социализма. Поэтому он поставил во главе Венгрии не нового Ракоши, а человека иного склада; я бы сказал: подобрал руководителя по своему образу и подобию, т. е. руководителя «оттепельного» типа. Насколько это трудное, даже безнадежное дело, показывает судьба самого Хрущева: трагикомические зигзаги проводимой им линии (от XX съезда КПСС до ресталинизации, от разрешения печатать «Один день Ивана Денисовича» до площадной брани в адрес молодых художников) и не менее трагикомический финал его карьеры. Конечно, Кадар был не таким импульсивным, как Хрущев, не бросался из крайности в крайность; но у меня есть сильное подозрение, что роль палача, которая на него была возложена, тяжелым гнетом легла на его совесть и в конце концов привела к тому душевному конфликту, проявлением которого стала его последняя речь на Пленуме ВСРП...

Как бы то ни было, его неоднозначность, вытекающая из стремления блюсти принципы, быть правоверным коммунистом, с одной стороны, и понимание (или — ощущение?) того, что принципы эти плохо совмещаются с человечностью, да и просто со здравым смыслом, — проявилась уже и в первом, самом жестком периоде. И проявилась она, например, в том, что Кадар приблизил к себе, а потом сделал, в сущности, вторым человеком в партийно-государственной

иерархии Дёрдя Ацеля*. Не только потому, что Ацель пережил (как и сам Кадар) репрессии, около пяти лет сидел в тюрьме — как причастный к пресловутому делу Райка. Но главным образом потому, что, видимо, почувствовал (а может быть, знал об этом, поскольку они были в дружеских отношениях) в нем человека незашоренного, широкого (в известном смысле либерала).

Во всяком случае, уже в августе 1957 г., будучи заместителем министра культуры, Ацель направил в ЦК партии письмо, в котором впервые сформулировал свой, позже ставший знаменитым, принцип «трех Т».

Писем в ЦК во всех странах, где были свои ЦК, писали много. В лучшем случае их оставляли без ответа, в худшем — могли надрать уши или еще похуже. Письмо Ацеля, посланное отнюдь не в самый удачный момент (еще и года не прошло после революционной вспышки осени 1956 г.), не просто не пропало втуне, но через несколько лет стало определять всю культурную политику венгерских коммунистов. Меньше всего я склонен думать, что Кадар, прочитав письмо, ахнул, почесал лысину и задумался: а ведь толковые вещи говорит парень! Скорее я бы предположил (но это — чистая моя фантазия), что позиция Ацеля была у них с Кадаром в каких-то конфиденциальных разговорах согласована и Ацель писал не наобум.

Вообще-то формула эта, «три Т», только на первый взгляд проста. «*Támogatás, túrés, tiltás*» — что-то мы поддерживаем, что-то терпим, что-то запрещаем. Вроде бы логично. По крайней мере, поддержка и запрет особых вопросов не могут вызывать. Но вот что значит «терпим»? Здесь, очевидно, имеются в виду явления (произведения, высказывания, позиции и т. п.), с которыми мы не согласны, но с существованием которых считаем разумным и целесообразным мириться. Но ведь это, по сути дела, означает признание плюрализма взглядов и мнений! Одно из главных требований, из-за которых рухнула коммунистическая власть в СССР. Если ты что-то допускаешь, значит, ты признаешь правомочность этого чего-то, значит, ты признаешь, что твое мнение — не единственно правильное. Значит, такие постулаты, как, например, «учение Маркса правильно, потому что оно верно», — не более чем пустые слова.

Вообще такое явление, как терпимость, толерантность, — это едва ли не высшее проявление цивилизованности. Ведь толерантность — это, если разобраться, сознательное культивирование в обществе конкурентной среды, не ради чего-то, а в интересах общего прогресса, так как в цивилизованном обществе все его слои могут укрепляться и развиваться лишь в состязании с соперничающими. Терпимость подразумевает понимание того, что всесторонняя социальная истина заведомо не может быть достигнута без уважения к мнениям, отличающимся (даже, может быть, радикально отличающимся) от наших собственных.

Конечно, и у терпимости могут быть свои варианты. Она может быть вынужденной, тактической: дескать, ладно, мы вас потерпим немного, а потом — к ногтю. (Известная история: «пусть расцветают сто цветов».)

* Венгерская фамилия *Aczél* может передаваться на русском языке как с мягким знаком — Ацель, так и без — Ацел. Редколлегия оставила за авторами право выбрать то или иное правописание. (Прим. отв. ред.).

Конечно, есть большой соблазн трактовать терпимость в триаде Ацеля именно как такую тактическую уловку. Но дальнейшая история этого принципа, история развития культурной политики в Венгрии на протяжении 1960–1970-х годов, свидетельствует о том, что вряд ли это было тактическим ходом.

Если для такого вывода мало самих перипетий культуры, искусства, литературы (дескать, они развивались, как развивались, и воля режима тут просто оказывалась бессильной, неэффективной: имманентное движение способно смести любые субъективные ограничения), то нельзя не учесть и других вещей, которые ставят под сомнение тезис об имманентности. Да, Кадар мог приструнить Ацеля, мог бы вообще «задвинуть» его — однако, напротив, Ацель становился все влиятельнее и вскоре, на посту секретаря ЦК, затем члена Политбюро, вырос в руководителя культурной политикой Венгрии.

В этом плане очень большое значение приобретает тот факт, что в декабре 1961 г., т. е. еще до завершения того периода, который считается периодом расправ, Янош Кадар провозгласил очень важный и очень необычный для коммунистического руководителя лозунг: «Кто не против нас, тот с нами».

Кадара, при всей его простоватости, мужиковатости, недаром считают чуть ли не гениальным дипломатом. Если эти слова отражают его убеждение, то он мудро не высунулся с ним раньше: Хрущев не задумываясь убрал бы его, отстранил от руководства. Но 1961 год был в этом смысле удачным: в СССР готовился XXII съезд КПСС, который должен был стать продолжением XX съезда; ну, были и другие факторы. Так что Кадар, взяв этот лозунг из Евангелия («Ибо кто не против вас, тот за вас». Марк 9: 40), не слишком рисковал.

Кадару с Ацелем нужно отдать должное еще вот в каком отношении. Если бы они посягнули на устои социализма в политике, в экономике (скажем, попытались бы пересмотреть тезис о диктатуре пролетариата или реабилитировали частную собственность), им бы несдобровать. Искусство, культура же — в коммунистических режимах это не казалось кардинально важной сферой. Даже Сталин позволял себе некоторые либеральные жесты по отношению к Булгакову, к Пастернаку. А тот факт, что абсолютно антисоветский роман «Тихий Дон» был зачислен в классику социалистического реализма, — разве это не свидетельствует о не слишком скрупулезном отношении власти к литературе?..

Но венгерский опыт говорит еще и о другом. Когда перед писателем (если, конечно, он человек мыслящий) стоит выбор, быть поддерживаемым властью или терпимым ею, причем выбор этот не связан с публикуемостью, гонорарами, дачами и т. д., то — тут вступает в действие простая психология — писатель выберет второе. Быть в оппозиции к власти в наших краях всегда престижно.

В итоге к 1980-м годам в Венгрии практически не осталось литературы, которая могла быть отнесена к «поддерживаемой». Оставаться в этой категории было как бы немного стыдно, ощущалось как некий моветон.

В других социалистических странах, в других условиях тоже происходило нечто подобное, но, конечно, не в таких масштабах. А то, что коммунисты в своем отношении к искусству и литературе, в недооценке их воздействия на умы сильно ошибались, теперь, думается, очевидно: ведь искусство и литература — довольно важный, хотя и не решающий, фактор влияния на общественное сознание, подтачивающий идеологический костяк режима.

Мне не очень верится, что Ацель, провозгласивший принцип «три Т» и проводивший его в жизнь, был настолько наивен и недалек, что не предвидел подобных последствий.

Вместе с тем я вовсе не считаю Ацеля — вместе с Кадаром — такими Штирлицами, которые целенаправленно подрывали изнутри социализм. Просто они по-своему (куда осторожнее, осмотрительнее, чем упоминавшиеся выше Имре Надь и Александр Дубчек) пытались исправить то, что считали недостатком социализма, вредным для его успешного продвижения. И делали это с постоянной оглядкой на «старшего брата», балансируя между режимом и своими принципами. Отсюда — непоследовательность, половинчатость, противоречивость многих их действий.

(Как известно, Ацель после своей отставки жил в Вене и писал мемуары, но не успел их завершить: он умер в 1991 г. Интересно было бы почитать их. Может быть, когда-нибудь удастся. Хотя — вряд ли*).

* Некоторые мемуарные наброски из наследия Д. Ацеля, создающие образ Я. Кадара, публиковались. См., например: Rubicon. Budapest, 2000. 6. sz. 4–11. old. (*Прим. отв. ред.*).

Венгерский «порог» Хрущева в глазах советской общественности

XX съезд КПСС вызвал потепление в общественной атмосфере не только стран Восточной Европы, но и СССР. Проявилось это в самых различных сферах политической и социокультурной жизни, в том числе и в сугубо внутривнутрипартийной. Несколько оживлённее, чем раньше, осенью 1956 г. проходила отчётно-выборная кампания в КПСС. Началась она, как обычно, с низовых организаций, существовавших на заводах и фабриках, в учреждениях и организациях, а также в воинских частях. Вот что говорилось о ней в информации, которую получала первый секретарь Московского городского комитета КПСС в ранге кандидата в члены Президиума ЦК КПСС Екатерина Фурцева:

«Подавляющее большинство проходит на высоком политическом уровне. Коммунисты вскрывают недостатки в партийной и хозяйственной работе, подвергают острой критике их виновников». Но не просто критикуют, а порою отказывают в доверии некоторым из них. Так, во Всесоюзном теплотехническом институте (Пролетарский район) на перевыборах партбюро был забаллотирован его директор Горшкова¹. Исключили из списка кандидатов в члены партбюро и директора Института тонкой химической технологии Мышко: он получил много критических замечаний за то, что решал единолично (в том числе по звонку сверху) вопросы приёма, не советовался с заведующими кафедрами и вообще мало общался с людьми (даже позволил себе не явиться на собрание). Президиум спрашивали, почему отчётно-выборное собрание проводится, когда директор в отпуске². Оказались забаллотированными секретари парткомов в институте инженеров транспорта и авиационном³. Всего в таком положении в Москве оказались 143 секретаря и 57 хозяйственных руководителей⁴.

В Госэкономкомиссии СССР резко критиковался ее председатель в ранге члена Президиума ЦК КПСС М.З. Сабуров: не бывает на партийных собраниях, одним словом, «у нас культ личности еще не изжит». А его заместитель Силуанов любил критиковать, но в свой адрес критики не терпел. Обрушившийся на них член парторганизации Ищенко предложил вернуться к 7-часовому рабочему дню, а также «распутать вопрос о заработной плате», учитывая при этом прожиточный минимум. Но таким, как он, кричали из зала: «Хватит! Кончай!»⁵.

На отчетно-выборной комсомольской конференции в МГУ им. Ломоносова 22–23 октября (в Будапеште как раз в это время началось восстание) многие

отмечали, что преподаватели кафедр социально-экономических дисциплин проводят семинарские занятия в отрыве от практики, не увязывают обсуждаемые вопросы с важнейшими событиями в жизни нашей страны и за рубежом. А делегат от факультета журналистики И. Дедков (впоследствии видный литературный критик) назвал отчетный доклад Спиридонова демагогией, политической спекуляцией: «Сначала призывают развивать демократию, а потом клеймят за нее. От демократии ничего не остаётся». Другой делегат, Днестровский высказал мнение о том, что в комсомольских организациях надо проводить диспуты по политическим вопросам, например, о строительстве социализма в Китае. А вообще-то комсомол должен обсуждать все постановления партии и правительства, чтобы выразить своё отношение к ним и дать им оценку. И что характерно: «Подобные выступления находили значительную поддержку у значительной части делегатов, которые встречали их аплодисментами»⁶.

В центре внимания читающей публики тогда находился только что опубликованный роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым». Интеллигенция, может быть, не умом, а сердцем, подкоркою чувствовавшая себя отнюдь не любимицей власти, валом повалила на обсуждение этого романа, происходившее в разных местах Москвы. Остановить ее в отдельных случаях могла только конная милиция. Такой живой интерес был вызван не только и не столько содержанием романа⁷, сколько теми откровениями, которыми делились читатели. Так, в секции прозы Московского отделения Союза писателей 22 октября 1956 г. (в тот самый день, когда студенты в Будапеште готовили митинг с изложением политических требований к власти) К.Г. Паустовский говорил о кастах и классах в советском обществе, а запись его речи стали перепечатывать и распространять первые самиздатчики.

«Отец» советской водородной бомбы 35-летний А.Д. Сахаров спрашивал своего старшего коллегу И.Е. Тамма, нравится ли ему Хрущев, прибавляя: «Мне — в высшей степени, ведь он так отличается от Сталина!» И услышал такой ответ: «Да, Хрущев мне нравится. Конечно, он не Сталин. Но лучше, если бы он отличался от Сталина еще больше»⁸.

Однако перепрыгнуть через свой политический опыт Хрущев, очевидно, не мог. А опыт этот свидетельствовал: опасно давать послабления обществу, нельзя проявлять мягкотелый либерализм. Взять хотя бы философский факультет Московского университета. Там на открытом партийном собрании нашлись коммунисты, например, Евгений Плимак и Юрий Карякин, которые обвинили заведующего одной из кафедр в догматизме, а факультетское партбюро — в зажиме критики. Мало того, некоторые из них стали замахиваться на святая святых! На заседании парткома МГУ 24 октября с тревогой отмечалось, что кое-кто из молодых преподавателей-философов позволяет себе говорить: «Маркс и Энгельс банальны! Ленин устарел! Дайте почитать Бухарина!» А ассистентка (на самом деле — старший преподаватель) Галина Арефьева посмела сказать, что «ЦК — не икона». Сетую на то, что «известную поддержку студентов» находит «идеологический нажим, который делают извне вражеские элементы», представитель Ленинского райкома КПСС воскликнул: «Смотрите, как болезненно воспринимают они те события, которые происходят в Польше⁹, — они раскупают все югославские газеты!»¹⁰.

Да, именно тогда некоторые студенты московских вузов, особенно те, у кого не было радиоприёмников, открыли для себя такой интересный источник информации как белградские газеты «Борба» и «Политика», с некоторых пор ставшие свободно продаваться в киосках «Союзпечати». Ведь сербский язык при большом желании понять можно, а югославский диктатор Тито иногда позволял себе и своей пропаганде критически высказываться о политике СССР и его сателлитов.

28 октября ленинградец Револьт Пименов написал и отправил нескольким депутатам Верховного Совета СССР письмо — «Правду о Венгрии». В нём он пытался вразумить своих адресатов. Правительство, которое держится на штыках иностранных войск, он называл «марионеточным», а сами эти войска — «интервентами»¹¹. Более осторожной, но понятной в контексте тех дней, является запись, сделанная 1 ноября 1956 г. А.Т. Твардовским: «Мы как бы вышли из некоего возраста, и нам как-то неловко, не подходит и не по душе то, что с нами обращаются, как с малыми детьми, не говорят правды, скрывают “запретное” и навязывают мысли и представления, которые не по возрасту. Действительно, как всё виднее стало вокруг, всем виднее, кроме “впередсмотрящих”, пожалуй»¹².

Кризис в Польше и открытое восстание в Венгрии вызвали противоречивые отклики в стране и заставили советское руководство сплотиться для принятия решительных мер, дабы предотвратить развал Варшавского военно-политического блока. Пришлось применять силу в Венгрии, а общественности внушать, что иначе было нельзя.

Однако реакция части населения на эту акцию оказалась довольно острой.

31 октября 1956 г. на предприятиях и в учреждениях Москвы читалась опубликованная в газетах декларация Советского правительства «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами»*.

Читавший вслух эту декларацию на чугунолитейном заводе им. Войкова инженер Королёв высказал надежду, что после ознакомления с нею «трудящиеся Венгрии и Польши не будут идти на поводу у англо-американских шпионов»¹³ <...>:

— Надо не дать возможности Америке вырвать из лагеря социализма Венгрию и Польшу, — заявил рабочий завода “Москабель” Рудаков.

— Сейчас нельзя выводить войска из Венгрии и Польши, — говорил шлифовщик завода “Компрессор” Вишинкин. — Вывести войска — значит проявить своё бессилие против Америки, она немедленно приобретёт к рукам эти страны¹⁴ <...>.

* В этом документе с известной долей самокритики была оценена проводившаяся до XX съезда КПСС советская политика в Восточной Европе, ущемлявшая принцип равноправия в отношениях СССР с социалистическими государствами. Была декларирована готовность перестроить отношения с другими соцстранами на основе подлинного равноправия и, что самое важное, снова рассмотреть вопрос о пребывании на территории некоторых стран советских войск, было подчеркнуто, что они могут находиться только с согласия правительств соответствующих государств. (Прим. отв. ред.).

Задавались и вопросы:

— Почему Би-би-си подробно информирует весь мир о событиях в Венгрии и Польше, а наша печать держит советский народ в неведении?

— Почему рабочие Венгрии присоединились к заговору reactionеров?

— Что за ошибки нашего правительства, о которых говорится в Декларации?

— Среди народа ходит слух, что Англия и Франция предъявили ультиматум СССР по событиям в Венгрии и Польши. В чём его суть, и почему о нём ничего не известно нашему народу?¹⁵ <...>

Технологи завода “Энергоприбор” в Ленинском районе Фишман и Ясинский утверждали, что события в Польше — дело рук югославов и что рабочие советы создаются под их влиянием.

— Хотелось бы знать, что явилось истинной причиной путча, — говорили токарь Власов и шлифовщик Райченко на заводе № 45 <...>.

Абсолютное большинство одобряет декларацию, но указывает, не будет ли это истолковано как попытка вмешательства в дела стран народной демократии»¹⁶.

В информации от того же дня на имя Фурцевой отмечалось: «В Министерстве путей сообщения СССР инженер Косарев сказал: “Не для того наш народ проливал кровь во Второй мировой войне, чтобы силы реакции ликвидировали революционные завоевания народов”»¹⁷. Инженер Управления Московско-Рязанской железной дороги беспартийная Рудская говорила: «Крепко сказано. Наши отступили, но в то же время дали понять, что мы всегда поможем нашим друзьям»¹⁸. К большей бдительности при подготовке проведения праздника 39-й годовщины Великого Октября призвал научный сотрудник Химико-фармацевтического института Плешкевич¹⁹.

А вот в Детском театре артист Тимофеев, одобряя в целом декларацию, отметил, что она запоздала, и говорил о необходимости провести партийные собрания, где можно было бы высказаться по всем вопросам, в том числе о пересмотре системы выборов в советы: «Выдвигается один кандидат в депутаты, и часто мы его не знаем, а голосуем формально»²⁰.

Имели место и такие высказывания: «В нашей стране так много бюрократизма и несправедливости, что трудно это выразить», — заявил слесарь Афонин на троллейбусно-ремонтном заводе (кстати, секретарь цеховой парторганизации). И продолжил: «Огромный разрыв в зарплате министрам, руководителям, артистам и, с другой стороны, рабочим. Несправедливое распределение жилплощади: руководители занимают дома, особняки, огромные квартиры, а рабочие ютятся в подвалах, в ужасных общежитиях. Такое несоответствие в жизненном уровне может привести и у нас к тому же, что сейчас происходит в Венгрии. А ведь там привыкли к более высокому жизненному уровню, чем у нас, и не хотят мириться с создавшимися условиями. <...> Многие рабочие молчаливо поддерживали мнение т. Афонина».

Из Москворецкого района сообщали, что один рабочий, придя в партбюро, рассказал о слышанном в пригородном поезде разговоре: «Молодцы, венгры! Надо нам сделать то же, а то 39 лет живём при советской власти, а на харчи себе не можешь заработать».

О «неправильных высказываниях» рабочих на предприятиях соседнего Кировского района была составлена специальная информация. Судя по ней,

в 1-й образцовой типографии им. Жданова комсомолец Сергеев в ответ на вопрос, зачем в Венгрию посылать продукты, когда самим голодно, сказал: «Посмотрите журнал “Советский Союз”, там всё есть: и квартиры, и колбаса, и сосиски». А слесарь Кузнецов добавил: «Им посылаем стройматериалы, а у меня в 8 метрах проживают 4 семьи, да еще 3 семьи через нашу комнату проходят. А сосиски может быть и есть, но в ресторане, но стоят столько, сколько я получаю за две недели». «Если ничего не изменится, то в Москве произойдет то же, что и в Будапеште», — предупредил один слесарь, фамилию которого выяснить не удалось.

При этом секретарь парткома Маранов и заведующий кабинетом политпросвещения Вильфанд отметили, что «ряд коммунистов не всегда дают отпор отсталым и неправильным высказываниям и настроениям, а иногда и сами поддаются под их влияние»²¹.

Заведующему отделом Железнодорожного РК КПСС Борисову в Московском городском педагогическом институте им. Потемкина, где он был на отчетно-выборном собрании, сообщили, что среди отдельных студентов ходят такие разговоры: молодёжь всегда была носителем передовых взглядов. Значит, и события в Венгрии являются революционными, раз их возглавила молодежь²².

Информация, отправляемая наверх партийными и чекистскими органами, включала в себя отнюдь не все, что тогда их беспокоило, но волновало простых людей в те дни.

Московский государственный историко-архивный институт входил в ведомство МВД СССР и в силу этого обстоятельства годовщину Октября его студентам позволили отметить в министерском клубе на Лубянке, где первоначально размещалась ВЧК. Так вот там во время застолья поднимались бокалы и произносились такие тосты: «Да здравствует польская революция! Да здравствует венгерская революция! Да здравствует будущая четвёртая русская революция!». И их встречали криками: «Ура!».

Не могу сказать, что эти «ура» были всеобщими. В зале было шумно, и далеко не все присутствовавшие слышали друг друга. Но ни в партком, ни в КГБ информация об этом не поступила.

Если подобные вольности позволяли себе люди в официальной атмосфере собраний и митингов, то что же можно было ожидать от них, когда они оставались с глазу на глаз в своем кругу?

Согласно опросу, проведенному в 1997–2003 гг. студентами-историками Московского областного педагогического (ныне государственного областного) университета среди людей разных возрастов, но всё же помнивших 1956 год, из общего числа 1 475 опрошенных ими положительно отнеслись к вводу советских войск в Венгрию 534 человека (36%), а отрицательно — 213 (14,4%). Остальная половина приблизительно равно распределилась на тех, кто или недоумевал, сомневался в необходимости такого шага, опасался его последствий, или не знал, не обратил внимание на это событие, или затруднился с ответом, в том числе потому, что не помнил тогдашней своей реакции или вообще ничего подобного не помнил. Либо, наконец, отказался отвечать на вопрос или давал такой ответ, который трудно поддается однозначному толкованию.

Мотивация тех, кто одобрил советскую акцию, не отличается особым разнообразием.

Так, считала этот шаг помощью народу Венгрии в борьбе с контрреволюцией учительница истории в троицкой средней школе Подольского района Е.С. Петрова²³. Военнослужащий В.Ф. Кузнецов из подмосковной Истры полагал, что надо было воспрепятствовать хортистам, переброшенным в Венгрию американцами²⁴. В это время заканчивал службу в армии призванный из Химок В.П. Сёмин, и его часть сутками находилась в боевой готовности, чтобы, как объясняли, воспрепятствовать американцам, подстрекавшим венгров против СССР²⁵. «В Венгрии была заваруха и мы помогли братскому народу», — объяснял С.Ю. Леванов, работник литейно-механического завода Мосстроя²⁶. Считал, что мы оказываем помощь, конюх И.Н. Захаров из колхоза «Ленинец» Московской области (кстати, неграмотный, хотя и родился в 1919 г.)²⁷. Жалел и потом, что не подавили контрреволюцию, командир катера на Черноморском флоте Ю.А. Перов²⁸. Колхозный бригадир Н.С. Кучко из деревни Шамовка Брянской области был уверен: раз «мы эти земли освобождали, значит имели право влиять на ихние дела»²⁹. Старшина-сверхсрочник дивизии им. Дзержинского Г.С. Гришин полагал, что Советское правительство имело на это право: «Ведь мы их избавили от фашизма»³⁰. Абсолютно правильным в то время шагом считал советское вторжение Г.А. Ерошенко, путейщик из железнодорожного посёлка Ивановский в Саратовской области: «Что это вы предаёте Советский Союз? Мы за вас и вашу свободу столько людей положили»³¹. «Мы их освобождали, а они пошли против нас», — обижался Д.Ф. Сироткин из колхоза «Фряново» Щёлковского района³².

«За социализм надо бороться», — считала Т.В. Куренкова, бухгалтер в колхозе «Пролетарий» Саратовской области³³. Слушая радио, плакал Ф.Ф. Филиппов из деревни Филиппово Шатурского района: «Добили нехристей!»³⁴. «Мы никогда не делали ничего неправильного», — с гордостью говорил Н.П. Аверкин, свиляр из Спасска в Рязанской области³⁵.

«Значит так было нужно», — считала свинарка подмосковного совхоза «Белая дача» А.М. Блохина³⁶. «Надо, так надо, — думала колхозница П.И. Гопак из деревни Квасово в Закарпатье. — Что поделаешь?»³⁷. (Здесь очевиден момент сожаления о произошедшем.)

«Мы не думали, правильно ли это или неправильно, — признавалась наладчица Горьковского автомобильного завода Л.А. Кокурина, — а просто поддерживали советскую власть»³⁸.

В то время служил на Западной Украине военнослужащий М.С. Бороковский: «Был очевидцем. Это было правильное решение»³⁹. Кантемировская дивизия, в которой офицером служил П.В. Грач, была готова выступить в Венгрию, а он — вместе с нею⁴⁰. Одобрил, «как и весь СССР», силовую акцию военнослужащий И.А. Курков⁴¹.

Не возмущалась секретарь комитета ВЛКСМ на Московской фабрике «Госзнак» А.С. Кузина⁴². Хотя звеньевой колхоза «Клёново — Чегодаево» в Подольском районе А.С. Ефимовой не понятно было, почему это произошло в благополучной Венгрии, она оценила ввод туда советских войск как правильный шаг⁴³.

Вначале одобрила акцию М.М. Дежикова, учительница московской средней школы на Чистых прудах, но когда вернулись первые раненые, то возникло сомнение⁴⁴. «Мы одобряли, так как думали, что помогаем, а потом, когда узнали правду, возмущались», — вспоминала В.Ф. Артамонова, работавшая тогда на

текстильной фабрике им. Ленина в Павловом Посаде⁴⁵. Поверила, а теперь считает, что зря, швея в трикотажном ателье (город Горький) О.Е. Тарасова: «На что нам эта Венгрия?»⁴⁶.

И таких ответов — масса. И из них трудно выделить какую-нибудь преобладающую группу по социальному или образовательному статусу. Кого тут только нет: и рабочих с колхозниками, и служащих, в том числе военных, и инженеров с учителями.

То же самое можно сказать и о группе людей, осудивших советское военное вмешательство во внутренние дела Венгрии. Хотя в ней все же несколько заметнее присутствие людей умственного труда.

«Если венгры восстают против советской власти, значит не всё там просто», — с тревогой рассуждал В.И. Бочкарев, врач 1-ой Московской городской больницы⁴⁷. Врач Коломенской городской больницы Е.П. Ларионов, зная из газет только официальную версию, проявлял к ней недоверие, думал, что там всё по-другому, а потому был против ввода туда советских войск⁴⁸. Научному сотруднику физического факультета МГУ им. Ломоносова И.Г. Попову также «практически ничего не было известно», но «страх перед возможной войной» заставлял его отрицательно отнестись к военному вмешательству в Венгрию⁴⁹. «Не надо было», — считала заведующая кафедрой дошкольного воспитания Высшей комсомольской школы К.Е. Горбунова⁵⁰. Таково же было мнение студентки Московского торфяного техникума М.В. Филатовой: «Помню реакцию венгров, находившихся тогда в СССР. Отнеслась к их негодованию с сочувствием, но не принимала близко к сердцу. Примерно, как мы сейчас относимся к известию о землетрясении в Индии. Это не касалось меня лично»⁵¹. Всегда была против вмешательства в чужие дела Н.Н. Языкова, учительница московской средней школы № 355⁵². Отрицательно к акции отнеслась лаборантка ОИЯИ в Дубне Л.И. Стрельцова⁵³. «Против этой глупости» был и техник Дедовской текстильной фабрики Г.Ю. Лебедев⁵⁴.

«Венгры должны сами у себя разобраться», — считал В.С. Фролов, электрогазосварщик Курск-водоконала⁵⁵. «Нужно было договариваться», по мнению И.Е. Комягиной, доярки совхоза «Барвиха» (деревня Жуковка Московской области)⁵⁶. «Незачем туда было лезть», — полагала школьная повариха в подмосковной Сходне Н.В. Ерпылёва.⁵⁷ «Зря полезли», — считала и социальный работник из Луховиц Ю.Н. Комарова⁵⁸. Отнеслась к акции как к вторжению на чужую территорию портниха из Люберец Е.А. Комарова⁵⁹. «Нам нечего делать в других странах», — полагал и электросварщик Люберецкого коврового комбината Е.И. Комаров⁶⁰. Против применения танков выступала работница Павлово-Посадского шёлкоткацкого комбината им.Свердлова А.С. Кострова: прежде всего «надо использовать авторитет», а не танки⁶¹. Хотя и «не привык обсуждать решения высшего руководства» фрезеровщик М.П. Комаров из подмосковного Калининграда, но ему «просто надоело использование силовых методов»⁶². Негативно отнесся к вмешательству в Венгрии электрик химического завода в Щёлково В.П. Михайлов: «Пусть бы там сами венгры разбирались»⁶³.

Не понравилось произошедшее солдату срочной службы О.В. Сергееву, призванному из Ярославля⁶⁴. «Зачем новая война?» — вопрошал другой солдат, П.П. Акунин, призванный из Перми⁶⁵. Была против и санитарка Г.Н. Свищева

из посёлка Красная Гора близ станции Черусти Московско-Казанской железной дороги⁶⁶.

Гораздо меньше (социологи утверждают, что на порядок) было таких, кто несогласие выражал в то время вслух, а тем более предпринимал какие-то конкретные протестные действия. Естественно, чуть ли не все они учитывались спецслужбами, которые информировали о них партийные инстанции.

Вот, например, высказывание простого трудяги, попавшее в тогдашние партийные информационные сводки: в поезде № 15 Москва — Сталино багажный раздатчик Басин признавался своему напарнику, не скрывая крайнего радикализма своей позиции: «Коммунисты закабалили все страны народной демократии, и правильно делают, вырезая их там. Придёт время, и у нас в СССР тоже уничтожат всех коммунистов»⁶⁷.

По ленинградским вузам распространялось размножаемое от руки стихотворение студентки Горного института Л. Гладкой: «Там честная кровь заливает асфальт, там русское “Стой!”», как немецкое “Хальт!”»⁶⁸.

В Кирове школьник Чистяков, осматривая выставку цветных фотографий коммунистов, казненных толпою в Будапеште, обратил внимание на то, что чуть ли не все повешенные были в желтых ботинках, и поделился вслух своими впечатлениями: «Да ведь это же казенная обувь чекистов: и наших, и, наверно, венгерских! Вот кого там ловят и предают смерти!»⁶⁹

Признавая в справке, что отдельные «факты политически нездоровых и враждебных высказываний» имели место, заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В. Чураев посчитал необходимым отметить, что некоторые «юноши и девушки, главным образом из числа учащихся и студенческой молодежи, оказались в плену враждебной пропаганды, допускают антисоветские действия». Так, 7 ноября в Ярославле ученик 10 класса средней школы № 55 Виталий Лазарянец, проходя в рядах праздничной демонстрации перед трибуной, на которой стояло местное начальство, развернул огромный плакат: «Требуем вывода советских войск из Венгрии!»⁷⁰ Его, естественно, сразу же арестовали (при том, что он был сыном представителя местной хозяйственной элиты, директора крупного завода). Хотя у чекистов и были подозрения, что тут не обошлось без участия других лиц, Лазарянец упорно утверждал, что «лозунг написал сам без чьих-либо побуждений со стороны для того, чтобы проверить, есть ли у нас демократия или нет».

А.Т. Твардовскому, заканчивавшему 7 ноября чтение мемуаров Черчилля, эта книга «в свете нынешних событий» напомнила «некоторые исторические моменты (например тяжбу о Польше), в свете которых кое-что видней»⁷¹.

Физик, академик Лев Давидович Ландау, беседуя о венгерских событиях, вышел из себя, когда его оппонент стал ссылаться на разъяснения руководителей партии и правительства: «Ну как можно верить этому? Кому, палачам верить? Палачи же, гнусные палачи!» Отвечая на реплику, что вот-де, если бы Ленин поднялся из гроба, «у него волосы бы встали дыбом», он пренебрежительно заметил: «У Ленина тоже рыльце в пуху. Вспомните Кронштадтское восстание. Грязная история»⁷².

Не все нормально было с политической температурой и у рабочего класса. В цехе № 8 Омского завода № 174 им. Ворошилова (танковом) мастер отдела

технического контроля Ситников, чуть ранее злорадно замечавший в кругу рабочих, что «в Венгрии наелись социализма» и потому «поворачивают к капитализму», теперь, выражая недовольство плохим снабжением спецодеждой и заготовками, говорил: «Если сделать забастовку, то всё нам будет, в том числе и порядок, и рукавицы, и валенки, и детали, и воровать не будут».

Схожие соображения высказывал и рабочий сталинградского завода «Баррикады» № 221 (пушечного) Кныш, «имеющий родственников в США»: «Я считаю, что венгры делают правильно, что бастуют. Они не хотят нашего строя, им не нравятся колхозы и социализм. По-видимому, они хотят жить на большую ногу. И правильно делают, чтобы у них народ был свободен. Не то, что у нас: все запуганы <...> Если кто скажет, то его сразу уберут»⁷³.

Случались в ту осень и разговоры о необходимости объединения несогласных. В Московском историко-архивном институте, например, группа из 3–4 человек решила, было, приступить к созданию социал-демократической партии. Но дальше разговоров (чаще всего за бутылкой) о необходимости разработать программу и устав дело не пошло. Как вспоминал позже историк Григорий Померанц, также испытывавший тогда «жгучий стыд перед венграми», естественное, казалось бы, «чувство протеста было подавлено сознанием беспомощности, и все вылилось в звоне рюмок <...>. Пепел стучал в сердце, но сделать ничего нельзя было. Только пить. И потому: “Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли, — все равно. Ангел Мэри, пей коктейли, дуй вино!”»⁷⁴.

Как это может ни показаться странным, но вспыхнувший как раз в это время вооружённый конфликт на Суэцком канале позволил советскому руководству отвлечь внимание не только международной общественности, но и советских граждан от событий в Восточной Европе.

По информации, предоставленной 5 ноября 1956 г. Е.А.Фурцевой, в этот день, в 17 часов 15 минут к зданиям посольств Англии, Франции и Израиля начали собираться трудящиеся, демонстрируя свой протест против военной интервенции этих государств в Египте. Там побывали тысячи человек — подходили и уходили, многие задерживались на длительное время. Они несли с собой транспаранты на бумаге, картоне, фанере, на красном материале с надписями «Руки прочь от Египта!» и т. п. Хором скандировали: «Долой войну! Вон из Египта!». Тысячи людей приходили к египетскому посольству, стихийно возникали митинги. Дважды выступил посол. Ему и его сотрудникам передавались многочисленные письма от рабочих коллективов. Демонстрации продолжились следующим утром⁷⁵.

Разумеется, это были не стихийные демонстрации. Их организовывали: из райкома звонили в партком, людям говорили: «Кто с нами на улицу?». И они выходили, причем довольно охотно. В том числе и те, кто накануне осуждал советскую агрессию в Венгрии. В толпе было весело, никто тобою не помыкал.

И тем не менее, дискуссии по поводу действий советских войск в Венгрии не прекращались. Правда, теперь они замыкались стенами частных жилищ, лишь изредка их отзвуки можно было услышать в комсомольских и партийных аудиториях. Разговоров о Венгрии было уже меньше. Но никуда не делось вечное недовольство низов верхами.

Отдел партийных органов ЦК в отчете о ходе районных и городских партийных конференций отмечал одну не очень-то приятную тенденцию. До сих пор

неписаным правилом считалось отсутствие какой-либо конкуренции при выборах в партийный комитет. Это достигалось за счёт того, что число выдвинутых кандидатов не должно было превышать установленного числа членов данного комитета. Теперь же на ряде конференций в списки для тайного голосования включалось больше кандидатур, чем количество членов избираемого комитета. И ничего не было удивительного в том, что «в этих случаях неизбранными подчас оказываются руководители партийных, советских и хозяйственных органов». Так, в Ядринском районе Чувашской АССР на 65 мест было выдвинуто 69 кандидатов, и среди четырех неизбранных оказались председатель райпотребсоюза, т. е. глава местной торговли, и первый секретарь райкома Иванов. Он набрал всего лишь 81 голос из 286. Если бы у него не было соперников в борьбе за голоса, он считался бы избранным и при таком и даже ещё меньшем количестве голосов, а тут вот такой казус. В Угличском районе Ярославской области выдвинули 77 кандидатов на 75 мест. И забаллотированными оказались директор часового завода и первый секретарь райкома Соснин. В Багатовском районе Куйбышевской области точно также не избрали второго секретаря райкома и председателя райисполкома⁷⁶.

19 декабря 1956 г. на заводе № 30 в Ленинградском районе Москвы с докладом о международном положении выступил заместитель министра иностранных дел Валериан Зорин. Ему задали много вопросов, в том числе: «Не слишком ли гуманно наше правительство, помогая множеству государств всеми видами средств, тогда как у нашего народа материальная сторона не совсем отвечает нашим лозунгам?»; «Нам в прошлой пятилетке обещали, что жизнь станет, как до войны. Но идет уже следующая пятилетка, а жить стало ещё труднее. Как же так?».

Подана была и такая записка: «Мы приветствуем уход в отставку Хрущева и Булганина и приход к власти Маленкова, Молотова и Жукова»⁷⁷.

На профсоюзной конференции в НИИ-571 мастер Ходаков (коммунист) сетовал на то, что начальники цехов попирают производственную демократию, а партийная, комсомольская и профсоюзная организации пляшут под дудку руководства: «Говорим везде: свобода слова, печати, собраний. А где она? Не было ее и нет. Для чего нам обманывать самих себя? Так мы коммунизм не построим»⁷⁸.

На партийном Олимпе такого рода явления были восприняты, как дурной знак. И решено было дать задний ход во внутренней политике, выкорчевав появившиеся, было, первые ростки либерализма. Но прежде чем показать кнут, решили позаботиться о прянике. 20 ноября в Президиуме ЦК КПСС рассматривался вопрос о пятилетке и плане на 1957 г. Хрущев высказался за то, чтобы пересмотреть их, увеличив ассигнования на жилищное строительство и материальное обеспечение трудящихся. А так как эти планы и без того уже были напряженными, решено было поручить Совмину обсудить, что можно сделать для одновременного уменьшения этого напряжения и изыскания возможности выделить больше средств на жилищное строительство и непосредственное удовлетворение потребностей народа⁷⁹. 29 ноября председателю Госплана Н.К. Байбакову и председателю Госэкономкомиссии М.З. Сабурову поручили подготовить соответствующие доклады на предстоящем пленуме ЦК КПСС⁸⁰. Но тогда же обсуждался и вопрос «о пресечении вылазок антисоветских и враждебных элементов».

Заняться детальнее этим вопросом поручили комиссии во главе с секретарем ЦК Л.И. Брежневым⁸¹.

19 декабря 1956 г. на места было разослано закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Как явствует из самого заглавия этого документа, «усиливать» были обязаны партийные организации. Ну, а кому надлежало пресекать? Понятное дело — КГБ.

И репрессивная машина, никогда и не прекращавшая своих действий, стала набирать новые обороты. Тимирязевский райком КПСС подтвердил решение парткома НИИ-571 об исключении из партии вышеупомянутого Ходакова. После семи месяцев одиночки дали три года исправительно-трудовых работ Лазарянцу, его отца сняли с должности директора завода, а мать — с должности директора школы. Подождали, пока не исполнится 18 лет, и потом взяли и судили, приплюсовав ему в вину еще и его вольные песенки, кировчанина Чистякова⁸². На два года лагерей за стихи собственного сочинения осудили выпускника исторического факультета Ленинградского университета Александра Гидони⁸³. На срок от трех до десяти лет были осуждены все девять участников ленинградской группы Голикова — Пустынцева⁸⁴.

Подобное «пресечение», конечно, сыграло определенную роль. Публика, вроде бы, поутихла. Однако те немногие глотки свободы, что удалось вдохнуть в 1956 г., продолжали питать советское общество надеждами на более свободную и сытую жизнь. И излечить от них полностью уже было невозможно.

Примечания

- 1 Информация о ходе отчетно-выборных собраний в первичных организациях Москвы от 12 X 1956 // Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 16.
- 2 Там же. Л. 16–17.
- 3 Информация об отчетно-выборных партийных собраниях в вузах от 20 XII 1956 // ЦАГМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 112. Помета о том, что один из трех экземпляров направлен Е.А. Фурцевой и штамп о рассекречивании от 8. XII. 1999.
- 4 Информация о ходе отчетно-выборных собраний в первичных организациях Москвы от 12. X. 1956 // ЦАГМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 18.
- 5 Информация о ходе отчетно-выборных собраний в первичных организациях Москвы от 22. X. 1956 // ЦАГМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 27–28.
- 6 Информация об отчетно-выборной комсомольской конференции в МГУ им. Ломоносова от 26. X. 1956 // ЦАГМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 32–34. Помета о том, что 29 октября документ отправлен Е.А. Фурцевой. Власти не были склонны попустительствовать этим настроениям. Уже 4 ноября 1956 г. вопрос «Об очищении вузов от нездоровых элементов» стоял в повестке дня заседания Президиума ЦК КПСС. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. С. 202.
- 7 «Хотел что-то записать о вечере Дудинцева (милиция и пр.) и свои соображения о романе, который после всеобщих и слишком подогретых особыми причинами похвал уже не кажется мне таким значительным, вернее, художественным произведением», — не без некоторой ревности делился мыслями с рабочей тетрадью

- 26 октября 1956 г. А.Т. Твардовский (*Твардовский А.* Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 7. С. 184–185.)
- 8 Сахаров А. Воспоминания // Знамя. 1990. № 11. С. 147.
 - 9 Об общественно-политическом подъеме в Польше, сопровождавшемся требованиями большего равноправия в отношениях с СССР, см.: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005.
 - 10 *Таранов Е.* «Раскачаем Ленинские горы!» Из истории «вольномудства» в Московском университете (1955–1956 гг.) // Свободная мысль. 1993. № 10. С. 102.
 - 11 *Пименов Р.* Одиночки спасали бессмертную душу // Новое время. 1991. № 2. С. 36.
 - 12 *Твардовский А.* Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 7. С. 190.
 - 13 Информация об откликах трудящихся Москвы на правительственную декларацию «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы между Советским Союзом и другими социалистическими странами» от 31 X 1956 // ЦАГМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 36–37.
 - 14 Там же. Л. 38.
 - 15 Там же. Л. 39–40.
 - 16 Там же. Л. 41.
 - 17 Там же. Л. 42. На документе помета «С-т Фурцевой Е.А. 1/xi 1956 г.» и штамп о рассекречивании от 8 XII 1999.
 - 18 Там же. Л. 43.
 - 19 Там же. Л. 44. Эти его слова подчеркнуты синим карандашом.
 - 20 Там же.
 - 21 Информация о неправильных высказываниях отдельных рабочих на предприятиях Кировского района от 16 XI 1956 // ЦАГМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 58. Помета «тов. Фурцева ознакомилась» и штамп о рассекречивании 16. XI. 1999.
 - 22 Информация на имя Е.А. Фурцевой от 1 XI 1956 об откликах трудящихся Москвы на заявление Советского правительства «О вооруженной агрессии против Египта» // ЦАГМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 49. Фраза подчеркнута и отмечена на полях синим карандашом. Помета «С-т т. Фурцевой Е.А. 1/xi 1956 г.» и штамп о рассекречивании от 8. XII. 1999.
 - 23 Анкета № 11/01 (респондент Е.С. Петрова). Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, приводятся данные анкет из личного архива автора.
 - 24 Анкета № 125/02 (респондент В.Ф. Кузнецов).
 - 25 Анкета № 115/02 (респондент В.П. Сёмин).
 - 26 Анкета № 13/01 (респондент С.Ю. Леванов).
 - 27 Анкета № 136/02 (респондент И.Н. Захаров).
 - 28 Анкета № 15/01 (респондент Н.Н. Языкова).
 - 29 Анкета № 39/01 (респондент Н.С. Кучко).
 - 30 Анкета № 103/02 (респондент Г.С. Гришин).
 - 31 Анкета № 41/2003 // Архив кафедры истории России МГОУ.
 - 32 Анкета № 167/02 (респондент Д.Ф. Сироткин).
 - 33 Анкета № 145/02 (респондент Т.В. Куренкова).
 - 34 Анкета № 44/01 (респондент Ф.Ф. Филиппов).
 - 35 Анкета № 22/01 (респондент Н.П. Аверкин).
 - 36 Анкета № 31/01 (респондент А.М. Блохина).
 - 37 Анкета № 105/02 (респондент П.И. Гопак).

- 38 Анкета № 123/02 (респондент Л.А. Кокурина).
- 39 Анкета № 80/2003 // Архив кафедры истории России МГОУ.
- 40 Анкета № 70/01 (респондент П.В. Грач).
- 41 Анкета № 22/01 (респондент И.А. Курков).
- 42 Анкета А.С. Кузиной от 15. VII. 2002.
- 43 Анкета № 151/02 (респондент А.С.Ефимова).
- 44 Анкета № 17/01 (респондент М.М. Дежикова).
- 45 Анкета № 33/01 (респондент В.Ф. Артамонова).
- 46 Анкета № 8/01 (респондент О.Е. Тарасова).
- 47 Анкета № 27/2003 // Архив кафедры истории России МГОУ.
- 48 Анкета № 72/01 (респондент Е.П. Ларионов).
- 49 Анкета № 174/02 (респондент И.Г. Попов).
- 50 Анкета К.Е. Горбуновой от 13. VI. 1998 и 13. V. 2001.
- 51 Анкета М.В. Филатовой от 13.VI. 1998 и 20. II. 2001.
- 52 Анкета № 1/01 (респондент А.И. Коньшина).
- 53 Анкета № 181/02 (респондент Л.И. Стрельцова).
- 54 Анкета № 198/02 (респондент Г.Ю. Лебедев).
- 55 Анкета № 146/02 (респондент В.С. Фролов).
- 56 Анкета № 90/2003 // Архив кафедры истории России МГОУ.
- 57 Анкета № 2/02 (респондент Н.В. Ерпылёва).
- 58 Анкета № 4/02 (респондент Ю.Н. Комарова).
- 59 Анкета № 28/01 (респондент Е.А. Комарова).
- 60 Анкета № 3/01 (респондент Е.И. Комаров).
- 61 Анкета № 34/01 (респондент А.С. Кострова).
- 62 Анкета № 47/01 (респондент М.П. Комаров).
- 63 Анкета № 4/01 (респондент В.П. Михайлов).
- 64 Анкета № 50/01 (респондент О.В. Сергеев).
- 65 Там же.
- 66 Анкета Г.Н. Свищевой от 9 VIII 2005.
- 67 Информация о неправильных высказываниях отдельных рабочих на предприятиях Кировского района от 16 XI 1956 // ЦАГМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 58. Помета «тов. Фурцева ознакомилась» и штамп о рассекречивании от 16. 11. 1999.
- 68 Независимая газета. 1993. 22 X. С. 8.
- 69 *Комраков А.* Их обманула оттепель // Труд. 1993. 3 XI.
- 70 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 141. Л. 67–68.
- 71 *Твардовский А.* Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 7. С. 192.
- 72 Справка КГБ СССР на Л.Д. Ландау от 19 XII 1957 // Комсомольская правда. 1992. 8 VIII.
- 73 Справка заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В. Чураева об откликах трудящихся на события в Венгрии от 10 XI 1956 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 39. Л. 131.
- 74 *Померанц Г.* Корзина цветов нобелевскому лауреату // Октябрь. 1990. № 11. С. 143–144.
- 75 Информация о демонстрациях протеста трудящихся Москвы против военных действий Англии, Франции и Израиля в Египте от 6 XI 1956 // ЦАГМ. Ф. П-4 Оп. 99. Д. 17. Л. 53–54. Помета «тов. Фурцева ознакомилась» и штамп о рассекречивании от 9. 11. 1999.

- 76 Докладная записка Отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР от 13. 12. 56 о ходе районных и городских партийных конференций 8–9 XII 1956 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 39. Л. 140.
- 77 Информация о вопросах, заданных на заводе № 30 от 21 XII 1956 // ЦАГМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 113–114. Помета о том, что один из трех экземпляров был направлен Фурцевой.
- 78 Информация о профсоюзном собрании в НИИ-571 от 21 XII 1956 // ЦАГМ. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 17. Л. 115–116. Помета о том, что один из шести экземпляров был направлен Фурцевой.
- 79 Протокол № 58 Президиума ЦК КПСС от 20 XI 1956 // Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1. С. 209.
- 80 См.: Протокол № 61 Президиума ЦК КПСС от 29 XI 1956 // Там же. С. 211.
- 81 Там же. С. 212.
- 82 *Комраков А.* Их обманула оттепель // Труд. 1993. 3 XI.
- 83 *Рождественский С.Р.* Материалы к истории самостоятельных общественных политических объединений в СССР после 1945 года // Память. Ист. сб. Париж, 1982. Вып. 5. С. 251.
- 84 См.: *Пустынцев Б.* Пять лет за «нашу и вашу свободу». Интервью // Общая газета. 1996. 31 X. С. 9.

О.Г. Герасимова

Реакция советского студенчества на события в Венгрии 1956 года

...А просто он с толпой друзей
Шагал по улице своей.
Он был студентом, Шандор Киш,
И добрым был дружкой,
А если все кричат кругом,
То как же ты смолчишь?
А что кричал? Что все кричат:
Что он, мол, Шандор, демократ.
Так почему ж потом, впотьмах,
Он вдруг почувствовал в руках
Холодный автомат?..

Лев Ошанин.

Баллада о венгерском студенте.
19 апреля 1957 г. Печ — Будапешт

Может показаться странным выбор эпиграфа к статье, в которой речь пойдет о реакции советских студентов на события осени 1956 г. в Венгрии, но стихотворение поэта Л.И. Ошанина является иллюстрацией того, как официально трактовались эти события в Советском Союзе. Написал его поэт в ходе своей творческой поездки в Венгрию в апреле 1957 г. Вместе с другим стихотворением — «Марике» оно было опубликовано в сборнике «День поэзии 1957». Принимая во внимание огромный интерес к поэзии среди интеллигентной советской публики в этот период, можно представить, какую читательскую аудиторию имел сборник. Начав выходить в 1956 г., сборник «День поэзии» стал выпускаться ежегодно, включая в себя не только стихотворения и поэмы, но и критические статьи. При этом в других городах выходили свои сборники «Дня поэзии». Например, в Ленинграде он появился одновременно с московским изданием и содержал произведения ленинградских авторов. Периодически такие сборники появлялись в Красноярске, Новосибирске, Алма-Ате и других городах Советского Союза.

Подобная стихотворная публикация, как и ряд других изданий, выходивших в 1956–1959 гг.¹, является образцом деятельности советской агитационно-пропагандистской кампании. Именно эти издания вкупе с газетными и журнальными статьями должны были, по мнению партийно-государственного

руководства, информировать советских граждан о происходивших событиях в Венгрии.

Если бы информационное поле, в котором жило многомиллионное население Советского Союза, ограничивалось бы только советской прессой, радио и телевидением, то и тогда бы неминуемо возникали вопросы по поводу ситуации в Венгрии. Но поскольку это поле расширялось за счет прослушивания западных радиостанций, чтения зарубежной периодики, прежде всего из восточноевропейских стран (пусть и поступавших в СССР в ограниченном количестве), бесед с иностранцами, учившимися в СССР, и немногочисленными иностранными делегациями, то и желание узнать о том, что же на самом деле происходило в Венгрии, становилось еще большим.

Так получилось, что события в Венгрии вкупе с событиями в Польше, в незначительной мере сгенерированные докладом Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях», послужили активизации студенческих выступлений — как групп, так и одиночек. Задачей этого небольшого исследования явилось изучение подобных выступлений на примере московских вузов.

Их особенностью стал тот факт, что они происходили одновременно в разных вузах Москвы, но имели зачастую общую схему, неся на себе в то же время специфику того учебного заведения, в стенах которого происходили.

Можно вычленил официальные форумы, своеобразные трибуны, с которых задавались вопросы о Венгрии — диспуты/дискуссии, стенгазеты, комсомольские собрания, литературные объединения, неформальные кружки.

Стенгазеты 1950–1960-х годов, на мой взгляд, являются уникальным историческим источником, к сожалению, в большинстве случаев дошедшим до нас только в виде цитат из выступлений на партсобраниях, критикующих стенгазетные материалы, партработников и преподавателей. При всей неоднозначности такого явления, как «оттепель», со всеми присущими этому явлению в социальной и культурной жизни особенностями, молодое поколение, жившее в ту эпоху, уже отличалось от своих предшественников. И официальные трибуны превращались в эту пору из заформализованных во вполне действенные, по духу, пожалуй, сравнимые, судя по существующей литературе и свидетельствам, с эпохой 1920-х годов, когда подобные формы были нормой жизни.

В Советском Союзе не только газета, но и ее «младший собрат» — стенгазета (при условии творческого подхода к выпуску этого в буквальном смысле рукотворного издания) в любом коллективе всегда привлекали обширную читательскую аудиторию. Если это была стенгазета промышленного предприятия, то можно быть уверенным, что материалы в ней содержали критику и обсуждение различных сторон производственной жизни: трудностей и успехов, бездельников и передовиков. Соответственно, стенгазеты, выходившие в стенах учебного заведения, затрагивали учебный процесс, насущные проблемы различных аспектов студенческой жизни — от проблем организации быта до обсуждения возможности свободного посещения занятий. Особенной приметой времени можно считать появление материалов, касающихся вопросов международной политической жизни. Трудно себе представить появление подобных заметок при жизни Сталина. Если они и были, то, вероятно, не выходили за рамки тем борьбы за мир, поддержки мирового коммунистического движения, солидарности

братских коммунистических народов, международного движения — от рабочих до молодежи. А после XX съезда тон заметок становился острым, полемическим, и это уже не могло не насторожить вузовских руководителей. Тем более что от вопросов внешней политики студенты легко переходили к вопросам внутренней, и тут уже критика раздавалась и в адрес коммунистической партии, ее слабости в руководстве комсомолом.

Поэтому, когда осенью 1956 г. на втором курсе физического факультета МГУ в стенных газетах 211-й и 213-й групп («Навстречу жизни» и «Трибуна») было высказано требование придать самостоятельность комсомолу и освободить его от партийного руководства, это сразу встревожило парторганизацию факультета. Тем более что партийных руководителей в этих материалах иногда называли «партийными боссами» и к тому же в стенгазетах были помещены выдержки из польских газет и даже из «*The Times*»². Вызванные на партбюро, многие активисты продолжали отстаивать право открыто высказывать через стенную печать свои взгляды и путем широкой дискуссии устанавливать истину. Как отмечалось в документе, комсомольцы В. Денисенко (на самом деле Денисик. — *О.Г.*) и С. Литвиненко заявили, что КПСС слишком подвержена ошибкам, связанным с культом личности, и не в состоянии руководить комсомолом — «лучше, если комсомол будет самостоятельной организацией»³. Заместитель секретаря комсомольского бюро второго потока второго курса Н. Скрыдлов предложил провести дискуссию по вопросу о возможности непосредственного обращения партии к молодежи без комсомола и об имеющем место недоверии к молодежи.

Со стенгазетами второкурсников была солидарна и газета второго потока третьего курса «КолоколЪ». В заметке «О событиях в Венгрии» автор Б. Осадин задал вопросы, которые нуждались в ответах и разъяснениях: 1) Какие именно промахи венгерского руководства привели к выступлениям трудящихся Венгрии против существующего руководства? 2) Почему Венгерская партия трудящихся не выдержала испытания и развалилась? 3) Почему на площадях Будапешта скандировали: «Русские, убирайтесь домой!» 4) Почему венгерский рабочий класс и крестьянство допустили белый террор? 5) Каким образом венгры хотят строить у себя социализм? Автор отметил, что в нашей советской прессе ответов на эти вопросы найти нельзя.

Эти газеты вызвали интерес у студентов других факультетов. В частности, в комсомольское бюро физфака пришел представитель географического факультета с просьбой разрешить им вывесить газету «Трибуна» на комсомольском собрании, в чем ему было, конечно, отказано.

Декан физического факультета В.С. Фурсов, с материалами газеты лично не ознакомившийся и имевший представление о ней лишь со слов сотрудников партбюро, тем не менее, выступая на VII отчетно-перевыборной комсомольской конференции физфака 1956 г., назвал её филиалом «Голоса Америки»⁴.

Надо отметить, что в 1956 г. половина всех иностранцев на физическом факультете училась на втором курсе, и это привело к тому, что советские студенты получали «достаточно полную и оперативную информацию по газетам стран народной демократии, не отражаемую или отражаемую с большим опозданием нашей прессой, как это было в период событий в Польше и Венгрии»⁵. По воспоминаниям поляка М. Антопольского, учившегося в 1955–1960 гг. в Московском

инженерно-экономическом институте имени Серго Орджоникидзе и жившего в общежитии на Стромьнке, дирекция общежития разрешила польским студентам слушать западные радиопередачи на польском языке при условии, что они не будут передавать русским студентам содержание передач. Поляки, конечно, рассказывали о передачах тем советским студентам, которым доверяли*.

После XX съезда и доклада Н.С. Хрущёва преподаватели, прежде всего, общественных дисциплин, были застигнуты врасплох: годами было принято руководствоваться «Кратким курсом истории ВКП(б)», этой библией коммунизма, где всё было четко и ясно, казалось, раз и навсегда объяснено, и вдруг оказывается, что его автор, «сам» И.В. Сталин совершал ошибки? Сверху никаких инструкций спущено не было, и преподаватели общественных дисциплин пребывали в растерянности до появления постановления ЦК КПСС от 30 июня и закрытого письма ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», после которых можно было с облегчением вздохнуть и продолжать нести «светоч знаний» в массы. Так, профессор К.А. Куликов на партийном собрании мехмата по обсуждению письма, заметил: «У многих людей создалось мнение, что все репрессированные явились жертвой террора Берии, но ведь среди них были и настоящие враги народа. На партактиве Бубнова, Вознесенского и других называли “товарищами”. Есть слухи, что Тухачевский также реабилитирован. Неясно, кто является жертвой, кто действительно враг народа»⁶.

Как следует из справки «О роли преподавателей истории КПСС в деле идейно-политического воспитания студентов филологического факультета МГУ»⁷, об их неудовлетворительной работе говорили и студенты: «Даже в период венгерских и польских событий никто из преподавателей истории КПСС ни одной беседы с нами не провел, хуже того, отдельные преподаватели уходили от ответов по венгерским и польским событиям, а также о культе личности»⁸.

Наглядным примером такой неудовлетворительной работы может служить история литературной группы «Sensus», о существовании которой на филологическом факультете известно лишь из воспоминаний В.П. Кузнецова⁹. История, закончившаяся арестом и осуждением двух ее участников, не получила какой-либо широкой огласки на факультете, как явствует из протоколов партийного и комсомольского архивов МГУ, доступных для исследователей**. Это наводит на предположение, что обсуждения всё же имели место, так как деятельность В.П. Кузнецова и А.Н. Терёхина квалифицировалась на суде как антисоветская, как клевета на советскую действительность, но затем протоколы были изъяты, возможно, работниками КГБ, возможно, руководителями факультета или ректоратом, дабы «не усугублять» и без того непростую ситуацию с идеологическим воспитанием студенческих кадров.

* Из письма М. Антопольского от 25 мая 2009 г.

** Велика вероятность того, что упоминание о «Sensus»'е может содержаться в архивных делах, не выданных мне по причине наличия грифа «3» — содержания персональных сведений. Возможно, по истечении 75-летнего срока, в течение которого существует запрет на ознакомление с подобными делами, исследователи смогут прояснить существующие «лакуны».

Идея создания группы возникла в конце 1955 или в начале 1956 г. Инициатором был В. Панасюк, студент третьего курса. Он же придумал название «*Sensus*» (лат. «чувство»). В группу вошли сам Панасюк, А. Кузнецов, И. Максимова, Н. Горбаневская — студенты третьего курса, В. Кузнецов, В. Сипачев, М. Роговская, Б. Раевский — студенты второго курса. «*Sensus*» ставил перед собой задачи только литературного характера. Участники группы регулярно собирались в помещении редакции стенной газеты филологического факультета «Комсомолия», на балюстрадах второго и третьего этажей аудиторного корпуса старого здания МГУ, читали и обсуждали стихи — свои и чужие. Центром группы был А. Терёхин, который «не пропускал ни одного литобъединения. Стихов писал много»¹⁰.

При «среднем интересе» к политике (по словам В. Кузнецова) венгерские события для членов группы были шоком. Возмущена была вся компания, но листовку на октябрьских праздниках написали двое — Кузнецов и Терёхин. Начиналась она словами: «Друзья!.. Посмотрите вокруг: Польша и Венгрия тонут в крови подавленных революций <...>. Друг! Штыками твоих соотечественников уничтожены тысячи патриотов в Польше и Венгрии, сотни тысяч честных людей арестованы, замучены и убиты в других странах так называемой “народной демократии” и у нас в СССР». Заканчивалась листовка словами: «Тебе не стыдно, друг?»¹¹. Напечатали одиннадцать экземпляров. Одну листовку приклеили в центре высотного здания МГУ, около лифтов. В КГБ она не попала. Остальные экземпляры разбросали по автобусам 7–8 ноября. Как отмечает сам Кузнецов, никакого результата от своей акции не ожидали, это был лишь всплеск, выброс эмоций. О листовке сообщили остальным участникам группы.

16 марта 1957 г. был арестован А. Терёхин, 19 марта — В. Кузнецов. В качестве вещественного доказательства на следствии фигурировали три экземпляра листовки, распространённой в Москве, изъятые органами государственной безопасности. В них, как отмечалось, излагалась «злая клевета на политику, проводимую коммунистической партией, советским правительством и содержался призыв к изменению существующего в СССР политического строя»¹², было также установлено, что В. Кузнецов и А. Терёхин «вели антисоветские разговоры, распространяли злобные клеветнические измышления о руководителях КПСС и советского правительства». На этом основании судебная коллегия приговорила А. Терёхина к пяти годам лишения свободы*, а В. Кузнецова к трем годам лишения свободы.

С поэтической группой студентов-филологов «*Sensus*» перекликается деятельность другого неформального поэтического объединения — «Мансарда», в которое входили студенты разных московских вузов.

По словам одного из участников литературного объединения «Мансарда», А. Сергеева, студента Московского педагогического института иностранных языков, всё началось сразу после смерти Сталина. Название группы «Мансарда» было навеяно местом встреч — комнатой Г. Андреевой (на самом верхнем этаже дома с балконом под крышей). Собирались около двадцати постоянных участников,

* Срок больший по сравнению со сроком осуждения В.П. Кузнецова объясняется не только большим вкладом в изготовление листовки, но и попыткой весной 1956 г. пройти на иностранное судно.

среди них С. Красовицкий, Г. Андреева, В. Хромов (все трое, как и Сергеев, учились в институте иностранных языков), Л. Чертков (студент Библиотечного института). Изредка в заседаниях принимал участие Н. Шатров, к тому времени нигде не учившийся, но о стихах которого (по некоторым отзывам) высоко отзывался сам Б.Л. Пастернак, и даже, по свидетельству современников, поддерживал его материально. По воспоминаниям Сергеева, Чертков проводил целые дни в Ленинской библиотеке, хорошо знал литературу и историю России XX века, благодаря ему участники «Мансарды» узнавали имена не только Мандельштама и Гумилева, но и совсем забытые, например, Нельдихена, а также творчество Заболотского обэриутского периода. Чертков был просветителем, организатором.

Во время встреч обсуждались литературные произведения, читались стихи, в том числе и собственные. По словам А. Сергеева, «венгерские события мы не могли пережить порознь — в Будапеште горит музей. Там Брейгель!» Во время Суэцкого кризиса у себя, в Библиотечном, Чертков на собрании крикнул: «Студенты должны сдавать сессию, а не спасать царя египетского!»¹³ Когда студенты Суриковского института, которые всю свою ничтожную стипендию тратили на краски, и средств для существования не оставалось, выступили с бойкотом* против низких стипендий в творческих вузах, Э. Булатова, одного из зачинщиков, «стали тягать, расспрашивали про других. Булатов предупредил Сергеева, что особо интересуются Чертковым»¹⁴.

12 января 1957 г. Чертков был арестован. 19 апреля приговорен Мосгорсудом к пяти годам лишения свободы. Виновным он себя не признал: «Не делайте из меня политического преступника» (из последнего слова Черткова на суде)¹⁵. «На группу вывести не удалось. Вызывали всех <...>. Но все держались, и “группы” не получилось». Как объясняет Сергеев, выбор пал на Черткова, потому что он «был центром, осью, которую вынули, чтобы кружок распался»¹⁶. Какое-то время участники «Мансарды» собирались без Черткова, но постепенно эти встречи сошли на нет.

Вопросы по поводу событий в Венгрии задавали не только студенты физического и филологического факультетов МГУ, но и представители других факультетов Московского университета. Так, 22 ноября 1956 г. на химическом факультете состоялся вечер вопросов и ответов, посвященных странам народной демократии. Присутствовали более 500 студентов и преподавателей, подано было более 150 вопросов. Отвечали приглашенные преподаватели МГИМО А.Г. Томашевский, Н.И. Лебедев, ответственный сотрудник журнала «Международная жизнь» И.И. Съедин, старший научный сотрудник института философии АН СССР Ф.В. Константинов, сотрудник партийного журнала «В помощь политическому самообразованию» В.В. Платковский. Задавались вопросы общего характера: Что вызывает недоверчивое отношение к СССР в некоторых кругах населения стран народной демократии? Считаете ли вы, что последние события лишь подтвердили положение И.В. Сталина о том, что классовая борьба отнюдь не утихает по мере нашего продвижения вперед? Каково положение в Чехословакии? Как оценить высказывания чехословацких руководителей о том, что

* Бойкот в связи с неудовлетворительной работой столовой в общежитии МГУ на Стромынке произошел уже после бойкота в Суриковском институте.

в Чехословакии тоже могли произойти события, подобные событиям в Венгрии. Каким образом они избежали этого? Где ошибки в политике венгерской компартии в первые дни волнений? Не считаете ли вы, что культ личности является следствием чрезмерной централизации управления страной?

Остро звучали и вопросы о советской печати. Участники вечера ссылались на Конституцию СССР, по которой каждому гражданину гарантировалась свобода слова, собраний, печати и т. д. В тексте Конституции о «классовой» печати ничего не говорилось. Если в Америке выходят коммунистические газеты, значит, там есть свобода слова? — Студенты обращались к выступавшим с просьбой пояснить ситуацию: из ваших слов можно понять, что свобода печати и т. д. отсутствуют в СССР, почему всем нельзя предоставить свободу слова? Почему читателям «Правды» и других центральных газет приходится по большинству важнейших проблем довольствоваться лишь комментариями? Необходимо печатать комментарии параллельно с источником. За последнее время дело в этом отношении улучшилось, но недостаточно.

По поводу ситуации в Венгрии студенты в записках отмечали, что очевидно недовольство масс в Польше и Венгрии проявлялось и раньше. Почему же об этом не писали в нашей печати? Верно ли, что есть неопубликованные послания Дж. Неру и лидера Бирмы У Ну, в которых они выражают недовольство нашими войсками в Венгрии?

Академик М.Б. Митин, председатель правления Всесоюзного общества «Знание», в записке в ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. докладывал, что по заданию Секретариата ЦК КПСС он выступил перед студентами-коммунистами из стран народной демократии, обучающимися в МГУ. При этом выяснился ряд недостатков: партком и руководство МГУ уделяют мало внимания «большому отряду зарубежных коммунистов» и, видимо, недопонимают всей сложности и важности работы с ними. Зарубежные коммунисты подчеркивали, что, живя в СССР, в Москве, они фактически изолированы от общей политической жизни страны, что для них не организуют серьезных политических акций и докладов, что они не находят ответа на многие интересующие их вопросы, что с ними разговаривают грубо, что многие из их среды питаются всевозможными обывательскими слухами, слушают радиопередачи Би-Би-Си, читают буржуазную иностранную прессу. Всё это, делал вывод Митин, «вызывает в среде студентов-иностранцев некоторые нездоровые настроения, путаницу в умах, явно искаженное представление о жизни нашего народа, о коммунистическом строительстве»¹⁷.

С выводами М.Б. Митина совпадала точка зрения заведующего Отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС В.А. Кириллина. Он отмечал в справке от 13 ноября 1956 г., что в Московском университете учатся 1500 студентов и аспирантов из стран народной демократии, из которых 1000 являются членами коммунистических и рабочих партий, объединенных в 11 партийных организаций, созданных при соответствующих иностранных землячествах. Секретари парторганизаций иностранных студентов и аспирантов просят, чтобы их приглашали на закрытые партсобрания и заседания партбюро факультетов, на собрания партийных активов МГУ. При этом они указывают, что на все закрытые партсобрания парторганизаций студентов-иностранцев приглашаются представители факультетских парторганизаций и парткома МГУ. Коммунисты-иностранцы не допускаются

не только на закрытые партсобрания и активы университета и факультетов, но и на закрытые комсомольские собрания. Несмотря на это, коммунисты-иностранцы о многих рассматриваемых вопросах на наших собраниях узнают от наших коммунистов, «которые не всегда правильно и объективно рассказывают о решениях этих собраний. В связи с этим у них часто создается неправильное представление о жизни парторганизации университета»¹⁸.

На закрытом заседании партийного собрания исторического факультета МГУ 10 января 1957 г. обсуждалось закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. Доцент М.Т. Белявский, говоря о работе студентов в качестве агитаторов по выборам в Верховный Совет СССР на заводах и предприятиях Ленинского района, привел свой разговор с заместителем секретаря парткома одного из таких предприятий. В целом работу агитаторов хвалили, но был и тревожный факт. Один из студентов-агитаторов провел беседу о событиях в Венгрии, не прослушав специальный инструктаж. Он был в числе студентов, заявивших, что на этот инструктаж незачем идти, что они знают больше, чем партийное бюро, и знают это через студентов-поляков и венгров. В результате эта беседа была проведена студентом таким образом, что представителям местной партийной организации пришлось затем «в течение часа разбивать и оспаривать» те положения, о которых говорил агитатор. Им пришлось доказывать, что всё, что было рассказано агитатором во время этой беседы, не соответствует действительности и в значительной степени является передачей буржуазных точек зрения и антисоветских материалов.

В августе 1957 г. начались аресты участников так называемой «группы Краснопевцева», пожалуй, самого резонансного объединения подобного рода, имевшего место в столице. Не останавливаясь на всех подробностях возникновения и существования этой группы, отмечу, что на сознание всех ее участников огромное влияние оказали события в Польше и Венгрии. Единственный в группе студент — В. Козовой во время учебы неоднократно беседовал с однокурсником-венгром Габором Надем, вернувшимся после зимних каникул 1957 г. на учебу и рассказывавшим о происшедших событиях на родине в ключе, отличавшемся от советской официальной точки зрения.

В другом московском вузе, уникальном в силу своей специализации, — Литературном институте имени А.М. Горького, занимавшимся подготовкой творческих кадров поэтов, писателей, переводчиков и критиков, ситуация была во многом схожа с Московским университетом. Секретарь партбюро Литинститута М.И. Ишутин, выступая на заседании Ученого совета 28 февраля 1957 г. и характеризуя работу кафедры марксизма-ленинизма, отметил значимость решений XX съезда КПСС в важнейших сферах государственной жизни — политике, экономике, внешней политике. В рамках провозглашенной программы преодоления догматизма в преподавательской работе в духе XX съезда КПСС Министерством высшего образования был издан приказ о самостоятельном преподавании общественных наук: отдельно истории партии, отдельно диамата, истмата, политэкономии. Однако, по словам Ишутина, преодоление культа личности И.В. Сталина было понято однобоко, как в международном рабочем движении, так и внутри страны, в том числе в некоторых институтах, включая Литературный. «Кульминационным пунктом преодоления культа личности явилось выступление Тито

в Пуле (на партактиве Союза коммунистов Югославии 11 ноября. — *О.Г.*). Там, где он деятельность Коммунистической партии представил как особую систему “сталинизма”. Далее — события в Венгрии и Польше. Дело дошло не только до отрицания роли И.В. Сталина в коммунистическом строительстве и в развитии марксизма, но и до опорочивания марксизма-ленинизма, а также советского общественного строя»¹⁹. Секретарь партбюро заметил, что в литературе это сказало в выступлениях К.М. Симонова и К.Г. Паустовского, в распространении порочного романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» среди студенчества и т. д. Всё это не могло не отразиться на студенческой среде. И далее Ишутин задался вопросом: какую позицию заняла кафедра в этот период? С одной стороны, была в некоторой степени растерянность, не только в Литинституте, но и в других вузах, с другой стороны — позиция выжидания, с третьей — со стороны некоторых преподавателей и аспирантов — подогревание этих анархистских элементов.

Кафедра марксизма-ленинизма, по его словам, «уже на первых своих заседаниях решила, опираясь на партийную организацию, на решение XX съезда партии, опираясь на партийное бюро, не допускать пассивности, не выжидать, что скажут сверху, а немедленно давать отпор анархистским элементам, не приклеивая ярлыков студентам, разъяснять сущность событий у нас, в международном рабочем движении и особенно положение в Венгрии, защищать марксизм-ленинизм и наш общественный строй, разъяснить роль культа личности»²⁰.

Выступивший на этом же заседании доцент В.А. Архипов отметил, с «какой силой анархизирующие элементы гонялись» за газетой «Борба» с публикацией речи И. Тито. Выступление К. Симонова 22 октября в Центральном доме литераторов при обсуждении романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» он квалифицировал как ошибку, непростительную для кандидата в члены ЦК КПСС: «Но тем-то и показательнее, что человек, который входит в центральный орган партии, выступает против партийных достижений. Да, это ошибка»²¹. Это выступление Симонова «буквально мобилизовало» студенческое «анархистское отребье»²². По мнению Архипова, «не оценивать это и не расставлять силы — это значит дать болезни развиваться и разрастись. В нашем институте на лекциях такие реплики бросают! Правильно мы поступаем, что обращаем внимание на эти выступления. Это безусловно»²³. И далее Архипов заметил, что благодаря «мобилизации», которую провели сотрудники кафедры марксизма-ленинизма, дело в Литинституте обстоит лучше, чем на факультете журналистики МГУ, где весной 1956 г. проходили комсомольские собрания, поднимавшие острые вопросы, в том числе речь шла и об увольнении ряда преподавателей общественных дисциплин. Надо отметить, что работу в Литинституте Архипов совмещал с преподаванием и руководством студенческим литературным объединением на факультете журналистики МГУ, поэтому о событиях в главном вузе страны знал не понаслышке.

Доцент кафедры З.Н. Молокова, член лекторской группы райкома партии, в недавнем прошлом секретарь партбюро Литинститута, заметила, что большинство студентов пытались разобраться в том, что правильно и что неправильно. При этом они задают вопросы демагогического характера. На первом из занятий, например, один студент заявил: «Как жаль, что у нас не появилось своего Каракозова». Еще один студент, Харабаров, сказал: «Правильно делают, что

в Венгрии вешают коммунистов!»²⁴. По словам Молоковой, большинство студентов очень резко и решительно осудили Харабарова. В результате он стал изучать стенограммы съездов, и это заинтересовало его. Но заявление на семинаре «было абсолютно реакционным».

На заседании партийного собрания 8 мая 1957 г. коммунист Соколов в выступлении заметил: «О Литературном институте говорят как об образчике формализма и иногда даже как о рассаднике антисоветских настроений»²⁵.

На заседании партбюро 3 апреля 1957 г. говорилось о наличии «анархистствующей группы на первом курсе» — группы переводчиков с «гнилой теорией», стоящей в явной оппозиции. «Григорьев, например, защищал выпущенный в МГУ рукописный журнал, посвященный 39-й годовщине Октября». Имелся в виду четвертый номер «Литературного бюллетеня», выпущенный студентами мехмата МГУ М. Белецким, М. Вайнштейном, Ю. Полюсуком, Э. Стоцким и др. Выпуск содержал передовицу Стоцкого о Джоне Риде, статью «Дискуссия в Доме литераторов» об обсуждении романа В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым» в ЦДЛ. На замечание З.Н. Молоковой: «Стоит ли говорить курсу о том, что было в МГУ», доцент М.А. Водолагин ответил, что «обязательно нужно», об МГУ ходят легенды, говорят, что там происходило такое, чего в действительности не было»²⁶.

14 мая 1957 г. секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин направил «согласно договоренности» в ЦК КПСС проект записки по Литинституту им. А.М. Горького. «Год тому назад работники ЦК ВЛКСМ обращали внимание дирекции и общественных организаций института на нездоровые настроения среди части студенчества, <...> факты свидетельствуют о том, что положение в институте еще более осложнилось»²⁷. В период событий в Венгрии почти вся группа семинара литературных переводчиков в ответ на объяснение преподавателя М.А. Водолагина о событиях в Будапеште поднялась с мест и подступила к преподавателю «со злобными выкриками: “В Венгрии произошла революция. Нам тоже нужна такая революция, как в Венгрии”»²⁸. Особенно активно вели себя студенты Л. Миль, Н. Воронель, Лектор, Н. Ефремкин, Д. Маркиш, Григорьев.

Польский поэт, прозаик и переводчик В. Ворошильский, в 1952–1956 гг. учившийся в аспирантуре Литературного института имени А.М. Горького на кафедре советской литературы и защитивший кандидатскую диссертацию по теме «Некоторые проблемы развития социалистического реализма в советской русской поэзии 20-х годов», во время венгерских событий в составе группы польских журналистов (газет «*Życie Warszawy*», «*Tribuna Ludu*», «*Nowa Kultura*») находился в Венгрии. Результатом этого пребывания стал «Венгерский дневник», части из которого были опубликованы в газете «*Nowa Kultura*», которую Ворошильский в это время редактировал, полностью «Венгерский дневник» вышел в парижском еженедельнике «*France observateur*». В дополнении к публикации «Венгерского дневника» в журнале «Континент» в 1978 г. Ворошильский пишет о том, что позднее он услышал о переводе своего «Дневника» в Москве, тех частей, что были опубликованы в Польше, студентом-литовцем по заказу дирекции Литинститута. Сделано было это, по его словам, для ознакомления преподавателей института с «мерзкими выходками недавнего аспиранта»²⁹ на закрытом

собрании*. А дальше этот перевод стал достоянием советского «самиздата». Если предположить, что вероятным переводчиком был литовец Виргилиус Чепайтис, студент Литинститута в 1956–1961 гг., знакомый с Александром Гинзбургом, издававшим самиздатовский поэтический альманах «Синтаксис» и участвовавшим в подготовке «литовского» номера этого самиздатовского журнала, то становится ясно, каким образом текст перевода стал распространяться в СССР.

Вероятно, преподаватели и часть студентов Литинститута были ознакомлены с переводом к моменту проведения дискуссии о поэзии, проходившей в Литинституте в рамках поэтических семинаров 12 и 13 апреля 1957 г. Этим можно объяснить фразу из доклада «Поэзия и общественная жизнь» В.В. Деметьева, однокашника Ворошильского по учебе в аспирантуре, после защиты диссертации по лирике Степана Щипачёва в 1954 г. оставшегося преподавать в Литинституте. Он говорил, что в спорах и дискуссиях, «которые нередко происходили на кафедре советской литературы, он (Ворошильский. — О.Г.) подчас оказывался “ортодоксальнее” многих из нас, его товарищей по учебе и перу»³⁰, а когда он вернулся в Польшу, с ним произошла «странная метаморфоза». В докладе Деметьев заметил, что в «Материалах к автобиографии» В. Ворошильский написал о своем пребывании в Москве, как о самом тяжелом периоде своей жизни: «Я чувствовал себя не как иностранный коммунист в первом государстве рабочих и крестьян, а как подозрительный тип в таинственной крепости»³¹. И если раньше Ворошильский с лёгкостью писал «о Труменах за океаном, а ныне стал воителем за ревизионизм»³².

Дискуссия о поэзии носила острый характер, помимо выпадов в сторону В. Ворошильского в ней подверглись критике за свои стихи студенты Литинститута Г. Айги, Н. Анциферов, Ю. Чухнин, Ю. Панкратов и другие. Тогда же во время дискуссии ещё один выступавший, поэт и журналист В. Захарченко, помимо работы в редакции «Техника — молодёжи», преподававший в Литинституте, заметил, что даже после своей поездки в Венгрию во время встречи со студентами МГУ и МЭИ он «не слышал, чтобы молодые советские люди в спорах, несогласии, в противоречиях осмелились бы поднимать голос и руку на какие-то вещи, которые нам, советским людям, представляются святыми и неприкосновенными»³³.

События в Литературном институте по содержанию схожи с выступлениями в других вузах: вопросы, волновавшие сверстников, иногда просто совпадают. Это говорит об общих тенденциях развития мышления у учащейся молодёжи.

Реакцию студенчества на события в Венгрии можно проследить и в других вузах Москвы. Так, в ходе обсуждения письма ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. на закрытом партсобрании МЭИ 8 января 1957 г. в выступлении секретаря парткома Р.Г. Романова говорилось о наличии крупных недостатков в работе с молодёжью. Он привел в качестве примера антисоветские высказывания студента-поляка Трояновского, обучающегося в институте инженеров железнодорожного транспорта. В общежитии 11 декабря Трояновский, собрав группу студентов, заявил, что советскому правительству не следовало бы вводить свои войска в Венгрию, что этот акт советского правительства неправильный. Далее он утверждал,

* К сожалению, пока не удалось ознакомиться с протоколом этого закрытого собрания.

что Янош Кадар и его рабоче-крестьянское правительство держатся на штыках советских войск. Он говорил, что печать Советского Союза «врёт про белый террор в Венгрии». Трояновский также заявил, что в Советском Союзе социализм построен на бумаге, на деле же никакого социализма нет. Романов отметил также антисоветские высказывания некоторых студентов польского землячества, которые имели место в МЭИ в самый разгар бурных событий октября 1956 г. в Польше. Некоторые из них (Талль, Васыль) заявили, что «они не хотят обучаться в Советском Союзе, ибо на них тогда на родине будут смотреть как на советских держиморд»³⁴.

А. Ганичев, секретарь комитета ВЛКСМ МВТУ, на заседании 3 декабря 1957 г. говорил о том, что зря думают, что венгерские события прошли бесследно для наших комсомольцев, «студенты задают вопросы нам, активистам, на которые мы ответить не можем. А мы обязаны на них отвечать <...> почему сняли маршала Жукова с поста министра обороны, совершенно не ругая его раньше. Или такой вопрос: что предлагал В.М. Молотов, когда выступал против политики партии?» И много еще подобных вопросов. В прошлом году было совещание у Фурцевой во время тревожных событий в Польше и Венгрии. И мы остались в большом недоумении от одного заявления Е.А. Фурцевой, «что не на все вопросы нужно отвечать»³⁵.

После чтения закрытого письма ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. на партсобрании Московского высшего художественно-промышленного училища (быв. Строганова) 9 января 1957 г. отмечалось, что настроение отдельных студентов «нехорошее», что очень трудно было говорить со студентами после событий в Венгрии и что студент Бахаров считает речь И. Тито и Э. Карделя напечатанной не полностью, и «поэтому он имеет собственное мнение»³⁶.

На закрытом партсобрании Московского государственного художественного института им. Сурикова, длившемся два дня (24 и 27 ноября 1956 г.) отмечалась слабая организация последнего отчетно-выборного комсомольского собрания, на котором наряду со «здоровыми выступлениями» имели место выступления резко отрицательные, имеющие «прямо антисоветскую окраску». Таково было выступление Э. Булатова, заявившего, что «сейчас мы предъявляем ультиматум педагогам, а потом объявим бойкот». По словам преподавателя Орлова, собрание напоминало «маленький Будапешт». Уже после комсомольского собрания состоялось стихийное собрание студентов первого курса. На нем были составлены списки почетных членов Ученого совета, список для приглашения новых педагогов по специальным дисциплинам. На собрании выступил секретарь РК КПСС Ждановского района Малышев: «Где это видано, чтобы студенты требовали увольнения преподавателей и составляли списки приглашенных вновь? Это — анархизм. Еще никто не ликвидировал единоначалия в вузах. Что за разговоры о бойкоте?! Как известно, бойкот — это проявление классовой борьбы. Какой же может быть бойкот в советском учебном заведении?»³⁷ Но при всей критике студенческих выступлений, руководство приняло меры — были уволены несколько преподавателей, чей уровень преподавания специальных дисциплин был крайне низок.

* Центральным событием внутривнутрипартийной жизни 1957 г. явился, как известно, разгром «антипартийной группы» В.М. Молотова — Г.М. Маленкова — Л.М. Кагановича.

Всесоюзный государственный институт кинематографии постоянно находился под пристальным вниманием партийного и комсомольского руководства как идеологический по своему статусу вуз, ведь он готовил кинематографические кадры, которые должны были создавать фильмы для советского зрителя. Когда в институте происходило какое-то «ЧП», то на него немедленно реагировали все контролирующие структуры. Так же произошло и с арестом 12 декабря 1956 г. в общежитии института двух студентов сценарного факультета — В. Златоверова и А. Кафарова. Последний к тому же являлся секретарем комсомольского бюро курса. Как следует из информации в МГК КПСС о «неправильном» поведении ряда студентов, Златоверов утверждал, что почитание системы Станиславского возведено до положения своего рода государственного культа. Китайским студентам он доказывал, что Чан Кай Ши — революционер. Называл выступление реакции в Венгрии свежим ветерком. Считал, что голод в СССР в 1933 г. был специально осуществлен для выкачивания золота. Высказывал также мнение, что лучшей формой законодательной власти в СССР был бы парламент, наподобие английского. С Златоверовым резко спорили, но совсем не пресекали его. Дирекция института вынесла решение исключить Златоверова из института. Вслед за этим последовал арест.

Студенты были поражены случившимся, особенно арестом Кафарова. На утро 13 декабря числа они пришли в институт с настроениями все узнать и, если возможно, то помочь пострадавшим, особенно Кафарову, считая его безвинно пострадавшим. Директор института Н.А. Лебедев и секретарь партбюро М.А. Строчков, сами не знавшие об обстоятельствах дела, выехали для их выяснения. Обстановка в институте осложнялась, и секретарь комитета ВЛКСМ А. Ульянов, не знавший, что делать, сообщил о происшествии заведующему студенческим отделом МГК ВЛКСМ Шарову, который тут же выехал в институт. Группа членов комитета ВЛКСМ вместе с представителями МГК ВЛКСМ решила собрать комсомольский актив и информировать о случившемся с тем, чтобы определить свое поведение, договориться об информации для студентов в комсомольских группах, чтобы снять напряжение, вызванное случившимся. Это решение было согласовано с прибывшим к этому времени директором института, который в свою очередь на это оперативное совещание пригласил членов партбюро, деканов факультетов. Директор института сделал краткое сообщение, но так как ему по-прежнему не были известны обстоятельства и основания ареста, то он сказал, что, как только появятся дополнительные данные, актив института будет о них информирован. На совещании высказывались те, кто знал Кафарова, они говорили о том, что глубоко сомневаются в его виновности, так как он сам выступал против Златоверова, критиковал неправильно выступающих, высказывал желание выехать в Египет в качестве добровольца и т. д. Предложено было на Кафарова послать объективную характеристику.

В этот момент сообщили, что студенты, используя перерыв, стихийно собираются в актовом зале. Все участники совещания тут же поднялись в зал, где в этот момент собрались человек 150 студентов и преподавателей, и где уже шел разговор о случившемся. Постепенно пришли еще человек 150–200, учебный график был сорван. Все присутствовавшие были возбуждены. На предложение директора института и секретаря партбюро разойтись по группам,

где комсорги проинформируют о случившемся, большинство присутствующих настояли на том, чтобы их проинформировали здесь же, в зале. Когда секретарь партбюро и директор института сообщили о факте ареста Златоверова и Кафарова, студенты потребовали более полной информации о причинах ареста. Получив ответ, что такими данными партийное бюро и дирекция института в настоящее время не располагают, студенты подняли шум.

Началось обсуждение ареста Златоверова и Кафарова. Выступавший неоднократно студент В. Курманов, а также студенты Э. Лотяну, Ю. Перов, Т. Мелиава, Л. Голубкина высказали мнение, что действия органов КГБ являются грубыми и неправильными и напоминают недавнее прошлое. Они считали, что, прежде чем произвести арест, необходимо было бы сообщить о причинах студентам и только после этого, если причины окажутся убедительными, принять соответствующие меры. Поскольку причины ареста неизвестны, то, по их мнению, большинство студентов считают, что Златоверов и Кафаров арестованы по доносу за свободные высказывания, и поэтому никто не гарантирован, что в скором времени и он не будет арестован. Вносилось предложение взять Златоверова и Кафарова на поруки, получить материалы из КГБ, чтобы студенты сами разобрались в обстоятельствах этого дела и вынесли свое решение.

В заключение студенты избрали комиссию в составе: Ю. Перова, В. Лоренца, Э. Лотяну, Л. Голубкиной, Г. Бекаревича, [Т]. Шевченко, Т. Мелиавы и А. Губина, которым поручили составить проект письма председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. К.Е. Ворошилову и в ЦК ВЛКСМ. В этом письме предлагалось потребовать тщательного расследования дела, а материалы следствия довести до студентов. Кроме того, просить соответствующие органы провести суд над Златоверовым и Кафаровым и дать возможность студентам института присутствовать на нем. 14 декабря работники МГК КПСС и Щербаковского РК КПСС беседовали со студентами, которым было поручено написать письмо, и дали им соответствующие разъяснения. После этого было созвано заседание партийного бюро института. В конце заседания на партийное бюро пришли студенты, составлявшие проект письма, и заявили, что они, посоветовавшись между собой, а также с рядом других студентов, решили никаких писем никому не посылать.

События во ВГИКе выбиваются из череды подобных случаев арестов студентов — здесь, не взирая на деятельность КГБ, студенты, чувствуя свою правоту и несправедливость по отношению к арестованным, позволили себе выступить в их защиту. В МГУ, если студенты и выступали открыто в чью-либо защиту на комсомольских собраниях, то это происходило лишь в случае несправедливого исключения из вуза. При аресте студентов по политическим мотивам никакие формы выступлений в их защиту были невозможны. Контроль и диктат со стороны партийно-государственного руководства над студенчеством Московского университета был более пристальным и неоспоримым, нежели во ВГИКе. Насколько удалось выяснить, в результате критики позиции СССР по отношению к событиям в Венгрии были арестованы и осуждены пять студентов МГУ (упоминавшиеся выше филологи В. Сипачёв и А. Терёхин, журналисты Ю. Анохин и Н. Киселёв, физик Д. Сотников³⁸), один аспирант (физик А. Краснов). К их числу можно отчасти отнести историков — аспиранта

Л. Краснопевцева и студента В. Козового. Последний, как следует из протоколов допроса, безуспешно пытался завербовать в студенческий кружок (подразумевалось, что «группа Краснопевцева» будет включать в себя кружки единомышленников. — *О.Г.*) своего однокурсника-венгра Э. Палоташа³⁹.

Часть венгерских студентов, учившихся в советских вузах, побывав на родине в период зимних каникул 1957 г., на учебу в СССР не вернулись. Если судить по спискам студентов МГУ по разным факультетам, где указаны годы учебы студентов, то можно сделать следующее предположение. Больше всего венгров училось на гуманитарных факультетах МГУ, особенно на историческом. По воспоминаниям выпускника истфака 1957 г. М.О. Мнацаканяна, после каникул он встретил свою сокурсницу Магду Палош, которая была на каникулах дома в Будапеште. Она сказала ему, что не хочет больше жить и учиться в СССР⁴⁰. Но согласно описи студентов истфака, Магда Палош числилась в студентах с 12 сентября 1952 г. по 21 августа 1957 г., что вызывает ряд предположений: 1) Палош предоставили отсрочку в сдаче госэкзамена и защите диплома; 2) оформили отчисление из студентов поздним по дате приказом, не соответствующим действительной дате отчисления. Из венгров (национальная принадлежность определена по фамилиям и именам), учившихся на истфаке, 18 из 23 человек, судя по архивному перечню, не закончили обучение в МГУ. Заметим, что, судя по фамилиям, часть польских студентов также обучение на истфаке не завершила. К сожалению, без нотариального разрешения ознакомиться с личными делами студентов в архиве МГУ невозможно, поэтому трудно утверждать, что для всех 18 венгров-историков причиной отказа от продолжения обучения в университете стало несогласие с советской политикой в Венгрии. Вероятно, у кого-то были и другие причины, которые были свойственны и советским студентам: состояние здоровья, семейная ситуация, трудности с усвоением учебных дисциплин. Предположение остается лишь предположением и нуждается в дальнейшем уточнении путем опроса самих венгров, проучившихся в МГУ несколько лет. Среди них был и Иштван Капосташ, судя по интернет-ресурсам, он занимался в Венгрии историческими исследованиями. Возможно, он завершил образование в одном из венгерских вузов. По воспоминаниям выпускника физфака 1961 г. Ю.С. Владимирова, на факультете в годы его учебы учились несколько десятков венгров: «Все они забросили занятия и ночи напролёт слушали зарубежные радиопередачи из Венгрии, Австрии, ФРГ и т. д. В целом, наши венгры склонялись к поддержке восставших. Эти события настолько выбили их из колеи нормальной учебы, что многие сильно отстали и не смогли догнать своих однокурсников. В их числе был и студент нашей группы Йошка Колтаи, вынужденный оставить университет и вернуться в Венгрию»⁴¹.

Неизвестно, беседовали ли с венгерскими студентами в посольстве Венгрии в Москве после событий осени 1956 г., но вот встречи польских студентов со своим послом, судя по архивным документам и воспоминаниям, имели место. По словам поляка М. Антопольского, во время встреч работники посольства просили студентов, чтобы только не было массового демонстративного выезда в Польшу. «Они просили подождать до конца академического [года], и кто не захочет, пусть не вернется после каникул». Так и получилось*.

* Из письма М. Антопольского от 25 мая 2009 г.

Решивших продолжить учебу в СССР венгров трудно причислить к числу штрейкбрехеров. Качество образования, даваемое в советских вузах, было на высоте, резонным было бы решение продолжить обучение по этой причине. К тому же венгры прекрасно понимали, вращаясь в гуще советских студентов, что сознание многих их сверстников не зашорено и они прекрасно понимают всю сложность ситуации в Венгрии.

Официальные мероприятия, устраиваемые советским партийно-комсомольским руководством, иностранные студенты в большинстве предпочитали игнорировать. Об отрицательных результатах подобного мероприятия докладывали в ЦК КПСС в записке инструкторы ЦК ВЛКСМ В. Залужный и А. Топориков. Они писали о том, что 3 апреля 1957 г. в Доме культуры МЭИ состоялся торжественный вечер обучающихся в Москве венгерских студентов и аспирантов и молодежи г. Москвы, посвященный 12-й годовщине освобождения Венгрии Советской армией. В зале, рассчитанном на 800 человек, присутствовало лишь 350–400. Во втором отделении вечера по предложению венгерского землячества должны были выступить венгерские артисты, но, по сути, второе отделение не состоялось из-за неявки артистов. Секретарь МГК ВЛКСМ Стукалин плохо справился с задачей организации важного пропагандистского мероприятия, отношение МГК ВЛКСМ в его лице к проведению указанного вечера было квалифицировано недопустимым.

Ряду университетских студентов, принимавших участие в VI Всемирном фестивале молодёжи и студентов 1957 г., проходившем в Москве, выкрики участников спортивной делегации ВНР, проживавшей в те дни в главном здании МГУ, в адрес советского правительства и народа показались тогда возмутительными. Но с сегодняшней точки зрения понятно, что хотя бы таким способом венгры старались продемонстрировать несогласие с официальной советской оценкой венгерских событий.

Поэту Л.И. Ошанину, присутствовавшему на встрече студентов с писателями мира во время VI ВФМС, шведский студент Дж. Андерсон задал острый вопрос: «Сочувствует ли Лев Ошанин писателям, боровшимся в Венгрии за свободу в 1956 г.?»⁴² Вероятно, на появление этого вопроса повлияла «Баллада о венгерском студенте», приведенная в эпиграфе к данной статье⁴³. Поэт ответил, что писателям, боровшимся на стороне контрреволюционного мятежа, он не сочувствует, зато «всецело поддерживает таких борцов за свободу Венгрии, как Бела Иллеш, Иотер Фодор (правильно: Йожеф Фодор. — О.Г.), Тибор Барабаш»⁴⁴. Согласно отчёту, ответу Ошанина аплодировали не только советские участники встречи, но и иностранные гости, за исключением некоторых представителей делегаций Польши, Англии, Индии. Позднее поэт получил записку, подписанную «венгерским студентом из Будапешта»*, автор которой был «в целом согласен с мнением Ошанина»⁴⁵.

Председатель профкома исторического факультета МГУ А.И. Широков, выступая с докладом об итогах декабрьского Пленума ЦК КПСС на открытом партийном собрании исторического факультета 13 января 1958 г., говорил о влиянии

* Анонимность подписи заставляет усомниться в реальности этого факта. Приведенные выше факты свидетельствуют о противоположном настрое венгров-гостей фестиваля.

на студентов «чуждой идеологии, лезущей во все щели, во все поры». Источником подобной идеологии докладчик назвал не зарубежные периодические издания и не передачи зарубежных радиостанций, а «ревизионистские» статьи в журнале «Вопросы истории»⁴⁶, благодаря которым студенты поддались агитации В. Меньшикова и вошли в «группу Краснопевцева». Некоторых студентов-иностранцев, говорил он, мы балуем, портим, ставим им незаслуженно высокие оценки, боясь незаслуженно обидеть. И вновь из уст вузовского преподавателя, как и в случае со студентом Литинститута И. Харабаровым, прозвучало обвинение студента в антисоветском высказывании, в достоверности которого возникают сомнения: якобы польский студент Иванчук был убежден в том, что надо браться (в тексте бороться. — *О.Г.*) за оружие против Советской армии, помогавшей в Венгрии разбить контрреволюцию⁴⁷. Заместитель секретаря партбюро мехмата В.С. Ленский на партийном собрании механико-математического факультета МГУ 16 января 1957 г. говорил о том, что студент пятого курса Г. Шефтер во время венгерских событий бегал по этажам и спрашивал: «Когда у нас будет Венгрия?» Подобные высказывания на партсобраниях позволяли себе, как правило, преподаватели общественных дисциплин для придания большей весомости их работе, с одной стороны, и для демонстрации масштабов идеологического брожения студенческой молодёжи, с другой.

Многие положения закрытого доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде при всем его положительном вкладе, связанным с выводом общества из состояния всеобщего страха и инертности, остались лишь на бумаге. Партийно-государственный аппарат состоял из тех же функционеров, что и при Сталине, не заинтересованных в кардинальной перестройке ни партийной жизни, ни жизни общества в целом. Студенчество, в силу своего возраста, более остро и нетерпимо реагировало, более резко относилось к недостаткам, имевшимся как в политической, так и в социальной сферах жизни общества.

Заметно возросла после событий в Польше и Венгрии активность советских студентов и студентов-иностранцев, обучавшихся в СССР. Они отмечали в выступлениях недостатки политической системы в СССР, отсутствие свободы печати.

События, описанные выше, показывают, насколько широкой и разнообразной по содержанию и формам была реакция московского студенчества на венгерское восстание. Имели место как легальные (выпуск стенгазет, выступления на партийных и комсомольских собраниях), так и нелегальные (создание организаций политической направленности, неформальных объединений/кружков, выпуск листовок) формы выражения «брожения умов».

Насколько типичной была ситуация в московских вузах в масштабах страны? Если говорить о втором по значимости городе — Ленинграде, там, по наблюдению В.В. Иофе, в этот период наблюдалась еще большая студенческая активность, если судить по количеству созданных и действовавших политических групп, среди которых самыми известными были группы Р. Пименова — Б. Вайля, М. Молостова, В. Трофимова. Литературные объединения в Ленинграде тех лет, судя по воспоминаниям, также имелись⁴⁸. Аналогичными по форме и содержанию были выступления на партийных и комсомольских собраниях. Представляется, что при более тщательном анализе выявится сходство студенческого брожения в Москве и Ленинграде по многим параметрам.

Встречаемая при работе с архивными документами информация, сигнализирующая о проявлениях активности студенческой молодёжи, показывает их широкую географию: Брянск, Горький, Иваново, Кишинев, Казань, Молотов (Пермь), Свердловск, Томск, Уфа, Челябинск и другие. Формы и содержание студенческого брожения в этих городах также имели общие черты с деятельностью столичных вузов: выступления на собраниях с критикой в адрес партийного и государственного руководства, избирательной системы и т. д.; выпуск стенгазет, литературных альманахов (например, студентами филологического факультета Уральского государственного университета выпускался машинописный журнал «В поисках»); создание политических групп (например, в г. Горьком существовала студенческая организация под названием «ОИД» — «Общество идейных друзей», другой вариант расшифровки названия: «От и до», т. е. от социализма к капитализму, со своей программой и целями⁴⁹). Всё это позволяет сделать вывод об определенной типичности явлений, происходивших как в Москве, так и в других городах СССР.

Исключение составляет ситуация в вузах прибалтийских республик и Грузии. Происходившие там выступления студентов во многом базировались на национализме, проявления которого были также «ускорены» хрущёвским докладом.

Примечания

- 1 См., например, репортаж спецкоров «Комсомольской правды»: *Захарченко В., Попов Ю., Стародуб А.* Будапешт, октябрь — ноябрь 1956 г. М., 1956. Из трёх корреспондентов самым известным на тот момент был Захарченко, возглавлявший с 1949 г. редакцию журнала ЦК ВЛКСМ «Техника — молодёжи». (Именно под его руководством журнал стал популярным советским изданием в 1960-е — начале 1980-х годов, на страницах которого помимо рассказов и очерков о научных открытиях и технических новинках публиковались произведения отечественных и зарубежных фантастов). К этому же кругу агитационно-пропагандистских изданий можно отнести пять выпусков брошюры «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях». Они представляли собой перепечатки на русском языке из венгерской «Белой книги», содержавшей документы, фотографии и другие материалы о событиях осени 1956 г.
- 2 РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 46. Д. 192. Л. 146.
- 3 Там же.
- 4 ЦГА Москвы. Ф. П-6083. Оп. 1. Д. 3. Л. 117.
- 5 Там же. Ф. П-478. Оп. 1. Д. 650. Л. 37.
- 6 ЦГА Москвы. Ф. П-478. Оп. 3. Д. 143. Л. 6.
- 7 О неудовлетворительном, с точки зрения властей, состоянии идейного воспитания студентов филологического факультета свидетельствует следующий факт (ставший предметом обсуждения ряда партийных и комсомольских собраний): выпускник 1956 г. А.М. Дольберг, находясь с группой туристов в г. Берлине, бежал в западный сектор (*Зубарев Д.* Из жизни филологов. 4. Опасный беглец // Новое литературное обозрение. 1997. № 24).
- 8 ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 113. Д. 41. Л. 76.
- 9 *Кузнецов В.П.* История одной компании. Издание автора. М., 1995.
- 10 *Кузнецов В.П.* История одной компании. С. 8.

- 11 Там же. С. 20–21.
- 12 Обвинительное заключение по следственному делу № 442 по обвинению Терёхина Андрея Николаевича и Кузнецова Владимира Петровича в совершении преступления, предусмотренного ст. 58–10 Ч.1 УК РСФСР // Там же. С. 30.
- 13 *Сергеев А.* Omnibus. Альбом для марок. Портреты. О Бродском. Рассказики. М., 1997. С. 299, 321. Под спасением «царя египетского» имеется в виду кампания, охватившая ряд московских вузов, когда студенты и преподаватели записывались в добровольцы для оказания помощи Египту.
- 14 *Сергеев А.* Мансарда окнами на Запад / Поэт Андрей Сергеев беседует с критиком Владимиром Кулаковым // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 293.
- 15 In memoiam. Предисловие Д.И. Зубарева // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. С. 114.
- 16 *Сергеев А.* Мансарда окнами... С. 294.
- 17 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 44. Л. 77.
- 18 Там же. Л. 141–142.
- 19 РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 1. Д. 61. Л. 195.
- 20 Там же.
- 21 Там же. Л. 221.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 1. Д. 61. Л. 228. Представляется сомнительной подобная фраза, вероятно, З.Н. Молокова привела её для «пушего эффекта», поскольку тогда никаких последствий для студента И. Харабарова не последовало.
- 25 ЦГА Москвы. Ф. П-4079. Оп. 1. Д. 18. Л. 33.
- 26 Там же. Д. 19. Л. 65.
- 27 РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 46. Д. 199. Л. 4–5.
- 28 Там же.
- 29 *Ворошильский В.* Венгерский дневник // Континент. 1979. № 16. С. 73.
- 30 РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 1. Д. 787. Л. 8.
- 31 Нова культура. 1956, 25 III.
- 32 РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 1. Д. 787. Л. 9.
- 33 Там же. Л. 62.
- 34 ЦГА Москвы. Ф. П-8048. Оп. 1. Д. 55. Л. 18–19.
- 35 ЦГА Москвы. Ф. П-951. Оп. 1. Д. 130. Л. 210–211. Е.А. Фурцева была в 1956 г. первым секретарем Московского горкома КПСС, кандидатом в члены (а в 1957 г. избрана членом) Президиума ЦК КПСС.
- 36 ЦГА Москвы. Ф. П-7994. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–3. Содержание речи Тито на партактиве в Пуле 11 ноября 1956 г. излагалось в центральной советской прессе только в процессе полемики с советской стороны (См.: Правда. 1956. 19, 23 XI). Речь главного идеолога СКЮ Э. Карделя в Союзной скупшине ФНРЮ 7 декабря с критикой бюрократизма советского типа и противопоставлением ему возникших осенью 1956 г. на венгерской революционной почве рабочих советов была опубликована в журнале «Коммунист» (1956. № 18) в сопровождении полемической статьи. Внутренняя, экономическая, культурная политика в Югославии по ряду параметров отличалась от аналогичной советской и являлась в силу этого объектом пристального внимания и интереса со стороны некоторых категорий советских граждан. Так, по воспоминаниям участника «группы Краснопевцева» Н.Г. Обушенкова, огромное впечатление в 1956 г. на участников группы произ-

- вела работа Ашера Делеона «Рабочие управляют фабриками. Мечта, постепенно становящаяся действительностью». Книга, опубликованная в Белграде на русском языке в 1956 г., в СССР стала достоянием спецхрана библиотек, но вузовские преподаватели и аспиранты с факультетскими направлениями могли заниматься в спецхране.
- 37 ЦГА Москвы. Ф. П-3991. Оп. 1. Д. 6. Л. 196–197, 208. Здесь явно прослеживается сходство с высказываниями коммунистов МГУ по поводу бойкота столовой на Стромынке и событий на журфаке.
- 38 Д.И. Сотников, радиотехник кафедры физики полупроводников физического факультета МГУ, учившийся там же на вечернем отделении, был арестован 2 января 1957 г. Во время беседы со студентками 11 декабря 1956 г. в ответ на их высказывание, что в Венгрии был фашистский мятеж, заявил, что «там имела место народная революция» и «вмешательство Советского Союза в венгерские события является незаконным» // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 76882. Л. 8.
- 39 Архив ФСБ. Д. Р-34433. Том 6. Л. 228–229.
- 40 Интервью с М.О. Мнацаканяном от 23 октября 2007 г.
- 41 *Владимиров Ю.С.* Между физикой и метафизикой. Кн. 1: Диамату вопреки. М., 2012. С. 254–255.
- 42 Информация о ходе осуществления студенческой программы фестиваля на 29 июля 1957 г. (Международный студенческий клуб) // РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 153. Л. 17–18.
- 43 В своей монографии «“Оттепель”, “заморозки” и студенты Московского университета» (М., 2015) автор допустила досадную опечатку, указав на публикацию стихотворения в сборнике «День поэзии» за 1956 г. См.: С. 395.
- 44 РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 153. Л. 18.
- 45 РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 153. Л. 18.
- 46 Курс журнала, возглавляемого академиком А.М. Панкратовой и её заместителем Э.Н. Бурджаловым, на очищение исторической науки от догм, был подвергнут критике со стороны ЦК КПСС. «Дискуссия по журналу “Вопросы истории”, проведенная на историческом факультете осенью 1956 г., всем студентам продемонстрировала разделение среди преподавателей по вопросу о преодолении культа личности в исторической науке». [Из доклада секретаря партбюро истфака Ю.М. Сапрыкина на собрании партийной организации факультета 27 февраля 1958 г.] // ЦГА Москвы. Ф. П-478. Оп. 3. Д. 214. Л. 58.
- 47 ЦГА Москвы. Ф. 478. Оп. 3. Д. 214. Л. 26.
- 48 См., например: *Британишский В.* Студенческое поэтическое брожение в Ленинграде в начале «оттепели» // Новое литературное обозрение. 1995. № 14.
- 49 Члены партии «От и до» считали, что личность важнее, чем массы, в программе партии высказывались за самоусовершенствование не в толстовском смысле, а за изучение ряда наук, и прежде всего философии. За основу предлагалось брать не теорию Маркса, а П.Л. Лаврова // 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог. М., 1999. С. 324–325.

II. Документальные публикации

Б.И. Беленкин

Венгерская повесть как яблоко раздора. История одной склоки (1954 г.)

Публикуемые документы отражают конфликт двух «литературных» ведомств: Иностранной комиссии Союза писателей СССР и Издательства иностранной литературы.

Изменения в политике руководства КПСС по отношению к фигуре Сталина были вовсе не очевидны для тех, кому по долгу службы полагалось, казалось бы, быть в курсе всех веяний «там наверху». Об этом свидетельствует сюжет, связанный с выходом из печати перевода посредственной и конъюнктурной повести венгерского писателя Ференца Каринти¹ «Каменщики» — он относится к марту 1954 г. Публикуемые архивные материалы — наглядная иллюстрация понимания и/или непонимания чиновниками от литературы новых установок, исходивших из недр ЦК КПСС после смерти Сталина.

Первые два из публикуемых документов, а именно доносы друг на друга литературных чиновников — Бориса Полевого² и Павла Чувикова³, говорят, в том числе, об их растерянности при отсутствии четких директив сверху о формах и допустимом масштабе десталинизации. В итоге победу одерживает сторона

¹ Каринти Ференц (1921–1992) — венгерский писатель (прозаик, драматург, журналист, редактор и переводчик), а также спортсмен (чемпион Венгрии по водному поло). Сын известного писателя Фридеша Каринти (1887–1938). Автор более десятка романов. См.: *Каринти Ф.* Каменщики. М., 1953.

² Полевой Борис Николаевич (наст. фамилия — Кампов) (1908–1981) — советский писатель, лауреат Сталинской премии, автор «Повести о настоящем человеке» (только до 1954 года общий тираж ее изданий составил 2,34 млн экземпляров), по которой был снят фильм и поставлена одноименная опера; с 1952 г. вице-президент Европейского общества культуры; депутат Верховного Совета РСФСР (1946–1958). Иностранную комиссию Союза писателей возглавил в конце 1940-х. В сентябре 1949 г. в качестве специального корреспондента «Правды» присутствовал на сфальсифицированном судебном процессе в Будапеште по делу Ласло Райка, освещая это громкое событие в духе сталинской антизападной и антиюгославской пропаганды.

³ Чувиков Павел Андреевич — заслуженный работник культуры РСФСР, награжден орденами Красной звезды и Трудового Красного Знамени, многочисленными медалями и Почетными грамотами. В годы войны — полковник Главного политуправления армии. С 1950 г. директор Издательства иностранной литературы. Провел в Издательстве масштабную кадровую чистку, под которую попали в первую очередь лица с нерусскими фамилиями. В последующие годы директор Всесоюзной книжной палаты.

в большей степени приближенная к руководству страны и лучше информированная обо всех нюансах в публично не декларируемых и менявшихся (или, напротив, не менявшихся) оценках недавнего прошлого.

Публикуется с сохранением орфографии и пунктуации подлинников.

Все подчеркивания в текстах принадлежат авторам документов.

1.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
товарищу СУСЛОВУ М.А.

Глубокоуважаемый Михаил Андреевич,

На днях, к месячнику венгерско-советской дружбы Издательство «Литература на иностранных языках» выпустило книгу писателя Каринти «Каменщики», изданную в свое время в Венгрии к 70-летию И.В.Сталина⁴. Книга эта весьма средняя по своим художественным достоинствам и, во всяком случае, не является выдающимся произведением венгерской литературы, в основе своей посвящена тому, как венгры стали строить Сталиноварош⁵ и как рабочие готовились к ознаменованию 70-летия И.В. Сталина. Эта тема или лейтмотив книги.

В свое время представители Венгерского посольства, узнав о том, что у нас готовится издание этой книги, через Иностранную Комиссию Союза советских писателей выразили по этому поводу недоумение и заявили, что книга эта не выдающаяся, в значительной степени устаревшая и современную венгерскую литературу не представляет⁶. Правда потом через Отдел печати МИДа Комиссия получила разъяснение, что конкретно против имени писателя Каринти, возражений в Венгрии нет.

Редакторы Иноиздата, ознакомившись с переводом книги, сделанным переводчиком Ю. Шишмониным⁷, весьма, как это теперь совершенно ясно, халтурно, также заявили руководству Иноиздата большие сомнения в целесообразности издания этой книги. Рукопись лежала в Иноиздате два года и вот теперь на

⁴ Декабрь 1949 г.

⁵ Сталиноварош — город на правом берегу Дуная в 80 км к югу от Будапешта, возник на месте села Пентеле в связи со строительством в начале 1950-х годов крупного металлургического завода, одной из главных «строек коммунизма» в Венгрии. В 1956 г. один из оплотов рабочего сопротивления тоталитарной власти, городу решением местного рабочего совета было в это время дано название Дунапентеле, после поражения революции снова переименован в Сталиноварош. С 1961 г. Дунауйварош (буквально: Новый город на Дунае). (*Прим. отв. ред.*).

⁶ Еще большее недоумение в Венгрии, в том числе со стороны руководителей культурной политики, вызвало присуждение в 1952 г. в СССР Сталинской премии молодым венгерским писателям Т. Ацелу и Ш. Надю за слабые, конъюнктурные романы, явно предпринятое без согласования с венгерской стороной. Нежелательность создания новых подобного рода прецедентов во многом объясняет более чем сдержанную реакцию венгерских официальных лиц и литературных кругов на планы издания романа Фер. Каринти в СССР. (*Прим. отв. ред.*).

⁷ Шишмонин Юрий Иванович (1921–?), переводчик с венгерского.

третий год после ее опубликования в Венгрии, неведомо почему и с чьей санкции была издана Иноиздатом под редакцией и с предисловием тов. В. Байкова⁸.

При издании этой книги, которую, по моему твердому убеждению, не только нетактично, но и просто нельзя было сейчас издавать, переводчик и редакторы допустили возмутительный произвол, выбросив целыми страницами и главами большинство из того, что касалось темы 70-летия И.В. Сталина. При этом допускались уже совсем возмутительные своеволия, как например, замена везде по тексту слов «Сталинская вахта» на «стахановскую вахту» и т. п.

В результате подобной редактур венгерское и советское издания представляют по существу два резко отличающихся друг от друга варианта одной и той же книги и, если эти варианты попадут в руки врагов, каких в Венгрии еще много, они могут дать пищу для самой гнусной пропаганды, потому что никакого труда не составляет установить по какой линии пошли все изыятия.

Весь перевод сделан халтурно, безграмотно. В ряде случаев переводчик Шишмонин не только изымал целые куски и страницы, но и вписывал фразы, изменял авторские характеристики, и проявил себя, вместе с редактором, безграмотным человеком, не уважающим ни венгерскую литературу, ни венгерскую историю. Так например, он переводит: «Терек почти мальчиком принимал участие в революционных событиях 1918 года», в оригинале же речь идет о 1919 году, т. е. не о буржуазно-демократической, а о пролетарской революции. В подлиннике написано: «Венгерской прозы не было, это все устаревшее, скучное повествование». Переводчик усиливает это и фраза у него звучит так: «Художественной прозы у нас, венгров, никогда не существовало. Только история, да и та с бородой по пояс, да и та на кого хочешь сон нагонит».

У венгерского народа отличные классики и многовековая славная история. Венгры очень гордятся ею. Такие хулиганские дописки, сделанные в советском издании, не только удивят, но несомненно и возмутят венгерскую общественность.

В книге переводчик и редакторы проявили и редкую невежественность, ухитрившись в одной фразе допустить три дикие ошибки. В переводе имеется фраза: «Здесь можно найти и Хеопсову пирамиду и индусские храмы и собор Парижской богоматери...», в то время, как речь идет здесь о Гизехской пирамиде, не об индусской, а о местной церкви в романском стиле, о венгерском храме в городке Обвертае⁹, а не о соборе Парижской богоматери, который, естественно, находится не в Венгрии, а в Париже.

Обо всем этом можно было не поминать, если бы подобное разудалое обращение с книгами иностранных писателей не представляло собой стиль работы Иноиздата, и если бы два года назад плохая книга Томаша Ацела¹⁰ «Под сенью

⁸ Байков Владимир Сергеевич (1916–2001) — переводчик, референт ЦК КПСС, автор книги: *Байков В.С.* 1956. Венгрия глазами очевидца. М.; СПб., 2016.

⁹ Не понятно, о каком городе идет речь.

¹⁰ Ацел Тамаш (1921–1994) — венгерский писатель, журналист. В 1950–1953 — главный редактор журнала «*Csillag*» («Звезда»). В 1953–1956 гг. секретарь Союза венгерских писателей. Активный участник революции 1956 г., после ее поражения эмигрировал. В эмиграции — преподаватель венгерской и английской литературы, опубликовал ряд работ по проблемам новейшей истории Венгрии.

свободы»¹¹, содержащая в себе места и фразы, компрометирующие Советскую армию, не была бы столь же беспардонно купирована, причесана и приглажена переводчиками, в результате чего она получила Сталинскую премию. В свое время это вызвало недоумение литературной общественности не только в Венгрии, но и в странах, где эта книга издавалась по подлиннику и где прогрессивная критика основательно ее осуждала.

Мне думается, что было бы правильно изъять весь тираж книги «Каменщики» с тем, чтобы ни одна книга не попала в чужие руки и не могла дать материал для вражеской пропаганды.

Думается, что на основе этого и предыдущих случаев издательствам, занимающимся изданием и переводами иностранной литературы, а также журналам необходимо строго указать, чтобы они не доверялись безграмотным переводчикам и недобросовестным редакторам и не изменяли без согласия автора текста произведения, что наносит, как правило, вред великому делу укрепления дружбы между народами.

Б. Полевой

9 марта 1954 г.

[На письме резолюция М.А. Суслова: Тов. Кружкову¹². Прошу выяснить и внести предложения. 13/III]

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 659. Л. 4–6.

2.

ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОТДЕЛОМ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ ЦК КПСС тов. КРУЖКОВУ В.С.

В связи с письмом председателя Инокомиссии Союза Советских писателей тов. Полевого Б.Н. на имя Секретаря ЦК КПСС товарища Суслова М.А. о недостатках русского издания книги венгерского писателя Ференца Каринти «Каменщики» докладываю следующее:

1. О якобы неудачном отборе книги

При выборе книги для перевода на русский язык издательство опиралось на положительное мнение венгерской и советской литературной общественности. Так в № 1 за 1951 год журнала «Чиллаг» /«Звезда»/, являющегося органом Союза венгерских писателей было напечатано открытое письмо партийной организации Союза венгерских писателей Ференцу Каринти, в котором автора «Каменщиков» поздравляли с большим творческим успехом <...>¹³. Таков отзыв венгерских друзей об указанной книге.

¹¹ Роман «Под сенью свободы» («*A szabadság árnyékában*», 1948) в переводе на русский язык вышел в 1950 г. в издательстве «Иностранная литература».

¹² В.С. Кружков был зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС в 1953–1955 гг.

¹³ Далее в переводе на русский язык приводится текст письма: «Дорогой товарищ Каринти!

Кроме этого 6-го января 1951 года в «Литературной газете», в связи с пребыванием в СССР делегации венгерских писателей, был помещен большой отрывок из повести «Каменщики».

Издательство при изучении повести «Каменщики» убедилось в том, что она представляет собой одно из первых в современной венгерской литературе художественных произведений, в котором смело разрешается тема социалистического строительства, и зачинания новаторского движения в народно-демократической Венгрии. В этой повести показывается венгерская действительность 1948–49 гг. В центре повести коммунисты, беспартийные, кадровые рабочие и вчерашние крестьяне, новаторы производства и рядовые трудящиеся. Действие повести разворачивается на строительстве металлургического комбината в Сталиновароше.

Издательство имело в виду, что эта повесть небезупречна с точки зрения художественной формы, что она страдает некоторым схематизмом в обрисовке образов, излишними длиннотами в описании собраний, некоторыми тенденциями

Руководство партийной организации Союза венгерских писателей с большой радостью и с большим вниманием занималось твоей только что вышедшей в свет книгой «Каменщики». Для нас представляет большую ценность, то, что сделан новый шаг в нашей непрерывно развивающейся литературе, что твоя книга посвящена современной жизни, социалистическому строительству, важнейшим решающим вопросам нашей народной демократии, что она описывает новых людей, новые формы труда, новую технику.

Мы уверены, что и в дальнейшей своей работе над новой книгой ты продолжишь свой путь, на который ты вступил, работая над «Каменщиками».

Большим достоинством твоей книги является то, что в ней ты увидел и изобразил, правда, на наш взгляд, не во весь рост, еще не с полным успехом, нового человека, рождающегося в нашем обществе, что тем самым ты уяснил себе и осуществил на практике одно из основных требований социалистического реализма.

Наибольшее художественное впечатление оставляют те главы твоей книги, в которых ты с любовью рисуешь образы простых людей нашей родины, героев строительства нашей новой страны.

Правдиво и душевно изображены Михай Тулипан, Данчо и другие участники социалистической стройки. Правдивостью отличаются и те места книги, где показано как каменщик Данчо организует, преодолевая огромные трудности, первую стахановскую бригаду и доказывает, что можно взять от новой техники, на что способен новый человек. Большое впечатление производит в повести эпизод, в котором показано, как простой рабочий Андрош Дьялог готовится праздновать семидесятилетие со дня рождения товарища Сталина. Удачен и образ инженера Конкоя, честного молодого специалиста, энтузиаста строительства, человека, который еще может колебаться, кое в чем ошибаться, но который твердо стоит за интересы народа.

Все эти примеры показывают, что твои способности и твой талант дают тебе возможность хорошо подмечать в жизни типические черты и воплощать их в индивидуальных образах своих героев. Этот факт еще больше подчеркивает правильный выбор темы книги, отражающей героический пафос нашей жизни. Из твоей книги мы узнали, как сильно ты любишь своих героев — новых людей и тех, кто стремится идти с ними в ногу. Мы увидели также, что ты можешь с такой силой и ненавидеть, что твоя партийная ненависть обращена к врагам, чью подрывную деятельность ты разоблачаешь с большой правдивостью.

Важное достоинство твоей книги — ее партийность, ее боевые позиции в деле защиты интересов трудящихся, в деле борьбы против врагов трудящихся...» (Цит. по: Csillag. 1951. 1. sz. 115. old.).

к упрощению жизненных конфликтов и т. д. Но эти недостатки, которые, кстати сказать, имеются и в некоторых книгах советских писателей, не могли служить препятствием для издания «Каменщики» в Советском Союзе. Они лишь требовали дополнительной редакционной работы, что и сделало Издательство.

Из вышесказанного видно, что Издательство, вопреки мнению тов. Полевого, отобрало книгу не случайно и не допустило в этом никакой ошибки. Руководство издательства не получало никаких заявлений о плохом содержании книги.

Может быть тов. Полевой выражает сомнение в отношении автора? Но и здесь с ним нельзя согласиться. Автор книги «Каменщики» Ференц Каринти — сын известного венгерского прогрессивного писателя Фридаша Каринти¹⁴. Автор — коммунист, член Президиума Союза венгерских писателей. Принадлежит к молодому поколению венгерских демократических писателей. В январе 1951 г. Ф. Каринти находился в Советском Союзе в качестве члена делегации венгерских писателей. Ф. Каринти является лауреатом национальной литературной премии им. А. Йожефа¹⁵, которая была ему присуждена за сборник очерков и рассказов, посвященных рабочему классу новой Венгрии. В феврале 1954 года в теоретическом и политическом журнале ЦК венгерской партии трудящихся «Общественное обозрение»¹⁶ творчество Ф. Каринти получило положительную оценку.

В большой редакционной статье «О некоторых вопросах новой венгерской литературы», напечатанной 15-го марта 1954 года в Центральном органе ЦК венгерской партии трудящихся в газете «Сабад неп» имя Ф. Каринти стоит в числе 11 лучших писателей современной Венгрии /Т. Ацел, Л. Беньямин, Ф. Каринти, Л. Конья, П. Куцка и др./

Таким образом и это возможное сомнение тов. Полевого отпадает.

Чем объясняется задержка с выпуском в СССР этой книги? Книга была переведена в начале 1952 года. Но подготовка ее к выпуску в свет была задержана потому, что, как сообщил Издательству заместитель председателя Инокомиссии ССП СССР тов. Аппетин М.Я.¹⁷, некоторые работники венгерского посольства просили задержать издание этой книги. Как выяснилось позже, некоторые венгерские литературные круги полагали, что если повесть «Каменщики» выйдет в русском переводе, то она может получить Сталинскую премию, а это было бы, по их мнению, незаслуженно. Для того, чтобы выяснить официальное мнение венгерских друзей, в Венгрию по просьбе Издательства был сделан через МИД запрос как в отношении автора книги, так и в отношении самой книги. Ответ был получен положительный. После этого в середине

¹⁴ Каринти Фридеш (1887–1938) один из самых популярных писателей в Венгрии первых десятилетий XX в. Автор фантастико-сатирических новелл и повестей, литературных пародий, романов и драм, переводчик А.А. Милна и Дж. Свифта.

¹⁵ Имеется в виду государственная литературная премия им. Атилы Йожефа (1905–1937), великого венгерского поэта. Учреждена была в 1950 г., существует по сегодняшний день.

¹⁶ Társadalmi Szemle. 1954. 2. sz.

¹⁷ Аппетин Михаил Яковлевич (1885–1981) советский профсоюзный и общественный деятель, литературный критик, заместитель председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР (1938–1958).

1953 года издательство возобновило работу над книгой и выпустило ее в свет в декабре 1953 года.

Опубликованная книга «Каменщики» читается с большим интересом.

II. О переводе и редактировании книги

Тов. Полевой утверждает, что перевод книги сделан халтурно. Такое утверждение голословно. В переводе действительно имеются недостатки и ошибки /о них в прилагаемом к сему объяснению сообщает переводчик Шишмонин/. Но эти недостатки и ошибки не могут опорочить качество перевода в целом.

Некоторые переводчики, помогавшие тов. Полевому разобраться в качестве перевода, либо были не объективны, либо подходили неправильно в оценке перевода. Принципы художественного перевода, как на это не раз обращали внимание классики русской литературы Пушкин, Горький, революционные демократы — Белинский, Чернышевский, требуют от переводчика не рабского, буквального перевода слов, а творческого подхода, правильной и художественной передачи стиля и смысла переводимого произведения. Ни одно художественное произведение не может быть переведено буква в букву с иностранным оригиналом. Различие в языковых системах, наличие идиоматических выражений, свойственных только данному языку, различия в реалиях и понятиях неизбежно влекут за собой те или иные изменения текста перевода, не совпадающие с текстом оригинала.

Карл Маркс в письме к русскому переводчику «Капитала» Николаю — ону¹⁸ указывал: «Переводчик не механический “толмач”, калькирующий букву подлинника, а сознательный сотрудник автора, рупор его слов для иноязычного читателя».

Несмотря на эти общеизвестные для квалифицированных переводчиков положения, некоторые переводчики, обрушиваясь на перевод книги «Каменщики», в большинстве случаев находили так называемые несоответствия по линии буквальной или вкусовой, создавая тем самым ложные представления о якобы плохом переводе книги в целом.

При редактировании книги были сделаны некоторые сокращения, о чем оговорено в предисловии. Сокращения и изменения были произведены по трем направлениям:

во-первых, как известно, в современной Венгрии практики редактирования книг почти не существует. Поэтому Издательство иностранной литературы, редактируя перевод, по существу производило редактирование книги, чем оказывало помощь молодому венгерскому писателю. В целях улучшения стиля и художественного выражения были сняты отдельные фразы, логически вытекающие из поступков, замыслов и действий героев, и оставленные автором в тексте, видимо по недоразумению или техническому недосмотру. Так, например, в различных местах книги автор называет своего героя разными именами. Если это оставить так, то советский читатель запутался бы при чтении повести.

¹⁸ Имеется в виду Н. Даниэльсон (1844—1918), переводчик «Капитала» К. Маркса на русский язык.

Во-вторых, в повести были сняты некоторые места по эстетическим, натуралистическим и другим подобным мотивам. Так, например, были сняты высказывания о цыганах, которые занимают в Венгрии иное положение, чем в Советском Союзе. Не зная этого, советский читатель мог бы только недоумевать. Снятие подобных высказываний лишь улучшило текст книги.

Как в первом, так и во втором случае можно спорить о целесообразности или нецелесообразности тех или иных изменений, но можно твердо сказать, что в подавляющем своем большинстве эти изменения улучшили текст книги.

В-третьих, значительное место в повести уделяется семидесятилетию со дня рождения товарища Сталина. Основное, что относится к этому вопросу в книге сохранено. Но при редактировании, было снято излишнее словословие, доходящее иногда до бестактности по отношению к памяти И.В. Сталина. Особенно неудачными были стихи.

Следует признать, что редакция художественной литературы /заведующий тов. Вдовиченко В.Г.¹⁹/, вопреки действующему в Издательстве приказу, запрещающему произвольные изменения текста перевода, допустила ряд изменений произвольно, не согласовав это с дирекцией. Так, например, в ряде мест слова «Сталинская вахта» были заменены без всякого к тому основания [на] «Стахановская вахта».

На изменения текста книги имеется согласие автора /копия телеграммы Каринти, подтверждающая это согласие, прилагается/.

/Подробное объяснение причин, побудивших к сокращению ряда мест повести Ф. Каринти «Каменщики» прилагается/.

III. О тех, кто работал над книгой

Тов. Полевой обвиняет нештатных работников Издательства в халтурной работе. Можно говорить о недостатках или ошибках в их работе, но нельзя всерьез принять такого объяснения.

Руководствуясь принципом подбора внештатных кадров по деловым и политическим соображениям, Издательство привлекало к работе над книгой следующие товарищи:

1. Ю. Шишмонина, подполковника, начальника кафедры Академии внешней торговли, который перевел рассказ венгерского писателя Шандора Надь²⁰ «Примирение», получившего в 1952 году Сталинскую премию²¹. Писатель Шан-

¹⁹ Вдовиченко Василий Григорьевич (1904–?). В 1938 г. возглавил Главрепертком Всесоюзного комитета по делам искусств, во второй половине 1940-х — главный редактор газеты «Советское искусство», автор юдофобских публикаций и доносов в эпоху борьбы с космополитизмом. В апреле 1949 г. за излишнюю ретивость снят с должности и отправлен на учебу в Академию общественных наук при ЦК ВКП(б), откуда, скорее всего, и был взят Чувиковым на указанную должность.

²⁰ Надь Шандор (1922–1990) — венгерский писатель, лауреат Национальной премии Лайоша Кошута (1949) и Сталинской премии третьей степени (1952) за рассказ «Примирение»; секретарь Союза писателей города Сегеда. В эпоху Я. Кадара преследовался властями за прокитайскую политическую активность

²¹ Опубликован в: Новый мир. 1952. № 3. Перевод с венгерского Ю. Шишмониной.

дор Надь, будучи в мае 1952 года в Москве, дал хорошую оценку переводу, сделанному Ю. Шишмоным.

2. О. Холмскую²², доцента, считающуюся одним из наиболее опытных переводчиков и редакторов, преподавателя теории и практики перевода Литературного института им. Горького.

3. В. Байкова, кандидата филологических наук, одного из специалистов по венгерской литературе, работника аппарата ЦК КПСС.

Нет никаких оснований подозревать указанных товарищей в халтурной работе над книгой «Каменщики». Безответственное заявление тов. Полевого является оскорблением в отношении тех лиц, которые хотели сделать книгу Ф. Каринти более доходчивой, более понятной для советского читателя.

Непонятно, почему тов. Полевой так безапелляционно верит мнению некоторых переводчиков, сгруппировавшихся вокруг Иностранной комиссии ССП и возглавляемых венгерским эмигрантом Анатодем Гидашем, ранее репрессировавшимся²³.

Критика и «разгром» повести «Каменщики» были произведены по инициативе А. Гидаша, его первой женой Ибойей Липпай²⁴ и второй жены Агнеш Кун /Красновой/²⁵, дочери репрессированного троцкиста Бела Куна. В группу инициаторов «разгрома» входил О. Россиянов /бывший ранее в плену у немцев/²⁶, ныне референт Инокомиссии ССП СССР — близкий друг семьи Гидашей, обучавшийся венгерскому языку у дочери А. Гидаша — Евы Гидаш-Санто. В силу таких связей О. Россиянов, А. Гидаш и другие постоянно захваливают друг друга. Можно в подтверждение этому привести ряд фактов.

На заседании актива Инокомиссии ССП перевод книги Ф. Каринти «Каменщики» критиковался также и старым другом Гидаша Гейгером /Григорьев/²⁷, бывшим ответственным сотрудником МИДа в чине советника,

²² Холмская Ольга Петровна (1896–?) — переводчица с английского и французского языков, педагог. До 1957 г. преподавала теорию и практику художественного перевода в Московском педагогическом институте иностранных яз. им. М. Тореца и в Литературном институте им. М. Горького. Автор работ по теории и истории перевода.

²³ Гидаш Антал (наст. имя — Дьюла Санто) (1899–1980) — венгерский поэт и прозаик, долгое время (с середины 1920-х годов до 1959 г.) живший в СССР, где подвергся репрессиям (с 1938 по 1944 г. в заключении). Зять репрессированного в СССР в 1938 г. и по-смертно реабилитированного в 1956 г. виднейшего деятеля венгерской компартии и Коминтерна Бела Куна

²⁴ Липпай Ибойя (Любовь) Альбертовна была второй женой А. Гидаша, впоследствии — жена венгерского композитора Ф. Сабо.

²⁵ Кун Агнеш (псевд. А. Краснова) (1915–1990) — венгерский литератор, переводчица, дочь репрессированного в 1938 г. венг. коммуниста Бела Куна, третья жена А. Гидаша. С 1921 г. жила в Москве; подвергалась репрессиям (1941). Вместе с мужем считались главными экспертами по венгерской культуре в СССР. В 1959 г. вернулась в Венгрию.

²⁶ Россиянов Олег Константинович (1921–2016), литературовед, автор многих книг и статей о венгерской литературе, отмеченный премиями (в том числе венгерскими) переводчик.

²⁷ Гейгер (Григорьев) Бела (1909–1983) — венгерский политэмигрант, переводчик. В 1940–1941 гг. и 1945–1946 гг. работал в советской миссии в Будапеште, 1941–1944 гг. в НКВД СССР, после 1946 г. в МИД СССР.

исключенным из членов КПСС за пренебрежительное отношение к русскому народу и уволенным из МИДа.

Кроме того перевод «критиковали» Станевич²⁸, Зельдович²⁹ и аспирантка МГУ Малыхина³⁰, не знающие венгерского языка.

Необходимо отметить, что Гидаш, Краснова и Липпай, плохо владеющие русским литературным языком, не привлекаются к работе в Издательстве иностранной литературы по деловым и политическим соображениям и этим объясняется та ярость, с которой они обрушиваются на любую венгерскую книгу, изданную издательством без их участия. Группа Гидаш — Краснова и те переводчики, которые находятся под их влиянием, не дали объективной оценки не только переводу «Каменщики», но и другим, ранее изданным Издательством книгам.

Так например:

Весной 1951 года А. Гидаш, О. Россиянов и И. Липпай пытались опорочить книгу Т. Ацела «Под сенью свободы», называя ее вредной, антисоветской, якобы искажающей венгерскую действительность. И. Липпай было даже организовано обсуждение этой книги на одном из московских заводов, на котором, как записано в ее выступлении, роман Т. Ацела «был признан антисоветским». Впоследствии эта книга была удостоена Сталинской премии.

О. Россияновым был подвергнут критике «Сборник венгерских рассказов», выпущенный Издательством иностранной литературы в 1950 году. Но на обсуждении в Издательстве «критического» письма Россиянова последний был уличен редакцией художественной литературы в незнании венгерского языка и в необъективной критике.

Группа Гидаша, А. Кун /Красновой/ не в первый раз задается целью подвергнуть обструкции книги современных венгерских авторов, создающих произведения о новых людях народно-демократической Венгрии под лозунгом борьбы за чистоту перевода, за чистоту русского литературного языка в переводах и под другими предлогами.

Необоснованно нападая на произведения современных венгерских писателей в русских переводах А. Кун /Краснова/, А. Гидаш, И. Липпай выдают свое мнение за мнение венгерского народа, хотя на самом деле эта группа является рупором правых реакционных кругов современного венгерского литературоведения.

В газете «Сабад неп» от 27-го ноября 1952 года дана достойная оценка взглядам А. Гидаша: «Товарищ Гидаш уже не впервые обходит марксистские труды и вместо них преподносит взгляды буржуазных историков, которые он выдает за свои»³¹.

²⁸ Станевич Вера Оскаровна (1890–1967) — поэтесса Серебряного века, переводчик западноевропейской литературы.

²⁹ Зельдович Анна Петровна (1890, по другим сведениям 1886–1975) — выпускница Сорбонны; переводчица с французского языка, член Союза писателей. Мать выдающегося ученого-физика академика Якова Борисовича Зельдовича (1914–1987).

³⁰ Малыхина Елена Ивановна (1925–2016) — переводчик-унгарист, дебютировала в 1956 г. За переводческую деятельность неоднократно награждалась международными премиями и премиями Венгерской республики.

³¹ Критика А. Гидаша была связана с явно не понравившимся как в венгерских литературных кругах, так и руководителям культурной политики предисловием к «Антологии

В свете такой оценки историко-литературных взглядов Гидаша со стороны партийной печати народно-демократической Венгрии становится ясным, что далеко не случайны нападки группы Гидаша — А. Кун /Красновой/ на книги венгерских писателей, а «разгромы» их переводов обычно приурочиваются к месяцам советско-венгерской дружбы. Так было с книгой Т. Атцела «Под семью свободами», так было и в этом году с книгой Ф. Каринти «Каменщики».

На основании всего вышесказанного, становится непонятным, почему тов. Полевой организовал обсуждение книги «Каменщики» таким образом, что Россиянов, Краснова, Зельдович, Липпай, Станевич знали о готовящемся обсуждении за 2–3 недели, подготовили полуторачасовые «разгромные» выступления, а творческий коллектив, работавший над книгой, само Издательство узнали об этом обсуждении за несколько часов до его начала. Просьба Издательства отложить на несколько дней обсуждение книги с тем, чтобы оно могло подготовиться, была отклонена. Тов. Полевой, присутствовавший на обсуждении перевода книги, не зная венгерского языка и не вникая в суть дела, репликами и голословными заявлениями пытался сбить с толку выступающих в защиту книги, ограничивал их выступление временем, и, не имея веских доказательств, охаял работу Издательства над этой книгой. Нам совершенно не понятно, откуда идет такой необъективный, поверхностный, несерьезный подход к оценке произведений современных прогрессивных писателей стран народной демократии и качества переводов на русский язык.

Следует отметить, что Иностранная комиссия ССП СССР не порекомендовала Издательству ни одной книги венгерского автора, которую можно было бы перевести и издать в СССР, если не считать списка книг, который Инокомиссия 26-го октября 1953 года прислала в Издательство, причем список не был даже аннотирован, а мнение Инокомиссии не сформулировано.

IV. Вопрос об изъятии книги

Тов. Полевой внес предложение изъять книгу из обращения. Но на каком основании? Тов. Полевой опасается, что эта книга реакционными кругами будет сличена и что это вызовет нежелательную реакцию. Допускаем, что недруг Советского Союза сличит русское издание с венгерским оригиналом, но что же он может найти? Он найдет улучшенный текст книги, найдет изъятие ненужного словословия в плане культа личности, найдет некоторые изменения текста, сделанные с согласия автора. Кто же запрещает автору улучшать свое произведение для второго издания, хотя бы при помощи советских друзей? Тов. Полевой

венгерской поэзии», опубликованной в Москве в 1952 г. (в работе над ней принимали участие в качестве переводчиков выдающиеся поэты, в том числе Б. Пастернак). Одной из главных претензий, предъявленных А. Гидашу (в том числе как составителю антологии), было преувеличение им собственной роли в литературном процессе в ущерб роли даже тех крупных писателей, кто, как А. Йожеф, в целом принимался культурной политикой венгерского коммунистического режима. Критиковались также (за уступки «буржуазному национализму») его оценки ряда значительных событий венгерской истории. (Прим. отв. ред.).

скажет, что в книге при переводе и редактировании допущены неточности, но разве это является основанием для изъятия книги? Ведь так можно уподобиться Мартынову, которого критикует Плеханов следующим образом: «Прием тов. Мартынова напоминает мне одного цензора, который говорил: дайте мне “отче наш” и позвольте мне вырвать одну фразу — и я докажу вам, что его автора следовало бы повесить³²» /Сталин, т. I, стр. 121/.

И вот тов. Полевой при помощи указанной группы переводчиков находит несколько фраз, вырывает их из контекста и предлагает книгу изъять, а работавших над нею «повесить». Едва ли с этим предложением председателя Инокомиссии можно согласиться.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

1. Объяснения переводчика Шишмонина
2. Копия телеграммы Каринти³³
3. Справка об основных сокращениях, произведенных в переводе повести Ф. Каринти «Каменщики» при подготовке русского издания.

Директор Издательства
иностранной литературы
/П. Чувиков/
26 марта 1954 г.
№ 1–3/ 280

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 659. Л. 7–16.

3.

Директору Иноиздата
тов ЧУВИКОВУ П.А.

ОБЪЯСНЕНИЕ³⁴

по поводу качества перевода и допущенных ошибок в повести Ф. Каринти
«Каменщики»

При обсуждении моего перевода повести «Каменщики» Ф. Каринти в Инокомиссии перевод был подвергнут односторонней и необъективной критике. С оценкой перевода, как неудовлетворительного согласиться не могу. Признавая, что при переводе было действительно допущено несколько смысловых ошибок, считаю, что в целом они не могут служить основанием для общей оценки перевода в целом.

³² Речь идет о критике в адрес деятеля и публициста меньшевистской партии А.С. Мартынова (1865–1935).

³³ В настоящей публикации опущена.

³⁴ Печатается с сокращениями.

Работая над переводом повести, я, как переводчик, ставил перед собой две задачи:

1/ Дать советскому читателю грамотную, легко читаемую книгу, максимально передать национальный колорит, характеристику образов, жизнерадостный оптимизм и горячую веру писателя в дело социализма.

2/ Доказать, что и с венгерского языка, /относимого Академией наук СССР на второе место по трудности среди языков мира/ можно и должно переводить «во славу русского языка» /М. Горький/, отказавшись от формалистической, буквалистской манеры, на которой настаивают А. Краснова и О. Россиянов.

Перевод получил положительную оценку у выдающегося филолога венг. языка профессора Майтинской К.Е.³⁵ и крупнейшего переводчика, теоретика художественного перевода О.П. Холмской, которая после этого согласилась редактировать книгу.

При этом, однако, были допущены некоторые ошибки. В большинстве своем они относятся к отдельным словам, а не к целым фразам, в целом не искажая контекста, не уродуя и не изменяя мысли автора.

Стр. 39 /русс. текст/

/Стр. 31 /венг. текст./ Речь идет о коллекции снимков всемирно известных архитектурных памятников, бережно хранимых каменщиком Данко.

В оригинале: «...гизехская пирамида, храм в Яка³⁶, Колизей, орвистойский собор, завод им. Сталина в Москве».

Перевод: «... хеопсова пирамида, индусские храмы, развалины колизея, собор Парижской Богоматери, московский завод им. Сталина».

Не найдя разъяснений в словарях и справочниках, что это за архитектурные памятники и почему они знамениты и считая, что они не будут понятны для советского читателя, я решил их заменить на всемирно известные архитектурные памятники, близкие по значению /пирамида, храм, собор/. Такая замена, хотя и является неоспоримой ошибкой, но не искажает мысли автора. Следует признать, однако, что я не проявил должной настойчивости в решении этого вопроса.

<...>

3. стр. 20 /русс./ — стр. 22 /венг./

Оригинал — "Этажерка для книг".

Перевод — «столик для чтения»

Слово «.....»³⁷ очень редко употребляется в значении «полка», «этажерка», означает 1/ подставка 2/ кронштейн 3/ постамент, 4/ штатив 5/ леса 6/ этажерка.

Получилось некоторое искажение реалий, но в общем контексте решающей роли не играет.

³⁵ Майтинская Клара Евгеньевна (1907–1991) — доктор филологических наук, профессор. Родилась в Венгрии. Участвовала в движении эсперантистов; работала в Секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР, автор ряда статей и книг по общему и финно-угорскому языкознанию.

³⁶ Имеется в виду церковь в романском стиле (XIII в.) в с. Як на западе Венгрии.

³⁷ Слово на венгерском языке вписано от руки.

4. стр. 30

стр. 22 Говорит Холич, враг, характеризуя венгерскую литературу

Оригинал: «... Венгерской прозы никогда не существовало. Только сплошь снотворные, обросшие бородой истории».

Перевод. «Художественной прозы, у нас, у венгров, собственно никогда не существовало. Только история, да и та с бородой по пояс, на кого хочешь сон нагонит».

Я неточно понял текст. Произошла ошибка /вместо истории — история/. Однако, в устах врага, космополита Холича уничтожение литературы и прошлого своего народа оправдано, имеет свое продолжение в повести.

5. Стр. 109 /русск. текст/ Рассказывается биография старого борца рабочего движения коммуниста Тёрёка.

Оригинал:

«Тёрёк почти ребенком принимал участие в революции девятнадцатого года, организовывал молодых кожевников и сражался на трансильванском фронте; после краха пролетарской диктатуры он несколько лет сидел в тюрьмах... и т. д.

Перевод:

«Тёрёк почти мальчиком принимал участие в революционных событиях восемнадцатого года, руководил организацией молодых кожевников, затем сражался на трансильванском фронте; после поражения революции 1919 года он был арестован и несколько лет сидел в тюрьме... и т. д.

В перевод по недосмотру вкралась досадная ошибка /«восемнадцатый год» вместо «девятнадцатого года»/. Ошибка несомненная. Но искажает ли она биографию коммуниста Тёрёка в целом, как это стараются представить критики перевода? Разве Тёрёк не мог принять участие в революционных событиях буржуазно демократической революции 1918 г., в которой движущей силой был, как и в России, рабочий класс? Далее через несколько слов говорится о его судьбе после поражения революции 1919 г.³⁸, что уточняет смысл. /Русскому читателю может быть неизвестно, в каком году в Венгрии была пролетарская революция/. Таким образом в контексте эта ошибка принципиального значения не имеет.

Имеется еще несколько неточностей перевода слов. Например, вместо «омлет» — «глазунья», вместо «пойнтер» — «мопс» /о собаке Холича/.

Приведенные ошибки при всей их недопустимости, не могут определить качества перевода, не могут повлиять на лицо книги в целом.

Оценивать перевод, как «халтурный», недобросовестный, спекулируя на нескольких выдернутых из текста ошибках, было бы неправильно.

Признавая эти ошибки, я считаю для себя подобное утверждение оскорбительным. Издательству и редакторам известно, сколько было мною положено труда на перевод этой первой для меня большой книги.

Ю. Шишмонин

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 659. Л. 17–20.

³⁸ Имеется в виду так называемая Венгерская советская республика (21 марта — 1 августа 1919 г.).

4.

СПРАВКА

об основных сокращениях, произведенных в переводе повести Ф. Каринти «Каменщики» при подготовке русского издания³⁹.

Сокращения в тексте повести Ф. Каринти производились по трем главным направлениям.

I. По соображениям политического порядка

а/ Культ личности, переходящий в бестактность.

В тексте, где производились сокращения этого характера, легко увидеть излишнее словословие, повторения, штампы, непонятное для советского человека изображение писателем поведения людей в день семидесятилетия товарища И.В. Сталина. Это выглядело тем более непонятно, что книга выпускалась после смерти И.В. Сталина. Следует иметь в виду, что вся сцена празднования в основном сохранена, как композиционно, так и по своей направленности, из которой видно, что день семидесятилетия И.В. Сталина вылился в праздник советско-венгерской дружбы.

К стр. 143

— О товарище Сталине могу только хорошее сказать. Нас, венгров, он любит. Мы пришли на советскую землю с винтовкой, а он дал нам хлеб, работу и крышу над головой. Кончилась война — отпустил нас домой: идите, говорит, венгры, по домам, землю получите, живите на ней счастливо. Венгры вернулись домой, а дома пусто, ни тягла, ни семян, хоть шаром покати. Опять они к Сталину, так и так говорят. Он подумал, поглядел, отписал им письмо, да и прислал семян, скотины, тракторов всего вдоволь. Насчет одежды теплой и кожи тоже не забыл — пусть, мол, сапоги себе пошьют. Послал, значит, и наблюдает. Видит, счастливо зажили венгры, ну и возрадовалось у него сердце. Теперь и наш черед, люди, покажем и мы.

К стр. 150

— На другой стороне тоже надпись есть, — заметил Андраш. Тёрёк прочитал и ее:
Зовусь зеленой фляжкой я,
Когда я палинкой полна;
Когда ж палинки во мне нет
Зовусь я только черепком.
Прошу тебя, хозяин мой,
Не забывай меня порой,
Почаще вспоминай меня.
Да сохранит господь тебя
(Надпись на фляжке с водкой, которую рабочие дарят И.В. Сталину)
Ниже приводятся купюры в сцене празднования семидесятилетия И.В. Сталина

³⁹ Публикуется в сокращении.

К стр. 174

... повалившись головой на скатерть...

Потом он заказал им вина, пошатываясь, стал перед эстрадой, попробовал пуститься в пляс, но ноги его подкосились и он растянулся во весь рост: Но и даже на полу он продолжал выкрикивать:

— Я чужого не крал! Хочу — веселюсь, хочу — пью, на все заработано! С кем на силу потягаемся, выходи! Хоть и шестьдесят семь мне стукнуло, а я молодцом!

<...>

К стр. 175

— Пролетарии, любите Пейера⁴⁰ сладко,

Если пьян напьется, домой его ведите,

Положите его в голубую кроватьку,

Поцелуйте его крепко в рябую рожу!

б/ В оригинале повести имеются элементы шовинизма и национализма, выразившиеся, в частности, в изображении цыган, как подонков общества, и в отношении к Трансильвании, которая, как известно, входит на правах автономии в состав Народно-демократической Румынии⁴¹. Тенденциозность в отношении цыган была притушена путем снятия слов «цыган», «цыгане», сопровождавшихся грубыми эпитетами.

Более или менее значительная купюра такого характера была сделана только в сцене триумфа по поводу победы передовых методов труда:

К стр. 108

Процессия остановилась — цыгане подняли такой шум, что невозможно было разобрать мелодию. Только прислушавшись, люди поняли, что это должно означать марш Ракоци. Тулипан рассердился, выхватил у примака скрипку и попытался играть сам, но остальные двое цыган тянули, кто в лес, кто по дрова.

— Вот черти! — выругался старик и сунул цыгану в руки инструмент. — Хотя бы разучили сначала для приличия!

<...>

г/ В эту группу сокращений входят различного рода политические бестактности по отношению к Советской Армии, русскому и венгерскому народу, советскому рабочему классу. При этом надо учесть, что книга Ф. Каринти «Каменщики» в Венгрии не подвергалась редакции и эти ее недостатки явились исключительно результатом непродуманных формулировок и случайностей стиля. Вот почему редакция считала необходимым освободить повесть венгерского писателя от ненужного шлака.

Ниже приводятся примеры подобных сокращений:

⁴⁰ Карой Пейер (1881–1956) — многолетний лидер венгерской правой социал-демократии, в конце 1940-х годов эмигрировал.

⁴¹ Венгерская автономная область в Румынии существовала в 1952–1968 гг., занимала часть территории Восточной Трансильвании. Речь идет о некоторой ностальгии автора, как и большинства венгров, по Трансильвании, на протяжении веков относившейся к землям Венгерской короны.

К стр. 155

... во время осады Будапешта /Имеется ввиду освобождение столицы Венгрии советскими войсками/.

К стр. 14

... ни дать — ни взять Иисус Христос в евангелии! /Речь идет о советской артиллерии, которая движется по понтонному мосту, словно по воде/.

К стр. 38

... нам в день два рубля платили, а они /русские рабочие. Ред./ едва на рубль шестьдесят вытягивали.

К стр. 39

Так что им /советским рабочим. Ред./ у нас еще поучиться надо!

К стр. 39

Еще только не хватает, чтобы и мы здесь стахановничать начали!

<...>

РГАНИ. Ф. 5. Оп.16. Д. 659. Л. 22–36.

4.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. СУСЛОВУ М.А.

В письме на Ваше имя председатель иностранной комиссии Союза писателей СССР т. Полевой сообщает о том, что Издательство иностранной литературы допустило искажения в переводе повести венгерского писателя Ф. Каринти «Каменщики», выпущенной отдельной книгой на русском языке в 1953 году, и предлагает изъять ее из торговой сети и библиотек.

Повесть Ф. Каринти «Каменщики» — одно из первых произведений о социалистическом строительстве в Венгрии — получила высокую оценку венгерской печати. Опубликованный литературной газетой в 1951 году отрывок из нее вызвал у советского читателя большой интерес к этому писателю. Издательство решило выпустить повесть на русском языке, поручив перевод ее начальнику кафедры Академии внешней торговли т. Шишмону, опытному переводчику с венгерского языка. (Переведенный им рассказ Шандора Надь «Примирение» в 1951 году получил Сталинскую премию).

Ф. Каринти известен в Венгрии как один из лучших современных писателей, однако его повесть «Каменщики» в художественном отношении имела недостатки, не устраненные при издании на венгерском языке. Издательство иностранной литературы по договоренности с автором внесло в повесть некоторые исправления в виде небольших сокращений и купюр. Окончательный текст перевода, кроме автора, был просмотрен и одобрен доцентом Литературного института имени М. Горького т. Холмской и кандидатом филологических наук, работником Отдела ЦК КПСС т. Байковым, знающими венгерский язык и литературу.

Издательство иностранной литературы и переводчик не отрицают, что в русском тексте повести допущены неточности, но не настолько серьезные, чтобы ставить вопрос об изъятии книги из библиотек и торговой сети.

Ознакомившись со стенограммой обсуждения качества перевода книги Ф. Каринти «Каменщики» в Иностранной комиссии Союза советских писателей и с материалами, представленными Издательством иностранной литературы, считаем, что изымать книгу из торговой сети и библиотек нет оснований.

Директор Издательства иностранной литературы т. Чувиков вызывался в Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, ему предложено усилить контроль за качеством перевода иностранных книг на русский язык.

Тов. Полевому ответ сообщен.

Зам. Зав. Отделом пропаганды и
Агитации ЦК КПСС (В. Московский)

Зам. Зав. Сектором издательств
И полиграфии (К. Боголюбов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп.16. Д. 659. Л. 37–38.

А. Шереш

В плену событий. Граждане СССР в Венгрии — граждане Венгрии в СССР в октябре-ноябре 1956 г.

В рамках данной публикации мне хотелось бы сделать достоянием читателя материалы российских архивов, позволяющие взглянуть на события венгерской революции 1956 г. со своеобразной точки зрения, через личное восприятие современников.

С одной стороны, это дает возможность познакомиться с судьбой советских граждан, которые волею случая в момент революции оказались в Будапеште и, таким образом, против собственной воли и намерений попали в водоворот событий, происходивших на улицах венгерской столицы. Речь идет о «простых» гражданских лицах — эти люди не имели отношения к репрессивному аппарату Кремля и не были представителями советского МИДа в Будапеште — членами дипкорпуса. Они не служили и в военных частях, введенных в страну для подавления революции. Таким образом, применительно к ним, к их невольному участию в революции сложно говорить о какой-либо сознательной мотивации. Большинство из них оказались в центре событий в качестве туристов, один из этих очевидцев (А.Л. Сидоров) «застрял» в сердце Будапешта в качестве командированного представителя советского научного учреждения. Об этих людях мы почти ничего не знаем. Лишь в отношении Сидорова можно с уверенностью утверждать, что речь идет о публичной фигуре научной жизни Советского Союза, советском историке, считавшемся в то время специалистом «первого ряда».

С другой стороны, мы получаем возможность познакомиться с судьбами венгерских граждан, которые — опять же по воле случая — в дни революции оказались не дома, в Венгрии, а на территории СССР. Документы проливают свет на личность почти каждого из них: известного писателя (бывшего председателя Союза венгерских писателей), многочисленных работников народного образования (специалистов по педагогике, чиновников Министерства просвещения, даже одного замминистра). Суть происходивших в Венгрии событий трудно было проанализировать извне (особенно тем, кто находился в Казахстане), и к тому же на фоне многочисленных перестановок в правительстве за короткое время революции. Но, вероятно, перед членами делегации венгерского Минпроса встал вопрос: остаются ли они по-прежнему правительственными чиновниками

и вообще какую политическую позицию они должны занять в связи с радикальными общественно-политическими изменениями на родине.

Хотелось бы подчеркнуть, что каждую из четырех предложенных историй можно рассматривать и в качестве отдельного, самостоятельного предмета исследования, углубившись в изучение судеб конкретных личностей, контекста их деятельности. Но в рамках данной публикации источников пришлось ограничиться рядом обобщающих соображений отчасти источниковедческого характера.

Первое различие, которое можно обнаружить, сравнивая сиюминутное положение «застрявших» в Венгрии советских граждан и находившихся в СССР венгерских граждан, состоит в том, что первые переживали революционные события «в непосредственной близости», вторые же, пребывая вдали от родины, на советской земле, по определению располагали минимальными — в сравнении со многими другими зарубежными странами — возможностями узнавать новости из дома, получая достоверную информацию о судьбоносных событиях. Они задействовали все средства, чтобы извлечь максимум информации из тех венгерских новостных источников, которые представлялись им авторитетными, в том числе каналы, находившиеся в распоряжении сотрудников венгерских внешних представительств в Москве¹.

Из источников, описывающих «крестные муки» советских граждан в Будапеште, выясняется, что после начала боев на столичных улицах все они пытались как можно скорее покинуть страну. В обоих связанных с этим отчетах прослеживаются ощущение страха и уязвимости, растущая тревога в отношении личной физической безопасности во враждебной, по их собственному определению, среде². Сравнивая две группы граждан, можно увидеть и некоторое сходство, ведь примерно те же чувства испытывали и члены делегации венгерского Министерства просвещения: как только они узнали о том, что происходит на родине, у них сразу же появилось желание отправиться домой³. Налицо было явное стремление поскорее узнать, как переживают события члены их семей, а с другой стороны, как это видно из источника, они волновались за судьбу своей страны. Душевное состояние этих людей определялось неуверенностью.

Совершенно иное отношение к происходящему характерно для венгерского писателя Шандора Гергея — он не раз подчеркивал, что как верный идее коммунист в этой критической ситуации должен был находиться на родине, чтобы работать во благо народа, но сам домой при этом все-таки не уехал, а ждал стабилизации политических отношений, укрепления позиций правительства Кадара при поддержке советских танков⁴. Объяснить, почему у членов венгерской делегации работников просвещения и у венгерского писателя столь различалась реакция, на мой взгляд, вполне возможно. В докладных записках членов венгерской делегации можно прочитать, что они не осуждают венгерское восстание, более того, интерпретируют его как неизбежное

¹ См. в связи с этим приложения № 1–2 к документу 3.

² См. документы 1–2.

³ См. приложение № 1 к документу 3.

⁴ См. документ 4.

и печальное следствие серьезных социальных, экономических и политических ошибок своего руководства, а антисоветские настроения, вспыхнувшие стихийно, увязывают не в последнюю очередь с вооруженными злоупотреблениями солдат Советской армии, части которой были дислоцированы в Венгрии после войны⁵. Что же касается Шандора Гергея, он был одним из самых активных сторонников режима Ракоши, у него сложились довольно близкие отношения с генсеком венгерской компартии, и мы не уйдем от истины, если охарактеризуем его партийным писателем и даже писателем-«ракошистом». Например, из более раннего донесения советского посольства известно, что вскоре после шестидесятилетия писателя Ракоши пригласил Гергея в театр и в антракте высоко оценил первую часть его романа «Тернистый путь»⁶. В публикуемом архивном документе также упоминается, что Ракоши, который на тот момент уже фактически находился в ссылке в СССР, даже посетил писателя в Доме творчества Союза советских писателей в Переделкино⁷. Очевидно, что в ситуации последних месяцев 1956 г. Гергея не слишком жаждали видеть ни в литературных кругах, ни в среде широкой общественности, а его вмешательство в ход революционных событий можно представить только на стороне сил, подавлявших революцию.

При изучении документов обнаруживается еще одно поразительное сходство двух рассматриваемых нами групп — в том, насколько они были свободны в своих действиях. В трех случаях имеются ссылки на то, что полномочные дипломатические органы, будь то советское посольство в Будапеште или же венгерское посольство в Москве, в данной кризисной ситуации оказались не на высоте, по крайней мере, если оценивать их деятельность с точки зрения находившихся в чужих странах советских и венгерских граждан. На том этапе венгерской революции, когда советские войска в конце октября 1956 г. в первый раз покинули Будапешт, а вторая вооруженная интервенция еще не началась, в аппаратах обеих дипмиссий, насколько можно судить по оценкам в отчетах советских и венгерских граждан, царили хаос и озадаченность. Более того, во всех трех отчетах лиц, переживших события, указывается на то, что соответствующие консульские органы изначально не горели желанием заниматься отправкой своих граждан на родину с соблюдением соответствующих правил безопасности⁸. В одном случае желающим выехать даже пришлось столкнуться с прямым отказом, когда советское консульство в Будапеште сняло с себя всю ответственность, сославшись на то, что отправка советских туристов на родину — не его задача, а дело венгерской турфирмы, организовавшей поездку⁹. Венгерское же посольство в Москве также оказалось не в состоянии разобраться с возникшей проблемой,

⁵ См. приложение № 2 к документу 3.

⁶ Докладная записка второго секретаря посольства СССР Б.В. Горбачева и атташе В.Н. Келина о праздновании 60-летия Шандора Гергея 2 февраля 1956 г. и о беседе с писателем, состоявшейся днем позже. *9 февраля 1956 г., Будапешт*. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 395. Л. 2–6.

⁷ См. в связи с этим документ 4.

⁸ См. документы 1–3.

⁹ См. документ 2.

а тем более решить ее: в конечном итоге вылететь, хотя бы в Чехословакию, членам венгерской делегации — работникам народного образования помогло Министерство образования РСФСР¹⁰.

В связи с этим еще возникает вопрос, почему лица с советским гражданством не были сразу эвакуированы из Будапешта. Ведь по воспоминаниям советского историка Аркадия Сидорова, его и членов другой, состоявшей из четырех человек советской делегации только утром 30 октября перевезли по воздуху с военно-воздушной базы в Тёкёле на военный аэродром во Львове. Как свидетельствует отчет руководителя группы компании «Интурист», к тому моменту советские консульские органы уже были в курсе «вынужденных каникул» группы советских туристов в Будапеште. Их вместе с членами семей сотрудников советских представительств и другими советскими гражданами, т. е. с куда большей по численности группой, только два дня спустя, 1 ноября, отправили по воде рейсовым теплоходом в Братиславу, а оттуда по железной дороге в пограничный советский город Чоп. Объяснение, как представляется, лежит на поверхности: советские дипломатические и военные органы не выработали план мероприятий по эвакуации «застрявших» в Венгрии советских граждан, их действия носили во многом импровизационный характер. Когда пять растерянных советских граждан, Сидоров и четыре его товарища, неожиданно явились в посольство 30 октября, о судьбе их надо было позаботиться, и при отсутствии заранее продуманного плана не оставалось ничего другого, кроме отправки их в Тёкель на бронированном военном транспорте. Куда труднее было обеспечить безопасное перемещение по воздуху контингента численностью больше 60 человек: в распоряжении посольства просто не было необходимых для этого технических средств. Обращает на себя внимание, как решили проблему с доставкой советских туристов к месту сбора, на не названную более точно будапештскую пристань: их разбили на группы по два-три человека, которым пришлось безо всякого вооруженного сопровождения и карт самим, стараясь не привлекать к себе внимания, найти дорогу к назначенному месту в совершенно не знакомом им большом городе, в стране, языка которой они не знали. Это явно указывает на то, что посольство не хотело или не могло взять на себя координацию безопасной переправки домой советских граждан.

Наконец, следует обратить внимание и еще на один момент. Читать и анализировать эти документы, конечно, стоит при соблюдении должного критического подхода к источникам. В момент написания отчета 3 ноября Сидоров еще не мог предвидеть, каким будет исход событий, хотя Президиум ЦК КПСС к тому времени уже принял решение о военных действиях, направленных на подавление венгерской революции. Хотя директор Института истории АН СССР тоже считал, что события приняли антисоветский характер, однако предпочел упоминать о них, ограничиваясь нейтральным словосочетанием «вооруженное восстание», которое может обладать как положительной, так и отрицательной коннотацией. Лебедев, руководитель группы туристов, напротив, составлял отчет далеко не сразу после приезда домой, 13 ноября — к этому времени основные события уже завершились, и он мог по прессе ознакомиться с офи-

¹⁰ См. приложение № 1 к документу 3.

циальной советской версией и политической интерпретацией венгерских событий. Поэтому неудивительно, что он называет венгерских революционеров «погромщиками», «хулиганами», «бандитами» — к тому моменту эти слова уже активно использовались в советской прессе, — а в лучшем случае упоминает их как «так называемых повстанцев». Предположение о том, что Лебедев детально изучал события и собирал информацию о них постфактум, подкрепляется и тем фактом, что он, например, осудил Эрнё Герё за сделанное им вечером 23 октября заявление по радио. Очевидно, что от руководителей групп «Интуриста» могли требовать осведомленности в вопросах внутренней политики и некоторого представления об общественно-политических отношениях в той зарубежной стране, куда им доверяли вывезти несколько десятков советских туристов, однако все равно обращает на себя внимание, как этот человек рефлексировал относительно конкретных политических событий и формулирует в связи с ними определенное мнение. Конечно, не исключено, что эти оценки он мог услышать и от сопровождавших советских туристов венгерских гидов, а затем передать эти суждения дальше.

Остается открытым и вопрос о том, действительно ли этот человек побывал лично во всех тех местах, в связи с которыми он упоминает о вооруженных инцидентах. Хотя теоретически с балкона, выходящего на улицу Немзети салло, можно было непосредственно видеть редакцию газеты «*Szabad nép*» («Свободный народ»), утверждение о том, будто в ходе разгрома редакции жгли людей, а то и журналистов, не соответствует действительности. Восставшие действительно поджигали на улице выброшенные из здания книги и печатную продукцию, однако ни в одном источнике того времени в связи с разгромом редакции ничего не говорится об убийствах, в трудах профессиональных историков также отсутствуют упоминания о подобных инцидентах. Таким образом, очевидно, что это могли быть ни на чем не основанные слухи, услышанные позже от кого-то из работников гостиницы или от венгерских гидов, а может быть — и это представляется куда более вероятным — руководитель группы задним числом спроецировал акты насилия, имевшие место в ходе штурма повстанцами здания горкома партии на площади Республики 30 октября, на уже знакомые ему места.

При публикации документов сохранены особенности пунктуации оригиналов.

ДОКУМЕНТЫ¹

I. Граждане СССР в Венгрии

1.

**Отчет А. Л. Сидорова, директора Института истории АН СССР
о его пребывании в Венгрии с 15-го по 30-е октября 1956 г.**

Москва, 3 ноября 1956 г.

15/XI. 56.² В ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ ПРЕЗИДИУМА АН СССР

По приглашению Венгерской Академии наук я прибыл 15-го октября в Будапешт и пробыл там до 30-го октября. До начала событий, которые в ночь с 22-го на 23 октября переросли в вооруженное восстание и приобрели резко и открыто антисоветский характер, я успел ознакомиться с некоторыми научными учреждениями. Однако я чувствовал, что весь город возбужден, и хотел выехать оттуда побыстрее — через 7–10 дней, но моя попытка не увенчалась успехом. После разговоров было решено, что я уеду в субботу, 27-го, т. е. досрочно.

Академия устроила прием по случаю моего приезда вечером 22-го, во вторник. На нем был ряд работников исторической науки и научных учреждений, вице-президент Венгерской АН³, непреходящий секретарь⁴ и академик-

¹ При публикации сохранены присущие оригиналу членение на абзацы и структура документов. Рукописные вставки, выполненные задним числом, примечания, подписи в оригиналах даны курсивом. Документы снабжены порядковыми номерами, но мы сочли целесообразным разбить их на две тематические группы: 1) описания ситуаций с «застывшими» в дни революции в Венгрии советскими гражданами; 2) описания историй венгерских граждан, находившихся в тот момент в Советском Союзе. Эти группы обозначены римскими цифрами; документы следуют друг за другом в хронологическом порядке только внутри этих тематических групп. Мы не приводим в сносках биографическую информацию о широко известных политиках (таких как Матяш Ракоши, Янош Кадар, Имре Надь, Йосип Броз Тито и т. д.), а также о лицах, не существенных с точки зрения анализа документов и реконструкции событий.

² Помета красной ручкой наверху с левой стороны страницы.

³ В Венгерской академии наук в то время (как и сейчас) было три вице-президента: физик Пал Гомбаш (1909–1971), ориенталист и тюрколог Лайош Лигети (1902–1987) и философ Бела Фогараш (1891–1959). Последний, вне всякого сомнения, мог присутствовать на приеме в честь Сидорова, ведь он не только обладал серьезным влиянием на научную политику, но и входил в отделение ВАН, к которому относились исторические науки. Кроме того, он долгое время (до 1945 г.) работал в СССР (в Институте мирового хозяйства и мировой политики АН), имел там связи, а летом 1956 г. в составе венгерской академической делегации посетил Советский Союз.

⁴ Эрдеи-Груз Тибор (1902–1976) — химик, лауреат государственной премии Кошута, профессор. В 1950–1953 гг., а затем с 1956 по 1957 г. — первый секретарь ВАН, одновременно в 1952–1953 гг. — министр высшего образования, затем с июля 1953 г. по июль

секретарь отделения общественных наук И. Сабо⁵. Прием проходил в обстановке общих демонстраций по городу, направляющихся мимо Академии к помещению парламента. Я уже еле добрался из Академии при содействии директора Института истории партии т. Рети⁶ до отеля на острове Маргит⁷, и с тех пор никого из венгерских историков не видел и живой связи с ними не имел.

Венгерские события, в дальнейшем, развертывались у меня на глазах. В отеле я встретился с советской делегацией во главе с начальником Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР Г.О. Зеленко⁸ и провели время вместе до 29-го, когда при содействии венгерского коммуниста Печэ⁹ удалось добраться до посольства, а оттуда перебрались в военную комендатуру города ночью на 30-е октября.

Под охраной танков и бронетранспортеров комендатура утром 30-го перебросила нас на военный аэродром, километров 30 от города¹⁰. Военное командование предоставило нам военный самолет и днем 30-го октября доставило нас во Львов, на военный аэродром. Командование оказало нам содействие и доставило в город.

Из Львова, поездом, вместе с Зеленко, я прибыл в Москву. Так как проездной билет мой остался в Венгерской Академии наук, то деньги на проезд и билет был куплен¹¹ тов. Зеленко, взявшим в Областном управлении трудовых резервов аванс для меня.

К сожалению, должен отметить, что со стороны посольства не было ничего сделано, чтобы поинтересоваться нашей судьбой во время недельного сидения на острове, в отеле Маргит. Мне известно, что в провинции где-то застряла делегация из 4-х человек из Института растениеводства¹² (Ленинград. Директор

1956 г. министр просвещения сначала в первом правительстве Имре Надя, потом в правительстве А. Хегедюша.

⁵ Сабо Имре (1912–1991) — правовед, доктор юридических наук, действительный член ВАН. В 1955 по 1981 г. директор Института государства и права ВАН, с 1956 по 1960 г. — также секретарь Второго отделения (общественно-исторических наук) ВАН.

⁶ Рети Ласло (1908–1992) — историк коммунизма, генеральный директор и основатель Института рабочего движения, созданного в 1948 г. (возглавлял его до 1975 г.) В 1970–1975 гг. директор Нового венгерского центрального архива.

⁷ Речь идет о гостинице Надьсалло на острове Маргит; ныне — Гранд-отель Данубиус.

⁸ Правильно: Зеленко Генрих Иосифович (1905–1972), в 1954–1959 гг. начальник Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР.

⁹ Личность установить не удалось.

¹⁰ Советская военно-воздушная база в Текеле, в 28,5 км к югу от Будапешта.

¹¹ Так в тексте.

¹² На основании репортажей венгерской прессы можно установить, что делегация, состоявшая из четырех человек, прибыла в Будапешт из Болгарии 16 октября, по первоначальному плану предполагалось провести в Венгрии несколько недель. Подробнее об этом см. в заметке «Советские специалисты по сельскому хозяйству прибыли в Венгрию» в газете «*Magyar Nemzet*» («Венгерская нация»). См.: Szovjet mezőgazdasági szakemberek érkeztek Magyarországra // Magyar Nemzet. 1956. 17 X. 4. old.

академик Жуковский) во главе с проф. Сизовым¹³. О судьбе ее ничего не могу сказать.

3. XI. 1956 г.

Проф. А. Сидоров

*А. Сидоров*¹⁴

Директор

Института истории Академии наук СССР

Тов. Толстукиной М. Т. В дело тов. Сидорова. Рахманинов 10. XI. 56 г.¹⁵ Вх. № 4087¹⁶ Машинописный оригинал. АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 76. Л. 34–34 об.

2.

Письмо В.М. Анкудинова¹⁷, председателя ВАО «Интурист» в ЦК КПСС о направлении для ЦК КПСС отчета о пребывании группы советских туристов в Венгрии с 19 октября по 1 ноября 1956 г.

Москва, 13 ноября 1956 г.

ЦК КПСС¹⁸

Секретно

Экз. № 1

При этом представляю отчет переводчика экскурсионно-методического отдела правления ВАО «Интурист» т. Лебедева Е.А.¹⁹, сопровождавшего группу советских туристов в Венгрию в октябре-ноябре месяце с. г.

Приложение: на 4-х листах н/секретно.

«13» ноября 1956 года
№ 992–26/1822

Председатель Правления ВАО «Интурист»
*В. Анкудинов*²⁰

Машинописный оригинал. РГАНИ, Ф. 5. Оп. 28. Д. 470. Л. 277.

¹³ Иван Александрович Сизов (1900–1968) — доктор сельскохозяйственных наук (1952), профессор (1952), член-корреспондент ВАСХНИЛ (1956), видный ученый в области растениеводства, крупный специалист по культуре льна. С 1946 по 1961 г. заместитель директора, с 1961 по 1965 г. директор Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства им. Н.И. Вавилова.

¹⁴ Автограф А.Л. Сидорова. Сидоров Аркадий Лаврович (1900–1966) — доктор исторических наук, профессор, директор института истории АН СССР в 1953–1959 гг.

¹⁵ Помета синей ручкой внизу, на левом поле листа.

¹⁶ Помета синей ручкой внизу, на правом поле листа.

¹⁷ Анкудинов Владимир Михайлович — с 1947 по 1968 г. председатель Правления ВАО «Интурист».

¹⁸ На верхнем поле страницы стоит регистрационный штамп ЦК КПСС: «ЦК КПСС. 39873. 14. ноя. 56. Подлежит возврату в Общий отдел ЦК КПСС».

¹⁹ Биографические данные выяснить не удалось.

²⁰ Автограф В. М. Анкудинова.

Приложение

Отчет Е.А. Лебедева, сотрудника «Интуриста», сопровождавшего группу советских туристов в Венгрии, о пребывании группы в Венгрии с 19 октября по 1 ноября 1956 г.

Москва, 13 ноября 1956 г.

ОТЧЕТ

о поездке группы советских туристов в Венгрии
(с 19/X по 1/XI—1956 года)

Группа в количестве 61 чел. выехала из Москвы 17/X—56 г. и 19/X—56 г. прибыла в Будапешт. Группа состояла в основном из архитекторов, машиностроителей и работников пищевой промышленности.

Группа была размещена в двух гостиницах: одна часть группы в количестве 31 чел. — в гостинице «Беке» («Мир»)²¹, другая в количестве 30 чел. — в гостинице «Немзети» («Националь»)²².

С 19/X по 23/X включительно группа совершала экскурсии по программе, предложенной фирмой «Ибус»²³. За 4 дня туристы познакомились с достопримечательностями Будапешта. Во время поездки на озеро Балатон осмотрели города Веспрем и Секешфехервар. 23/X туристы посетили парламент, а вечером были в театре оперетты на спектакле «Сильва».

С вечера 23/X начались события, связанные с контрреволюционным выступлением венгерской рекации. Днем 23/X часть туристов-архитекторов была на приеме у архитекторов г. Будапешта, другая часть туристов, которая ходила купаться в бассейн г-цы «Геллерт», была свидетелем студенческой демонстрации. Демонстрация носила мирный характер и очень трудно было предполагать, что она перерастет в вооруженную борьбу.

При возвращении из театра автобус с туристами был вынужден остановиться в полукилометре от гостиницы «Немзети», так как путь был перегражден огромной толпой. К автобусу подбежала большая группа людей, среди которых была одна из венгерских туристок, посетивших Советский Союз, Тот. Она предупредила нас о возникших беспорядках и для обеспечения безопасности просила нас называть себя немцами. Члены группы смешались с толпой и быстро достигли гостиницы. Первая половина группы без всяких происшествий достигла гостиницы «Беке». Группа, находившаяся в г-це «Немзети», была свидетельницей разгрома редакции газеты «Сабад неп». Приблизительно в 11 часов ноч[и] по местному времени большая толпа ворвалась в здание редакции. Были выбиты все окна, перевернуты и подожжены 2 редакционные машины марки «Победа».

²¹ Гостиница «*Béke*» («Мир») по адресу: Ленин көрут, 43, ныне — отель «*Radisson Blue Béke*» по адресу: Терез керут, 43.

²² Гостиница «*Nemzeti*» («Национальная») по адресу: Йожеф көрут, 4, ныне — отель «*Nemzeti Budapest*» по тому же адресу.

²³ Во времена государственного социализма — крупнейшее государственное туристическое агентство. Аббревиатура ИБУС (*IBUSZ*) расширяется как «Агентство по зарубежному туризму, закупкам и перевозкам».

В этот костер были брошены книги, документы, мебель, а также несколько человек — работников редакции. С другой стороны здания редакции пылал громадный костер из книг, выброшенных из магазина политической книги.

По словам работников гостиницы, таких оргий не было со времен первых дней фашизма.

Все эти события развернулись после выступления Гере²⁴, выступавшего очень бестактно, без учета сложившегося в стране положения.

Разгром редакции длился всю ночь. Утром появилось много вооруженных людей, которые стреляли сначала в воздух. 24/X в 5 часов утра на улицах появились советские и венгерские танки и бронетранспортеры.

Советским частям было запрещено стрелять в толпу. Толпа эта знала, и поэтому совершенно не боялась войск. Хулиганы повисали на стволах танковых орудий, залезали на идущие танки, снимали с них²⁵ крупнокалиберные пулеметы и боеприпасы, стреляли по танкам и бронетранспортерам. Прямо перед гостиницей «Немзети» повстанцы сожгли техническую машину и два советских бронетранспортера. Бандиты растерзали расчет одного из транспортеров, хотя солдаты не только не стреляли, но и не сопротивлялись. Трупы²⁶ замученных 3 дня лежали на тротуаре перед гостиницей.

Персонал гостиницы относился к туристам сдержанно, но не враждебно. Чувствовалось, что в гостинице находится какой-то центр так называемых повстанцев: зеркала в гостинице были размонтированы за 2–3 дня до путча; в период событий к гостинице 2 раза подъезжала машина с английским флагом; в номере 22 каждую ночь собирались какие-то люди (венгры), что-то обсуждали, кричали, в гостиницу сносились оружие. С крыши гостиницы велась стрельба в толпу венгров в течение всех дней, пока мы находились в гостинице. Несколько человек было убито прямо перед гостиницей, и выстрелом со стороны Национального театра в вестибюле гостиницы был смертельно ранен врач — венгр и тяжело ранена женщина.

Провокаторы, стреляя с крыши домов, распространяли слухи о том, что это, мол, стреляют работники Министерства внутренних дел и русские.

Связь с группой, находившейся в гостинице «Беке», и с консулом была установлена только через 4 дня. По просьбе представителя «Интуриста» с этой группой все время находилась сотрудница «Ибус» Гизелла Юнг²⁷, которая очень много сделала в деле обеспечения безопасности группы. На второй день путча большая группа вооруженных молодчиков ворвалась в ресторан гостиницы «Беке», где находились советские туристы, и потребовала выдачи русских. Юнг и сотрудник гостиницы сказал, что русских здесь нет, что это эстонцы и чехи.

²⁴ Герё Эрнё (1898–1980) — политик-коммунист, одна из ведущих политических фигур режима Ракоши, после 1945 г. играл важную роль в приходе коммунистической партии к власти в Венгрии. Входил в Политбюро, занимал должности заместителя премьер-министра, министра внутренних дел, с 18 июля по 25 октября 1956 г. — преемник Матяша Ракоши на посту первого секретаря Венгерской партии трудящихся (ВПТ).

²⁵ Два слова внесены в текст от руки.

²⁶ Sic! Так в тексте: не «трупы», а «группы».

²⁷ Биографические данные установить не удалось.

Только после этого туристы смогли вернуться в номера. Несколько раз группу пытались выгнать из гостиницы, а в последние дни дирекция заявила, что не гарантирует безопасность советских туристов. Туристы из гостиницы «Беке» были свидетелями варварского разгрома и сожжения магазина советской книги «Глобус» и зверской расправы с коммунистами и работниками Министерства внутренних дел. В районе гостиницы были повешены несколько человек, а в доме напротив учинена расправа с семьями венгерских коммунистов. На балкон этого дома выскочила женщина с криком о помощи. Ее втокнули обратно в комнату, раздались выстрелы и в доме наступила тишина.

Со второго дня выступления во всем городе велась орудийная минометная, пулеметная и ружейная стрельба. В фасад гостиницы «Немzeti» попал один крупнокалиберный снаряд и во все комнаты, выходящие на улицу, были попадания пуль крупнокалиберных пулеметов.

Для обеспечения безопасности группы туристы были переведены в комнаты, выходящие во двор. 29/X, сразу же после обеда, в гостиницу пришел представитель «Ибуса» Кепеши²⁸ и предложил немедленно переехать в другую гостиницу. В течение 30 минут группа была перевезена в 12–15-местном автобусе в гостиницу закрытого типа «Партия» на улице им. Мункачи²⁹. В гостинице «Немzeti» остались 28 чемоданов туристов, которые представители «Ибуса» хотели доставить следом за группой. Чемоданы доставлены не были, а вечером позвонил Кепеши и сообщил, что чемоданы арестованы, так как в одном из них, якобы, было обнаружено оружие. При вскрытии чемоданов ни представитель «Интуриста», ни представитель «Ибуса» не присутствовали. Шофер машины был арестован.

Персонал гостиницы «Партия» относился к туристам до последнего дня внимательно и предупредительно.

После переезда в гостиницу «Партия» представитель «Интуриста» каждый день с 30/X по 1/XI бывал в посольстве, куда был переведен и консульский отдел. В консульстве была атмосфера растерянности, никто ничего не знал. Сначала консул вообще отказался заниматься отправкой туристов, заявляя, что это обязанность «Ибуса». Но, по словам Кепеши — начальника иностранного отдела «Ибуса», «Ибус» перестал существовать, как организация, и не в состоянии был обеспечить туристов транспортом и гарантировать безопасность переезда.

Вариантов выезда, которые предлагало консульство, было очень много и менялись они по несколько раз в день. Сначала хотели повезти туристов на автобусе в Чехословакию, потом переправить их в Польшу на санитарных самолетах или на советских транспортных самолетах во Львов и т. д. Действительно осуществившийся вариант отъезда был предложен 1 ноября буквально за несколько часов до отъезда. Работник чехословацкого консульства Спивачек зафрахтовал венгерский санитарный пароход, на котором были вывезены туристы, часть работников торгпредства и посольства СССР в Венгрии, профессорско-преподавательский состав, интернат советской колонии, оставшиеся чехи. Туристы были разбиты на небольшие группки по 2–3 человека и пешком переправлены на пристань.

²⁸ Биографические данные установить не удалось.

²⁹ Центральная гостиница ВПТ по адресу ул. Михая Мункачи, 4–5, более известна как «партийная гостиница». В настоящее время — отель «*Andrássy Budapest*».

Следует заметить, что во всем посольстве не удалось найти ни одной карты-плана Будапешта, чтобы иметь представление о месте нахождения пристани.

За 2 часа до ухода группы из гостиницы «Партия» в гостиницу прибыла группа, так называемой народной полиции, которая играла роль погромщиков. Отнесли они к туристам довольно благожелательно, дав разрешение оставаться в гостинице необходимое нам время, успокаивали туристов тем, что сами будут нести охрану гостиницы. Свой приход они объясняли тем, что ищут место для размещения граждан Будапешта, у которых были разрушены квартиры.

Пароход поднялся вверх по Дунаю до Братиславы. В Братиславу туристы прибыли 2 ноября и вечером спецпоездом отправлены на границу. Чехословацкие товарищи с трогательной внимательностью и заботой встретили советских граждан и сопровождали поезд до границы, во всем старались подчеркнуть свои симпатии к Советскому Союзу.

3 ноября вечером мы прибыли в Чоп и 4 ноября в 4 ч. 35 м. утра выехали спецпоездом в Москву. Прием в Чопе был полной противоположностью приему в Чехословакии. Туристам были поданы общие вагоны, не обеспеченные матрацами, ни постельным бельем. Всех поразило равнодушие руководства железной дороги к людям, которые были свидетелями трагических событий в Венгрии, которые ждали на своей территории тепла и внимания, тем более, что туристы и другие граждане не спали в течение трех-четырёх суток. Постельные принадлежности были получены только в Киеве после требования работников посольства через МИД, так как среди детей из-за переутомления начались болезни.

Все члены туристической группы (61 человек) здоровы, никто не получил никаких ранений, самочувствие и настроение хорошее. Туристы вели себя очень хорошо, дисциплинированно, выдержанно. Все распоряжения, которые давались представителем «Интуриста», выполнялись точно.

Туристы очень благодарны работникам «Ибуса» Тибору Кепеши, Шандору Варга³⁰, Гизелле Юнг, которые с риском для себя с первого до последнего дня находились с группой, стараясь как-то облегчить трудные минуты, сделать все возможное для вывоза группы из Венгрии.

Очень интересным было заявление сопровождавшего группу со стороны «Ибуса» Ш. Варга.

Он сказал, что работа по подрыву авторитета Советского Союза ведется очень давно. Особенный успех враги имеют тогда, когда используют промахи в поведении советских граждан и их внешний вид. Варга удивлялся тому, что на работу в Венгрию не посылают тех людей, с которыми он встречался во время своих поездок в Советский Союз или тех, кто приезжает в Венгрию, как туристы, т. е. таких людей, которые искренне, без зазнайства и высокомерия относятся к людям и интересуются не только памятниками страны, но и жизнью простого народа. Большой популярностью в Венгрии пользовались представители других стран, в том числе и капиталистических, которые с внешне выраженным демократизмом, скромностью и вежливостью стараются вникать и изучать жизнь и настроения народа, а также, как правило, имеют спортивный вид (вид спортсменов), прекрасно одеваются. Это все имеет большое значение для завоевания авторитета не только в Венгрии,

³⁰ Биографические данные установить не удалось.

но и в других западных странах. Варга сказал, что большинство (он несколько раз подчеркивал слово «большинство») постоянных работников из СССР в Венгрии не только безвкусно одевается, имеет обрюзгший вид людей, увлекающихся питанием, не интересуется культурой, жизнью, языком народа, но и поражает своим зазнайством, чванливостью, отсутствием элементарного чувства юмора и пренебрежением к культуре и традициям народа, незнанием положения и настроения в стране³¹.

Сопровождавший группу советских туристов в Венгрии *Е. А. Лебедев*³²
«13³³» ноября 1956 г.

Машинописный оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 470. Л. 278–281.

II. Граждане Венгрии в СССР

3.

**Письмо министра просвещения РСФСР Е.И. Афанасенко³⁴ в ЦК КПСС
о направлении отчетных документов о пребывании в СССР делегации работников
просвещения Венгрии с 15 октября по 2 ноября 1956 г.**

Москва, 12 ноября 1956 г.

ОТДЕЛ ЦК КПСС³⁵

Секретно:

Экз. №

Министерство просвещения РСФСР направляет при этом отчет о работе с делегацией работников просвещения Венгрии, находившейся в СССР с 15 октября по 2 ноября с. г., и докладную записку на имя начальника Отдела международных связей Министерства просвещения РСФСР тов. Таптыкова Д.Н., составленную т. Липпай И. А., работавшей с делегацией в качестве переводчицы.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту (несекретно).

12/XI–1956 г.
№ 1396³⁷

*Е. Афанасенко*³⁶

*В архив. Материал информационный. Зав. сектором Отдела ЦК. В. Лесаков. 28/XI. 56 г.*³⁸
Машинописный оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 466. Л. 82.

³¹ Последние два предложения абзаца выделены рукописной пометой на левом поле листа.

³² Автограф Е. А. Лебедева.

³³ День вставлен в текст от руки.

³⁴ Афанасенко Евгений Иванович (1914–1993) — в 1956–1966 гг. министр просвещения РСФСР.

³⁵ На верхнем поле бумаги регистрационный штамп ЦК КПСС: «ЦК КПСС. 39723. 13. ноя. 956. Подлежит возврату в Общий отдел ЦК КПСС».

³⁶ Автограф Е.И. Афанасенко.

³⁷ Дата и регистрационный номер документа вставлены в текст от руки.

³⁸ Внесено от руки на нижнем поле листа.

Приложение № 1
Отчет Министерства просвещения РСФСР о работе с делегацией работников
просвещения Венгрии с 15 октября по 2 ноября 1956 г.

Москва, без даты (До 12 ноября 1956 г.)

ОТЧЕТ

о работе с делегацией руководящих работников народного образования Венгрии

С 15. X—56 г. по 1. XI—56 г. в Советском Союзе по приглашению Министерства просвещения РСФСР находилась делегация руководящих работников народного образования Венгерской народной республики.

В состав делегации входили:

Кишш Дюла³⁹ — заместитель министра просвещения ВНР, глава делегации
Кальман Дьердь — начальник Управления школ Министерства просвещения
Вокшан Йожеф — представитель Отдела школ ЦК Венгерской партии трудящихся

Кишш Дюла — начальник Учебного отдела при исполнительном совете области Засаэгексэг⁴⁰

Токач Дюла — начальник Учебного отдела при исполнительном совете области Барань⁴¹

Сурмаи Тибор — инспектор области Сольнок, преподаватель русского языка

Комароми Бэла — директор гимназии им. Ракоци, г. Шарошпатак⁴²

Йожеф Хловач — инспектор области Пешт (г. Будапешт), преподаватель русского языка, под его руководством вышел лучший учебник по русскому языку для средних школ

Галл Геза — директор экспериментальной средней школы г. Сегед, редактор ряда школьных учебников

Беллаи Ласло — директор средней школы, г. Будапешт

Бори Иштван — сотрудник педагогического научно-исследовательского института, г. Будапешт

Комин Ева — преподаватель русского языка в гимназии им. Каталин Варга, г. Будапешт

Сразу после приезда в Москву делегация наметила большой план работы. Тов. Кишш просил меньше времени отводить на культурные мероприятия и больше — на серьезное изучение организации дела народного образования в СССР.

Делегация была принята заместителями Министра просвещения РСФСР тов. Дубровиной Л.В. и тов. Зиминым П.В., которые подробно рассказали о системе народного образования в СССР и ответили на многочисленные вопросы делегатов, касающиеся самых различных сторон обучения и воспитания в со-

³⁹ Кишш Дюла (1915—1994) — педагог, функционер системы образования. С 1 октября 1953 г. по 12 апреля 1957 г. — заместитель министра просвещения ВНР.

⁴⁰ Правильно: «Залаэгерсег».

⁴¹ Правильно: «область Баранья».

⁴² Правильно: «Шарошпатак».

ветских школах. Особый интерес делегатов вызвали вопросы руководства народным образованием и вопросы политехнического обучения и загруженности учащихся.

Много времени делегаты посвятили изучению деятельности Академии педагогических наук РСФСР, имели ряд бесед в институте теории и истории педагогики и Институте методов обучения АПН РСФСР. Делегаты проявили большой интерес к работе Академии и ее институтов, получили много педагогической литературы, договорились об установлении переписки с целью дальнейшего обмена опытом и литературой.

Делегация посетила Центральный институт повышения квалификации руководящих кадров народного образования и Московский городской институт усовершенствования учителей, 315-ю школу, педагогическое училище № 2, Московский Кремль, Мавзолей Ленина—Сталина, Музей В.И. Ленина, побывала в московских театрах.

24. X. 56 г. делегация вылетела в Караганду, где была встречена заместителем Министра просвещения Казахской ССР тов. Шариповым А.Ш.⁴³, ответственными работниками областного и городского комитетов партии, представителями горсовета и печати.

В Караганде делегация была полтора дня (с обеда 25. X. 56 г.) и посетила среднюю школу № 3, школу-интернат № 1, школу с преподаванием на казахском языке, дошкольный детский дом, шахту, металлургический завод в Темир-Тау, Дом культуры шахтера и Дом культуры металлурга. Повсюду ей оказывалась самая теплая встреча.

Из Караганды делегация направилась в Алма-Ату. Министерство просвещения КазССР организовало для гостей посещение средней школы, пединститута, детского дома, гости также побывали в театре юного зрителя, на концертах художественной самодеятельности, осмотрели город, были на высокогорном катке.

Министерство просвещения Каз. ССР хорошо организовало пребывание делегации в Казахстане. С делегацией работали все 3 заместителя Министра просвещения; большое внимание делегации уделялось со стороны партийного и советского руководства г. Алма-Аты. Проявлению такого большого внимания способствовало, вероятно, и то обстоятельство, что это была первая иностранная делегация работников просвещения в Казахстане. Глава делегации Кишш Дюла говорил: «Моя роль в Казахстане свелась к тому, что я повсюду и везде только благодарю. Нас так хорошо принимают здесь, что на все другое у меня просто не хватает времени».

«Я был в семи странах, — заявил Бори Иштван, — однако, нигде и никогда я не встречал такого внимания, такой заботы, и я бы даже сказал любви, которыми мы были окружены здесь, в Советском Союзе».

28. X. 56 г. вечером делегация впервые узнала о событиях в Венгрии (из передачи советского радио). На следующее утро глава делегации попросил как мож-

⁴³ Шарипов Ади Шарипович (1912–1993) — казахский учитель, писатель. С 1944 по 1958 г. — заместитель министра, а с 1958 по 1963 г. — министр образования Казахской ССР.

но быстрее заказать самолет на Москву. Самолет был заказан на вечер этого же дня. Кишш Дюла позвонил в Посольство Венгрии в Москве. Ему ответили, что сообщение с Венгрией прервано (как телефонное, так и воздушное и железнодорожное). На следующий день делегация была в г. Москве. Кишш был несколько раз в Венгерском посольстве, однако приходил оттуда неизменно мрачный. По всей видимости, посольству некогда было заниматься делегацией, так как делегаты часто жаловались на бюрократизм посольских работников.

Кишш попросил Министерство просвещения РСФСР отправить делегацию самолетом на Прагу. Его просьба была удовлетворена и 1. XI. 56 г. делегация вылетела в Чехословакию. По словам Кишша члены делегации имеют в Чехословакии знакомых и родственников, у которых они смогут остановиться в ожидании благоприятного случая для возвращения на родину.

Перед отъездом Кишш Дюла заявил на приеме у Министра просвещения РСФСР тов. Афанасенко Е.И., что пребывание делегации было и хотя кратковременным, но полезным, и что делегаты будут пропагандировать положительный опыт Советского Союза в области просвещения после восстановления спокойствия в Венгрии.

Говоря об успехах народного образования в СССР, Кишш отметил как положительный факт, что в Советском Союзе основательно взялись за политехнизацию школ, причем в это дело включались не только органы народного образования, но и предприятия и общественные организации, создающие материальную базу политехнизации. В Венгрии же, по словам Кишша — он отметил это как недостаток — общественные организации не включены в дело политехнизации школ.

Кишш говорил о хорошей подготовке педагогических кадров в Советском Союзе как в центре, так и на местах. Он отметил также, что в СССР Советы уделяют гораздо больше внимания народному образованию, чем в Венгрии и указал на большую осведомленность работников Моссовета в вопросах народного образования.

Одним из центральных вопросов, который делегаты желали выяснить в СССР, был вопрос о разгрузке учащихся. Они говорили, что несмотря на мероприятия, которые проводятся в Советском Союзе по разгрузке учащихся, все же советские учащиеся более перегружены чем в Венгрии (заявление Евы Комин, которое разделяли все делегаты). Кишш говорил, что внешкольное время учащихся также слишком занято пионерской и кружковой работой и что у учащихся остается слишком мало времени, чтобы осмысливать все то, что им преподносится.

Ряд ценных критических замечаний был высказан делегатами по методике преподавания некоторых предметов в советских школах.

Оценивая события в Венгрии, глава делегации, Кишш Дюла в разговоре с заместителем Министра просвещения Казахстана т. Шариповым А.Ш. говорил о больших и серьезных ошибках, допущенных М. Ракоши и Э. Гере в планировании народного хозяйства (металлургические предприятия в гор. Сталинварош⁴⁴ строились на расчете привоза железной руды из Кривого Рога, что было

⁴⁴ Ныне: Дунайварош.

явно нерентабельно; метро советского типа, без которого в Будапеште вполне можно обойтись, начали строить сразу в 16-ти местах, потратили сотни миллионов форинтов, так и не построив ни одной станции, причем в газетах писалось, что социализм дает возможность для постройки хорошего метро, механически, без учета национальных особенностей, переносился опыт советского ведения сельского хозяйства и промышленности, неправильной была политика по отношению к среднему крестьянству, которого зачастую рассматривали как «врага народа» со всеми вытекающими отсюда последствиями, сектантской была политика по отношению к религии, игнорировалось культурное прошлое Венгрии, серьезные ошибки были допущены при проведении выборов). В этом мнении была единодушна вся делегация.

Делегаты приветствовали приход к власти Имре Надя. В разговоре с переводчицей Липпай они высказали мнение, что Имре Надь и Янош Кадар — честные коммунисты, однако, выражали сомнение, смогут ли они удержать власть, так как в их окружении и на местах — «много людей, настроенных не так коммунистически»⁴⁵.

Машинописный оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 466. Л. 83–87.

Приложение № 2

Докладная записка И. А. Липпай, сотрудницы Венгерской редакции Управления радиовещания СССР о пребывании делегации венгерских педагогов в СССР с 15 октября по 1 ноября 1956 г.⁴⁶

Москва, 2 ноября 1956 г.

Заведующему Иностранным отделом Министерства просвещения РСФСР
товарищу Таптыкову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Высказывания членов делегации венгерских педагогов о положении в Венгрии

Венгерские педагоги, посетившие СССР, в беседах со мною очень осторожно высказывались о событиях в Венгрии.

О причинах путча Дьюла Кишш, руководитель делегации сказал, что они в конечном итоге заключались в тяжелых ошибках таких руководителей, как Ракоши, Герэ, Береи⁴⁷, во-первых в области индустриализации. Так, например

⁴⁵ Без подписи.

⁴⁶ Публикуется с сохранением стилистических особенностей текста при исправлении некоторых явных грамматических и орфографических ошибок.

⁴⁷ Береи Андор (1900–1979) — коммунист, экономист, политик. В период с 1922 по 1946 г. жил в эмиграции в СССР. С 1954 по 1956 г. — председатель венгерского Госплана. В 1948–1951 гг. — госсекретарь по политическим вопросам в Министерстве иностранных дел, затем заместитель министра иностранных дел. В 1948–1956 гг. — член Центрального руководства ВПТ, 28 октября 1956 г. вместе с другими политиками был доставлен в Москву. Окончательно вернуться на родину из Советского Союза смог лишь в 1958 г.

создали металлургический комбинат в Сталинвароше, который не имел сырьевой базы: железной руды. Растратили миллиард форинтов на строительство метро, ныне законсервированное. Другие члены делегации, в том числе Л. Бори, Эва Комин, говорили о «невероятных ошибках» планирования, об ошибочном выращивании хлопка и риса в некоторых местностях, о принудительном включении крестьян, — получивших землю при аграрной реформе — в сел. хоз. кооперативы, которые в большинстве работали плохо. Все это было, по их мнению, результатом механического применения советских методов в совершенно других венгерских условиях без учета последних и сделано вопреки желанию крестьян. Не были применены методы убеждения.

На мой вопрос, можно было ли предотвратить мятеж, Киш, Кальман и Бори ответили, что если бы Ракоши вовремя ушел и хотя бы в конце лета Имре Надь стал бы премьер-министром, то можно было бы предотвратить кровопролитие.

В разговоре о непосредственно предшествовавших мятежу событиях Л. Бори и Эва Комин высказали мнение, что в развязке событий сыграли роль похороны Райка и других невинно убитых⁴⁸. Люди в Будапеште были особенно возмущены тем, что похороны были организованы в сущности тем же правительством, которое повесило невинных и, — как Комин добавила, — теперь это же правительство объявляет их чуть не национальными героями. А. Бори возмущенно говорил, что всем рабочим, служащим и студентам сказали выйти на похороны, но он отказался, считая организацию похорон неправильной.

Из разговора члена делегации Хлавача с т. Канаевым⁴⁹ явствует, что по сведениям полученным из венгерского посольства в Москве демонстрация венгерских студентов 23/Х была вызвана возмущением самих студентов в связи с выступлением Герэ по радио после возвращения на родину⁵⁰. Герэ резко выступал против митингов и частичных демонстраций молодежи. Студенты осудили его выступление как «возврат к сталинизму». Герэ во время демонстрации 23/Х пытался взять свои слова обратно, вернее оправдаться, но его забросили камнями.

В связи с мятежом Л. Беллаи заявил, после появления декларации Советского правительства об отношениях между социалистическими государствами⁵¹. «До сих пор “Правда” называла участников мятежа контрреволюционерами, а теперь скорее повстанцами». Беллаи ходил за информацией в гостиницу Пекин (в комн. 601) к своей знакомой, к жене сотрудника венгерского торгпредства (занимающегося продажей инструментов). Беллаи хотел подчеркнуть с этим, что

⁴⁸ Речь идет о вызвавшей огромный общественный отклик церемонии перезахоронения 6 октября 1956 г. в Будапеште останков Ласло Райка и других видных венгерских коммунистов, ставших жертвами сфальсифицированных обвинений и казненных в 1949 г. по итогам громкого судебного процесса.

⁴⁹ Личность установить не удалось.

⁵⁰ Днем 23 октября Герэ вернулся из Югославии, куда ездил во главе венгерской партийно-правительственной делегации. Его выступление по радио состоялось вечером того же дня, когда уличные волнения в городе приобрели большой размах.

⁵¹ Документ от 30 октября 1956 г., в котором была выражена готовность руководства СССР к перестройке отношений с социалистическими странами на более равноправной основе.

восстание начали слушатели Политической Военной Академии, в котором участвовала и венгерская армия (как это передавал ББС⁵²).

Венгерские педагоги говорили о дезинформации КПСС Ракоши. Дьердь Кальман к нашей декларации заметил, что в Советском Союзе вероятно до сих пор плохо знали, что происходил и происходит в Венгрии. По его мнению тот факт, что тов. Суслов, приехавший в Будапешт для ознакомления положения страны, и после XX съезда поддерживал Ракоши⁵³, можно объяснить лишь так, что тов. Суслов был в Будапеште окружен исключительно людьми Ракоши, которые его дезинформировали. По его мнению экономические и технические советники из СССР мало знали условия венгерской экономики и поэтому же советники вели себя в Венгрии довольно вызывающе.

К вопросу почему Венгрия требует урегулирования взаимоотношения с Советским Союзом и в первую очередь вывода советских войск из страны, высказывалась Эва Комин. Она говорила о некоторых эксцессах советских войск в период освобождения страны как о грабеже ценных вещей у населения, о расстрелах раненных-пленных. Она смягчила свое высказывание тем, что советские бойцы были возмущены расстрелом советских парламентариев гитлеровцами. Когда я говорила, что среди советских войск попадали, — как это неизбежно при положении армии после огромных потерь — и некоторые уголовные элементы Эва Комин согласилась со мной.

О том, что венгры чувствовали себя по отношению к Советскому Союзу в положении колониального народа намекал Дьердь Кальман. Он говорил о множестве советских советников в всех областях экономики и в венгерской армии. Он был очевидцем, когда молодой советский офицер обзывал венгерского старшего лейтенанта самыми последними словами, называя его также и врагом народа, только потому, что он не имея инструмента не мог во время заплombировать бензиновые баки. Кальман тут же смягчил свое высказывание тем, что говорил о подвигах советских войск при спасении населения во время наводнения. Но все же добавил, что многие советские офицеры ведут себя в Венгрии, как в колонии⁵⁴. Педагоги согласились со мной в том, что такое поведение некоторых офицеров — результат плохого воспитания и одно из последствий культа личности Сталина.

⁵² Имеется в виду радиостанция Би-Би-Си.

⁵³ Член Президиума, секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов 7–14 июня 1956 г. находился в Будапеште. Целью его поездки было способствовать преодолению противоречий внутри руководства ВПТ и, главным образом, прояснить ситуацию относительно целесообразности избрания Яноша Кадара в политбюро. Во время визита Суслова вопрос о сохранении за Ракоши поста первого секретаря партии поднимался лишь в контексте того, насколько избрание ряда новых членов в партийное руководство угрожает сложившейся расстановке сил и насколько эта новая расстановка может быть приемлема с точки зрения Москвы. Подробнее об этом см.: ССВК. С. 37–38, 85–89.

⁵⁴ Достоверные и объективные публикации о поведении советских войск в Венгрии после 1944–1945 гг. смогли появиться лишь после смены режима в 1989–1990 гг. См. собрание документов, в основе которого лежат самые полные и обширные данные: «Törvényes» megszállás. Szovjet csapatok Magyarországon 1944–1947 között / Szerk. B. Balogh L. Budapest, 2015.

Характерно, что Эва Комин была удивлена, что в мавзолее все еще находится тело Сталина.

Мнение отдельных венгерских педагогов о членах правительства и руководителей партии Венгерских трудящихся

Дьюла Киш считает Имре Надь хорошим, честным венгром, немного подчёркивая этим, что он не еврей. По его мнению, И. Надь вовсе не был правым уклонистом, а хотел поднять жизненный уровень крестьян и рабочих. Он искренно заботился и о делах просвещения и говорил неказенные речи. Беллаи, Бори согласились с Д. Кишшем, с его оценкой. Они считают честным коммунистом и Яноша Кадара, первого секретаря ЦК партии Венгерских трудящихся⁵⁵.

Больше всего из руководителей считали виновным Ракоши. Так, например, Беллаи говорил, что после XX съезда КПСС он вновь обманул членов партии, сказав, что в Югославии есть и порядочные левые элементы в противовес к Тито, который по существу все же агент империализма. Насколько ненавистен был Ракоши, показывает тот факт, что А. Бори в начале мятежа наивно думал даже о том, что может быть все это провокация людей Ракоши, которые после XX съезда собирали подписи для письма к Ракоши, чтобы выразить этим доверие ему.

В обращениях с простыми людьми как Ракоши, так и Герэ были очень грубыми.

Они высказались не очень положительно насчет Мюнниха⁵⁶, министра внутренних дел главным образом из-за его возраста, но возможно потому, что несмотря на дружбу Мюнниха с Райком, его даже не арестовали. Отрицательно относились назначению Д. Лукача министром культуры⁵⁷.

⁵⁵ Я. Кадар был избран первым секретарем Центрального руководства Венгерской партии трудящихся 25 октября, однако последующий ход событий фактически привел к самороспуску этой партии, и в начале ноября Я. Кадар явился одним из инициаторов создания новой, Венгерской социалистической рабочей партии.

⁵⁶ Мюнних Ференц (1886–1967) — коммунист, политик, второй по значимости руководитель в кадаровской Венгрии конца 1950-х — начала 1960-х годов. В ходе революции 1956 г., с 27 октября по 3 ноября, занимал пост министра внутренних дел во втором правительстве Имре Надя. 2 и 3 ноября вместе с Яношем Кадаром тайно вел переговоры с руководством КПСС в Москве. Роль Мюнниха в подготовке поездки в Москву окончательно не прояснена.

⁵⁷ Дёрдь (Дьердь) (1885–1971) — философ-марксист, специалист по эстетике, коммунист, политик, университетский профессор, член Венгерской АН (1948), лауреат премии Кошута (1948, 1955). В период Венгерской советской республики заместитель наркома просвещения, комиссар венгерской Красной армии. После разгрома Коммуны эмигрировал, в 1933 г. переехал в Москву, где работал в журнале «Литературный критик» (1933–1940). В 1941 г. подвергся двухмесячному тюремному заключению. В 1945 г. вернулся на родину, получил должность профессора в университете. В 1956 г. — министр культуры в правительстве Имре Надя, после ноябрьского вторжения советских войск получил убежище в посольстве Югославии, откуда был интернирован в Румынию. В 1957 г. Лукачу разрешили вернуться домой, в 1967 г. философа реабилитировали и восстановили в партии.

На мой вопрос, кто мог бы успокоить венгерских крестьян задунайской области, Беллаи и Кальман ответили, что крестьяне даже Тильди⁵⁸ не верят. Они может быть прислушиваются к словам Белы Ковач⁵⁹, министра земледелия, члена партии Мелких Сельских хозяйств⁶⁰.

2. XI. 56 г.

*И. Липпай*⁶¹

Орфография и пунктуация даются по оригиналу. Д. Таптыков.

Машинописный оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 466. Л. 89–92.

Приложение № 3

**Справка Д. Н. Таптыкова, начальника Отдела международных связей
Министерства просвещения РСФСР на И. А. Липпай**

Москва, без даты. (До 12 ноября 1956 г.)

СПРАВКА

ЛИППАЙ, Ибойла Альбертовна, по профессии переводчик, родилась в 1905 г. в г. Мишкольц (Венгрия), по национальности венгерка, член КПСС с 1929 года.

Работает в венгерской редакции Управления радиовещания, проживает в Москве по проезду МХАТ, дом 2, кв. 1, паспорт XXII-СУ № 695936.

*Д. Таптыков*⁶²

Машинописный оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 466. Л. 88.

⁵⁸ Тилди Золтан (1889–1961) — священник реформатской церкви, политик, член Партии мелких хозяйев. В 1945–1946 гг. — премьер-министр Венгрии, с 1 февраля 1946 г. по 31 июля 1948 г. — первый президент Венгерской республики. В 1948 г. под давлением коммунистов был вынужден уйти в отставку, с августа 1948 по май 1956 г. находился под домашним арестом. С 26 октября по 4 ноября 1956 г. — заместитель премьер-министра в правительстве Имре Надя. После разгрома революции был приговорен к шести годам тюремного заключения, но через некоторое время амнистирован.

⁵⁹ Ковач Бела (1908–1959) — политик, член Партии мелких хозяйев, в 1946–1947 гг. министр сельского хозяйства в правительствах З. Тилди и Ф. Надя, а в октябре-ноябре 1956 г. член правительства Имре Надя. 27 февраля 1947 г. после ареста был насильственно вывезен в СССР, откуда смог вернуться на родину только в 1955 г., причем оказался на свободе лишь в апреле 1956 г.

⁶⁰ Правильно: партии мелких сельских хозяйев.

⁶¹ Без подлинной подписи И. А. Липпай.

⁶² Автограф Д. Н. Таптыкова.

4.

**Справка Л. Малашевой⁶³, референта по польской литературе
Иностранной комиссии Союза писателей СССР о пребывании Шандора Гергея,
венгерского писателя в СССР с сентября 1956 г. по январь 1957 г.**

Москва, 13 февраля 1957 г.

СПРАВКА

В Советском Союзе в течение 4-х месяцев находился венгерский писатель Гергей Шандор⁶⁴ с женой⁶⁵. Гергей Шандор приехал в сентябре 1956 г. в отпуск и вынужден был в силу событий, развернувшихся в Венгрии, остаться до 27-го⁶⁶ января 1957 г.

Тов. Гергей за время своего пребывания в Советском Союзе был очень угнетен положением дел в Венгрии. Гергей постоянно говорил о том, что товарищи в Советском Союзе мало обращали внимания на его слова. «Еще два года тому назад я говорил, что в писательской среде неблагоприятно, что там очень много людей, враждебно настроенных к существующему строю, что назревают события, грозящие тяжелыми последствиями. Никто меня не слушал...»

На встрече в Иностранной комиссии СП в сентябре 1956 г. тов. Гергей тоже говорил о неблагоприятном положении в Союзе писателей. И опять жаловался: «Почему никто не внимает моим словам? Советские люди очень доверчивы. Советские люди благородны и они думают, что все такие». Когда в октябре приехали в Советский Союз Ласло Пан⁶⁷ и <...>⁶⁸, Гергей сказал, что это одни из тех «молодчиков, которые мутят в Венгрии и присланы сюда, чтобы разведать обстановку». Гергей говорил о тех сильных фашистских настроениях среди интеллигенции, которые имеют глубокие корни, так как фашистская организация в Венгрии процветала как ни в какой другой стране. Когда события в Венгрии

⁶³ Подробные биографические данные обнаружить не удалось.

⁶⁴ Гергей Шандор (1896–1966) — коммунист, писатель, журналист, редактор. Во время Первой мировой войны был ранен, временно ослеп. С 1926 г. — член Коммунистической партии Венгрии. В 1931 г. эмигрировал в Москву, редактировал журналы «*Sárló és Kalapács*» («Серп и Молот») и некоторое время «*Új Hang*» («Новый голос»), в 1945 г. вернулся на родину. Депутат парламента, в 1945–1951 гг. — председатель Союза венгерских писателей, в который входили в основном писатели, близкие компартии, во второй половине 1940-х и первой половине 1950-х годов был близок к венгерскому партийному лидеру Матяшу Ракоши. Лауреат премии Кошута (1949, 1956).

⁶⁵ Виола Хааш.

⁶⁶ День внесен в текст от руки.

⁶⁷ Буква «и» в слове вычеркнута от руки. Речь наверняка идет о Ласло Паппе (1928–1984) — поэте, члене партийного руководства Союза венгерских писателей.

⁶⁸ Имя данного лица пропущено в тексте. С большой вероятностью можно предположить, что речь идет о писателе Гезе Молнаре (1923–2011), бывшем в 1953–1956 гг. секретарем Союза венгерских писателей. Из опубликованной тогда газетной статьи можно узнать, что «молодой писатель Геза Молнар отправился на учебу в Советский Союз на три месяца» См.: *Népszava*. 1956. 14. X. 5. old. Если Ласло Папп также отправился в поездку, он, скорее всего, не остался на три месяца, так как 27 октября 1956 г. подписал обращение группы писателей в канцелярию премьер-министра.

приняли самый тяжелый характер, Гергей говорил что он этого ожидал, что «подавляющее большинство писателей венгерских — хулиганы, подлецы и негодяи». Гергей очень тяготился своим бездействием: «Я должен быть у себя на родине, я коммунист и обязан помогать своей стране в тяжелую минуту».

Уезжая в Венгрию, Гергей знал, что жизнь его будет не очень легкой, но радовался, что, наконец, бездействие его кончится.

Тов. Гергей горячо благодарил Союз писателей СССР за заботу о нем.

Тов. Гергей жил один месяц в Переделкино, в Доме творчества, а затем в гостиницах в Москве. Тов. Гергея навещали его друзья, чаще всех проф. Варга⁶⁹ и переводчица Зельдович⁷⁰.

В Переделкино, по словам сестры хозяйки Надежды Александровны⁷¹ и М.С. Живова⁷², его навещал Ракоши. Сам Гергей не говорил об этом, только в день отъезда, беседуя о Венгрии, Гергей сказал: «Ракоши очень честный человек. Он много лет пробыл в тюрьмах⁷³, страдал за коммунистические идеи. Он настоящий преданный коммунист. Я верю, что правда восторжествует и он вернется»⁷⁴.

На вокзале тов. Гергея провожали многие друзья, сотрудники МИДа, знакомые. *Несколько дней тому назад Гергей позвонил мне из Будапешта. Рассказал, что его хорошо встретили, что он доволен, что наконец дома находится и что надеется на лучшую жизнь*⁷⁵.

13/II—57 г.⁷⁶

Л. Малашева⁷⁷

Машинописный оригинал. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 1221. Л. 1—2.

*Перевод с венгерского вступительной статьи и примечаний
выполнен студентами СПбГУ под редакцией О.А. Якименко*

⁶⁹ Варга Йене (Евгений Самуилович) (1879—1964) — коммунист, экономист, политик. В 1919 г. комиссар финансов Венгерской советской республики, после разгрома Коммуны эмигрировал в СССР. В 1927—1947 гг. — основатель и директор Института мирового хозяйства и мировой политики. Действительный член АН СССР, с 1955 г. — почетный член Венгерской АН.

⁷⁰ Зельдович Мария Аркадьевна (1890—1957) — переводчик с чешского, немецкого и венгерского языков. Перевела на русский язык произведения Белы Иллеша.

⁷¹ Личность установить не удалось.

⁷² Живов Марк Семенович (1893—1962) — советский историк литературы, журналист, переводчик. Переводил, главным образом, с идиш и польского языка.

⁷³ Ракоши Матяш находился в венгерской тюрьме с 1925 по 1940 гг. Подробнее о годах, проведенных им в заключении, см.: A Komintern védőszármányai alatt. Orosz levéltári források Rákosi Mátyás börtönéveiről 1925—1940 / Szerk. A. Kolontári, A. Seres. Budapest, 2014. (Orosz levéltári források magyarul. A Moszkvai Magyar Levéltári Intézet sorozata 3.)

⁷⁴ На родину, в Венгрию, Ракоши так и не вернулся, до самой своей смерти в 1971 г. он проживал в ссылке в СССР.

⁷⁵ Последние два предложения документа внесены в текст от руки.

⁷⁶ Дата документа вставлена в текст от руки.

⁷⁷ Машинописная подпись.

**Французское посредничество в восстановлении диалога
между венгерскими и советскими литераторами.
Миссия писателя Веркора в СССР в феврале-марте 1957 г.**

Исследования, проведенные к настоящему времени, дают представление о кризисных явлениях в левых движениях западноевропейских стран, возникших вследствие подавления венгерского восстания 1956 г., как и о том, какие линии раскола образовались в коммунистических партиях, особенно французской и итальянской, обладавших в своих странах особенно мощным общественно-политическим влиянием. Вопрос заключается не только в том, в какой мере растущее разочарование масс в «мирной политике» Советского Союза ослабляло внутривнутриполитический вес и даже разрушало организационную структуру этих партий. Существенно и другое: какие интеллектуально-идеологические трансформации претерпел вследствие венгерских событий влиятельный слой поддерживавшей эти партии интеллигенции и как сказались это на внутривнутрипартийном соотношении сил. Реакции на венгерское восстание различных политических кругов (включая компартию) во Франции и всего французского общества посвящены ценные исследования Густава Д. Кечкеша¹ и Шаролты Кленянски². В них нашли отражение и рефлексии по поводу венгерских событий французской левой интеллигенции, в первую очередь писателей, в тесной связи с отношением к ним компартии.

В ходе исследований, проведенных в российских архивах, мною был обнаружен ряд новых источников по данному кругу проблем. Это касается сформировавшегося во французском писательском сообществе внутреннего дискурса применительно к советской военной интервенции в Венгрии, не лишённого выражения эмоций в ходе состоявшихся манифестаций*. Публикуемые ниже архивные доку-

* Важно иметь в виду, что на общественное мнение во Франции в те дни повлияли не только и даже не столько советские действия в Венгрии, сколько угрожающий тон заявлений правительства СССР непосредственно в адрес Франции в связи с развязанной в конце октября антиегипетской военной кампанией в зоне Суэцкого канала. В письме председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина, направленном по официальным каналам в Париж в ночь с 5 на 6 ноября, содержался вопрос: «В какой ситуации оказалась бы Франция, если бы она стала объектом агрессии со стороны других государств, распо-

менты обращают внимание на некоторые частные аспекты проблемы, не привлекавшие ранее большого исследовательского интереса. Речь идет о поездке в СССР творившего под псевдонимом Веркор Жана Брюллера (1902–1991), одного из популярных писателей и публицистов Франции 1940–1950-х годов.

По отцовской линии Веркор происходил из венгерской еврейской семьи. Его имя стало широко известным, в том числе и за пределами Франции, после публикации во время Второй мировой войны, в 1942 г., повести «Молчание моря». Веркор был в числе французских писателей, опубликовавших непосредственно после подавления венгерского восстания, 8 ноября 1956 г., в газете «*France Observateur*» заявление, адресованное советским писателям, в котором осуждалась агрессия против Венгрии³. Во время поездки в Советский Союз в февралемарте 1957 г. Веркор имел возможность встретиться с самыми значительными деятелями литературно-общественной жизни. В ходе бесед с советскими литераторами он неоднократно возвращался к своему предложению провести (может быть, даже в Будапеште) встречу советских, французских и венгерских писателей, а по возможности пригласить на нее также литераторов из других стран Западной Европы (в частности, британских или итальянских). По его замыслу, непримиримые расхождения во взглядах венгерских и советских писателей, возникшие при оценке вмешательства СССР в Венгрии в ноябре 1956 г., могли бы быть сглажены при посредничестве Запада: участие французских и других западных литераторов во встрече помогло бы выработать общую платформу, а значит, дать шанс возобновлению диалога между представителями писательского сообщества двух стран.

Не претендуя в рамках данного предисловия на создание полной картины советско-французско-венгерских литературных взаимосвязей того времени (эта задача стала предметом моего более объемного научного исследования), я попытаюсь все-таки дать ответ на вопрос: в силу каких субъективных и объективных факторов инициатива Веркора так и не была реализована, а предложенная им международная встреча литераторов так и не состоялась ни в Будапеште, ни в каком-либо другом европейском городе.

Прежде всего, следует заметить, что в 1957 г. Веркор посещал Советский Союз не впервые. Первая его, почти двухнедельная поездка с женой состоялась в декабре 1953 г. по приглашению Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКСа), формально общественной организации, а фактически государственного органа, призванного координировать международные культурные связи СССР⁴. Во второй раз он провел в СССР полтора месяца в июне-июле 1955 г.⁵ Эти две поездки позволили ему установить довольно широкие связи с представителями советской литературной жизни. Веркор находился в тесных и довольно дружеских отношениях с Ильей Эренбургом, подолгу жившим

лагающих ужасающими современными средствами уничтожения?» (Правда. 1956. 6 XI), воспринятый срочно собравшимся на заседание правительством как прямая угроза применения ракетно-ядерного оружия (на самом деле советские лидеры блефовали, ведь уже к 10 ноября была сформулирована совсем другая концепция действий СССР в защиту Египта, речь зашла «всего лишь» о посылке добровольцев в зону Суэцкого канала). (Прим. отв. ред.).

и часто бывавшим в Париже, познакомился в Москве с Борисом Полевым (секретарем правления Союза писателей СССР, возглавлявшим его Иностранную комиссию) и Константином Фединым.

Третье приглашение Веркора в Советский Союз не имело изначально никакого отношения к венгерскому восстанию. Дело в том, что Веркор был известен не только как писатель, но и как художник-иллюстратор, и как явствует из донесения советского посольства во Францию от 4 октября 1956 г., пригласить на этот раз в СССР его собирались именно в этом качестве. Речь шла о посещении им в Москве организуемой выставки репродукций произведений современного французского искусства⁶. Причем из письма жены французского писателя выясняется, что первоначально открытие выставки планировалось на начало зимы⁷.

Из-за событий, развернувшихся в Венгрии, проведение выставки пришлось отложить. Причиной этому стало прежде всего инициированное в том числе Веркором и подписанное 21 французским писателем уже упомянутое заявление в газете «*France Observateur*» с осуждением советской военной акции в Венгрии. Французский писатель в вышедшей позже статье признавался, что после 4 ноября он считал, что выставку необходимо отложить на долгое время⁸. На смягчение его позиции могло повлиять интервью Жана-Поля Сартра, появившееся в ежедневной газете «*L'Express*» уже на следующий день после вышеупомянутого заявления. Сартр призывал французскую интеллигенцию к прекращению любых связей с СССР и советскими партнёрами. Однако Веркор несколько позже дал понять, что он в принципе никогда не выступал за прекращение диалога, но хотел прояснить для себя позицию СССР и точку зрения советских писателей⁹. Это его мнение нашло отражение в открытом письме И. Эренбургу, опубликованном не только во французской прессе, но 18 декабря и в «Литературной газете». В этом письме он не исключал возможности посетить Советский Союз в ближайшем будущем. Письмо Веркора решили опубликовать в органе Союза писателей СССР, поскольку ранее Эренбург, ссылаясь на Веркора и Сартра, выразил мнение о том, что во французском писательском сообществе надо видеть разницу между теми, кто выступает за прекращение контактов с СССР, и теми, кто считает необходимым сохранение диалога, даже если и придерживается точки зрения, разительно отличающейся от взгляда советских писателей¹⁰. В свою очередь К. Симонов в письме в МИД СССР изложил позицию Союза писателей СССР о том, что следовало бы поддержать выдачу Веркору въездной визы, поскольку в свете опубликованных заявлений советских и французских писателей по венгерскому вопросу имеется заинтересованность во встрече и обмене мнениями с Веркором¹¹.

В Государственном архиве Российской Федерации мне удалось обнаружить составленный сотрудниками ВОКСа дневник пребывания Веркора в СССР с 15 февраля по 8 марта 1957 г. с ежедневной программой, расписанной с точностью до часа¹². В нем привлекает внимание множество мелких деталей. Первый вывод, который можно сделать на основе дневника, заключается в том, что со своей идеей писательской встречи Веркор оказался в Москве в непростом положении, ведь ему приходилось отстаивать свою точку зрения перед лицом иной, причем довольно твердой позиции своих советских собеседников. Кроме того, гость находился и в немалой материальной зависимости от хозяев (в той мере,

в какой писатель живет на гонорары за свои публикации). Рабочая программа его пребывания включала в себя среди прочего получение 5 марта гонорара за одну из своих публикаций в СССР. Советский Союз практиковал определенные механизмы материальной поддержки западных авторов, не только исповедовавших близкие его идеологии принципы, но и готовых через свои литературные публикации подкреплять советскую точку зрения в международных вопросах¹³. И возникавшая иногда при этом напряжённость между писателями, относившимися к разным политическим лагерям, не меняла сути дела. Из письма Р. Барисс, написанного незадолго до поездки супругов в Советский Союз, узнаем о том, что своевременное получение гонорара являлось для них кардинальным вопросом, поскольку они собирались полететь из Москвы в Индию, а средства на индийское путешествие они могли приобрести в значительной мере из доходов от произведений Веркора, опубликованных в советских изданиях¹⁴. О подобного рода «экзистенциальных» интересах Веркора напоминает, пожалуй, и еще один пункт программы — о закрытом просмотре в ВОКСе короткометражного фильма по сценарию Веркора «Леонардо да Винчи» с претензией на документальность. После показа ВОКС уведомил государственную организацию, занимавшуюся закупкой иностранных фильмов, «Совэкспортфильм», о проявленной Веркором немалой заинтересованности в покупке Советским Союзом этого фильма. Стремление французского писателя пролоббировать его выход на советские экраны совершенно очевидно¹⁵.

На период пребывания Веркора в Москве пришелся его 55-й день рождения. По этому случаю 26 февраля ВОКСом и Союзом писателей СССР был организован торжественный обед, на который наряду с представителями ВОКСа пришли И. Эренбург и председатель Иностранной комиссии Союза писателей Б. Полевой. Внимательное изучение программы пребывания Веркора в СССР дает основания предположить, что вплоть до прощального ужина 7 марта именно в этот день ему могла представиться единственная возможность побеседовать с Полевым относительно проведения встречи писателей трех стран, причем, очевидно, не с глазу на глаз, а в более широком кругу*, и по законам праздника Веркору надлежало выразиться максимально дипломатично и осторожно, чтобы не испортить праздник и не задеть хозяев.

На основании записей бесед с главным редактором журнала «Иностранная литература» А. Чаковским и с Б. Полевым** можно судить о том, насколько понимающим и гибким оказался Веркор в отношении советской точки зрения. В ответ на замечание Чаковского о том, что он не наблюдал такой сдержанности в прежних выступлениях писателя, Веркор сослался на пожелания французских читателей, которые ждали от него выражения очень четкой и решительной позиции. Именно идея проведения всесторонней писательской встречи, о которой предстояло договориться, собственно говоря, и легитимизировала его поездку в Москву в глазах французского общественного мнения. Запись беседы с Веркором была направлена Чаковским в ЦК КПСС, один из секретарей которого, Д. Шепилов (всего за две

* См. документ 3. Точную датировку его удалось установить только на основе уже упомянутого дневника с программой пребывания Веркора в СССР.

** См. документы 2–3.

недели до этого ушедший с должности министра иностранных дел СССР, а значит, сведущий в вопросах внешней политики), насколько можно судить по его рукописной резолюции от 5 марта на записке Чаковского, дал недвусмысленные указания Союзу писателей не поддерживать инициативы Веркора*. Но, как видно из публикуемых документов, в структурах ЦК возобладало всё же мнение, что более целесообразен не категорический запрет, а дальнейший сбор информации. На прощальном ужине 7 марта по случаю отъезда четы Веркоров, на котором с советской стороны присутствовали Б. Полевой, А. Сурков, К. Симонов, Г. Марков, С. Смирнов и В. Ажаев, французскому писателю было сообщено, что А. Чаковский отправится в Венгрию, где в ходе общения с венгерскими писателями предварительно оценит, насколько реально проведение пробного, не открытого для широкой публики, «круглого стола»**.

Несомненно, что к вечеру 7 марта писатели, участвовавшие в ужине, уже были уведомлены об отрицательной точке зрения Шепилова (тем более что среди них был Сурков, которому как раз и была адресована резолюция Шепилова). И хотя пока нет письменных подтверждений этому, можно предположить, что за предложением командировать Чаковского в Будапешт стояли его довольно близкие отношения с другим секретарем ЦК КПСС, М.А. Суловым, первоначальная жесткая точка зрения, выраженная Шепиловым, могла быть, таким образом, несколько скорректирована. Из записи его беседы с Веркоровым явствует, что Чаковский весьма скептически воспринял инициативу французского писателя. В то же время по итогам обмена мнениями был сделан вывод о том, что эти предложения надо вынести на обсуждение руководящих органов Союза писателей. Из сказанного Веркору не вытекало, что Чаковский считал вопрос абсолютно закрытым***. Справедливость этих предположений подтверждается и тем, что в самый день отъезда Веркора из СССР, 8 марта, секретари Союза писателей СССР А. Сурков и Б. Полевой внесли в ЦК КПСС записку с предложением разрешить Чаковскому поездку в Венгрию в целях восстановления связей между писательскими кругами двух стран. Правда, в качестве места возможной будущей встречи советских и венгерских писателей фигурировала только Москва, ни слова также не было сказано о каком-либо посредничестве французских, британских или итальянских литераторов, и это означало, что между позицией Союза писателей СССР и представлениями Веркора существовали большие различия. О некотором выжидании аппарата ЦК КПСС в этом вопросе все же свидетельствует довольно поздняя датировка на документе (30 апреля) визы заведующего одним из секторов Международного отдела ЦК КПСС, которая фактически закрыла дело¹⁶.

Хотя конкретные обстоятельства принятия решения на высоком уровне остаются непроясненными, очевидно, что в ЦК КПСС поддержали предложение Союза писателей, правда, с некоторой корректировкой. Выбор совершить «венгерскую миссию» пал не на А. Чаковского, а на поэта Евгения Долматовского.

* См. документ 2.

** См. документ 4.

*** См. документ 2.

Долматовский провел в Венгрии месяц, официально в качестве корреспондента «Литературной газеты», послал оттуда два отчета Юрию Жукову, главе только что образованного Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами, а по возвращении домой описал в закрытом отчете впечатления от пребывания в Венгрии. Политический подтекст миссии Долматовского был тщательно изучен публикатором (в полном объеме) этих документов историком литературы Анталом Бабушем¹⁷, я хотел бы дополнить его анализ двумя замечаниями. Первое касается сделанного Долматовским вывода о том, что советские писатели должны установить и поддерживать контакты с теми венгерскими коллегами, которые не находятся под уголовным преследованием: их надо убеждать вернуться в общественную жизнь, выводя из того пассивного состояния, в котором они оказались после подавления восстания. Из первого и второго отчетов Долматовского явствует, что в бурной политической обстановке тех месяцев (аресты писателей, эмиграция, попытки сгруппироваться по платформам и т. д.), при существовавших отношениях литературы и власти, идея проведения советско-венгерской писательской встречи с целью выработки общей платформы казалась делом недостижимым, а тем более в советской столице. Второй вывод заключался в том, что Долматовскому следовало принимать во внимание и делать ставку в своих планах не на писательское сообщество, а скорее на официальные государственные органы, руководство культурной политикой. Возражения новой венгерской власти с самого начала поставили бы под вопрос любые возможные намерения активизации писателей. Только на завершающей фазе пребывания в Венгрии, 20 апреля, Долматовский смог встретиться с министром просвещения Дюлой Каллаи, прямо заявившим ему, что считает проведение встречи венгерских и советских писателей делом невозможным. Долматовский и сам сумел в этом убедиться благодаря своим наблюдениям в предшествующие дни. Реагируя на предложения Полевого и Суркова от 8 марта, полномочный сотрудник соответствующего отдела ЦК КПСС сослался на официальное мнение венгерской стороны о несвоевременности встречи.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что и те, в интересах кого поднял голос Веркор, т. е. венгерские писатели, не могли стать его партнерами в деле организации международной писательской встречи с целью прояснения сути событий осени 1956 г. Что же касается кадаровского руководства, стремившегося к политической нейтрализации оппозиционно настроенной творческой интеллигенции в интересах консолидации своей власти, то оно инициативу решительно отвергло, да и Кремль не выступал однозначно в ее поддержку.

Ференц Фейтё в приведенном нами (сн. 14) интервью высказал мнение: коммунистическую партию Франции, в отличие от коммунистической партии Италии, по-настоящему потрясла не венгерская революция 1956 г., а Пражская весна 1968 г. Именно в это время интеллигенция, тяготевавшая к ФКП, так называемые попутчики (жаргон, принятый в СССР), стала отходить от коммунистической доктрины, «начала мыслить и яснее видеть». Официальная советская версия венгерских событий как поддержанного западной агентурой вооруженного выступления фашистских элементов против законной власти в целях реставрации крайне правого режима была принята не только руководством компартии, но в немалой мере

и теми силами на левом фланге, которые определяли массовый характер партии. Это стало возможным еще и потому, что большинство французов не знали Венгрию. Пражская весна, которая по сути явилась движением по реформированию коммунистического режима, была тоже подавлена силовым путем, и это вызвало в широких массах разочарование, проявления солидарности с чехословацкими реформаторами, что отчасти объяснялось и бóльшим знакомством общественного мнения во Франции с Чехословакией и чешской культурой, нежели с Венгрией и венгерской культурой, ведь Франция и Чехословакия были союзницами в период между двумя мировыми войнами*.

Фейтё в этом же интервью, говоря об оценке Веркором венгерских событий, называет его точку зрения неустойчивой. Однако более важно то, что с венгерской революцией был связан наиболее значительный шаг в эволюции его общественно-политических взглядов. Определенные колебания, сомнения, которые он преодолевал в себе, возникали и раньше, достаточно вспомнить его статью в декабре 1949 г. на страницах журнала «*Esprit*» в связи с состоявшимся незадолго до этого судебным процессом по делу Ласло Райка. Но в 1956 г. он уже не мог принять того, что всю венгерскую нацию вводят в заблуждение. В том числе в деле Райка, относительно которого правительство Ракоши скрыло правду от венгерского народа. По мнению Тони Джадта, процесс Райка, а затем и новости, приходившие из советских лагерей, открыли Веркору и еще нескольким писателям глаза на происходившее¹⁸.

В свете всего вышесказанного нельзя отрицать серьезности усилий Веркора в целях организации встречи писателей. Двусмысленность некоторых его высказываний в ходе бесед с советскими представителями может быть объяснима избранной в интересах дела тактикой, но за вежливостью и проявлениями дипломатического этикета неизменно скрывалось стремление достичь поставленной цели. Опубликованный в конце 1957 г. сборник эссе Веркора¹⁹ однозначно говорит о том, что, объявив о своем разрыве с коммунистическим движением, он вступил на новый путь, однако один из приводимых российских архивных документов** свидетельствует и о сохранный им для себя лазейке, открывавшей возможности заднего хода.

Тексты публикуются в соответствии с сегодняшними нормами орфографии и пунктуации.

*Перевод с венгерского А. Барановой и М. Щербатых
по редакции О.А. Якименко*

* В дополнение к высказываниям Фейтё, представляющим интерес для изучения влияния венгерской революции на настроения французской левой интеллигенции, замечу, что в 1956 г. война в Алжире и Суэцкий кризис намного острее затронули Францию, чем события в Венгрии. ФКП была единственной политической силой в стране, которая открыто выступала против войны в Алжире, и это имело куда больший вес с точки зрения французской внутренней политики, нежели ее же позиция в связи с венгерскими событиями.

** См. документ 5.

Примечания

- 1 *Kecskés D.G.* Franciaország és a magyar forradalom, 1956. Budapest, 2007. 99–172 old. (História Könyvtár Monográfiák. 22).
- 2 *Klenjárszky S.* Kommunista irodalomszemlélet és irodalomdiplomácia a francia kapcsolatok tükrében, a Rákosi-korban // *Múltunk*. 2009. 1. sz. 123–161. old.
- 3 См.: *Contre l' intervention soviétique // France Observateur*. 1956. 8 XI. P. 4. Более того, он был среди инициаторов этого заявления.
- 4 Об этом посещении сохранился отчет члена правления ВОКСа Л. Кисловой: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 103. Л. 183–185.
- 5 См. письмо супруги писателя Риты Барисс переводчице Ольге Граевской: Фаремутье (Faremoutiers), 6 августа 1955 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2652. Л. 19–19 об.
- 6 Для того, чтобы обсудить детали, связанные с выставкой, Веркора посетил советский дипломат. См. записку В.Н. Окулова о встрече у Веркора. Париж, 4 октября 1956 г. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 16. Д. 537. Л. 53.
- 7 Письмо Р. Барисс О. Граевской. Фаремутье (Faremoutiers), 9 октября 1956 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2721. Л. 11–11 об.
- 8 Взаимное доверие — значительная сила. Письмо Веркора Илье Эренбургу. Литературная газета. 1956. 18 XII. С. 4.
- 9 См. документ 1. Смягчению мнения Веркора могло способствовать и то обстоятельство, что 7–8 ноября французские правые совершили нападения на помещения компартии как в Париже, так и в провинции (ограбления, поджоги), напали также на коммунистических активистов. Это вызвало некоторые угрызения совести у многих из тех, кто подписал петицию от 8 ноября. Были и те, кто обратился к руководству партии с просьбой солидаризироваться с ними в каком-либо публичном заявлении.
- 10 *Эренбург И.* Письмо в редакцию // Литературная газета. 1956. 1 XII. С. 4.
- 11 Письмо К.М. Симонова заместителю министра иностранных дел В.А. Зорину. Москва, 13 декабря 1956 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Д. 13. Л. 256.
- 12 См.: ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 8. Д. 351. Л. 29–32.
- 13 В этом контексте можно вспомнить интервью известного французского публициста и политолога венгерского происхождения Франсуа Фейто (Ференца Фейтё): «A második számú ellenség». *Fejtő Ferenc beszélget Kőrösi Zsuzsa // Beszélő*. 2000. 9–10 sz. 23. old. Фейто акцентировал внимание на том, что произведения не только французских писателей-коммунистов (как Луи Арагон), но и левонастроенных попутчиков и симпатизантов компартии вроде Веркора подчас публиковались в СССР тиражами до 500 000 экземпляров, и при отсутствии межгосударственного соглашения между Советским Союзом и Францией, которое предписывало бы порядок выплаты писателям авторских гонораров, можно представить себе, какой величины суммы подчас оседали в карманах.
- 14 Письмо Р. Барисс О. Граевской. Фаремутье (Faremoutiers), 8 января 1957 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2750. Л. 1–1 об.
- 15 Письменное отношение члена правления ВОКСа Л. Кисловой председателю «Совэкспортфильма» А.Н. Давыдову. Москва, 29 апреля 1957 г. РГАЛИ. Ф. 5283. Оп. 16. Д. 542. Л. 151.
- 16 Предложение А. Суркова и Б. Полевого в ЦК КПСС. Москва, 8 марта 1957. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 479. Л. 169.

- 17 «Ha tovább foglalkozunk a magyar írókkal, megbonthatjuk az összetartásukat». Jevgenyij Dolmatovszkij 1957-es magyarországi jelentései // *Babus A. Árral szemben. Tanulmányok, esszék, kritikák.* Miskolc, 2007. 49–77. old. (Vízjel sorozat. Esszék, tanulmányok). Публикация озаглавлена показательной цитатой из отчета Долматовского: «Если мы будем дальше заниматься венгерскими писателями, мы можем расколоть их единство».
- 18 *Judt T. Befejezetlen múlt. A francia értelmiség 1944–1956.* Budapest, 2008. 125–127. old.
- 19 *Vercors. Pour prendre congé, ou le concours de Blois. Essai.* Paris, 1957.

ДОКУМЕНТЫ

1.

Запись беседы В. А. Кареткина, первого секретаря Посольства СССР во Франции с французским писателем Веркором 12 января 1957 г.

Париж, 30 января 1957 г.

Из дневника В. А. Кареткина

Копия

Запись беседы с писателем Веркором 12 января 1957 г.

Секретно. Экз. № 1.
К № 128/с.
30/1–1957 г.

Вместе с представителем ВОКС тов. Тришиным А.Ф. беседовал сегодня в Посольстве с Веркором по вопросу организации в Москве выставки репродукций картин французских художников.

Веркор сказал, что эту выставку в Москву можно будет открыть в конце февраля, поскольку сбор и отправка в Москву около 200 репродукций потребует некоторого времени, так же как подготовка самой выставки. Он сам с женой выедет в Москву 8–9 февраля из Лондона, куда он выезжает 2 февраля.

В ходе беседы Веркор коснулся положения в Национальном комитете писателей. Говоря о Сартре, Веркор сказал, что он, конечно, поспешил со своим заявлением о событиях в Венгрии, которым воспользовалась реакция¹. Од-

¹ Писатель и философ-экзистенциалист Жан-Поль Сартр (1905–1980) довольно быстро отреагировал на советскую интервенцию в Венгрии. Он подписал среди других французских писателей опубликованное уже 8 ноября открытое письмо советским писателям, в котором выражалось осуждение военной акции, предпринятой 4 ноября: *Contre l' intervention soviétique // France Observateur*, 1956. 8 XI. P. 4. (Это письмо подписал 21 человек). Он также дал пространное интервью, опубликованное 9 ноября в приложении к еженедельнику «L'Express»: «Après Budapest, Sartre parle». *Interview // L'Express*. 1956. 9 XI. Supplément au numéro 281. Оно было переведено и на русский язык для внутреннего пользования сотрудниками аппарата ЦК КПСС. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 464. Л. 158–177. Сартр написал также предисловие к вышедшей во Франции по свежим следам венгерской

нако он, Веркор, убежден, что Сартр — человек честный и его ни в коем случае нельзя отталкивать. Пройдет еще несколько месяцев и он, по мнению Веркора, вновь вернется на те позиции, на которых он стоял до венгерских событий². О том, что он глубоко переживал тот шаг, который он сделал своим выступлением в журнале «Франс Обсерватор», говорит тот факт, что на второй день после этого выступления он посетил Арагона и имел с ним беседу по этому вопросу. Поведение Сартра Веркор объясняет тем, что Сартр, пришедший к коммунистам из враждебного лагеря с тяжелым грузом прошлого, не считал возможным критиковать те или иные действия компартии даже тогда, когда эти действия оставались для него непонятными или вызывающими сомнение, ибо опасался, что такая его критика будет расценена как недружественный шаг. Как человек новый и еще не зарекомендовавший себя достаточно в качестве друга, он считал долгом не хвалить. Когда же развернулись венгерские события, он не понял их смысла и счел, что его «обманули». В этом отношении он, Веркор, находился в лучшем положении, поскольку он никогда не скрывал своих сомнений, когда они у него были, не боялся выступить с критикой того, что, по его мнению, было неправильным. После венгерских событий он, Веркор, в своих заявлениях, в том числе в печати, старался подчеркнуть, что его сомнения ни в коем случае нельзя расценивать как разрыв с компартией или Советским Союзом, как осуждение их, а как желание уяснить себе подлинный смысл этих событий и той позиции, которую занял Советский Союз. Он поступал так еще и потому, что реакционная печать и пропаганда стремились выдать все колебания и выражения сомнений среди демократических писателей в качестве осуждения ими политики французской компартии, политики Советского Союза. Он, Веркор, намерен поговорить в Москве по всем этим вопросам со своими друзьями, советскими писателями.

На мой вопрос, в какой мере основательной является политика Иофье³ создать другой Союз писателей и расколоть Национальный комитет писателей, Веркор сказал, что эта попытка является бесплодной. Тот факт, что некоторые писатели ушли или, быть может, уйдут из комитета, говорит лишь о том, что такие люди ждали лишь предлога для такого шага.

Вообще Веркор выразился в том смысле, что в оценке характера венгерских событий со стороны ряда французских писателей действительно была проявлена определенная поспешность и что нынешнее развитие обстановки в Венгрии подтверждает правоту тех, кто оценивали венгерские события как попытку контрреволюции свергнуть народный режим, воспользовавшись законным недовольством масс теми недостатками, которые возникли в результате ошибок бывшего руководства Ракоши — Гере. Этот двоякий аспект венгерских событий находит все более правильное понимание среди тех честно заблуждавшихся людей, кто ранее усматривал в них «народную революцию».

революции и ее подавления книге Фейто: *Fejto F. La Tragedie Hongroise ou une revolution socialiste anti-sovietique*. Paris, 1956.

² См. документ 5.

³ Имеется в виду Луи Мартин-Шофье (1894–1980), французский писатель, журнальный редактор, в 1943 г. один из основателей Национального комитета французских писателей, в 1948–1953 гг. его председатель.

В ходе беседы чувствовалось, что Веркор воспринимает предстоящую поездку в Москву с большим удовлетворением, как возможность для него практически продемонстрировать свои дружественные чувства к Советскому Союзу, сохранить и укрепить свои связи с советскими писателями.

П/п Первый секретарь Посольства СССР во Франции *В. Кареткин*

Машинописная копия. РГАНИ, Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 185–186.

2.

Запись беседы А.Б. Чаковского, главного редактора журнала «Иностранная литература», с французским писателем Веркором 21 февраля 1957 г.
Москва, 23 февраля 1957 г.

Тов. Шепилову Д.Т. Тов. Поспелову П.Н. Прошу ознакомиться. Нужно посоветоваться. М. Суслов. 26/II⁴. Ясно указали т. Суркову точно [неразборчивые слова]. Д. Шепилов. 5/III⁵.

Тов. Суслову М. А.⁶ Секретно

Многоуважаемый Михаил Андреевич!

Вчера (21 февраля) у меня в гостях был французский писатель Веркор с женой.

Считаю важным сообщить Вам вкратце содержание имевшего место четырехчасового разговора.

В связи с упомянутой Веркором цюрихской встречей редакторов (сентябрь 1957 г.⁷) я высказал резкое мнение о Силоне⁸, заметив, что он как каждый ренегат хуже явного врага. С этого и начался разговор на политические темы.

⁴ Рукописное заключение М. А. Сулова на верхнем поле бумаги.

⁵ Рукописное заключение Д. Т. Шепилова на верхнем поле бумаги.

⁶ На верхнем поле бумаги находится регистрационный штамп ЦК КПСС: «ЦК КПСС. 04760. 25. фев. 57. г. Подлежит возврату Общему отделу».

⁷ Очевидная описка. Встреча редакторов ряда литературных изданий разных стран, первая в условиях некоторой разрядки международной напряженности, состоялась в Цюрихе 24–27 сентября 1956 г. Сторону Запада представляли на ней редакторы таких журналов как «Encounter», «Tempo Presente», «Critique», «Les Lettres Nouvelles». Во встрече участвовали также редакторы журналов из Польши, Югославии и Советского Союза (главный редактор журнала «Иностранная литература» А.Б. Чаковский, член редколлегии этого журнала директор ИМЛИ АН СССР И.И. Анисимов и главный редактор журнала «Знамя» В.М. Кожевников). См.: Чаковский А. Встреча в Цюрихе // Иностранная литература. 1957. № 2. С. 219–227.

⁸ Писатель Иньяцио Силоне (1900–1978) был членом итальянской компартии с первых недель ее основания, в годы фашизма эмигрировал из Италии в Швейцарию. В 1930-е годы порвал с коммунистическим движением, превратился в его острого критика. Осудил подавление венгерского восстания в статье «Урок Будапешта», опубликованной в декабре 1956 г. в журнале «Tempo Presente» (тут же было напечатано и на французском языке в журнале «L'Express»).

Веркор. Формально вы правы, Силоне состоял в компартии и вы имеете основания считать его ренегатом, лично я расхожусь с ним во мнениях, — он враг коммунизма и СССР, а я верю в коммунизм и в СССР. Если я не вступаю в компартию, то лишь потому, что знаю свой характер, строго реагирую на несправедливости и полагаю, что войдя в партию, а потом выйдя из нее по какому-либо поводу, я нанесу этим большой вред коммунизму. А я не хочу быть ренегатом. Между прочим и Силоне, к которому вы относитесь так отрицательно, а я считаю его субъективно честным человеком, в конце своей последней статьи в «Экспрессе» был вынужден признать, что будущее все же за коммунизмом⁹. Я — друг Советского Союза, но если хотите, чтобы я говорил откровенно, я не люблю французскую компартию и любые мои выступления, которые вы могли истолковать как недоброжелательные, имеют в своем контексте критику французских коммунистов, а не Советского Союза.

Я знал и знаю, что будущее за коммунизмом. Я верил и верю в СССР, но меня всегда потрясали несправедливости, которые я видел у вас и в международном коммунистическом движении (процесс Райка, например¹⁰). Честно говоря, я полагал, что пройдет много-много лет прежде чем вы решитесь устранить эти несправедливости и когда я увидел, что это свершилось несравненно быстрее (XX съезд КПСС), я был обрадован до глубины души. Вы стали после этого мне гораздо ближе. Но меня и моих единомышленников пугало то, что французские коммунисты не сделали выводов из XX съезда, не стали, подобно вам, на путь демократизации партии. Их поведение оттолкнуло от компартии Франции множество интеллигентов, да и в самой партии вызвало брожение и отлив членов. Французские социалисты, которых я считаю главным врагом и которых терпеть не могу, не преминули воспользоваться этим расколом, чтобы отвлечь внимание народа от Алжира¹¹. А тут еще произошли венгерские события. Поверьте, я прекрасно понимаю, что были неотвратимые военные, территориальные и иные причины, сделавшие неизбежным ввод ваших войск в Венгрию.

Чаковский. Скажу вам на правах друга, что я не обнаружил этого понимания в воззваниях, которые вы подписывали. Когда-то Уайльд¹² сказал, что вложил в свою жизнь весь свой гений, а в книги только талант.

Вы вкладываете в свои книги весь свой талант, а в воззвания, в лучшем случае, темперамент.

Веркор. Вы должны понять обстановку, в которой я живу... должны понять, что я имею своих читателей, людей, на которых я опираюсь. Поймите

⁹ См.: *Silone I. Invitation à un examen de conscience // L' Express, 1956. 7 XII. P.15–17, 23.*

¹⁰ Показательный судебный процесс, состоявшийся в Будапеште в сентябре 1949 г. Выступивший в качестве главного обвиняемого и приговоренный к смертной казни Ласло Райк был влиятельным деятелем венгерской компартии, конкурентом ее лидера М. Ракоши. Процесс по делу Райка стал важной составной частью антиюгославской кампании, инициированной Сталиным в 1948 г. (*Прим. отв. ред.*).

¹¹ К этому времени в Алжире (ключевой стране французской колониальной системы) активизируется национально-освободительное движение. (*Прим. отв. ред.*).

¹² Речь идет о крупном английском писателе, поэте, драматурге ирландского происхождения Оскаре Уайльде (1854–1900).

меня... Решив поехать в СССР, я рисковал потерей всего этого... Мои друзья говорили мне перед отъездом, что я еду на собственные похороны, французский посол в Москве¹³, с таким почетом принимавший меня в прошлые приезды, теперь отказался принять мою визитную карточку... Именно поэтому я перед отъездом опубликовал заявление, что еду в СССР для того, чтобы спорить. Для меня будет ужасно, если я вернусь из СССР ничего не привезя с собой...

Чаковский. Что именно вы имеете в виду?

Веркор. Главный вопрос — это вопрос о венгерских писателях. Этот вопрос сейчас в среде французской, и не только французской интеллигенции, стоит наиболее остро. Моя искренняя цель «примирить» венгерских писателей с вами, приблизить их тем самым к правительству Кадара. Я только что был в Лондоне и встретил там венгерского писателя Игнотуса¹⁴. У меня была с ним многозначительная беседа. Он сказал мне, что, во-первых, считает большинство венгерских эмигрантов швалью и подлецами, а не «борцами за свободу». Во-вторых, он полагает, что главным, отбрасывающим венгерских писателей от СССР и от Кадара является то, что вы считаете их фашистами. «Мы можем ошибаться» — воскликнул Игнотус, — «но мы не фашисты!»

Если бы вы, советские писатели, громко заявили, что вы критикуете венгерских писателей, полагаете, что они заблуждаются, но не считаете их фашистами, это коренным образом изменило бы положение.

Чаковский. Я не знаю Игнотуса, но он или ошибается, или сознательно вводит вас в заблуждение. Вы знаете, какую роль играли венгерские писатели в венгерском путче. Вы знаете, а если и не знаете, то, как политически мыслящий человек, не можете не сознавать, что в интересах [*подчеркнуто на пишущей машинке.* — А.Ш.] как правительства Кадара, так, конечно, и общего социалистического движения, было привлечь венгерских писателей к строительству социалистической Венгрии после подавления путча. Представлять дело так, что кто-то сознательно отвращал писателей от единства с правительством, называя их фашистами, и что это делали мы или Кадар, просто нелепо. К сожалению, эти писатели, сыграв контрреволюционную роль в восстании, продолжали ее играть, когда для Венгрии вопросы единства и стабилизации стали вопросом жизни и смерти. Правительство Кадара в течение недель и месяцев не трогало этих людей, давало им время одуматься.

Почему вы считаете, что мы, советские писатели, должны, вопреки всему этому, заявить венгерским писателям, что считаем их заблуждающимися, а не фашистами? Не было бы логичнее, чтобы они, венгерские писатели, сами заявили, что они осуждают имевший место фашистский заговор, попытались

¹³ Речь идет о Морисе Дежане.

¹⁴ Писатель, публицист, литературный редактор Пал Игнотуш (1901–1978) был арестован на основании вымышленных обвинений в 1949 г. и до конца марта 1956 г. находился в заключении. 16 сентября 1956 г. на общем собрании Союза венгерских писателей избран в президиум этого творческого союза. 1 ноября подписал заявление с призывом о сохранении моральной чистоты венгерской революции. После поражения революции эмигрировал в Лондон.

бы объяснить свое поведение хотя бы заблуждением и объявили бы о поддержке Кадара?

Веркор. Видите ли, надо все-таки учитывать то обстоятельство, что ваши войска вошли на территорию Венгрии, а не наоборот... Вы должны понять состояние умов. В истории минувшей войны с немцами был эпизод, когда англичанам, союзникам Франции, пришлось в интересах дела обстрелять французский флот. Погибли и французы. И тогда возникла большая неприязнь части французов к англичанам.

Поэтому мне и кажется, что инициатива умиротворения должна исходить от вас. В этой связи я и хочу высказать ту сокровенную мысль, с которой приехал сюда. Речь идет о совершенно закрытой, негласной встрече советских, французских и венгерских писателей [подчеркнуто от руки. — А.Ш.]. С французской стороны в ней могли бы принять участие Сартр, Руа¹⁵ Морган¹⁶ и я. С венгерской — П. Вереш и Д. Ийеш¹⁷. Мы могли бы договориться, что обнарудим только полностью согласованные решения.

Чаковский. У меня есть несколько вопросов.

1. В чем цель и смысл этой конференции? Не кажется ли вам, что сейчас, когда для Венгрии самое главное — достичь полного спокойствия, сосредоточить все внимание на созидательном труде, подобная конференция объективно станет поводом для «растравления ран», для новых речей, обращений и т. п. Ведь вы знаете, что после подавления контрреволюции в Венгрии наши общие враги делали все возможное, чтобы не дать «затихнуть» венгерскому вопросу, чтобы говорить, говорить о нем без конца. Это было со стороны врагов, так сказать, продолжением войны иными средствами. Не окажем ли мы им услугу такой конференцией?

¹⁵ Поэт, эссеист, переводчик Клод Руа (1915–1997) был среди 21 французского писателя, подписавшего заявление с осуждением советского военного вмешательства в Венгрии, опубликованное в еженедельнике «*France Observateur*» 8 ноября. После его участия в 1957 г. в сборнике стихов, в котором было выражено уважение восставшим венграм («*Hommage de poètes français aux poètes hongrois*») его членство во французской компартии было на год приостановлено. После казни в 1958 г. в Венгрии бывшего премьер-министра Имре Надя окончательно порвал с компартией.

¹⁶ Писатель и журналист Клод Морган (1898–1980), сотрудник левого литературного еженедельника «*Les Lettres françaises*», в 1950–1956 гг. возглавлявший французско-венгерское общество дружбы, также относился к числу литераторов, подписавших опубликованное 8 ноября в еженедельнике «*France Observateur*» письмо советским писателям с протестом против подавления венгерской революции. После 1956 г. отделился от компартии, в 1958 г. не возобновил в ней членство.

¹⁷ Вереш Петер (1897–1970) — венгерский писатель, крестьянский политик. Один из основоположников и видный представитель influentialного в Венгрии 1930–1940-х годов движения «народных писателей». В 1945–1949 гг. председатель национальной крестьянской партии (партнера коммунистов по коалиции), в 1947–1948 гг. министр обороны. В 1950-е годы председатель Союза венгерских писателей. Дюла Ийеш (1902–1983) — венгерский писатель, поэт, классик национальной литературы XX в. В 1930-е — 1940-е годы был близок к идейно-эстетическому движению «народных писателей». (Прим. отв. ред.).

2. Почему встреча должна быть именно в таком составе? Почему не другие страны? Следует ли это понимать как посредничество французских писателей в «примирении» советских и венгерских писателей? Закономерно ли все это?

3. Рассчитываете ли вы, что в результате подобной встречи могло бы быть принято решение, констатирующее по крайней мере три пункта:

а) что в Венгрии имел место подготовленный фашистский заговор, которому удалось распространиться и благодаря предшествующим ошибкам Ракоши — Гере?

б) что венгерские писатели осуждают свое поведение, хотя и пытаются его объяснить?

в) что эти писатели заявляют о своей поддержке строительства социализма в Венгрии и правительства Кадара, хотя бы и с упоминанием о своей вере в то, что это правительство будет решительно исправлять недостатки прошлого?

Веркор — отвечает:

1. Единственный смысл этой конференции для меня в «умиротворении» венгерского вопроса, в привлечении симпатий тех прогрессивных интеллигентов, которые отошли от вас в результате венгерских событий — снова к вам, и, наконец, — я в этом уверен, — в приближении венгерских писателей к правительству Кадара.

Ваше опасение об использовании встречи врагами неосновательно, поскольку у нас есть опыт проведения встреч без всякой огласки и поскольку ее участники будут сознательно стремиться к достижению вышеупомянутых целей.

2. Я назвал Францию, потому что дело сложилось так, что венгерские писатели нам верят и наше участие пойдет на пользу. Однако я не возражаю, чтобы была привлечена Италия в лице К. Леви¹⁸.

3. Мне трудно ответить на этот вопрос категорически. В одном уверен: эта встреча сблизит венгерских писателей и правительство. Один факт того, что эта встреча состоится и одно только сообщение, допустим, что в результате встречи участники решили в будущем собраться еще раз, даст большой эффект.

* * *

В конце разговора Веркор настойчиво просил, чтобы ему, во время пребывания в СССР, были даны ответы на его предложения.

У меня лично создалось впечатление, что Веркор всячески и настойчиво хочет внушить нам в «подтексте» следующие мысли:

1) Что он был вынужден вести себя во Франции так, а не иначе, в силу сложившейся обстановки.

2) Что ему очень хочется найти выход из создавшейся ситуации.

3) Что этот выход немислим для него как простой «поворот» от своих прежних заявлений к противоположным.

4) Что он может сделать этот поворот лишь на базе новых событий, одним из которых явится задуманная им встреча.

¹⁸ Леви Карло (1902–1975) — левый по своим убеждениям итальянский писатель и художник.

5) Что, имея в виду себя, он говорит и от имени таких людей как Сартр, Руа, Морган.

Я сказал Веркору, что расскажу о его предложениях руководителям Союза писателей.

23 февраля 1957 г.

А. Чаковский [автограф А.Б. Чаковского]

Машинописный оригинал. РГАНИ, Ф. 5. Оп. 30. Д. 236. Л. 14–20.

3.

Запись беседы Б. Н. Полевого, секретаря Союза писателей СССР, с французским писателем Веркорм

Москва, без даты. [26 февраля 1957 г.¹⁹]

Из беседы французского писателя Веркора (Жана Брюле) с Б.Н. Полевым

Положение французских писателей-прогрессистов очень тяжелое. Мы, такие люди, как Сартр, я и другие, — единственная группа не-коммунистической общественности, которая ведет упорную борьбу за прекращение войны в Алжире. Но венгерские события связали нам руки, особенно в связи с тем, что французские коммунисты, поддерживающие правительство Ги Молле²⁰ с января 1956 г., в свое время проголосовали за предоставление полномочий правительству в алжирском вопросе. Мы понимаем, что они это сделали в надежде на создание Народного фронта, но это была тщетная надежда, что и подтвердилось дальнейшими событиями.

У нас возникла мысль, что надо организовать разговор между писателями — главным образом СССР, Венгрии и Франции (именно Франции, потому что французские прогрессисты уже начали публичный диалог с советскими писателями), и, возможно, некоторыми представителями других стран, чтобы прийти к какому-то единодушному решению по наиболее острым вопросам.

Должен сказать, что, проявляя здесь инициативу, я взял на себя большой риск. Поездка в СССР сейчас, разговор с советскими писателями в создавшихся условиях и возвращение во Францию с пустыми руками дискредитировали бы меня в глазах той аудитории, которая ко мне и к нам, прогрессистам, прислушивается. Один из моих друзей-писателей даже сказал мне: «Ваша поездка в Советский Союз — это поездка на собственные похороны».

Но я, и со мной и другие писатели-прогрессисты — друзья Советского Союза, — пошел на этот риск.

Мы выдвигаем предложение:

¹⁹ Датировано по дневнику пребывания Веркора в СССР: ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 8. Д. 351. Л. 29–32.

²⁰ Социалист Ги Молле (1905–1975) был премьер-министром Франции с 1 февраля 1956 по 13 июня 1957 г.

«Созвать конференцию писателей в примерном составе: Сартр, Веркор, Клод Руа, Клод Морган; от Венгрии — Петер Вереш, Дьюла Ийеш, Сабо²¹, Бела Иллеш²² и Мадарас²³; от СССР. Если приглашать представителей других стран, то от Италии можно пригласить Карло Леви, от Англии — Джек Линдсей²⁴, Дорис Лессинг²⁵».

Надо заранее договориться, что конференция не будет предана гласности, что коммюнике о ней может появиться в печати только после единодушного решения ее участников, ибо, возможно, что конференция и не достигнет цели (хотя это маловероятно). Мы уверены, что если дать людям выговориться и высказать все взаимные обиды, то можно будет прийти к соглашению.

По дороге в СССР я провел 8 дней в Лондоне и много беседовал с венгерским писателем Игнотусом. Игнотус — один из активных участников кружка Петёфи²⁶, участник октябрьско-ноябрьских событий; он оставался в Венгрии до момента высылки группы Надья — Лукача²⁷, а затем, опасаясь репрессий, переехал в Лондон. Из разговоров с Игнотусом для меня ясно, что венгерским писателям особенно невыносима мысль о том, что их трактуют как фашистов. Судя по всему, если бы советские писатели открыто признали на такой конференции, что не считают венгерских коллег фашистами, а просто впадшими в ошибку

²¹ По всей вероятности, речь идет о писателе Пале Сабо (1893–1971).

²² Бела Иллеш (1895–1974) — венгерский писатель-коммунист. С 1923 г. до окончания Второй мировой войны жил в эмиграции в СССР, в конце 1920-х — начале 1930-х годов возглавлял Международную организацию революционных писателей.

²³ Речь идет о поэте, журналисте, переводчике советской литературы Эмиле Мадарасе (1884–1962), жившем в 1923–1946 гг. в эмиграции в СССР и работавшем в коминтерновских изданиях, выходивших на венгерском языке.

²⁴ Линдсей Джек (1900–1990) — живший с 1926 г. в Англии писатель австралийского происхождения. Придерживался левых убеждений, с 1936 г. состоял в компартии Великобритании.

²⁵ Лессинг Дорис (1919–2013) — английская писательница, мастер фантастической и сатирической прозы. Лауреат Нобелевской премии 2007 г. В 1950-е годы была близка компартии, отдалась от нее после подавления венгерской революции, но продолжала придерживаться левых убеждений, участвовала в антивоенных и феминистских движениях. События, связанные с Венгрией 1956 г., и впечатления от подавления венгерского восстания нашли отражение в полуавтобиографическом романе Лессинг «Золотая тетрадь» (1962), считающемся классикой феминистской литературы. Свое отношение к подавлению венгерского восстания Лессинг выразила в письме председателю Иностранной комиссии Союза писателей СССР Б.Н. Полевому от 22 января 1957 г. «Цена, которую вы заплатили за вашу политику в Венгрии, — писала она, — это полное крушение чувства доброй воли к вашей стране, которое выражалось в таких муках. <...> Венгерские события явились большим водоразделом в социалистическом движении на Западе, и вам потребуется очень много времени, чтобы устранить тот вред, который вы причинили не только себе, но и нам». См.: Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. Документы из фондов ЦХСД / Публикацию подготовили Е.Д. Орехова и В.Т. Середя // Исторический архив. 1995. № 1. С. 44, 45. (Прим. отв. ред.).

²⁶ Неточная информация. П. Игнотус не принимал активного участия в деятельности молодежного Кружка Петёфи, дискуссии которого вызывали в мае — июне 1956 г. большой общественный резонанс.

²⁷ Речь идет о депортации в конце ноября 1956 г. новыми венгерскими властями при помощи советских спецслужб из Венгрии в Румынию бывшего премьер-министра Имре Надя и группы его сторонников.

людьми, то последние примирились бы со всем остальным и согласны были бы поддерживать теперешнее венгерское правительство.

Ошибочно думать, что полное замалчивание венгерского вопроса, отсутствие дискуссий по этому вопросу приведет к тому, что «призрак Венгрии» исчезнет сам собой. Такую мысль, в частности, я уловил в беседе с Эренбургом²⁸. Но на самом деле происходит обратное: «призрак» перерастает в нечто большее.

Время, место и состав конференции можно обсудить. Я в свое время в письме к советским писателям предлагал собраться в Будапеште, но не настаиваю на этом.

Я хотел бы еще получить информацию о судьбе Лукача. Французская прогрессивная общественность озабочена его судьбой, и если бы я мог приехать домой и с полным основанием сказать, что Лукач находится в хороших условиях, имеет возможность писать и продолжает заниматься своим делом, то это произвело бы прекрасное впечатление во Франции и успокоило бы и примирило многих людей, в частности — Сартра²⁹.

Для характеристики создавшихся у французских деятелей культуры настроений могу привести еще такой факт. Накануне моего отъезда из Франции Эммануэль д'Астье³⁰ сказал мне, что не уверен в том, что я найду его на посту редактора газеты «Либерасьон» по возвращении, ибо «работать с коммунистами все труднее». Правда, произошедшая на днях реабилитация Шарля Тийона³¹ начинает вселять надежду

[документ без подписи. — А.Ш.].

Машинописная копия. РГАЛИ, Ф. 631. Оп. 26. Д. 2736. Л. 1–3.

²⁸ Насколько можно судить по дневнику пребывания Веркора в СССР, он дважды покидал Москву — 20 и 25 февраля, отправляясь на встречу с Эренбургом, очевидно, на его даче в Новом Иерусалиме. См.: ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 8. Д. 351. Л. 29–32. В интервью 1980 г. французскому биографу Эренбурга Еве Берар Веркор говорил, что в ходе его встреч с Эренбургом в СССР 1957 г. собеседники старались избегать острых тем и в том числе конфликта между советскими и французскими писателями в связи с различиями в отношении к действиям СССР в Венгрии. См.: *Берар Е.* Бурная жизнь Ильи Эренбурга. М., 2009. С. 216.

²⁹ Как известно, философ Дьёрдь Лукач (1885–1971) вместе с группой соратников Имре Надя и членов их семей укрылся в югославском посольстве в Будапеште рано утром 4 ноября, а затем, после выхода из посольства, 18 ноября был задержан и через некоторое время депортирован в Румынию, в г. Снагов близ Бухареста. Интересно, что именно в тот день, когда Веркор беседовал с Б. Полевым о Лукаче, временный ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) принял решение о том, что Лукач может вернуться домой из румынской ссылки. См.: *A snagovi foglyok. Nagy Imre és társai Romániában. Iratok / Szerk. M. Varáth, L. Sipos.* Budapest, 2006. 420–421. old. Хотя исполнение этого решения оттягивалось, все-таки под давлением международного общественного мнения Лукач первым из членов «группы Имре Надя» сумел возвратиться на родину 10 апреля (*Ibid.* 447. old.).

³⁰ д'Астье де ла Вижери Эммануэль (1900–1969) — французский журналист, редактор, деятель антинацистского Сопротивления. Редактируемая им газета «*Libération*» во время Второй мировой войны с 1941 г. выходила в оккупированной Франции в подполье.

³¹ Тийон Шарль (1897–1993) — деятель французской компартии, активный участник движения Сопротивления, в 1944–1947 гг. занимал министерские посты в коалиционных правительствах с участием коммунистов. В 1952 г. вместе с А. Марти был исключен из ФКП по обвинению в сотрудничестве с полицией. В 1957 г. восстановлен, покинул компартию после вторжения СССР и его союзников в Чехословакию в 1968 г.

4.

**Отчёт В. Свистунова, заведующего Отделом Западной Европы ВОКС
о пребывании французского писателя Веркора в СССР с 15 февраля по 8 марта 1957 г.**

Москва, 27 марта 1957 г.

Секретно. Экз. № 1.

27 марта 1957 г.

№ 364/с.

Информацияо пребывании в СССР французского писателя Веркора
(15 февраля — 8 марта 1957 г.)

Французский писатель Веркор (Жан Брюллер) был приглашен в СССР от имени Секции друзей науки и культуры Франции ВОКС в связи с показом в Москве подготовленной им выставки французской художественной репродукции. Одновременно Веркор намеревался встретиться с советскими писателями и обсудить с ними вопросы, связанные с событиями в Венгрии. Таким образом пребывание Веркора в СССР было посвящено осуществлению двух задач: организации выставки и контактам с советскими писателями.

Выставка французской художественной репродукции была открыта 25 февраля в выставочных залах московского Дома кино. На открытии выставки присутствовали многочисленные представители общественности столицы. Обращаясь к ним, Веркор, в частности, сказал: «Недавние события потрясли сознание многих французов, в том числе и мое. Однако я никогда не переставал думать, что какими [бы] ни были различными мнения, каким бы критическим ни было переживаемое время, подобно сегодняшнему, надо делать все возможное, чтобы культура и взаимное понимание не стали первой жертвой этих обстоятельств».

Выставка продемонстрировала высокое качество художественной и массовой репродукции во Франции. Она пользовалась большим успехом у специалистов и у широкой публики. Всего выставку посетило с 25 февраля по 17 марта около 40.000 человек. Для использования советскими полиграфистами опыта репродуцирования произведений живописи и графики французских специалистов, в том числе изобретенного Веркором способа репродуцирования, были организованы беседы Веркора на выставке со специалистами издательства «Искусство», экскурсии на выставку членов научного полиграфического общества, доклад Веркора об искусстве репродукции в ВОКСе (присутствовало около 600 человек).

Веркор со своей стороны проявил значительный интерес к советскому изобразительному искусству, главным образом к дискуссиям в этой области. Веркор присутствовал на открытии Всесоюзного съезда художников, посетил мастерские художников Кукрыниксов, Корина, Тышлера, Фонвизина. Была организована встреча со студентами Института имени Сурикова (в ВОКСе и в Институте). На Веркора произвели большое впечатление любовь молодежи к искусству, ее принципиальность в вопросах искусства, живой интерес к зарубежной культуре. Организация такой встречи была тем более необходимой, что на основании высказываний некоторых посетителей выставки, а также отдельных бесед,

у Веркора могло сложиться неверное представление о тех главных требованиях, которые советский народ предъявляет к искусству. Так, Веркор неправильно интерпретировал интерес советской общественности к зарубежному искусству, о чем свидетельствует его следующее высказывание:

«Мне кажется, что после того, как в СССР была организована выставка импрессионистов и Пикассо³², не существует ничего в живописи новейшей художественной школы Парижа, что не было бы понятно и воспринято здешней публикой».

В связи с пожеланием Веркора установить контакты с советскими писателями были организованы встречи Веркора с писателями: А.А. Сурковым, К.М. Симоновым, Б.Н. Полевым, К.А. Фединым, А.Б. Чаковским. Неоднократно беседовал Веркор с И.Г. Эренбургом.

Существование высказываний Веркора на беседах с писателями заключалось в предложениях о возобновлении контакта с советскими писателями по вопросу о положении венгерской интеллигенции, о возможности организации в связи с этим встречи в Будапеште представителей советских, венгерских и французских писателей для обмена мнениями без обязательной информации об этой встрече в печати.

В беседах с советскими писателями Веркор приводил следующие аргументы. Веркор считает неправильным, что советские писатели прервали обсуждение венгерского вопроса и не ответили на обращение французских писателей³³ (появилось после опубликования в «Литературной газете» открытого письма советских писателей «Видеть всю правду!»)³⁴. Тем самым, как сказал Веркор в беседе с К.М. Симоновым, некоторые французские писатели «оказались вынуждены» солидаризироваться в этом вопросе с известной частью венгерской интеллигенции, и это, по его замечанию, нанесло ущерб контактам писателей СССР и Франции. Встреча советских, венгерских и французских писателей при возможности участия двух-трех писателей других стран (предположительно, Англии и Италии) могла бы быть полезной во многих отношениях. Веркор считает,

³² Московская выставка Пикассо в музее изобразительных искусств в октябре-ноябре 1956 г. как раз совпала с венгерской революцией.

³³ После выступления Сартра 9 ноября (см. выше) на страницах «*France Observateur*» появилась статья Веркора с призывом к сохранению связей с советскими писателями, советским народом, как и с французскими коммунистами. Веркор не прав здесь, говоря о том, что советские писатели прервали обсуждение венгерского вопроса и не ответили на обращение французских писателей, ведь Эренбург на страницах «Литературной газеты» 1 декабря, как отмечалось выше, высказался за продолжение диалога и призвал к более дифференцированному подходу, позволяющему проводить различия между противниками какого-либо сотрудничества с СССР и теми французскими литераторами, которые, хотя и занимают иную, чем советские писатели, позицию по некоторым вопросам, но все-таки готовы к диалогу. См.: *Эренбург И.* Письмо в редакцию // Литературная газета. 1956. 1 XII. С. 4.

³⁴ См.: Видеть всю правду! Открытое письмо французским писателям, опубликовавшим в «Франс обсерватор» заявление против «советского вмешательства» // Литературная газета. 1956. 22 XI. С. 1. Это заявление подписали 35 писателей. 24 ноября на страницах той же газеты к нему присоединились еще 30 писателей, в том числе И. Эренбург. См.: В редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. 1956. 24 XI. С. 1.

например, и говорил об этом неоднократно, что «если бы советские писатели открыто признали на такой конференции, что не считают венгерских писателей, участвовавших в событиях, фашистами, а просто людьми, впавшими в ошибку, то последние примирились бы со всем остальным и согласны были бы поддержать теперешнее венгерское правительство». «Ошибочно думать», — сказал Веркор в беседе с Б.Н. Полевым, — «что “призрак Венгрии” исчезнет сам собой. Таковую мысль, в частности, я уловил в беседе с Эренбургом. Но на самом деле происходит обратное: призрак перестает в нечто большее».

Веркор сообщил, что многие французские писатели ждут установления контакта с советскими писателями в форме названной встречи, чтобы в ходе дискуссии прийти с ними к соглашению, что иначе у них нет возможности отойти от той резкой позиции, которую они заняли в первое время после венгерских событий, и о которой некоторые из них уже сожалеют (в частности, он упомянул о Сартре).

В конце пребывания в СССР состоялась его встреча с большой группой советских писателей в Секретариате ССП.

На этой встрече писатели договорились с Веркором о возобновлении контактов с французскими писателями, причем, в случае необходимости и по венгерскому вопросу. Веркор остался удовлетворен сообщением о том, что в ближайшее время А.Б. Чаковский поедет в Венгрию для установления связи с венгерскими писателями³⁵. Веркору было дано понять, что в зависимости от результатов поездки А.Б. Чаковского, о которых он будет информирован, предполагается обсудить вопрос о дальнейших контактах с писателями Венгрии. Веркор продолжает, судя по некоторым его высказываниям, надеяться на то, что эта встреча состоится в Будапеште.

В выступлении по радио для французских слушателей Веркор выразил большое удовлетворение поездкой в Советский Союз, отметив, в частности, следующее о беседах с писателями: «Сейчас еще рано, пожалуй, подводить итог этим переговорам. Достаточно сказать, что во всех случаях они носили не только дружеский характер, но они все без исключения были с обеих сторон откровенными. И я считаю, что уже одно это гарантирует нам прочность отношений в интеллектуальной области между нашими странами в будущем. Здесь, в Москве, я ни разу не услышал высказываний догматического характера или отказа от обсуждения вопроса, что мне предсказывали некоторые люди во Франции перед моим отъездом. Наоборот, я понял, что и здесь этими событиями были взволнованы, что появилась необходимость в ответе на некоторые вопросы. Мои собеседники отвечали на эти вопросы иначе, чем французские писатели, но они не только слушали меня с искренним вниманием, но своими вопросами побуждали меня отвечать им искренне».

Судя по неоднократным официальным заявлениям Веркора и его высказываниям в беседе с сотрудниками ВОКС, Веркор остался удовлетворен результатами своей поездки. Он уехал из СССР убежденным в необходимости, а также в больших реальных возможностях всесторонних культурных связей с Совет-

³⁵ В конце концов в Будапешт поехал не А.Б. Чаковский, а поэт Е.А. Долматовский в качестве корреспондента «Литературной газеты» (см. выше). Он убеждал своих венгерских коллег, демонстративно удалившихся из общественной жизни, вернуться к активной творческой деятельности, что способствовало бы и политической консолидации. См.: *Babus A. Árral szemben.* 49–77. old.

ским Союзом. Веркор заявил перед отъездом несколько раз, в том числе во время посещения Института им. Сурикова, что приложит все усилия для расширения культурных связей между СССР и Францией и будет оказывать всемерное возможное содействие ознакомлению французской общественности с русской классической и советской культурой и, в частности, показу во Франции выставки русского классического и советского изобразительного искусства, которую он считает полезным организовать.

Следует отметить, что Веркор неоднократно очень резко высказывался по адресу официальных кругов Франции, занимающих враждебную позицию к развитию связей с Советским Союзом, что получило выражение в игнорировании приезда Веркора французским посольством в Москве: Веркор ни разу не был приглашен в посольство, хотя он оставил там свою визитную карточку, на открытии выставки от посольства присутствовал только секретарь посольства.

Заведующий Отделом Западной Европы ВОКС

В. Свистунов

1 — ЦК КПСС

1 — МИД СССР — т. Зорину В.А.

1 — Послу СССР во Франции — т. Виноградову С.А.

2 — в дело

Машинописный оригинал. РГАНИ, Ф. 5. Оп. 28. Д. 506. Л. 136–138.

5.

Отчет поэта К.М. Симонова о творческой командировке во Франции с 29 декабря 1957 г. по 26 января 1958 г.

Москва, 5 февраля 1958 г.

ЦК КПСС

С 29 декабря по 26 января я был в командировке во Франции, работая там над сценарием намеченного к совместной постановке франко-советского фильма «Нормандия — Неман»³⁶.

Наше посольство (т. Виноградов³⁷) порекомендовало использовать мое пребывание во Франции для нескольких встреч с французскими писателями. Эти встречи состоялись с Веркором и Сартром. Я имел ряд продолжительных бесед с Арагоном, был у Андре Стиля в «Юманите»³⁸, а в Ассоциации французских

³⁶ Советско-французский художественный фильм «Нормандия — Неман» вышел на экраны в 1960 г. Режиссер Жан Древилль. Соавторами Симонова по написанию сценария были Эльза Триоле (1896–1970), эмигрантка из России, жена крупного французского писателя-коммуниста Луи Арагона (1897–1982), и Шарль Спаак (1903–1975).

³⁷ Виноградов Сергей Александрович (1907–1970) — посол СССР во Франции в 1953–1965 гг.

³⁸ Центральный печатный орган французской компартии в 1920–1994 гг. («L'Humanité»), редактируемый в то время писателем А. Стилем.

писателей, на приеме, устроенном в связи с моим приездом, встретился с довольно широким кругом французских литераторов разных направлений — от Дрюона и Гови до Садуля и Познера³⁹. Кроме того я повседневно встречался со своими соавторами по сценарию — Эльзой Триоле и одним из видных французских буржуазных киносценаристов Шарлем Спааком.

Хочу изложить ряд фактов и наблюдений, связанных с некоторыми из этих встреч.

Встреча с Веркором⁴⁰ произошла по его инициативе, после его письма с приглашением, направленным через посольство. Идя на эту встречу, я был информирован о последней книге Веркора, являющейся литературной декларацией об отходе от сотрудничества с коммунистами, и вообще об уходе Веркора от активной деятельности в прогрессивном движении⁴¹. В то же время я был информирован Арагоном о том, что Веркор, уже после опубликования своей книги, передал в «Леттр Франсез» цикл своих новых рассказов — факт, свидетельствующий о нежелании Веркора идти на окончательный разрыв.

Встреча с Веркором подтверждает это впечатление. Сознательно не желая показывать особого интереса к его последней книге, я предпочел, чтобы он, если он решится на это, сам первым бы заговорил о ней. Но он, я бы сказал, стыдливо уклонился от разговора о своей книге и использовал встречу главным образом для того, чтобы по разным поводам подчеркнуть свое дружелюбное отношение к Советскому Союзу, неоднократно вспоминал о своих поездках и встречах с советскими людьми, подчеркивал, что его жена серьезно изучает русский язык, показывал свою прежнюю вышедшую в Москве книгу и т. д. Характерно, что на встречу со мной Веркор пригласил вдову Ива Фаржа⁴² — в прошлом году давшую в печати резкую отповедь антисоветскому выступлению ренегата Эрве⁴³, клеветавшего, что катастрофа, при которой Ив Фарж погиб у нас в Грузии, была якобы специально организована. Кроме вдовы Фаржа Веркор пригласил к себе также писателя-коммуниста Шаброля⁴⁴. Мне кажется, оба эти приглашения были свя-

³⁹ Дрюон Морис (1923–2009) — французский писатель, в 1970-е годы при президенте Ж. Помпиду министр культуры Франции. Гови Жорж (1913–1975) — французский писатель, выходец из России. Садуль Жорж (1904–1967) — французский киновед и кино-критик, член компартии. Познер Владимир Соломонович (1905–1992) — французский литератор, из российских евреев.

⁴⁰ Подчеркивания, выполненные в тексте данного документа, сделаны либо автором на печатной машинке, либо в ряде случаев от руки, очевидно, лицами, читавшими текст, что специально не оговаривается в комментариях.

⁴¹ Речь идет о вышеупомянутом сборнике эссе «Pour prendre congé» (на русский язык обычно переводится «Почему я ухожу» или «Заявление об уходе»).

⁴² Фарж Ив (1899–1953) — французский журналист и левый политик, с 1947 г. до конца жизни возглавлял французское движение сторонников мира, был председателем Французского национального совета мира. 31 марта 1953 г. погиб в автокатастрофе в СССР (близ Тбилиси) при странных обстоятельствах.

⁴³ Эрве Люсьен (Элкан Ласло) (1910–2007) — французский фотограф венгерского происхождения. Активный участник движения Сопротивления. В 1947 г. исключен из компартии.

⁴⁴ Шаброль Жан-Пьер (1925–2001) — французский писатель, драматург, киносценарист.

заны с желанием Веркора показать, что несмотря на свою книгу, он не хочет оказаться в состоянии полного разрыва с коммунистическими и прогрессивными кругами Франции. На обратном пути от Веркора, вдова Ива Фаржа, являющаяся сейчас одним из руководителей Французского комитета сторонников мира, высказала свое мнение о книге Веркора: Веркор неправильно поступил, напечатать свою книгу, ибо ряд мест ее уже активно использован реакционной печатью в борьбе с коммунистами и прогрессистами. Она (Фарж) не коммунистка, у нее бывают несогласия с коммунистами, и она считает своим долгом говорить об этих несогласиях своим друзьям-коммунистам, но говорить об этом именно и только им. Веркор поступил по-другому, и на ее взгляд — поступил неверно. Кроме того, книга Веркора и вообще, сама по себе, не нравится ей.

Привожу это мнение как, очевидно, довольно характерное для прогрессивных кругов, к которым принадлежит вдова Фаржа.

Общее впечатление от встречи: думаю, что Веркор собирался говорить о своей книге, но когда дошло до дела — не решился. После того, как он съездил в Советский Союз и получил там спокойный, но решительный отпор своим взглядам на венгерские события, он в приливе самолюбивого раздражения поспешил написать книгу о своем уходе от сотрудничества с французскими коммунистами. Но как бы он, сам перед собой, не оправдывал мотивы выхода книги, как мне показалось, глубокого чувства своей правоты у него сейчас нет. Напротив, после выхода книги он одинок и растерян — правые круги с подчеркнутым цинизмом раскрыли ему свои объятия, но идти навстречу им вправо до конца — этого он (во всяком случае, сейчас) не желает. Коммунисты, давая отповедь его книге, в то же время не захлопнули перед ним дверь для возвращения на позиции, которые он занимал прежде. Промежуточной общественной базы, на которую он мог бы всерьез опереться, у него, как и у других интеллигентов этого круга и типа, нет; и нынешнее положение между двумя стульями им самим поневоле ощущается как временное, непрочное. Отсюда растерянность, неуверенность, стремление, после всего им самим же сделанного, избежать окончательного разрыва. Это он и продемонстрировал при встрече со мной. Учитывая прошлое Веркора, лучшие страницы которого связаны с сопротивлением фашизму, Арагон, с которым я дважды говорил на эту тему, считает, что, несмотря на свою книгу, Веркор не потерян, и при соответствующем влиянии на него сможет снова пойти влево. Мне, на основании моих личных впечатлений, это мнение кажется заслуживающим внимания. Мне кажется, что новые шатания Веркора, писателя буржуазного, которым он всегда был и остается, не должны привлекать особого внимания нашей печати; оно только раздуло бы сейчас значение Веркора и его книги. В наших литературных кругах одно время чрезмерно носились с ним, преувеличивая и левизну его взглядов, и его место во французской литературе. Чем меньше мы сейчас придадим значения его книге и привлечем внимания к его фигуре, не порывая с ним, но и не проявляя к нему особого интереса, тем больше будет шансов помочь нашим французским друзьям вернуть Веркора на прежние позиции того ограниченного, но по временам полезного сотрудничества, на которое способен этот левый буржуазный интеллигент.

Встреч с Сартром было две. Я, по согласованию с послом, отправил Сартру записку — что после тех встреч, которые были у нас во время его приезда

в Москву⁴⁵, я хотел бы, находясь в Париже, снова повидать его. Он позвонил на следующий день и предложил встретиться. Встреча подтвердила правильность предварительных соображений т. Виноградова о том, что Сартр в последнее время ищет повода для контакта с нами.

Беседа Сартра неожиданно для меня началась с того, что он стал подробно и жестоко критиковать роман Дудинцева «Не хлебом единым»⁴⁶. Даже если допустить при этом, что Сартр специально подчеркнул свое неприятие романа Дудинцева, считая это выгодным для себя началом разговора, однако в общем, его отрицательное мнение о книге показалось мне искренним по существу и знаменательным по своим мотивам.

Сартр заявил, что роман, по его мнению, неумело и неровно написан, — но не это главное. Патетическое изображение борьбы одиночки за свое изобретение кажется ему в условиях современного уровня техники вообще, а тем более в обстановке социалистического строя — нелепостью. Социалистические идеи подменяются в романе наивно-христианскими, а сами фигуры изобретателей отдают анахронизмом. Но и это тоже, по его мнению, не самое главное. Главный порок романа, по его мнению, как человека являющегося другом Советского Союза (Сартр подчеркнул, дважды, повторил эту фразу в беседе) состоит в том, что если поверить роману, в его изображение людей руководящих советским обществом на тех или иных его ступенях, то останется только прийти в полное уныние и перестать верить в возможность движения и развития этого общества. Поверить, что эти люди таковы, какими они выведены в романе, значит потерять веру в будущее, потому что такие люди не могут руководить постройкой социализма, а иных, чем они, руководителей в романе нет. По его (Сартра) мнению, это противоречит многим известным ему фактам, и он предпочитает продолжать верить сложившемуся у него собственному представлению о силе и о возможностях советского общества и не верить тому представлению, которое рождается после чтения романа.

Не скрою, что мне, как редактору «Нового мира»⁴⁷, было не очень-то сладко сначала выслушать все это из уст Сартра, а потом отвечать ему, что в данном случае он, в общем, прав.

Конечно, Сартр, как это показали венгерские события, мягко говоря, далеко не всегда вел себя как друг Советского Союза, и вполне вероятно не всегда и бу-

⁴⁵ Жан Поль Сартр и его гражданская жена Симона де Бовуар провели около месяца в СССР с 26 мая по 23 июня 1954 г. по приглашению Союза писателей СССР, встречались со многими советскими литераторами. Они побывали в Москве также и в 1955 г. по дороге в Китай и из Китая.

⁴⁶ Роман писателя В.Д. Дудинцева (1918–1998) «Не хлебом единым», опубликованный в журнале «Новый мир» (1956. № 8–10), привлек внимание общественности критическим изображением ряда сторон советской действительности. Резонансная дискуссия в Центральном доме литераторов вокруг этого романа состоялась 22 октября, в самый канун венгерского восстания, и вызвала обеспокоенность руководства КПСС, опасавшегося политической активизации советских писателей «по венгерскому примеру». С конца 1956 г. роман стал подвергаться ожесточенным нападкам, в том числе на пленуме правления Союза писателей СССР в мае 1957 г. (*Прим. отв. ред.*).

⁴⁷ К.М. Симонов был главным редактором журнала «Новый мир» в 1946–1950 и 1954–1958 гг.

дет вести себя как наш друг, но его высказывания о романе «Не хлебом единым», кажутся мне тем более важными. Я думаю, что они показательны для тех кругов левой буржуазной интеллигенции, которые в общем тянутся к нам, но симпатии их неустойчивы, — на них очень остро влияют и бросают их из стороны в сторону и наглядные проявления нашей силы, и любые свидетельства наших действительных или мнимых слабостей. Сартр остался на позициях неприятия романа, но вполне вероятно, что многих других людей этого круга, то изображение, которое было дано советскому обществу в романе, толкало на разочарование в силе этого общества. Добавлю, что для меня лично эта часть беседы оказалась неожиданным, и тем более сильным, напоминанием об ответственности за то, что мы пишем и печатаем.

Во второй части этой беседы Сартр говорил о предыдущей (в которой он участвовал) и о предстоящей в сентябре 1958 года встрече «Европейского общества культуры» в Венеции⁴⁸. Он говорил о том, что по его мнению, на предстоящей встрече разгорится острая борьба вокруг вопроса о совпадении и несовпадении интересов культуры и интересов политики, о месте писателя в обществе и об его отношении к государству и правительству. Подчеркивая предполагаемую остроту дискуссии, Сартр высказывался, что советским делегатам, по его мнению, незачем отказываться от этой дискуссии или бояться ее остроты, что им нужно ехать и драться, и что чем они острее со своей стороны поставят все вопросы, тем в большем они окажутся выигрышне. По его предыдущим наблюдениям, во время разных прежних международных встреч, тенденция некоторых деятелей советской культуры сглаживать все острые углы и обходить противоречия в разговорах с деятелями буржуазной культуры, приводила к отрицательным результатам, к недоверию, к недостаточному уважению к их словам. По его (Сартра) мнению, вопросы отношения между культурой и политикой и отношения деятелей культуры к государству и правительству не могут быть сведены к общим формулам — или же эти формулы не будут ничего значить. Если деятели культуры социалистической страны, исходя из своих взглядов и убеждений, считают своим долгом при всех обстоятельствах поддерживать политику и авторитет своего социалистического правительства, и если они заявляют об этом прямо и открыто, то их точку зрения могут не принимать, но ее придется уважать. Если они, исходя из той же позиции, будут считать необходимым, чтобы деятели культуры в буржуазных странах выступали с критикой действий буржуазных правительств и видели свой долг не в поддержке, а в критике этих правительств, то при такой прямой постановке вопроса это требование может вызвать ярость, но логику его трудно будет опровергать. Если же они, минуя такую ясную постановку вопроса, будут искать на международных встречах всеобщих формулировок, которые якобы могут определить некие «средние» принципы деятельности представителей культуры и в буржуазных, и в социалистических странах, то эти туманные формулировки не будут способствовать ясности позиций, а неясность позиций может только повредить деятелям культуры социалистических стран и уменьшить уважение к ним со стороны деятелей буржуазной культуры.

⁴⁸ Европейское общество культуры было основано в 1950 г. в Венеции по инициативе итальянского писателя-антифашиста Умберто Кампаньола.

Снова возвращаясь к предстоящей в сентябре встрече в Венеции, Сартр явно стремился подчеркнуть свою позицию человека подающего добрые советы и желающего успеха будущим выступлениям советских делегатов⁴⁹.

Разговор на эту тему был довольно долгим, но общий вывод, который сложился у меня, таков: призыв к острому разговору в предстоящей дискуссии не кажется мне со стороны Сартра провокационным. Мне, наоборот, кажется, что он высказывался искренне, что на него лично, как на человека и писателя, особенно серьезно повлияла за этот год та сила, стойкость, решимость и откровенность, которая была проявлена нашей страной в самых сложных обстоятельствах. Это действует на него, покоряет его как личность, и уже с позиции этого опыта ему кажутся слабыми, недостаточно решительными некоторые выступления наших деятелей культуры в различных предыдущих дискуссиях. Повторяю, — думаю, что это его искреннее мнение. В то же время я убежден, что так настойчиво говоря о встрече в Венеции, Сартр думает использовать эту встречу и в своих личных целях. Во-первых, эта встреча, после всего написанного им во время венгерских событий⁵⁰, дает ему возможность восстановить в широком смысле общественный контакт с советскими деятелями культуры в приемлемой и удобной для него обстановке. Во-вторых, он не прочь заранее подготовить себе роль доброжелательного советчика, и при благоприятных условиях, с теми или иными оговорками, сыграть эту роль на предстоящей встрече по отношению к представителям социалистических стран, тем самым восстановив благоприятно для него складывавшиеся отношения, нарушенные им самим во время венгерских событий.

Непосредственно о венгерских событиях разговор состоялся во время второй встречи, которую Сартр предложил после первой четырехчасовой беседы. Эта встреча продолжалась тоже около четырех часов. Я сказал Сартру, что читал все, или почти все написанное им год назад во время венгерских событий. На это он ответил, что, да, что он тогда написал действительно много статей, но недавно, когда к годовщине венгерских событий его попросили написать статьи целый ряд газет и журналов, он категорически отказал им всем, ибо венгерские события не являются такой датой, которую можно праздновать в чьих-либо эгоистических интересах, или устраивать по его поводу шабаш.

Я кратко изложил ему нашу точку зрения на венгерские события, добавив, что я лично думаю, что если бы мы — лагерь социализма — во время венгерских событий продемонстрировали американскому империализму не свою силу, а свою слабость, не свою твердость, а свою растерянность, то сейчас мы бы не сидели, не беседовали с ним, Сартром, на эту тему, потому что уже давно бы шла развязанная американцами третья мировая война. Против этого Сартр

⁴⁹ Об участии советских писателей в работе Европейского общества культуры в 1958 г. и их позиции см. письма основателя этой организации У. Кампаньоло: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 6195.

⁵⁰ См. основные выступления Сартра в связи с венгерскими событиями: Sartre J.-P. Apres Budapest. Sartre parle // L'Express. 1956. 9 XI. P.13–16; Sartre sur la Hongrie // France observateur. 1956. 13 XII, P. 8; Sartre J.-P. Le fantome de Staline // Les temps modernes, 1957. Jan. P. 577–696; Sartre J.-P. Le fantome de Staline // France observateur. 1957. 17 I. P. 10–11. (Прим. отв. ред.).

не возразил. Тогда я добавил, что, хотя венгерские события безусловно трагедия, но на наш взгляд у этой трагедии есть свои организаторы. Нельзя отказать американскому империализму в том, что он в сложной обстановке исправления былых ошибок верно нащупал Венгрию, как, в данный конкретный момент, относительно слабое звено во всей цепи социалистического лагеря и организовал удар по этому звену, воспользовавшись внутри Венгрии абсолютно всем, что могло помочь успеху этого удара. Я читал много споров по поводу того, на каком этапе венгерских событий и в какой мере участвовали откровенно реакционные силы, но я хочу спросить его, Сартра, сомневается ли он хоть на минуту в том, что американские империалисты, в случае успеха, повернули бы в Венгрии политическое колесо вправо до отказа, до крайней реакции, до открытого или полукрытого фашизма? Он ответил, что, нет, он не сомневается в этом. Тогда я спросил его, как же, по его мнению, социалистический лагерь мог при любых обстоятельствах допустить до этого, ибо, допустив до этого, он бы совершил не только убийство социалистического строя в Венгрии, но и сделал бы первый шаг к самоубийству? В ответ на это Сартр, помолчав, сказал, что он в принципе может согласиться с такой постановкой вопроса и что, как он сейчас думает, с точки зрения больших эпохальных интересов социализма советское вмешательство в венгерские события, очевидно, окажется исторически оправданным.

Сказав это, он тут же тщательно подчеркнул, что он согласен с такой точкой зрения в общей и прямой форме, но его по-прежнему не устраивает тот уклончивый ответ, который в свое время, в ответ на их письмо, дали им советские писатели, разговаривая с ними в это время как с детьми, недостаточно серьезно⁵¹. Я ответил на это, что принимал участие в составлении этого ответа, не жалею об этом, а что касается, может быть, более удачных, более общих и прямых формулировок — они ведь не сразу и не каждому писателю приходят в голову. Очевидно, и у него самого за это время отстоялись несколько иные формулировки, чем те, которые были употреблены в письме французских писателей советским год с лишним назад⁵².

Эта часть разговора была острой, но в итоге, потом, Сартр посчитал нужным еще раз повторить, что с точки зрения общих исторических интересов социализма он понимает позицию Советского Союза во время венгерских событий. Думаю, что эта формула возникла не просто в разговоре, а заранее была продумана им еще до встречи, как приемлемая сейчас для него формула оценки венгерских событий при разговорах с советскими людьми.

В дальнейшем разговоре я сказал Сартру, что очевидно будущей осенью у нас, в Средней Азии, состоится вторая конференция писателей стран Азии и Африки⁵³, и ему было бы наверно интересно побывать там в качестве наблюдателя?

⁵¹ Речь идет о вышеупомянутом письме французским писателям, опубликованном в «Литературной газете» 22 ноября 1956 г. (позже к нему присоединились и другие советские писатели).

⁵² Имеется в виду вышеупомянутое письмо французских писателей, опубликованное 8 ноября 1956 г. в «*France Observateur*».

⁵³ Ташкентская конференция писателей Азии и Африки состоялась 7–13 октября 1958 г. На ней было принято обращение к писателям мира, образовано Постоянное бюро писателей стран Азии и Африки. (Прим. отв. ред.).

Я задал этот вопрос для того, чтобы ничем не связывая себя, выяснить отношение Сартра к возможности новой поездки в Советский Союз⁵⁴.

Он ответил на этот вопрос откровенно и по существу: он бы хотел снова побывать в Советском Союзе и будет рад такой возможности, его лично не смущает такая поездка хотя бы и теперь, но — и об этом он хочет сказать мне совершенно прямо — он человек связанный с определенной и довольно широкой буржуазной средой, на которую он имеет определенное влияние как писатель и не хочет терять его. Он бы поехал в Советский Союз с дружескими чувствами, и в то же время со своими собственными взглядами, несогласиями, спорами — поехал бы честно, но та среда, с которой он связан, поспешит сейчас, в современной обстановке, скомпрометировать его поездку, а его объявить человеком, отказавшимся от своих взглядов. Ему кажется, что было бы необходимо до поездок его, и быть может и ряда других писателей, в Советский Союз, организовать предварительную дружескую встречу нескольких западных и нескольких советских писателей, скажем, в Варшаве или в Праге, и обсудить там вопросы — об отношении политики и культуры и об отношении писателя к государству и правительству в социалистических и буржуазных странах. Такая встреча, по его мнению, широко откроет возможность дальнейших поездок в Советский Союз.

В ответ на это я сказал ему, что, уезжая из Москвы, я не думал о встрече с ним, что мысль встретиться возникла у меня лишь здесь, в Париже, и поэтому, то что я буду ему говорить, мое сугубо личное мнение, заранее не обсужденное ни с кем из моих товарищей по Союзу писателей. Я, лично, думаю, что у нас, советских писателей, нет основания встречаться с западными писателями по какой-либо особой, заранее предрешенной, повестке дня. Мы можем просто встретиться и поговорить обо всех взаимно интересующих нас вопросах, в том числе и о тех, которые он называет, и которые его интересуют, встретиться вшестером или ввосьмером. Так, как мы сейчас встречаемся с ним вдвоем. Я думаю также, что специально встречаться с западными писателями где-то на полпути, в Варшаве или в Праге, вряд ли приемлемо для нас, это походило бы на какое-то предварительное условие, а для этого мы не видим причин.

В то же время я думаю, что если несколько советских и несколько западных писателей захотят на несколько дней встретиться и поговорить, то действительно не обязательно это делать в Москве или в Париже. Скоро начинается Брюссельская выставка⁵⁵ — несомненно на протяжении нее и многие из западных, и многие из советских писателей приедут туда. Если перед этим заранее списаться и съехаться в Брюссель в одно и то же время, то можно было бы удобно совместить поездку на всемирную выставку с несколькими встречами по нашим писательским делам.

⁵⁴ Поездки Сартра и де Бовуар в СССР возобновились только летом 1962 г. Об их поездках в СССР см.: Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920—1970 / Отв. ред. Т.В. Балашова. М., 2002. С. 488—493. См. также отчет Иностранной комиссии Союза писателей СССР о посещении ими Советского Союза в декабре 1962 — январе 1963 г.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2971. (*Прим. отв. ред.*).

⁵⁵ Брюссельская всемирная выставка, первая выставка такого масштаба после окончания Второй мировой войны, проходила с апреля по октябрь 1958 г.

Сартр заявил, что этот вариант кажется ему наиболее удачным, что он лично готов на него и готов связаться еще с двумя-тремя писателями, кандидатуры которых мы можем согласовать сейчас или потом.

Я повторил, что высказал лишь мое личное мнение, и мы договорились на том, что я посоветуюсь со своими товарищами в Союзе писателей и я, или кто-нибудь из них, напишет ему в течение полутора месяцев — возможна ли такая встреча в Брюсселе⁵⁶.

В последней части беседы Сартр еще раз вернулся к венгерским событиям: упомянув в разговоре об одном французском философе, он сказал: этот человек, не в пример мне, всегда был довольно равнодушен к Советскому Союзу. Кстати, он во время венгерских событий гораздо спокойнее реагировал на них, чем я. А я был ими крайне взволнован именно потому, что я был и остаюсь другом Советского Союза. Сейчас, — добавил Сартр, — у вас появилось во Франции много новых буржуазных друзей, дата появления которых — спутник⁵⁷, но большинство этих буржуазных друзей не заслуживают особого доверия, они не столько рады вашему успеху, сколько рады тому, что вы насолили американцам. Не особенно рассчитывайте на них — мера их дружбы всецело зависит от ситуации и от сохранения или потери вами приобретенного над американцами преимущества.

Сказав все это, Сартр постарался подчеркнуть, что для него лично появление спутников не сыграло никакой роли в симпатиях к Советскому Союзу, ибо его симпатии к стране социализма связаны с его верой в победу социализма.

Эта последняя триада показалась мне неискренней, сказанной для красного словца. На самом деле я почувствовал из всей беседы совершенно обратное — как раз сила нашей науки и вообще сила нашего государства произвели в последнее время наибольшее впечатление на Сартра и подтолкнули его на то, чтобы снова искать дружбы с нами.

В самом конце беседы Сартр заговорил о современной французской молодежи и сказал, что для значительной части ее характерно, что она перестала ощущать себя ответственной за будущие судьбы своей страны. Это вызвано уже традиционным подчинением французского правительства диктату американской политики и широким распространением того взгляда, что судьба Франции теперь решается не в Париже, а в Вашингтоне и Москве. Сартр долго и с горечью говорил на эту тему, проявляя при этом, — и, по-моему, искренне, — резкие антиамериканские настроения, вообще очень усилившиеся за последнее время во Франции.

В связи с этим разговором мне кажется, что для нас было бы полезно, в той или иной связи, использовать в наших политических выступлениях, в перевернутом виде эту формулу — что мы не претендовали и не претендуем на то, на что претендуют США. Они требуют, чтобы судьбы всех стран решались в Вашингтоне, а мы не требуем, чтобы они решались в Москве, и единственное наше желание, применительно к Франции, чтобы судьбы Франции решались в Париже, но действительно в Париже, а не в Вашингтоне.

⁵⁶ Писательские встречи в Брюсселе в ходе Всемирной выставки не нашли отражения в документах Иностранной комиссии Союза писателей СССР.

⁵⁷ Запуск первого советского искусственного спутника Земли состоялся 4 октября 1957 г.

Общее впечатление от беседы с Сартром: Он очень хочет восстановления добрых отношений с нами и подыскивает при этом для себя наиболее удобные и безболезненные возможности к этому. Помимо действительного чувства уважения и интереса к нашей стране, на Сартра влияет и то, что хотя у него и сейчас, по-прежнему, громкое международное имя, но зенит своей популярности он уже прошел. Поддерживать его популярность задаром — лагерь реакции не будет и потребует за это платы — перехода на откровенно реакционные позиции. На это Сартр идти не хочет. Для того же, чтобы его как писателя снова стала поддерживать прогрессивная часть общества, ему необходимо отойти от целого ряда позиций, занятых им год назад, и предать забвению ряд своих тогдашних высказываний. Он мнется, жметесь, и ищет сейчас — как бы это сделать с меньшим уроном для своего самолюбия и своей биографии. Беседы со мной были для него важны как попытки первых движений в этом направлении.

Писательская встреча во время международной выставки в Брюсселе мне кажется полезной. По-моему, пойдя на нее, мы будем иметь удобную возможность, ничем не поступаясь, снова в той или иной мере приблизить к себе некоторых видных деятелей левобуржуазного толка, типа Сартра.

Во время беседы с Луи Арагоном дважды затрагивался вопрос о романе Пастернака «Доктор Живаго»⁵⁸. В первый раз этот разговор зашел, когда я встретился с Арагоном в начале декабря, проездом в Южную Америку. Разговор завел сам Арагон; мне было трудно установить откуда, но у него, по его словам, создалось впечатление, что некоторые советские товарищи готовы винить его за то, что в издательстве «Галлимар» выпускает серию советских романов, делать его ответственным за всю продукцию этого буржуазного издательства, в том числе и за печатание романа Пастернака, к которому он, Арагон, не имеет никакого отношения⁵⁹. Однако несмотря на горячность Арагона, мне показалось, что его возмущение носит более всего формальный характер — он действительно не имел отношения к публикации романа Пастернака в издательстве «Галлимар» и его сердили подозрения на этот счет. Но он не сказал ни слова о самом романе по существу, и у меня сложилось впечатление, что он или не имеет представления о содержании романа, или даже, быть может, привез из Москвы⁶⁰ неверную информацию о том, что такое этот роман.

⁵⁸ На протяжении 1956–1957 гг. Б.Л. Пастернак безуспешно пытался опубликовать свой новый роман «Доктор Живаго» в СССР. Роман вышел в Италии в ноябре 1957 г. Это был первый случай с конца 1920-х годов, когда советский писатель опубликовал свое произведение за границей без согласия властей. (*Прим. отв. ред.*)

⁵⁹ Французский перевод романа «Доктор Живаго» вышел в издательстве «Галлимар» в начале июня 1958 г. (*Прим. отв. ред.*)

⁶⁰ Луи Арагон часто посещал Советский Союз, а в 1957 г. в том числе в связи с присуждением ему Международной Ленинской премии мира. Побывал он в Москве и в 1958 г. См. докладную записку сотрудника Инокомиссии Союза писателей СССР о беседе с Л. Арагоном (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2768). Хотя Арагон и говорил, что «венгерский вопрос» уже перестал заботить французскую компартию, ему пришлось, вероятно, вскоре изменить свое мнение. Ведь казнь Имре Надя в июне 1958 г. даже в сложной обстановке краха Четвертой республики по Франции не могла не привлечь большого внимания французских левых, воспринявших это событие как новый сильный удар по своим позициям. Тот же Арагон, если

Исходя из этого, после возвращения во Францию, я посчитал полезным, без всяких особых предуведомлений, просто в порядке информации, показать Арагону написанное еще в 1956 году пятью писателями — членами редколлегии «Нового мира» — письмо Пастернаку с широко мотивированным и решительным отказом от публикации его романа⁶¹. Это редакционное письмо было в свое время одобрено в ЦК КПСС, и я взял копию его в поездку.

На следующий день, прочтя письмо, Арагон решительно заявил мне, что письмо убеждает его в том, что роман Пастернака действительно носит анисоветский характер, характер непризнания Октябрьской революции и советского строя, и что, в общем, учитывая позиции Пастернака на протяжении ряда лет, его это не особенно удивляет. Вслед за этим он предложил полностью опубликовать это письмо пяти советских писателей на французском языке в «Леттр Франсез»⁶² как только роман Пастернака в феврале или в марте выйдет на французском языке. По его мнению, датированное еще позапрошлым годом письмо советских писателей, отказавшихся печатать роман Пастернака, наилучшим образом мотивирует то, почему роман не вышел в Советском Союзе, и будет важным оружием в той борьбе, которую, очевидно, придется вести против романа прогрессивной французской прессе.

Я в ответ высказал Арагону свое личное мнение, что, по-моему, это было бы действительно полезно, но лишь в том случае, если реакционная пресса поднимает шум вокруг выхода романа.

Арагон ответил, что в том, что будет большой шум, он несколько не сомневается. Мне это тоже кажется почти неизбежным. (Прилагаю для сведения вырезки из французской печати, появившиеся еще в ноябре при первых же сведениях о выходе романа в Италии).

Я сказал Арагону, что я сам не могу сейчас, да и не смогу потом, решить такой вопрос один. Во-первых, кроме меня есть еще другие товарищи, подписавшие это письмо, и надо знать их мнение; во-вторых, по такому вопросу, как публикация этого письма, мы, его авторы, должны будем вообще серьезно посоветоваться.

Разговор с Арагоном закончился на том, что я буду предварительно советовать, а Арагон, если ситуация вокруг романа Пастернака во Франции

верить мемуаристке, находившийся в Париже при советском посольстве, узнав о смертном приговоре, пришел к советскому атташе по культуре с выражением самого крайнего недоумения (*Ерофеева Г.* Нескучный сад. Недипломатические заметки о дипломатической жизни. М., 1998. С. 85). См. также относящуюся к первым месяцам 1958 г. записку представителя Инокомиссии Союза писателей СССР о беседе с женой Л. Арагона писательницей Эльзой Триоле (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2770). Главной темой беседы стали опять-таки настроения французской интеллигенции. (*Прим. отв. ред.*).

⁶¹ Речь идет о письме, которое в сентябре 1956 г. подписали члены редколлегии журнала «Новый мир» Б. Агапов, Б. Лавренев, К. Федин, К. Симонов, А. Кривицкий. Было опубликовано в СССР только в ноябре 1958 г. в рамках кампании травли Б. Пастернака в связи с присуждением ему Нобелевской премии. См. также: «А за мною шум погони». Борис Пастернак и власть. Документы. 1956—1972 гг. М., 2001. С. 349—377. (*Прим. отв. ред.*).

⁶² Основанный в 1942 г. в подполье общественно-политический и литературно-художественный еженедельник «*Les Lettres Françaises*» («Французская литература»), орган Национального комитета писателей Франции, продолжал находиться под влиянием левых литераторов.

вызовет желательность опубликования письма, свяжется и запросит о возможности и разрешении это сделать.

Прежде чем писать по этому вопросу в ЦК КПСС, я по возвращении в Москву встретился с К.А. Фединым, и для выяснения его позиции, как одного из авторов письма Пастернаку, рассказал ему о разговоре с Арагоном. Федин ответил, что по-прежнему считает наш ответ Пастернаку правильным и согласен на его публикацию всюду, где это будет целесообразно.

Прошу рассмотреть вопрос о возможности публикации письма Пастернаку во Франции. В случае положительного принципиального решения опубликование письма в «Леттр Франсез» следовало бы, по моему мнению, сопроводить несколькими строками в адрес редакции — о том, что в связи с выходом романа Пастернака на французском языке мы хотим, ради ясности, познакомить французских читателей со своим письмом автору романа, написанным полтора года назад и объясняющим, почему мы, пять советских писателей разных поколений, коммунистов и беспартийных, единодушно отказались печатать его роман⁶³.

Во время пятидневной поездки на юг Франции, я был вместе с Арагоном и Эльзой Триоле приглашен на обед к вдове художника Фернанда Леже, русской по происхождению и советской гражданке⁶⁴. На этом обеде был товарищ Торез⁶⁵. Во время обеда между ним и Арагоном зашел длительный разговор об известном французском писателе Клоде Руа, в прошлом году исключенном из коммунистической партии. Торез рассказал, что Клод Руа недавно обратился к нему с письмом, содержащим просьбу о встрече и разговоре. На это письмо Торез ответил отказом, написав Клоду Руа, что в свое время он был готов с ним встретиться и поговорить, но теперь, когда Клод Руа, на год исключенный из партии, вместо исправления своих ошибок, наоборот, углубил их и выступил с новыми высказываниями антикоммунистического характера, он, Торез, не видит никакого основания для встреч с ним.

Считаю необходимым сообщить об этом разговоре, так как наши издательства и культурные и литературные организации могут быть недостаточно информированы о нынешней позиции Клода Руа и об отношении к нему со стороны наших французских друзей.

5 февраля 1958 г.

К. Симонов [автограф К.М. Симонова]

Машинописный оригинал. РГАНИ, Ф. 5. Оп. 36. Д. 65. Л. 10–30.

Частично опубликовано Б.И. Гусевым и Ю.Н. Муравьевым в составе подборки: «Мы долго ждали этой выставки, подождем еще 10 минут». Из истории советско-французских культурных связей, 1953–1964 гг. // Исторический архив. 2011. № 1. С. 51–58.

⁶³ Письмо было опубликовано во французской прессе осенью 1958 г. в ходе освещения «дела Пастернака». Обзор откликов французской печати на скандал, связанный с присуждением Б. Пастернаку Нобелевской премии, см.: РГАНИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2742, 2777, 2813. (Прим. отв. ред.).

⁶⁴ Леже Надежда Петровна (урожденная Ходасевич) (1904–1988) также была художницей.

⁶⁵ Генеральный секретарь Французской компартии Морис Торез (1900–1964).

III. Отклики современников

А.С. Стыкалин, В.Т. Серета

Венгерская революция 1956 г. глазами венгерского праволиберального писателя-эмигранта

Вниманию читателя предлагается публицистика Шандора Марай (1900–1989), писателя, оставившего свой неповторимый след в венгерской литературе¹. Живя с 1948 г. в эмиграции, он в драматические дни «будапештской осени» 1956 г. выступил в качестве политобозревателя на радиостанции «Свободная Европа», передачи которой внимательно слушались в самой Венгрии, привлекая огромный общественный интерес, и сыграли по меньшей мере неоднозначную роль в развитии событий. Давая молодым венграм обещания, в осуществимость которых они сами, пожалуй, не очень-то верили (о неизбежном военном вмешательстве Запада хотя бы под флагом ООН, о скорейшем созыве международной конференции по Венгрии, способной навязать свои условия Советскому Союзу), комментаторы «Свободной Европы» нередко вводили их в заблуждение, манипулировали не только их сознанием, но и их страданиями, делая венгерских повстанцев не более чем пешками в «великой шахматной партии» (по известной метафоре Генри Киссинджера).

Как и многие другие его соратники по радиостанции, Марай не избежал идеализации венгерских событий, давших миру не только примеры мужества и стойкости в отстаивании национальных интересов. Показав, к каким кровавым эксцессам и хаосу могут привести как запаздывание «верхов» с необходимыми реформами, так и нетерпение «низов», эти события стали грозным предостережением для последующих поколений борцов с тоталитаризмом. Здесь достаточно вспомнить о том, насколько серьезно стремились учесть негативные стороны венгерского опыта архитекторы Пражской весны 1968 г., прилагавшие огромные усилия для того, чтобы энергия массового протеста не привела к разгулу анархии и охлократии, способных дискредитировать и поставить под сомнение конструктивные завоевания революции².

Следует признать, что Марай был весьма субъективным и эмоциональным наблюдателем за происходившим на его родине. Созданный им образ венгерской революции говорит нам сегодня не только и не столько об этом значительном событии послевоенной европейской истории, сколько о некоторых особенностях ее восприятия праволиберальным и консервативным западноевропейским сознанием середины 1950-х годов (включая венгерскую эмиграцию). Вместе

с тем содержание публицистики Марай и, в частности, отклик писателя на акции протеста западноевропейской общественности (в том числе крупных писателей и деятелей культуры) против советского вторжения в Венгрию дают определенное представление о масштабе самого события.

Заслуживает уважения признание писателем-эмигрантом жёстко антикоммунистических убеждений роли Советского Союза во Второй мировой войне — показательны, в частности, его отзывы о «сынах великого народа, героически сражавшихся с фашизмом на фронтах Великой Отечественной (sic!) войны», а теперь вынужденных осуществлять неблагоприятные действия по спасению прогнившего коммунистического режима. Не менее примечательны рассуждения Марай о движущих силах будущих реформ. Не ограничиваясь в публицистике осуждением репрессивной, антидемократической политики коммунистических диктатур, он пытался размышлять и над будущей эволюцией реального социализма. Своими надеждами на особую миссию интеллигенции и особенно технократии в этом процессе Марай в определенной мере предвосхитил диссидентскую мысль Восточной Европы 1970-х — начала 1980-х годов в некоторых довольно ярких ее проявлениях: можно назвать хотя бы нашумевшую на Западе книгу венгерских диссидентов Дьердя Конрада и Ивана Селени «Путь интеллигенции к классовому господству»³. Не удивительно, что большой интерес к творчеству (и не в последнюю очередь к публицистике) этого писателя, тогда еще здравствовавшего, проявили в оппозиционных интеллигентских кругах кадаровской Венгрии 1980-х годов. Публикации Марай в изданиях венгерского самиздата повлияли на независимую общественную мысль кануна смены систем. К этому времени венгерская интеллигенция имела за плечами опыт не только собственного 1956 г., но и подавления Пражской весны 1968 г., нанесшего особенно сильный урон моральным позициям симпатизантов СССР и левых сил в Европе. Из кризиса 1956—1957 гг. мировое коммунистическое движение, вопреки прогнозам Марай, все-таки вышло, и довольно быстро (особенно во Франции и Италии). Однако после 1968 г. речь шла уже не о сильном разочаровании и массовом исходе интеллигенции из западных компартий, а о чем-то большем: СССР потерял поддержку наиболее влиятельных партий и той части общественного мнения на Западе, которая до тех пор не исключала возможности реформирования советской системы. Именно август 1968 г. значительно ускорил необратимые процессы в духовной эволюции многих левых интеллектуалов как на Западе, так и на Востоке Европы, которые, в конце концов, привели к их полному отказу от социалистической идеи. Это касалось в полной мере и Венгрии. «60-е годы для нас были временем надежды и иллюзий. Тогда нам показалось, что и при системе однопартийного государственного социализма, путем реформ можно создать социалистическое рыночное хозяйство, социалистическую демократию или демократический социализм. Нечто такое, что и не сталинизм, и не западный капитализм. Эту иллюзию похоронила Пражская интервенция 1968 г.», — вспоминал в интервью венгерский писатель и политик Дьердь Конрад, одно время президент Международного ПЕН-клуба⁴. А известный философ, ученик Дьердя Лукача Михай Вайда в одном из выступлений признал, что для венгерских интеллигентов его поколения чехословацкие события 1968 г. были с точки зрения формирования мировоззрения даже важнее, чем собственный 1956 год.

Мараи дожил, хотя и глубоким старцем, до эпохи крушения коммунистических режимов в Восточной Европе. За две недели до его кончины один из лидеров правящей венгерской компартии (ВСРП) Имре Пожгаи впервые назвал события осени 1956 года не контрреволюцией, а справедливым народным восстанием. Менялся взгляд на всю послевоенную историю Венгрии. Реальный социализм на венгерской земле терпел очевидный крах. Миссия противостояния мировому коммунизму как большому злу, долгие годы питавшая творческие силы крупного писателя-эмигранта, себя полностью исчерпала, жить дальше во имя торжества довольно девальвированной (в глазах скептика Мараи) западной цивилизации никакого смысла не было, и писатель добровольно ушел из жизни в конце зимы 1989 г. в калифорнийском городе Сан-Диего.

При всей небесспорности и субъективности многих суждений писателя (и в том числе его оценок венгерского 1956 года) очевидно одно: признание самоценности человеческой личности, ее права на автономное существование в условиях мировых политических катаклизмов оставалось стержневой идеей творчества Шандора Мараи, публицистика которого читается с неизменным интересом, как итог напряженной интеллектуальной работы восточноевропейского правого либерала XX в., искавшего пути сохранения независимого человеческого духа в драматическом противостоянии тоталитарному насилию любой окраски.

Примечания

- 1 См. подробнее о нем: *Стыкалин А.С.* Советский солдат в Центральной Европе в 1945 г.: встреча двух цивилизаций глазами писателей-современников // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века* / Отв. ред. Е.П. Серапионова. СПб., 2011. С. 511–532.
- 2 См.: *Стыкалин А.С.* Память о венгерских событиях 1956 г. в период Пражской весны 1968 г. // *Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память* / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М.; СПб., 2014. С. 279–287.
- 3 *Konrad Gy., Szelényi I.* The Intellectuals on the Road to Class Power. New York, 1979.
- 4 Известия. 1990. 28 VI.

Радиостанция «Свободная Европа». Специальное сообщение Шандора Марай

8 ноября 1956 г.

За минувшие двадцать четыре часа был переизбран президент Эйзенхауэр¹, а на суэцком театре военных действий наступило перемирие или ситуация, предшествующая таковому². Одновременно с двумя этими чрезвычайно значительными событиями венгерский вопрос вновь стал центральным вопросом международной повестки дня. Те, кто утверждает, что для мирового общественного мнения отношение к венгерской проблеме каким-то образом было связано с двумя этими событиями, пусть и преувеличивают, но все же правы. Между событиями этих дней,

¹ Д. Эйзенхауэр был президентом США в 1953–1961 гг.

² Обязавшись финансировать строительство жизненно необходимой для Египта Асуанской плотины, США и Великобритания затем отказались от обещания, ссылаясь на активизировавшееся сотрудничество режима Г.А. Насера со странами советского блока (в том числе и в военной области — речь шла, в частности, о закупках вооружения у Чехословакии). В ответ на это президент Насер 26 июля подписал акт о национализации Суэцкого канала, принадлежавшего британско-французской компании. Пошлины, полученные с кораблей, проходящих по каналу, должны были стать источником сооружения плотины. Предпринимавшиеся в течение августа-сентября дипломатические усилия по урегулированию конфликта не увенчались успехом, и в результате был избран силовой вариант. Причем, выбирая момент для начала акции и планируя ее осуществление, правящие круги Великобритании и Франции учитывали осложнение ситуации в Восточной Европе (прежде всего в Польше и Венгрии), способное до известной степени отвлечь внимание руководства СССР от происходящего на Ближнем Востоке и уже во всяком случае снизить вероятность активного советского противодействия политике европейских держав, в частности, посылки своих войск в район Суэцкого канала. Зная о пограничных спорах Египта с Израилем, Великобритания и Франция нашли в последнем союзника для осуществления задуманной акции. 29 октября десять израильских бригад вторглись на Синайский полуостров и предприняли наступление по египетской территории в направлении Суэцкого канала. На следующий день в соответствии с предварительно разработанным (согласованным с Израилем) планом Великобритания и Франция выступили с ультимативным требованием к двум враждующим сторонам отвести свои армии на 10 миль от канала, отрезавшего Синайский полуостров от остальной египетской территории. Это означало, что Египет лишался возможности дать отпор агрессору, Израиль мог беспрепятственно аннексировать Синайский полуостров, а Великобритания и Франция восстанавливали контроль над каналом. Поскольку Насер не принял ультиматум, 31 октября британская авиация начала бомбардировки Каира и Порт-Саида.

Именно в суэцком вопросе внутри западного лагеря впервые за послевоенный период отчетливо проявились разногласия — президент США Д. Эйзенхауэр в разгар предвыборной кампании однозначно не поддержал ближневосточную операцию союзников, осуществленную без должного согласования с Вашингтоном. Самостоятельные, несогласованные действия Лондона и Парижа в условиях столь остро международного кризиса были восприняты в Белом Доме как определенное проявление нелояльности. Этим воспользовался Советский Союз, в ночь с 5 на 6 ноября выступивший с меморандумом к правительствам Великобритании, Франции и Израиля с жестким требованием о немедленном прекращении боевых действий. В обстановке сохранявшихся разногласий в лагере НАТО Великобритания и Франция в скором времени прекратили боевые действия на Ближнем Востоке.

несомненно, была некая фатальная для нас взаимосвязь. И вовсе не исключено, что русское военное командование не без причины выбрало для вооруженного покушения на Будапешт и Венгрию именно то воскресенье, когда над Суэцем еще рвались бомбы и гремела артиллерийская канонада, а народ Америки замер в напряженном ожидании президентских выборов³. Вооруженное покушение на Будапешт началось в ночь с субботы на воскресенье. В понедельник (после первой резолюции Ассамблеи ООН, которая потребовала провести расследование по венгерскому вопросу и отправить на место наблюдателей⁴) на берегах Суэцкого

³ Советская крупномасштабная военная акция, направленная на свержение действующего правительства Имре Надя и приведение к власти нового, всецело контролируемого Москвой правительства Яноша Кадара, началась ранним утром в воскресенье 4 ноября, за два дня до президентских выборов в США. О взаимосвязи между суэцким и венгерским кризисом, о том, насколько советское руководство при принятии принципиальных решений по венгерскому вопросу учитывало события, разворачивавшиеся в те же дни на Ближнем Востоке, см.: *Стыкалин А.С.* Президиум ЦК КПСС в поисках путей выхода из венгерского кризиса 1956 г. Влияние внешних факторов на принятие решения // *Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Зарубежное регионоведение.* М., 2014. № 18 (140). С. 106–115.

⁴ 28 октября 1956 г. по инициативе США, Великобритании и Франции было созвано заседание Совета Безопасности ООН для обсуждения положения в Венгрии, где, начиная с вечера 23 октября, не прекращались кровопролития (впервые со времени корейской войны 1950–1953 гг. заседание Совбеза состоялось в воскресенье). Представитель Венгрии в ООН П. Кош по согласованию с собственным правительством и представителями СССР направил в ООН заявление, в котором был выражен протест в связи с постановкой венгерского вопроса в повестку дня ООН на том основании, что события, происходящие в стране, являются исключительно внутренним делом ВНР и не относятся к компетенции ООН, поскольку не угрожают делу мира и безопасности во всем мире. Это вызвало взрыв негодования в стране. 29 октября сформированное к этому времени и приступившее к своим обязанностям правительство И. Надя отменило полномочия П. Коша и на следующий день командировало в Нью-Йорк новую делегацию. После шестичасовых горячих прений в Совбезе 28 октября Советский Союз использовал право вето. Хотя отсрочка обсуждения в ООН венгерского вопроса вызвала в Венгрии определенное разочарование, важнее было внимание мирового общественного мнения к происходившему в стране, выражение солидарности с борьбой за свободу. Надежды на вмешательство ООН в разрешение венгерского кризиса (и в том числе на приезд в Венгрию генерального секретаря ООН) сохранялись и в дальнейшем. 1 ноября в знак протеста против несанкционированного ввода на территорию Венгрии новых воинских соединений из СССР правительство И. Надя заявило о немедленном выходе страны из Организации Варшавского договора, провозгласило нейтралитет и обратилось в ООН с просьбой о безотлагательной помощи в защите нейтралитета. На следующий день, 2 ноября, в связи с введением в Венгрию дополнительных воинских соединений из СССР, правительство направило генсеку ООН новую телеграмму с просьбой о признании нейтралитета Венгрии великими державами и о содействии в деле незамедлительного проведения советско-венгерских переговоров о выводе советских войск с территории страны. 3 ноября обращение правительства И. Надя в ООН рассматривалось в Совбезе, а позже и на чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН. На следующий день, в понедельник, 4 ноября, советская сторона вновь наложило вето на принятие Совбезом ООН резолюции по Венгрии, одновременно в ООН была представлена телеграмма нового венгерского правительства во главе с Я. Кадаром, в которой заявлялось, что обращения И. Надя в ООН не имеют законной силы; новое правительство категорически выступило

канала еще шли бои, во вторник ночью были сосчитаны бюллетени и Эйзенхауэр еще на четыре года получил президентский мандат, а тем временем, пока мировое общественное мнение взвешивало шансы войны и мира, советские войска проводили военные операции против венгерского народа и борцов за свободу. Возможно, что в этом варварском покушении был и определенный международно-политический расчет. Как бы там ни было, Советы выиграли несколько дней, в течение которых мир вынужден был ограничиваться лишь протестами общественного мнения и Объединенных Наций. В последние 24 часа ситуация впервые сложилась так, что венгерский вопрос — вновь вопрос номер один в мире. В течение этих трех дней венгры — и дома, и за рубежом — жили, словно больной, перенесший тяжелую операцию, и врачи опасаются, что ему угрожает серьезный психологический кризис. И дома, и за рубежом венгры чувствовали, что мир бросил их на произвол судьбы. Да, прозвучит несколько красивых траурных речей, на родине похоронят погибших в борьбе за свободу, и страна, разбитая экономическим параличом, лишенная надежд и веры, попытается жить под присмотром советских штыков, как умеет. Возможно, новое правительство, приведенное к власти после советской агрессии, будет более либеральным, возможно, в Венгрии, пережившей покушение на убийство, сформируется нечто вроде контролируемого Москвой титоизма; но час великой трагедии миновал, ужасные жертвы, принесенные нацией во имя свободы, оказались напрасными, мир обсуждает совсем другие темы. Так полагают многие. Но будет не так. Дело венгров, с наступлением некоторого международного успокоения, становится для мира наиважнейшим делом. Вчера американские дипломаты проигнорировали официальные торжества в Москве⁵, и этот протест — не формальная демонстрация. И не случайно на улицах Мюнхена, где проходила пятидесятитысячная демонстрация в поддержку венгров, были приспущены государственные флаги. Неправда, что все закончилось, что все жертвы были напрасны. Правда в том, что в минувшие 24 часа началось нечто важное. Мир только сейчас начинает понимать судьбоносное дело венгров со всеми вытекающими из него последствиями. Так будем бдительны и внимательны, ибо грядут знаменательные события, которые после первоначальной растерянности превратят дело венгров в дело всего мирового сообщества.

Публикуется по кн.: Aforradalom előzete. 1956 Márai Sándor írásainak tükrében. Budapest: Helikon Kiadó, 2006. 178–180. old.

против обсуждения в ООН вопросов, входящих исключительно в компетенцию правительства ВНР. В тот же день венгерский вопрос был включен в повестку дня чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН, где советская военная акция, предпринятая рано утром 4 ноября, получила осуждение большинством голосов. 9 ноября была принята резолюция с требованием немедленного вывода советских войск и проведения свободных выборов под эгидой ООН. В последующие дни был принят еще ряд резолюций по венгерскому вопросу (о гуманитарной помощи жителям Венгрии, по проблеме беженцев и т. д.).

⁵ Торжества по случаю 39-й годовщины октябрьской революции, в том числе прием в Кремле. 6 ноября в Москве по этому поводу состоялось торжественное собрание партноменклатуры и представителей трудящихся. С речью выступил член Президиума, секретарь ЦК КПСС М.А. Сулов, незадолго до этого находившийся около недели вместе А.И. Микояном в Будапеште, где пытался от имени руководства КПСС повлиять на развитие событий в благоприятном с точки зрения руководства СССР направлении.

Радиостанция «Свободная Европа». Специальное сообщение Шандора Марай

9 ноября 1956 г.

За минувшие двадцать четыре часа судьба Венгрии вызвала в мире цепную реакцию, в которой смешались все возможные голоса протеста, требования вмешаться, привлечь к ответственности. От Исландии и до Индии, от Лондона до Москвы⁶ разнесся в столицах пяти континентов призыв немедленно вывести советские войска, заклеить советское покушение на Венгрию и восстановить свободу и независимость венгров. За минувшие двадцать четыре часа, пока на отдельных участках фронта внутри страны борцы за свободу расстреливали последние патроны по советским танкам⁷, а их радиостанции взывали к советскому мировому сообществу, в мире началась цепная реакция, которую не в силах остановить Советы. На Генассамблее Объединенных Наций к американскому предложению, которое требует вывода советских войск, присоединились уже и представители Югославии, Польши и Индонезии⁸, и прозвучала весьма значительная итальянская инициатива, которая будет обсуждаться на заседании, начинающемся сегодня в половине пятого вечера; в ней содержится требование направить в Венгрию уже не только наблюдателей, но и международные полицейские силы⁹. Наряду с этим предложением, всемирная организация обсудит также новый протест США, обвиняющих Советский Союз в том, что он препятствует поступлению в Венгрию западных поставок продовольствия и медикаментов¹⁰. В то время как народ страдает от нехватки хлеба насущного и самых

⁶ Об отклике на венгерские события в СССР см.: *Стыкалин А.С.* Венгерские события 1956 г. и советское общество // *Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. Сборник статей / Отв. ред. Н.И. Басовская. М., 2009. С.183–197.*

⁷ Вооруженное сопротивление повстанцев многократно превосходившим их по численности частям Советской армии продолжалось до 10–11 ноября. См. о ходе боевых действий донесения министра обороны СССР Г.К. Жукова в ЦК КПСС: ССВК. Раздел IV.

⁸ Югославская делегация воздержалась при голосовании указанной резолюции, мотивируя свою позицию тем, что действовавшее в Венгрии правительство допустило анархию, имели место попытки восстановить довоенный реакционный режим, а с другой стороны, правительство ФНРЮ принципиально выступает против присутствия иностранных войск на территории других государств и считает, что Венгрия в состоянии урегулировать свои внутренние проблемы собственными силами, без вмешательства извне. Американская инициатива была названа хотя и содержащей приемлемые положения, но не очень конструктивной. См.: *Архив внешней политики РФ (АВПР). Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Официальная позиция Польши в ООН при обсуждении венгерского вопроса стала предметом некоторых дискуссий среди ее коммунистической элиты. Но уже при голосовании по первым принципиальным решениям, касающимся положения в Венгрии, Польша всецело солидаризировалась с другими странами советского блока. См.: *Tischler J.* *Lengyelország és Magyarorszá, 1956–1958 // 1956 okai, jelentősége és következményei / Ed. by L. Pál. Budapest, 2006.**

⁹ Эта резолюция была принята 48 голосами, 11 выступили против, 16 воздержались. По мнению представителя титовской Югославии, выступившего против, представленный проект резолюции привел бы к дальнейшему осложнению положения в Венгрии.

¹⁰ Было принято (53 — за, 9 — против, 13 — воздержалось). Воздержавшиеся представители Югославии, Индии, Индонезии предлагали внести в текст резолюции поправки, смягчавшие критику СССР за противодействие оказанию гуманитарной помощи населению Венгрии,

необходимых продуктов питания, у западных границ страны для помощи голодающим венграм сосредоточены такие запасы, которые могут решить проблему голода даже в масштабах всей Венгрии. Джордж Мини, председатель профсоюзного объединения АФТ — КПП, в телеграмме Эйзенхауэру призвал его наказать советского агрессора. Французское отделение Международной ассоциации юристов вынесло заключение о том, что карательный отряд Кадара с точки зрения международного права не может считаться правительством из-за отсутствия каких бы то ни было юридических оснований. В коммунистический праздник Октябрьской революции дипломаты всего мира бойкотировали советские посольства. Протестующие массы осаждают центры зарубежных компартий, причем не только во Франции, где демонстранты подожгли здание ЦК¹¹, но и в таких, прежде нейтральных, странах, как Швейцария и Швеция. Под вопрос поставлено проведение Олимпийских игр, потому что страны-участницы одна за другой отзывают свои заявки, не желая соревноваться с Советами¹². За последние двад-

делавшие акцент на призыве к сотрудничеству СССР с международными организациями (поправки не прошли). Советская сторона мотивировала свою позицию в отношении ряда западных благотворительных организаций тем, что они использовались в качестве инструментов политического влияния, направленного против правительства Я. Кадара. Несколько позже подавляющим большинством голосов был принят предложенный Австрией более политически нейтральный проект резолюции, где речь шла об оказании помощи населению Венгрии (а также венгерским беженцам) медикаментами, продовольствием, одеждой по каналам ООН и Международного Красного Креста (представители СССР и ряда стран-союзниц по ОВД воздержались).

¹¹ Нападения радикально настроенных демонстрантов на здание ЦК ФКП и редакцию газеты «*L'Humanité*» состоялись 7 ноября. Подобные действия именно во Франции явились реакцией не столько на советскую политику в Венгрии, сколько на крайне жесткую риторику заявлений правительства СССР в адрес Франции (а также Великобритании) в связи с развязанной в конце октября антиегипетской военной кампанией в зоне Суэцкого канала. В письме председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина, направленном в ночь с 5 на 6 ноября, содержался вопрос: «В какой ситуации оказалась бы Франция, если бы она стала объектом агрессии со стороны других государств, располагающих ужасающими современными средствами уничтожения?», воспринятый срочно собравшимся на заседание французским правительством как прямая угроза применения ракетно-ядерного оружия (на самом деле советские лидеры в данном случае блефовали, уже к 10 ноября была сформулирована совсем другая концепция действий СССР в защиту Египта, речь зашла «всего лишь» о посылке добровольцев в зону Суэцкого канала). В середине ноября на приеме, данном в честь польской делегации во главе с В. Гомулкой, находившейся с визитом в Москве, Хрущев публично назвал «разбоем» франко-британские военные действия на Ближнем Востоке. Последовательный сторонник советско-французского сближения посол Франции Морис Дежан, как и его коллега, британский посол в знак протеста покинули прием. См. подробнее: Советский Союз, Франция и международные кризисы пятидесятих годов XX века / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 2005.

¹² Летняя олимпиада в австралийском Мельбурне состоялась в декабре 1956 г., лишь небольшое количество стран бойкотировало Олимпийские игры из-за участия в них советской делегации. Выступление венгерских олимпийцев, занявших третье место в неофициальном командном зачете после СССР и США, стало не просто триумфом, дополнившим некоторыми новыми штрихами сложившийся в западном общественном мнении положительный образ страны, борющейся за суверенитет. Оно стало своего рода компен-

цать четыре часа в Будапеште Федерация свободных профсоюзов заявила, что «восстание 23 октября, в чистоте которого нет никаких сомнений, было вызвано авантюристической политикой Ракоши и его приспешников», а в это же время мировое общественное мнение — и не только в западных странах, но и в таких отдаленных странах Востока, как Индия, проявлявшая сдержанность в осуждении трагического нападения на Венгрию, — возвысило голос, потребовав положить конец убийственной советской акции¹³. Вокруг венгерской трагедии в эти часы сложился второй фронт — охватывающий все континенты оборонительный фронт международной солидарности. Презрение, с которым отзываются о венгерских делах коммунистические партии — что видно по английской и американской коммунистической печати, — с каждым днем звучит все сильнее и громче¹⁴.

сацией ущемленного национального достоинства. Вместе с тем столкновение советских и венгерских спортсменов на спортивных площадках Австралии сопровождалось накалом политических страстей, беспрецедентным в мире спорта после берлинской олимпиады 1936 г. — достаточно вспомнить о финальном матче ватерпольного турнира 6 декабря, завершившегося победой венгров. См.: *Arday A., L. Pap I., Thury G. Vég és aranyak. Sport — fogradalom — olimpia — emigráció.* Budapest, 2006; *Csurka G., Gyarmati D.* 1956 — ahol mi gubóztünk. Budapest, 2006; *Kő A.* Melbourne 1956. Budapest, 2006.

¹³ На самом деле индийская дипломатия, как правило, занимала компромиссную позицию при обсуждении венгерского вопроса в ООН и, кроме того, предлагала свою посредническую роль в установлении связей с Москвой сил, сохранявших лояльность свергнутому венгерскому правительству во главе с И. Надем (выехавшая в начале ноября на Запад министр этого правительства А. Кетли долгое время воспринималась мировым сообществом как законный министр). 8 декабря послу Индии Ш. Менону был вручен для передачи правительству СССР программный документ венгерской оппозиции, составленный И. Бибо и подписанный многими другими представителями интеллигенции, активистами политических партий и рабочих советов — «Декларация об основных принципах государственного, общественного и экономического устройства Венгрии и путях преодоления политического кризиса» (См.: ССВК. С. 725–729).

¹⁴ Два молодых английских журналиста-коммуниста, находившихся в Венгрии во время событий, писали по возвращении домой в конце ноября генеральному секретарю ЦК своей партии Дж. Голлану о том, что советская политика в Венгрии основывалась, по их мнению, на неправильной оценке политической обстановки и в силу этого оказалась трагически пагубной по своим результатам. В этих условиях другие партии должны не следовать механически за линией Москвы, а создать, насколько это возможно, собственное независимое суждение на основе располагаемой ими информации. Хотя принцип международной солидарности рабочих партий остается в силе, «международная политическая ситуация в настоящее время весьма отличается от положения в те дни, когда защита нового советского государства была основным политическим вопросом». Сейчас «самой большой помощью, которую мы можем оказать международному движению, является строительство нашей собственной партии и улучшение руководства нашим собственным рабочим классом». Если же создается впечатление, что британская компартия не имеет собственного политического лица и всегда следует линии Москвы, она изолирует себя от английского рабочего класса (См.: *Орехова Е.Д., Середя В.Т.* Великобритания и венгерский кризис 1956 года Документы из фондов ЦХСД // Исторический архив. 1995. № 1. С. 38–39). «Цена, которую вы заплатили за вашу политику в Венгрии, — это полное крушение чувства доброй воли к вашей стране, которое выращивалось в таких муках», замечала симпатизировавшая СССР и близкая в то время компартии британская

Трагедия Венгрии со всех точек зрения требует от мира решения¹⁵. И это требование стало за последний день эпицентром международной жизни.

Публикуется по кн.: Aforradalom előérzete. 1956 Márai Sándor írásainak tükrében. Budapest: Helikon Kiadó, 2006. 181–183. old.

Радиостанция «Свободная Европа». Специальное сообщение Шандора Марай

11 ноября 1956 г.

И вот заговорили писатели. Они отвечали венгерским писателям, но этот ответ звучит на весь мир с такой мощью, что может быть назван духовным атомным взрывом. Вчера — Сартр¹⁶, французский экзистенциалист. Сегодня — Камю¹⁷.

писательница Дорис Лессинг (будущий Нобелевский лауреат, 2007) в письме от 22 января 1957 г. секретарю Союза писателей СССР Борису Полевому, отвечавшему в руководстве этой в сущности не общественной, а государственной структуры именно за международные связи писателей (Там же. С. 44).

¹⁵ В январе 1957 г. была создана специальная комиссия ООН для изучения положения в Венгрии. Ее первый отчет был опубликован в июне 1957 г., а осенью того же года деятельность Комиссии была одобрена на сессии Генассамблеи ООН. В последующие годы обсуждение венгерского вопроса в ООН (в том числе в связи с казнью Имре Надя в июне 1958 г.) продолжало оставаться механизмом давления на правительство Венгрии в целях либерализации его внутренней политики. Венгерский вопрос был снят с повестки дня ООН в феврале 1963 г., после того как 20 ноября 1962 г. Кадар с трибуны VIII съезда ВСРП провозгласил всеобщую амнистию.

¹⁶ См. основные выступления Жана Поля Сартра в связи с венгерскими событиями: *Sartre J.-P. Apres Budapest. Sartre parle // L'Express. 1956. 9 XI. P.13–16; Sartre sur la Hongrie // France observateur. 1956. 13 XII. P. 8; Sartre J.-P. Le fantome de Staline // Les temps modernes, 1957. Jan. P. 577–696; Sartre J.-P. Le fantome de Staline // France observateur. 1957. 17 I. P. 10–11.* О своем отношении к венгерским событиям Сартр говорил К.М. Симонову, посетившему Францию в декабре 1957 — январе 1958 г.: интеллектуалы и политики правого толка (вроде генерала де Голля), которые всегда были по меньшей мере равнодушны к Советскому Союзу, куда спокойнее отреагировали на венгерские события, мало их удивившие. «А я был ими крайне взволнован именно потому, что я был и остаюсь другом Советского Союза». См. записку К.М. Симонова в ЦК КПСС по итогам поездки во Францию: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 65. Л. 24.

¹⁷ Альбер Камю впервые отреагировал на венгерскую революцию в публичном выступлении 30 октября 1956 г. 10 ноября он выступил в газете «*Franc-Tireur*», откликнувшись на обращение венгерских писателей. 24 февраля 1957 г. он затронул положение в Венгрии в интервью «*The New York Times*». 15 марта того же года Камю выступил с речью, основное содержание которой составила характеристика венгерских событий (опубликовано также в «*Franc-Tireur*»). 19 октября 1957 г., через три дня после получения Нобелевской премии, Камю направил приветственную телеграмму собравшейся в Лондоне конференции венгерских писателей-эмигрантов. Через две недели, 29 октября, вместе с двумя другими французскими Нобелевскими лауреатами по литературе (Франсуа Мориак и Роже Мартен дю Гаром) Камю направил Я. Кадару телеграмму протеста в связи с начавшимся судебным процессом, на котором по обвинению в подрывной антигосударственной деятельности были приговорены к различным срокам тюремного заключения венгерские писатели Тибор Дери, Золтан Зелк, Дюла Хай и Тибор Тардош. Наконец, осенью 1958 г. Камю опубли-

Во всех странах, на всех языках, с такой беспощадной искренностью, с какой говорят в минуту крайней опасности, по праву последнего слова. Наконец, они поняли. Китайские мандарины и терпеливые мудрецы. Те, кто в течение десяти лет холодной войны с невиданной беспристрастностью провозглашали, что надо ждать. Те, кто не уставали нас убеждать, что после временных детских болезней большевизма из этого эксперимента родятся формы жизни более здоровой, нравственной, образованной породы людей. И вот писатели заговорили и признались, что большевизм — это не детская болезнь, а смертельная хворь, рак и чума, не излечимые посредством местного, косметического вмешательства¹⁸. Сартр, десять лет с философских высот взиравший на то, что творили в поработанных странах большевики с человеком и человеческим духом, разразился воплем. Он отрекся от всего и всех, кто до сих пор прохладен, труслив и тепел, кто где-то и в чем-то еще проявляет сдержанность, когда нужно осудить ту мерзость, что учинили большевики против Венгрии, против духа, против каждого человека¹⁹. Мандарины очнулись. Голубь мира Пикассо был смертельно ранен, как только советский

ковал послесловие к изданной на разных языках книге «Правда о деле Имре Надя», где на основе тщательного анализа фактов разоблачалась вся конструкция судебного процесса, на котором в июне 1958 г. был приговорен к смертной казни бывший премьер-министр Венгрии. Оригинальная версия книги — французская: *La Verite sur l'affaire Imre Nagy: Les faits, les documents, les temoignages internationaux* / Pref. de A. Camus. Postface de F. Fejto. Paris, 1958. Немецкое издание: *Der Fall Imre Nagy. Eine Dokumentation* / Vorw. A. Camus. Köln; Berlin, 1958. Англоязычное издание: *The Truth about the Nagy Affair: Facts, Documents, Comments* / Preface by A. Camus. New York, 1959. Венгерское издание: *Az Igazság a Nagy Imre ügyben*. Buxelles, 1959 (переиздавалось в 1976 г. в Нью-Йорке, в 1980-е годы в венгерском самиздате, в 1989 г. вышло в Будапеште легально в серии «*Századvégfüzetek*»). В первых изданиях составители не были упомянуты из опасений преследований. О позиции А. Камю в связи с венгерской революцией 1956 г., которую он считал, безусловно, событием международного значения, см.: *Szavai J. Albert Camus és a magyar forradalom* // *Magyar Szemle*. 1996. 10. sz.

¹⁸ О реакции французских интеллектуалов на венгерские события 1956 г. см. также: *Стыкалин А.С. Илья Эренбург и венгерские события 1956 г. (К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада в 1950-е годы)* // XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских / Отв. ред. Ю.П. Гусев. М., 2007. С. 218–247.

¹⁹ Некоторые изменения настроений во французском обществе в пользу СССР наметились к концу 1957 г. и были связаны с грандиозным триумфом советской технической мысли 4 октября 1957 г. Они сказались и на позиции Сартра. После запуска спутника у вас появилось во Франции много новых друзей, говорил Сартр К. Симонову, но не надо на них особенно полагаться, они не столько рады вашему успеху, сколько рады тому, что вы насолчили американцам». Что же касается самого Сартра, то в октябре 1957 г., когда его попросили выступить в прессе в связи с годовщиной венгерской революции, он отказался, «ибо венгерские события не являются такой датой, которую можно праздновать в чьи-то эгоистических интересах или устраивать по поводу нее шабаш» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 65. Л. 19). Более того, Сартр сказал Симонову, что «с точки зрения больших эпохальных интересов социализма советское вмешательство в венгерские события, очевидно, окажется исторически оправданным» (Там же. С. 20). Правда, советский писатель не был склонен слишком серьезно воспринимать слова своего французского собеседника. Симонов полагал, что «эта формула возникла не просто в разговоре, а заранее была продумана им еще до встречи как приемлемая сейчас для него формула оценки венгерских событий при разговорах с советскими людьми» (Там же).

танк в эти дни выпустил первую пулю по венгерским мальчишкам на будапештских улицах. Наконец-то в салонах и на форумах прозвучал голос, который с равной страстью и неумолимой, предельной последовательностью осудил как советское преступление, так и нерешительно-терпеливое безразличие властей Запада²⁰.

Происходящее в Венгрии вновь оказалось, впрочем, ненадолго в центре внимания французского (и мирового!) общественного мнения только в июне 1958 г. после судебного процесса по делу Имре Надя. Сообщение о казни Надя вызвало взрыв негодования. Для многих (не только во Франции) была слишком очевидна несостоятельность обвинений, выдвинутых против бывшего венгерского премьера, главная «вина» которого заключалась в последовательном отстаивании курса на суверенитет своей страны, вступавшего в слишком резкое противоречие со сложившимся еще при Сталине и оставшимся в силе и после его смерти характером отношений внутри советского лагеря. Г.Н. Ерофеева (мать писателя Виктора Ерофеева, в 1957 г. жена советского дипломата, работавшего в Париже) вспоминает, как поэт Луи Арагон, прочитав в «*L'Humanité*» сообщение о смертном приговоре, уже приведенном в исполнение, прибежал в советское посольство возмущенный до глубины души: «неужели у вас не хватило бы чечевичной похлебки, чтобы прокормить Надя до конца его дней?» — гневно вопрошал он принявшего его атташе по культуре (Ерофеева Г. Нескучный сад. Недипломатические заметки о дипломатической жизни. М., 1998. С. 85). Газета британской компартии «*The Daily Worker*» выступила 19 июня 1958 г. с редакционной статьей, в которой фактически выражалось сожаление по поводу вынесения смертного приговора Имре Надю. «Выступить со статьей другого содержания — означало бы совершить самоубийство английской компартии, а мы на это никогда и ни при каких условиях не пойдем», — сказал советскому дипломату председатель компартии Великобритании Гарри Поллит, напомнивший также, что поддержка в ноябре 1956 г. советской военной акции стоила в то время компартии 20 % членского состава. См. запись беседы с Поллитом 21 июня 1958 г.: Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. С. 46.

На Западе мало у кого возникали сомнения в том, что решающий сигнал был дан из Москвы, и только опубликованные в 2000-е годы записи заседаний Президиума ЦК КПСС позволяют до некоторой степени откорректировать эти представления, высветив реальную роль Я. Кадара, в феврале 1958 г. не воспользовавшегося представившейся возможностью провести процесс без вынесения смертных приговоров (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / Главн. ред. акад. А.А. Фурсенко. М., 2003. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 293). В Москве в это время опасались, что вынесение жестких приговоров по делу Имре Надя испортит впечатление на Западе от пакета советских мирных инициатив, адресованных США и их союзникам. Кадар предпочел отложить процесс, но не пойти по пути смягчения приговоров. Для проведения процесса был избран более подходящий с точки зрения советского руководства момент — в мае 1958 г. после публикации и принятия новой Программы Союза коммунистов Югославии по инициативе руководства КПСС была развязана шумная кампания критики «международного ревизионизма».

²⁰ Президент США Д. Эйзенхауэр и госсекретарь Дж.Ф. Даллес в заявлениях, сделанных в конце октября 1956 г., дали понять Москве и всему мировому общественному мнению, что Венгрия относится к советской сфере влияния и США не рассматривают ее в качестве своего потенциального союзника. Во Франции во время сильной антисоветской кампании некоторым диссонансом прозвучало одно из интервью умудренного опытом генерала де Голля (в то время не обремененного каким-либо официальным статусом, но ждавшего своего часа, чтобы вернуться на вершину французского политического Олимпа — это случилось в конце мая 1958 г.). Харизматичный политик, не одоблив советской акции в Венгрии, акцентировал, однако, внимание на том, что она носила в известном смысле оборонительный характер, поскольку речь шла отнюдь не о распространении

А в эти минуты, уже во время передачи, почта доставила телеграмму греческого писателя Казандзакиса. «Я грек, страдающий от кровавого подавления свободы на Кипре, и потому более чем кто-либо понимаю героическую борьбу венгерского народа за свою свободу». Так пишет в своей телеграмме Казандзакис²¹. Камю в своем манифесте²² — в этом одном из ужаснейших в наши ужасные времена сигналов бедствия рисует на фоне венгерской трагедии апокалиптическое видение кошмара третьей мировой войны. Мы трусы, трусы, и потому заслужили такую участь — вот истинный смысл его манифеста. Чем занимаются «Объединенные Нации»? — срываясь на хрип, вопрошает он. Слабость и разобщенность этой организации ведут мир к третьей мировой войне, кричит он. Писатели поняли, что каждый шаг отступления дееспособных мировых держав от безотлагательного и деятельного решения венгерского вопроса является шагом навстречу третьей мировой войне²³. Воззвание Камю — это ультиматум. Оно призвано мобилизовать духовные силы мира ради одной общей цели — незамедлительного наказания агрессора, посягнувшего на Венгрию. Но значение его этим не исчерпывается. Воззвание — это и ультиматум мирового духа, предъявленный человеческой совести. Если и теперь не будет предпринято никаких шагов, то писателю можно больше не брать перо в руки — время изящных парадных турниров духа навсегда миновало. Гуманист осознал, что если деятельной властью не защитить сейчас гуманизм, то ему, гуманисту, больше нет места в мире. Камю, высказавший в «Мифе о Сизифе» мысль о том, что человеческое существование становится невозможным в момент, когда мы отказываемся лимитировать пределы абсурда, т. е. диаболоического, целиком лишенного логики нигилизма, теперь сделал выводы из этого своего тезиса.

сферы влияния СССР на новые земли, а только лишь о стремлении любой ценой удержать под контролем одну из стран, по итогам Второй мировой войны отнесенных к советскому лагерю (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 223. Л. 144).

²¹ Крупный греческий писатель Никос Казандзакис (1883—1957) тяготел к левым движениям, в 1956 г. был удостоен Международной премии Мира, фактически находившейся под советским контролем.

²² Речь идет о его выступлении от 10 ноября (см. прим. 20).

²³ Миф о возможности третьей мировой войны активно муссировался в то время «по обе стороны» баррикад. Так, встречаясь 5 января 1957 г. на приеме в посольстве ГДР с корреспондентом итальянской газеты «*Il Messaggero*», Н.С. Хрущев говорил своему собеседнику: «Запомните то, что я вам скажу: своим вмешательством в Венгрии Советская Армия спасла мир. Она потрудились для всех, в том числе и для вас. Вы должны благодарить ее. Если бы она не вмешалась, над всеми нависла бы угроза войны». См. пересланный в аппарат ЦК КПСС из посольства СССР в Италии перевод репортажа о встрече с Хрущевым: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 225. Л. 73. Примерно то же самое советский лидер говорил на новогоднем приеме в Кремле посетившей Москву французской звездной чете — Иву Монтану и Симоне Синьоре (См.: *Simona Signoret. Moszkvai újév. 1957 // In memoriam Nagy Imre. Emlékezés egy miniszterelnökre / Ed. by Tobiás Á. Budapest, 1989. P. 371—380*). Между тем, при обсуждении 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС вопроса о подготовке решающей военной акции в Венгрии Хрущев заверил своих коллег по партийному руководству в том, что «большой войны не будет» (ССВК. С. 480). Он исходил при этом из заявлений западных (прежде всего американских) лидеров о невмешательстве в венгерский конфликт. О позиции США в связи с венгерскими событиями см.: *Гаму Ч. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006.*

Писатели будут бойкотировать не только Советский Союз, но и западные державы, если ООН, как дееспособная международная организация, не исполнит незамедлительно свой долг²⁴. Таков смысл их ответа, который они адресуют не только венгерским писателям, но и самим себе, каждому человеку и всему миру²⁵.

Публикуется по кн.: A forradalom előérzete. 1956 Márai Sándor írásainak tükrében. Budapest: Helikon Kiadó, 2006. 187–189. old.

Радиостанция «Свободная Европа». Специальное сообщение Шандора Марая

14 ноября 1956 г.

Поистине добрую службу служат венгерскому делу первые свидетельства очевидцев — я имею в виду тех иностранцев, которые после 23 октября оставались в Будапеште и только теперь смогли покинуть страну²⁶. Эти свидетели, пережившие последние дни на месте событий, в стране, атакованной и обороняющейся, с единодушным изумлением говорят о поведении венгерского народа, о героизме, с которым, несмотря на устрашающее превосходство сил противника, он встретил нападение, и о той, не менее ценной, чем героизм, моральной силе, которая, по наблюдениям очевидцев, оказывала воздействие и на советских солдат. Эти наблюдения и свидетельства очевидцев очень важны и ценны для будущего²⁷. Журна-

²⁴ См. примечания выше.

²⁵ 8 ноября группа французских писателей (и в том числе четыре члена компартии) выступила на страницах влиятельного издания «*France Observateur*» с протестом против советского вмешательства в Венгрии. Их письмо вызвало полемику со стороны советских писателей (См.: Литературная газета. 1956. 22, 24 XI). 22 ноября еще одно открытое письмо представителей французской творческой интеллигенции было опубликовано в «*Le Monde*». С воззваниями протеста и другими публицистическими выступлениями, осуждающими или критикующими советскую политику в Венгрии, выступали французские писатели К. Руа, К. Морган, М. Дрюон, Веркор и др. См.: Диалог культур. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / Отв. ред. Т.В. Балашова. М., 2002. С. 476–477, 883–890, 915–922.

²⁶ Уже в декабре 1956 г. вышло первое иллюстрированное издание, дававшее описание событий на основе радиосообщений и бесед с непосредственными участниками и свидетелями венгерского восстания (прежде всего из числа беженцев): *Godney R. Cry Hungary! Uprising 1956*. London, 1956. См. также отклик корреспондента Би-Би-Си, работавшего в Венгрии: *Mikes G. The Hungarian Revolution*. London; Glasgow, 1957 (есть также французское издание). Перу радиожурналиста принадлежит и книга, вышедшая одновременно в Британии, Канаде и Австралии: *Urban G. The Nineteen Days. A Broadcaster's Account of the Hungarian Revolution*. London; Melbourne; Toronto, 1957.

Очень оперативным (что совсем не удивительно в силу географической близости происходивших событий) был отклик в соседней Австрии, где первая книга о венгерском восстании вышла еще в конце 1956 г.: *Molden F., Pogany Eu. G. Ungarns Freiheitskampf*. Wien, 1956. На итальянском языке наиболее полный отчет о событиях дал корреспондент газеты «*Corriere della sera*». Его репортажи, не утратившие своей ценности, были переизданы в Венгрии в 1989 г.: *Montanelli I. 1956 Budapest: a Corriere della sera kiküldött tudósítója jelenti. Válogatás Indro Montanelli 1956-ban írt cikkeiből*. Budapest, 1989.

²⁷ При всем внимании западной прессы к венгерским событиям наиболее глубокий след в осмыслении их сущности оставили не зачастую поверхностные свидетельства западных

листы, фотографы²⁸, ряд зарубежных политиков, деловые люди, оказавшиеся в Будапеште в силу служебных обязанностей, помогут своими свидетельствами поддерживать и укреплять в мировом общественном мнении тот моральный фронт, который сформировался уже на всех континентах во имя спасения венгров. Наряду с самыми срочными повседневными заботами, то есть организацией быстрой и эффективной помощи, поддержкой больных и нуждающихся, очень важен именно этот моральный фронт, так как в будущем великом судебном процессе по делу венгров многое будет зависеть от показаний этих свидетелей.

корреспондентов (иногда просто гнавшихся за сенсацией), а отклики двух крупных восточноевропейских литераторов, тоньше чувствовавших венгерскую (и шире, региональную, средневропейскую) специфику и принимавших увиденное ближе к сердцу; к тому же их репортажи обладали несомненными художественными достоинствами. Известный сербский писатель, а впоследствии и политик, Добрица Чосич (если верить позднейшей версии) был командирован в Венгрию по распоряжению самого И. Броза Тито, для того чтобы дать югославскому руководству и более широкой общественности максимально полную картину венгерских событий. Его репортажи, впервые опубликованные в главной белградской партийной газете «Борба», при всей точности многих характеристик были, впрочем, не лишены субъективизма и спорных моментов. Так, в соответствии с бытовавшими в соседних странах, и в том числе в Югославии, стереотипами в них давалась не совсем адекватная, преувеличенная оценка правой опасности и, в частности, угрозы прихода к власти в Будапеште сил, способных выступить с требованиями пересмотра в пользу Венгрии ее так называемых «трианонских» границ (т. е. невыгодных границ, установленных по Трианонскому мирному договору 1920 г. и подтвержденных Парижским мирным договором 1947 г.). В отличие от Чосича, отягощенного исторически сложившимся в сербском сознании XX в. комплексом венгерской «ирредентистской угрозы», польский поэт и публицист Виктор Ворошильский приехал из страны, где этого комплекса в силу тех же исторических причин существовать не могло, а в настроениях интеллигенции осенью 1956 г. всецело доминировало, напротив, чувство солидарности с восставшей Венгрией. Ворошильский однозначно симпатизировал венгерскому национальному движению за расширение суверенитета страны. Его «Венгерский дневник», впервые опубликованный в 1956 г. в варшавском реформ-коммунистическом еженедельнике «Nowa Kultura» и вышедший затем отдельным изданием, переведен на несколько языков, издан и в России. См.: Искусство кино. 1992. № 4 (эссе опубликовано в ярком художественном переводе Н. Горбаневской). На французском языке впервые вышло в январе 1957 г. в журнале «France Observateur». В том же году публиковалось и на английском языке в лондонской прессе («Diary of a Revolt: Budapest through Polish eyes»). Большой резонанс имело франкоязычное издание 1976 г. со специально написанным предисловием автора, в котором давался сопоставительный анализ развития Венгрии и Польши за 20 лет, последовавших после событий 1956 г. В Венгрии книга впервые была опубликована диссидентами в самиздате в 1984 г.

При всех несомненных достоинствах свидетельства Ворошильского (а в их числе отсутствие идеализации повстанцев и романтизации насилия) в «Венгерском дневнике» проявилась присущая художественному сознанию склонность к некоторой гиперболизации, особенно при описании масштабов боевых действий в Будапеште.

²⁸ Поскольку австрийско-венгерская граница долгое время была открыта, в Венгрию в дни событий прибыли хотя бы на пару дней до 250 иностранных журналистов. Некоторые получили ранения, например, корреспондент «The Times» Н. Барбер. Лучший фотокорреспондент французского еженедельника «Paris Match» Ж.П. Педраццини, совершивший летом 1956 г. поездку по СССР и оразивший ее в прекрасных фоторепортажах, был смертельно ранен 30 октября 1956 г. у здания будапештского горкома на площади Республики.

Иностранцы, пережившие эти дни в Будапеште или в окрестностях столицы, говорят о том, что самое большое впечатление, причем не только на них, симпатизирующих венграм чужаков, но и на советских солдат²⁹, производили две вещи. Во-первых — последовательная, холодная и целеустремленная решимость, с которой народ, под огнем артиллерии и натиском танков, отстаивал требования октябрьской освободительной борьбы. Русские войска должны быть выведены, требования, выдвинутые 23 октября, должно выполнять правительство, пользующееся доверием населения, — вот все, чего хотели венгры. По словам очевидцев, поведение народа на этом этапе борьбы за свободу отличалось суровой взвешенностью. Свидетели видели, что события, вызванные в Венгрии советским вооруженным вмешательством, были не классовой революцией, а всенародной борьбой. Бесклассовое общество, которое обещала коммунистическая утопия, реально возникло в эти дни в Венгрии, хотя и не в коммунистическом смысле. Весь народ, независимо от классовой принадлежности, заявил, что требует ухода русских и права на самоопределение. Второе явление, о котором упоминают очевидцы, прибывшие из Венгрии, — это взаимоотношения между венгерским народом и направленными на подавление этого народа советскими солдатами. Больше всего импонировало иностранцам³⁰ то лишенное какого бы то ни было страха неприятие, с которым обычные прохожие, безоружные и беззащитные люди встречали экипажи советских танков. И эти солдаты, сыны великого народа, воины русской армии, всегда храбро и героически сражавшиеся во время Великой Отечественной войны, по наблюдениям очевидцев, вынуждены были понять, что командиры послали их в Венгрию не против контрреволюции, а против ни в чем не повинного и безоружного народа³¹. Они видели, что у этой вспыхнувшей неожиданно борьбы за свободу нет организаторов, видели, что у этого народа не было намерений нападать на Советский Союз, видели, что те, в кого они стреляют, — точно такие же неимущие бедолаги, как миллионы советских тружеников. Одним из последствий трагедии, по мнению наблюдателей, стало то, что советские солдаты увидели нечто, к чему их не готовили их наставники-политруки. Увидели и пережили то, как народ восстал против строя, жертвами которого являются и они сами — в не меньшей мере, чем те безоружные, которые

²⁹ О восприятии венгерских событий советскими солдатами свидетельствуют многие документы, включенные в сборник: Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. М., 2009. Научный уровень этого издания весьма низок. См.: Стыкалин А.С. Советские спецслужбы в венгерских событиях 1956 года. Размышления над книгой // Славяноведение. 2012. № 4.

³⁰ Ср. свидетельство В. Ворошильского: Венгерский дневник // Искусство кино. 1992. № 4.

³¹ Опровергая некоторые мифы и идеализированные представления, о боевом настроении советских солдат свидетельствует очевидец событий польский публицист В. Ворошильский: «Очень молодые ребята в бурых шинелях <...> не всегда знают, куда их привезли, часто едва говорят по-русски. Но в одном глубоко убеждены: что в этом городе громят подлых предателей-фашистов» (Ворошильский В. Венгерский дневник. С. 140–141). Имеющиеся источники не дают оснований отрицать высокий боевой настрой военнослужащих, глубокую веру подавляющего большинства из них в справедливость выполнявшейся интернациональной миссии.

вышли с требованием свободы против их танков. По рассказам свидетелей, среди множества страшных, трагических, величественных и болезненных впечатлений, которые в эти дни они испытали в Венгрии, самыми запоминающимися останутся для них именно эти два явления. А еще очевидцы надеются, что эти воспоминания окажут свое воздействие и на людей из советского мира³².

Публикуется по кн.: A forradalom előéretete. 1956 Márai Sándor írásainak tükrében. Budapest: Helikon Kiadó, 2006. 200–202. old.

Радиостанция «Свободная Европа». Специальное сообщение Шандора Марай

21 ноября 1956 г.

Это сообщение я передаю из Рима. В итальянской столице сегодня проездом был Генеральный секретарь ООН³³. Он прибыл сюда из Египта, где вел переговоры с Нассером, и тут же отправился дальше в Нью-Йорк, где доложит о результатах переговоров³⁴. В Венгрию он не поехал, так как не получил от правительства Кадара ни приглашения, ни разрешения на въезд³⁵. Так сообщила итальянская пресса. Нарушил молчание, наконец, и Тольятти. Одобрив требования, сформулированные 23 октября демонстрантами в Венгрии, и осудив тех членов советского блока, которые не следуют решениям XX съезда партии, он назвал понятным тот факт, что советские войска открыли 4 ноября артиллерийский огонь по Будапешту и оккупировали Венгрию. Поскольку иначе, как полагает Тольятти, там невозможно было восстановить порядок³⁶. Об этом также сообщает пресса. И пока итальянские газеты пишут об этом и много еще о чем, в Риме, как и во всей Италии, происходит нечто, чему нелегко подобрать название. И об этом — о том, что происходит на фоне событий в душах и поведении людей, — итальянские газеты не сообщают. А происходит то, что

³² Об отклике на венгерские события в СССР см.: Венгерские события 1956 г. и советское общество.

³³ В 1953–1961 гг. генеральным секретарем ООН был Даг Хаммаршельд (Швеция).

³⁴ На сессии Генассамблеи ООН обсуждались пути урегулирования Суэцкого кризиса. 24 ноября Генассамблея подавляющим большинством голосов подтвердила требование о немедленном выводе войск Великобритании, Франции и Израиля с территории Египта. Вывод англо-французских войск был завершен к 21 декабря 1956 г., а израильских — к 8 марта 1957 г.

³⁵ Вопрос о приезде в Венгрию генерального секретаря ООН активно ставился в самой стране силами, оказывавшими сопротивление кадаровскому режиму.

³⁶ Лидер итальянских коммунистов П. Тольятти в статьях и речах весны-лета 1956 г. зашел гораздо дальше руководителей КПСС в критике сталинской политической практики, последовательнее высказывался за преодоление сталинского наследия. Его выступления находили немалый отклик реформаторски настроенных сил в Восточной Европе. Но в венгерских событиях 1956 г. он увидел отнюдь не торжество идей демократического обновления социализма, а угрозу резкого сдвига вправо, неизбежно ведущего к утрате власти коммунистами в одной из стран «народной демократии» (См. его письмо в ЦК КПСС от 30 октября 1956 г.: ССВК. С. 476–477). В решениях, принятых на VIII съезде ИКП в декабре 1956 г., восторжествовал взгляд Тольятти на венгерские события, были подвергнуты осуждению не только «контрреволюция» в Венгрии, но и ее симпатизанты в рядах ИКП.

тот душевный кризис, что был вызван на Западе и Востоке событиями в Венгрии, то наблюдаемое обычно при раздвоении личности тревожное беспокойство, которое вот уже две недели проявляется во все новых и новых, граничащих с патологией симптомах по обе стороны «железного занавеса», в Италии дают о себе знать наименее громко, но, наверное, именно здесь они глубже всего. Кризис итальянских левых не столь нагляден, как протесты французских писателей и ученых, как проявленное в последние недели покаянное отрезвление всего западного мира³⁷. Но здесь, в Италии, снова что-то стряслось. Коммунисты, полуккоммунисты, сочувствующие, попутчики, словом, все эти души, питаемые очень и разнообразными интересами, убеждениями и страстями, которые мы называем общим словом «левые», испытали здесь особенно тяжкое потрясение, ведь многие верили, что именно здесь, в Италии, большевизм обретет некий человеческий облик. Верили в то, что итальянский гуманизм сможет изменить этот восточный фантом. Верили, что в Италии профессиональные коммунисты вместе с коммунистами-любителями и симпатизирующими, а порою вступающими с ними в фракционные схватки людьми вроде Пьетро Ненни³⁸, и прочие левые элементы смогут в конце концов придумать что-то такое, что сможет принять и западный человек, — коммунизм, лишенный насилия. Однако когда 4 ноября советские войска стали расстреливать Будапешт из пушек и в последовавшие за этим дни в соответствии с процедурой ООН в этой международной организации развернулись дискуссии в связи с венгерской трагедией, а по всему миру зазвучали декларации возмущения и сочувствия, осуждавшие поведение русских, когда выступили западные политики, писатели, деятели культуры, которые в прошлом всегда были склонны на столетия давать большевизму отсрочку на изжитие дикостей переходного возраста, тогда здесь, в Риме, и вообще в Италии — стране с самой мощной на Западе коммунистической партией, народ понял, что большевизм не может иметь человеческого облика³⁹. А поскольку Италия, пожалуй, единственная страна в Европе, где венгров не только уважают, но и по-настоящему, с семейной искренностью любят⁴⁰, здешние люди чувствуют, что у них на глазах смертельно ранили друга. Вот о чем не пишут газеты и что в эти дни можно почувствовать и заметить по всей Италии. Это не чувство вины, а нечто иное. Народ целой страны в эти дни глубоко осознал, что нельзя безнаказанно убивать того, кого любишь.

Публикуется по кн.: Aforradalom előzete. 1956 Márai Sándor írásainak tükrében. Budapest: Helikon Kiadó, 2006. 216–218. old.

³⁷ См.: Любин В.П. Итальянские «левые»: от Будапешта 1956 г. до Праги 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М., 2010. С. 359–385.

³⁸ Лидер итальянских коммунистов Пьетро Ненни, часто блокировавшийся с коммунистами, тем не менее, осудил советскую силовую акцию по подавлению венгерской революции.

³⁹ В реальности итальянское коммунистическое движение во главе с П. Тольятти, не отступившее от позиции отмежевания от сталинского наследия, довольно быстро преодолело кризис 1956–1957 гг.

⁴⁰ Речь идет о традициях солидарности итальянского и венгерского антигабсбургских движений. Вождь венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. Лайош Кошут после поражения революции прожил довольно много лет в итальянской эмиграции и умер в Италии в 1894 г.

Радиостанция «Свободная Европа». Специальное сообщение Шандора Марай*23 ноября 1956 г.*

Я беседую с итальянским дипломатом. Он говорит: «Мир догадывается, но, видимо, еще не понимает во всей глубине, что означают события в Венгрии. Сочувствие, возмущение — все это только эмоции. Удар был настолько мощным, что еще не успели прийти в себя. Но этот момент наступит, и тогда мир поймет, что на долю Венгрии в эти недели выпала всемирно-историческая роль. Плата за это весьма велика. Венгрия этой роли не добивалась. Никто не геройствовал и не провоцировал. И то, что это произошло именно в Венгрии, просто ужасно, мир так и не может этого до конца понять». Он умолкает, подыскивая слова. С улицы доносится гомон римлян. Он продолжает: «Раньше мы говорили, что Рим — один из лучших в Европе наблюдательных пунктов, потому что построен на холмах, а с вершины холма видно лучше, нежели с равнины. Это отчасти так. Рим находится достаточно далеко от “железного занавеса”, чтобы наблюдатель мог видеть события в перспективе. И недостаточно близко, чтобы масса непосредственных впечатлений могла привести наблюдателя в замешательство. Та роль, которую в эти дни взял на себя в ООН министр иностранных дел нашего правительства Мартино, отнюдь не случайна. Венгерский вопрос для нас — не вопрос внешней политики. Как официальная, так и неофициальная Италия знает, что дело венгров для Европы — вопрос жизненной важности. Небольшой народ, невзирая на последствия, взял на себя на великом суде XX в. роль свидетеля. Заявил, что он не желает жить под гнетом большевизма. Влияние этого трудно переоценить. Не только на нас, но и на Советы. Но цена очень велика, — говорит он мрачно, — настолько велика, что мир не сможет погасить свой долг перед Венгрией. Венгрии нужен сегодня не Гарибальди, а скорее Кавур⁴¹. Не Кошут, а...» Он замолкает. «Габор Бетлен?» — спрашиваю я. «Да, Бетлен, — говорит он⁴². — Задача в том, чтобы выжить. И у этой задачи есть как внешние, так и внутренние условия. А потом нужно сделать все, чтобы вынудить действовать всех тех в мире, кто отступил сегодня в венгерском вопросе. Очень важно поведение азиатских народов. И внутренняя ситуация в России. Похоже, сейчас сталинистов прикрывает армия, и либералы, внутри и снаружи, оказываются в трудном положении. Однако по ходу событий позиции дерущихся за власть и за жизнь группировок могут быстро меняться. Советские военные начинают сейчас диктовать политикам. Это опасно, но может и привести к переменам. Диктатура не может существовать без диктатора. А армии новый диктатор не нужен. Вот

⁴¹ Собеседник Марай противопоставляет революционной, радикальной тенденции в движении за объединение Италии либерально-реформистскую тенденцию, установки на дипломатические сделки.

⁴² Вероятно, оговорка. Марай, скорее всего, имеет в виду не трансильванского князя XVII в. видного полководца, участника антигабсбургских коалиций Габора Бетлена, а премьер-министра хортистской Венгрии в 1921–1931 гг. Иштвана Бетлена, пытавшегося добиться ревизии неприемлемого для страны Трианонского мирного договора 1920 г. на путях компромисса. Образованные итальянцы могли помнить И. Бетлена, ведь именно в бытность его венгерским премьер-министром в 1927 г. был заключен взаимовыгодный союз двух стран, по сути выведший каждую из них из внешнеполитической изоляции.

в чем один из опасных, но слабых пунктов внутреннего положения Советов». Он умолкает. «Вы меня извините, — говорит он. — Сейчас многие наши коммунисты льют крокодиловы слезы по поводу венгерских событий. Только им нельзя верить. Есть среди них и наивные, которые не во всем разбираются, но старая гвардия рада, что Советы напали на Венгрию. Эти знают, что без террора коммунизм невозможен. Для них мир есть театр военных действий, и Венгрия на этом театре — всего лишь вспомогательный плацдарм. Все эти известия о шатаниях в рядах коммунистов мира преувеличены. Да, есть симптомы угрызений совести, но старая гвардия покончит и с ними. Надо это пережить»⁴³, — тихо говорит он и, выглянув в окно, добавляет: «Зима».

Публикуется по кн.: A forradalom elbérzete. 1956 Márai Sándor írásainak tükrében. Budapest: Helikon Kiadó., 2006. 222–224. old.

Шандор Марай. Воскресное письмо. Выступление по радио «Свободная Европа» 24 ноября 1957 г.

Процитируем одну фразу. Звучит она так: «Ныне всякий писатель в рядах коммунистов является потенциальным врагом и разрушителем Партии, каким бы верным ей и лояльным он ни казался». Книга, из которой мы эту фразу цитируем, принадлежит перу широко известного, и в Венгрии в том числе, американского писателя-коммуниста Говарда Фаста. Называется она — «Голый бог». Эта книга и эта фраза многое завершают. Трагической предпосылкой, без которой эта книга не появилась бы на свет, была случившаяся год назад венгерская революция. Говарду Фасту сорок три года. Он родился в трущобах Нью-Йорка, с трудом пробился в литературный мир, двенадцать лет назад вступил в компартию США, приобрел мировую известность, некоторые его произведения, такие, как «Дорога свободы» и «Гражданин Том Пэйн», разошлись миллионными тиражами. В интеллектуальной витрине западных коммунистов творчество Говарда Фаста было одним из самых почетных экспонатов. И вот он написал процитированную выше фразу, написал ее в книге, смысл которой заключается в том, что западный писатель, верой и всем талантом служивший делу коммунизма, пришел к убеждению, что с коммунистами нельзя не только сотрудничать, но даже сосуществовать. А рядом с книгой Говарда Фаста в витринах нью-йоркских книжных магазинов в этом месяце выставлена другая знаменитая книга — «Новый класс» Милована Джиласа. Это отчет о пройденном пути, переправленный на Запад убежденным югославским коммунистом из титовской тюрьмы⁴⁴, и в этой зна-

⁴³ О преодолении мировым коммунистическим движением кризиса свидетельствовали итоги большого московского совещания компартий в ноябре 1957 г. См.: Стыкалин А.С. КПСС и мировое коммунистическое движение: поиски новых механизмов влияния (весна 1956 — осень 1957 гг.) // Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. Сборник статей. М., 2012. С. 390–438.

⁴⁴ Видный деятель югославского коммунистического движения, член узкого руководства компартии Милован Джилас в конце 1953 г. — начале 1954 г. выступил в прессе с критикой антидемократических тенденций в деятельности ее руководства. За это был выведен

менитой и часто цитируемой книге содержится следующая знаменитая и также часто цитируемая фраза: «Современный коммунистический режим — это своего рода скрытая форма гражданской войны между народом и правителями». В этот месяц, когда советская система отмечала сороковую годовщину своего существования, две эти цитаты, поставленные рядом, отвечают на многие вопросы, которые не могут заглушить в душе человеческой никакие торжества, пропаганда, фейерверочный спутник и доносящийся с небес собачий лай⁴⁵. Не случайно, что обе книги увидели свет ровно в сороковую годовщину советской власти, как, наверное, не случайно и то, что выход этих книг почти совпал с первой годовщиной венгерской революции. Джилас довел до нас из тюрьмы также мысль о том, что венгерская революция означает начало конца коммунизма, и нечто подобное говорит нам теперь западный писатель-коммунист Говард Фаст. А также итальянские, французские, английские писатели, равно как и венгерские их коллеги, кто на свободе, а кто в тюрьме⁴⁶, по-прежнему исповедуют то, о чем говорит Фаст. Все они, вслух или своим молчанием, заявляют, что «всякий писатель является потенциальным врагом и разрушителем Партии, каким бы верным ей и лояльным он ни казался»⁴⁷. На оси этих двух высказываний коммунистов Джиласа и Фаста что-то в мире приходит в движение. И пока на орбите вращается металлический шар с дохлой Лайкой, прославляя советскую технологию, здесь, на Земле, в человеческих душах, происходят сдвиги, значение которых мир только начинает осознавать. В минувшем году повсюду на Западе крестьяне и рабочие вынесли сорокалетнему периоду коммунизма отрицательную оценку. Везде, где проводятся свободные выборы, голосов, отданных коммунистам трудовыми массами, после революции в Венгрии поубавилось. А теперь, как нам кажется, перед выбором встала и западная интеллигенция. В первые недели после венгерской революции в откликах интеллигенции, прозвучавших на Западе, было много спонтанного, импульсивно-эмоционального. В них были стыд, негодование, отрезвление, но теперь, когда танки Жукова раздавили революцию, западной интеллигенции стало ясно, что тянуть с решением невозможно. Те, кто всегда были склонны давать коммунизму поблажки-отсрочки, то есть попутчики

из ЦК и исключен из партии. В дни венгерского восстания подверг публичной критике не только действия СССР, но и непоследовательную линию Тито и его окружения, за что был взят под арест и приговорен к трем годам лишения свободы. В это время ему удалось передать на Запад рукопись известной книги «Новый класс» с анализом бюрократии как социального феномена в условиях однопартийных диктатур. Опубликованная в октябре 1957 г. работа вызвала международный отклик, а Джилас повторно осужден, приговорен теперь уже к семи годам лишения свободы. Подробнее см. в настоящем издании исследование А.Б. Едемского.

⁴⁵ Первый советский спутник был запущен 4 октября 1957 г. Собака Лайка, погибшая в космосе от стресса и перегрева, находилась во втором спутнике, запущенном 3 ноября.

⁴⁶ Как раз в ноябре 1957 г. в Будапеште состоялся судебный процесс, на котором был приговорен к разным срокам тюремного заключения ряд писателей во главе с Т. Дери (см. прим. выше).

⁴⁷ Ср. с известными высказываниями Н.С. Хрущева о роли творческой интеллигенции в подготовке венгерских событий 1956 г., произнесенными, в частности, на встрече с советскими деятелями культуры в мае 1957 г.: Источник. 2003. № 6. С. 77–90.

и симпатизанты, а также те люди, кто компенсировал верой в коммунизм свое отчаяние от пороков и несовершенства, кто всегда находил оправдания зверствам и беззакониям «первых сорока лет» и сулил себе и всему человечеству усовершенствование коммунистического строя в перспективе столетий, — так вот, все они поняли за прошедший год, что ожидать им нечего. Венгерская революция напоминает собою тот тип тектонического землетрясения, когда сейсмическая волна, медленно распространяясь, вызывает оползни в десятке тысяч километров от эпицентра. Но теперь, по прошествии года после того, как отзвучали первые эмоциональные отклики на подавление революции, в душе западной интеллигенции произошло еще одно мощное колебание почвы — пришло время подводить итоги и занимать позицию, невзирая ни на какие вытекающие из нее последствия. Джилас свои итоги подвел, и поскольку он сделал это в коммунистической стране, то последствием стало то, что его тюремщики на несколько лет продлили ему срок заключения. Венгерские писатели, которые рассчитались с коммунизмом во время революции, заслужили моральную солидарность мира, и будем надеяться, что солидарность эта облегчит их судьбу⁴⁸. Говард Фаст был коммунистом, можно даже сказать — парадным коммунистом, в демократической Америке, и его книга «Голый бог» — уничтожительный расчет с коммунизмом — не повлекла за собой никаких последствий для автора, кроме реакции его бывших соратников-коммунистов. Реакция эта может быть негативной, а может быть позитивной, но несомненно одно — Говард Фаст свободно писал, будучи коммунистом в Америке, и остается свободным сегодня, когда вершит суд над коммунизмом. Вот две важные книги и два важных высказывания, сделанные в решающий момент. То, что за этим последует, ибо не последовать это уже не может, будет не критикой партии и не критикой актуальных методов коммунизма, а полной ревизией коммунистической идеологии. Осуществить эффективно эту великую ревизию не сможет никто, кроме русской интеллигенции. Кроме той удивительной новой интеллигенции, которая дала Советам спутник и новые технологии, чувствующей свою силу и знающей, что в разворачивающейся в Советах борьбе между партийными вождями, цепляющимися за свою жизнь и карьеру, в борьбе за партию и за армию, именно она является настоящей властью. И этому новому фронту власти как в Советах, так и в свободном мире, рано или поздно придется осознать то, что уже осознали разочаровавшиеся в методах коммунизма интеллигенты джиласы и фасты, — понять то, что в коммунизме невыносимы не только методы, но и сама Идея, не соответствующая человеческому естеству.

Публикуется по кн.: Aforradalom előérzete. 1956 Márai Sándor írásainak tükrében. Budapest: Helikon Kiadó, 2006. 262–266. old.

*Вступительная статья, публикация и комментарии А.С. Стыкалина;
перевод с венгерского В.Т. Середы*

⁴⁸ Амнистированы в 1960 г. вместе с рядом других участников событий 1956 г., привлеченных режимом Кадара к судебной ответственности.

IV. Страницы воспоминаний

В.Н. Казимиров

Будапештская пуля: один эпизод в двух изложениях

Автор публикуемых ниже мемуарных заметок — Владимир Николаевич Казимиров (род. 1929), карьерный дипломат с многолетним стажем, Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке, заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации. В 1953–1959 гг. находился на дипломатической службе в Венгрии, став свидетелем революции 1956 г.* Позже долго работал на латиноамериканском и, в конце 1980-х годов, на африканском направлениях, был послом СССР или (в 1990-е годы) Российской Федерации в Коста-Рике, Венесуэле, Анголе, Гватемале, возглавлял 1-й латиноамериканский отдел МИДа. В 1992–1996 гг. в качестве руководителя посреднической миссии России, полномочного представителя Президента РФ по Нагорному Карабаху и сопредседателя Минской группы ОБСЕ от России сыграл важную роль в урегулировании военного конфликта между Арменией и Азербайджаном и до сих пор выступает в качестве авторитетного эксперта по карабахскому вопросу. До недавнего времени возглавлял Совет ветеранов МИД РФ.

Огромная роль дипломатии в современном мире все более очевидна и продолжает нарастать. В век ядерного оружия и других средств массового уничтожения она становится последней надеждой человечества на бескровное решение бесчисленных и многообразных международных споров. Все больше людей и особенно молодежи интересуется проблемами внешней политики, путями и способами их разрешения.

Вместе с тем еще немало заблуждений относительно самой дипломатической службы, непониманий ее сути, упрощенных представлений о работе дипломатов, чаще всего как о какой-то паркетной стезе, легком скольжении по приемам и банкетам. Не всем виден напряженный труд избравших эту стезю, а иногда и бремя нагрузок в нелегких чужих условиях, и разного рода риски дипслужбы.

О них общеизвестно по судьбам полтора века назад посла Российской империи в Персии А.С. Грибоедова и в наши дни посла Российской Федерации в Турции А.Г. Карлова. Меньше знают о других эпизодах, полных напряженности и рисков в деятельности наших дипломатов в зарубежных странах. Расскажу

* Воспоминания В.Н. Казимирова опубликованы в материалах круглого стола к 60-летию венгерских событий 1956 г. См.: Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 115–135. (Прим. отв. ред.).

об одном из малоизвестных эпизодов в работе посольства СССР в Венгрии в ходе памятных событий осенью 1956 г.

Не каждое десятилетие влетают пули в кабинеты наших послов. А именно так и было в Будапеште в ноябре того года. Стрельба в городе пошла на спад, но еще продолжалась. В кабинете посла СССР Ю.В. Андропова уже было шесть человек — я вошел туда седьмым. Посол сидел за своим столом, а рядом с ним у маленького столика были наш военный атташе полковник П.М. Цапенко и еще двое (не помню кто). А у окна на креслах перед круглым столиком и диваном сидели зам. председателя КГБ генерал С.С. Бельченко и советник нашего посольства В.В. Афанасьев (иногда он был поверенным в делах, потерял на фронте ногу, ходил с протезом). Не помню, по какому делу посмел я, атташе посольства, идти к Андропову в кабинет посла. Чрезвычайная ситуация в Будапеште потеснила тогда протокол.

Едва я встал у круглого столика перед Афанасьевым и Бельченко, как раздался выстрел. Пуля, тонко пробив окно, пролетела (как поняли потом) между сидящим генералом и мной, стоявшим рядом, влетела в дальнюю стену и срикошетила, может, наткнулась еще на что-то. В ту секунду казалось даже, что она не одна. Все, кто мог, мигом попадали, а метавшая искры пуля (видимо, зажигательная) закрутилась рядом со мной на полу. Мало что соображая, я прижал ее углом ковра и погасил. Ковер немного попортил. Но других пуль не было, и все немного очнулись. А, едва она приостыла, я сунул ее себе в карман. Потом не раз удивлялся, почему посол, генерал и все, кто был в кабинете, стерпели мою дерзкую бесцеремонность. Видно, всем было в этот момент не до пули. Так она и пробыла у меня потом лет 20.

Задним числом я понял, что не могло быть прямого попадания в посла и сидевшую перед ним тройку — выручал простенок правее окна. Хотя и он не гарантировал от рикошета. Путь пули вспять вел в сторону длинного переулка, упирившегося в улицу Байза, в наше посольство и прямо в кабинет посла. Однако версия, будто стреляли специально в его кабинет, все же сомнительна. Скорее всего, выстрел был сделан по танку, который стоял прямо под кабинетом посла, направив орудие как раз в тот переулок. Похоже, что пуля, скользя по зализанной башне танка, полетела повыше и попала в кабинет посла. Иначе первый удар пули о стену приплюснул бы ей нос, а тот был явно скошен на бок, по-видимому, касанием о башню танка. Но эти суждения пришли позднее.

А возмущенный тогда генерал Бельченко хотел послать наших бойцов, чтобы закидать подвалы в переулке, откуда, как показалось ему, и стреляли. Правда, его тут же отговорили, опасаясь невинных жертв в этих подвалах. После переполюха многие разбежались из кабинета посла по своим делам, а Андропов остался там, где и был.

Лет через двадцать Владимир Александрович Крючков, который работал с нами в Будапеште, а потом по предложению Ю.В. Андропова ушел вслед за ним из аппарата ЦК КПСС в КГБ*, позвонил мне в канун июньского дня рождения

* В 1957 г. Ю.В. Андропов возглавил созданный в это время отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, а с 1962 г. курировал это же направление в деятельности КПСС уже в качестве секретаря ЦК КПСС.

Ю.В. и предложил подарить ему ту пулю. Он по-дружески почти попрекнул меня в том, что пуля попала же не в мой кабинет, а посла — ему и должна принадлежать. Каюсь, что из-за огромного уважения к ЮВА я проявил слабость и передал ту пулю как наш общий дар ему. Не надо было отдавать, мы могли найти другой подарок. Надо было сберечь ее как будущий экспонат для музея МИДа. Но тогда еще и не было у нас музея — он учрежден был лишь министром иностранных дел Е.М. Примаковым не ранее 1996 г. Все мои запоздалые попытки отыскать пулю у родственников ЮВА были тщетны. По неведению кто-то мог и выбросить ее в мусор. А какой это был бы экспонат — жду комментариев Ю.М. Хильчевского, П.Г. Барулина или других служителей музея.

Но вся эта история имела потом и довольно странное продолжение. В 2002 г. политолог и журналист Алексей Попов издал книгу «15 бесед с генералом КГБ Бельченко». Увидев ее в магазине, я подумал, не тот ли самый этот генерал? А найдя в ней главу «Мятежный Будапешт», понял, что именно тот. Купил ее и, прочитав сей раздел, изумился! До сих пор не знаю, кто там все основательно перепутал, чтоб не сказать жестче. Сам генерал Сергей Саввич Бельченко имел биографию, достойную поклонения — весьма активный партизан и один из руководителей партизанского движения в годы Великой Отечественной, потом занимал высокий пост в КГБ. Мог ли он наговорить так много неверного и даже смешного? Или автор книги так понял и изложил его. Гадать не буду, но, возможно, согрешили оба.

Вот как дана та же сцена в Будапеште в книге, где все повествуется как бы из уст Бельченко: «Первое время я жил в посольстве, так как в гостинице было небезопасно. Несколько дней пришлось жить вместе с Ю.В. Андроповым в его комнате. Надо сказать, что я с ним во время тех событий хорошо подружился. Мы даже оба могли быть убиты одним выстрелом снайпера. Мятеж уже шел на убыль, стрелять в городе практически перестали. Мы сидели вдвоем в его кабинете друг против друга, я затылком к окну. Во время нашей беседы раздался выстрел. Пуля прошла впритирку с моим ухом и дужкой очков Ю.В. Андропова, ударила в стену и срикошетила. Выстрел был произведен с крыши соседнего дома. Мы отошли в безопасное место. И я приехал в посольство на танке. У меня спросили разрешения произвести выстрел по предполагаемому нахождению из танкового орудия. Я категорически запретил. Снайпер мог уже скрыться, а невинные люди могли пострадать. Агентурные данные подтвердили, что в нас действительно стрелял снайпер».

Тут слишком много совершенно невпопад. Сколько там было — вдвоем или семеро? Он и ЮВА сидели в разных зонах кабинета, а не друг против друга. Ближе всех к полету пули действительно был С.С. Бельченко. Но выстрела с крыши соседнего дома и быть не могло, ибо траектория пули была бы совсем иной, она не могла бы попасть в середину той стены. А кое-что, как видно, дано автором или его героем просто карикатурно.

В.А. Крючков, с середины 1950-х годов работавший под началом Ю.В. Андропова в посольстве СССР в Венгрии, в отделе ЦК КПСС и в структурах КГБ СССР, завершил свою карьеру председателем КГБ в 1991 г. (*Прим. отв. ред.*).

Нельзя же так небрежно, «приблизительно» описывать те или иные эпизоды деятельности нашей дипслужбы. Она нуждается в обстоятельных, достоверных, не ангажированных описаниях важных событий и случаев в ее трудовых буднях — пусть даже иногда занимательных, но главное — всегда в чем-то поучительных, полезных для тех, кто хочет больше знать о дипломатии, а тем более связать себя с ней.

А.С. Стыкалин, А.С. Лагурев

«1956 год я понимал как большое спонтанное движение». Из интервью Дьердя Лукача Иштвану Эрши

Вниманию читателя предлагаются фрагменты одного из интервью, которое всемирно известный венгерский философ-марксист и левый политик Дьердь Лукач (1885—1971) дал на склоне лет, на рубеже 1960—1970-х годов, своему ученику Иштвану Эрши (1931—2005), занимавшемуся реконструкцией жизненного пути и духовной эволюции учителя.

Исследователей европейской философии и левых общественных движений XX в. не перестают удивлять перипетии долгой жизни Д. Лукача, как и зигзаги его духовных исканий. Сын богатейшего будапештского банкира, по матери также имевший родственников в среде буржуазной элиты Вены, автор написанных по-немецки в юношеские годы изысканных эссе, известных рафинированному читателю не только в Австро-Венгрии, но и в Германии (да и в России, где журнал «Логос» опубликовал в 1912 г. одно из них — «Метафизику трагедии»), с началом Первой мировой войны вступил в смертельную схватку с миром «абсолютной греховности». Сначала он искал спасение в романах Достоевского, написав признанный литературоведческий шедевр «Теория романа», с которым соотносил некоторые свои идеи внимательно читавший его в 1920-е годы М.М. Бахтин. К тому времени, впрочем, Лукач уже стал марксистом. Он разочаровался в этой книге и на какое-то время даже сменил амплу кабинетного мыслителя на стезю профессионального революционера, вполне достойную пера мастеров авантюрного романа. После падения власти Габсбургов осенью 1918 г. Лукач примкнул к образованной в это время компартии, руководил культурной политикой Венгерской советской республики 1919 г., установившейся на 133 дня в центре Европы как продолжение (неудавшееся) российского большевистского эксперимента и первое (по сути единственное) детище начавшейся мировой революции, вскоре остановленной. После падения диктатуры скрывался от полиции, бежал в Вену, тогда как дома заочно был приговорен правым режимом Хорти к смертной казни. В Вене участвовал в работе коминтерновских структур, в конце 1920-х годов на три месяца нелегально возвратился в Будапешт, где направлял деятельность подпольной компартии в соответствии с установками московского центра. Работы, в которых содержится этическое обоснование его политического выбора, получили не меньшую известность в философских кругах, чем незаконченная гейдельбергская «Эстетика», академический труд, писавшийся Лукачем по настоянию учителя, знаменитого Макса Вебера, в одном из лучших германских

университетов — не дописав, Лукач положил его на хранение в сейф гейдельбергского банка (по символическому совпадению это произошло — по крайней мере с частью этой рукописи — 7 ноября 1917 г., ознаменовав собой начало новой жизни философа в совершенно новую эпоху). Из этого сейфа, уже после смерти Лукача работу извлекли в 1970-е годы и опубликовали его ученики.

Особенно знаменита среди лукачевских работ «История и классовое сознание» 1923 г., резко раскритикованная идеологами Коминтерна, но значительно повлиявшая на западный неомарксизм, Франкфуртскую школу Т. Адорно, Г. Маркузе и Э. Фромма, а в конце 1960-х годов ставшая своего рода Библией для наиболее интеллектуально продвинутых представителей движения «новых левых». Сам Лукач, не возражая против переиздания этой работы на Западе, вместе с тем в специально написанном для немецкого издания 1968 г. предисловии дистанцировался от своих ранних идей.

В начале 1930-х годов Лукач, к тому времени едва не исключенный из венгерской компартии «правый уклонист» — влиятельнейший литературный критик веймарской Германии, одна из центральных фигур духовной жизни страны на ее левом фланге. Начатая еще в Берлине, но законченная в Москве и впервые опубликованная в 1948 г. на Западе работа «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» стала настольной книгой для всех, кто занимается интеллектуальной биографией классика немецкой философии.

После прихода к власти в Германии Гитлера в 1933 г. Лукач переселился в Москву (где жил некоторое время и раньше, занимаясь изучением рукописей молодого Маркса). Его работы по истории романа и классического реализма оказались в центре дискуссий, своей неортодоксальной (тем более по меркам сталинской эпохи) трактовкой проблем соотношения идеологии и художественного мастерства они привлекли внимание интеллигенции и вызвали резкий отпор официальной эстетики, доходивший до жестких политических обвинений. Одна из дискуссий (1939–1940 г. вокруг книги Лукача «К истории реализма») оказалась не совсем проходной и совсем не типичной для сталинского времени по постановке проблем. Начавшись в месяцы, когда во всем мире (не в последнюю очередь в стране «победившего социализма») отмечалось 150-летие Великой Французской революции, она вполне закономерно (хотя и довольно неожиданно) вышла на проблему Термидора — не просто конкретного эпизода из истории революции, контрреволюционного переворота 1794 г., а символа перерождения революционной власти. Между тем, 23 августа 1939 г. был заключен договор СССР с фашистской Германией, повлекший за собой полный отказ от антифашистской пропаганды и даже преследование тех, кто на ней настаивал. Параллели прочитывались невооруженным взглядом, ведь это событие, как никакое другое, могло навести современников на далеко идущие размышления о глубоком перерождении власти, легитимированной событиями октября 1917 г., об отступлении ее от неких идеалов большевистской революции. Таким образом, за рассуждениями участников дискуссии о событиях 150-летней давности даже невооруженным глазом легко просматривались аналогии с современностью, и в результате напрашивалась постановка вопроса о соотношении преемственности и разрыва между революцией 1917 г. и реалиями сегодняшнего дня. Этот крайне нежелательный поворот в ходе дискуссии не сразу был обнаружен бдительными

идеологическими цензорами, что только ужесточило реакцию властей — журнал «Литературный критик», главная трибуна Лукача и литераторов его круга в московский период его творчества, был закрыт в начале 1941 г. К этому добавлю, что Лукач много писал в Москве и для немецких эмигрантских изданий, довольно смело противопоставив в одной из статей конца 1930-х годов тип «народного трибуна», рожденного революцией, типу бюрократа, функционирующего от имени революции, но органически ей чуждого. После всего этого не кажется удивительным, что Лукач не избежал в Москве ареста, проведя в 1941 г. два месяца в застенках Лубянки. Его освобождение было связано прежде всего с усилиями Георгия Димитрова, ходатайствовавшего перед Сталиным¹.

В 1945 г. Лукач вернулся на родину, активно участвовал в культурной жизни Венгрии, снова и снова критиковался идеологами компартии за «правый уклон», «буржуазно-демократические иллюзии», приверженность ценностям старой культуры. Часто выезжал в Германию, Швейцарию, Италию для участия в международных философских форумах. По справедливому замечанию французского политолога венгерского происхождения Ф. Фейте, «непримиримый враг упрощенчества, Лукач мог успешнее, чем кто бы то ни было, представлять марксизм “большого масштаба” — во всем его отличии от вульгарного марксизма — перед “декадентскими философами” Ясперсом, Мерло-Понти и Сартром».

В дни венгерской антитоталитарной революции, осенью 1956 г. Лукач — министр культуры в «ревизионистском» правительстве Имре Надя. С подавлением революции нашел убежище в югославском посольстве, после выхода оттуда был незаконно депортирован советскими спецслужбами в Румынию. Хотя через пять месяцев Лукач получил разрешение вернуться на родину, вопрос о его восстановлении в партии затягивается до 1967 г. В конце 1950-х годов без дежурной критики венгерского «ревизиониста» Лукача обходился редкий советский университетский учебник по эстетике и литературоведению. Повод дала опубликованная в Италии и Германии работа «Против неверно понятого реализма», в которой отстаивался «еретический» для советской эстетики тезис о социалистическом реализме как о критическом реализме современной эпохи. Несколько позже право писателя на глубоко критическое изображение современной действительности в социалистических странах Лукач защищал в двух своих работах о творчестве А.И. Солженицына.

Правда, венгерские коммунистические власти с некоторых пор уже совершенно не препятствовали Лукачу в публикации на Западе его новых работ, в том числе итогового фолианта «Своеобразии эстетического». В 1960-е годы квартира Лукача на Белградской набережной Дуная в Будапеште, напротив горы Геллерт, стала местом паломничества левых интеллектуалов со всего мира, хотевших знать его мнение по наиболее насущным проблемам современного общественного развития (включая советско-китайский конфликт и пути выхода из ближневосточного кризиса), интервью с Лукачем публиковались в газетах многих стран. «Белой вороной» оказался на этом фоне лишь великий француз Мишель Фуко, при посещении Будапешта демонстративно отказавшийся встретиться с «мастодонтом европейской марксистской ортодоксии». Это была своего рода манифестация, адресованная интеллектуалам мира: марксизм бесповоротно умер и разговаривать с Лукачем больше не о чем.

К 1968 г. отчетливо обозначилось расхождение позиций двух партий — КПСС и Венгерской социалистической рабочей партии — в отношении к Лукачу. Если в Венгрии творчество Лукача признавалось (хотя и с оговорками) частью марксистской парадигмы, то в СССР критика его «ревизионистской» эстетики, затихнув к середине 1960-х годов, сменилась многолетним замалчиванием его работ. Правда, новое поколение советских литераторов («шестидесятники», в то время в большинстве своем еще верные идее «социализма с человеческим лицом») пыталось прорвать завесу молчания. Представители журнала «Новый мир» В. Лакшин, И. Виноградов и другие не только пытались установить некоторую преемственность своего направления литературно-критической мысли с определенным образом интерпретированными традициями довоенного журнала «Литературный критик», но и интересовались современным творчеством Лукача. Вполне естественно, что, посетив в середине 1960-х годов Будапешт, В. Лакшин не упустил возможности познакомиться с крупным венгерским философом и литературоведом, о чем оставил воспоминания, опубликованные в «Иностранной литературе» в 1988 г. В отделе же культуры ЦК КПСС в том же 1965 г. было принято решение не отмечать в советской прессе 80-летний юбилей Лукача. Более чем скептическая позиция философа, занятая в августе 1968 г. в связи с военным вмешательством СССР и ряда его союзников в Чехословакии, только усилила неприязнь идеологов КПСС к венгерскому философу. Осенью 1968 г. и несколько позже по поручению аппарата ЦК в гуманитарных академических институтах Москвы составлялись длинные записки о том, как в канун 100-летия со дня рождения Ленина надо реагировать на личность Лукача, которого кое-кто на Западе (включая итальянских коммунистов) называл в пикку Ленину крупнейшим марксистом XX столетия². Публикация даже наиболее ортодоксальных марксистских трудов позднего Лукача затянулась до эпохи Горбачева, когда она стала в известном смысле холостым выстрелом — авторитет марксизма в сознании отечественной гуманитарной интеллигенции упал к тому времени почти до нулевой отметки.

Впрочем, самого Лукача возня партийных идеологов вокруг его имени мало занимала. При восстановлении в партии в 1967 г. он заметил, что воспринимает этот акт лишь как восстановление справедливости в отношении своей позиции, занятой в 1956 г., и менее всего хочет себя видеть в амплу официозного философа.

В предлагаемых вниманию читателя фрагментах интервью раскрывается роль Лукача в бурных событиях, развернувшихся в Венгрии в середине 1950-х годов, его отношение к происходящему, даются оценки некоторым конкретным политическим фигурам, находят отражение и непростые взаимоотношения философа с режимом Кадара и его идеологической политикой после подавления революции 1956 г.

Для написания обширной, обстоятельной автобиографии Лукачу, занятому на склоне лет воплощением и других своих замыслов (прежде всего «Онтологии общественного бытия»), не было отпущено времени. Сохранились лишь краткие, пунктирно выполненные автобиографические наброски — «Пережитое и думы»³. В последние два года жизни (1969—1971), осознавая скорое наступление конца, философ пытался компенсировать отсутствие развернутой автобио-

графии серией интервью, которые он дал одному из учеников — драматургу, публицисту и переводчику философской литературы Иштвану Эрши. (В некоторых беседах принимала участие и литературовед Эржебет Везер.) Перевод публикуемого фрагмента сделан с немецкоязычного издания⁴.

Примечания

- 1 См. подробно об этом эпизоде в жизни Лукача: Беседы на Лубянке. Следственное дело Дердя Лукача. Материалы к биографии / Ред.-сост. и авторы комментариев В.Т. Середа и А.С. Стыкалин, при участии Р. Мюллера, А.Н. Дмитриева, Я.Г. Рокитянского. М., 1999 (2-е, испр. и дополненное издание — 2001 г.; венг. издание — 2002 г.).
- 2 См. подробно: *Стыкалин А.С.* Дердь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. 2009. № 1. С. 88–125.
- 3 См. их публикацию наряду с публикацией серии интервью, взятых И. Эрши у Д. Лукача, в книге: *Lukács György. Megélt gondolkodás. Életrajz magnoszalagon / Az interjúkat kész. I. Eörsi, E. Vezér; szerk. I. Eörsi.* Budapest, 1989. Англоязычное издание см.: *Record of a Life. An Autobiographical Sketch / Ed. by I. Eörsi.* Budapest, 1983.
- 4 *Lukács G.* Gelebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog / Hrsg. von I. Eörsi. Frankfurt am Main, 1981. Наиболее полное издание на венгерском языке: *Lukács György. Megélt gondolkodás. Életrajz magnoszalagon.* Англоязычное издание: *Record of a Life. An Autobiographical Sketch.* На русском языке до сих пор были опубликованы лишь фрагменты как автобиографических набросков, так и интервью: Д. Лукач: фрагменты автобиографических набросков и отрывки из интервью Иштвану Эрши / Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории / Отв. ред. Н.Д. Крючкова. Ставрополь, 2012. Вып. 13. С. 300–329. (Вступительная статья и примечания А.С. Стыкалина, перевод Ю.П. Гусева.)

— **Иштван Эрши, интервьюер:** *Какие перспективы Вы увидели после XX съезда?*

— **Дьердь Лукач:** Сейчас я могу сказать только то, что и тогда, когда впервые всплыл весь этот комплекс проблем: неправда, что его можно редуцировать к культуре личности. Речь идет о куда более широком феномене, чем культ личности. Существует необходимость в реформах. Несомненно, и я не стал бы это отрицать, в первые недели я верил в то, что Имре Надь осуществит реформы. Позднее я оставил эти иллюзии.

— *Когда Вы познакомились с Имре Надем?*

— Очень рано. Не следует забывать, что Имре Надь жил в России в качестве военнопленного. В двадцатые годы он вернулся назад в Венгрию, где работал в провинции¹. Находясь в 1929 г. в Будапеште, я многократно сотрудничал с ним, и эта наша совместная деятельность была довольно успешна². В позднейший период я был не готов признать ведущую роль за Имре Надем, и тогда меня посетили студенты — возможно, и вы были среди них, я не помню — которые считали все же неправильным, что мы не поддерживаем отношения друг с другом³. На это я ответил, что Имре Надь точно так же далек от меня, сколь я от него. Должен же и Имре Надь проявить со своей стороны инициативу! Это не был для меня только вопрос престижа. Ведь если бы я пришел к Имре Надю, то тоже оказался бы вовлеченным в течение «дяди Имре», как это было в порядке вещей в тогдашней Венгрии. Однако если бы Имре Надь, в свою очередь, пошел на сближение со мной, тогда в доверительном разговоре с глазу на глаз я мог бы сказать ему, что совершить революцию нельзя, не имея программы.

— *Вернемся на мгновение к периоду до 1953 г. Во время дебатов с Рудашем Имре Надь вследствие своей аграрной программы был исключен из Центрального комитета⁴. До 1953 г. вы вообще не встречались?*

— Поскольку мы принадлежали к так называемому второму классу [руководящего слоя], мы встречались в таких местах, как, например, Матрахаза, которые

¹ Имре Надь, будучи военнслужашим австро-венгерской армии во время Первой мировой войны, попал в русский плен и примкнул в 1917 г. к большевикам. См. основные вехи его жизненного пути: *Райнер Я.М.* Имре Надь — премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

² Лукач около трех месяцев нелегально находился в Будапеште в 1929 г. по поручению Коминтерна, координируя деятельность подпольных коммунистических групп.

³ Очевидно, речь идет о периоде, когда И. Надь оказался в опале весной 1955 г., будучи отстраненным от должности премьер-министра и выведенным из высших органов партии. В это время вокруг него группируется оппозиционно настроенная интеллигенция.

⁴ Рудаш Ласло (1885—1950) был одним из влиятельных идеологов венгерской компартии, затем Венгерской партии трудящихся (ВПТ), до 1945 г. долгое время жил в эмиграции в СССР. В 1949 г. именно после его статьи инициируется мощная критическая кампания против Лукача как носителя «буржуазно-демократических иллюзий». Имре Надь, выступавший за более шадящие темпы проведения коллективизации на селе, в те же месяцы все того же 1949 г. был подвергнут за это резкой критике и выведен из Политбюро ЦК ВПТ. И хотя в 1951 г. его восстановили в Политбюро и даже поручили курировать осуществление сельхоззаготовок в соответствии с генеральной линией партии, за ним прочно закрепилась репутация правоуклониста и бухаринца.

были предназначены именно для этого круга⁵. У меня были хорошие отношения с Имре Надем на уровне простого общения. Но не более того.

— *Товарищ Лукач, по Вашей оценке, у Имре Надя не было вообще никакой программы [действий], или ему не доставало только лишь всеобъемлющей программы?*

— Естественно, некая общая программа реформ у него была. Но он не имел абсолютно никакого представления о том, как можно было бы осуществить эту программу реформ в различных областях, и что конкретно должно было происходить, и каковы были права и обязанности отдельных коммунистов в процессе этих преобразований.

— *У него также не было программы и в аграрной сфере?*

— Это тоже была такая программа, для реализации которой, я бы сказал, вообще ничего не предпринималось. Не забывайте, что при Имре Наде осуществилось очень мало из [планов] аграрной реформы⁶.

— *Однако «при Имре Наде» Имре Надь, не считая разве что всего одной недели, был внутри партии в меньшинстве⁷.*

— Это правда. Если я, однако, нахожусь в меньшинстве внутри партии, то либо не беру на себя ничего, либо ставлю некоторые условия: я беру на себя руководство при условии, что вот это, и это, и то, и то будет сделано. Имре Надь ничего подобного не предпринял, он оставался в роли государственного [почетного] «старца», «дедушки нации» или что-то вроде этого⁸. И создал группу, в которой в какой-то мере были представлены худшие из реформаторов. С другой стороны, у них не было никакой конкретной программы: сейчас вот надо сделать именно то и это, а вот чего-то другого, напротив, следует не делать и т. д. Вот почему мы так и не сошлись с ним за тот год, что он был на посту премьер-министра. Я ценил Имре Надя как порядочного человека, как умного человека, как человека, который компетентен в венгерских аграрных вопросах. Однако настоящим политиком я его не считал.

— *Настоящих марксистов в группе Имре Надя вообще не было?*

— Сейчас я уже не смог бы ответить на этот вопрос.

— *Ференц Донат⁹?*

⁵ Речь идет о курортной местности в Венгрии.

⁶ Имеется в виду период пребывания И. Надя на посту премьер-министра с конца июня 1953 г. по начало апреля 1955 г.

⁷ Через неделю после своего прихода на пост премьер-министра, в начале июля 1953 г. И. Надь выступил с программной речью, в которой подверг резкой критике политику ВПТ, проводившуюся на предшествующем этапе. Это сразу обострило его отношения с лидером партии М. Ракоши, за которым стояла основная масса партийных функционеров.

⁸ Своего рода «свадебного генерала», декоративной фигуры, символизирующей в данном случае новое направление в государственной политике.

⁹ Донат Ференц (1913–1986) — венгерский экономист и публицист реформ-коммунистического толка. Участник подпольного коммунистического движения в эпоху Хорти. По некоторым сведениям, именно студент Ф. Донат обучал рабочего Я. Кадара основам марксизма в 1930-е годы. В 1951–1954 гг. в условиях коммунистической диктатуры Ракоши был заключен в тюрьму по сфальсифицированным обвинениям. Активный участник революции 1956 г. на его реформ-коммунистическом фланге, был близок премьер-министру И. Надю. В 1958 г. за участие в событиях приговорен к 12 годам заключения.

— Ференц Донат был в хороших отношениях с Имре Надем и принимал участие в этих собраниях сторонников Имре Нада. Точно так же как принимали участие Силард Уйхейи¹⁰ и другие. Но я не знаю, как относился в то время ко всему этому Донат, поскольку только позднее между нами установились более тесные отношения, и позднее мне казалось, что он очень критически относился к Имре Надю.

— *Это факт, что Вы, товарищ Лукач, не приняли участия в этом движении, но фактом является также и то, что когда начались дискуссии в Кружке Петёфи, Вы тотчас в числе первых оказались в центре общественного внимания и ожиданий*¹¹. Почему Вы оказались готовы в то время взять на себя определенную политическую роль?

— Дело обстоит так, что 1956 год я понимал как большое спонтанное движение, которое нужно было вооружить определенной идеологией. В некоторых выступлениях я проявил готовность взять на себя эту роль. Например, я попытался прояснить, в какой мере изменились наши отношения с другими народами, и можно ли теперь действительно их строить на принципах сотрудничества и сосуществования, и каковы предпосылки этого сосуществования. Такого рода идеологические устремления у меня действительно были¹², но не думаю, что у меня были более далеко идущие намерения.

— *Эту свою попытку вооружить идеологией спонтанное движение Вы предприняли в рамках Кружка Петёфи, еще до [основных] событий*¹³?

— Нет, не только в рамках Кружка Петёфи, сюда относится также мой доклад в Высшей партийной школе.

— *Как этот доклад был воспринят?*

— Довольно учтиво.

— *А затем партийное руководство...*

— Затем было [объявлено] плохим все, что бы я ни делал. Они дали волю этим юнцам, ученикам Рудаши, и позволили им писать обо мне все, что им вздумалось¹⁴.

В 1960 г. амнистирован. Работал в библиотеках и научных учреждениях. С конца 1970-х годов был авторитетной фигурой в венгерском диссидентском движении.

¹⁰ Уйхейи Силард (1915–1996) — венгерский коммунист, функционер в области культуры.

¹¹ Выступление Д. Лукача стало центральным событием в дискуссии об актуальных задачах и перспективах марксистской философии, состоявшейся 14–15 июня 1956 г. в рамках Кружка Петёфи, молодежного дискуссионного клуба, деятельность которого привлекала в мае-июне 1956 г. огромное общественное внимание. См.: *Стыкалин А.С.* Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001. С. 153–155.

¹² Свою позицию по названному вопросу Лукач наиболее развернуто изложил в лекции «Борьба прогресса и реакции в современной культуре», прочитанной 28 июня 1956 г. в политической академии ВПТ. См.: *Стыкалин А.С.* Дьердь Лукач — мыслитель и политик. С. 157–160.

¹³ Под событиями здесь понимается мощное народное восстание, начавшееся 23 октября.

¹⁴ О развязанной в 1957 г. международной кампании критики Д. Лукача как одного из столпов современного ревизионизма см.: *Стыкалин А.С.* Дьердь Лукач — мыслитель и политик. С. 196–204.

— Я не имел в виду период после 4 ноября 1956 г.¹⁵ Я тоже помню вежливый прием доклада, поскольку тоже присутствовал там. А непосредственно после этого, две-три недели спустя, еще до октября [1956 г.], значит, не было ничего предпринято со стороны руководства Ракоши...

— Совершенно ничего не произошло, поскольку они были так напуганы, что не решались что-либо сделать¹⁶.

— А как Вы сами были затронуты октябрьскими событиями? В практическом плане каковы были последствия этих событий для Вас?

— Во-первых, они привели к тому, что я был избран в Центральный комитет¹⁷. Во-вторых, внутри Центрального комитета я оказался в некоторой оппозиции к Имре Надю. Я упомянул бы лишь важнейший вопрос: когда Имре Надь объявил о выходе Венгрии из Варшавского договора, Золтан Санто и я не только выступили, но и проголосовали против этого¹⁸. Мы призывали Имре Надя не оглашать публично такие принципиально важные решения, прежде чем мы договоримся об этом внутри партии.

— Вы вдвоем проголосовали против выхода Венгрии из Варшавского договора? Другими это постановление было поддержано?

— Другие поддержали его¹⁹.

— Были ли в руководстве также и другие расхождения?

— Это было решающим расхождением, которым были предопределены все остальные противоречия. Но вопрос всегда заключался в том, должен ли совершиться окончательный разрыв со старой системой или же речь идет о ее реформировании. И скажу честно, я был сторонником реформирования.

— Как и Имре Надь в течение долгого времени.

— Да, но с Имре Надем никогда не было ясно, на какой точке зрения он, собственно говоря, действительно стоит.

— Я полагаю, он также придерживался реформаторских позиций. Но при этом подвергался прямому давлению различных групп восставших — военных и гражданских. Это давление, на мой взгляд, повлекло его за собой.

¹⁵ 4 ноября 1956 г. состоялась решающая советская военная акция в Венгрии, приведшая к свержению действующего правительства Имре Надя.

¹⁶ В конце июня 1956 г. произошли волнения в польском городе Познани, сопровождавшиеся большими человеческими жертвами (более 70 человек убитых), а одновременно с ними в Венгрии имела место бурная дискуссия о свободе печати на Кружке Петёфи, имевшая огромный общественный резонанс. Именно эти события и напугали руководство ВПТ.

¹⁷ ВПТ в конце октября распалась и фактически самораспустилась, однако 31 октября было объявлено о планах приступить к созданию новой марксистской партии — Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), порывающей со сталинским наследием. Лукач стал членом ее комитета, который должен был заняться подготовкой учредительного съезда партии.

¹⁸ Премьер-министр Имре Надь, также представлявший только что созданную ВСРП, вызвав 1 ноября посла СССР Ю.В. Андропова, довел до его сведения решение правительства о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора. Решение было принято в связи с несанкционированными передвижениями советских войск по венгерской территории.

¹⁹ Оба собеседника без слов прекрасно понимали, что среди голосовавших за выход Венгрии из ОВД был и Янош Кадар.

— Это вполне возможно. Я абсолютно не утверждаю, что Имре Надь был контрреволюционером или, если хотите, сторонником капитализма... Одним словом, я не утверждаю ничего подобного. Я говорю лишь о том, что у него не было никакой программы. Сегодня он говорил одно, завтра — другое.

— *Товарищ Лукач, у Вас были принципиальные причины выступить против выхода из Варшавского договора или же Вы руководствовались тактическими соображениями, в частности, страхом перед советским вмешательством?*

— Во-первых, у меня были, конечно, принципиальные мотивы. Я просто одобрял членство Венгрии в Варшавском договоре. Во-вторых, при принятии мной решения, конечно, сыграли свою роль и соображения о том, что мы не должны были давать русским никакого повода для вмешательства в венгерские дела. В качестве мотива [для меня] это, естественно, также играло роль.

— *Товарищ Лукач, мы, стало быть, знаем, что Вы в октябре 1956 г. вошли в руководство партии, состоявшее из семи членов²⁰. О Вашей государственной функции мы еще не говорили.*

— Мое назначение министром стало возможным благодаря Ференцу Эрдеи²¹, он предложил меня в министры культуры.

— *Были ли у Вас какие-то идеи, какая-то программа?*

— Нет, нет, совсем нет, я так тогда и не переступил порога министерства.

— *Насколько я помню, Вы сделали какое-то заявление, возможно, в газете «Szabadság» («Свобода»), где выступили с программой упразднения министерства.*

— Это маловероятно.

— *Это касалось не системы образования, а той части, которая занималась [внешкольным] народным просвещением. Речь шла о том, что это министерство взяло на себя массу функций, в которых не было никакого смысла. Например, в том, чтобы оттуда управляли литературой и кино.*

— Это вполне возможно. Такого рода заявление я вполне мог сделать²².

— *Позднее Вас упрекали в том, что Вы приняли пост министра?*

— Само собой.

— *Вам делались и какие-то конкретные упреки? Или дело ограничилось привычными общими формулировками?*

— Этого я теперь вспомнить уже не могу. В течение моей жизни обо мне было написано столько плохого, что я уже не могу вспомнить какие-то отдельные нападки.

²⁰ В партийный комитет, который должен был заняться подготовкой учредительного съезда новой партии, вошли Ф. Донат, Я. Кадар, Ш. Копачи, Г. Лошонци, Д. Лукач, И. Надь и З. Санто.

²¹ Видный левый политик, экономист и публицист, один из основателей национальной крестьянской партии Ференц Эрдеи (1910–1971) был по сути крипто-коммунистом, занимал министерские посты и после установления коммунистической диктатуры, представляя свою партию, существовавшую к этому времени лишь номинально. Осенью 1956 г. он вошел в качестве вице-преьера и в правительство И. Надя, формировавшееся на коалиционной основе.

²² Речь идет об одном из интервью, которое Лукач дал в те дни часто посещавшим его журналистам.

— Вас застало врасплох то, что случилось 4 ноября²³? Верили ли Вы в то, что советское и венгерское правительства все-таки сумеют договориться?

— Это очень сложный вопрос, поскольку я, так сказать, в силу физических причин — и это вряд ли происходило со мной еще когда-либо в жизни — совершил ошибку. Поздним вечером 3 ноября я вернулся из парламента домой, и едва лег, позвонили Санто²⁴ и предложили нам с Гертрудой²⁵ пойти к ним. Там они немедленно предложили отправиться всем нам в югославское посольство, поскольку русские уже входили в город. Я признаю, что в том своем состоянии просто не выпавшегося человека я поддался именно такому ходу мыслей. В свое оправдание могу сказать лишь, что, попав часок-другой в посольство, я тут же пожалел о том, что сделал, но об уходе из посольства уже было нечего и думать.

— Ощущались ли уже в посольстве различия во мнениях среди тех, кто нашел там убежище, расхождения, которые полнее проявились уже позже, во время Вашего пребывания в Румынии²⁶?

— Конечно же, расхождения проявились уже в посольстве. Вообще нельзя забывать, что мотивы найти убежище там были у людей самыми разными. Золтан Ваш²⁷, например, укрылся в югославском посольстве, поскольку предполагал, что вместе с наступающими войсками прибудет и его жена, и его как человека ветреного заставит платить по счетам, поскольку он тогда уже жил вместе с его теперешней женой. Этим я лишь хочу проиллюстрировать, сколь различные мотивы сыграли здесь свою роль. Наша позиция с самого начала заключалась в том, что мы хотели вернуться домой. Это наше намерение — что интересно — было-таки принято во внимание применительно к некоторым людям, включая меня. Однако когда мы захотели воплотить это намерение на практике, мы были арестованы и доставлены в русский лагерь, или как это там называется²⁸.

²³ Рано утром 4 ноября произошло вступление советских войск в Будапешт.

²⁴ Речь идет о ветеране венгерской компартии Золтане Санто и его жене.

²⁵ Жена Лукача Гертруда Борштибер-Лукач.

²⁶ Группа венгерских коммунистов (почти исключительно сторонников И. Надя) и членов их семей, с вступлением советских войск в Будапешт в ночь на 4 ноября укрывшихся в югославском посольстве, после согласованного выхода оттуда (большинство из них вышли 22 ноября) была задержана и 23 ноября переправлена в Румынию в г. Снагов близ Бухареста.

²⁷ Ваш (Вайнбергер) Золтан (1903–1983) — венгерский коммунистический политик, журналист. В 1926 г. арестован режимом Хорти за революционную деятельность и до 1940 г. находился в заключении, был освобожден вместе с М. Ракоши и выехал в СССР. После возвращения на родину в конце 1944 г. стал влиятельным деятелем компартии (с 1948 г. Венгерской партии трудящихся), занимал ответственные должности, особенно в сфере экономической политики, избирался в Политбюро. В 1953 г. поддержал реформаторскую линию премьер-министра И. Надя. 4 ноября 1956 г., с началом решающей советской военной акции по подавлению венгерской революции вместе с И. Надем и группой коммунистов из его окружения (включая Д. Лукача) нашел убежище в югославском посольстве, при выходе оттуда в конце ноября задержан и депортирован в Румынию, получив разрешение вернуться в Венгрию только в конце 1958 г. В кадаровской Венгрии активно занимался литературным трудом, однако его мемуары смогли быть полностью опубликованы только после смерти Ваша, в конце 1980-х годов.

²⁸ Речь идет о здании советской военной комендатуры.

— *Кому еще разрешили уйти?*

— Очень многим. Например, как я помню, Силарду Уйхейи, Золтану Санто и Золтану Вашу. Кроме группы Имре Надя в ее узком понимании, там была еще довольно большая группа лиц, желавших уйти.

— *Что произошло, когда Вы покинули посольство?*

— Когда мы сели в автомобиль, за нами тут же последовала полицейская машина и от нас потребовали, чтобы наш шофер следовал за ней. Мы свернули в переулок и там нам предложили пересесть в машины, которые и доставили нас в русский лагерь...

— *Как там с вами обращались?*

— Обращение было с самого начала хорошим и вежливым.

— *По Будапешту ходил анекдот о том, что каждого якобы попросили сдать свое оружие, после чего товарищ Лукач будто бы сдал свою авторучку.*

— Это легенда. От нас не потребовали никакого оружия. Золтан Санто, Золтан Ваш и я первыми прибыли в русский лагерь²⁹. Я не знаю, был ли еще кто-то в этой группе. Три-четыре дня спустя туда же прибыло все общество. Затем нас отвезли в Румынию.

— *Была ли у Вас там возможность работать?*

— Собственно говоря, некоторые возможности там были. Библиотеки были доступны нам, так что, стало быть, можно было читать, что хотелось. В этом плане перед нами не ставилось никаких препон. Что нам там делать — оставили на наше свободное усмотрение.

— *Вы там работали, товарищ Лукач?*

— Я почитывал там вещи, до которых раньше просто не доходили руки вследствие моей партийной работы. Трудно назвать такую деятельность работой. Но что бы я был ничем не занят — такого не случалось.

— *Я слышал еще одну забавную историю. Будто бы в Румынии один румынский тюремный надзиратель получил задание идеологически переубедить товарища Лукача.*

— Это возможно. Я действительно знал одного такого мордворота, но это была довольно безобидная вещь.

— *Рассказывают, что этот мордворот после многодневных дискуссий оказался в больнице для нервных больных.*

— Теперь я этого уже не могу вспомнить. Когда я покинул Румынию³⁰, он еще не был в больнице для нервных больных.

— Он был разумным человеком?

— На партийном уровне таких людей считают разумными. Это все, и это не так уж много³¹.

²⁹ Это произошло 18 ноября.

³⁰ Лукач получил возможность покинуть Румынию и вернуться домой в середине апреля 1957 г.

³¹ Речь идет либо о Вальтере Романе (Эрнё Нойландере), либо (с большей вероятностью) о Николае Гольдбергере, видных функционерах румынской компартии, трансильванцах еврейского происхождения, владевших венгерским языком на уровне родного. См. на венгерском языке мемуары В. Романа, опубликованные еще при его жизни: *Roman W.*

— *Предпринимали ли Вы какие-то шаги для того, чтобы вернуться в Венгрию?*

— Да, и тут возникла одна проблема. Допрашивавшие сказали мне, что я не являюсь сторонником Имре Надя, и что они это знают, а раз это так, то отчего бы мне тогда не дать показания против Имре Надя? На что я ответил: как только мы оба, я и Имре Надя, как-нибудь будем свободно прогуливаться по Будапешту, я выскажу свое мнение обо всех его действиях. Но о своих товарищах по заключению давать показания не хочу.

— *Этой нравственной позиции придерживались все?*

— Пожалуй, все.

— *По Будапешту ходили слухи о том, что позиция Золтана Санто была не совсем корректна.*

— Этого я не знаю. Я не обладаю об этом никакими конкретными сведениями, поскольку каждый допрашивался отдельно и затем другим рассказывал то, что ему хотелось, и что он считал приятным для себя. В то же время я считаю вероятным, что показания Золтана Санто были неблагоприятны для Имре Надя. Поскольку там было одно заседание, в котором принимала участие вся эмиграция, или, лучше сказать, все, кто там был интернирован. И на нем Золтан Санто довольно резко выступил против Имре Надя в его присутствии.

— *Эти заседания проходили под строгим наблюдением?*

— Это само собой. Этим занимались двадцать-тридцать человек... И причем это был русский или же румынский персонал.

— *Я потому Вас спрашиваю о Золтане Санто, товарищ Лукач, что, насколько я помню, Ваша тесная дружба с ним пошатнулась именно в это время.*

— Я был не согласен с поведением Золтана Санто, и потому наши отношения, естественно, до известной степени охладились³².

— *Во время одного нашего разговора 1956 г. Вы, товарищ Лукач, охарактеризовали его как наиболее талантливого коммунистического руководителя в наше время³³.*

— Золтан Санто был превосходным партийным работником, и в 1930-е годы он сыграл очень активную роль при преобразовании венгерской партии³⁴.

Találkozások Lukács Györggyel // Kritika. Budapest, 1982. № 6. Записи бесед Лукача и Гольдбергера опубликованы на основе материалов из фондов румынских спецслужб в книге: A Snagovi foglyok. Nagy Imre és társai Romániában. Iratok / Összeáll., a jegyzeteket és a bevezető tanulmányt írta M. Baráth, L. Sipos. Budapest, 2006. (Есть и румынское издание).

³² По устным воспоминаниям тех, кто находился с Лукачем в Снагове на положении интернированных, после выступления Санто против И. Надя Лукач демонстративно отказывался сидеть с ним за одним столом во время общих обедов. См. серию интервью: *Ember J. Menedékjog — 1956. A Nagy Imre-csoport elrablása.* Budapest, 1989.

³³ Санто Золтан (1893—1977) был членом венгерской компартии с первых дней ее основания в 1918 г., на протяжении десятилетий принадлежал к ее руководящему ядру, выполнял важные функции в Коминтерне. В 1927—1935 гг. находился в заключении в хортистской Венгрии, затем выехал в СССР. После приезда в СССР в ноябре 1940 г. освобожденного из хортистской тюрьмы М. Ракоши Санто был оттеснен на вторые роли в партии. После 1945 г. долгое время представлял Венгрию в разных странах в качестве посла.

³⁴ Имеется в виду перестройка деятельности венгерской компартии в соответствии с линией VII Конгресса Коминтерна (1935) с его стратегией широкого антифашистского фронта. Выдвижению Санто на первые роли в партии сыграл арест в 1937 г. и расстрел

Позже он был оттеснен Ракоши и его людьми на задний план, и в силу этого Санто странным образом оценивал свою собственную роль куда выше, чем она была в реальности.

— *В идеологическом плане он не представлял собой чего-то значительного?*

— В идеологическом смысле он был правильным человеком.

— *Товарищ Лукач, при каких обстоятельствах в мае 1957 г. Вы получили предложение вернуться в Венгрию?*

— Возвращение в Венгрию состоялось в конце марта — начале апреля³⁵.

— *Было ли оно обставлено какими-либо условиями?*

— Нет, не было.

— *Как в это время складывались Ваши отношения с партией?*

— Когда партия была реорганизована, и получила свое сегодняшнее название³⁶, я заявил, что по-прежнему остаюсь ее членом. Я написал в Центральный комитет письмо³⁷. Я писал в нем о том, с какого времени являюсь членом партии³⁸, и о том, что вся моя партийная жизнь открыта для партии с тех пор, как я являюсь ее членом. Так что не было никаких причин отклонять мое заявление о перерегистрации партийного членства. Это заявление, тем не менее, было, конечно, отклонено, во всяком случае я не получил на свое письмо никакого ответа³⁹. И только десятью годами позже этот вопрос вновь возник⁴⁰.

в 1938 г. Белы Куна, до некоторой степени противившегося осуществлению этой линии с сектантских позиций.

³⁵ По имеющимся данным, Д. Лукач и его жена переступили порог своей будапештской квартиры 11 апреля 1957 г.

³⁶ Речь идет о процессе трансформации быстро распадавшейся в конце октября 1956 г. ВПТ в ВСРП (см. выше).

³⁷ Письмо датируется 15 мая 1957 г. Документ хранится в Архиве Лукача в Будапеште.

³⁸ Фактически Лукач был членом компартии Венгрии с первых недель ее основания в ноябре 1918 г.

³⁹ Обсудив 21 мая 1957 г. просьбу Лукача, временный ЦК ВСРП поручил тогдашнему главному идеологу режима Дюле Каллаи встретиться и переговорить с философом. Встреча, по некоторым данным, состоялась. По ее итогам партийное руководство отклонило просьбу Лукача, сославшись на его несогласие с партийной оценкой событий 1956 г. и общей линией ВСРП на новом этапе. См.: *Kalmár M. Lukács és a koegzisztencia (1956–1960) // Beszélő. Budapest, 1997. № 7.*

⁴⁰ 9 августа 1967 г. 82-летний философ направил в ЦК ВСРП новое письмо с просьбой о восстановлении в рядах партии. По содержанию оно мало отличалось от аналогичного письма десятилетней давности, однако реакция на него оказалась теперь совсем иной. 15 августа Политбюро ЦК ВСРП, рассмотрев заявление Лукача, приняло по нему положительную резолюцию, отразившую ту эволюцию к большей толерантности в идеологической и культурной политике, которую проделал кадаровский режим начиная с конца 1950-х годов. Обвинения в ревизионизме, характерные для публичных выступлений конца 1950-х — начала 1960-х годов, теперь не фигурировали. В то же время отмечалось, что в сложные месяцы утверждения у власти «рабоче-крестьянского правительства» философ пытался политически противопоставить себя партии, что использовали в своей «подрывной деятельности» ревизионисты. Далее Политбюро выразило надежду, что в последующем Лукач будет пресекать все попытки использовать свое имя при внесении «сумятицы» в духовную жизнь и, напротив, ока-

— Вас и дальше продолжали упрекать в том, что Вы были министром в правительстве Имре Надя?

— Естественно.

<...>

— В вышедшем в 1962 г. энциклопедическом словаре Йозеф Сигети⁴¹ написал, что Вы были исключены из партии.

— Это неправда. Но вполне возможно, что так написали, поскольку я вплоть до шестидесятых годов подлежал полному моральному осуждению⁴². Вполне возможно, что обо мне распространялись подобные слухи. Во всяком случае, меня не исключили из партии, мне только не дали ровно никакого ответа на то письмо, в котором я писал, что хочу быть членом партии.

— Очевидно, Вам не дали никакого ответа, поскольку не осмелились написать ни да, ни нет.

— Конечно, какая-то такая причина была. Во всяком случае, эта проблема вновь появилась, когда я в связи с [планируемым] введением нового экономического механизма дал интервью газете «l'Unità» («Единство»). В нем говорилось примерно о том, что я поддерживаю проводимую линию, поскольку она по необходимости сопровождается демократизацией партии и обновлением марксизма⁴³.

— Это интервью «l'Unità» было началом Вашего нового появления перед общественностью?

— Да, до некоторой степени. Но нужно все-таки принимать вещи такими, каковы они есть: и до проведения экономической реформы я тоже представлял в публичной роли — как пассивное воплощение ревизионизма, эта функция вплоть до названного момента также не утратила своей злободневности.

— В то время Вы еще работали над «Эстетикой»?

жет ценную помощь партии и рабочему движению. См.: *Urbán K. Lukács és az MSzMP 1967/68-ban // Magyar Nemzet. 1990. 2 IV.* Никакой самокритики от философа не потребовали и в то же время предпочли не афишировать в прессе восстановление Лукача в партии, во избежание ненужных Кадару спекуляций в западных СМИ в условиях масштабного ближневосточного кризиса, где Венгрия всецело солидаризировалась с позицией СССР, и в самый канун 50-летнего юбилея октябрьской революции в России. О примирении философа и партии публика могла узнать лишь из интервью Лукача, опубликованного 24 декабря 1967 г. в рождественском номере главной партийной газеты «*Népszabadság*». Основной темой интервью было не восстановление Лукача в партии, а поддержка им планов экономических реформ правительства, намеченных на 1968 г. и предполагавших среди прочего усиление роли материальных стимулов в повышении производительности труда.

⁴¹ Ученик Лукача философ Йозеф Сигети в соответствии с партийным поручением был одним из главных критиков Д. Лукача в ходе антиревизионистской критической кампании конца 1950-х — начала 1960-х годов.

⁴² О международной кампании конца 1950-х — начала 1960-х годов с критикой Лукача как одного из столпов современного ревизионизма см.: *Стыкалин А.С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001. Глава 8.*

⁴³ Интервью Лукача было опубликовано в главном печатном органе итальянской компартии 26 августа 1966 г., а уже в октябре вышло и в венгерском переводе в общественно-политическом журнале «*Valóság*» («Реальность»).

— На первом отрезке [этого времени] я уже завершил работу над «Эстетикой»⁴⁴. И, естественно, не было никаких шансов, что ее позволят издать за рубежом, не говоря уже о Венгрии. Учитывая это, я написал Кадару письмо, в котором осудил установленный порядок вещей. То есть я думаю, что каждое издательство имеет право издавать то, что хочет. Однако ни одно издательство не имеет права препятствовать другим в издании книг. Таким образом, в своем письме Кадару я выражал протест против этого заведенного порядка⁴⁵. Вследствие этого я был вызван в Центральный комитет. Как там звали этого парня? Сирмаи⁴⁶. Я был вызван к нему, и он сообщил мне, что, если я того захочу, в мое распоряжение любезно предоставят паспорт, позволяющий мне выехать в эмиграцию. На это я сказал Сирмаи: «Видите ли, власть в ваших руках. Вы можете делать со мной что пожелаете. Если я сейчас покину эту комнату и в дверях мне на плечо положит руку полицейский, я буду пленником и ничего не смогу сделать. Однако у вас нет достаточной власти, чтобы выпроводить меня из Венгрии, когда вам это заблагорассудится». И таким образом, они положили дело на добрых полтора года под сукно⁴⁷.

— Когда возник план полного немецкого собрания сочинений?

— Очень давно. Еще до 1956 года⁴⁸.

— В конечном итоге борьба велась за то, чтобы Вы смогли послать «Эстетику» Бензелеру⁴⁹?

⁴⁴ 2 марта 1960 г. Лукач передал в Президиум Венгерской академии наук ряд обширных, уже подготовленных в окончательном виде глав своего фундаментального труда «Своеобразие эстетического» на немецком языке. Он не скрывал, что предварительно договорился о публикации книги с издательствами Западной Германии (в оригинале), а также Италии и Польши (в переводах на соответствующие языки). Венгерская академия наук переадресовала рукопись в ЦК ВСРП.

⁴⁵ Письмо относится к лету 1960 г.

⁴⁶ Иштван Сирмаи возглавлял отдел пропаганды и агитации в аппарате ЦК ВСРП.

⁴⁷ Вопрос о том, что делать с рукописью труда Лукача по эстетике, несколько раз обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК ВСРП. В конце концов было решено не препятствовать изданию рукописи за рубежом и начать ее перевод на венгерский язык в целях публикации в родной стране. Эта позиция стала симптомом начавшейся эволюции режима Кадача к более толерантной культурной политике. В 1963 г. «Своеобразие эстетического» было полностью опубликовано в ФРГ на немецком языке, а в 1965 г. в Венгрии в венгерском переводе (на русском языке опубликовано лишь в конце 1980-х годов). К 1964 г. затихла критика в венгерской печати лукачевского ревизионизма, выход его поздней «Эстетики» сопровождался благожелательными откликами как в СМИ, так и в специальных изданиях. См. подробно: *Стыкалин А.С.* Дьердь Лукач — мыслитель и политик. Главы 8, 9.

⁴⁸ В 1951–1956 гг. издательство «Aufbau» в Восточном Берлине опубликовало в виде единой серии 14 томов сочинений Лукача. Однако после венгерской революции осени 1956 г. директор издательства В. Янка был арестован и провел несколько лет в заключении по обвинению в подрывной антигосударственной деятельности. Судебный процесс по его делу был одним из ряда мероприятий, призванных запугав интеллигенцию Восточной Германии, предостеречь ее от реформаторских настроений. См. мемуары В. Янки: *Janka W. Schwierigkeiten mit der Wahrheit*. Berlin, 1989.

⁴⁹ В 1960-е годы инициатором издания собрания сочинений Лукача явился западногерманский издатель философской литературы Франк Бензелер, возглавлявший

— Именно за это.

— *Имели ли Вы возможность в это время выпустить за рубежом другие рукописи?*

— Что я смог переправить контрабандой, то и вышло⁵⁰.

— *От Вас в связи с этим не требовали объяснений?*

— От меня в связи с этим никто не требовал объяснений. После того как затем был восстановлен мир, я поговорил об этом с Ацелом⁵¹ и сказал ему тогда: «Вот посмотри, сколь долго вы будете запрещать издание моих рукописей за рубежом, столь долго я буду преспокойно переправлять их, поскольку не признаю ваше право препятствовать немецкой публикации моей книги. Если же я получу гарантию того, что моим вещам будет разрешено законным путем выходить за рубежом, я с большим удовольствием откажусь от моего права на контрабанду». С началом восстановления мира в наших отношениях я получил такое право.

— *После возвращения в Венгрию участвовали ли Вы какое-то время в поддержке людей, оказавшихся в трудном положении?*

— Разумеется, это происходило. Сейчас я уже не мог бы сказать, кого и что, и каким образом мы поддержали. Я всегда выступал против предпринимаемого со стороны правительства насилия, и никто не может утверждать, будто бы я одобрил казнь Имре Надя⁵² и тому подобное, однако существовали различия, которые в некоторых случаях имели в значительной мере тактический характер. Речь идет о том, что кому-то были шансы реально помочь, тогда как в других случаях все было безнадежно и т. д.

издательство «Luchterhand», базировавшееся в Нойвиде. Именно Бензелер и опубликовал в 1963 г. оригинале «Своеобразии эстетического».

⁵⁰ Среди изданных на Западе в конце 1950-х — начале 1960-х годов работ Лукача особый резонанс вызвал опубликованный в 1957 г. итальянским издательством «Einaudi» сборник эссе «Актуальное значение критического реализма», в котором проводилась мысль о том, что подлинно высокий социалистический реализм может быть только критическим реализмом современной эпохи, раскрывающим во всей полноте глубокие противоречия перехода к социализму во всемирном масштабе. См.: *Lukács G. Il significato attuale del realismo critico.* Torino, 1957. Выход этой книги стал одним из поводов к развязыванию международной кампании с критикой Лукача с позиций догматического марксизма. В 1963 г. сборник вышел и на английском языке: *The Meaning of Contemporary Realism.* London, 1963. С середины 1960-х годов венгерские власти совершенно не препятствовали публикации на Западе новых работ философа.

⁵¹ Ацел Дьердь (1917–1991) был многолетним членом Политбюро ЦК ВСРП, курировал идеологию и культурную политику.

⁵² Надя Имре (1896–1958), который в бытность главой правительства Венгрии в октябре-ноябре 1956 г. не сумел овладеть обстановкой в условиях глубочайшего внутривластного кризиса, стал жертвой судебного процесса по обвинению в измене родине и создании организации, имевшей целью свержение народно-демократического строя. В апреле 1957 г. он был депортирован из Румынии на родину, а в июне 1958 г. предстал перед судом. Смертный приговор был вынесен 15 июня 1958 г., а утром следующего дня приведен в исполнение. В 1989 г. И. Надя был реабилитирован, а его останки торжественно перезахоронены. См. подробно: *Райнер Я.М.* Имре Надя — премьер-министр венгерской революции 1956 года.

— Над чем, наряду с «Эстетикой», Вы работали в это время?

— Над подготовкой моей «Онтологии». «Эстетика», собственно, была подготовкой к «Онтологии», ввиду того, что она рассматривала эстетическое как момент бытия, общественного бытия.

— Насколько я знаю, после «Эстетики» вы планировали написание «Этики».

— «Онтологию» я изначально планировал в качестве философского основания «Этики», и в силу этого «Этика» была оттеснена «Онтологией», поскольку речь шла именно о структуре бытия, а не о какой-либо отдельной его форме⁵³.

— К этому времени относятся также и политические статьи, и даже политическое исследование об отношении буржуазной демократии и демократии социалистической. Это исследование не вышло ни на одном языке⁵⁴. Оно было написано в связи с событиями в Чехословакии.

— Чешские дела возникли очень поздно. И в отношении чешских дел я решительно занял прочешскую позицию. Ссылаясь на мое право члена партии, я написал Кадару письмо, в котором довел до его сведения, что я в чешских делах не поддерживаю ни поведение партии, ни в особенности его поведение⁵⁵. Это я написал Кадару⁵⁶. В то же время — а я и сегодня считаю правильным, что поступил именно так — я отказался от участия в философском конгрессе в Вене, куда был приглашен, поскольку, если бы я там появился, то, конечно, каждое второе мое слово было бы связано с чешским вопросом, а этого я не хотел.

— Изменилось ли в определенной степени Ваше отношение к 1956 году вследствие чешских событий? Я имею в виду то, что чехи, очевидно, не хотели выходить из Варшавского договора, и тем не менее, последовала интервенция. Можно ли на этом основании заключить, что решение Имре Надя о выходе [из Варшавского договора] послужило только предлогом для интервенции?

— В то время нельзя было принимать такое решение. Я со своей стороны, хотя и занял прочешскую позицию, но при этом понимал, что в чешском вопросе, вопросе чешской демократии можно было выявить внутренние противоречия — я даже собирался написать об этом статью для одной румынской газеты

⁵³ Задуманный грандиозный труд «Онтология общественного бытия», посвященный разработке общефилософских основ теории общественной жизни, оказался неоконченным. Однако Лукач успел подготовить значительные его части, опубликованные как в немецкоязычном оригинале, так и в венгерском переводе. См. издание на русском языке: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991.

⁵⁴ Речь идет о работе «Настоящее и будущее демократизации», которая была подготовлена в полном виде к печати будапештским архивом Лукача только в середине 1980-х годов. См.: Lukács Gy. Demokratisierung heute und morgen. Budapest, 1985. Издание на венгерском языке — 1988. Из публикаций фрагментов этой работы на русском языке см.: Лукач Д. Демократическая альтернатива сталинизму // Коммунист. 1990. № 14.

⁵⁵ О позиции венгерского коммунистического лидера Я. Кадара, в течение многих месяцев склонявшегося к компромиссу в отношении Пражской весны и реформаторских процессов в соседней Чехословакии, но в конце концов сделавшего выбор в пользу участия Венгрии в военной интервенции, см.: Стыкалин А.С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 21—41.

⁵⁶ Документ хранится в Архиве Лукача в Будапеште.

и не написал ее лишь из-за недостатка времени. Одним словом, я занял по отношению к чехам критическую, но, тем не менее, сочувственную позицию.

— Если я правильно помню, эта статья должна была затронуть вопрос о Масарике.

— Во время диктатуры чешские войска под руководством Масарика вторглись в Венгрию⁵⁷. И я написал бы, что не слишком высоко ценю демократию, которая хочет использовать демократическое оружие против диктатуры пролетариата другой страны.

Перевод с немецкого А.С. Лагурева.

Вступительная статья и комментарии А.С. Стыкалина

⁵⁷ Речь идет о военном конфликте между только что образованным чехословацким государством и венгерской коммунистической диктатурой (Венгерской советской республикой) 1919 г. В основе конфликта лежали прежде всего не идеологические противоречия, а территориальные споры, неизбежные вследствие распада Австро-Венгерской монархии. Д. Лукач фактически был руководителем культурной политики Венгерской советской республики, но выезжал на фронт и в качестве политкомиссара.

В. Аристов

«Кто нам сегодня объяснит, за что погибли наши ребята в Будапеште?» Участник боев в Будапеште о венгерских событиях 1956 года

Сегодня их найти гораздо труднее, чем ветеранов Второй мировой войны. Во-первых, потому что их было меньше. Во-вторых, если ветераны Второй мировой гордо носят свое имя и окружены почетом и уважением, то солдаты, посланные в 1956 году в Венгрию подавлять «контрреволюционный мятеж», такого почета у себя на родине никогда не знали. Им запрещалось говорить, где они были, что видели и что делали. Так продолжалось до конца существования СССР. Но и теперь оставшиеся в живых участники боев 1956 г. в Будапеште с советской стороны, как правило, продолжают молчать. Те же, кто решается на воспоминания, высказывают обиду в адрес политического и военного руководства СССР и современных российских чиновников. И недоумевают: зачем их тогда послали в Венгрию и почему, если это так нужно было руководству страны, то оно об этих солдатах постаралось вскоре забыть?

— В 1956 г. я служил радистом в 692-м отдельном батальоне связи 31-й танковой дивизии, входившей в состав 8-й Гвардейской механизированной армии под командованием генерал-лейтенанта Бабаджаняна, — рассказывает живущий в Ленинградской области кандидат педагогических наук, член-корреспондент Международной академии информатизации Владислав Скитневский. — Это был Прикарпатский военный округ. Наша танковая дивизия дислоцировалась на Украине, в городе Хмельницкий. Мы были подняты по тревоге за день до начала восстания в Будапеште. Когда проходили Закарпатскую область, в районе Мукачево нашу колонну впервые обстреляли. Это нас поразило, так как обстрел произошел на советской стороне. Служивший вместе с нами венгр сказал, что, скорее всего, стреляли его земляки-венгры, которые живут на территории СССР, в Закарпатье.

— *Владислав Оскарович, по-видимому, Вы и другие солдаты тогда практически ничего не знали о Венгрии, поэтому и удивляться вам всем пришлось многому?*

— Конечно, мы почти ничего не знали об этой стране. Второй раз были удивлены, когда, двигаясь по проселочным дорогам Венгрии, увидели группы безоружных солдат в нашей, советской, форме. Они махали нам руками, мол, давайте, идите быстрее. Некоторые из этих солдат тащили домашних гусей. Поначалу мы подумали, что это наши дезертиры. Но это были венгры! Оказывает-

ся, венгерская армия была одета в советскую форму и выглядела, как наша. Мы этого совсем не знали! Мало кто из нас догадывался и о том, что во время Второй мировой войны Венгрия воевала против СССР. Командиры стали говорить нам об этом только в Будапеште. Причем не сразу.

— *А сами ваши командиры много знали о Венгрии?*

— Наши офицеры тоже почти не обладали информацией об этой стране и сложившейся в ней к тому времени ситуации. Они были подавлены. Нервничали. Срывали свою злость на солдатах. Условия, в которых мы очутились, неожиданно оказались сложными. Во время первого — в октябре 1956-го — ввода войск в Будапешт за два дня нами было потеряно много живой силы и техники. Не на высоте оказалась наша продовольственная служба. Сухой паек мы съели еще до прихода в Венгрию. Наши фляги под воду были пустыми. Горячую пищу получили лишь через несколько дней в Гёдёллё — только тогда подошла наша походная кухня. Когда появились первые раненые и убитые, наши офицеры не знали, куда их нужно отправлять. Наш медсанбат потерялся где-то на улицах огромного города. Стояла неразбериха. Тяжело раненных советских солдат стали забирать венгерские кареты скорой помощи. Однако вскоре распространился слух, будто венгерские врачи и медсестры вливают нашим раненым в кровь вместо лекарств керосин. Поэтому мы боялись оказаться ранеными далеко от своих...

— *А что Вас поразило в Будапеште еще до начала боевых действий повстанцев против советских войск?*

— Когда мы зашли в Будапешт, то были шокированы тем, что во многих дворах и на улицах на фонарях висели повешенные люди. Многие — за ноги. Вероятно, некоторые из них были еще живы, так как стоящая рядом толпа глумилась над ними. Но мы не имели возможности им помочь. Наши офицеры говорили: «Пусть разбираются сами».

Другим ярким впечатлением была лежащая у советского посольства статуя Сталина без ног. Ноги остались на постаменте в другом месте. В тот же день наша радиостанция, на которой я служил радистом, была поставлена на дежурство у здания посольства СССР. Это было сделано на случай, если бы у советского посла Андропова своя связь вдруг вышла из строя. С нами дежурил 3-й секретарь посольства Крючков, ставший впоследствии, как и Андропов, руководителем КГБ. Крючков с нами всегда был очень вежлив. Мы же с ним общались настоятельно — как с гражданским человеком. Пытались иногда у него спрашивать, что здесь происходит, что будет дальше. Но он дипломатично уходил от наших вопросов. Говорил, что особенно важно прикрыть австрийскую границу. Иначе в Венгрию могут войти американцы.

— *Сегодня хорошо известно, что Соединенные Штаты Америки не собирались вмешиваться в венгерские дела. Не были к этому готовы и другие страны Запада. Правда, западные радиостанции призывали восставших венгров бороться до конца и ждать военной помощи.*

— Я был радистом, поэтому знаю, какую активную пропаганду вели западные радиостанции. Когда мы только входили в Венгрию, одна из них передавала о нас так: «Свободные венгры! На вашу землю вторглась 31-я советская дивизия. В ее составе головорезы-азиаты». Услышав это, наши солдаты-казахи только ухмылялись. Интересно, что многие из них замечали в венгерской речи

знакомые тюркские слова. В нашей дивизии действительно служило много выходцев из Азии, особенно из Казахстана. Но ни они, ни мы, русские, головорезами не были. У нас даже не было приказа открывать огонь! Стрелять начали не мы, а по нам. Начались поджоги наших танков. Сзади танков располагались ёмкости с топливом, а внутри корпуса, рядом с горячей трансмиссией, находился боекомплект из снарядов. Если пламя не успевали погасить, боекомплект взрывался. При этом погибали не только танкисты. Стена рядом стоящего дома, из которого сверху повстанец бросал бутылку с «коктейлем Молотова», от взрыва танка буквально сползала, погребая под собой ни в чем не повинных мирных жителей.

— *А была ли хотя бы какая-то возможность спасти горящий танк от взрыва?*

— Если танк загорался, танкисты его не покидали, так как понимали, что их тут же застрелят. Поэтому чтобы спасти танк от взрыва, а себя от гибели, они разворачивали башню перпендикулярно к глухой стене близстоящего дома и производили из танкового орудия выстрел. Взрывная волна от стены сбивала пламя на танке, и он был спасен. В танковом взводе три танка. Если загорался один танк, то рядом стоящий другой производил выстрел чуть выше башни первого. Тогда пламя тоже гасло. Но кто знает, куда летел тот шальной снаряд? Такие способы спасения своих танков и танкистов были вынужденными. Это было спонтанное солдатское «ноу-хау», изобретенное там же, во время боев на улицах Будапешта. Оно пресекалось командованием. Вообще, получался страшный замкнутый круг: повстанец бросал бутылку с «коктейлем Молотова», чтобы убить русских солдат, но тем самым вызывал гибель своих же сограждан из ближайших к танку домов. Так происходило даже тогда, когда танкисты не стреляли в стену дома, чтобы сбить пламя на своем танке, а танк просто взрывался.

— *Выходит, смерть в охваченном восстанием Будапеште могла настичь как участников боевых действий, так и любых жителей города, мирно сидящих в своих домах?*

— Мирным жителям негде было укрыться ни от нас, ни от своих. Люди могли в любое время получить в окно или в стену своего дома шальной снаряд. И венгры, и мы были заложниками всего происходящего. Наши бронетранспортеры имели брезентовый верх, который никак не защищал советских солдат от пуль мятежников. Посылать наших солдат на такой технике в восставший Будапешт было преступлением. Как и вообще вводить такую массу войск с танками в огромный город и устраивать там бойню.

— *Наиболее кровавая бойня началась во время второго, ноябрьского, ввода советских войск. Тогда нашим солдатам и командирам ситуация была уже более понятной?*

— 4 ноября мы получили приказ подавить «фашистский мятеж». Тогда нас ввели в Будапешт второй раз. Нам сказали, что мы должны выполнить свой интернациональный долг и помочь венгерскому пролетариату спасти страну от фашизма. Нам было удивительно: откуда здесь взялись фашисты, ведь их разбили еще 10 лет назад? И все-таки, когда мы узнали, что нужно воевать против фашистов, нам стало спокойнее. Настроение солдат и офицеров стало уже более уверенным. Большой моральный подъём вызвал проведенный в Будапеште 7 ноября 1956 года парад наших войск. В приказе главкома войск стран Варшавского Договора маршала Конева нас призывали вести себя достойно, как поло-

жено воинам, исполняющим интернациональный долг. Советское командование больше всего боялось нашего мародёрства. Но я не знаю ни одного такого случая со стороны солдат. Хотя со стороны наших офицеров, возможно, такие случаи были, поскольку некоторые из них куда-то бесследно исчезали. Говорили, что они пытались переправить в СССР венгерские легковые машины. Солдатские же мешки старшины обшаривали ежедневно. Да и военный трибунал работал четко. Так что мародёрства среди наших солдат не было.

— В настоящее время в Венгрии участники восстания 1956 г. признаны борцами за свободу. Венгерским государством им предоставлены немалые льготы. Имеют ли какие-то льготы, награды и вообще что-либо за участие в той операции бывшие советские солдаты?

— Ничего мы не имели и не имеем! И кто нам сегодня объяснит, за что погибли наши ребята в Будапеште? За что один из моих друзей потерял там ногу, а я был тяжело контужен? Это случилось в Буде, на площади Москвы, когда вблизи нашей радиостанции подрывался танк, подожженный повстанцами. Но в госпитале, во Львове, диагноз всем раненым ставили один — «пневмония». Когда же годы спустя я написал в Центральный архив Министерства обороны России с просьбой подтвердить мое участие в военных действиях 1956 года в Венгрии, мне ответили, что у них таких документов нет!

— То есть никакого особого статуса, специальных наград или знаков у тех, кто в 1956-м был в составе советских войск в Будапеште, не существует? Лично Вас хоть чем-то наградили за участие в боевых действиях?

— В 20-х числах ноября, сразу после подавления восстания в Будапеште, я, вместе со своим сослуживцем сержантом Алексеем Озеровым, был награжден медалью «За боевые заслуги». Эту награду лично вручал посол Андропов. Награждение происходило во дворе советского посольства, в центре Будапешта. Когда наша наполовину выбитая дивизия вернулась в Хмельницкий, на место прежней дислокации, мы стали носить полученные медали на груди. У наших сослуживцев это вызвало зависть и разговоры, что вот, мол, этим связистам дали медали за то, что они были рядом с начальством, у посольства, а многие другие наград не получили. Мы убрали свои медали и больше на службе их не носили. Когда через несколько лет после венгерских событий я жил в Казахстане и работал в партийных органах, то явился с медалью «За боевые заслуги» на какой-то праздник. Меня спросили, где и за что я ее получил. Я честно ответил. Вскоре после этого меня вызвали в КГБ Южно-Казахстанской области и там сказали, что не стоит мне носить эту медаль и говорить об обстоятельствах награждения ею. Такая есть установка. Мол, понимаете, сложное международное положение... Я вскипел и сказал: «Раз так — забирайте эту медаль назад!» и оставил ее в КГБ. Ее забрали. Это был 1962 год. Мне, конечно, было страшно обидно за такое отношение к себе и к своим товарищам, участвовавшим в событиях 1956 г. Много позже, в 1988-м, когда я учился в Москве в Академии общественных наук, то записался на прием к руководителю КГБ Крючкову. И рассказал ему об этой истории. Крючков меня вроде бы узнал. Он сказал: «Когда вернетесь домой, вам там дадут другую медаль». По возвращении в Казахстан мне действительно вручили медаль. Но уже не «За боевые заслуги», а «Медаль Жукова». Она дается за участие в операциях, которыми командовал этот маршал. Сегодня мне за

нее ежемесячно доплачивают тысячу рублей. Но в целом мы, участники военной операции в Венгрии, по-прежнему все равно остаемся забытыми. По большому счету ничего у нас нет, кроме досады. Нам, бывшим солдатам 1956 года, очень обидно, что нас уже более полувека «держат в секрете». Сегодня тех, кто воевал тогда в Будапеште с советской стороны, осталось совсем мало. Но чиновники и слышать ничего не хотят о какой-то венгерской операции! А ведь мы прошли через настоящий ад. Через необъявленную войну без правил. Порой та операция носила постыдный характер. Но стыдно должно было бы быть высшему руководству, а не солдатам.

— *Еще в 1992 г. президент Ельцин, приехав в Будапешт, покаялся перед венгерским народом за подавление советскими войсками венгерского восстания. Как Вы к этому относитесь?*

— Я об этом ничего не слышал. Но у меня вопрос: почему он покаялся только перед венграми? А перед своими солдатами и перед своим народом? наших убитых хоронили тайно, скрывая, где и как они погибли. Домой писали: «Погиб на маневрах». И дату такую ставили, чтобы никто не подумал, что это случилось в Венгрии...

VI. Мнение

В.Л. Мусатов

«Кремль не мог махнуть рукой на происходящее»

Кризисные события осени 1956 г. в Венгрии оцениваются сейчас в Будапеште как революция и борьба за свободу. Такая оценка была дана, в частности, в постановлении Государственного собрания, принятом в 1990 г. Законодатели, надо полагать, искали формулу, позволяющую соединить в едином целом как внутренние, так и международные факторы тех событий. Этой оценкой пользуются и нынешние официальные власти Венгрии. При всем уважении к решению венгерского парламента и к тексту Конституции Венгрии (2012), в котором дата 23 октября отмечена как национальный праздник «революции и борьбы за свободу», существуют все-таки, на мой взгляд, определенные неясности относительно того, что же произошло в стране чуть более 60 лет назад: революция, народное восстание или антиправительственный, антикоммунистический мятеж. Правомерность термина «контрреволюция», которым пользовались более 30 лет (с 1956 по 1989 г.), оказалась отброшенной новыми политическими реалиями 1990-х годов. Отвлекаясь от идеологических моментов и целей, надо все же признать, что прежняя схема в целом была понятной и логичной — если считать, что в результате народно-демократической революции 1948–1949 гг. победила новая, народная власть, то стремление оппозиционных политических сил свергнуть ее и разрушить следует считать контрреволюционным выступлением. Однако Я. Кадар, несмотря на советское давление при Н.С. Хрущеве, всячески уходил от закрепления каких-либо однозначных оценок и в тридцатую годовщину событий, в 1986 г. вбросил в политический оборот новое определение — «национальная трагедия» (этот тезис, впрочем, применялся им и раньше, начиная с первой половины 1970-х годов).

Возобладавшие в общественном мнении и внутри прежней правящей партии — ВСРП в начале 1980-х годов либеральные подходы, а затем и прямые антисоциалистические нападки, влияние западных политиков, тем более осущитимые после провала социалистического режима власти в Венгрии в 1989–1990 гг. и ослабления СССР, неизбежно вели к принятию термина «революция» и к реабилитации премьер-министра И. Надя. Эта политическая фигура, с одной стороны, считается вождем революции и одновременно мучеником, а с другой стороны, признается, что личность И. Надя полна противоречий, причем не только по причине его закрытых связей с советским НКВД с 1933 г., но и из-за ошибок и промахов в ходе событий 1956 г. Правые силы венгерского общества никогда особенно не жаловали премьер-министра коммуниста, казненного в 1958 г. новой коммунистической властью.

Некоторые историки считают, что «революция 1956 года» явилась самым выдающимся событием в венгерской истории XX в. Думаю, что это спорная оценка. Как тогда быть с революцией 1918 г., приведшей к распаду Австро-Венгерской империи и зарождению самостоятельной Венгрии? А как оценивать поражение Венгрии, последнего европейского союзника гитлеровской Германии во Второй мировой войне и освобождение Красной армией этой страны от фашизма и реакционного государственного режима?

Один из исследователей оценил масштабы участия венгерских граждан в событиях 1956 г. По его данным, в демонстрациях, уличных столкновениях, боевых действиях и в выборах революционных комитетов, рабочих советов и национальных комитетов участвовали до 1 млн человек. Цифра солидная, но ведь можно привести и другую цифру — 1 мая 1957 г. в митингах в Будапеште и в других городах в поддержку правительства Я. Кадара, взявшего курс на консолидацию, также приняли участие, по некоторым данным, до 1 млн чел. Как это объяснить? Думаю, что столь большое количество людей власти не могли заставить выйти на улицу насильственными методами, как это утверждается некоторыми современными политиками.

Если предметно разбираться в событиях осени 1956 г., то станет ясно, что революционные подвиги (или революционный хаос) за 8–9 дней кризисных событий по-настоящему охватили прежде всего низовые и среднего уровня структуры власти. Прежде всего именно там развалились звенья государственного механизма и партийные организации прежней правящей Венгерской партии трудящихся — ВПТ. Но Будапештский горком ВПТ действовал, иначе как объяснить вооруженную атаку на него и кровавую расправу с его защитниками 30 октября? Центральное руководство (ЦК) не заседало после 28 октября, но на совещании с участием Я. Кадара, И. Надя и др. было решено создавать новую партию. Об этом 1 ноября объявил по радио Я. Кадар. В обстановке усиливающегося паралича власти, дезориентации кадров это был сигнал для сторонников народно-демократического пути. Тем более что Кадар сказал тогда и об угрозе контрреволюции.

Но формальной смены государственного строя и режима власти, отмены конституции 1949 г., роспуска парламента и объявления новых выборов не произошло. Председатель Президиума ВНР И. Доби оставался на своем посту, более того, 7 ноября 1956 г. он одобрил приход к власти временного революционного рабоче-крестьянского правительства во главе с Я. Кадаром.

Сохранялись армия¹ и полиция², хотя их не мог не затронуть процесс разрушения и распада. В этой ситуации многие офицеры армии и полиции пересекали границу, уходили в Советский Союз и Чехословакию. По инициативе повстанцев и с согласия И. Надя создавались новые силы правопорядка — Национальная гвардия. Ее возглавил генерал Б. Кирай, в прошлом хортистский офицер*. Новым министром обороны стал полковник П. Малетер, выступавший вместе с повстанцами.

В экономической сфере никто вслух не отказывался от достижений предшествующего периода — от национализации крупных предприятий и от земельной

* Он служил и в послевоенной венгерской армии, и до ареста в 1951 г. в условиях режима Ракоши был начальником военной академии. (*Прим. отв. ред.*).

реформы. Но сельхозкооперативы (колхозы) вызывали отторжение. На возврат церковных земель и прежних церковных привилегий намекнул кардинал Миндсенти, которого поддерживали США и западные страны³.

В окружении И. Надя обсуждался вопрос о желательности парламентских выборов в ноябре, но до свободных выборов дело так и не дошло. Несмотря на шумиху, появление множества печатных листовок многопартийность только начала складываться. Например, социал-демократы опасались входить в коалиционное правительство И. Надя. На волне антикоммунизма явственно усиливалось правое крыло политического спектра. Даже ближайший сподвижник премьер-министра Г. Лошонци считал, что левым силам не удастся выиграть на выборах. Другой соратник И. Надя — Миклош Вашархейи говорил мне при встрече в Москве в 1996 г., что левые собрали бы не более 15% голосов. Он рассказывал, что в правительстве не ставили задачу возврата к рыночным отношениям, речь заходила об исправлении недостатков плановой системы.

Открытый вопрос — было ли в стране двоевластие? Очевидно, такая угроза имела. Появились региональные центры (не только в городе Дьер), контрправительством по существу являлся и Будапештский центральный рабочий совет, функционировавший даже в ноябре, после нового наступления советских войск. Наконец, что собой представляли вооруженная группа Дудаша или полевые командиры отрядов, засевших в переулке Корвин? Между И. Надем и повстанцами существовали разногласия. Но связь поддерживалась. Идейная палитра политических сил была чрезвычайно пестрой. О «чистоте революции» вели речь и призывали к ней только отдельные писатели*. Настроения в стране определяли вооруженные повстанцы, их насчитывалось от 30 до 50 тысяч человек. Налицо был сдвиг вправо.

Закономерно возникает вопрос, как нужно было реагировать Москве, получившей 23 октября просьбу легитимного венгерского правительства о военной помощи? (сначала по ВЧ-телефону просьбу передал руководитель ВПТ Э. Гере, затем 28 октября поступило письмо, подписанное первым вице-премьером А. Хегедюшем).

По моему мнению, не важно, как окрестить этот процесс — революция (явная аналогия с революцией 1848–1849 гг.), контрреволюция, восстание (народное, национально-освободительное и т. д.) или мятеж. *В любом случае можно считать, что имела место попытка смены действующей власти вооруженным путем, под националистическими или патриотическими лозунгами и в условиях массового недовольства порочной практикой строительства социализма.* При этом многие люди были согласны на народную демократию как разновидность социализма, но очищенную от ошибок и преступлений ракошистского руководства. Восстание приветствовали многие коммунисты, но дело в том, что к концу октября центр (правительство) утратил контроль над ситуацией. Имре Надь и его сторонники не хотели отдавать власть в руки правых, даже при всех своих уступках реакционной оппозиции, но и обеспечить мирный процесс перемен они не смогли.

В главном вопросе — о путях умиротворения общества и выхода из кризиса взгляды И. Надя и Я. Кадара разошлись. Так появились две альтернативы дальнейшего развития венгерских событий.

* Характерные образцы такой публицистики см.: ССВК. Раздел III. (Прим. отв. ред.).

Премьер-министр И. Надь, лавируя между различными политическими факторами, потворствуя антиправительственным, повстанческим силам, объявил о выходе Венгрии из Варшавского договора, о нейтралитете страны и потребовал полного вывода советских войск.

В этом пункте все сомкнулось. Дальнейший ход событий был уже ясен. Понятно, что Кремль не мог махнуть рукой на происходящее, особенно после разгрома здания Будапештского горкома партии и расправы с его защитниками, не мог убрать свои войска, не мог заявить: пусть венгры самостоятельно разбираются в «каше» событий. Несмотря на возможные международно-правовые осложнения, появилось твердое намерение заменить вялое правительство И. Нады, которое не справилось с наведением порядка, создать новое, более адекватное сложившейся обстановке правительство во главе с Я. Кадаром (1–2 ноября его уговорили возглавить новое правительство) и восстановить мир и порядок в стране. Причем в одном из первых вариантов состава правительства просматривалось место и для бывшего премьера.

В итоге венгерская революция (или восстание) умерла, не расправив крылья. Ее подавила вторая интервенция вооруженных сил СССР, начавшаяся 4 ноября и поддержанная странами народной демократии, включая Китай и Югославию*. Запад не вмешивался в события, происходящие внутри советской зоны влияния, но по линии пропагандистских акций и в ООН подверг резкой критике политику Советского Союза.

Как все это сейчас оценивать? Для Венгрии 23 октября — это национальный праздник, день революции и борьбы за свободу. Иные точки зрения высказать публично в современной Венгрии практически невозможно, знаю об этом на основе личного опыта, попытавшись — и безуспешно — издать в Будапеште свою книгу «Второе “освобождение” Восточной Европы» (М., 2016), содержащую отдельную главу о событиях осени 1956 г.

В России есть позиция официальной власти — Россия не несет ответственности за ошибочные шаги Советского Союза в Венгрии в 1956 г., но моральную вину ощущает. В.В. Путин во время визита в Венгрию в феврале 2006 г. осудил решение советского руководства о вводе советских войск в Венгрию. Он призвал уделять больше внимания строительству современных российско-венгерских отношений (кстати, в свое время М.С. Горбачев также осудил советскую интервенцию, но долго уклонялся от высказывания окончательной оценки, причем, по свидетельству Э.А. Шеварднадзе, последним доводом для него послужило осуждение ввода войск в Венгрию, сделанное его политическим соперником Б.Н. Ельциным).

Позиция российского руководства понятна. События 1956 г. все более отдаляются от нас, а молодежь, как и везде, имеет смутное представление о недавних, пусть и исторических событиях. Но для ученых открыто поле для исследовательской работы.

В российском обществе, познавшем, так сказать, на собственной шкуре события 1991 г. и наблюдавшем несколько «цветных революций», особенно на Украи-

* Позиция в тех условиях руководства Польши на основе документов находит отражение в статье В.В. Волобуева «Польша и венгерское восстание 1956 года», публикуемой в настоящем сборнике. (Прим. отв. ред.).

не, существуют и иные оценки, особенно среди зрелого, пожилого поколения. Действия Советского Союза в тот период многими людьми признаются оправданными. Социалистический строй надо было спасать. Нельзя было позволить разрушить Варшавский договор (за венграми последовали бы поляки и т. д.). В те годы НАТО окрепла за счет приема ФРГ. В более широком смысле выход Венгрии из народно-демократического лагеря грозил разрушением Ялтинско-Потсдамской системы. Геополитические последствия представлялись слишком серьезными.

Оглядываясь на эти события шестидесятилетней давности, нельзя не отметить, что в интересах модернизации социализма надо было энергичнее освободиться от сталинских «болячек» на теле социализма. Но этими проблемами в правящих компартиях занимались меньше, чем следовало бы. Внутри КПСС, особенно в верхушке, после XX съезда еще шли размышления и дискуссии, процесс десталинизации только начинался, да и протекал он очень противоречиво.

Н.С. Хрущева сдерживали веские внутривластные и внутривластные соображения, не позволявшие ему, в отличие от М.С. Горбачева, провозглашать «свободу выбора» странам Восточной Европы. На дворе был только 1956 год. Суммируя, можно сказать, что интересы сторон тогда не совпадали. Очевидно, что в оценках прошлого наблюдаются разногласия и сейчас, хотя акцент в дискуссиях перенесен при поддержке В.В. Путина и премьер-министра В. Орбана на углубление двустороннего сотрудничества.

Национальный интерес венгров не нуждается в разъяснениях. Понятны их эмоции. Для нас, правопреемников бывшего СССР, всё выглядит сложнее. Осенью 1956 г. нельзя было медлить, внешнеполитические интересы СССР требовали занять четкую прагматическую позицию. Некоторые страны-союзницы готовы были выделить свои войска в помощь Советской армии. Но советские руководители, проморгавшие столь значительное ухудшение обстановки в Венгрии (хотя имели место предупреждения о том, что на весах оказалась судьба социализма в этой стране), не захотели ввязываться в коллективную акцию с соцстранами и решили быстрее самостоятельно покончить с венгерским восстанием. К этому времени было ясно, что первый ввод советских войск 24 октября существенных перемен в обстановке не принес. Командование новой операцией «Вихрь» было возложено на маршала И.С. Конева, главкома Объединенных вооруженных сил ОВД, разместившего свою ставку в городе Сольноке.

Суэцкий кризис также подталкивал Москву к более быстрым действиям. Что касается венгерских коммунистов, сохранивших верность пролетарскому интернационализму и дружбе с СССР, то они понимали, что выступление советских войск позволяет избежать дальнейшего обострения, устраняет очаг напряженности в Европе. Во всяком случае, Я. Кадар не раз недвусмысленно высказывался о том, что своевременная помощь СССР пресекла развитие событий по наименее благоприятному сценарию, вплоть до гражданской войны.

Здесь очень важно было бы напомнить, что Я. Кадар согласился возглавить новое правительство при условии, что оно не превратится в советскую марионетку и советские партнеры перестанут вмешиваться во внутренние венгерские дела и при этом ориентироваться только на одну узкую группу венгерских коммунистических деятелей, т. е. на Ракоши и его сторонников «москвитов». Он говорил о неизбежном падении престижа коммунистов. Я. Кадар выступил

с лозунгом «борьбы на два фронта», т. е. против догматических искажений и преступлений, а также против ревизионистских подходов. Известно, что в тех конкретных условиях Москва, имевшая разногласия с руководством Союза коммунистов Югославии и выступавшая с критикой югославского «ревизионизма», в первую очередь напирала на борьбу с ревизионизмом.

Вопреки некоторым упрощенным трактовкам, бытующим сегодня в Венгрии, Кадар был уверен в том, что консолидация обстановки в стране связана прежде всего с достижением общественного согласия, взаимопонимания между народом и правящей партией. Наказание преступников и оступившихся было только частью проблемы восстановления законного правопорядка. Коммунисты, стоявшие во главе страны, извлекли уроки из событий 1956 г. и за 30 последовавших лет значительно преуспели в создании венгерской модели социализма. Ее существенным элементом была гибкая, либеральная культурная политика. На все съезды ВСРП и Отечественного народного фронта приглашались ведущие представители интеллигенции, особенно писатели, с ними отдельно не раз встречался Я. Кадар.

В аграрной политике были осуществлены наиболее значительные перемены с учетом неудачного опыта коллективизации 1950-х годов, упор делался теперь на добровольность вхождения крестьян в кооперативы, их материальную заинтересованность. В новых условиях политику ВСРП вообще отличал более широкий и прагматический подход ко всему кооперативному сектору — не только в сельском хозяйстве, но и в торговле, строительстве, легкой промышленности и сфере обслуживания. В сельскохозяйственных кооперативах активно использовался труд старых специалистов, в том числе кулаков. Серьезную помощь дотациями оказывало государство. Велика была роль приусадебных хозяйств в росте жизненного уровня населения.

Стремление к повышению эффективности сельского хозяйства не означало отказа от индустриализации, однако темпы ее снизились. Большое внимание уделялось расширению внешнеэкономических связей. На всех этапах истории СЭВ участие Венгрии в деятельности этой организации отличалось — в той мере, в какой это было возможно в тех или иных конкретно-исторических условиях — рыночными подходами.

Нельзя забывать о том, что благодаря успехам в достижении согласия с венгерским обществом, которое в целом одобрительно относилось к политике Я. Кадара, была преодолена внешнеполитическая блокада Венгрии, восстановлен ее международный авторитет.

Предметом национальной гордости для венгров была экономическая реформа 1968 г. Ею гордились не только ее инициаторы (Р. Ньерш, Е. Фок, Л. Фехер и др.), но и оппоненты Я. Кадара, который санкционировал это преобразование и нес политическую ответственность за его успех. Реформа вобрала в себя опыт и других социалистических стран. Серьезным фактором в процессе ее осуществления, особенно на первом этапе, выступила советская помощь (сырье, зерно, энергоносители, кредиты). Причем Москва не искала экономической выгоды для себя. Считая приоритетом стабильность внутренней ситуации в Венгрии, советское руководство закрывало глаза на то, что венгры зачастую поставляют лучшие из произведенных ими товаров на Запад, а не в СССР, и, более того, приторговывают излишками советской нефти, запрашивают в СССР сырую

нефть, чтобы, переработав ее, выгодно торговать нефтепродуктами на европейском рынке.

Одним из последствий экономической реформы явилось усиление противоречий в венгерском обществе и внутри ВСРП, прежде всего по вопросам частной собственности. Этим объяснялся удар по реформе слева в 1972 г. со стороны руководства КПСС и собственной венгерской «рабочей оппозиции». В Москве опасались ослабления руководящей роли ВСРП. Я. Кадар, заручившийся поддержкой Л.И. Брежнева, сумел сманеврировать, произвел смену руководящих кадров, прежде всего в сфере экономической политики, сохранив свои лидерские позиции.

Надо иметь в виду, что поступательное повышение уровня жизни населения оставалось в условиях кадаровского правления важным политическим фактором, одним из главных гарантов достигнутого национального единства. Поскольку в изменившихся внешнеэкономических условиях 1980-х годов обеспечивать его уже не удавалось, происходил подрыв общественного доверия к ВСРП и лично Яношу Кадару — к тому же он правил три десятилетия, и в обществе возникло вполне естественное ожидание перемен. Связанные с Кадаром и его командой прежние механизмы сохранения экономической и политической стабильности начали давать сбой. Хотя попытки молодых политиков ВСРП (К. Грос, И. Пожгаи и др.) дать ответ на новые вызовы не были удачными, они одновременно означали окончание целой эпохи в венгерской истории, связанной с именем Яноша Кадара.

Вместе с тем опыт кадаризма как венгерской модели социализма с присущим ей набором инструментов политтехнологии predetermined (что очень важно!) мирный и плавный переход страны на новую орбиту развития. Можно выразить надежду, что свободное от насилия и революций эволюционное развитие Венгрии сохранится и в будущем в интересах ее народа.

Сам Янош Кадар, один из выдающихся коммунистических политиков второй половины XX в., в конце своего пути, насколько известно из его высказываний в беседах с журналистами, считал главными своими достижениями сохранение народного строя в 1956 г. и отпор тому, что он продолжал называть контрреволюцией, социалистическое переустройство села на новых, более эффективных основах и экономическую реформу 1968 года.

Примечания

- 1 О тактике командования Особого корпуса советских войск в Венгрии относительно взаимодействия в сложившихся условиях с венгерской армией, союзницей по ОВД, дают представление мемуары генерал-лейтенанта Е.И. Малашенко, осенью 1956 г. и.о. начальника штаба Особого корпуса: *Малашенко Е.И.* Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. № 10–12; 1994. № 1. (*Здесь и далее прим. отв. ред.*)
- 2 См. важный источник, мемуары начальника будапештской полиции Ш. Копачи, осенью 1956 г. перешедшего на сторону повстанцев (позже, после амнистии, эмигрировал на Запад): *Kopácsi S. Életfogytiglan.* Budapest, 1989.
- 3 Текст выступления Й. Миндсенти по венгерскому радио в 20 часов вечера 3 ноября 1956 г., в самый канун решающего советского военного вторжения, опубликован и на русском языке. См.: ССВК. С. 538–541.

Список основных сокращений

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва

АП РФ — Архив Президента Российской Федерации, Москва

ВПТ — Венгерская партия трудящихся

ВСРП — Венгерская социалистическая рабочая партия

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

МАЮД — Международная ассоциация юристов-демократов

МГОУ — Московский государственный областной университет

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории, Москва

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва

ССВК — Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Отв. ред. Т.М. Исламов, И. Вида; редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Серета, А.С. Стыкалин. М., 1998.

ЦГА Москвы — Центральный государственный архив Москвы

AJ — Архив Југославије / Arhiv Jugoslavije, Београд

ЦДА — Централен държавен архив на Република България, София

MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest

NARA — National Archives and Records Administration, Meryland, USA

Сведения об авторах и редакторах

АКСЮТИН Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России исторического факультета Московского государственного областного университета.

АРИСТОВ Вадим Владимирович — журналист, историк.

БЕЛЕНКИН Борис Исаевич — член правления «Международного Мемориала».

БОТТОНИ Стефано — доктор наук (PhD), старший научный сотрудник Института истории Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук (Будапешт).

БЕРГУН Артём Сергеевич — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

ВОЛОБУЕВ Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.

ВОЛОКИТИНА Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, заведующая отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН.

ГЕРАСИМОВА Ольга Геннадьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры Отечественной истории XX—XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

ГИБИАНСКИЙ Леонид Янович — старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.

ГУСЕВ Юрий Павлович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.

ЕДЕМСКИЙ Андрей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.

КАЗИМИРОВ Владимир Николаевич — чрезвычайный и полномочный посол в отставке, заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации.

КОСТРИЦ Анна — доктор наук (PhD), руководитель Архивного института Венгрии в Москве.

- Кишш-Фёльдвари Река* — доктор наук (PhD), председатель Комитета национальной памяти Венгрии (Будапешт).
- Лагурев Алексей Сергеевич* — аспирант философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
- Мико Жужанна* — доктор наук (PhD), заместитель директора Венгерского национального архива (Будапешт).
- Мурашко Галина Павловна* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН.
- Мусатов Валерий Леонидович* — кандидат исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке. Заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации.
- Прозуменшиков Михаил Юрьевич* — кандидат исторических наук, зам. директора Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).
- Сабо Чаба* — хабилитированный доктор наук (Dr. habil.), директор Венгерского национального архива (Будапешт).
- Селиванов Игорь Николаевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета Курского государственного университета.
- Середа Вячеслав Тимофеевич* — переводчик, литературовед, независимый исследователь.
- Степанов Алексей Сергеевич* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.
- Стыкалин Александр Сергеевич* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.
- Хаванова Ольга Владимировна* — доктор исторических наук, заместитель директора Института славяноведения РАН.
- Хорват Миклош* — хабилитированный доктор наук (Dr. habil.), профессор Католического университета имени Петера Пазманя (Будапешт).
- Шереш Аттила* — доктор наук (PhD), старший научный сотрудник Института истории Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук (Будапешт).
- Якименко Оксана Аркадьевна* — старший преподаватель кафедры финно-угорской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научное издание

**Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели,
международными межблоковыми отношениями**

Корректор *Г.В. Засыпкина*
Оригинал-макет *Л.А. Философова*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 01.11.2018
Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23
Тираж 500 экз. Заказ № 1525

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86